

Густав ШПЕТ:

Философ в культуре
Документы и письма

РОСПЭН
Москва
2012

Российские
Пропилен

Серия основана в 1998 г.

В подготовке серии принимали участие
ведущие специалисты
Центра гуманитарных
научно-информационных исследований
Института научной информации
по общественным наукам,
Института философии
Российской академии наук

УДК 1(091)

ББК 87.3

Г93

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 12-03-16035д*

Главный редактор и автор проекта «Российские Пропилеи» С. Я. Левит

Редакционная коллегия серии:

Л. В. Скворцов (председатель), В. В. Бычков, Г. Э. Великовская,
И. Л. Галинская, В. Д. Губин, П. С. Гуревич, А. Л. Доброхотов,
В. К. Кантор, И. А. Осинская, Ю. С. Пивоваров,
Г. С. Померанц, А. К. Сорокин, П. В. Соснов, Т. Г. Щедрина

Комментарии, археографическая работа, вступительная статья

Т. Г. Щедрина

Художник П. П. Ефремов

Густав Шпет: Философ в культуре. Документы и письма /

Г93 отв ред.-сост. Т. Г. Щедрина. — М. : Российская политическая
энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 676 с. — (Российские
Пропилеи).

ISBN 978-5-8243-1742-8

Настоящим томом продолжается издание сочинений Густава Густавовича Шпета. В нем содержится целостный массив переписки Г. Г. Шпета с русскими философами, писателями, литературоведами, лингвистами, театральными деятелями, переводчиками XX века (А. Белым, Л. Я. Гуревич, В. Н. Ивановским, Е. Лундбергом, П. Н. Сакулиным, А. К. Соловьевой, К. С. Станиславским, Г. И. Челпановым, Б. В. Яковенко и др.). Интеллектуальное наследие этих «культурных героев» и сегодня остается важнейшим элементом отечественной гуманитарной науки и российского культурно-исторического сознания в целом. В книге также представлены документы, раскрывающие контексты писем: протоколы заседаний, стенограммы обсуждений, тезисы докладов, вложенных в письма. Все письма и документы обстоятельно прокомментированы.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся проблемами философии, отечественной истории и культуры.

УДК 1(091)

ББК 87.3

ISBN 978-5-8243-1742-8

© Левит С. Я., составление серии, 2012

© Щедрина Т. Г., составление тома, комментарии,
вступительная статья, археографическая работа,
2012

© Пастернак Е. В., Шторх М. Г., наследники, 2012

© Российская политическая энциклопедия, 2012

*К 75-летию
со дня трагической гибели
Густава Шпета
16 ноября 1937 года*

Татьяна Щедрина
**Эпистолярное наследие
Густава Шпета
как «архив эпохи»**

Густав Густавович Шпет долгое время отводил биографическому методу служебную роль. Он довольно «аисторично» относился и к собственному эпистолярному наследию, даже просил своих адресатов, чтобы его письма уничтожались. Такое отношение к письмам сложилось у него после первого обыска и ссылки в Херсон в 1899 году. При этом, его неоднозначное отношение к эпистолярному наследию коренилось не только в его экзистенциальном опыте, но и в научных и философских идеалах. Он и к истории относился несколько отстраненно, как к предмету философского анализа. Такое отношение и к истории, и к письмам сохранялось у Шпета на протяжении практически всей его философской жизни.

Однако, обращаясь к О. Л. Книппер-Чеховой (8 марта 1935 года, за неделю до ареста) по поводу изданной ею *Переписки* с А. П. Чеховым, Шпет писал: «Я читал Вашу с Антоном Павловичем книгу — мало сказать с волнением: как ни дороги мне оба автора, как ни радостно было увидеть их еще в новом, интимном, свете — этим не исчерпывается впечатление от книги — будоражащая, вызывающая <толчки> сердца, выгоняющая наружу собственные воспоминания... Как, что и почему.. Об этом тоже можно написать книжку! И думаю, что не только личное. Ведь лично я знаю и люблю Ольгу Леонардовну; Антона Павловича я лично не знал. Но оба они перенесли свои личности в искусство и, читая книгу — может быть, это не покажется Вам странным — я ощущал эти личности в их художественном воплощении. Так же должен воспринять содержание *Переписки* и наш современный, по сравнению с нами такой молодой читатель, для которого вы оба — самая настоящая история, без понимания коей ему современным нельзя называться. “Факты” он узнает и по другим книжкам, а такие книги, как ваша Переписка, нужны именно для понимания. Как Вы хорошо сделали, что издали переписку, игнорируя возможность каких-либо пошленьких толкований и домыслов».

Этот том посвящен эпистолярному наследию Г. Г. Шпета и его собеседников. Он возвращает нас в историю, без понимания которой мы не можем до конца осознать себя современными. Как Шпет когда-то увидел в *Переписке* Ольги Леонардовны и Антона Павловича «личности в их художественном воплощении», так и мы сегодня в этом томе можем увидеть Густава Густавовича в культурно-историческом окружении. Письма позволяют нам реконструировать шпетовскую эпоху в ее бытовых, социальных, политических, философских, научных и культурных контекстах. Фактически эта книга погружает нас в архив эпохи — в исторический мир, который показывает нам, что наш мир — такой понятный и сам собой разумеющийся — историчен, что были другие миры и эпохи, которые так же казались себе самими собой разумеющимися.

Архив эпохи может быть охарактеризован, говоря словами Шпета, как «динамический коллектив, не имеющий своей собственной организации, потому что он не имеет сколько-нибудь устойчивых членов и элементов; они находятся как бы в “текущем” состоянии, непрерывно сменяют друг друга, появляются и исчезают»¹. Действительно, архив эпохи «живет “своей” жизнью, но всякая попытка фиксировать хотя бы один момент в нем необходимо требует соотнесения этого момента к вещам и отношениям, находящимся вне этого коллектива. Ни один момент не “действует” здесь в собственном смысле, а только “участвует” в целом, будучи направлен на нечто “вне” себя и целого»². Шпет назвал такой коллектив «коллективом типа».

Войти в «архив эпохи» можно через любой архив того или иного представителя конкретного исторического времени. Но на опыте скажу, что наиболее интересными в качестве «архивов эпохи» становятся архивы тех людей, которые находились на перекрестке путей развития науки и философии, определяли тематику и задавали проблемные поиски своего времени.

В процессе работы с эпистолярным наследием Шпета невозможно не обратить внимание на документы, имеющие лишь косвенное отношение к его экзистенциальной истории, к развитию его концептуальных установок и проблематики, и свидетельствующие о его научно-организаторской деятельности. Эти документы приобретают свою актуальность именно в ракурсе «архива эпохи»: переписка с предполагаемыми авторами ежегодника «Мысль и Слово», журнала «Психологическое обозрение»;

---

¹ Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию // Шпет Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды. М., 2006. С. 475.

² Там же.

обсуждение уставов научных и философских сообществ, научных институтов, словарей философских и эстетических терминов, литературных энциклопедий. Такой значительный пласт эпистолярного наследия отнюдь не случаен. Он свидетельствует о широком спектре научной и философской деятельности Густава Шпета, не сводимой только к написанию научных и философских трудов. Он был не только философом, ученым, писателем и переводчиком, но и профессиональным модератором¹ философского и научного знания. Но книга эта представляет не только Густава Шпета, несмотря на то, что архив именно этого мыслителя находится в ее основании, но и его собеседников: *философское и культурное самосознание эпохи*, схваченное в письмах.

В контексте историко-философском или в контексте истории идей «архив эпохи» — это определенный массив документов, найденных в различных архивах, но составляющий некоторое целостное идейно-духовное образование. Мне хотелось собрать все, известные сегодня, эпистолярные свидетельства, раскрывающие связи и отношения Шпета на протяжении всей его жизни. Для осуществления этой цели требовалась работа в разных архивах России (ОР РГБ и РГАЛИ, ЦИАМ, ЦМAM), Украины (ДАМК), Швейцарии (архивы, хранящиеся в библиотеке Женевского университета) и Франции (архивные фонды библиотеки Сорбонны). Я работала также с семейным архивом Шпета и с частными собраниями его собеседников. Думаю, что этот том эпистолярного наследия может выступать как коммуникативный контекст, в который необходимо погрузить устоявшийся сегодня комплекс идей и представлений, содержащийся, как правило, в опубликованных текстах Шпета и его собеседников.

Современная ситуация в исследованиях, посвященных истории русской философии свидетельствует о том, что для творче-

---

¹ В русском языке есть такое слово, как «организатор», т. е. «человек, который организует, устраивает или создает, основывает что-либо». Цит. по: Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 2. М., 2003. С. 65. Однако это слово имеет сегодня ряд негативных коннотаций, связанных с формально-процедурными элементами чиновничьих обязанностей и в настоящее время часто употребляется с пренебрежительным оттенком. Можно, конечно, было бы употребить единственный синоним этого слова, — «устроитель», — но и оно, к сожалению, не обладает достаточной емкостью. Поэтому я употребляю широко используемое сегодня понятие «модератор», в котором концентрируются функции не просто внешнего, по своей сути, посредника, председателя, регулятора или «творца», но, говоря словами М. Л. Гаспарова, «хорошего редактора, который улучшает чужое, не навязывая своего, или знающего свое дело библиотекаря, который вовремя посоветует нужную книжку», т. е. профессионала в той области знания, в которой он ведет «устроительскую» деятельность. Цит. по: *Автономова Н. С. М. Л. Гаспаров: свой путь в науке // Стих, язык, поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006. С. 14.*

ского продолжения русской философской традиции необходима не только публикация завершенных рукописей, но и проблемное осмысление целостного массива архивного наследия мыслителя в социокультурном контексте эпохи (в контексте «архива эпохи»), предполагающее серьезную реконструктивную как аналитическую, так и герменевтическую работу с черновиками, конспектами, рабочими материалами и письмами. Ведь именно в таких — дополнительных, неглавных, на первый взгляд, — материалах таится не только понятийное богатство, но и множество идейных возможностей, не осуществившихся в силу тех или иных причин. Тем более что эти тексты были изъяты из «большого контекста» культуры, были лишены свободного обсуждения и критического переосмысления в философском сообществе.

Ведь очень часто несколько ничего не значащих строк письма становятся для историко-философского исследования ключевыми. За датами той или иной записки скрываются особые историко-комментарии, которые иной раз оказываются длиннее, чем само письмо, а порой даже длиннее, чем жизнь пишущего.

О чем, к примеру, может поведать отдельная подпись на официальной издательской повестке? Кажется, что это только росчерк пера, свидетельствующий о необходимых канцелярских формальностях. Директора издательств, секретари, юрисконсульты, редактора, члены комиссариатов... И если воспринимать их только как нечто внешнее, то можно пройти мимо истории. А можно увидеть за ней человека со своей судьбой. И тогда подпись «Аршон» скажет гораздо больше, чем просто «директор Технико-теоретического издательства». Мы увидим Самуила Ефимовича Аршона — профессионального математика, для которого было важно донести до простых людей труды Ньютона и Галилея. Большинство таких людей, как Аршон, сгорели в котле репрессий.

В письмах «неизвестных» авторов — как, например, собеседник Шпета Николай Нечипорович — раскрывается культурно-историческое сознание того времени. О чем мечтали молодые люди начала XX века, каковы были их социальные идеалы, каков был уровень их образованности, какие предметы и в каком объеме изучались в университетах того времени? На эти вопросы можно получить ответ не только из официальных документов, изучая программы курсов или конспекты лекций, но и из эпистолярного наследия, где уровень образованности запечатлевается в индивидуальном стиле выражения. Особенно важно для нас сегодня знать, что образованные молодые люди (как Н. Нечипорович) в начале XX века мечтали о том, чтобы в России сложилось гражданское общество, способное к единению не только под воздей-

ствием государственных праздников и событий, но и само по себе, изнутри, в процессе культивирования гражданских программ. Эта мечта выразилась в рассказе Ничипоровича о празднике «белого цветка», когда бумажная ромашка, которую продавали на улицах города в целях сбора средств для больных туберкулезом, становилась знаком милосердия, объединяющим людей самых разных социальных слоев и возвращающим обществу целостность. Проблема не менее остро стоящая сегодня, чем тогда.

Эти истории — своего рода микроисследования, разворачивающие современных гуманитариев в сторону осмысления субъективности. Именно к этому приходит Шпет, уже находясь в ссылке. «Я воображал, — признается он своему другу Любови Яковлевне Гуревич, — что выполняю кому-то нужную работу, — нет, не “кому-то”, а людям страны, в которой родился, воспитался и культурном содержании которой вырос. И из-за этой работы я отказывал себе — и часто этим обижал близких и дорогих мне — в том, что, может быть, есть самое ценное, — в обычном общении с теми, кто влекся ко мне и к кому мое сердце влеклось... <...> Как я мог раньше уходить от этого и даже отталкивать это во имя каких-то мнимых, воображаемых “объективностей”?»¹. Это изменение позиции Шпета чрезвычайно значимо для нас сегодня. Наверное, мы возвращаемся в историю. И чтобы этот процесс шел успешно, личностный пласт: переписка, фотографии, места захоронений — приобретает особое значение для нас. Это не иллюстрации и не дополнения. Это то, что позволяет нам понять нашу эпоху как историческую.

* * *

В книге — шесть тематических разделов, в каждом из которых представлены сферы общения Густава Шпета. В первом собраны письма (переписки и отдельные записки) друзей и коллег Шпета. Здесь содержатся также письма, в которых перекликаются разные темы и отношения на протяжении всего жизненного пути, и отнести их в какой-то определенный раздел было затруднительно. Во втором — представлен преподавательский круг: деловые письма из разных университетов, письма учеников. В третьем — письма, тематически связанные с Государственной академией художественных наук, а в четвертом — с Московским Художественным Академическим Театром. В пятый раздел вошли письма, в которых раскрывается издательская деятельность Шпета. В шестом

---

¹ Письмо Г. Г. Шпета к Л. Я. Гуревич от 7 сентября 1935 года // Шпет в Сибири: ссылка и гибель. М., 1995. С. 56. См. также наст. изд. С. 199.

разделе публикуются различные документы, которые были либо приложены к письмам (стихи, переводы, конспекты докладов, энциклопедические статьи), либо сохранились отдельно (протоколы и стенограммы заседаний, газетные вырезки и т. д.). Но и те и другие проясняют контекст писем.

Работа над этим томом велась с разной степенью интенсивности в течение десяти лет. Но и сегодня я не могу сказать, что удовлетворена результатом ее на 100 процентов. Еще много впереди неясного и нерешенного. Архив — феномен исторический, он находится в постоянном движении, это неставшее бытие. И настоящий том — только попытка войти во время, погрузиться в поток истории через отдельные документы, чтобы актуализировать важные для нас сегодня события и факты.

* * *

От всей души хочу поблагодарить Бориса Исаевича Пружинина — самого близкого друга и собеседника.

С чувством глубокой признательности благодарю Марину Густавовну Шторх и Елену Владимировну Пастернак за предоставление материалов семейного архива Г. Г. Шпета и поддержку всех моих начинаний.

С любовью и теплотой я хочу сказать спасибо за помощь в работе над томом моим молодым друзьям — студентам и аспирантам ГАУГН Павлу Александрову, Оксане Веселовой, Андрею Кравченко, Рустаму Сабанчееву, Анастасии Шушкиной, Ирине Щедриной.

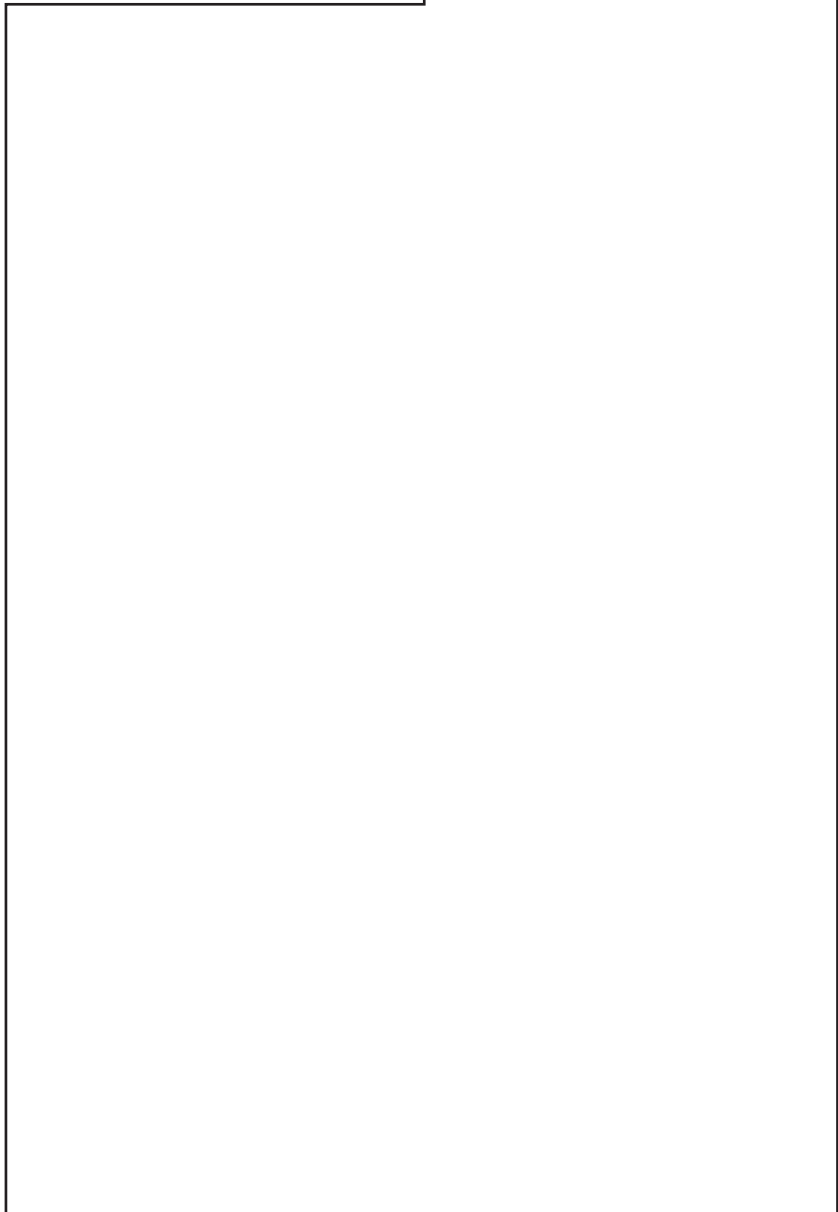
От всей души благодарю Светлану Яковлевну Левит за те издательские усилия, которые она вложила в издание восьми томов собрания сочинений Г. Г. Шпета.

Благодарю сотрудников НИОР РГБ, РГАЛИ, Музея МХАТ за содействие в подготовке этой книги. При этом с горечью скажу, что плачевное материальное состояние библиотек и архивов, о котором писал Шпет в «Очерке развития русской философии» в 1922 году, сохраняется и сегодня несмотря ни на какие «информатизации». А ведь это — историческое основание русской интеллектуальной культуры.

Выражаю сердечную признательность всем моим друзьям и коллегам-исследователям — философам, историкам, архивистам, филологам, лингвистам, литературоведам, живущим в России, Франции, Германии, Швейцарии, за квалифицированные научные советы, а также Российскому гуманитарному научному фонду, без финансовой поддержки которого эта книга не была бы подготовлена и не увидела бы свет.

Раздел I

Друзья и коллеги

Айхенвальд Ю. — Шпету Г.

13 июля 1903 года

Киев, Костельный пер.
ЕВР Густаву Густавовичу Шпету

Милостивый государь, Густав Густавович!

Секретарь редакции «Вопросов философии», отсутствуя из Москвы, просил меня рассмотреть Ваши заметки для библиографического отдела «Вопросов». Я это сделал и уведомляю Вас, что они могут быть приняты. Но только в журнале существует правило, чтобы рецензии подписывались не псевдонимом, а полной фамилией их автора.

С почтением,

Член редакционного комитета «Вопросов философии»

Ю. И. Айхенвальд.

9 мая 1907 года

Киев, ул. Владимирская, 71, кв. 3.
ЕВР Густаву Густавовичу Шпету

Очень благодарен Вам, многоуважаемый Густав Густавович, за любезную присылку Вашей книги.

На днях я получил от Г. И. Челпанова письмо о Вашем желании переехать в Москву (еще раньше мне об этом говорила В. С. Костромина). Поверьте, все возможное для меня я сделаю, чтобы помочь Вам найти занятия. И я несколько не сомневаюсь, что скоро найдутся для Вас уроки и лекции.

Всего лучшего!

С искренним уважением, *Ю. И. Айхенвальд*

13 июля 1912 года

Можайск, Московской губернии, имение Ильинское.

Какой Вы чудак, дорогой Густав Густавович! Где вы насчитали «сумму» моих неудовольствий против Вас? Было у меня *одно* неудовольствие, и я его от Вас не скрыл. Это, что Вы бросили Педа-

гогические курсы. Во всем же остальном «пребываю к Вам неизменно благосклонен»...

Ваше письмо меня прождало несколько дней. Я был в Саратове, читал на курсах для народных учителей, потом это же проделал в Москве, сегодня лишь, 12 (а по Вашему, по бусурманскому — 25 июля, приехал в деревню, где и застал Ваши строки.

У меня не осталось ни одного экземпляра моего «Вступления», и нет у меня здесь в приличном виде моих «Силуэтов». Но я одновременно пишу одной знакомой курсистке, у которой экземпляр «Вступления» — правда, не сброшюрованный — есть, и я прошу ее немедленно послать Вам его в Гёттинген. Она это, наверное, сделает. А Вы — будьте добры — по миновании надобности пришлите его мне для возвращения по принадлежности¹. Знаете, я уверен был, что оттиск «Вступления» (только оттиски и были, не для продажи) я Вам своевременно преподнес! Живется Вам, надеюсь, хорошо? Мой поклон Марии Александровне. Жму Вашу руку, преданный Ю. Айхенвальд.

Белый А. и Шпет Г.

Белый — Шпету

15 октября 1916 года

Москва, Его Высокородию Густаву Густавовичу Шпетту
Большая Царицынская, д. 7.

Дорогой Густав,

Я не сообразил, что мы не увидимся до воскресенья, а потому и не уведомил тебя, что в воскресенье я читаю свою повесть «Котик Летаев» у Григоровых (Кудринская Садовая, д. 6, кв. 2) в 8 1/2 час. Я *не приглашаю Тебя*, ибо полагаю, что выслушивать чужое чтение тяжело; но меня именно просили (Гершензон и кое-кто другой); поэтому я подчиняюсь просьбе и читаю. Если Ты в воскресенье вечером свободен и вдруг захочешь быть на чтении, я, разумеется, был бы рад... Будут: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Л. И. Шестов и кое-кто еще. Очень хотелось бы повидаться: надеюсь, — в конце той недели...

Остаюсь искренне преданный

Борис Бугаев.

¹ Аргументацию Вы найдете у меня не очень строгую.

Белый — Шпету

10 декабря 1916 года

Москва, Его Высокородию Густаву Густавовичу Шпетту
Большая Царицынская, д. 7.

Дорогой Густав Густавович, я буду у Тебя на днях вечером, но в понедельник не буду: ужасно устал от Москвы, и лишний рабочий день в Посаде страшно укрепляет. Решил остаться до среды. В среду, четверг или в пятницу буду у тебя. Если не застану, опять зайду. Ужасно извиняюсь. Остаюсь искренне Тебя любящий

Б. Бугаев.

Белый — Шпету

1 апреля 1933 года

Москва

Дорогой Густав Густавович, давно собираюсь Тебя разыскать, — не потому только, что хотелось бы встретиться и побеседовать (что само собою), а потому, что надеюсь получить от Тебя совет; и даже, может быть, кое в чем помощь, — не мне, а моему другу А. С. Петровскому.

Вот в чем дело: он отбывает в Конце; и срок ему сокращают как ударнику (геологическая разведка при прорытии Канала, соединяющего Белое море с Балтийским). Через 1 — 1 ½ месяца он будет свободен. Невский (его начальник), конечно, вернул бы его в Ленинский музей, считая его незаменимым работником (ведь он там служил более 25 лет), но навстречу — паспортизация, и, стало быть, в Москве ему не быть (вероятно, — «минус 12»), Ввиду того, что он дружен очень с сестрой моей жены, живущей очень одиноко в Лебедяни (она — больна, одна), он в случае невозможности удержаться в Москве мог бы жить в Лебедяни, если бы нашел себе перевод; переводчик он незаменимый, — тонкий стилист (со вкусом); некогда у нас в «Мусагете» он редактировал все переводы (и в том числе Рачинского — «всегда»); лучшего переводчика трудно себе представить. Знает он в совершенстве немецкий, но и редактировал французские переводы (и, разумеется, мог бы переводить и с французского).

Вот уже около месяца, как я справляюсь всюду, ища ему перевода: говорил с Цявловским, Воронским, Эфросом; и мне сказали, что можно обратиться к Тебе, ибо Ты в прямом контакте с «Academia». Вот я и обращаюсь к Тебе с огромной просьбой: по возможности помочь А. С. Петровскому в этом деле; этим Ты по-

можешь и моему семейству, ибо дал бы возможность послать А. С. в Лебедянь, куда его тянет.

Мы с женой вынужденно прикованы к Москве и не можем жить около сестры жены, для которой эпоха с сентября до мая — жуткая (одна, больная, без знакомых и помощи); при ней должен кто-нибудь быть. И А. С. согласен туда ехать, но при условии, что сможет там работать (по переводам); там — дыра, и вряд ли ему удастся вне переводов найти работу.

Главное — он переводчик *незаменимый*.

Как хотелось бы с Тобой встретиться! Но я болею (за зиму 5 гриппов, и сейчас сижу еще). Скоро буду телефонировать Лидину: хочу к нему выбраться. Не встретиться ли у него?

Буду ждать ответа в два слова; как с Тобой встретиться? Сейчас я стараюсь вечером никуда не выходить (застарелый сухой катар горла, — источник простуд; еду в мае в Коктебель долечиться).

Остаюсь искренне любящий *Борис Бугаев*.

P. S. Мой адрес: Москва. 121, Плющиха, д. 53, кв. 1 (телефона, увы, нет).

P. S. А. С. переводил Бёме и Шеллинга (для Пути), но перевод не вышел.

Шпет — Белому

14 апреля 1933 года

Дорогой Борис Николаевич,

Ты мне так расписал достоинства Алексея Сергеевича, как будто я его не знаю: знаю, ценю и расположен к нему сердечно. Конечно, очень бы хотелось что-нибудь сделать для него. К сожалению, я лично связан с «Academia» по литературам английской, скандинавским, польской, т. е. для Алексея Сергеевича — неподходящим. Французская в руках А. М. Эфроса, — попробую поговорить с ним. Но лучше всего, думаю, было бы, если бы ты обратился непосредственно к Пшибышевскому, ведающему *немецкой* литературой. Я знаю, что у него распределено еще не все, что принято в плановом порядке. Обратись именно лично — не через посредников, — это — очень культурный и широко образованный человек.

Мне очень и очень хотелось бы встретиться с тобою: у меня всегда были и остаются по отношению к тебе чувства не только преклонения перед твоим словесным даром, но и личной любви. Если будешь сговариваться с Лидиным, скажи, что мы придем вместе, пусть он позвонит мне о дне и часе.

Искренне тебе преданный, *Г. Шпет*

Белый — Шпету

21 августа 1933 года

Москва

Дорогой Густав Густавович,

жена уже известила Тебя о том, какие продукты мы должны Тебе: ибо мы пользовались ими еще до момента, когда узнали о том, что наша книжка поступила Тебе, и, стало быть, продукты мы с точностью готовы Тебе возместить. Ввиду моей болезни, случившейся в Коктебеле (отравление солнцем), я должен прятаться от солнца. Но это лишь повод к тому, чтобы сердечно просить Тебя посетить нас с женой, провести вечерок вместе; о дне легко сговориться (это зависит от Тебя). П. Н. Зайцев будет с Тобой говорить по телефону и меня известит о дне, выбранном Тобой.

Милый Густав Густавович, приходи к нам; кстати, у меня для Тебя — книги, Тебе приготовленные (роман «Маски» и повесть «Крещеный китаец»). Это — один из предложений Тебя залучить к себе; продукты для Тебя готовы; я сам бы их Тебе завез, но в настоящие дни я избегаю солнца и сижу дома.

Передай привет твоей жене и дочке, если они вернулись из Коктебеля, где жили почти рядом и постоянно общались.

Остаюсь искренне преданный

Борис Бугаев

Бердяев С. — Шпету Г.

2 июня <1901 года>

Палиевка

Густав! Как ни приятно было мне, чтоб Саша оказал услугу *лично* Алексею, который в свое время любезно одолжил ему на целые месяцы свое ружье, но в данном случае, я не вижу никакого основания дать револьвер *именно тебе!* Саша, и то *без спросу* в прошлом году сбыл тебе «велодок», чем я, признаться, был совсем недоволен. Теперь нужно дать тебе якобы на месяц, а в сущности, значит, на «вечное отданье», или броунинга, или Смита и Вессона: это будет уже чересчур жирно! Оставаться в глуши без оружия *ради твоих фантазий*, это, знаешь ли, было бы непростительной глупостью, к которой я не чувствую ни малейшей склонности! Вообще я и *принципиально*, и *приватно*, на основании доходящих до меня слухов, крайне тобою недоволен!

Ты, говорят, позволяешь себе покуривать с жандармской сволочью (подлым «глистом» Васильевым и К^о). Не знаю уже, во имя чего делаешься чуть ли не завсегдаем семейства братьев Коп-

пель — и вообще очутился на опасной для идейного молодого человека грани, где теряется сознание разницы между *добром* и *злом* и оправдываются довольно *сомнительные компромиссы*...

Ты безусловно вправе возразить: какое мне дело до твоего «поведения»? Но, хотя я очень мало склонен к менторству и морализированию, отнюдь не считая себя самого святым, — однако же, существуют пределы всякому безобразию! А ты окончательно перестал стесняться: что за гадости ты городил, например, моему Саше о родственной атрофии одних органов у меня и некоего монарха и о том, куда меня следовало бы подпустить? Как тебе не стыдно грязнить *подобным образом* воображение мальчишек! Чистое свинство! Далее: «уроки жизни», преподаваемые тобою девочкам-подросткам, тоже несомненно должны носить мерзейший характер... Имеется еще налицо и многое другое, заслуживающее строжайшего осуждения!.. Говорю я это, потому что когда-то горячо любил тебя индивидуально и ждал хороших результатов от твоей талантливости! Тем обиднее оказалось разочарование...

Не удивлюсь, если ты в конце концов очутишься в компании мерзавца Новицкого в его приватном гареме при Св. Владимирском братстве для соращения евреек в православие!.. В подобные злачные места заводит беспардонная склонность к «жуирству», которой ты предоставлял разнузданную волю над собою!

Я тебе ни «начальство», ни твой нравственный руководитель и не имею *формальных прав* над тобою, но делать *дружественные указания* и давать *братские советы* мне позволяет прежнее теплое отношение к тебе! Опомнись, пока не поздно!

Твой <подпись сильно замазана чернилами>

14 июня 1901 года

Голубчик, Густав,

Страшные неприятности и огорчения последних дней помешали мне ответить на твое письмо *вторично*, ибо, как я сейчас вижу из письма твоего к Елене Григорьевне, мой *первый* ответ, отправленный *простым*, пропал. Повторю вкратце то, что говорил в нем *не в оправдание себе*, а только для *объяснения ничем не вызванного дикого и нелепого моего выпада против тебя*...

Удивляюсь, как ты, зная достаточно меня и невыносимые в общем условия моего прозябания, не понял сам, в чем дело? Переживая снова кризис невыносимой душевной пытки из-за *вынужденного бездействия* своего в заколдованном (по разным причинам) кругу, я лишний раз *потерял* на днях *две возможности* удовлетворить потребность моего в сущности живого и *деятельного* темперамента, когда,

казалось, все уже наладилось окончательно, и мне только оставалось приступить к любимой работе или в одной приволжской крупной газете, или за границей в немецком органе печати. Тут именно подвернулась дурацкая история с револьвером и не менее дурацкий рассказ Саши об «аналогичных атрофиях» у меня и небезызвестного тебе кретина — и я с необузданностью страдающего манией преследования субъекта *сорвал раздражение* на человеке, которого искренно люблю и ценю за многие хорошие качества! Это вышло тем безобразнее, что я поступил подобным образом относительно молодого товарища, которого «травили и травят» буржуазное туполобие и «quasi»-идейный ригоризм как и меня самого в прежние годы! По собственному горькому опыту мог бы судить, как это приятно, в особенности со стороны друзей! Ты еще выносиливее, а мне это буквально отравляло жизнь в свое время! Серьезных принципиальных поводов осуждать твою личность у меня нет, кроме одного случая, как мне казалось, легкомысленного отношения к ближним, хотя

<На этом письме заканчивается. Вторую страницу найти не удалось. На первой странице дописаны последние строки письма:>

Передаю через оказию.

Р. С. «Детям» растолкуй, что писать мне нечего: сам сознаю, что дурака свалил!

Бердяева Е. — Шпету Г.

3 июня <1901 года>

Надеюсь, Гуц, Вы не слишком «убиты» разносом Сергея Александровича. Я знала, что он Вам пишет, но не знала, что именно. Разнести Вас вообще — не вредно, но чтоб уж так очень капитально — не резон. Один Бог без греха, а мы все — грешны, увы! Благородное негодование Сергея Александровича трагических последствий иметь не может, ибо он и сейчас уже вздыхает и находит, что «обидел бедного Гуца». Самое лучшее, если Вы, Гуц, в свободное время приедете на несколько часов в Путиевку. Этот «инцидент» будет исчерпан. Тут уже я разнесу Вас, а за что — узнаете, когда явитесь.

Привет Вам,

<Подпись замазана чернилами>

<около 1901 года>

Гуц, адрес Н. А. — Вологда, гостиница «Золотой Якорь». Прелюдий он не переводит, отказался, он пишет свое и переводить —

для него довольно скучная трата времени. Боюсь, что Ваше письмо может с ним разминуться, он скоро должен быть в Путиевке, хотя все-таки, напишите, авось. Знаю, что кусок Прелюдий собирался переводить сам Струве, но, может быть, тоже раздумал.

Все мои (кроме Саши, Саша говорит, что желал бы Вас вздуть, но это — дело уже ваше с ним, семейное) Вам кланяются. Тюня — бедный страдалец, принимает гваякол словно чахоточный.

До свидания,

Е. Бердяева

Блонский П. — Шпету Г.

Без даты

Визитка П. Блонского

Завтра в пятницу к 8 ½ ч. утра доставить Штадлера. Сегодня Челпанов читает от 6—9 ч. вечера в 11-й аудитории Экспериментальную Психологию.

<1916 год>

Дорогой Густав Густавович,

Посылаю тебе статью. Хочется еще один номер (§ 4), и завтра принесу его тебе. Не прочитаешь ли статью до завтра? Это мой первый чисто философский опыт, и я очень боюсь, что «первый блин комом». Очень хотелось бы слышать твою рецензию и, в зависимости от нее, что-либо предпринять, так как если время терпит, я могу переписать и другую статью (о методах истории философии). Но мне хотелось бы знать твое мнение об этом (и рецензию). Завтра буду у тебя приблизительно в 2—4 часа. Удобно ли?

Твой П. Блонский

<25 августа 1917 года>

Записка

Дорогой Густав Густавович,

Пожалуйста, проверь конец: правда ли, что Озе и Четвериков присудили степень. Резкое вычеркни по своему усмотрению. Плотина получишь 27-го.

Твой П. Блонский

P. S. Мое глубокое убеждение, что работа Шилкарского другой рецензии не заслуживает.

<Конец августа — начало сентября 1917 года>

Дорогой Густав Густавович,

Летние курсы совсем замотали меня, но теперь я вошел в колею. Посылаю тебе стр. 1—50 «Ранняя эллинская философия» (кончая Эмпедоклом). Следующие мои сроки таковы:

- 1) 6-го вечером пришлю тебе статью для сборника (1 ½ листа).
- 2) 8-го принесу лично разбор Попова об Августине (если необходимо раньше повидаться, напиши: я свободен все время).
- 3) 12-го днем дам окончание рукописи «Ранняя эллинская философия».

Что же касается «Confessiones», то они немного задержатся, так как 12—16 я вне Москвы. Таким образом, 18-го я сдам первые книги «Confessiones». Пожалуйста, ответь, нужно ли введение к «Confessiones». Если да, то какого размера и содержания?

«Ранняя эллинская философия» содержит моим почерком ровно 120 страниц. У тебя главы: 1) Рождение философии; 2) Милетский унитаризм; 3) Философская жизнь пифагорейцев; 4) Небо Ксенофана; 5) Мудрость Гераклита; 6) Учение об Абсолюте Парменида; 7) Механистическая философия Эмпедокла; 8) Философия ума у Анаксагора (начало). Дальше следуют: 9) Софистика элеатов; 10) Атомистическая философия; 11) Пифагорейское мирозерцание; 12) Ранняя эллинская философия как введение в философию. Кроме того: 1) примечания и 2) источники и Index. Если стесняют размеры, тогда можно без них, т. е. кончая главой 12 (т. е. моих 100 страниц, или 10 печатных листов). Только предупреди.

Таким образом, к 12-му очнусь от долгов (кроме «Confessiones»).

Как Плотин? Когда выйдет?

Твой П. Блонский

Горнунг Л. — Шпету Г.

23 марта 1927 года

<Записка на бланке с печатью:>

Горнунг

Москва

Дорогой Густав Густавович.

Давно собирался показать Вам свои стихи, потому что многих, кажется, Вы не знаете.

Сейчас я почти не пишу, вернее, совсем не пишу.

Эти относятся к периоду моего очень серьезного писания, и хотелось бы видеть их напечатанными, но, к сожалению, в наши дни это — немыслимо.

Поэтому я буду рад, если Вы проглядите их в таком виде как они есть, — может быть, одно или два Вам покажутся не слишком слабыми, потому что мне самому слишком трудно взглянуть на них объективно.

Уважающий Вас

Л. Горнунг

24 июня 1928 года

<Записка на бланке с печатью:>

Горнунг

Москва

Дорогой Густав Густавович.

По традиции что ли, мне хочется показать Вам эти последние мои стихотворения. Последнее время писалось кое-что.

Л. Горнунг

Дахнович А. — Шпету Г.

7 мая 1915 года

Тургенев, 20, кв. 3.

Здравствуйте, дорогой Густав Густавович!

Спасибо за указание на Лундберга и за «Юркевича». «Юркевича» прочитал, почти все понял и одобрил. Завтра посылаю свою книжку Лундбергу. Как-нибудь прочитаю его книжку о Мережковском (хотя для меня Мережковский давно умер и похоронен). Не попадалось ли вам какой-нибудь рецензии о «Б»? Может быть была рецензия в «Русских ведомостях»?

Всего хорошего! Ваш А. Д.

27 июня 1933 года

Ленинград

Дорогой Густав Густавович,

Недавно на книжном базаре наткнулся на книжку Чемберлена, весьма характерную для некоторых течений в общественной жизни Германии, не только довоенной, но и самоновейшей. Не

думаю, чтобы она Вам понравилась, но некоторый интерес она, надеюсь, представит (может быть, некоторые места во II томе), а если книга не представит, то, может быть, ее автор. В надежде, что Вы хоть что-нибудь найдете в ней интересного, посылаю ее Вам.

После Москвы и Киева (в Киев я ездил всего на три дня) чувствую некоторую усталость. Плохо работается (хорошо, что сейчас нет особенно ответственной работы). Понемножку читаю Кальдерона в немецком переводе Gries'a, между прочим, прочитал эффектной драму «Eifersucht das grösste Scheusal».

Всего хорошего. Жму Вашу руку

Ваш А. С. Дахнович

Зелинский К. — Шпету Г.

4 мая 1920 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович.

Статья «Деморализация культуры» была прочитана в виде доклада в одном эстетико-философском кружке. Она представляет из себя краткий сводный реферат (этим и объясняется ее разнообъемность) других моих работ по специальным вопросам, затронутым в нем. В частности вопросам логики и интерпретации я посвящаю специальное небольшое исследование (4 печатных листа) «Конструктивизм как проблема смысла». Частично оно уже написано. Отнимая у Вас время своей статьей, раз это уже так, я хотел просить Вас дать мне указания, как рекомендацией соответствующей литературы, так и специальными советами и замечаниями по философским вопросам. Особенно мне будут ценны Ваши указания по вопросам логики. Для меня Ваши замечания будут тем более плодотворны, ибо, мне кажется, я отрываюсь от своего учителя, который несколько лет определял направление моих «философствований» и который вытранировал во мне философские навыки — от Шпета.

Я поэтому прошу Вас обратить внимание на ту часть реферата, где я говорил о так называемой инвариантной конструктивной логике.

Я отчетливо вижу все недостатки своей работы. Все это еще незрело, не вылежалось, не продумано до конца. В особенности стиль, конечно, оставляет желать много лучшего.

Писался реферат наспех, без специального подбора литературы и т. д. Я думаю, что Вы простите мне этот грех, но мне бы очень хотелось, чтобы основные мысли, архитектоника, посылки (на которых я настаиваю) привлекли бы Ваше внимание и в особенности, если Вы на полях оставили бы свои заметки.

В заключение я бы выразил желание (если Вы найдете это дельным) выступить в каком-либо философском кружке (семинарии) с Вашим участием для дискуссии и защиты моей интерпретации логических проблем.

С совершенным уважением *Зелинский*

Кистяковский Б. — Шпету Г.

13 ноября 1916 года

Москва

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

В доставленном мне 290 номере «Приазовского края» от 3 ноября 1916 года, в котором напечатана рецензия на мою книгу, есть также рецензия на Вашу книгу. Так как номер этой провинциальной газеты мог и не попасться Вам в руки, то посылаю Вам вырезку с рецензией на Вашу книгу.

Глубоко уважающий и искренно преданный *Б. Кистяковский*

30 апреля 1919 года

Киев, Кузнечная ул. д. 14, кв. 19

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Надеюсь, что это письмо дойдет до Вас, так как теперь устанавливаются более нормальные почтовые отношения. Мне передали запрос Ваш, пересланный Вами в письме сюда: как устроить мою квартиру и кого там поселить?.. Этот запрос меня ставит в очень затруднительное положение. Устраивать какие бы то ни было дела в Москве, живя в Киеве, теперь совершенно невозможно. Такое положение создалось даже не теперь, а более года тому назад. Это практическое положение привело к тому, что целый год, т. е. после отъезда Е. Д. Зайцевой, я не участвовал в устройстве своей квартиры и вещей. Все, кто селился в моей квартире после отъезда Е. Д. Зайцевой, селился без предварительного стовора со мной. Так было с Вольсоном, Лундбергом, Вашей семьей. Я их лично даже никого не знаю. Мне только сообщали, что поселились верные люди, и мои вещи не будут разграблены. Думаю, что и дальше должен соблюдаться тот же порядок, иначе и нельзя установить сейчас.

Поэтому очень прошу Вас позаботиться, чтобы моя бывшая квартира попала в верные руки, а мои вещи и книги не подверглись разграблению. Окажите, пожалуйста, мне эту товарищескую услу-

гу. Мне совестно, что я должен Вас этим затруднить, тем более, что выполнить мою просьбу, может быть, не так легко. Но с одной стороны, мне больше не к кому обратиться, а с другой, — принимая все обстоятельства во внимание, надо признать, что позаботиться о моих вещах до некоторой степени Ваш нравственный долг.

Особенно меня беспокоит участь моей библиотеки. Теперь, когда я уже около двух лет живу в меблированной комнате, плохо приспособленной для того, чтобы быть кабинетом ученого (у меня даже нет письменного стола и я пишу на столе кухонного типа), я особенно чувствую отсутствие своей библиотеки и вспоминаю о ней с особой нежностью. Между тем библиотека особенно легко может подвергнуться разграблению. Кровать или диван не унесешь из квартиры, а книги можно легко уносить, делая это постепенно и незаметно. Таким образом, из моей библиотеки может быть унесено и продано все, что представляет какую-нибудь рыночную ценность, и на месте будет оставлен один хлам. Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы этого не случилось.

Моя жена также точно обеспокоена судьбой жалких остатков нашей посуды и столового белья.

Вам может показаться странным, что во мне вдруг проявилась такая приверженность к этой брэнной и жалкой материи. Ознакомившись с тем, как я жил, Вы, конечно, убедились, что никакой любви к обстановке у меня никогда не было. Но теперь, когда мы здесь очутились почти голыми, и когда весь мой заработок мы проедаем, хотя добывать здесь еду несравненно легче, чем у Вас, я вдруг почувствовал потребность иметь хоть что-нибудь. Вникните в психологию человека, для которого иметь свою собственную кровать и свой собственный письменный стол недостижимый идеал. Но, конечно, перед вечностью все это пустяки. А жизнь так коротка и смерть иногда кажется такой близкой, что заботы о земном излишни. И все-таки! Крепко жму Вашу руку

Искренно уважающий и преданный

Богдан Кистяковский

Коонен А., Таиров А. — Шпету Г.

Без даты

Милый Густав!

Наши друзья Яновицкие очень просят Наталию Константиновну и тебя приехать сегодня к ним, начиная 2 ½ ч. и т. д. до утра, в любое время. — Мы встречаем в кружке и потом тоже будем у

них — Ядвига, вероятно, еще пришлет Вам записочку, а мы с своей стороны Вас тоже туда приглашаем. Целую Наталию Константиновну и жму твои лапки.

Алиса

18 апреля 1930 года

Брюсовский пер., д. 17.
Москва, Moskau. USSR

Дорогой Густав, шлю тебе привет с Chiemsee, куда попала из Мюнхена на два свободных от спектакля дня.

Всё — очень-очень хорошо! Огромный успех, блестящая пресса, чествования и объятия, и все, что при успехе полагается...

А. Я. дико устает (он сейчас в Вене). Но вознагражден энтузиазмом публики и «ценителей».

Целую тебя, привет Наталье Константиновне.

Хотя и заглазно, но с уверенностью передаю тебе нежный поцелуй А. Я.

18 июня 1930 года

Брюсовский пер., д. 17.
Москва, Moscow. U.S.S.R.

Дорогой Густав,

Перед отплытием в далекую Аргентину шлем тебе привет, выпей как следует 20 июня! Мы вечером 20-го садимся на пароход. Месяц будем в пути!! Гастроли идут очень победно, но мы нос не задираем, а... совсем наоборот.

Целуем тебя, привет Наталье Константиновне.

Напиши нам в Буэнос Айрес, Theatre Odeon

<июль—август 1930 года>

Брюсовский пер., д. 17 — 16.
Москва, Moska. U.D.S.S.R.

«Знаете ли вы Украинскую ночь?»

Нет, вы не знаете Украинской ночи»

Гоголь

Дорогой Густав,

Знаешь ли ты, что такое Аргентина?

Нет, ты не знаешь, что такое Аргентина.

В то время как ты купаешься в знойных лучах летнего солнца, мы замерзаем от зимней стужи.

В то время как ты садишься за стол обедать, мы — уже давно легли спать. Когда я стою, и ты стоишь — мы обращены друг к другу пятками, и я вижу тебя стоящим в неудобном положении вверх ногами.

Но это не все. В то время как ты по положению всех европейских стран — «восемь девок — один я» — равнодушно кокетничаешь в обществе очаровательных женщин, здесь самая посредственная женщина является центром вниманья целой толпы красивейших мужчин, жадно добивающихся от нее малейшего признака вниманья. Ибо если по статистике здесь на четырех мужчин приходится одна женщина, то без статистики это выходит куда больше, так как семейные женщины вообще не «выходят» и содержатся взаперти.

Вот, мой дорогой, что такое Аргентина. Прибавь к этому опьяняющее «аргентинское танго», океан, пальмы и редкий блеск и элегантность улиц и всего быта.

Открылись «Грозой» с колоссальным успехом. Будем играть здесь месяц и по две недели Монтевидео и Рио-де-Жанейро.

А. Я. очень терзают <газет>чики и разные люди. <обрыв уголка> то лавров — некуда девать.

<Рукой Таирова:>

Нежно обнимаю тебя от нас обоих. Сердечный привет Наталье Константиновне

Твой А. Таиров

Coolidge A. C. — Шпету Г.

14 February 1922

<на бланке>

American Relief Administration

Russian Unit

Cablegrams & Telegrams:

“Childfund — Moscow”

Series

Moscow,

W^m. N. Haskell,

Director in Russia

Subject

Professor Gustav G. Schpet,

Dolgorukovskaia 17. apt. 2,
Moscow.

My dear Sir

You will remember that about six weeks ago I called upon you and we discussed the possibility of the purchase of your collection of Russian philosophical works for the Harvard College Library. You said that there were about a thousand volumes. You also informed me that it would be much easier for you to sell the collection two or three months later than it was at that time, owing to the book which you were preparing and the need of the volumes for immediate reference. We let the matter drop at that point and I had been intending to call upon you again.

I am now leaving for America somewhat suddenly and find that I cannot well go to see you. I am writing, however, to my friend Professor Golder who is absent from here and who I expect will return in about a month. I shall ask him to call on you in my place and act in my name and with my authority. If you are willing to sell the books on terms about which we can agree, he will be authorized to purchase them then and there. No delay will be possible, for he will have to have the books packed immediately, as he is leaving Russia and will take whatever he gets out with him. Under the present circumstances there is no possibility for us to send books out of the country in any other fashion. It will therefore be a question of immediate decision and action. I am writing to you now to ask you to think the matter over and to decide whether when Professor Golder comes you can let him have your collection at once.

Thinking over the subject, it occurred to me that as you had, in your earlier years, translated one of the works of William James, it might be pleasing to you to have your name in some way permanently associated with your collection of books and with him. As I said to you, I knew Professor James well for years, and had great fondness and admiration for him. I propose now, if we can come to terms, to present your books to the Harvard College Library in memory of William James. This will be started in a book plate printed in each volume, and it will be possible to mention on this book plate that the volume itself was once part of your collection, thus association your name with his.

I am not raising the question of price with you at the present moment. Prices here are subject to such sudden and violent fluctuations that anything we agreed upon now might be unsatisfactory to one or the other in another month. I am leaving here on Thursday direct for America, but as I say, Professor Golder will have power to act in my behalf.

Your sincerely,

ACC/gmr.

A. C. Coolidge

Кулидж А. — Шпету Г.

14 февраля, 1922

<на бланке:>

Американская администрация помощи

Российское отделение

Каблограммы и телеграммы:

«Фонд помощи детям — Москва»

В-м. Н. Хаскелл,

Руководитель российского отделения

Тема

Профессору Густаву Г. Шпету,

Долгоруковская 17, кв. 2,

Москва.

Милостивый государь,

Вы помните, что шесть недель назад я пригласил Вас поговорить и мы обсудили возможность приобретения Вашей коллекции русских философских сочинений для Библиотеки гарвардского колледжа. Вы сказали, что всего было около тысячи томов. Вы также сообщили мне, что Вам было бы намного легче продать коллекцию двумя или тремя месяцами позже того времени из-за книги, которую Вы тогда готовили, а также из-за необходимости иметь источники под рукой для непосредственного цитирования. Мы предпочли более не обсуждать эту тему тогда, и я собирался вновь обратиться к вам.

Я сейчас довольно неожиданно уезжаю в Америку, и понимаю, что не могу прийти и навестить Вас. Однако я пишу своему другу профессору Гольдеру, который сейчас отсутствует, и который, как я ожидаю, вернется примерно через месяц. Я попрошу его, чтобы он пригласил Вас ко мне домой и действовал от моего имени и с моими полномочиями. Если Вы желаете продать книги на тех условиях, о которых мы можем договориться, он будет уполномочен купить их там и тогда. Медлить будет нельзя, так как ему нужно будет сразу упаковать книги, так как он покидает Россию и возьмет с собой все что угодно. В сложившихся обстоятельствах для нас нет никакой возможности выслать книги из страны каким-либо другим образом. Следовательно, это будет вопрос моментального решения и действия. Я пишу теперь Вам, чтобы попросить Вас обдумать этот вопрос и решить, сможете ли Вы, когда приедет профессор Гольдер, позволить ему получить Вашу коллекцию сразу.

Размышляя над предметом <нашего диалога. — Прим. пер.>, мне пришла идея, что, поскольку Вы в ранние годы перевели одну из работ Вильяма Джеймса, Вам могло бы понравиться, если бы

Ваше имя постоянно ассоциировалось с ним и с Вашей коллекцией книг. Как я сообщал Вам, я хорошо знал профессора Джеймса на протяжении многих лет и имел к нему большую любовь и восхищение. Теперь я предлагаю, если мы сможем прийти к соглашению, преподнести Ваши книги Библиотеке гарвардского колледжа в память о Вильяме Джеймсе. Это будет указано в экслибрисе, напечатанном в каждом томе, и можно будет указать на нем, что сам том был однажды частью Вашей коллекции, следовательно, ассоциация Вашего имени с его именем.

Я не ставлю перед Вами вопроса о цене в настоящий момент. Цены здесь суть предмет столь неожиданных и резких колебаний, что все, о чем мы договорились сейчас, может показаться неудовлетворительным мне или Вам на следующий месяц. В четверг я уезжаю напрямик в Америку, но как я сказал, у профессора Гольдера будут полномочия действовать от моего имени.

Искренне Ваш,

ACC/gmr.

А. К. Кулидж

Лазарев А. — Шпету Г.

9 мая 1916 года

Киев

Дорогой Густав Густавович,

Уже давно собираюсь Вам написать, но в последнее время так был занят, притом были заботы и огорчения, а ограничиться парой слов я не хотел. Так до сих пор и не собрался. Правильно говорят: «длинные письма — враги коротких». — Итак, получил я Ваш солидный, радующий и волнующий меня том. Большое спасибо Вам за всегда добрую обо мне память и дружеский привет. Мне уже приходилось говорить Вам, какой захватывающий интерес представил для меня помещенный в «Вопросах философии» отрывок из Вашей книги (ныне глава «Рационализм 18 века»). Оказывается, что не только в популярном, но и в почтенном академическом философствовании уверенно оперируют такими историческими категориями («Рационализм Вольфа и его школы»), которые на самом деле представляют собою не подлинный образ действительности, а какой-то урезанный, куцый (внутренне опустошенный) слепок с нее. И ведь дело идет не только о восстановлении исторической правды, не только о реабилитации столь ославленного рационализма Вольфа. Ведь эта недоразуменная схема заслонила собою весь рационализм, всякий рационализм.

Ведь для многих, даже для очень крупных людей так истолкованный «рационализм Вольфа» был наиболее чистым выражением рационализма вообще, его венцом, его последним Словом.

Повторяю, Ваша книга меня волнует. Уже одна эта глава о Вольфе — целое открытие, с которым в современной борьбе вокруг рационализма очень придется считаться и друзьям, и недругам. Если Вы были вполне самостоятельны в Ваших поисках (а, по-видимому, это так), то нельзя достаточно оценить Вашей заслуги. Это не дружеское преувеличение с моей стороны. Это — «радость о бытии», радость человека, которому показали дотоле неведомый ему (потому что замусоренный) уголок действительности живой и красочной — там, где прежде он видел только призрак, мертвое слово.

Меня интересует Ваш труд и как специальный по логике истории. Мои последние впечатления в этом отношении — Риккерт. Перелистывая книгу, видел, что Вы критикуете его.

Собираюсь хорошо проштудировать Вашу книгу и написать о ней рецензию. Может быть, удастся даже популярная статья о ней, тогда попрошу через Льва Исааковича, не поместит ли «Русская мысль». Но минимум — это пространная рецензия для «Вопросов философии», конечно, если там, и здесь не поручено уже кому-нибудь другому

Еще раз благодарю Вас за присылку книги.

Я еще в марте собирался благодарить Вас еще за одно проявление внимания — за любящее своевременное извещение о Чествовании Георгия Иванович Челпанова — чем Вы дали мне возможность хотя бы телеграфным приветом принять участие в торжестве.

К сожалению, я не мог успеть дать что-нибудь для Московского сборника, а о Киевском что-то не слышно.

Напоминаю Вам о Вашей мысли побывать в Киеве и повторяю просьбу быть в Киеве моим, *нашим* (говорю и от имени жены) гостем.

Крепко жму Вашу руку

Ваш А. Лазарев

15 мая 1916 года

Киев

Его Высочородию Густаву Густавовичу Шпету
Приват-доценту Московского Университета
Москва, Большая Царицынская

Дорогой Густав Густавович,

Вчера сообщил мне кузен, что на днях читал в «Русских Ведомостях» о защите Вами диссертации, что диссертация признана блестящей, и т. д.

Сердечно поздравляю Вас, дай Вам Бог благоприятных условий для дальнейшей работы! Не могу не высказать одного пожеланиями: чтобы Вы занимали кафедру философии в Московском университете.

Крепко жму Вашу руку

Ваш *А. Лазарев*

25 июня 1916 года

Киев, Фундуклеевская, 36, кв. 8.

Дорогой Густав Густавович,

Итак, есть надежда, что Вы будете в Киеве и будете моим гостем? Это будет для меня *праздник*.

Ваш доклад «Я и его собственник» имел удовольствие получить. Когда <Бром...> ездил в Москву, я просил его передать Вам по поводу этого доклада, что Вы — ядовитый человек. Но он Вас в Москве не успел повидать.

Хочу ли я писать рецензию о Вашей книге?

О, да! Это было бы лучшим выражением моей благодарности за тот интерес, который возбудил во мне Ваш труд. Имею ли я время? Увы, мало. Но я штудирую Вашу книгу (пока читал начерно) и имею твердое намерение составить популярную рецензию, статью или нечто подобное. — Сам еще не знаю.

Писал жене о Вашем предполагаемом приезде и любезном поклоне. Говорю «писал», потому что жена неделю тому назад уехала на три недели в Евпаторию.

Остался я с матерью. В вопросе о Вашем пребывании гостем у *меня* это ничего не меняет. Жена только будет жалеть, что не увидит Вас.

Комната в Вашем распоряжении. Я и мать примем Вас как родного.

Когда ж?

Сердечно поздравляю Вас и Вашу супругу с появлением дочурки. Жму Вашу руку и жду, жду, жду...

Ваш *А. Лазарев*

14 июля 1916 года

Киев

Густаву Густавовичу Шпету

Москва, Б. Царицынская, № 7.

Дорогой Густав Густавович,

Надеюсь, получили мое письмо и «вновь и вновь» приглашаю: Вас быть моим гостем в Киеве?

Итак, à quand?
Привет супруге.
Крепко жму Вашу руку.

А. Лазарев

21 сентября 1916 года

Киев

Дорогой Густав Густавович,

Пишу Вам почти еще в постели: я уже около 2 недель болен инфлюэнцей. Сегодня попробовал встать и первым делом стал к столу, чтобы ответить на Ваше милое письмо, полученное мною 12-го сентября.

Но рука еще дрожит у меня.

Очень благодарен Вам за честь, оказываемую мне приглашением сотрудничать в Вашем «Философском Ежегоднике», и я непременно составлю что-нибудь для Вашего журнала, но статью о Бергсоне я не мог бы Вам предложить. Нужно Вам сказать, что статья эта мне не удалась (вернее, не удастся, так как я ее еще не закончил). Я готовил «популярную» статью; не знаю, насколько статья выйдет популярной в смысле легкости и доступности, но думаю, что в смысле недостаточной «gründlichkeit» она окажется достаточно популярной.

В общем журнале, как «Русская мысль», может сойти многое, что не сойдет в специальном философском журнале. И автор к себе не требователен, и публика немногого ждет.

Между тем, к Вашему философскому журналу и философский мир, и публика предъявляет другие требования. А с чем я предстану у Вас? Не думайте, что это говорит во мне скромность. Напротив, я недостаточно скромнен. Если бы я был скромнее, то я уже давно tant bien que mal написал бы статью о Бергсоне, т. е. на худой случай изложил бы содержание его книг с прибавлением некоторых критических замечаний. Но меня это не привлекало. Мне хотелось дать живой образ философа, выявить его душу (это, конечно, относится к его учению). Но χαλεπά τά καλά, и мне это, видимо, не удалось. «Пережить» его сначала самому мне не удалось, и вот предо мною ossa arida.

Не знаю, удастся ли мне выявить, интенсифицировать хотя бы те две-три черты в его облике, которые для меня ценны.

Словом, те комплименты, которые Вы уже наперед шлете по адресу моей статьи, я не считаю себя вправе принять.

Когда я закончу статью и пришлю ее согласно старому обещанию на просмотр Семену Владимировичу, тогда и Вы и Лев Исаакович увидите, что статья для Вас не подойдет.

Не оставил я мысли о рецензии на Ваш труд. У меня даже в мысли готово вступление на тему «Мертвые повелевают» (роман Бласко Ибаньеса). Но повелевают не сами мертвые, не их подлинные идеи, а исторические искажения их идей. И в этом — трагическое.

От «Истории как проблемы логики» я должен был обратиться к Вашей книге «Явление и смысл». Признаюсь, с трудом разбираюсь. А очень хотелось бы разобраться!

Между прочим, в Вашем замечании об *élan vital* в конце книги Вы напрасно так резки.

У Бергсона есть многое, что меня отталкивает, но его *élan vital* может иметь совсем иной смысл (если его брать не в биологической ограниченности). Недаром один критик Бергсона, правда, в порицание Бергсону, устанавливал связь между *élan vital* и идеей Платона.

Может быть, теперь, когда Вы заявляете, что с Вашим восстановлением рационализма идете по пути с критикой рационализма у Джемса и Бергсона, Вы и к Бергсону отнесетесь мягко?

Предстоящими томами Вашей работы очень интересуюсь.

Ну, однако довольно о книгах. Поговорим о людях. Послал я как-то летом открытку с приветом Семену Владимировичу и Льву Исааковичу. Не знаю, получил ли Семен Владимирович?

Я всегда с чувством благодарности вспоминаю о той теплоте, с которой он ко мне в свое время отнесся в Москве, я не могу не вспоминать о нем и о наших беседах — и потому мне хотелось бы знать, что мой привет дошел до него.

Скучаю по Льву Исааковичу, а уж как хотелось бы обстоятельно поговорить с Вами.

Что подельвает Варвара Григорьевна, как ее здоровье и т. д.? Если случится увидеть ее, передайте ей сердечный привет. Жаль, забыл ее адрес.

Георгию Ивановичу я давно не писал.

В Москве у меня много дорогих мне и интересных людей, а здесь в смысле философского общения я одинок. Не с кем поделиться, нет случая проверить себя, и потому перестаю доверять своим мыслям (буде таковые приходят), туплю, становлюсь робким и... не ложится Бергсон.

Тем более благодарен я Вам за Ваши письма.

Душевно Ваш *А. Лазарев*

<красным карандашом, рукой Шпета>: Воронеж, Верхняя Дьяконовка, 1.

5 сентября 1917 года

Киев

Дорогой Густав Иванович,

Давно уже получил Вашу статью и даже давно уже прочел ее, но пока, как это нередко делаю, прочел ее бегло, начерно, а теперь собираюсь читать во второй раз «с чувством, с толком, с расстановкой».

Пока могу сказать: 1) Чем дальше читал Вашу статью, тем больше заинтересовывала она меня, 2) Ясно, почему Вы отзыв о *моей* статье по *существу* откладывали до прочтения мною *Вашей*: в последней Вы уже как бы наперед парируете многие из тех выпадов Бергсона против логики, которые я стремился, как мог лучше, размаковать в моей статье.

Получили ли Вы мою последнюю открытку из Кисловодска? Я писал в ней, что не дождался в Кисловодске Вашей статьи и упоминал о Льве Исааковиче.

Говорил мне доктор Петровский, со слов Семена Владимировича, что скоро выйдет Ваш сборник.

Эх, далеки мы теперь от философии!

Крепко жму Вашу руку

Ваш А. Лазарев

Привет Льву Исааковичу и Семену Владимировичу.

Лурье С. — Шпету Г.

3 июня 1913 года

Москва

Дорогой Густав Густавович,

Я уже в Москве и письмо Ваше было для меня приятным сюрпризом. Вернулся я лишь недавно. Ездил с злоключениями за границу (болел в дороге), но в конце концов отдохнул, поправился, и, обласканный южным солнышком, попал в *Corpet*. С места в карьер уселись мы с Львом Исааковичем за переводы с латинского, разжевывали разных ересиархов и в этом приятном занятии провели четыре дня. Лев Исаакович рассказывал мне о последнем свидании с Вами и кое-что о Вашей работе. То, что говорил Лев Исаакович, с Вашим, правда, весьма остроумным рассказом не во всем совпадает. Я очень жду возможности знать что-нибудь о Вашей работе не с чужих слов (Ваши слова — тоже чужие). Надеюсь, что это будет скоро? Про Москву, которая сплетается с Ва-

шими дурными сновидениями, ничего не могу Вам рассказать: ничего про нее не знаю, кроме того, что стала она много скучнее, чем была. В прежнем «априорном» легкомыслии (заимствую Ваш термин) был какой-то наивный, правда, но живой трепет; теперь априорность отвалилась, засохнув предварительно, и осталось легкомыслие tout court, а это очень скучно. Будьте здоровы, желаю Вам спокойной и успешной работы. Дружески жму Вашу руку

Сердечно, Ваш С. Лурье

Деньги переведете, когда Вам будет удобно и как Вам будет удобно: мне это безразлично.

Мазе С. — Шпету Г.

25 ноября 1928 года

Berlin, Blu-Halensee, Nektorstr. 2^{II}

Глубокоуважаемый и дорогой Густав Густавович,

Разрешите мне оба прилагательных. Первое выражает мои чувства к Вам как к духовному учителю и наставнику, второе — отношение человека к человеку.

Как видите, я очутился в Берлине после многих и долгих странствований. Сiju и занимаюсь, przygotowляю материалы для будущего. Во-первых (и это к сожалению) я занимаюсь экспериментальной фонетикой — это та область, которая интересует <Енц.> университет, во-вторых, работаю для души над проблемами, которые меня занимали все время. Хочу напечатать в переработанном виде работу о Hölderlin'е, новую работу о лирике. Делаю кое-что для уразумения истории изучения поэтических категорий. Натолкнулся в связи с этим на одну интересную книгу начала XII века, продолжающую традиции немецкого рационализма, и в частности Мендельсона, если его можно признать абсолютным рационалистом. Книги Preussische Staatsbibliothek привели меня в смущение и зачаровали меня. Что касается немецкой науки о языке и литературе, она совершенно неравноценна. С одной стороны, школа Фосслера и Unger'a-Cysarz'a, с другой стороны, грубый эмпиризм и методологическая неразбериха Panconcelli-Calzia (Die Experimentelle Phonetik in ihrer Anwendung auf die Sprachwissenschaft). Лене, к сожалению, придется иметь дело с представителями последнего течения, правда, не с такими ортодоксальными, как Р.-С. Но боюсь сказать, что в общем наиболее опасным течением является французская наука во главе с Meillet. Об этом я сужу по книге того же Meillet Linguistique histo-

rique et linguistique générale, а также из разговоров с Романом Осиповичем, который был здесь в течение нескольких дней. Не буду говорить о его залихватской манере спорить. Он ищет новые пути в фонетике. Он утверждает: 1) фонетика изучает *системы* звуков в разные эпохи в разных языках, 2) звуки, которые изучает фонетика, суть фонемы как звуки системы, 3) изменение звуков в системе телеологично. (Пример. В тех славянских языках, где **ѣ** и е совпадали, юсы принимали другой путь развития, чем в других языках, где **ѣ** и е различались.) Логос где-то привешен (я думаю, что он Р. О., вообще говоря, мешает). Все они «во след» Meillet. В ответ на мое замечание, что так, как он, о фонемах говорил Бодуэн, Р. О. обязательно хотел, чтобы так говорил только де-Соссюр и чтобы он был учеником де-Соссюра. У меня осталось чувство самого глубокого разочарования от этих разговоров. Р. О. был злобно настроен против Москвы, против Вас, против нас, — получалось впечатление, что тут карты мешают. В этом отношении замечателен отчет о лингвистическом конгрессе Leo Spitzer'a. В изысканной иронической форме здесь подвергнуты ужасающей критике утверждения французов об автономности лингвистики от филологии, а главное — раскритикован Meillet и русские, которые были на конгрессе (сиречь Трубецкой, Якобсон). Тынянов, который здесь лечится, сделал на меня почти аналогичное впечатление, как и Р. О. Только у него нет союза с французами, а доморощенное упрощенное понимание слова. Все это так безотраднo, и одиноко чувствуешь себя, и не с кем поделиться положительными выводами. Один бывший здесь Григорий Осипович внес некоторое оживление. С ним мы по ряду вопросов договорились. Он же передал мне о Вашем желании перевести «Внутреннюю форму слова» на немецкий язык. Ваша книга лежит всегда передо мной, и я много думал о возможности ее перевода. Работа о Hölderlin'e начинается с упоминания о Вас. Если бы я мог быть Вам чем-нибудь полезен, я сделал бы это с большой радостью, а главное, в убеждении, насколько это теперь важно. Мое письмо несколько сумбурно; я не знаю, что Вас интересует здесь. Надеюсь, что со временем мне удастся обрести некоторый порядок, теперь же так много хочется сказать, о многом хочется спросить.

Григорий Осипович передал мне с Ваших слов о новой книге по истории герменевтики. Не сообщили ли Вы бы мне автора. Мы оба ее здесь искали, и я до сих пор заинтригован. В журнале Фосслеровской школы *Jahrbuch für Philologie (zur Zeit eingelaufen)* за 1927 год есть довольно объемистая статья об интерпретации (литературного произведения).

Многое из того, что я написал в этом письме, я никогда не говорил и не сказал бы Вам лично, из-за смущения, которое я испыты-

ваю в личных отношениях. В письме как-то легче. Хочу Вам сказать, что, обращаясь к Вам, я обращаюсь к человеку, которого больше всех в Москве уважаю и люблю и которому бесконечно многим обязан.

Ваш С. Мазе

Пишу на адрес Академии, не зная Вашего личного; не откажите сообщить его.

8 сентября 1931 года

Marienbad

Дорогой Густав Густавович,

Вчерашний день я получил письмо от Льва Викторовича Берман, в котором он сообщает о своем посещении Вас. Это была первая весть о Вас за то время, как я уехал из Москвы. Сейчас же по прибытии в Берлин я написал Вам по адресу «ГАХН», но ответа не получил и перебрал многие веские причины, почему бы это могло случиться. Теперь я вижу, что это объясняется очень просто — Вы не получили моего письма.

Прочтя письмо Льва Викторовича, я пришел в большое волнение. Я услышал Ваш голос, Вашу речь. Простите, что пишу так, но во мне так много всколыхнулось, когда получилась весть от Вас, что я не могу владеть собой. Это сложное чувство. Здесь и личное отношение, и чувства ученика к учителю, и отношение к Вам как к представителю и руководителю целого течения мысли и культуры.

Уже много времени назад я думал о переводе. Я имел в виду главным образом «Внутреннюю форму слова», «Введение в этническую психологию», «Эстетические фрагменты». Я, однако, ничего не мог предпринять, не имея на то Вашего разрешения; и так дело это затянулось до настоящего времени. Теперь же, обрадованный восстановленными отношениями, я прошу на перевод Вашей авторизации. Не откажите также высказать Ваше мнение, перевод какой книги Вы сочли бы более интересным в первую очередь. Очень жалко, что я опоздал со «Внутренней формой», на которую, как узнаю из письма Льва Викторовича, авторизацию имеет Шор. Мне бы не хотелось обращаться к нему по этому поводу и просил бы Вас, если это возможно, списаться с ним и выяснить возможность передачи им своих прав. Дали ли Вы ему неограниченную сроком авторизацию?

Не скрываю от себя трудностей, с которыми связано помещение перевода в настоящее время. Положение в Германии воистину катастрофическое. Необъятная безработица тяжелым гнетом лежит на хозяйстве, и капиталистическое хозяйство пошатнулось в своих основах. Живя здесь, начинаешь все яснее и яснее осо-

Знать, что вокруг тебя все горит и старое здание рушится. Время для издания книг теперь самое неблагоприятное. Но я хочу сделать все возможное, чтобы это осуществить. С своей стороны я попрошу Вас дать мне некоторые сведения об издательстве, которое интересуется Вашими книгами и их изданием на немецком языке, как мне об этом пишет Лев Викторович.

Что касается материальных условий, не могу в настоящее время сообщить о них что-либо определенное и тем менее назвать какую-нибудь определенную сумму. Обычные условия здесь таковы, что автор получает известный процент с номинальной цены проданного (непереплетенного) экземпляра, а переводчик — твердую оплату с листа. Возможны ли будут какие-либо вариации этого положения, сказать сейчас не берусь. О возможных условиях я, конечно, своевременно поставил бы Вас в известность и испросил на заключение договора Ваше согласие. Впрочем, условия здесь относительно типизованы и будут, вероятно, обычными и неизменяемыми.

Несколько слов о себе. Тяжелые годы прожиты мной за границей. Годы разочарований, суеты, самокритики и переоценки многого, очень многого. Социальные проблемы и проблемы права захватили меня. Вот уже два года, как я изучаю право и должен через год-полтора закончить свое юридическое образование. Меня влечет строгая простота правового анализа, сурового и страстного в своем бесстрастии. Два года, как я был завален материалом и не мог поднять головы от отдельных законов и положений и заняться обобщениями и общими вопросами. Теперь я на переломе. Особенно меня интересует гражданское право и право международное. Мне кажется, трудно найти дисциплину, которая была бы более провинциальной в своих понятиях и в терминологии, чем юриспруденция. Я бы бился об заклад, что 99% здешних профессоров не знают, что такое вообще методология. Методология это в крайнем случае для них педагогика. Вообще в немецких университетах царит теперь эмпиризм самодовольно-ограниченный. Так и в области языковедения, где психологизм — несомненная истина. Я здесь работал по экспериментальной фонетике и столкнулся с этим в полном объеме.

Вообще же немцы совершенно не тот народ, которым его представляли в России, сравнивая их с французами. Они не педанты, они люди сильных эмоций, которые потрясают их, но у них недостаток в пластическом выражении. У них остается много невысказанного, которое гнетом ложится на их душу. Они внутренне неуверенны в себе, внешне крепки и тянутся ко всем и всему, чтобы его познать и со всем слиться. Они могут быть внешне условны, выдрессированы — ужасный вид военщины — и тогда неприятно ограничены и грубы. У них слабые нервы: они кричат, когда уста-

ли. У них меланхоличный подход к жизни, задумчивый, серьезный, но вместе с тем они веселые спортсмены и спорт — народное достояние. Они влекутся к природе и умеют воссоединиться с ней. Они — люди, смотрящие в будущее. Берлин, такой очаровательный в своих новых кварталах, это всегда последняя минута настоящего. Молодая Германия внутренне свободна, aber sehr leidenschaftlich.

Интересны немецкие судьи (не уголовные, а гражданские) — простые и одновременно торжественные, серьезные, *не желающие* быть остроумными, честные, не любящие *pointe* французских судебных решений, где *pointe* висит в воздухе, и не согласована ни с чем. От этого французское решение не становится более жизненным. Напротив, немецкое — более жизненно.

Теперь мы с женой в Мариенбаде; выбрались за два года в первый раз из Берлина — не лечиться, я просто, чтобы переменить обстановку, отдохнуть и в уединении поработать. Чехия ist ein Kapitel für sich. Совсем другая страна и другие люди. В первых числах октября собираемся уже отбыть обратно в Берлин. Я бы очень просил дать мне к тому времени указания об издательстве, о котором Вы говорили, и выразить Ваше согласие на перевод, если Вы согласны. Писать мне можно по адресу: c/o Simon Kogan Berlin-Halensee, Kurfürstendamm 101.

У меня квартира в Берлине будет лишь с 15 октября.

Получить весть от Вас было бы для меня большой радостью.

Крепко жму Вашу руку

Всегда Ваш С. Мазе

<карандашом приписки>: Nestoustr., 20^v

Михалчев Д. — Шпету Г.

1 мая 1914 года

София, ул. Оборище, 67

Высокоуважаемый коллега!

Сердечно Вас благодарю за милые слова, в которых мне сообщаете, что получили мою новую книгу. Русско-болгарский словарь существует, при этом достаточно хороший, но *Болгарско-русского словаря* все еще нет. Но я бы Вам посоветовал купить Болгарско-немецкий словарь (*Bulgarisch-deutsches Wörterbuch* von Prof. Dr. Gustav Weigand. Leipzig, Otto Holtze's Nachfolger, 1913. Preis 5 m.).

Недавно из редакции русского журнала «Логос» мне сообщили, что моя книга передана господину Райнову, чтобы ее рецензировали там. Следует иметь в виду, что наша (болгарская) научная лите-

ратура еще очень слаба и очень немного людей, которые могли бы оценить друг друга в области философии, и для меня будет очень приятно, если в «Вопросах философии и психологии», в главном философском издании у Вас, будет напечатан отзыв о моей книге, тем более приятно, что книга затрагивает вопросы, которые по настоящему живо волнуют философскую жизнь России. Хотел бы у Вас спросить, не затруднит ли редакцию московского журнала и в частности профессора Лопатина передать мою работу кому-нибудь на рецензирование? Вы, Густав Иванович, специально излагали проблему причинного отношения у Юма и Канта — и мне было бы очень полезно услышать Ваше ценное мнение о моем труде.

С искренним почтением

Ваш Д. Михалчев

28 июня 1914 года

София, ул. Оборище, 67
Димитру Георгиевичу Михалчеву

Многоуважаемый Густав Густавович!

Простите, что пишу Вам так поздно. Был очень занят в связи с экзаменами, которые закончились только вчера. Давно уже получил Вашу новую книгу «Явление и смысл» за что от всего сердца Вас благодарю. В настоящее время я работаю над <текстом> «Об абсолютном и относительном характере истины»: и помимо прочего буду иметь случай использовать и Ваш новый труд, хотя и придерживаюсь своей точки зрения, отличной от затронутой в Вашей книге «Явление и смысл».

Ив. Н. Пюзелев бывший министр народного просвещения в Болгарии, автор нескольких болгарских книг по философии: «Теория доказательства», «Значение в теории физики», «Элементы познания» и др., единственный среди старого поколения новой Болгарии, который серьезно занимается философией, высказал желание рецензировать (прежде всего на русском языке) мою книгу «Форма и отношение» в «Вопросах философии и психологии» и надеется, что до осени кто-нибудь напишет свою рецензию. Предполагаю, что Лев Михайлович не будет иметь ничего против этого.

В последнем письме Вы спрашиваете, скоро ли выйдет второй том моей книги. Думаю, что не ранее, чем через полтора года. Мешает война, в которой я участвовал целых десять месяцев. При этом хотел бы предварительно закончить свой труд «Об абсолютном и относительном характере истины». Кажется мне, что в этой области кроется еще много неразрешенных сторон и есть, что еще сказать.

Что касается положительного разрешения, думаю дать ответ на вопрос о месте и роли отношений в процессе познания предположительно в I томе, который совсем не только критика.

Недавно получил приглашение от организационного комитета I Всероссийского съезда: участвовать в его заседаниях и подготовить для конгресса доклад. Ценю внимание организационного комитета и благодарю за приглашение. Но для того, чтобы я смог приехать, необходимо, чтобы приглашение получил наш Университет, который и решит, кого послать. Вот почему прошу Вас не позднее сентября-октября (когда у нас начинается зимний семестр), будьте любезны, пришлите письменно и официально на Университет приглашение, чтобы прислали представителя (из нашего университета). (Обращаюсь к Вам, Густав Густавович, так как вижу из приглашения, что Вы член комитета.) Тогда, очень вероятно, я смогу приехать, и будет полезно для меня и нашей науки.

В это случае увидимся и познакомимся с Вами поближе.

Остаюсь с почтением к Вам

Ваш Д. Михалчев

Муратов П. — Шпету Г.

15 февраля <1906 года>

Милостивый Государь

Густав Густавович

Из полученного ответа Вашего на предложение мое, переданное женой, при Вашем любезном содействии, киевской газеты «Свобода и право», усматриваю для себя возможность принять в ней посильное участие. Форму участия предполагаю следующую: одна корреспонденция в месяц, посвященная жизни и искусству на Западе. До 1 мая н.с. полагаю быть в Париже, затем до 1 сентября в Англии. При присылке корреспонденции воспользуюсь указанным Вашим адресом.

Примите уверения и привет от Жени, готовый к услугам

П. Муратов

27 марта 1906 года

Милостивый Государь

Густав Густавович!

Пользуясь Вашим любезным предложением посылаю корреспонденцию для «Свободы и Права». На этот раз тема ее, как Вы увидите, случайная, данная жизнью.

Обращаю через Ваше посредство к редакции газеты просьбу — если присланное будет напечатано — не <забыть> выслать номер «Свободы и права» по приложенному здесь адресу. Женя вместе с приветом просит Вас сообщить ей вновь «Олин адрес», ибо она потеряла его.

Примите уверения и пр.

П. Муратов

Paris, Place de l'Odeon flôt Regnard

London 23/10 мая <1906 года>

Милостивый Государь

Густав Густавович.

Извините меня сердечно, в том, что я решаюсь снова утрудить Вас своей просьбой. В конце апреля по русскому стилю я послал в «Свободную Мысль» корреспонденцию «Первое мая в Париже» и не знаю, напечатана ли она, нет ли. Из редакции сведений не имею, вместе с тем мне было бы крайне необходимым знать участь своей корреспонденции.

Не откажите известить меня открыткой, если случайно Вам как киевлянину будет нетрудно навести справку.

Извините меня, только бедность на чужбине заставляет быть таким навязчивым.

П. Муратов

Mr. Muratov. 21 Fopstone road, Carls' Court, London S.W.

<1906 год>

Carbis Bay
Cornwall

Милостивый Государь

Густав Густавович

Из отдаленного уголка Англии мне приходится опять докучать Вам своими просьбами. Речь идет о «Свободной Мысли». Как и от кого в этой мертвой газете можно было бы получить ту небольшую, но небесполезную для меня сумму, которая следует за корреспонденцию в № 21 (кажется). Я обращался в контору, но, вероятно уже после закрытия, — ответа не получил. Извините меня, может быть, довольно нелепо обращаться с таким вопросом к Вам — человеку неприкосновенному к издательству. Но иногда заставляет «сила вещей».

Примите уверения и привет от Жени

П. Муратов

Mr. Muratoff. Villa Hillside, Carbis Bay near St. Ives (Cornwall)
England

Нечипорович Н. — Шпету Г.

23 октября 1914 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Знаю я Вас довольно хорошо, но сейчас мне очень вспоминается заседание литературно-художественного кружка, когда г. Философов делал доклад о вредности Льва Шестова. Мне тогда было весело: вспоминалось мнение профессора из «скучной истории» Чехова о Русском пессимизме: идей таких у нас нет и думать-то мы не привыкли, не умеем, а вот нелепица, неприглядность жизни отражается в душе тяжелым, гнетущим впечатлением, сковывающим душу. Мне казалось, что скучный, вялый голос докладчика вносит лишь ненужный штрих в эту общую угнетающую картину. Вы тогда разрядили атмосферу и я Вам очень благодарен. Густав Густавович, я твердо решил после Вашей второй лекции уговориться с Вами о времени и месте, где бы я мог изложить Вам то, что я называю моим мирозерцанием, но обстановка несколько изменилась, и вот я прибегаю к перу и бумаге. Я почти уверен, что те мысли и обобщения, из которых слагается мое мирозерцание, есть в литературе, настолько они просты, сами невольно напрашиваются, что, однако не мешает им быть, на мой вкус, чрезвычайно глубокими. Странная штука человек. (Сейчас меня настолько сильно взволновали запрещением петь, что я не могу писать.) Ведь окружающий нас мир от нашего мирозерцания изменяется не всегда очень сильно, но наше отношение к нему изменяется значительно. Герой палаты № 6 Чехова, запутавшись в холоде межпланетного пространства, ходил, опустив руки. Сейчас мне вспоминается случайно мне знакомый, не глупый от природы молодой человек, который сделал гадость только потому, что, поучившись чему-то, узнал, что души у него нет. Помню, как лично у меня кое-что из области этики получило более прочную почву после того, как я с несомненностью доказал себе, что человек бессмертен, помню, даже спать стал лучше, потому что чего же беспокоиться, коль я бессмертен. Но это все предисловие, а я хотел изложить Вам мои соображения о том, что такое «я» и окружающее. Мне, в этом письме, делать определение «я» чувствующего и переживающего, как нечто неподлежащее сомнению для самого переживающего, излишне. Совокупность моих переживаний и чувствований я называю душевной деятельностью переживания моей души. Доказывая себе бессмертие моей души, как чего-то абсолютно несомненного, я рассуждал так: душа либо материальна, либо нематериальна, последнюю уступку я сделал для привыкших к традиции. Допустим, что она не материальна,

тогда мы о ней знаем только то, что она как не материя, не может подчиняться и законам материи, сознавая же душу как нечто живое по преимуществу, следует полагать, что она, ну будем говорить, куда-то отлетает с так называемой смертью тела. Все приведенное в этих рассуждениях я считаю несуществующим. Для меня важнее другое — Душа материальна. Что же она тогда? Излишне говорить, что средоточие душевной деятельности, только средоточие — наша нервная система, которая как орган нашего тела — часть его состоит из материи — различных и очень сложных химических соединений. Нарисовать детальную картину я предоставил бы специалисту-физиологу. Но ведь все наше тело, вся масса его состоит из веществ, воспринятых нами в виде различных пищевых продуктов, которые частично усвоены им и претворены в различные ткани нашего тела. Для желающих могу прибавить, что в каждом организме, конечно, находятся вещества материнского организма, который развился за счет пищевых продуктов и т. д., и если в этом направлении идти дальше и дальше, то, может быть, в нашем организме есть кое-что от той проблематической бактерии, которая, будучи занесена на нашу планету с планеты другой солнечной системы, могла явиться родоначальницей жизни на Земле. Это, конечно, не исключает необходимости первоначального зарождения — образования органического из минерального. Интересующиеся подробностями могут найти их в книге Аррениуса «Образование миров», именно глава «Панспермизм». Для людей, воспитавшихся на Библии, могу прибавить, что Бог создал человека из Земли. Эти слова получают глубокий смысл, становятся понятны, только будучи освещены естествознанием, по крайней мере для нас, оторвавшихся от природы и отвернувшихся от церкви как от злой матери. Итак, наш организм построен из претворенных им пищевых продуктов. Мы питаемся животной и растительной пищей, но ведь каждое животное создает свое тело из поедаемых им растительных веществ, если мы съедаем хищника, что редко бывает, то включается еще одно звено. Значит, мы питаемся или непосредственно растениями, или же растениями, претворенными в одном или последовательно в двух при съедании хищника, животных организмах. Значит, в конечном итоге, мы питаемся растениями. Если из растений, поступающих в нас непосредственно или указанным путем через животных, исключить сапрофитов и паразитов, например, повилика, как малозначительную группу, то останется главное растительное царство зеленых растений. Зеленое растение — это главный (!) посредник между нами и солнцем — его световой энергией, и очень важный посредник между нами и минеральными веществами. Позднее я продолжу этот анализ, а пока скажу только, что мое тело, этот носитель

моего «я», моих психических переживаний, моей души, состоит, как к этому мы близко подошли, из различных химических элементов, образовавших в растении и в животном организме сложные и очень сложные соединения. Но если так, если мое тело состоит из элементов, образовавших различные соединения, заряженные химической энергией, способной, как мы знаем, превращаться в различные виды энергии, то что такое мой разум, вот сияющий по-настоящему себя, окружающее и взаимоотношения между мной и миром? Что такое моя душа — как совокупность всей моей психической деятельности, возможно, даже частью еще подсознательная? Ведь мое тело, выражаясь общо, состоит из материи. Что же душа? Что она? Откуда эта психическая деятельность? Ведь либо я запутался, либо мой разум, моя душа есть выявившееся в моем организме, в моем мозгу психическое свойство материи. Да, это так.

Теперь вопрос, что же произойдет со мной после моей смерти. Один человек женского пола сказал мне на это: Вас съедят черви; возможно, она и права, но ведь это лишь промежуточный процесс, в конечном итоге я растворюсь на составные элементы, которые вступят в различные, свойственные им химические соединения, словом, войдут в круговорот вещества. Что же будет с моим «я» (другого ведь во мне ничего не существует, чтобы я-то, по крайней мере, мог жалеть), с моим разумом, с моей душой? Если мой разум, моя душа, которую я вот сознаю в себе, есть лишь выражение психического свойства материи, буду говорить, есть осознаваемая себя материя, то что же с растворением на составные элементы моего тела, этого носителя моего «я», мой разум, моя душа, как выявление психического свойства материи, слагающей мое тело, также должна последовать за элементами, слагающими мое тело в доле выявленного ими, подчеркиваю это слово, психического сознания! Ну, на этот вопрос, думается мне, двух мнений быть не может, коли материя обладает психическим свойством, то это свойство с ней всегда и остается. Но что же, материя способна выявлять свое психическое свойство только в организме, и наилучшим образом в организме человека? Так ли это? Случалось ли Вам с тяжелым, подавленным состоянием уходить в лес, в поле, казалось, что случилось нечто чрезвычайно неприятное. Но вот перед Вами деревья, трава, может быть, цветы, все залито солнцем. Вы идете в задумчивости, вдруг на Вашем лице мелькнет улыбка. Вы ловите себя на этом, сердитесь, доказываете себе, что улыбаться не время — у Вас большая неприятность. Улыбка, более длительная, пробегает по Вашему лицу, Вы хмуритесь, останавливаетесь. От окружающего ландшафта на Вас веет что-то успокаивающее, убаюкивающее, ласкающее. Что это? Заигрывание с Вами кокетливой Изелины, очень заманчиво

обрисованной Гамсуном в его «Пане». Изелина, конечно, только художественный образ, а для меня важно восприятие мной от окружающего ландшафта убаюкивающих, умиротворяющих мою душу впечатлений. Ведь это общение с природой, которое бывает иногда столь полным, что совершенно не чувствуется одиночества. Как это происходит? Вы-то, конечно, знаете, что мы воспринимаем впечатления от окружающего мира не только строго отграниченными органами чувств, которых, когда я был школьником, было 5, а когда был на Педагогических Курсах, узнал о 6 — мышечное чувство. Ну, там же, на Курсах, я узнал, что слепая г-жа Кларкс, кажется так, может быть, я и перепутал ее фамилию, имела представление о предметах, к которым подходила, хотя их не видела и не осязала, и очень хорошо воспринимала настроение некоторых, случайно происходивших вблизи нее событий. Если для этих, особенно последнего, восприятий не указано строго локализованного органа чувств, может быть, еще неведомого, как это сделано для первых пяти, то разве только от этого эти впечатления будут для меня менее ценны? Не знаю, как для кого, но для меня мои впечатления, мои переживания — самое несомненное. Каждый более или менее отчетливо воспринимает, так же, как и госпожа Кларкс, от всего окружающего впечатление враждебности или предрасположенности, зависимо от того, как окружающее к ним относится.

Кто разбирается в своих впечатлениях и переживаниях или проанализирует говорящие об этом страницы художественной литературы, тот не может не сказать: «Да, такие восприятия у нас есть». Но даже оставляя в стороне эти, для многих подсознательные, впечатления, все окружающее производит на нас или гнетущее впечатление, заставляющее нашу душу замыкаться, как многие цветы в ненастную погоду, или наоборот, как это бывает чаще всего среди природы.

Помню как я, проходя по Театральной площади, особенно в ненастную погоду, когда там еще не были сделаны газоны, не были посажены цветы и деревья, не мог не чувствовать еще большего гнета, не мог не подумать: Боже, и такая нелепость может существовать в центре большого, претендующего на культурность, города. Теперь, конечно, не то, теперь появились даже корзины цветов, прикрепленные к трамвайным столбам на Тверской улице. Хотя, почему не сказать, на меня это последнее производит впечатление воротничков и манжет, пристегиваемых к грязному белью. Я думаю, что мой товарищ, Трифон Федорович Богданов, который по поручению города устраивает загородные экскурсии с детьми школьного возраста, где ребята резвятся, играют, собирают цветы, борется с русским пессимизмом куда значительно, чем даже Лев

Шестов, когда он приезжал в Москву специально отрешившись от непризванных им последователей или критиков, склонных сделать из него пугало для маленьких трусливых умишек.

Я хотел было написать об истории русского пессимизма, как она мне вырисовывается, но здесь я не скажу Вам ничего ни нового, ни оригинального. Продолжу лучше мое рассуждение о составе человека. Растение, воспринятое нами непосредственно или прошедшее через один или два животных организма, является материалом, из которого создается наше тело с всеми проявляющимися в нем силами. Любопытная картина получается, если посмотреть на историю веществ из которых создается самое растение. Ведь для того чтобы выросло растение, надо чтобы в атмосфере произошел электрический разряд — молния, при котором происходит соединение главных частей воздуха: азота и кислорода, не помню, азотный или азотистый ангидрид получается при этом, если азотный, то выпав с дождем в виде азотистой кислоты и под влиянием, говорят бактерий, перешло в азотную и образовало соль ее, только тогда получается вещество, необходимое для азотистого питания растения; ну сельские хозяева для обогащения своих полей азотом привлекают бобовые растения, в клубеньках корней которых усваивается азот атмосферный, этот процесс в природе не так уж значителен, для меня важнее, что для того, чтобы существовал человек, необходимо, чтобы были грозы, гром, молния — ведь вот какая штука человек, как после этого к нему не относиться с почтением. Другие вещества, необходимые растению, имеют не менее любопытную историю. Например, К, Ph, S, Са должны были быть извержены в расплавленном состоянии из довольно таинственных глубин Земли и выпасть из раствора как составная часть, например, ортоклаза, <анфинита>, апатита, колчеданов и т. д. и вот, на поверхности претерпев чрезвычайно разнообразные изменения и перемещения, о которых можно бы написать целую поэму, перейдя в годное для усвоения растением вещество, попали в него. Чтобы меня кто-нибудь не упрекнул в неправильности, должен сказать, что S и N извергаются из глубины в виде H_2S и NH_3 , тогда их путь и превращения несколько иные. Не менее любопытен процесс и других элементов, входящих в состав растения, но самое, пожалуй, любопытное совершается в листьях зеленых растений. В них именно в хлорофилловых зернах, включенных в разнообразные клеточках листа, а главные в палисадной паренхиме, угольная кислота, вот непрерывно выдыхаемая нами, соединяясь с водой, дает $C_6H_{12}O_6$, а излишек O выделяется в воздух, чтобы через легкое попасть в кровь и, распространяясь с нею по всему организму, забраться ну, вот, например, в клеточки моих мышц. И здесь, в этой таинственной лаборатории, соединяясь с молочным

сахаром, за счет которого работает мышца, освободит ту энергию солнца, которая поглощена ими, вошла в них, в виде солнечного светового луча, пошедшего на их расщепление при образовании вещества той 24 атомной формулы, которая выше и которая вот теперь приводит в движение мою руку, частью же идет на поддержание постоянной температуры моего тела, и, может быть, так же энергия, освобождаясь в других клеточках моего тела, создает то, что вот направляет движение руки пишущей эти строки. Закончив этот несколько скучный обзор истории веществ, слагающих мое тело, этот носитель моего «я», следует поставить вопрос: откуда в душе человека это беспредельное стремление к далекому смутно прекрасному, что так хорошо выразил Лермонтов в его стихотворении о тоскующей душе: и долго на свете томилась она, желанием смутным полна, и звуков небес заменить не могли ей скучные песни земли. Это стремление часто переживается как бессознательная, беспричинная грусть: как хорошо весной и в то же время грустно и плакать хочется не знаю сам, зачем. Что это? Воспоминание души о своей прекрасной родине, с которой она случайно обронена на землю и здесь воплотилась в грубую оболочку нашего тела, или, выражаясь более реально, стремление души к самосознанию, самоопределению. Пожалуй излишне говорить, что эта отдаленная звезда, прекрасная родина нашей души, не должна нас смущать своей отдаленностью, ведь наша Земля довольно усердно посещается вестниками неба в форме метеоритов и метеорной пыли, настолько усердно, что Норденшёльд предложил даже теорию образования Земли из метеоритов, так что мы, по выражению Владимира Михайловича Цибрикова, являемся гражданами неба, ну это, конечно, не должно мешать нам быть и на Земле достойными ее гражданами. Но что же с нашей душой, что же, ее удел это тоскливое воспоминание о далекой, прекрасной, совершенной родине? А может быть, выявившиеся образы ее совершенной родины могут быть воплощены в жизнь, могут принять конкретные формы, могут стать действительностью здесь, на Земле, тогда уже нашей душе не придется тосковать о своей далекой совершенной родине, так как ее прекрасная совершенная родина будет перенесена сюда на место теперешнего местожительства нашей души. Ну, кто об этом серьезно задумывался, тот в осуществлении этого не сомневается. Но как это произойдет? Одно событие, случившееся в Москве года три назад, дало мне почувствовать что осуществление этих чаяний человечества близко, очень близко, что они вот... вот сейчас войдут в жизнь. Что же случилось? Как будто ничего особенного. Это был весенний день белого цветка, продавали ромашку с целью борьбы с туберкулезом. Казалось, ничего особенного, но это был праздник, настоящий праздник. Все

москвичи вдруг оказались с цветами, оживились. Незнакомые, встречаясь, улыбались и, казалось, говорили глазами: и у Вас ромашка. — Да, как же, как же. Что же случилось? Вдруг, вся разношерстная, разнокалиберная Москва почувствовала что-то всех объединяющее, всем близкое, дорогое. Это борьба с угрожающим всем врагом — чахоткой, который, надо сказать, не так уж страшен и опасен, если, конечно, с ним бороться. Действительно, нечто случилось: сапожный подмастерье, брат того Ваньки, которого бьет остервеневшая в грязном полутемном полуподвале сапожничиха, тыча в него селедкой «ейной мордой да мне в харю», пробегая по улице, смотрит на встречного офицера и говорит себе: «ишь, ты, и у него ромашка, и ведь такая же, как у меня!» Да, нечто случилось: сапожный подмастерье, умный офицер, и вот, проезжающий в коляске «раздобревший» барин, духовный родич, кажется, за год перед тем застрелившегося Грибова, купив ромашку, не могли не почувствовать чего-то общего, чего-то хоть несколько их всех сближающего. И это случившееся куда важнее тех двухсот тысяч, что были выручены от продажи ромашки. Напрасно ее и продают. Ромашку раздавать надо. И следовало бы раздавать ромашку не даже искусно сделанную, а настоящую живую ромашку, предоставив каждому опустить в кружку столько, сколько ему вздумается, сколько он пожелает, сколько для него не обременительно, так как торговаться там, где все основано на добротных приношениях, просто неуместно. Но, скажут скептики, что же будет тогда с теми суммами, которые выручались от продажи и которые для борьбы с чахоткой нам до крайности необходимы, сможем ли мы собрать тогда хоть сколько-нибудь значительную часть тех сумм, что раньше выручали от продажи этого цветка? Почем знать, как изменится эта сумма, ведь настоящий, живой цветок, раздаваемый на улицах каждому, вызовет настоящий, подлинный праздник, настоящую живую радость, а ведь радостный, веселый человек и добрее и щедрее. Правда, этот цветок, раздаваемый так щедро на улице, для многих, может быть, окажется запоздалым, может быть, и очень-очень запоздалым. Тем, кто вот в этих соображениях склонен будет усмотреть легкомыслие, несерьезное отношение к главной цели для белой ромашки — собрать возможно большую сумму денег для устройства лечебных учреждений, — следует помнить, что организм веселого, радостного человека сильно противостоит заболеваемости, и наоборот, — человека печального, подавленного сильно предрасположен к заболеваемости, это физиологам следует помнить всегда. Чувствую, что меня попрекнут Грибовым. Зачем мне понадобилось имя этого несчастного человека. Грешен, почувствовал он или нет, а я по поводу его смерти сказал ему напутственное слово. Это случилось в об-

ществе курсисток, уже давно покинувших Москву, там мне заявили: вот, застрелился Грибов, человек богатый, образованный, могущий от жизни взять все, и все-таки застрелившийся. Жизнь просто не может удовлетворить человека, человек не может быть счастлив, а вы вот и пр., и пр. Бывает так, что иной говорит о неудовлетворенности жизнью, о невозможности быть счастливым и вовсе не потому, чтобы крепко верить в неизбежность этой роковой неудовлетворенности; почему так бывает — это другой вопрос, но бывает. Что мне было сказать. Застрелился вот богатый Грибов, и в этом склонны видеть чуть ли не призрак общечеловеческой трагедии, ну на меня-то это производит другое и даже не грустное впечатление; застрелился Грибов, этот духовно опустошенный человек; в иное время, при других условиях, ну лет 40-50 назад, такой духовно опустошенный человек, пользуясь своей денежной властью, творил бы мерзость мира, создавал бы вокруг себя душливую атмосферу, в которой бы задыхались и заражались многие, а теперь этот Грибов вычеркивает себя из жизни как нечто ненужное, для жизни непригодное, и в этом я усматриваю признаки эстетического роста жизни. Здесь, пожалуй, уместно будет поставить вопрос: что помешало Грибову стать подлинным, настоящим человеком? Может быть, то, что помешало стать тем же одному из героев рассказа Чехова «Ненужная победа». На этом, пожалуй, я и закончу это письмо, вовсе не потому, что мне не хочется еще кое-что сказать, но думаю, что тогда это письмо выйдет из пределов и этого листа, ну а это долго, мое письмо и так чрезмерно затянулось. Я, пожалуй, благодарен случаю, предоставленному мне написать это письмо, ведь там, так сказать, на воле, пожалуй, и не успел бы, ведь там все некогда. Густав Густавович, когда получите это письмо, напишите сестре открытку, что Вы его получили. Я хочу знать наверное, что Вы его получили. Адрес: Кривоарбатский пер., дом. 11, кв. 13. Наталии Фабиановне Зайцевой.

23 октября 1914 г. Таганская тюрьма. *Николай Нечипорович*

В письме всего четыре листа.

Панебратцев Ю. — Шпету Г.

16 ноября 1932 года

Москва

Глубокоуважаемый профессор!

Я решил все-таки еще раз беспокоить Вас: присылкой моей статьи. Дело в том, что мысль об этой работе была дана мне имен-

но Вами: когда во время нашей беседы, летом 1930 года, я рассказал Вам о двух основных интуициях, лежащих в основании моей внутренней философской работы, Вы дали мне совет сделать попытку их феноменологического описания и анализа.

Этот опыт я Вам и посылаю. Это только сжатый, почти конспективный очерк, на большее у меня нет сейчас ни времени, ни сил. Все же, может быть, и он не был бы написан, если бы не случайное прочтение «Фэдона», который на этот раз, — в противоположность первому чтению, — произвел на меня потрясающее впечатление и сразу вызвал в уме идею данного очерка.

Мне очень ясны его недостатки — и самый главный тот, что я сам все-таки не уверен, можно ли назвать его «феноменологическим очерком» и в каком смысле. Мне кажется, что назвать его психологическим нельзя: при писании его я был далек от психологизма; но не нарушил ли я границу феноменологии в другую сторону: не смешиваю ли я ее местами с метафизикой? Такие вопросы с моей стороны могут показаться странными: но, право же, если все-таки окажется, что в моей статье я остался на почве феноменологии, то это удивит меня не меньше, чем Мольеровского героя удивило то, что он говорит прозой. Сознательно я всячески старался избегать метафизики, но идея феноменологии, несмотря на всю ее привлекательность, не обладает еще для меня той степенью ясности, какой бы мне хотелось. Для меня все еще не ясна строгая грань между наукословием и феноменологией.

Надеюсь все же, что Вы отнесетесь снисходительно к моим промахам, принимая во внимание, что я самоучка в философии и считаю сам себя стоящим на ступени ученичества.

Но прошу Вас без снисхождения указать мне ошибки и промахи и путь, на котором возможно их исправление. Мне очень неловко беспокоить Вас, но краткость статьи позволяет думать, что она не отнимет у Вас много времени.

То, что я передаю ее Вам через вторые руки, а не являюсь сам, объясняется тем, что после неудачной попытки увидеться с Вами осенью 1930 года, я не знаю, насколько удобно мне лично прийти к Вам: может быть, Вы находите почему либо неудобным для себя мое посещение. Поэтому, если это Вас не затруднит, пошлите Ваш отзыв о моей статье по адресу: Москва, 1-ая Квесисская ул. (близ Савеловского вокзала), дом № 5, кв. 4. Юрию Михайловичу Панебратцеву, или же позвоните мне по телефону: 4-37-76, Книжная палата, отдел статистики.

Искренне уважающий Вас

Ю. Панебратцев

Райнов Т. и Шпет Г.

Райнов — Шпету

6 октября 1921 года

Многоуважаемый Густав Густавович,

Прилагая при сем Curriculum vitae, прошу Вас — если состоится мое избрание — сообщить мне о нем по адресу: Кривой рог, Екатеринославской губернии, Украинская учит. семинария, переслать мне. В сообщении будьте добры указать, если возможно, как будет решен вопрос о ставках, обсуждаемый, как Вы говорили, в настоящее время¹. Наконец, я очень прошу Вас оказать мне содействие в снабжении меня документами от Главпрофобра или другого соответствующего учреждения на право провоза 50 пудов груза в качестве переводящегося.

Заранее приношу Вам искреннюю благодарность.

Уважающий Вас *Т. Райнов*

Если в соответствующем учреждении при моем утверждении в должности возникнет затруднение в связи с моим избранием в Питере на аналогичную должность, то я готов представить заявления об отказе от своей питерской кандидатуры.

Curriculum vitae

Тимофея Ивановича Райнова

Т. И. Райнов родился 29 июля 1888 в селе Калачево, Аккерманского уезда, Бессарабской губернии, в крестьянской семье; по национальности — болгарин. Образование получил сперва в мужской гимназии в городе Белграде Бессарабской губернии, которую окончил в 1909 году, затем в СПб Политехническом институте, в котором пробыл 1 год (на инженерно-строительном отделении), наконец, в СПб в университете, сперва на историко-филологическом, позже — на юридическом факультете, курс по которому окончил в 1915 году. В университете занимался главным образом методологией социально-исторических наук (методологический семинарий Лаппо-Данилевского, с 1912 по 1916 год), а также психологией творчества (семинарий Д. Н. Овсяннико-Куликовского). Печататься начал с 1910 года. При сем прилагается список некоторых работ Т. И. Райнова:

---

¹ Не только как он решен в принципе, но как будет проводиться.

1. «Лирика научно-философского творчества», 1910, около 1,5 п.л. в I т. «Вопросов теории и психологии творчества», изд. 2-е.
2. «Введение в феноменологию творчества», 1912, 6,5 п.л., в V томе того же издания.
3. «Психология творчества Д. Н. Овсяннико-Куликовского», 1913, 0,5 п.л., там же.
4. «Гносеология Лотце», 1913, 2 п.л. в «Новых идеях в философии», вып. 7.
5. Разбор диссертации Д.П. Миртова о психологии Лотце, около 1 п.л., в ЖМНП, 1914 или 1915 г.
6. «Понятие чистой логики», 1913–1914, 2 п.л., в «Вестнике психологии» за 1913 или 1914 г.
7. Разбор книги Дюркгейма «Les formes elementaires de la vie religieuse», «Вестник психологии», 1913, около 1 п.л.
8. «Теория искусства Канта в связи с его теорией науки» 9 п.л., 1914–1915, в «Вопросах теории и психологии творчества», вып. VI.
9. «“Обрыв” Гончарова как художественное целое», 2 п.л., 1914–1915, в том же издании.
10. «Философские взгляды и педагогические приемы А.С. Лаппо-Данилевского», 1 п.л., 1915, в ЖМНП.
11. «Лейбниц в русской философии второй половины XIX века», около 1 п.л., 1916, в «Вестнике Европы».
12. «К психологии личности и творчества Лаврова», 3 п.л., 1918, печатается в сборнике «Памяти Лаврова».
13. В 1918 году была написана и сдана в печать, но погибла во время гражданской войны рукопись «Очерков по истории русской философии 50–60-х гг.», около 6 п.л.

Москва

4 октября 1921 г.

Т. Райнов.

Временный адрес:

Кривой Рог Екатеринославской губернии.

Украинская учительская семинария,

для пересылки Т. И. Райнову.

Райнов — Шпету

22 января 1922 года

Многоуважаемый Густав Густавович, позволяю себе еще раз затруднить Вас просьбою — сообщить мне, в каком положении во-

прос о моем назначении в исследовательский институт? Уже наступил условленный срок, начало II-го семестра, к которому Вы предполагали прислать мне вызов в Москву, а его, вызова, нет, и я теряюсь в догадках, что бы это могло значить. В большой город, помимо частных причин, меня тянет необходимость в литературе для завершения написанной в последние месяцы книжке об Овсяннико-Куликовском и для подготовки книжки о Потемне, порученной мне Украинской Академией Наук. Одну из этих работ я смогу представить в Институт, если понадобится для официальных целей. Только существует ли самый Институт? Или, как роскошь, упразднен? Или я туда не попал? Как бы то ни было, прошу Вас оповестить меня, чтобы я знал, что мне делать дальше. Извините еще раз, что, так мало зная Вас, я Вас так много утруждаю, но Ваше любезное и участливое предложение осенью позволяет мне думать, что раз *le vin est tiré, il faut le boire...*

Искренне уважающий Вас Т. Райнов

Адрес: Кривой Рог Екатеринославской губернии. Украинская семинария, для передачи Т. И. Райнову

P. S.: Вышла ли Ваша История русской философии?

Райнов — Шпету

13 ноября 1927 года

Дорогой Густав Густавович!

Чувствую себя обязанным откликнуться на Вашу новую книгу не только в благодарность за то, что Вы ее мне презентовали, но в особенности потому, что она принадлежит к числу книг, которые *обязывают* не молчать о них, *вынуждают* говорить о них.

К сожалению, нет способа говорить о ней печатно. Говорить устно — значит говорить не о книге, а об авторе. Как ни тесно они связаны, это — не то. Остается — форма письма. Но ведь это только письмо. Поэтому многого в нем не скажешь.

Впрочем, как это бывает со всеми воистину хорошими книгами, — побуждая говорить *о них*, они запрещают говорить много о том, что есть *в них*: лучше помолчать о нем, чтобы, не тревожимое до времени выражением, оно тихо зрело. Поэтому — помолчим о многом или только обозначим его.

Итак, не обессудьте за краткость: она вытекает равно из «формы» моего отклика и из его «содержания». Простите также, что я буду говорить о Вашей книге в субъективном тоне. Для объективного суждения того, что о ней можно сказать, требуется — печать.

Книга радует и волнует не только своей темой, но и способом освещения темы. Может быть, лично я никогда не заговорил бы о «духе», исходя из «внутренней формы слова», но, без сомнения, это один из вернейших путей для проникновения в проблему духовного. А может быть — и вернейший, а не один из вернейших. Во всяком случае, идя этим путем, можно увидеть очень, очень многое. И Вы сумели это многое не только показать, но в очень большой степени и сказать. Я признаюсь, что сказанным о внутренней форме Вы часто возбуждали во мне недовольство. Не потому, чтобы это было плохо или неверно сказано. А именно: не — довольно. Вы приоткрываете завесу, показываете нечто подлинное, многозначительное и волнующее. И именно потому, что это — подлинное, хочется большего. Я не хочу сказать, что Вы могли бы сделать это большее или что это мог бы сделать другой. Нет: это не упрек лицу, это жалоба на предмет, который искони оказывает на всех, кто пробует к нему ближе присмотреться, какое-то странное действие — точно Вас выталкивает что-то, Вы не можете устоять — вот, как нельзя долго смотреть на солнце, не опасаясь ослепнуть. Но Вы все-таки посмотрели, хоть сощурив глаза, и кое-что увидели, и мы знаем, что это — от подлинного солнца. Такое впечатление производят на меня, например, стр. 33 (сравнение с Гегелем), 35—8, 45, 46, 50—51, 64—65, 66 (и примеч.), 104—05, 117—118, 127, 138—9, 140—1 и др. Это — все мысли о существе духовной действительности как таковой. Эти мысли заставляют вспомнить о многих — простите за искреннее слово — таких же косноязычных, как Ваши, впечатлениях великих путешественников в эту таинственную страну духовного. Вспомнить не только тем, что Ваши впечатления во многом схожи с их впечатлениями, но и тем, что это, как и у них, впечатления очевидца, а не разработателя предания. И тем более драгоценные впечатления, что они при своей непосредственности и независимости говорят в общем то же и о том же, что и впечатления великих и невеликих классиков.

Из более частных элементов Вашей книги я с особенным удовольствием читал прекрасные страницы о поэтической внутренней форме и особенно о роли идеала в искусстве. Это старое полужабытое понятие вполне заслуживает реабилитации, и мимо сказанного о нем Вами нельзя пройти безнаказанно для себя.

Меньше дала, по крайней мере мне, глава о месте и определении субъекта. Превосходна последняя глава, — насколько, впрочем, этому не мешает (в моих глазах) предшествующая ей глава о субъекте.

По-видимому, чувство некоторой неудовлетворенности, оставляемое двумя этими главами, коренится вот в каком совершенно объективном обстоятельстве.

Все то глубокое и пронизательное, что сказано Вами в предшествующих главах о внутренней форме слова как эмбрионе и

«начале» духа, именно своим сосредоточением на этом «начале» уводит всех, — в том числе и Вас, от двух вопросов, — уводит в том смысле, что Вы не могли уделить им больше внимания, и еще в том, что, по-видимому, они как-то блекнут и тускнеют в нашем сознании, когда оно уходит в проблему духа, — тускнеют вследствие какой-то своей чуждости, может быть, даже враждебности по отношению к духовному. Эти вопросы: та «действительность», о которой Вы вскользь упоминаете на стр. 37, а затем — тот реальный субъект, в котором как-то сочетаются духовное и «действительное». Они у Вас в тени, а когда Вы, как в главах о субъекте, выводите их на свет, они представляются чем-то «сырым», не согретым тем огнем, который чувствуется, жжет в главах о внутренней форме. Я не смею поставить Вам этого в вину, да и не судья я Вам, потому что у меня здесь тоже неблагоприятно, как у многих зачарованных прежде всего видением духовного мира.

Но сказать Вам об этом я считал себя обязанным, потому что Вы, помнится, обращали мое внимание именно на главы о субъекте. Простите, но они не так поучительны, как главы о собственно внутренней форме. О «действительности» же Вы не говорите вовсе, — это, конечно, Ваше право.

Вот мои умышленно немотивированные впечатления. Правду сказать, верны они или ошибочны, они не стали бы лучше, если бы я пытался их мотивировать. Во всяком случае, они искренни. И мне остается сказать Вам еще раз, что Ваша книга доставила мне большую радость и что она не пройдет бесследно для всякого, у кого есть уши, чтобы слышать.

Жму Вашу руку. Преданный Вам *Т. Райнов*

Шпет — Райнову

20 ноября 1927 года

Дорогой Тимофей Иванович, очень Вам благодарен за Ваше внимательное письмо! Оно пришло весьма кстати. Я пребываю сейчас в той стадии авторского отношения к своей книге, когда все кажется в ней плохим: и не то сказал, что хотел, и не так, как хотелось, и самое главное осталось несказанным, и т. д. И на этот раз объективные основания к тому — весьма ощутительны, — книга писалась долго, в остаточки времени, по клочкам, забывалось не только написанное уже, но даже первоначальный план не раз переделывался и менялся; лишь в корректуре, и то весьма частично, я мог подправить язык. Ваше письмо показывает, что все же, при благожелательном отно-

шении, из книги кое-что извлечь можно. Кроме того, я знаю, Вы — критик взыскательный, что касается *существа* дела, и потому Ваша доброжелательность мне особенно приятна. Наконец, — тут мне очень не хотелось бы ошибиться, — я почувствовал в Вашем письме некоторый тон *интимности*, быть может, вызванный тем, что Вы, в свою очередь, увидели некоторую общность в нашем отношении к тому, что Вы называете *духовным*. Теперь, когда каждый из нас живет в своего рода культурной (или анти-культурной?) изоляции, такого рода чувство испытывается с особою теплотою и благодарностью.

Я хорошо понимаю то *не-довольство*, которое Вы констатируете у себя. Когда я приближаюсь к этой основной, *большой*, быть может единственной, теме философии, я неизменно испытываю какой-то страх и даже трепет: все кажется, что к этому большому, главному ты не подготовлен ни внешне, ни внутренне. И вот, вместо того чтобы сразу подойти к этому большому и о нем прямо заговорить, отступаешь, что-то бормочешь, а потом, когда видишь это бормотанье занесенным на бумагу, не хватает сил его вычеркнуть: все кажется, что хоть смутно, хоть уголком глаза что-то ухватил, и хочется сообщить другому хотя бы намек, хотя бы настроение, этим «что-то» вызванное, и тем побудить другого, заманить его, и, быть может, заставить его заглянуть глубже и сказать больше.

Единственный и главный вопрос для меня именно о действительности и реальности. Я *условно* различаю для себя эти два термина, и в порядке предварительного определения под действительностью понимаю просто *то, что есть* и *практически* дано. Если действительность все-таки терминологически не тождественна существу, то только потому, что она есть сущее в его законе и разумном оправдании («объяснении»), раскрытие которого есть действительное познание. Реальность для меня есть та же действительность, но как осуществление, осуществляемое и то, что должно быть осуществлено. Это есть *смысл* действительности, то духовное, которое реализуется в духовной культуре. Поэтому основной мой интерес — в *понимании* этого смысла, его форм и их движения. Понятие внутренней формы — только обходной путь к главному. Заговорю ли я о нем самом, когда и как, не знаю.

В вопросе о «субъекте» у меня, по-видимому, авторская аберрация. Мне казалось, что здесь мне удалось что-то сказать, больше, чем раньше (например, — в «Сознании и его собственнике» — только отрицательное «решение»), положительное. С другой стороны, казалось, что тут формально подготовлено то, что я собираюсь еще написать, когда переведу на бумагу свой доклад «Искусство как вид знания». Основное все-таки, чтобы в субъекте найти не только действительное, но и реальное, т. е. культурно осуществляемое, смысловое. Но — не удалось, что же делать?

Буду утешаться, если такое утешение — не иллюзия, — что не удалось именно сказать, потому что *думал* об этом много.

Еще раз спасибо за Ваше внимание и благожелательность.
Искренне Вам преданный *Г. Шпет*.

Сакулин П. и Шпет Г.

Шпет — Сакулину

11 сентября 1920 года

Москва

<на бланке «Мысль и Слово»>

Дорогой Павел Никитич,

по личным причинам я вынужден сейчас свести до минимума свои публичные занятия. Временно я должен отказаться и от чтения лекций в Лите. Если такой длительный перерыв в занятиях покажется Вам неудобным, я просил бы заменить меня кем-нибудь. В противном случае позвольте мне уведомить Вас о возобновлении мною курса, когда к тому представится возможность.

С искренним уважением

Готовый Вам служить

Г. Шпет

5 декабря 1920 года

Москва

<на бланке «Мысль и Слово»>

Дорогой Павел Никитич,

С большою благодарностью возвращаю Вам Сидонского. Прошу простить, что так задерживал, — рассчитывал вернуть гораздо раньше, но, кажется, теперь часы отстают у всех...

Обращаюсь к Вам с новой книжной просьбою. Вы с Михаилом Осиповичем так рекламировали Тристрама Шенди, что я загорелся желанием прочесть его. Искал усердно английский оригинал или какой-нибудь перевод, но найти не мог. Посему и обращаюсь к Вам с покорной просьбою: ссудить мне книгу, если, разумеется, Вы ею сейчас не пользуетесь. Обязуюсь не держать так долго, как продержал Сидонского.

С искренним уважением

Ваш *Г. Шпет*

Сакулин — Шпету

30 декабря 1921 года

Дорогой Густав Густавович!

Сердечно признателен за книжку о Герцене. Предчувствую, что нам, словесникам, придется отказаться от многих или по крайней мере от некоторых воззрений на философию Герцена.

Спасибо и за Marty.

Очень жалею, что жена не разбудила меня вчера, когда пришли Вы (правда, в этот день я страшно устал). Нам нужно бы переговорить о Кабинете Этнической психологии.

Э.Л. Отделение весьма заинтересовано в том, чтобы Кабинет был прикреплен к нему, но для этого нам необходимы сведения о том, каковы задачи Кабинета, как он функционирует и, — главное — в чем выразится его связь с учебными планами Отделения. Деканат ждет от Отделения именно этих сведений. Пока же вопрос остается открытым, и Отделение не могло (не имело и права) входить в рассмотрение Вашей сметы.

Не откажитесь как-нибудь пожаловать на Заседание Отделения.

Ваш П. Сакулин

На обороте:

Профессору Густаву Густавовичу Шпету

Шпет — Сакулину

18 августа 1926 года

Москва, Долгоруковская, 17, кв. 2

Дорогой Павел Никитович,

Не ответил на Вашу открытку немедленно отнюдь не по небрежности. Хотелось дать Вам ответ возможно полный, а не все обстоятельства дела удались сразу.

На разбирательство дела в суд я не пошел — просто по раздражению на эту негодницу, — о чем теперь сожалею. Но я вспомнил, — опять-таки, к сожалению после разбора дела, — что в Мосполиграфе работал А. И. Кондратьев, и просил его узнать, в чем — недоразумение, и, если возможно, приостановить этот явно вздорный процесс. А. И. предложил мне написать соответствующее письмо в Мосполиграф, и с письмом отправился выяснять

вопрос. По его словам, затем, там были смущены поворотом дела, признали юридическую нелепость предъявленного нам иска, придумали ему какие-то глупые объяснения и обещали принять меры для полного выяснения всех обстоятельств.

Последний вразумительный ответ я получил только во вторник на прошлой неделе, т. е. через две недели после разбора дела, когда истёк срок кассации судебного решения (опять моя ошибка: не пошёл в суд раньше, не поинтересовался решением Суда!) Ответ гласил: невзирая на отсутствие всех трех соответчиков и невзирая на юридическую нелепость иска, дело разбиралось, по нему вынесено решение в пользу Мосполиграфа, и последнему выдается исполнительный лист на взыскание искомых сумм!!!!... Для полноты анекдота решение Суда изложено в следующей форме: взыскать причитающиеся суммы с *трех* лиц, — одного юридического лица, под титлом «Колос», и двух физических — Витязева и Сакулина!!!!... Я мог эгоистически радоваться, что я из этой *тройки* выпал — вероятно, по алфавитному положению буквы «Ш», а может быть, и по известному анекдоту, согласно которому наш суд знает понятие «третьего лица», но не знает «четвертого лица»!.. Между тем кассационный срок для обжалования решения Вами истек! — В субботу прошлой недели я встретил Витязева и сделал ему нахлобучку (хотя, в сущности, он тут ни при чем). Оказывается, он ничего об этом деле не знал и даже повестки в Суд не получил, ибо был в то время в Питере. Однако он обещал принять меры к ликвидации анекдота, тем более что он и лично — «физически»! — в этом заинтересован. Вчера вечером я говорил с ним по телефону, он обещал сегодня подать жалобу в прокурорский надзор и просить о приостановке исполнения решения Суда, — сейчас это — единственный выход. Что сделает Витязев и как — не знаю, но, как Вы сами видите, наша квалификация анекдота, как анекдота, не лишает его его идиотических последствий, и, мне думается, Вам, из предосторожности, следовало бы написать какому-нибудь знакомому юристу в Москве и поручить ему окончательную ликвидацию этого анекдота.

Как только узнаю что-нибудь новое по этому делу, напишу Вам.

Близко к сердцу всего этого, конечно, не принимайте, а спокойно отдыхайте и поправляйтесь, как следует.

Преданный Вам

Г. Шнем

Самсонова И. — Шпету Г.

6 июля 1922 года

Многоуважаемый Густав Густавович,

Я так и уехала, не успев толком ничего написать. Так как Вы не любите извинений, то, полагаю, не любите также и изъяснений благодарности, почему я от них воздержусь, надеясь доказать ее когда-нибудь лучше на деле. Сейчас я буду в Колосе, где и передам это письмо. Вчера я там тоже была, Ваше письмо получено; Витязева я там не застала, вместо него я говорила с барышней относительно рукописи. Как и всегда, Ваше имя производит магическое действие. Сначала барышня сказала мне, что может наверное сказать, что никакой рукописи они в настоящее время взять не могут, но, конечно, если Густав Густавович, тогда другое дело. И вот я хотела попросить Вас возможно энергичнее это сделать. Иначе я не смогу ни одеть Нину, ни дать ей образование, ни сама не буду иметь возможности пустить как следует корни, чтобы зарабатывать деньги. Перед отъездом я видела Экземплярского, которому оставила, по указанию Турбина, доверенность на заключение контракта на издание перевода Меймана Экономика и техника памяти, во что, откровенно, не верю. Он же хочет издавать Психологию воли, но все это проблематично, единственная же надежда на Вас. Я очень боюсь в делах предпринимать что-либо сама и очень прошу Вас и в дальнейшем не отказывать в советах. Я и на Меймана хотела просить Вас заключить контракт, но, во-первых, Турбин просил, что ему легче с Экземплярским (они часто видятся), а главное, все-таки избавила Вас от лишней заботы.

Если Колос согласен, я прошу Вас заключить контракт, какой Вы найдете нужным, я ведь в этом не понимаю. Сердечный привет Наталье Константиновне.

Готовая к услугам

И. Самсонова

8 ноября 1922 года

Многоуважаемый Густав Густавович,

До сих пор не получила ответа на свои вопросы и просьбы, поэтому принимаю молчание за знак согласия и решаюсь послать Вам доверенность. Я получила от Вл. М. Экземплярского письмо, в котором он, во-первых, извещает, что Воля напечатана и собирается выслать деньги, а во-вторых, предлагает передать ему Историю эстетических учений по 100 р. за лист. С другой стороны М. В. Сабашников тоже хотел иметь эту рукопись и тоже обещает сразу печатать. Я не вела с ним переговоров лично, но через жену А. Ф. Иоффе, который издает свою

рукопись через Сабашникова. Сабашников говорил, что обратится к Вам. Мне хотелось бы, чтобы рукопись была напечатана возможно скорее и в Москве. Если с Сабашниковым дело разладилось, то, может быть, передать Экземплярскому? Я пишу ему, чтобы он обратился к Вам. Как бы Вы ни поступили, я, как сказано в доверенности, спорить и прекословить не буду и всецело полагаюсь на Вас.

Я получила еще письмо от Евгения Ивановича, в котором он советует пойти к Франковскому или Радлову относительно издания Плотина.

Франковского я не нашла (не оказалось такого номера на указанной мне улице), а у Радлова была. Радлов ничего не знает определенного и обещал известить меня, когда выяснится. Значительную часть разговора Радлов посвятил Каптереву, который на него произвел сильное впечатление, как «необыкновенно культурный молодой человек» и он просил предать ему поклон при встрече. Евгений Иванович еще пишет, чтобы относительно Плотина я ждала вестей от Вас.

Буду ждать их с нетерпением, а пока желаю всего лучшего.

Искренно уважающая Вас

И. Самсонова

Р. S. Я ничего не имею против, если деньги без рассрочки, я могу их превратить в постоянную ценность.

Доверенность

Многоуважаемый Густав Густавович,

Настоящей доверенностью уполномочиваю Вас продавать принадлежащие мне рукописи моего мужа, заключать договоры с издателями и издательствами, получать причитающиеся мне суммы, получать обратно переданные моим мужем, мною и Вами самими рукописи, входить с издательствами в соглашение относительно сокращения текста рукописи при печатании, передавать копии в цензурные учреждения; подавать от моего имени, всюду, куда надобность укажет, не исключая должностных лиц и учреждений всякого рода прошения, заявления, отзывы, жалобы и другого наименования бумаги, словом, поступать как бы я сама. Все-му, что Вы по этой доверенности законно совершите, я Вам верю, спорить и прекословить не буду. Доверенность эта принадлежит профессору Густаву Густавовичу Шпету.

И. Самсонова

8 ноября 1922

Подпись руки гр. Инны Григорьевны Самсоновой удостоверяет
З. отд. Выб. р-на

Нар. Судья Подпись Печать Петербургского народного судьи.

11 сентября 1927 года

Многоуважаемый Густав Густавович

Хочу просить Вас потерпеть мои книги еще до будущего лета. Я имела твердое намерение их взять, но не смогла этого сделать, хотя и провела целый месяц в Москве. Нина была в Москве на практике и заболела острым ревматизмом. Меня к ней вызвали, я была с ней, но у меня не хватило самообладания устраивать дела и даже навестить знакомых, что я и отложила в надежде на будущий год.

Искренно уважающая Вас *И. Самсонова*.

Прошу передать Наталье Константиновне привет.

Смит Дж. М. — Шпету Г.

24 мая 1914 года

4 Bumlou Place
Edinburgh

Dear Herr v. Spett

I am sure you must think I have quite forgotten to send you M. Bergson's lectures. They were only held within last month, and as the last lecture was held last Friday. I am sending on the course of eleven lectures. I listened to several of them. M. Bergson spoke in French, and it was very difficult following philosophy in a foreign language.

My sister has been in Germany all winter, but she is home again. I expect your visit to Paris is now, a thing of the past.

I hope — have been *you* up your English.

Please remember me kindly to your daughters, and with kind regards to yourself

I remain you sincerely

Georgie May Smith

24 мая 1914 года

4 Бамлу Плейс
Эдинбург

Дорогой Господин Шпет,

Я уверен, Вы думаете, что я совсем забыл выслать Вам лекции М. Бергсона. Они состоялись лишь в прошедший месяц, а последняя лекция была прочитана в прошлую пятницу. Я высылаю Вам курс из одиннадцати лекций. Я послушал некоторые из них. М. Бергсон говорил по-французски, было очень тяжело следовать за изложением на иностранном языке.

Моя сестра провела всю зиму в Германии, но сейчас она снова дома. Я полагаю, Ваш визит в Париж уже состоялся.

Надеюсь, Вы немного улучшили свой английский.

Пожалуйста, передайте от меня сердечный привет Вашим дочерям, и сердечный привет Вам.

Остаюсь искренне Ваш,

Джорджи Мэй Смит

Челпанов Г. — Шпету Г.

10 апреля <1904 года>

Киев

Многоуважаемый Густав Густавович!

Искренне благодарю Вас за поздравление. Не жалеите, что не были на диспуте; он вышел менее интересным, чем я ожидал. Возражения Гилярова были так несущественны, что я ему отвечал без всякого воодушевления. Серьезны были возражения Трубецкого и интересные замечания Бердяева. Члены семинарии поднесли мне адрес, который явился для меня такой неожиданной прибавкой к общему чувству удовольствия. Время после диспута украсилось одним или, если хотите, рядом инцидентов, о которых подробнее расскажу при свидании. Мои приятели Билимович и Долинский взялись изобразить диспут. Замечания Гилярова вследствие их крайней простоты они точно отметили; моих ответов они сформулировать не были в состоянии и поэтому предпочли их пропустить. Из отчетов получилось впечатление, что я на брань Гилярова ответил *молчанием*. Я, разумеется, протестовал против такого отчета. Гиляров мне ответил. В спор вступил известный Вам А. Поляков и рассудил дело в пользу Гилярова, заявив, что он слушал мои лекции, но никогда их не понимал. За меня заступился М. Тростянский и... я боялся, чтобы газетная полемика не приняла больших размеров, к счастью, она скоро прекратилась.

Книга Шиманского уже вышла. Вы ее, вероятно, на днях получите. Труды семинарии тоже выходят на днях. Я ее вышлю Вам. Что касается книг, о которых Вы просите, то я пришлю их Вам по получении от Адама Карловича.

О книжке Кронеберга ничего не могу сказать. Не думаю, впрочем, чтобы Вы там могли найти для себя что-нибудь подходящее, если судить о ней по первому изданию.

Было бы очень хорошо, если бы Вы разоблачили Соколова, но только не знаю, будет ли у Вас время для сличения. Нужно нанести ему сильный удар. Для этого нужно, чтобы Вы указали возможно большее число ошибок. Я уверен, что если у Вас будет время, то Вы прекрасно справитесь. Но все-таки советовал бы не увлекаться и отвлекаться он Вашей настоящей работы. До конца мая остаюсь в Киеве.

Ваш *Г. Челпанов*

11 мая 1904 года

Многоуважаемый Густав Густавович!

Grimm'a и Laas'a передал Блонскому для пересылки Вам.

О Зачете 6-го семестра не беспокойтесь. Кулаковский о Ваших знаниях новых языков дал такой отзыв, что и речи не могло быть о том, чтобы не зачесть семестра. (Впрочем, кажется, при этом было сказано, что экзамен по новым языкам откладывается на четвертый курс.) Очень рад, что сочинение Адама К. произвело на Вас хорошее сочинение <впечатление>. Уверен, что если Вы не будете отвлекаться, то успеете написать такое же. Советую поспешить с изучением Канта. Идеальным было бы, если бы Вы к 1 сентября окончили вчерне, чтобы до конца ноября нужно было Вам только переписывать. Второй выпуск трудов надеюсь закончить к концу мая. Адреса А. К. не знаю точно, но ему можно писать в гимназию Валькера. В настоящую минуту его, кажется, нет в Киеве. Он поехал в Варшаву, к своему отцу, который серьезно заболел.

Что касается моего летнего времяпровождения, то оно в проекте представляет такой вид. 1 июня, если семейные обстоятельства позволят, уеду за границу до 1 сентября. В случае надобности пишите по теперешнему адресу.

Ваш *Г. Челпанов*

3 апреля 1911 года

Итака.

Дорогой Густав Густавович!

Спасибо Вам великое за Ваше письмо. Мне было так интересно узнать о том, что делается в Москве, в какое бешенство я пришел, узнав, что Сергей Иванович положил черный шар. Я не допускал мысли, чтобы такой негодяй мог быть среди членов Психологического общества! Даже здесь пожертвование С. И. приводит в изумление психологов и сообщение об этом появится в одном из Психологических журналов.

Я рассматривал три Педагогических института, захватил их программы и проч., но их организация так своеобразна, что едва ли можно будет сделать какое-нибудь применение у нас в России. — Кстати, когда я сказал Тиченеру, что у нас открываются лаборатории при средних школах, то он рассмеялся и сказал: «То-то я думаю, что это значило бы, что в России такое большое количество психологических лабораторий». Путешествуете мне очень хорошо. Пока осмотрел Нью-Йорк, Итаку, Чикаго, Эннербор, Ниагарский водопад. Сейчас в Итаке пробуду три дня, чтобы по-присутствовать на съезде Американских экспериментальных психологов, на который я получил приглашение. 20-го апреля думаю выехать отсюда, но если из разговора с членами съезда выяснится, что есть еще кое-что, что стоит рассмотреть, то выеду 27. Впрочем, маршрут я составил при участии Cattell'я очень подробный. После Итаки следуют Бостон, Вустер, Мидльтаун, Нью-Гэвен, Балтимор, Филадельфия, Вашингтон. Хотелось бы очень сейчас по приезде прочитать доклад, да только не знаю, удастся ли.

Привет Марии Александровне и Елене Михайловне. Крепко жму Вашу руку. Ваш *Г. Челпанов*

25 мая 1912 года

Дорогой Густав Густавович!

Только сегодня собрался Вам написать. Огромная канцелярская работа, связанная с председательствованием, отнимает массу времени. — Затем поездка в Мариуполь и осложнения в семье сестры — все это очень и очень мешало мне приняться за корреспонденцию. Через несколько дней, наконец, я освобождаюсь.

Никак не могу одобрить Вашего намерения не быть в Университете. Это будет огромным ущербом для Вашего усовершенствования. Для чего было ехать в таком случае в Гёттинген, и что Вы напишете в Вашем отчете? И, наконец, даже с внешней стороны как-то невероятно неловко. Вы вернетесь без знания языка и без способности понимать его после двухлетнего пребывания в Германии. Я думаю, Вам следует очень серьезно обдумать это обстоятельство, потому что время может уйти и вернуть нельзя будет.

Еще один вопрос, о котором мне хотелось написать Вам два слова. Вопрос этот имеет слишком интимный характер, чтобы я счел себя вправе о нем говорить, но я решаюсь говорить о нем только постольку, поскольку о нем и другие «говорят». Еще до Вашего отъезда я слышал о вашем намерении «расходиться» с М. А., но мало что говорят. — Теперь же уже из консистории идут слухи, очень определенные, что Вы собираетесь «разводиться». — Я совер-

шенно не считаю себя вправе давать какие-нибудь советы — потому что понять отношения между мужем и женой никто не может... Но все же думаю, что на Вашем месте я бы предпочел «разойтись», чем «развестись». На тех, от кого я слышал, Ваше намерение произвело очень тяжелое впечатление. Я боюсь, что общественное мнение не только Вам не простит, а даже сильно Вас покарает... С *этим* нельзя не считаться. Мне кажется, что лучше избрать форму конфиденциальную, чем официальную. Будет спокойнее для всех трех.

Не подумайте, что я об этом пишу просто из желания вмешаться. — Может быть, Вы переживаете, Бог знает, какие душевные терзания. Но я хотел только сообщить Вам то, о чем немногие решатся с Вами говорить... Я думаю, что Вам не простят «развода». Пишу об этом с тяжелым чувством. По легко понятным для Вас мотивам, было бы лучше, если бы мы об этом больше не говорили. Было бы хорошо, если бы Вы об этом ничего мне не писали.

О себе ничего не пишу. Месяц пребывания в Харькове порядком меня утомил. Спешу домой. Окончание постройки института задерживается именно моим продолжительным отсутствием. Бюджет еще не утвержден. Придется еще раз поехать в Петербург, и только после этой поездки я думаю, попаду к своим. Слышали Вы, конечно, что был диспут Н. Д. Виноградова. Как прошел диспут, Вы, вероятно, слышали. После диспута предложил ему занять кафедру Льва Михайловича. Но он не захотел быть «первым» «возвратившимся». — Не знаю, что из этого будет. — Здесь, в Харькове ищут преподавателя на вакантную кафедру. Они предполагают обратиться, между прочим, к Викторову, не знаю, как он к этому отнесется.

В Берлине на съезде я долго был с Нечаевым. Предполагается Съезд в апреле 1913 года. Из всего можно судить, что нам придется принять в нем участие. Думаю, что и Ваше участие будет очень желательно. Потом об этом я напишу подробнее.

Пишите, как идут Ваши дела. До 6 июня в Москве. После 6-го июня Крым. Симеиз. Дача Аракиной.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш *Г. Челпанов*

30 ноября 1912 года

Дорогой Густав Густавович!

Только сегодня собрался Вам написать несколько слов.

Институт наш функционирует всюю. Третий этаж заполнен: разрабатывается 17 тем. Второй этаж, practicum, функционирует очень хорошо. К сожалению, аудитория наша auditorium maximum оказывается мала. Но уже теперь неисправимо. Все посещающие

институт очень его одобряют. Сергею Ивановичу я еще не показывал. Думаю сделать это на днях. У нас большая новость. Утвердили наш план философского отделения.

Мы, разумеется, «торжествуем». На факультете у нас еще новость. Виппер *отказался* читать «философию и методологию истории», по-видимому, навсегда. Министерство настаивает, чтобы этот курс читался. Пока согласился читать, вероятно, известный Вам А. И. Яковлев, но, по всей видимости, у меня явилась надежда, что Вы возьметесь читать этот курс; он для Вас подходящ; а если вам можно будет передать еще курс пропедевтической логики, то откроется возможность навсегда устроиться в Москве.

Читал у нас на днях в Психологическом обществе доклад Ильин на тему: «О смысле смысла» в Гуссерлианском духе (напрасно Гуссерль не признает его «своим»), но отступая от него (в этих отступлениях он проводил поразительно вздорные мысли). Но в общем, по-видимому, имел успех у публики (Лев Михайлович был к нему непримирим: назвал мелодраматизмом его смысл смысла).

В Москве у нас был Rehmke. Я с ним виделся. Мы очень мило с ним беседовали, но чего он собственно приехал, я совершенно не постигаю.

Викторов просит о продлении командировки и прислал в качестве отчета две статьи, но мы препроводили их в Министерство. По-видимому, он поставил свою кандидатуру в Харьков, потому что оттуда пришел запрос от некоторых профессоров, что он за человек. Я на днях читаю доклад в Психологическом Обществе: «О прикладной психологии в Америке и Германии» и пишу устав Общества вспомоществования участникам Психологического Общества. Помогает очень Елена Михайловна, она всегда с такой нежностью говорит о Вас и Марии Александровне.

Пишите, не забывайте.

Ваш Г. Челпанов

Марии Александровне мой сердечный привет. Рома Иванов кланяется Вам и Марии Александровне.

11 августа 1913 года

Крым. Новый Симеиз.

Дорогой Густав Густавович! Простите, по обыкновению запоздал с ответом. Письмо Ваше получил в конце мая по приезде из Харькова. До 16-го июня длилась тяжелая ликвидационная работа — в это время не мог приняться за письмо. Перед отъездом в Крым я узнал, что в *июле* Вы будете в Москве. Как бы подтверждением этого слуха явилось то обстоятельство, что Ваш приятель подыскивал в Крыму

участок земли для покупки (для Вас). Я был уверен, что увижу Вас в Крыму. Но, по-видимому, слух о Вашем приезде не оправдывается.

Вы спрашиваете об *отчете*? На этот вопрос легко ответить, если знать, думаете ли Вы приехать к январю 1914 года или предполагаете продлить командировку.

Если Вы думаете приехать к 1-му января 1914 года, то отчет можно представить когда хотите, а если не хотите, то силой Вас никто не станет принуждать, раз Вы командировочные суммы все получите до этого срока.

Если же Вы думаете продлить командировку, то по примеру прошлого года нужно послать отчет в Министерство с соответствующим прошением не позже 1-го *октября*, чтобы Министерство могло оставить Вам пай из средств 1914 года. (Как Вы знаете, в ноябре месяце происходит распределение паев.)

Теперь мне очень хотелось бы знать, как Вы проектируете приехать: в январе или позже. Из письма все же для меня не вполне ясно, закончите Вы к 1-му января работу таким образом, чтобы могли приступить к печатанию. Собственно такой «пункт» был бы весьма желателен. Ради него стоит рискнуть пропустить еще полугодие на Женских курсах и т. п. Как я вижу, все это от вас не уйдет и после.

Знаю, что Вы в данный момент не можете сказать с определенностью, будет ли готова диссертация к 1-му января, а потому мне кажется, что всего было бы лучше хлопотать о продлении командировки на *полгода*. Если у Вас диссертация будет готова или по обстоятельствам Вы решите вернуться, то ведь отказаться Вы всегда можете... Разрешение продлить ни к чему Вас не обязует.

Меня очень радует Ваше сближение с Гуссерлем. Если бы та точка зрения, которую Вы усвоили, получила выражение в диссертации, то это было бы превосходно. Точка зрения и новая и интересная!

Напишите непременно о Ваших планах.

О нас что Вам написать? Я кончаю свою статью для сборника. Весь сборник предполагал напечатать к концу октября. Около этого времени будет, я надеюсь, и открытие института. В начале сентября будет известно, внесут ли в Думу проект о нашем бюджете.

В Харькове Викторова *провалили*, вместо него избрали Каринского. Самсонов в Мюнхене, собирается под руководством переведенного туда Кюльпе писать экспериментальную работу и просит о продлении командировки еще на год.

На днях получил письмо от Зеньковского. Он пишет, что на Киевскую кафедру поставил свою кандидатуру Каринский. Что это означает, не могу понять. Вопрос о журнале у меня *в сознании* очень подвинулся вперед. Думаю с 1-го января издавать журнал

под заглавием «Русский журнал экспериментальной психологии». На этот раз это решение бесповоротно!

Жму Вашу руку и жду Вашего ответа. Здесь в Крыму пробуду до 1-го сентября.

Ваш *Г. Челпанов*

Шатенштейн-Вейцман С. — Шпету Г.

28 июля 1922 года

Фрейбург (Германия)

Многоуважаемый Густав Густавович!

Мне удалось попасть в Фрейбург, где читает профессор Гуссерль и передать привет от Вас, правда довольно устаревший, но профессор Гуссерль и этому был очень рад и подробно расспрашивал про Вас. Я получила один экземпляр 2 издания 6-й части (конец) Логических исследований, которые постараюсь переслать Вам. Кроме этого нового пока ничего не вышло в свет, но имеется уже целый ряд рукописей, которые подлежат окончательной обработке.

Вокруг профессора Гуссерля образовалась большая школа феноменологов, и в ближайшем будущем появится уже 5-я книга *Jahrbuch'a für Phänomenologie*. Здесь у профессора Гуссерля работают бывшие его ученики, которые помнят Вас со времен пребывания в *Gottingen'e*.

Меня профессор Гуссерль допустил в свой семинар, узнав, что я Ваша бывшая слушательница. Я провела здесь 5 недель, так как попала к концу летнего семестра, но и в этот короткий срок многому выучилась. В течение 2 1/2 лет, которые я провела в Польше, я совсем забросила феноменологию и работала только в области истории философии по плану, который Вы мне дали, не теряя надежд вернуться в Москву. — Известие от Вас меня очень обрадовало бы, поэтому обращаюсь к Вам с просьбой написать мне по адресу: *Berlin, Achenbach Str. 7-8. S. Weizmann* для Софии Львовны, откуда письмо мне перешлют в Лодзь, где я постоянно живу.

С глубоким почтением.

С. Шатенштейн-Вейцман.

Шаховской Д. — Шпету Г.

13 июля 1934 года

Многоуважаемый Густав Густавович.

Извините, что зашел к Вам, хотя мне удалось сговориться с Вами по телефону. Я было начал ждать Вас, так как милая девушка, отворившая мне дверь и доложившая Вам обо мне, передала мне Ваши слова, а не свое приглашение.

У меня Ваши книги по религиозной философии, а у Вас мой экземпляр философических писем Чаадаева. Вернуть Вам первые не требует никакого сговора, и я Вам их занесу завтра. Хотелось бы со своей стороны получить Чаадаева. Если вам трудно разыскать его сейчас, то, конечно, это можно отложить на несколько дней.

Очень я жалел и жалею, что никак не может состояться наша беседа у Ивара Тенисовича Смильги. Он так редко здесь бывает, так расхвачано здесь его время и так внезапно иногда он уезжает, что никак не удастся общую беседу устроить. Думаю, она была бы не лишней и для него, как автора вводной статьи. Ведь никак нельзя будет совсем избежать в ней философской оценки Чаадаева. Нечего и говорить, как полезна и приятна была бы эта беседа для меня.

Так завтра в это же время я занесу Вам книги. Если не смогу получить философических писем, то прошу Вас мне передать, когда и как я смогу их получить. Ваш *Дмитрий Шаховской*

Шпет Г. — Боровому А.

21–22 ноября 1908 года

Шпетт после ночи в «La Scala» и ночевки у нас
Привет друзьям!!!

Густав Шпет

1 декабря 1913 года

Paris, 191 Rue de l'Université
Monsieur Alexis Borovoj
Roussie, Moscou, Mjasnitskaja
Maison de Metz pour Monsieur Borovoj.

Дорогой Алексей,

Тщетно я ищу тебя, вот уже две недели! Сперва искал по адресу avenue d'Alma, который оказался фантастическим, теперь де-

лаю попытку найти по адресу, полученному от Жозефа («Жозир, Рагу!...»), но сомневаюсь в удаче, ибо обозначенного на обороте адреса в своем плане Парижа найти не мог. Если тем не менее до тебя дойдет это послание и ты не протестуешь против свидания со мною, то напиши, как, где и когда тебя найти...

Твой *Густав Шнет*

8 декабря 1922 года

Дорогой Алексей Алексеевич,

Твой экземпляр Франка («Ф и Ж») находится (кажется!) у меня в университетском кабинете (в Психологическом институте). Как раз сегодня у меня приемный день и я буду там с 5 часов (до 7). Если пришлешь туда кого-нибудь и если книга действительно там, то сегодня же и получишь.

Жму руку!

Сердечно, твой *Г. Шнет*

Яворская Л. — Шпету Г.

10 марта 1902 года

Густаву Густавовичу Шпету

От Л. Яворской.

Спасибо, сердечное спасибо Вам и Вашим товарищам. Вы видели мои слезы, так глубоко тронули Вы меня Вашим горячим словом приветая... От Вас это мне тем более дорого, что и я здесь в Киеве провела свои годы юности, согревшие меня на всю жизнь теми же идеалами, которые и в годы «Северного курьера» и «Нового театра» «светили» руководящими звездами.

<1902 год>

«Вижу я ту букву N, которой клеймил он плечи королей...»

Г. Г. Шпету на память от Орленка.

Л. Яворская

4 июля 1903 года

Киев, Костельный переулок
Густаву Густавовичу Шпетту.
Екатеринослав

Получила твою открытку. Мне грустно, Густав, мне все здесь надоело. Время идет мучительно однообразно. Напиши мне что-нибудь длинное и хорошее, рассея мою тоску...

Сара

Яковенко Б. — Шпету Г.

12 июля 1914 года

Многоуважаемый Густав Густавович!

Мне очень хочется ответить Вам на Ваше последнее большое письмо обстоятельным образом. Но до сих пор не собрался. Потому прошу Вас очень сообщить мне Ваш новый адрес. Сейчас же со своей стороны сообщаю Вам просимое: Генрих Эрнестович Ланц. Marburg i. L., Marbach 5 1/2. Деньги я получил уж. Спасибо. Адрес Ваш нужен мне также и для того, чтобы сообщить Вам название итальянских книг, которые, по-видимому, мой поставщик Вам не доставил, хотя я и просил его сделать это.

Жму руку, Ваш *Б. Я.*

29 сентября 1914 года

Cavi di Lavagne (Pro. Di Genova)

Многоуважаемый Густав Густавович!

События сначала прервали всякие сношения между Россией и Италией и я не получал (после первой полочки от 21 июня) более уже никаких денег от Товарищества Мамонтова. В последнее время сношения установились и я уже писал с оказией в Контору Товарищества о том, как мне сюда переправить деньги. Но, может быть, мои письма не дошли по назначению и Контора находится в полном неведении относительно моего нынешнего местопребывания.

Очень прошу Вас посодействовать скорейшему переводу мне денег, приходящихся на июль, август сентябрь (300 р.) — Переправить их можно через Русский для внешней торговли банк, отделение которого имеется в Генуе. Послать, разумеется, придется телеграфом (в мой счет) на мое имя (а я сам уже справлюсь в

Генуе). — Но это, разумеется, лишь в том случае, если в России держится хороший курс (т. е. не ниже 250 fr. на 100 руб.). Если же курс ниже, то лучше будет послать через Министерство иностранных дел (в Москве деньги вносятся с этой целью в Городскую Управу) Императорскому Римскому Консульству для переправки мне в Cavi di Lavagne. Консул и принимает как раз 300 руб. Впрочем, я не знаю хорошенько, можно ли через М.И.Д. послать деньги одному и тому же лицу неоднократно. Если оказалось бы, что нельзя, то придется послать мне их через указанный банк даже в случае изрядных потерь, так как я уже получил деньги через М.И.Д. один раз. Возможно, что для посылки денег таким путем на одно и то же имя установлены какие-нибудь сроки: тогда, пожалуйста, поступите согласно установленным правилам.

Книга моя, конечно, задержалась сравнительно с предполагаемым сроком, так как война сразу захватила все внимание. Но это не беда, так как все равно в данный момент она бы не набиралась, да и вообще она Вам, как Вы сами говорили, нужна только лишь ко второму семестру. Я думаю приехать в Россию еще в декабре русско-го стиля и тогда привезу с собой готовый манускрипт. В противном случае попытаюсь как-нибудь (с оказией) переправить дубликат его.

Остаток денег, приходящихся на октябрь, ноябрь, пошлите мне, если можно будет, вовремя, т. е. 15 октября и 15 ноября — лучше через банк, если нет потери, а то — через консульство.

Еще одно обстоятельство: Если Вы совершенно потеряли из виду Ланца и не знаете, куда переправить ему первую половину гонорара его за перевод комментария Когена, обещанную ему на 15 августа старого стиля, то перешлите мне эти деньги, так как я ожидаю Ланца к себе из Лондона, куда он добрался после продолжительных мытарств по Германии и Бельгии, и где первоначально страшно бедствовал.

Как-то Вы проскочили из Германии в Россию (о чем не сомневаюсь, читал Вашу подпись под одним из запросов в «Р. В.»). Пришлось и Вам плохо от «германской культуры»? Итальянские газеты все время были полны замечательнейших сообщений об ее образцах и примерах. Что у Вас делается? Кто ушел на войну из философов? И что вообще философского ожидается в этом семестре? Напишите, пожалуйста. Письма доходят. Всего хорошего. Ваш *Б. Я.*

13 ноября 1914 года

Cavi Genova

Многоуважаемый Густав Густавович!

Начну с «дел». Те 100 р., которые были отосланы мне еще в июле, на днях были мною вдруг неожиданно получены (каким-то

чудом!). И представьте — по старому курсу, т. е. без потерь. Равным образом, получены мною и посланные мне затем 300 р. Но только — что за потери! Вместо нормальных 800 fr., а с обычной теперь потерей — 750 fr., я получил всего только 550 fr. Я думал сначала, что это равняется 250 рублям, и с такой потерей примирился. Но теперь нет сомнений, что 550 fr. равняется 300 р. Очень прошу Вас разузнать в банке, не ошибка ли это и не недоразумение ли. Иначе это — простой грабеж среди бела дня!

Что касается книги, то пишу ее: еще не кончил. Очень мешает мне сейчас затрудненная получка книг из Англии и Франции. Удивляюсь Англии, ведь вот немцы-то прекрасно все доставляют, а их страна в гораздо большей опасности и переживает гораздо большее потрясение! Да, скажу Вам: и организация ж! Пальчики оближешь. — Кончу книгу к Рождеству уж непременно. Если будет оказия, то отошлю часть раньше. Если же нет — то привезу сам все после Рождества. Или — если не будет возможности поехать — пошлю дубликат манускрипта (придется тогда специально сделать) заказной бандеролью или денежной посылкой.

Теперь вот что! В связи с войной мои российские дела, вернее, заработки, пошатнулись. Потому мне был нужен какой-нибудь *перевод (не очень большой)*. Проектирую в «Гермесе»: 1) уже сговоренные с Вами «Пролегомены» Канта и еще 2) «Факты сознания» от 1813 года Фихте. И то и другое по 7—10 листов (лист в 40,000 б.). Произведение Фихте одно из самых замечательных — в издании «Пути» оно не входит, — и в Вашей серии классиков великолепно бы представляло Фихте. — «Пролегомены» будут готовы к январю (ст. ст.) и доставлены вместе с манускриптом книги; Фихте же — к марту (ст. ст.). Гонорар (16 л. по 40 р. — 640), я хотел бы получать ежемесячно: по 100 р., начиная с 15-го декабря. Этого мне хватило бы до июня. — Если Вы сможете принять этот план, буду чрезвычайно рад: мне работа эта *крайне* необходима. Может быть, лучше взять другие книги?? Не думаю!

И еще: остающиеся от 600 рублей 100 рублей (600 — (100+100+300) = 500) распорядитесь, пожалуйста, выслать мне еще в *ноябре (15-го)* через *Министерство Иностранных Дел* (деньги вносятся в Московскую Губ. Управу) с просьбой перевести в Римское Императорское консульство для Г-на Б. В. Яковенко в Cavi di Lavagne. — Что же касается дальнейшей высылки (если книгоиздательство найдет возможным принять вышеуказанный план), то я просил бы *за декабрь и январь* выслать мне *не* в декабре, а *в начале января* (200 рублей).

Мои надежды на ближайшее будущее России значительно превосходят Ваши. Я всеми фибрами души чувствую страшный будущий рост и духовной и экономической России сразу же после этой побе-

доносной войны. Германия будет раздавлена именно Россией, и это дает колоссальный подъем доселе столь задавленного самосознания, саморазвития и самопроявления русского народа и общества. Россия воспрянет во всем, начиная от обрабатывания почвы и кончая философскими трудами. Скоро, скоро в близкой нам с Вами философской среде будет наблюдаться то же самое, что совершается теперь в Америке. Молодая, кипучая деятельность, сулящая новые горизонты, новую философскую эпоху. И дела нам всем будет без конца!..

Моей веры в возможность общей философской платформы и общей деятельности я не забыл и продолжаю ее питать все это время. Только думаю, что сейчас — не время действовать по этой линии. Сейчас философам нужно притаиться и склониться перед теми страшными событиями, которые развертываются на театре военных действий. Притаиться, говорю я, и готовиться, накапливать силы, знания, готовить книги, лекции, статьи и т. д., и т. д. Действовать сейчас не время, думается мне. Что «Психологическое общество» с «Религиозным обществом» смогли открыться в такую пору, это — безусловно, отрадный, даже более того, прямо-таки поразительный факт. Но тем не менее думаю я, что никто, ни другое функционировать сейчас как следует не могут. Когда помыслы молодежи и взрослых на войне, когда руки рвутся в бой, — трудно, чтобы внимали с интересом отвлеченной речи философа. Нужно философствовать на тему жизни, — о самой войне! Ну а это была бы совсем не та фундаментальная подготовка и работа, о которой мыслили мы с Вами, не правда ли?

Итак, я верю крепко в ближайший философский расцвет России, но не чувствую, чтобы было сейчас время заниматься в России общественно философией и занимать ею усиленно других.

Так что и особенного импульса ехать к Вам с этой стороны нету во мне. Но, кроме того, приехать сейчас мне мешает чисто пекуниарный вопрос. Ведь это будет стоить не меньше 300—350 рублей. А если бы я сейчас поехал, мне пришлось бы еще раз поехать в апреле (так как уехать на целую зиму в Россию я, по целому ряду обстоятельств, никак не могу): и таким образом, моя езда обошлась бы мне 600—700 рублей. E troppo caro signore! Разве, если бы что-либо экстраординарное потребовало бы моего присутствия в Москве, смог бы я двинуться туда сейчас.

Так что лучше мне подождать Рождества и тогда уж один раз съездить в Россию. Перебираться же в Москву совсем, мне нет никакой возможности: нужно ждать конца войны.

Да! отличились г.г. германцы. Нечего сказать! Вы все-таки мало, наверное, услаждались их «литературой». Ну а мы тут все

это должны переваривать. Поелику, в Италии даже выходит Berliner Tageblatt — Italienische Ausgabe (in italienischer Sprache)! — Боже, Боже, что пишут немецкие ученые и интеллигенты! Волосы прямо-таки на голове шевелятся. Всё — «Мы», «Мы», да «Мы»! И бьют-то они всех, и лучше-то они всех. И справедливость, и правду-то они только знают. И Господь Бог-то слушает только их одних. Тьфу ты пропасть! Никогда не предполагал, чтобы интеллигентные люди могли пасть (умственно и нравственно) так низко в общечеловеческом смысле. Знаете, я понимаю и извиняю Лувен, Реймс, вообще Бельгию — опустошения, разрушения и насилия (кто бы из других народов не сделал этого и кто не делает и не будет делать?!) — но вот разговоров этих не прощаю. Это позор, это — самое типичное и безотрадное мешанство, выливающееся в одну формулу: что бы мы ни сделали, все же это лучше того, что сделали или сделают другие. Фу, какая гадость!

И знаете, ведь под тем протестом, с которым Вы, по-видимому, знакомы, под протестом 93 немецких интеллигентов стоят подписи Гауптмана, Зудермана, Листа, а из философов: Вундта, Виндельбанда, Оствальда, Риля, — да, представьте себе: Риля!! (Виндельбанд всегда был свиньей в ермолке!)

А что пишет, например, немецкий поэт Демель! А если бы Вы читали социалиста Каутского! Или послашали бы, что говорит социалист Зюдекум, прибывший в Италию с миссией убедить итальянских социалистов выступить с пропагандой за мир! Мерзость, гадость! Черт знает, что такое!

Да-с! Если так, то и, слава Богу, что ее — Германию — разнесут теперь в пух и прах. Таких людей, такого добра, такой цивилизации — человечеству не надо.

Однако ж будет мне изливаться. Тем более что Вы думаете то же самое. Очень рад я, что ни от Риккерта, ни от Гуссерля, ни от Когена не изошло до сих пор никакого словесно-нравственного зловония.

Крепко жму Вам руку и жду ответа.

Мой поклон Вашей супруге. Ваш *Б. Я.*

Cavi di Lavagne (Prov. di Genova) Sign. B. Jacovenco

21 января 1915 года

Многоуважаемый Густав Густавович!

Вы приглашали меня быть терпеливым ввиду чрезвычайно удлинившегося теперь срока для обмена письмами и вообще для всякой корреспонденции. Но на этот раз прошел уже настолько длинный промежуток времени, что несомненно, что с деньгами

что-нибудь да произошло. Ваше письмо было датировано концом ноября (р. ст.). Я получил его в 20-х числах декабря (н. ст.). В нем Вы сообщали, что уже дали распоряжение о высылке мне остатка. Правда, быть может, через Министерство Иностранных Дел уже нельзя было ничего сделать. Но в таком случае тем скорее бы я получил деньги через банк. Меж тем вот уже 21-е января (н. ст.), а никаких денег нет. И на мой запрос Римское консульство сообщило мне, что ничего не получено. Боюсь, что вышли какие-нибудь недоразумения с деньгами.

По получении этих, а также и других еще денег решу окончательно, ехать ли мне в Россию сейчас или нет. Это для меня вопрос и материально, и семейно чрезвычайно непростой. И несмотря на все мое желание почувствовать и пережить непосредственно русское переживание войны, мне это очень нелегко сделать.

Во всяком случае, как только выясню этот вопрос окончательно и если решу его отрицательно, тотчас же начну посылать Вам частями книгу — частями, так как ее придется тогда еще раз переписать на машинке, дабы сохранился дубликат. Так как текст рукописи будет печатный, то и корректура не будет представлять никакого труда. Типографский корректор продержит ее при Вашем самом общем участии. Посылать мне ее сюда не стоит, чтобы не затягивать времени.

Относительно других дел и предложений напишу в том случае, если решу не ехать. В противном случае — переговорим об этом лично.

Очень рад я был узнать из Вашего письма, что Гуссерль действительно хороший человек. Вот только бы он еще и не рассуждал так, как другие немцы. А ведь кто его знает? Я ни за кого не поручусь: ни за Риккерта, ни за любого другого немца. Верю только, что Коген никогда не станет говорить глупостей и пошлостей, никогда не «потеряет головы». И потому именно, что слишком сильна в нем школа великого немецкого идеализма. А вот например Йонас Кон в последней книжке немецкого Логоса (который преспокойно себе выходит, хотя оба его редактора сражаются, и еще более преспокойно рассылается его русским (заведомо русским, как я) подписчикам) занимается «идеализацией» войны и признает за нею, знаете ли, не значение неизбежной необходимости, а значение моральное, возвышенное и т. п. Тьфу ты!

Что же касается до 93-х, то я не согласен с Вами: это именно голос массы интеллигенции, голос репрезентативный, а не приватный. Я тут постоянно в итальянских и французско-швейцарских газетах читаю все новые и новые реплики, выступления, заявления и т. п. ... и все в том же роде. Исключениями были: голос Либ-

кнехта (запоздалый), да маленькой группочки «диких» немецких социалистов, которым пришлось с самого же начала уносить ноги в Копенгаген. Эти действительно признали истину: но ведь их никто в Германии не слушает, считая изменниками.

Ну пока всего лучшего. Поклон супруге Вашей

Б. Яковенко

Если паче чаяния деньги не были почему-либо посланы, то пошлите их через банк немедленно, пожалуйста.

Cavi di Lavagne (Prov. di Genova)

2 апреля 1915 года

Cavi di Lavagna (Prov. di Genova) Italia

Многоуважаемый Густав Густавович!

Ничего не поделаешь! С книгой пока дело не ладится. Дело в том, что сколько я ни старался до сих пор достать несколько английских книг, из этого ничего не вышло. Только сейчас я нашел путь добыть себе Годжсона, Бозанкета и др. Но теперь уже поздно. Все равно к весне не поспею. — Книга в общем готова, не хватает только небольшого куска, касающегося части английской философии, а также еще не все библиографические указания внесены. И в таком виде она уже готова давно, и я мог бы отослать ее Вам еще в феврале. Но я-то в таком виде не могу пустить ее в печать. — Очень все это прискорбно, и мне самому крайне не нравится, но приходится отложить до осени. В апреле, самое позднее — в мае я получу нужные мне источники, и тогда в какие-нибудь 10 дней приведу ее в полную готовность.

Предлагаю Вам такой план действий.

1) Я хочу возможно скорее покрыть полученный от Гермеса аванс. Для этого хотел бы Вашего согласия на следующее:

1) *Брошюра о Флоренском* (изложение и критический разбор). Приблизительно 5 листов (т. е. 5×40 р. = 200 р.). Посылаю Вам ее одновременно в совершенно готовом виде. Было бы превосходно, если бы Вы *сейчас же* пустили ее в набор и опубликовали еще *в апреле*.

2) *Очерк истории американской философии*. Я хочу расширить мой обзор американской философии, напечатанный в Логосе. Там 6 листов, я прибавлю еще 2–3. Будет готово к 1 мая (т. е. 8×40 = 320 р.). Вы бы могли провести его через печать в течение лета и он появился бы в августе.

После этого за мной осталось бы всего только 80 руб.

2) Дальше:

К 1-му августа я представляю

а) рукопись *книги* в 15 л.

б) перевод «*Пролегомен*» Канта — в 8 л.

с) перевод «*Фактов сознания*» Фихте в 10 л.

Я имею в виду под этим не «*Факты сознания*» от 1810 г. (что переведены под ред. Радлова), а «*Факты сознания*» от 1813 г. (это сочинение напечатано в 1-м томе *Nachgelassenen Werk*. Фихте (стр. 401—574) или же в XI-м томе *Sammelt. W.* Оно глубже и лучше первого, *гораздо феноменологичнее* и проникновеннее. После *WL.* от 1804 это, пожалуй, *самое фундаментальное* и значительное, что было написано Фихте. К Вашей серии в высшей степени подходит).

В виду того, что я не выполнил по отношению к издательству *вовремя* своих обещаний (хотя и не я виноват, но ответчик ведь я!) и вынудил его ждать возмещения аванса слишком долго, *я считаю себя обязанным поступиться своими правами* до некоторой степени в *будущем*. А именно: за три указанных работы я должен был бы непосредственно при предоставлении рукописей получить 15л. $\times$ 40 = 600 + 8 л. $\times$ 40 = 320 + 10 л. $\times$ 40 = 400. Т. е. 1320 руб. Вычтем вышеозначенный остаток в 80 р. = в общем 1200 р. И вот я предлагаю, чтобы эти деньги выплачивались мне издательством помесячно (по 100 р.), с того момента как поступят в его распоряжение мои манускрипты, т. е. с 1-го августа и *растягиваю* таким образом платежи на *целый* год (и притом не вперед, а, так сказать, назад).

К этому плану могу предложить Вам еще такой вариант: вместо Флоренского издайте книгу мою под заглавием «За философию. Книга критики и полемики». Она составитя так:

1. О задачах философии. 8 стр. (считая страницы по листу несколько больше нормального листа в 40000 букв).

2. О задачах русской философии. 31 стр.

3. О плюрализме 25 стр.

4. О Бердяеве 13 стр.

5. Об Эрне 5 стр.

6. О Булгакове 23 стр.

7. О Флоренском 80 стр.

8. О позитивизме 24 стр.

9. О прагматизме 11 стр.

10. о Шуппе 40 стр.

Итого 252 стр., т. е. 16/17 листов нормальных.

Разумеется, заголовки глав будут более злободневны и полемичны. Из этого №№ 2, 3, 4, 6 и 8 были напечатаны с сокращениями в «Северных Записках», № 5 — в Логосе, № 9 — в «Трудах и Днях», № 10 — в «Вопросах философии», №№ 1 и 7 нигде не были напечатаны.

Уступить эту книгу готов за вычет из аванса 325 рублей. (Разумеется, как в данном случае, так и во всех предыдущих, я говорю о не-

посредственном гонораре, а не об участии в прибылях, которое, по нашему условию относительно книги о современной философии, должно дать мне еще по 20 рубл. за лист.) Я бы хотел, чтобы эта книга вышла в свет весной еще. Потому в случае Вашего согласия дайте телеграмму мне: «Oui, vivre». Тогда я немедленно же вышлю весь материал. Если же бы Вы решили отложить ее до осени, то я прибавил бы к ней еще главы об Алексеевской последней книжке, о Лосском, о Штейнере. Т. е. еще страниц 50/60. Но за это я должен получить по 40 р. за лист (конечно, тоже в счет гонорара).

Итак, вот Вам планы. Выбирайте! Мне думается, так будут и «овцы целы, и волки сыты». — Сейчас я попользовался в смысле времени за счет издательства, потому теперь пусть попользуется оно за мой счет!

Выпустить либо одного Флоренского, либо означенную книгу (разумеется, если это вообще придется по вкусу для Гермеса. И я не вижу сейчас никаких к тому препятствий. Возможно, что и ошибаюсь!?) Я бы очень просил Вас именно теперь же, весной. И то и другое направлено против того духовного течения в России, с которым необходимо начать сейчас именно острую борьбу. Именно сейчас! Я ясно чувствую, что — момент решительный.

Боже, Боже, что продолжают писать немцы! Tutti, tutti sono diventati propriamente razzì! Я раньше осени вряд ли приеду.

О себе сообщить нечего. Работаю всюю! Вот Вы-то лучше не скупитесь и напишите о Московских и вообще о Российских философских делах: ведь столько диссертаций прошло. Поругайтесь, ради Бога — утешьте меня!

Да! Вот что: если Вы примете мой «Очерк американской философии», то мне необходимо будет все же вперед немного денег (100 р.): для покупки кое-каких новых американских книг (специально для очерка). Больше до 1 августа я не буду просить. — Последнюю присылку (в размере 200 fr.) я получил лишь совсем недавно. — Мое намерение написать рецензию на Вашу книгу о Явлении и смысле встретило в «Вопросах» очень холодный прием. Потому приходится ждать осени и выхода 3-го № Логоса (который был отложен), напишу там.

Всего лучшего.

Уважающий Вас *Б. Я.*

28 мая 1915 года

Cavi di Lavagna (Prop. di Genova) Italia

Многоуважаемый Густав Густавович!

Я очень обрадовался тому, что издательство «Гермес» не в большой претензии ко мне за недоставление манускрипта к сроку. Быть

неточным — само уже по себе неприятно. Но еще неприятнее, когда это причиняет неприятность другим людям или вредит делу.

Зато отклонение моих предложений повергло меня в подлинную печаль. Мне так нужна теперь работа. А между тем Вы даже переводы Канта и Фихте отодвигаете в «неизвестное» будущее. Нечего делать, приходится атаковать Вас новыми планами. Предлагаю следующее:

1) Написать книгу под заглавием «Очерк истории философии в XIX столетии». И по величине, и по гонорару эта книга будет аналогична той, которая мне заказана. Я бы представил ее в готовом виде в течение октября. Гонорар же бы просил посылать мне, начиная с момента представления рукописи заказанной мне книги.

2) Написать монографию о Фихте (или Маймоне, или Канте, или Гегеле, или Плотине, или Лейбнице). Величина: 10—15 листов. Условия оплаты те же. Помнится, Вы говорили, что книгоиздательство «Гермес» сможет осуществить мою давнишнюю затею: серию монографий о великих философах. Позвольте мне написать для начала о Фихте. Это мне тем легче, что я писал уже о нем неоднократно, и готовлю об его философии фундаментальный труд.

Если же ни то, ни другое не пройдет в «Гермес», то, пожалуйста, изобретите мне какую-нибудь переводную работу. Мне очень нужно. Может быть, было бы хорошо перевести также и одну из итальянских книг о современной философии. Если эта мысль подходит «Гермесу», сообщите: я пришлю Вам мои книги на просмотр. Мой поставщик так-таки Вам и не послал их.

Сверх того, еще одна очень большая просьба. Постарайтесь устроить мне в «Гермесе» еще аванс в 100 рублей — в счет моей заказанной книги. Прошу об этом только потому, что поставлен материально в чрезвычайно трудные условия. Дело в том, что полтора месяца тому назад тяжело заболела после родов моя жена и продолжает быть больна и по сейчас. Это потребовало от меня экстраординарных расходов в такое и без того уже столь тяжелое и трудное время. Мне пришлось уже затратить больше 2000 франков. И в будущем предстоит тратить еще и еще. При таких обстоятельствах я считаю для себя возможным просить о сторублевом авансе из той суммы, которая должна была быть уплачена мне (только из чистого дохода). Простите, что сейчас больше ни о чем писать не буду больше. Голова занята не тем, нужно ехать в госпиталь.

Начитался я немецкой литературы по горло. Убийственная и поразительная болтовня. Есть только одна прекрасная книга, выпущенная анонимно в Швейцарии, но написанная чистокровным немецким патриотом. Она называется «J'accuse» и действительно «по-немецки» показывает всю подноготную германской политики.

Теперь со вступлением Италии я начинаю надеяться на скорый конец войны. Что русские биты на Карпатах — это пустяки. Важно, чтобы немец обессилел. А этот момент уже на носу.

Всего лучшего

Ваш *Б. Яковенко*

P. S. «Психологическим обозрением» я даже и очень интересуюсь. Сообщите, пожалуйста, поподробнее программу. Я бы тоже очень хотел там что-нибудь обозревать, например, литературу по «философской» или лучше «теоретически-принципиальной» психологии.

«Флоренский» пусть лежит пока у Вас. Сокращать его я не буду. Там мало что можно сократить в действительности. Резать же и кромсать для того, чтобы уместиться в предоставленные мне Прокрустовы рамки в «Вопросах философии», я не согласен: это против моих убеждений. В таких случаях я всегда пишу наново. Но писать о Флоренском наново нет охоты: надоело. У меня ведь была уже о нем публицистическая статья! Я предложил мою статью о Флоренском Гермесу, так как думал, что у него будет серия подобных книг, начатая Вашей книжкой об «Явлении и смысле». Но раз она ему не подходит, то о чем же говорить. Я постараюсь выпустить ее осенью где-нибудь в другом издательстве.

Еще раз прошу Вас устроить мне высылку 100 рублей. Чрезвычайно, в высшей степени нужно!

Le mème.

P. S. Я прочел Вашу рецензию на Зеньковского. Неужели же он получил магистерскую степень?

Отзывы о книгах

Жирмунский В. — Шпету Г.

8 июля 1927 года

Москва, ул. Кропоткина, 32

ГАХН

Проф. Густаву Густавовичу Шпету

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

Сердечно благодарю Вас за присылку мне Вашей книги, которую читаю с крайним интересом. Позвольте послать вам als kleine Gegengabe мою статью из сб. «Поэтика».

В. Жирмунский

Заболотный В. — Шпету Г.

18–25 июля 1916 года

Кисловодск

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Прежде всего простите, что я невольно так поздно пишу и так несуразно: вследствие раны в голову (центр речи поврежден), от того путаются фразы, слова и даже буквы...

Сегодня получил нежданно-негаданно Вашу брошюру «Сознание и его собственник», сегодня только. Проходя мимо почты, я был остановлен самим почтмейстером со словами: «вам получилось уже несколько дней бандероль». Я удивился... Получаю... и вдруг фамилия ваша!.. и еще также сердечная надпись!.. Вы не можете представить, как я обрадовался. Недаром стремился послушать Вашу диссертацию, не даром просидел за ней 6 часов подряд не вставая, следя за каждым словом вашим, за тем, как вы искусно тонко, даже с юмором, парировали своим оппонентам. Я получил громадное удовольствие, прочтя Вашу диссертацию, а теперь, с получением вашей брошюры, я вижу в Вас не только оригинального мыслителя-ученого, но и сердечно-отзывчивого человека, а это в соединение дает то, чего теперь редко встретишь.

Жалею, что не могу отвечать Вам, как я бы желал: послать Вам своими «Досугами Марса», как я называю свой эскиз по философии (практической). Все мое имущество погибло — сгорело в Брест-Литовске вместе с библиотекой и несколькими экземплярами моих эскизов; что больнее — так это то, что погибла работа, на которую я 15 лет затратил и почти приготовил к печати. Все погибло!.. Но я не теряю надежды — поправлюсь и тогда за работу примусь. Может быть, Вам удастся найти (<в> продаже нет — все распродано) «Что такое счастье? Философский эскиз на почве субъективизма», «Что такое война? Философский эскиз на почве субъективизма», «Роль войны в истории развития культуры» — очерк к книге моей «Что такое прогресс?», которую я собирался издать и которая погибла в огне.

Простите, что я пишу об этом. Ваша сердечность вызвала меня к откровенности. Вы не поверите, что я писал шесть дней письмо: трудно мне писать, рука слаба и нужно собраться с мыслями для продолжения, а другому не хочу поверять свои мысли!

---

¹ За 14 лет я предсказывал общеевропейскую войну, подобно общегреческой (пелопонесской) войне.

Вскоре я буду в Москве и с великим почтением принесу лично Вам благодарность.

Глубоко признательный и искренне благодарный

Василий Сильвестрович Заболотный

Заславский Д. — Шпету Г.

18 декабря 1922 года

Милый Густав Густавович!

Прочитал только что «Эстетические фрагменты» и захотелось издали послать тебе привет.

Почему-то из гимназической юности моей ярче всего вспоминаю такой момент: большой двор киевской второй гимназии с редкими пыльными деревьями у каменной стены, за которой женский пансион. Был свободный час, и ты, отдельно от других, читал Достоевского, — аккуратно обернув книгу чистой бумагой. Поразило меня тогда твое лицо (хорошо его вижу сейчас), и шевельнулась мысль, что не такой ты, как все мы, и что можешь ты стать большим и значительным человеком. Кажется, с той минуты я стал побаиваться тебя, хотя всегда и решительно любил.

Память у меня плохая, и многое я забыл, а вот эта картина — двор, книга Достоевского («Братья Карамазовы»?) и необычное выражение лица твоего — запомнилась с отчетливостью яркого фотографического снимка.

«Эстетические фрагменты» — книжка для немногих, — я не в их числе. Пленил меня язык, умное лукавство мысли и властный, здоровый идеализм. Кажется, это именно то, что теперь нужно, и у тебя все данные, чтобы стать властителем дум идущего поколения (хотя бы и меньшинства).

В ранней молодости своей я находился под сильным твоим влиянием. Приятно сознавать теперь, что это было влияние талантливое человека. Жизнь здорово потрепала меня. Ирония и гуманитарный скептицизм помогли мне сохраниться, когда мои боги полетели кверху ногами. И если бы я пожелал вылезти из моего любовного скепсиса, то скорее всего — в направлении твоего берега. Так почудилось мне — в настроениях твоей книжки: их мне было легче одолеть и усвоить, чем мысли.

Предвкушаю удовольствие от «Истории русской философии».

Прими письмо сие как искренний привет от старого друга, который далеко не все понимает в твоих книгах, но следит за ними и за тобой с живым и сердечным участием.

Д. Заславский

Кулжинский Я. — Шпету Г.

3 сентября 1917 года

Звенигородка, Киевской губернии.

Многоуважаемый Густав Густавович!

Не знаю, помните ли Вы наши мимолетные встречи в Киеве, во всяком случае, позволяю себе обратиться к Вам с следующим вопросом: На стр. 23 Вашей книги «История как проблема логики» есть фраза: «*История есть по существу наука не техническая, а герменевтическая*». Сообразно поставленной себе задаче Вы не останавливаетесь над этим положением, между тем как мне, работающему над вопросом о постановке истории в средней школе, в этой фразе открылся новый горизонт. Если только я правильно Вас понял, то положение это определяет роль истории в среднем общем образовании. Но правильно ли я понимаю Вас?

Вы пишете: «Документы и памятники суть знаки, требующие прежде всего уразумения...» «Таким образом, мы интерпретируем, например, значение Вормского конкордата 1122 г., как целиком, так и в его отдельных определениях, по предварительным переговорам, по предыдущим документам, по изложению письменных заявлений» (Бернгейм. Введение в историческую науку, стр. 117). Если бы герменевтичность истории только в этом, или даже главным образом в этом, то для работника средней школы это не представляло бы интереса, так как такого рода работа в средней школе за редким исключением невозможна. Другое дело, конец Вашей фразы: ...действия «сами только знаки, прикрывающие некоторые движущие историей факторы, постигаемые опять-таки с помощью уразумения». Такой характер можно придать преподаванию истории чуть не с первого класса. И если в этом заключается «особое философское знание» истории в противоположность всем другим наукам «техническим», то этим обосновывается *право истории на место в общем среднем образовании* (об этом наши методисты совсем не думают), из этого надо определять и размер места, отводимого истории.

Но согласны ли Вы со моим пониманием Вашего положения?

Хотел я было спросить еще Вас, почему Вы взяли схему Бернгейма (стр. 25). Она, правда, теперь, как кажется, общепринята, но, на мой взгляд, логически неправильна: в ней нет единого основания деления. А вторая ступень, история поучающая, именно нарушающая правильность деления, характеризуется случайным признаком: ведь наши былины (образец реферирующей истории) поются «молодым людям на поучение».

На мой взгляд, схема, предлагаемая пр. М. М. Хвостовым в его «Лекциях по истории древнего Востока» (Казань, 1909 г. стр. 5—6) гораздо лучше. Но *ne sutor ultra crepidan* (*crepidan*)!

Не взыскайте за назойливость.

Я. С. Кулжинский

Леман-Абрикосов Г. — Шпету Г.

26 декабря 1917 года

Многоуважаемый Густав Густавович!

Собирался Вам писать, как только вышла «Мысль и Слово»; но все хотелось сперва прочесть сборник, а уж потом поздравить Вас с выпуском книги. Но все было некогда и делаю это теперь, не дочитав до конца. Выпустив эту книгу, Вы действительно положили много труда! За это Вам хвала и честь.

Получил я издание перед самым праздником, поэтому многого сделать для ее распространения я не мог. Продано 50 шт. Карбасникову, 50 Вольфу (на Тверской) 100 — «Науке», 95 — Суворину, остальные еще не предлагал. Делаю менее 25%, кроме «Науки», которой сделал 30%. Это потому, что книжники привыкли за моими изданиями обращаться туда; да и провинцию «Наука» хорошо обслуживает. Надо решить, кому книгу послать для отзыва и кому «для почтения». Я пока дал только 1 экземпляр Евгению Ник. Трубецкому и обещал Вяч. Иванову, который будучи у меня видел книгу. Может быть, просить кого-нибудь (Самсонова, Котляревского или Франка) написать о Ежегоднике статью где-нибудь (Русские ведомости, Русская мысль?)

Это было бы невредно!

Я думаю, не просить ли Котляревского; Самсонов — сам участник сборника, а Франк, пожалуй, откажется. С. А. же «на все руки». Как Вы думаете по этому поводу?

Не зайдете ли как-нибудь на праздниках? Мы будем очень рады Вас видеть. Привет Н. А. передам.

Ваш Г. Л.

Лузин Н. — Шпету Г.

26 января 1918 года

Москва, Арбат, 25, кв. 3

Глубокоуважаемый Густав Иванович,

приношу Вам искреннюю и глубокую благодарность за Ваше внимание и память обо мне и за Ваш ценный подарок — «Мысль

и слово». Мне очень жаль, что Вы не застали меня: я лишился интересной беседы.

Получив книгу, тотчас же хотел ответить, но увлекся чтением Вашей основной статьи «Мудрость или разум?», и ответ задержался.

Боясь слишком задержать ответ, я не дочитал пока статьи, так как не хотел ее лишь «проглядывать»; но то, что прочел (48 стр.), мне чрезвычайно понравилось ясностью и точностью мысли. Ваше определение математики как «формальной онтологии» мне кажется вполне точно характеризующим ее, а то, что Вы в статье шаг за шагом, все точнее и точнее указываете на самое существо философии как знания *suī generis*, не могущего быть замененным научной подделкой, — это мне кажется очень ценным для..., боюсь сказать: для философов, но, во всяком случае, для нас, исследователей частных истин.

Я не решаюсь в этом случае упоминать о философах потому, что они, без сомнения, слишком живо ощущают предмет философии как высшую интеллектуальную гармонию, чтобы иметь необходимость говорить о нем, но для нас — это необходимо. Вряд ли для кого-либо секрет, что, будучи углублены в частные области, мы с крайнею неохотою соприкасаемся с философией и стараемся всегда избегать ее: у нас нет того живого чувства, которое бы указывало нам среди бесчисленных философских напластований истинный основной слой. Вот почему, мне кажется, было счастливым возглавить «Ежегодник» этой статьей.

Для меня лично получение «Ежегодника» ценно еще потому, что, ознакомившись с ним, я получу представление о том характере, который должна носить моя статья (если Вы еще не оставили мысли иметь ее) о некоторых общих вопросах математики. Гораздо ведь легче сообразоваться с готовым образцом, чем придумывать его. Так, например, я вижу, что могу предположить у читателя большое общекультурное развитие.

Я должен искренне извиниться перед Вами в том, что еще не смог быть у Вас: я собирался к Вам в Новый Год, но в этот же день я упал (собственно, «меня упали») с трамвая и столь сильно повредил руку, что вынужден был улечься, и сейчас еще хожу с повязкой.

Искренне уважающий Вас

Николай Лузин

P. S. Интересно, что-то станет с современной культурой вообще? Неужели война — лишь введение?

Ольденбург С. — Шпету Г.

10 января 1927 года

Многоуважаемый Густав Густавович,

Получил Вашу «Этническую психологию», за которую большое спасибо. Мне повезло с нею: я мог захватить ее при поездке в Москву и располагал поэтому в вагоне вечером, ночью и утром. Книжка удивительно «апгегад». Как человеку очень конкретному, мне хотелось временами немного более конкретности и развития и пр. идеи разных коллективов (пишу два л, но приветствую Ваше стремление к изгнанию двойных согласных, практически ненужных).

Мне не совсем понятно Ваше заключение об образовании «новых народов». Что новые народы образуются и образовывались, об этом свидетельствует вся история. Но не считаете ли Вы необходимым для создания нового народа общность территории? Вы, конечно, можете мне ответить классическими примерами евреев и цыган, но думаю, что это не доказательство, они *стали* народами на определенной территории. Ведь буддисты, христиане, мусульмане, громадные и временами чрезвычайно жестко сплоченные коллективы, притом на базе шире, чем чисто религиозной, не образовали новых *народов*.

Пример сикхов тоже сложный, здесь и территория, и отчасти элемент этнический. Смущает меня и слово «этнический», несмотря на большие практические удобства термина. "Εθνος не народ, не нация, а в сущности речь о них, этнические коллективы, о психологии которых тоже можно говорить, значительно меньше и уже. Например, понятие «русский» не этническое так же, как и «американец». Получается некоторая неопределенность, несоответствие между термином и понятием. Но, конечно, он лучше, чем «народный», где мешает двусмысленность.

Вообще, столько важных и сложных вопросов в «Этнической психологии», что много бы пришлось еще говорить. Уверен, что она найдет многих и в внимательных читателей.

Брошюру об искусствоведении захватил на обратный путь. Еще раз большое спасибо.

Искренно Вас уважающий

Сергей Ольденбург

Москва, Б. Молчановка, 1, кв. 3.

10.01.1927.

Уезжаю завтра.

<Запись рукой Шпета на полях>

- NB! 1) «Нация» и пр. во 2 вып. «Этнической психологии»;
2) Туда же «тип» (Фукидид), (ср. Карсавин).

Соколов П. — Шпету Г.

16 августа 1917 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Я только что узнал от Н. Д. Виноградова Ваш адрес и спешу сделать то, что уже давно было моим долгом — поблагодарить Вас за Вашу книгу. Я не вполне разделяю Ваши взгляды и представляю себе иначе выход из того тупика, в который завело нас кантианство. Но мне чрезвычайно симпатичны идеалы платонизма, в сторону которых направляется Ваша мысль, и я не могу не признать большой доли истины в Ваших блестящих критических замечаниях против «отрицательной философии».

Позвольте надеяться, что вторая часть Ваших исследований не замедлит появиться а свет.

С истинным уважением,

П. Соколов

Черняев Н. — Шпету Г.

7 августа 1924 года

Многочтимый Густав Густавович!

Позвольте выразить вам глубокую признательность за те хорошие минуты, которые я провел за первой частью Вашего очерка развития Русской Философии. Можно горячо спорить против некоторых частностей, но все понимающие дело понимают необходимость Вашего труда по истории Русской Философии.

Наша уральская глушь не имеет прямой связи со всеми явлениями философской мысли переживаемого времени. В силу этого обращаюсь к Вам с следующими вопросами в надежде получить ответ.

1) Есть ли возможность выхода в свет двух следующих частей очерка развития русской философии? Не пойдет ли в этом издательство «Колос» Вам навстречу?

2) Где достать экземпляр «Мысль и Слово» — философский ежегодник. У меня есть 1-й том, вышедший в 1917 году. Настоятельно нужен второй. Какие виды относительно третьего тома. Сообщите цену второго тома и откуда его можно выписать.

3) Где достать Лосского Н.О. — «Мир как органическое целое».

4) Вышла ли в свет Блонский П. — «Философия Плотина»? Если вышла, откуда достать?

5) Имеет ли психологическое общество журнал для печатей своих материалов? Меня живо интересуют темы некоторых докладов в Психологическом Обществе.

Уважающий Вас *Н. Черняев*
Адрес мой:
Лысьвенский завод, Пермской губернии. Управление завода.
Техническое Бюро.
Николаю Игнатьевичу Черняеву.

Отдельные записки

Аксельрод Л. — Шпету Г.

4 января 1923 года

1 Неопалимовский, д. 12, кв. 4

Тел. 1-74-51

Глубокоуважаемый Густав Густавович,
С Новым годом. Очень прошу Вас пожаловать ко мне на третий день рождества в 8 часов вечера. Надеюсь, не откажетесь, и я буду очень рада видеть Вас у себя. Будьте любезны сообщить ответ
Искренне Вам преданная, *Л. Аксельрод*

Барков А. — Шпету Г.

24 апреля 1927 года

Многоуважаемый Густав Густавович,
Позвольте обратиться к Вам с просьбой не отказать сообщить мне о позднейших работах, касающихся вопроса о психологических особенностях этнических групп; материал этот для меня в данное время очень важен, так как связан с одной моей работой по страноведению.

Надеюсь, что Вы не совсем забыли Вашего старого коллегу по Педагогическим курсам.

Всегда преданный и уважающий Вас

А. Барков

P. S. Письмо это передаст Вам мой зять, Андрей Александрович Губер

Бебутов В. — Шпету Г.

25 мая 1922 года

Дорогой Густав,

Во-первых, шлю привет дружбы и всяческого почтения. Во-вторых, обращаюсь к тебе с большой просьбой в надежде, что ты ее уважишь. Хочу пользоваться благами КУБУ. Права мои: 1) Труды Пушкинского семинария, Редакция Шиллеровского «Телля» с приложением драматургического анализа (издана «Вестником театра» и издается Госиздатом), Амплуа актера в изд. ГВЫТМ, исследование «Новелла и Романеск» etc. Дорогой, устрой мне это дело. Денег абсолютно нет и очень нуждаюсь. А права не более эфемерны, чем у многих других.

Жму руку. Заранее благодарен, твой всегда *Валерий Бебутов*

Борткевич В. — Шпету Г.

18 июня 1910 года

Berlin-Halensee

Johann-Sigismundstr. 2.

Многоуважаемый Густав Густавович.

Я просил бы Вас зайти ко мне завтра в воскресенье, около 5 часов, и буду очень рад с Вами познакомиться. Если это время Вам неудобно, то, может быть, Вы потрудились бы зайти в понедельник утром (10—11 часов).

С совершенным почтением,

В. Борткевич

Булгаков С. — Шпету Г.

1906 год

Киев

Многоуважаемый Густав Густавович. Не знаю, считаете ли Вы возможным примкнуть к общей программе газеты «Народ», направление которой должно быть для Вас ясно на основании нашего разговора и характеризуется, в известном смысле, не только христианской этикой, но и догматом. В случае утвердительного ответа позвольте включить Вас в список сотрудников. Простите, что обращаюсь письменно, — некогда.

С. Булгаков

Прошу немедленно ответить.

Зайцева Е. — Шпету Г.

<1918 год>, Суббота

Долгоруковская, 17

Дорогой Густав, Ваш телефон (ведь 266-14 — правильно?) почему-то не звонит, потому прошу письменно: не можете ли Вы мне дать записки для входа на сегодняшнее заседание Психологического общества? Желающих 4 (Фел. Осип. Лемберг, Евг. Абр. Кофман, Наум Дав. Шпильман и я), но если Вам неудобно так много публики вводить, дайте, сколько можете, — пойдем не все.

Насчет листов Ежегодника, посланных в Киев, Вы все-таки ошиблись: вспоминаю, что мама жалела о том, что нет конца статьи Льва Исааковича. Может быть, дадите недостающие листы Эмме? А как насчет Этнической психологии?

Спасибо и привет.

Лена

Зеньковский В. — Шпету Г.

Многоуважаемый Густав Густавович!

Будьте добры, если у Вас есть VIII том *Philosophische Studien* и если Вы его можете дать мне дня на два, — то оставьте его наверху, я завтра зайду в третьем часу. Буду очень благодарен.

В. Зеньковский

Коган Н. — Шпету Г.

<Лето 1932 года>

Дорогой Густав Густавович,

Я хотела написать Вам только несколько слов и сказать Вам, что когда мне бывает тяжело, то я теперь с благодарностью и любовью думаю о том, что Вы мне и Саше друг, что Вы подали нам руку свою в самую, самую страшную и горькую минуту нашей жизни. Спасибо Вам, дорогой, целую и обнимаю Вас за это, как друга и брата, Вам и всей семье Вашей я и Саша обязаны многим. Хорошо бы Вы приехали бы сюда отдохнуть, после смерти П. С. у меня паническое беспокойство за близких и за Вас, конечно, в первую очередь. Берегите себя.

Ваши все здоровы. На девочек я люблюсь, вспоминая свое далекое девичество. Сережа с Сашей, кажется, подружились и дни стали проводить вместе, а мы с Н. К. друг у друга.

Будьте благополучны и порадуйте нас, приезжайте.

Ваша *Н. Коган*

Криличевская А. — Шпету Г.

18 июня 1915 года

Немчиновка

Многоуважаемый Густав Густавович,

Не откажите просмотреть начало моего перевода, за который я, если только получу опять книгу, примусь энергичней и постараюсь закончить к Августу. Работа эта мне очень нравится, хотя немного трудна. Будьте добры прислать книгу по адресу: Остоженка, Савеловский п. д. 15, кв. 9, мне, а если Вас это затруднит, то позвоните 92-41 и велите прислуге прийти к Вам. Заранее извиняюсь за беспокойство.

С уважением, *А. Криличевская.*

Московское общество изучения и распространения физических наук — Шпету Г.

6 марта 1916 года

<На бланке>:

Московское общество
изучения и распространения
физических наук
№ 43

Милостивый Государь,
Густав Густавович!

Чсть имею уведомить Вас, что в заседании 2-го марта Вы избраны членом Общества.

Секретарь *И. Соколов*

Нуцубидзе Ш. — Шпету Г.

14 марта 1934 года

Тифлис

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Не удивляйтесь неожиданности настоящей записки, — дело в том, что в Москву направлен аспирант последнего курса по философии — Каландарашвили Григорий, которого я счел за благо рекомендовать Вашему вниманию. Прошу оказать ему содействие Вашими советами, в случае если он по тем или иным вопросам обратится к вам.

Буду скоро в Москве; надеюсь с Вами видеться.

С почтением

Ваш покорный слуга,

Проф. Ш. Нуцубидзе

Общество любителей российской словесности — Шпету Г.

1 декабря 1919 года

Москва, Долгоруковская, 17

Редакция ежегодника «Мысль и слово»

<На бланке>:

Общество любителей российской словесности

Москва, здание Императорского Московского университета

Милостивый Государь,

Густав Густавович!

Общество Любителей Российской Словесности в заседании своем 30 ноября единогласно избрало Вас действительным членом.

Имея честь известить Вас об этом, прошу принять уверения в совершенном к Вам уважении.

Секретарь Общества

Н. Мендельсон

Петников Г. — Шпету Г.

6 декабря <1920-е годы>

Уважаемый Густав Густавович!

Будьте любезны написать мне как разрешен вопрос с изданием «Учеников» и Фрагментов Новалиса, относительно чего мы с

Вами условились в Москве в общих чертах. Будут ли эти две вещи изданы вместе или каждая отдельным изданием. Если в издательском совете вопрос этот был решен в той или иной форме, сообщите мне об условиях авторских.

Г. Петников

P. S. Рукопись приготовлена мною для печати. Привет от Б. К.

Соловьева Н. — Шпету Г.

8 сентября 1934 года

Многоуважаемый Густав Густавович.

Я потеряла надежду застать Вас по телефону и пробую связаться письменно. Если Вы помните наш разговор в начале лета, то поймете, почему мне этого так хочется. Мы сговорились, что я позвоню Вам в конце августа или в начале сентября, т. е. после возвращения в Москву сестры Станиславского. Я была бы Вам страшно благодарна, если бы Вы сообщили, когда мне можно Вас застать, простите, что пристаю, но для меня это очень важно. Я свободна всегда после пяти часов, если Вас не затруднит, черкните открытку по адресу: 7-й Ростовский пер.

Н. Соловьева

P. S. Кроме того, мне хотелось взять (если это сейчас возможно) у Вас часть папиных денег. Еще раз извините за приставание.

Н. С.

Струве П. — Шпету Г.

21 ноября 1900 года

Милостивый Государь
Густав Густавович!

Ваше намерение перевести Антидюринга было бы превосходно, если бы, как я уже узнал вскоре по получении Вашего письма, эта вещь не была бы уже переведена одним хорошим переводчиком. Так как я мгновенно не сочувствую конкурирующим издателям, то я бы советовал Вам не продолжать Вашего перевода и послать что-нибудь другое.

С почтением готовый к услугам

П. Струве

Трубецкой Е. — Шпету Г.

<осень 1907 года>

Дорогой Густав Густавович.

Простите, что долго не отвечал на Ваше письмо: соображал, что я могу и чего не могу. В конце концов, сообразил, что, к сожалению, ничего не могу. Все это предвыборное время у меня поглощено исключительно политикою. Могу делать чтения исключительно агитационно-партийного характера и с этой целью разъезжаю по России. Это, разумеется, не то, что нужно для Вашего общества, даже не то, что для него возможно, ибо в партию «мирного обновления» оно, очевидно, не запишется.

Искренне Вас уважающий,

кн. Е. Трубецкой.

Шпет Г. — Лидину В.

Без даты

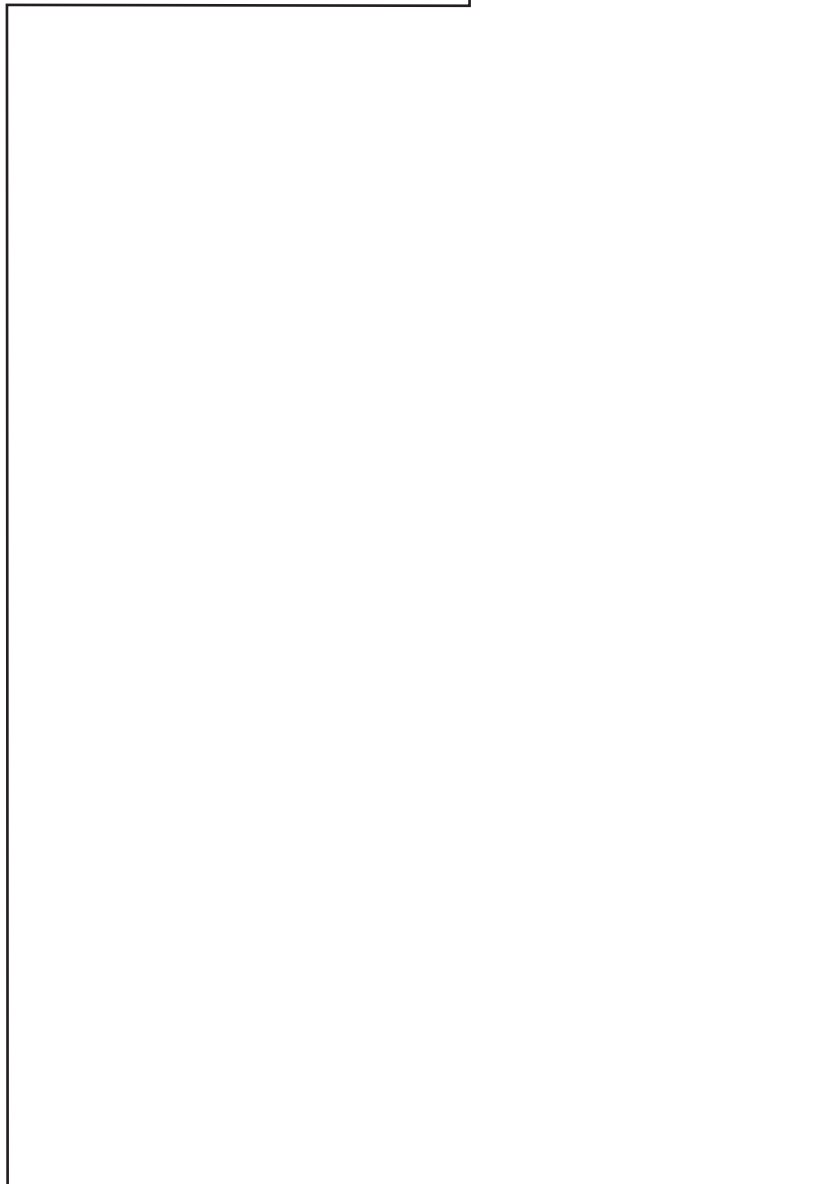
Дорогой Владимир Германович.

Если можно, воспользуйтесь своим правом для приобретения из философского отдела двух книг: 1) Ибервег-Гейнце, История новой философии, 2) Лабрюйер «Нравы нашего времени». Они отложены (в конторке).

Жму руку

Ваш *Шпет*

Раздел II
Преподавательский
круг

Ахов В. — Шпету Г.

<1921 год>

Густав Густавович!

Я студент бывшего ГИС'а В. Н. Ахов, коему поручено ректором Литературно-Художественного Института (В. Я. Брюсовым) переговорить с Вами относительно чтения курсов по психологии и логике на Ораторском отделении. I-й курс Ораторского Отделения ГИС'а в числе нескольких десятков и часть II-го курса перешли в Литературно-Художественный Институт и с 15-го февраля, вероятно, в помещении гимназии Бесс, будут начаты занятия. Как знатоку предмета и любимцу слушателей, Вам Г. Г., прежде всего предлагается взять на себя ведение занятий по указанным предметам, включая и Социальную Психологию (Ваша диссертация «История как проблема логики» дает право предположить, что Вам не будет трудно одолеть и этот курс). Кроме того, желательны практические занятия по логике.

Оплата по существующим ставкам, с переводом на зачет, кажется, 300 р. В час.

Самые условия выясните при посещении ректора.

Поварская, 52, Понедельник и четверг с 4—6 дня.

Будьте любезны ответить запиской на сем же о принципиальном Вашем согласии или отказе. Студенчество убедительно просит Вас о первом, конечно, по выздоровлении, что мы желали бы видеть Вас возможно скорее и полнее.

В. Ахов

22 февраля <1921 год>

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Я опять по поводу продолжения Ваших курсов по Логике и Психологии в Литературно-художественном Институте. Вы обещали поговорить с В. Я. Брюсовым обо всем. Довожу до сведения, что в понедельник около 5 часов (Поварская, 52) созывается предметная комиссия из профессоров и студентов для выработки программы и расписания лекций. Вы начали уже выходить и потому к тому времени вероятно можете посетить нас.

В. Ахов

Бережков Ф. — Шпету Г.

3 декабря 1917 года

Москва

Глубокоуважаемый Густав Густавович.

Только что узнал от Георгия Ивановича об избрании Вас в Факультет в доцента. Приношу Вам свое поздравление и пожелания новых успехов.

Прежде всего желал бы, чтоб Совет Университета оказался более объективным в оценке Вас как писателя и лектора и чтоб там Вы собрали большее число сторонников. Когда Вы преодолеете все эти внешние препятствия, пусть исчезнут и внутренние, чтоб интересующиеся философией могли сколько-нибудь *по существу* оценить Ваши новые и интересные идеи.

Я, как человек, порой оправдывающий некоторый эклектизм или, во всяком случае, иначе относящийся к «дуализму», больше всего желал бы, чтоб за Вами пошли не только «афиняне», но и «иерусалимляне».

Теперь Иерусалим взят Западом, но Англия оказалась к нему более милостивой, чем Ваши воззрения. Больше того: она, видимо, находит в нем нечто вечное. И если в «Иерусалиме» оказалось что-то близкое Западу (не только исторически), то как было бы, мне кажется, хорошо, чтоб и в Ваших «Афинах» многое признали абсолютным также и «сыны Иерусалима».

Пусть мощный, глубокий поток идей, что истек из неподвижного древнего Парменида, и куда вошла и Ваша бурлящая струя, пусть он захватит и тех, кто все еще ему противится. Пусть ярко и неотразимо отпечатлется в сознании людей его вечность и абсолютность.

Ваш Ф. Бережков

25 (12) января 1919 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович.

Прежде всего поздравляю Вас с «Татьяной» и желаю всяких успехов на университетском и ученом пути. Не рассчитывая видеть Вас сегодня в университете, письменно прошу Вас быть во вторник 28 (15) января на факультетском заседании в 1 час дня, по возможности без опоздания: будет обсуждаться вопрос о передаче семинария Маркова по философии религии, причем я заявил свою кандидатуру. Поддерживать меня будет и заявление большинства участников этого семинария. Боюсь, без друзей

меня *опять* забаллотировуют, как в прошлый вторник, когда за мой курс «Введение в изучение Достоевского» (философские и психологические проблемы его творчества) было подано 8 голосов, а против — 11. Целый ряд лиц (Огнев, Ярхо, Петровский, Пичета, Фатов) высказывались очень сочувственно, но *историки* вообще решили дело. Студенты, однако же, здесь, я знаю, подают бумагу в факультет с просьбой пересмотреть этот вопрос, ибо очень хотят прослушать курс о Достоевском, *никогда* (позор!) еще не читанный в университете.

Так что и поэтому, жизненно для меня дорогому вопросу прошу, Густав Густавович, Вашей опытной поддержки. Люди просят знания, а его им не дают, даже если есть лектор!..

Итак, очень жду Вас во вторник в час дня.

Ваш Федор Березков

Григорьев М. — Шпету Г.

31 августа 1928 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

В дополнение к официальной повестке с особенным удовольствием сообщаю Вам, что поверочная Комиссия М. К. приняла мудрое решение сохранить Ваш курс в учебном плане и Вас как профессора курсов. Против перенесения эстетики на IV курс Вы, наверное, не станете возражать, так как благодаря этой перемене Вы получаете значительно более подготовленную к восприятию аудиторию: только что поступившим слушать Вас очень интересно, но, конечно, и очень трудно.

Я очень рад, что этим постановлением кладется предел разным слухам о давлении на нас Главпрофобра, о желании Главпрофобра и пр. Было бы преступлением перед молодым поколением не использовать в педагогической области столь исключительные научные силы, как Ваши, человека безусловно позитивно мыслящего, у которого и мы, преподаватели, несмотря на частичные расхождения, очень многому учимся. Я глубоко убежден, что в скором времени речь будет идти не о том, чтобы снять Вас с какой бы то ни было педагогической работы, а о том, как бы возможно шире использовать Ваши силы.

Примите уверение в моем искреннем к Вам уважении.

Михаил Степанович Григорьев

26 августа 1933 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

Мне передали, что Вы стоите во главе учебного дела вновь организуемой Академии при МХАТ'е. Если бы Вы нашли возможным использовать мои знания и педагогический опыт в качестве преподавателя курсов методологии искусства (на литературном и драматургическом материале) и истории русской литературы XX века, я был бы Вам весьма благодарен и охотно принял бы участие под Вашим руководством в новой интересной работе.

Сейчас я заведую кафедрой искусствоведения в Государственном Институте Кинематографии и там же читаю указанные курсы. Искренне уважающий Вас

Михаил Степанович Григорьев

Москва 44, Дубровка (кооп. дома)

Корпус 8, кв. 334

Тел. Ж (Таганка) 1-08-59

Демидовский Юридический лицей — Шпету Г.

5 октября 1918 года

<На бумаге с печатью Демидовского Юридического лицея>
№ 630.

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Совет Демидовского Лицея в заседании своем от 2-го октября сего 1918 года постановил просить Вас принять участие в организации общественно-исторического факультета в Ярославском Университете, составив план преподавания и озаботившись подысканием необходимого преподавательского персонала.

Директор Лицея
Секретарь Лицея

В. Н. Ширяев
К. Бахтияров

Ивановский В. — Шпету Г.

25 марта — 7 апреля 1918 года

Казань, ул. Лядская, д. бывш. Панаева

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Очень благодарю Вас за предложение принять участие в издаваемой под Вашей редакцией серии «История философии в монографиях» книжкой о «Дж. Ст. Милле и английском позитивизме» (19 века). Однако сейчас я настолько погряз в других педагогических и литературных работах, что при моем здоровье — не смогу взять на себя еще новые обязательства. По существу же дела мне очень хотелось бы высказаться полнее, чем я до сих пор делал, о том направлении, сторонником которого я сам себя когда-то считал.

Примите уверения в совершенном уважении и преданности.

Вл. Ивановский

17 сентября 1921 года

Москва

Многоуважаемый Густав Густавович,

Я получил повестку на заседание Института в четверг, и так как быть не смогу, сообщаю Вам письменно кое-какие сведения о предложенных мною Александре Осиповиче Маковельском и Николае Александровиче Васильеве.

Маковельский родился в 1884 году, окончил Казанский университет в 1907 году, с 1908 года преподаватель Казанских Высших Женских Курсов, с 1912 года приват-доцент Казанского университета, с 1918 года — профессор философии Казанского университета, с 1920 года — Бакинского университета. Труды: 1) Доксратики, 3 выпуска, 4-й готов, но не может никак напечататься; 2) Исследование об источниках греческой философии (сообщаю на память, может быть, неточно); 3) перевод «Новой теории зрения» Беркли со статьей; 4) Мораль Эпиктета (пробная лекция — в Ученых записках Казанского университета); 5) Введение в философию, 2 выпуска (учебник); 6) статьи (перечня их дать не могу).

Н. А. Васильев — родился в 1880 или в 1881 году, кончил в 1904 году медицинский факультет Казанского университета, в 1906 году выдержал экстерном государственные экзамены на историко-филологическом факультете того же университета, с 1907 года преподаватель Казанских Высших Женских Курсов, с 1910 (если не ошибаюсь) приват-доцент, теперь профессор Казанского университета. Труды: 1) курс психологии (несколько изданий); 2) ряд ста-

тей о воображаемой логике (частных суждениях и т. д.); 3) статьи на разные темы (философские, общественные, литературные) в «Вестнике Европы», в газетах; 4) «О падении римской империи» (в издании Казанского Общества археологии, истории, этнографии).

Сейчас я не представляю себе ясно вопроса об осеннем семестре для студентов философов и ничего не могу сказать о том, чем бы я мог быть полезен.

Что касается коллективных работ Института, то я находил бы возможной 1) совместную работу над *философской терминологией* (я сделал об этом краткий доклад на I философском международном конгрессе в Париже в 1900 году; его резюме помещено в Bulletin Конгресса), могу представить доклад; 2) издание серии книжек — философско-исторического ли содержания (как проектировали Вы) или теоретического; 3) критические обзоры философской литературы русской и иностранной.

Сегодня должен ехать в Самару; имею уже билет.

Всего лучшего Вам,

Ваш *Вл. Ивановский*

<май 1922 года>

Многоуважаемый Густав Густавович!

В понедельник 15/V я был, хотя с опозданием, в Психологическом Институте, Якова Александровича не было. Выходит по словице: «Первый раз — случай, второй — судьба, третий — привычка». Чтоб не допустить до стадии привычки, Вы, быть может, двинули бы дело терминологической комиссии на ближайшем заседании всего института. К сожалению, я не смогу представить отзыва о работах Б. А. Фохта, так как расхворался и лежу в больнице, на Собачьей Площадке. Отзыв о Фохте написан наполовину. Посылаю Вам мой небольшой доклад, написанный для терминологической комиссии. Разработка значений терминов сделана совершенно начерно — только для того, чтобы показать, как я представляю характер предстоящей работы, все это, конечно, надо будет детализировать и проверить на дальнейших стадиях работы.

Примите уверения в искреннем уважении *Вл. Ивановский*

29 ноября 1922 года

Минск, Широкая, 28

Дорогой Густав Густавович, сегодня едет в Москву по делам КУБУ преподаватель Минского университета Евгений Иванович Боричевский. Хочу просить его передать Вам № 2–3 «Трудов Бе-

лорусского государственного университета», где помещено окончание моей статьи о Вашей книге.

А. В. Кубицкий писал мне, что вопрос о существовании Института научной философии решится в этом ноябре. Как обстоит дело с ним?

Я писал Александру Владиславовичу о некоторых трениях, какие у меня были здесь, и о том, что мне дана командировка в Москву (Правлением Белорусского Государственного университета) с 1 декабря по 1 февраля 1923 года, в качестве компромисса. К сожалению, сейчас выехать не могу, так как жена и все трое детей недели 2 назад заболели коклюшем, и на меня легла и часть уход за ними, и хозяйственные заботы. Поэтому я вынужден отложить приезд до их выздоровления.

Что касается до готового отчета о моих занятиях, то я его могу составить подробно с указанием разработанных мною за этот год вопросов. Что же касается печатных оказательств <так. — *Т. Ш.*>, то они сводятся: 1) к статьям в «Трудах Белорусского Государственного университета» (о Вашей книге и переработанная глава из диссертации — о Бэне); 2) 9 статей для Словаря Граната: Скептицизм, Сковорода, Сократ, Софисты, Спенсер, Спиритуализм, Схоластика, Фихте и Философия (все они сейчас в наборе) и 3) к первой части моего Курса Введения в научную и философскую методологию, набор которого здешний Госиздат обещает начать на днях.

Кроме того, моя вторая диссертация принята к изданию Московским Госиздатом, но пока не напечатана. Шлю Вам привет и пожелания всего наилучшего.

Преданный Вам *Вл. Ивановский*

Инструкторские курсы партии революционного коммунизма — Шпету Г.

17 мая 1919 года

Москва

Уважаемый Гражданин.

Ц. К. партии революционного коммунизма поручил мне переговорить с Вами, не согласитесь ли принять участие в чтении лекций на инструкторских курсах, организуемых Ц. К. не только для членов партии, но и для всех, интересующихся субъективной социологической школой.

Лекции начинаются 25-го мая (с 25 мая по 25 июня).

На днях о курсах Москва будет оповещена афишами. Программу курсов прилагаю.

Ц. К. предлагает Вам взять чтение следующих курсов (или одного из этих курсов):

1) Экономический монизм и исторический материализм и его представители — 12 часов.

2) Субъективно-социалистическая школа и ее представители — 20 часов.

3) История революционного движения и социалистической мысли — 26 часов.

Получить от Вас ответ желательно в самый короткий срок (1-й Дом Советов, ком. 112, Устинов, тел. 2-06-82, доп. 142), так как необходимо собраться лекторам, дабы распределить часы занятий между собой и, быть может, по желанию некоторых лекторов, сократить или увеличить число часов, падающих на их курс.

С приветом

А. Устинов

Р. С. Оплата лекций — по соглашению с лектором.

А. У.

Инструкторские курсы Ц. К. П. Р. К.

(с 25 мая по 25 июня)

I. История революционного движения и социалистической мысли — 26 часов.

II. Основные вопросы политической экономии — 6 часов.

III. Идеологи Революционного Народничества — 23 часа.

1. Н. Добролюбов

2. А. И. Герцен

3. П. Л. Лавров

4. Н. Г. Чернышевский

5. Н. К. Михайловский

IV. История рабочего движения в Западной Европе и России — 6 часов.

V. Трудовое крестьянство, как социальная категория и роль сельского хозяйства в эпоху разрушения капитализма и социалистического строительства — 6 часов.

VI. История раскола революционного народничества и русского марксизма (П.С.-Р., лев. с.-р., революционеры-коммунисты и Р.С.-Д.Р.П. меньшевики, С.Д.-интернационалисты, большевики) — 10 часов.

VII. Программа, политика и тактика партии революционного коммунизма — 72 часа.

1) Строительство народного хозяйства — 32 часа.

- а) социализация народного хозяйства в целом (общие принципы)
  - б) социализация индустриальной промышленности
  - в) социализация сельского хозяйства и аграрный коммунизм (коммунизм в распределении)
  - д) производственный, распределительный и учетно-регулирующий аппарат народного хозяйства.
  - е) роль Профессиональных союзов и кооперации.
- 2) Строительство государства — 30 часов.
- а) организация Советской власти, как власти трудящихся
  - б) классовая борьба и Армия
  - в) Семья и Школа (общественное воспитание и образование)
  - г) Суд
  - д) Религия и искусство
  - е) личность и государство
- 3) Интернационал — 4 часа.
- 4) Отношение к другим социалистическим париям — 6 час.
- 5) Организационный вопрос — 10 часов.
- Дополнительный не обязательный курс:
- 1) субъективно-социалистическая школа и ее представители — 20 часов.
- 2) экономический монизм и исторический материализм и его представители — 12 часов.
- Намечается организация посещений в праздничные дни музеев изобразительных искусств и прикладных знаний, а также театров.
- Центральный Комитет партии революционного коммунизма

Киевские Женские курсы — Шпету Г.

19 января 1907 года

<На бланке>:

М.Н.П.

Женские Курсы,

учрежденные

профессором М. В. Довнар-Запольским

№ 712

Киев

Канцелярия М. Владимирская № 45, кв. 17.

Пушкинская № 32.

Многоуважаемый Густав Густавович,

Очень сожалею, что не застал Вас сегодня на курсах. Кстати сообщая, что по плану уже начатому — мы будем просить Вас

продолжить чтение логики (индуктивной) в связи с вопросами теории познания. Может быть, Вы найдете возможным зайти к Адаму Карловичу Шиманскому в клинику внутренних болезней, комната № 8 от 2 — 6 часов и переговорить о деталях.

Уважающий Вас

Подпись

Коновалов Д. — Шпету Г.

27 января 1919 года

Остоженка, 35, 31.

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Ваше письмо не поспело к заседанию факультета 22 января. Но я навел справку у Н. Д. Виноградова и в Правлении. Н. Д. того мнения, что снимать с расписания Ваших курсов не следует, а в Правлении мне заявили, что никаких препятствий к получению Вами жалования в течение 1 ½ месяцев болезни не встретится. Медицинское свидетельство на всякий случай следовало бы прислать. В ближайшем заседании факультета я доложу Ваше заявление.

Готовый к услугам,

Д. Коновалов.

Лосев А. — Шпету Г.

30 мая 1922 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Ввиду моего отсутствия из Москвы, а также ввиду трудности увидеть Вас, я не смог переговорить с Вами о своих отношениях к Философскому Институту. Так как и теперь мне предстоит опять уехать на 1 ½ недели из Москвы, то я решаюсь беспокоить Вас письменным обращением.

Мне передали, что мое заявление о зачислении во внештатные сотрудники I разряда встретило с Вашей стороны возражения. Это обстоятельство весьма меня опечалило, так как ни А. В. Кубицкий, ни П. Н. Каптерев (лица, с которыми я беседовал об Институте) не сказали мне об этом, а из моей с Вами беседы (еще зимой, у Вас в магазине) я вынес для себя весьма благоприятное впечатление, позволявшее мне надеяться на некоторое мое преимущество перед

сотрудниками II разряда. Мне меньше всего хотелось бы входить в Институт помимо Ваших соображений и желаний, и я, как Вы помните, не только не отказывался от исполнения зачетов по некоторым отделам, каких не хватает в сданных мною магистерских экзаменах, но даже сам о них просил, и предварительно кое-что Вы уже намечали в качестве возможных тем (влияние платонизма в английской философии, например, и т. д.). Мне это можно было бы легко и быстро сделать в виду довольно большого материала, накопившегося у меня за последние годы в виде то законченных рукописей, то разного рода конспектов, планов и т. д. Теперь, узнавши о Ваших возражениях, я чувствую себя весьма смущенным и не знаю, как исправить весьма для меня нежелательное положение. Приходится весьма жалеть, что я не смог увидеть Вас своевременно, хотя и пытался это сделать несколько раз. И это тем более оказалось для меня нежелательным и мало входящим в мои планы, что я еще хотел увидеть Вас и по другому поводу. Дело в том, что кто-то представлял меня в качестве кандидата в сотрудники Академии Художественных Наук, и так как оказалось, что это были люди, не имеющие никакого отношения к философии, то такое представление могло оказаться для меня неуместным и даже вредным. Я и хотел просить Вас оказать содействие моему вхождению в сотрудники Академии. Я в течение двух лет читал историю эстетических учений в Нижегородском Государственном Университете, состою действительным членом Государственного Института Музыкальной науки (и секретарем его Философской Ассоциации), был избран на историю эстетики в Музыкально-Педагогическом Институте, имею законченный труд: «Опыт феноменологической характеристики чистого музыкального объекта». Обо всем этом необходимо было бы переговорить с Вами лично, но мой отъезд завтра из Москвы мешает мне это сделать. Если еще не поздно, то я просил бы Вас, хотя бы письменно, о вышеуказанном содействии.

Я надеюсь, что при личном свидании с Вами исчезнет то недоразумение, в котором я оказался, не ожидая Ваших возражений по поводу моего заявления о внештатном сотрудничестве I разряда. Кроме того, осмеливаюсь присоединить также мою просьбу сообщить мне, где и когда я мог бы поговорить с Вами в спокойной обстановке о своих занятиях и форме проведения их, для отчетов. Можно ли надеяться увидеть Вас дома, или же это удобнее сделать в другом месте?

Глубоко уважающий Вас *А. Лосев*

Адрес: Воздвиженка, 13, кв. 12, Алексею Федоровичу Лосеву.

P. S. 15-го июня мой доклад в Психологическом обществе: «Теория абстракции у Платона».

Полянский Н. — Шлету Г.

11 июля 1919 года

Дорогой Густав Густавович,

Снова к Вам обращаюсь с просьбою от имени деканата факультета общественных наук. Дело в том, что Тареева комиссариат у нас не утвердил, и у нас к будущему году не обеспечено преподавание психологии в соединении с каким-либо другим двухчасовым курсом. Придите к нам вновь на помощь: порекомендуйте нам кандидата (по крайней мере, магистранта), а всего лучше вспомните о том, что меньше года тому назад Вы сами поговаривали о возможности чтения Вами лекций в Ярославле. Я думаю (мое личное мнение), что, если бы Вы переехали в Ярославль, то мы могли бы, не переобременяя Вас работой, обеспечить Вам 4000 рублей (при теперешних ставках). В настоящее время ведутся переговоры с Комитетом по восстановлению г. Ярославля об обеспечении профессоров квартирами в проектируемых коттеджах, которые должны быть устроены уже в течение нынешнего строительного сезона. Я не знаю Вашего теперешнего положения в Московском университете; если Вы, что всего вероятнее, состоите сейчас штатным профессором, то, разумеется, было бы тщетно звать Вас в Ярославль, так как я и сам, подчиняясь общему предрассудку, собираюсь осенью читать лекции в Москве. Но тому кандидату, которого Вы нам рекомендуете, постарайтесь внушить, что тяга к Москве — чистейший предрассудок. Я по крайней мере чувствую себя здесь во всех почти отношениях (не только в материальном) лучше, чем в Москве. Размер вознаграждения Вам известен: 2400 рублей — профессору + 320 рублей за заведывание кабинетом. Если кандидат хороший лектор, то он, кроме того, легко может рассчитывать на добавочный заработок; так, например, Ярославский кредитный союз кооперативов платит за 4 лекции в деревне 1650 рублей помимо университета, здесь есть педагогический институт и педагогические курсы. Конечно, добавочный заработок не может быть гарантирован, но, по моему мнению, его иметь здесь нетрудно.

Жду от Вас, по возможности, скорого ответа, за которым мы (т. е. не только я, но и весь факультет общественных наук) будем Вам очень признательны.

Искренне Вам преданный

Ник. Полянский

Ярославль.

Республиканская улица, Государственный университет.

Р. С. Когда я говорю о возможности обеспечить *для Вас* 4000 рублей в месяц, то я имею в виду только университетский заработок при условии жизни в Ярославле. Повторяю: сам понимаю, как мало на Вас надежды.

19 июля 1919 года

Ярославль, Государственный Университет
Республиканская (бывшая Духовская) улица.

Дорогой Густав Густавович,

В сегодняшнем заседании факультета мы решили уделить курсам по искусствам всего 10 часов (включая практические занятия) с тем, чтобы А. И. Анисимов и Сергеев (забыл имя и отчество) разделили эти часы между собою по соглашению. Впрочем, об этом Вам должен был написать В. Г. Щеглов. Теперь еще просьба, с которою, обращаюсь к Вам по поручению факультета; впрочем, не одна, а — две: во-первых, это просьба о том, чтобы Вы сами взяли на себя чтение у нас курса психологии; во-вторых (на случай, если бы Вы не вняли этой нашей очень усердной просьбе) — о том, чтобы Вы дали нам коротенький отзыв о бывшем профессоре Московской Духовной Академии Соколове, читавшем в академии психологию, имеюшем, как говорят, степень магистра. Предполагают, что в случае Вашего отказа, который нас огорчил бы, он согласился бы читать у нас лекции по психологии. Жду от Вас, по возможности, скорого ответа.

Искренне Ваш

Н. Полянский

31 июля 1919 года

Дорогой Густав Густавович,

От имени деканата благодарю Вас за присланный отзыв о Соколове. Не зная его адреса, я просил (письмом) С. И. Радцига переговорить с ним. Было бы хорошо, если бы при случае и Вы на него воздействовали.

Искренне Вам преданный *НИК Полянский*

Р. С. Если Соколов откажется, разрешите вновь возложить на Вас заботу о нас.

**Правление Московского Городского Народного Университета
им. А. Л. Шанявского — Шпету Г.**

5 мая 1911 года

<На бланке:>

№ 921

Москва, Волхонка 14, тел. 155-69

Милостивый Государь Густав Густавович,

Правление Университета уведомляет вас, что в заседании Попечительского совета университета 2-го марта с/г., Вы избраны преподавателем Городского Университета на 1911/12 академический год для чтения курса «психология» (2 ч. в неделю).

В случае вашего согласия принять предложение Попечительского совета, правление просит вас доставить программу не позднее 25 мая с/г. для представления ее на утверждение г. попечителя Ученого округа и напечатания для раздачи слушателям; при программе не откажите указать список пособий по Вашему курсу.

Засим будьте добры сообщить канцелярии Университета до 15-го с/г., в какие дни и часы, в пределах 6—10 часов вечера, желали бы Вы назначить ваши лекции в Городском Университете.

Председатель Правления
Секретарь

Подпись
Подпись

Председатель ГУСа — Шпету Г.

14 июня 1919 года

<на бланке:>

Российская Социалистическая
Федеративная Советская Республика
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ
Государственный
Ученый Совет

№ 3764

Москва, Волхонка, 18

Г. И. Шпету

Ближайшею задачей Отдела Высших Учебных Заведений Народного Комиссариата по Просвещению после учреждения, взамен

упраздненных юридических факультетов и исторических отделений историко-филологических факультетов общественных наук является реорганизация историко-филологических факультетов в той части, которая осталась незатронутой означенною реформою.

В настоящее время в распоряжении Отдела Высших Учебных Заведений имеется проект, подписанный деканами факультетов восточных языков и историко-филологического I-го Петроградского Университета, профессорами Марром и Жебелевым и имеющий в виду главным образом это высшее учебное заведение с его специфическими особенностями. Тем не менее, проект этот может послужить материалом и для общеуниверситетской реформы.

Приступив к обсуждению проекта профессоров Марра и Жебелева, Государственный Ученый Совет счел целесообразным, в интересах детального и всестороннего освещения вопросов, связанных с намечаемою реформою, образовать, под моим председательством, особую комиссию, в состав которой признал желательным пригласить Вас, в качестве сведущего лица.

Исполняя поручение Государственного Ученого Совета, прошу Вас пожаловать на заседание указанной Комиссии, имеющее состояться в понедельник 16 июня с/г, в 7 ½ часов вечера, в помещении Главного Управления Архивным Делом, Ваганьковский пер., д. 8 — во дворе первый подъезд направо.

При сем препровождаются: 1) перечень кафедр на факультете общественных наук и 2) проект проф. Марра и Жебелева.

Председатель
Государственного Ученого Совета

М. Н. Покровский

И. О. Секретаря

Подпись

Ректор Гельсингфорского университета — Шпету Г.

REKTOR

Gelsingfors, d. 4. Sept. 1900.

K. ALEXANDERS
UNIVERSITETET
Herrn Gustav Spett
Kiew

Auf Ihre Anfrage in Brief von 25 Juli (a. St.) erlaube mitzutheilen, dass ein unmittelbarer Eintritt an die hiesige Universität nur denjenigen

gestattetlich, welche ein finländisches Gymnasium absolviert und dann noch ein besonderes Examen hier abgelegt haben. Russen und Ausländer können ausnahmsweise, nachdem sie das Erlaubnis dazu vom Kanzler der Universität erworben haben, hier immatrikuliert werden.

Die Stelle des Kanzlers vertritt gegenwärtig der Ministerialsekretär von Finland Geheimrat von Plehwe in St-Petersburg

Hochachtungsvoll

[Unterschrift: Unleserlich]

РЕКТОР

Гельсингфорс, 4 сентября 1900 года

УНИВЕРСИТЕТА

им. ИМП. АЛЕКСАНДРА

Господину Густаву Шпетту

Киев

На Ваш запрос в письме от 25 июля (ст. ст.) позволяю себе сообщить, что непосредственное поступление в здешний университет разрешается только тем, кто окончил финскую гимназию и затем сдал здесь особый экзамен. Русские и иностранцы в виде исключения могут быть здесь записаны в матрикулы после получения на это разрешения от канцлера университета.

Пост канцлера в настоящее время замещает статс-секретарь Финляндии, тайный советник фон Плеве в Санкт-Петербурге.

С глубоким уважением

Подпись

Рожественский А. — Шпету Г.

12 октября 1918 года

Москва

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Вчера заходил к Вам, чтобы передать просьбу от Совета Лицея по поводу организации историко-филологического факультета. Сегодня поручаю жене передать Вам эту просьбу при этом письме, так как сам я нездоров (уже всю неделю, вчера пытался приехать в Москву, но, кажется, напрасно). Если буду здоров, на будущей неделе загляну к Вам лично. Будьте здоровы.

Ваш А. Рожественский

Шпет Г. — Инспектору Елизаветинского института

29 мая 1907 года

Глубокоуважаемый Дмитрий Дмитриевич!

По совету Юлия Исаевича Айхенвальда решаюсь обратиться непосредственно к Вам с предложением своих услуг в качестве преподавателя педагогики в Елизаветинский Институт.

До сих пор я состоял преподавателем педагогики и истории в Киевских Женских гимназиях ведомства императрицы Марии и читал лекции по психологии и логике в Киеве на Высших женских курсах А. В. Жекулиной и на Высших общеобразовательных курсах, учрежденных профессором Довнар-Запольским. Теперь переехал в Москву для того, чтобы здесь держать магистерский экзамен у профессора Челпанова, оставившего меня при университете в Киеве, но теперь переведенного в Москву. По психологии и философии имею печатные труды.

Покорнейше прошу Вас ответить мне по прилагаемому адресу: Москва, 4-я Мещанская, д. 16, кв., Густаву

В случае положительного ответа не разрешите ли мне обратиться к г-же Начальнице Института.

С совершенным почтением

Ваш покорный слуга, *Г. Шпет*

Москва, 4-я Мещанская, д. 16, кв. 2. Г. Г. Шпету

Шпет Г. — Руководству Московских Высших женских курсов

10 марта 1910 года

Милостивый Государь!

Я слышал, что курсистки собираются написать мне письмо по поводу моего ухода и, сознаюсь, что ждал его с некоторым волнением, предполагая все возможные его содержания. Я не предполагал только одного — данного! Прочтя письмо, я думал сперва, что не понял его, что я прочел недостаточно внимательно. Перечитав его несколько раз, я пришел к выводу, что оно действительно непонятно, и по содержанию, и по тону. Сознаюсь, кроме того, что письмо мне не только непонятно, но и неприятно. Неприятно потому, что обязывает отвечать: именно на данное содержание и на данный тон, определяя, таким образом, тон моего письма и

лишая, следовательно, меня возможности писать то, что было бы результатом моего собственного свободного послания.

Прежде всего мне неясно, основная мысль письма: «хотелось бы лично от Вас услышать те мотивы, которые заставили Вас уйти, ни слова не сказав той аудитории, которой Вы прямо говорили о великой роли педагога». Что здесь главное? — мотивы своего ухода или то, что я о них не сказал ни слова аудитории? А затем, как мне понимать (и в зависимости от этого отвечать) характеристику аудитории: слова, «которые Вы так горячо говорили о великой роли педагога» должны ли означать, что в моем поведении, как педагога, есть непоследовательность или они должны подчеркнуть, что аудитория, перед которой я «горячо» говорил о великих вещах есть аудитория особенно близкая и дорогая, а это накладывает и обязательства, которые мною не исполнены? Очевидно, если бы был уверен в правильности одного или другого из этих возможных вариантов пониманий.

Но дальше. Выписанное заключение является как бы следствием из того, что я до сих пор не дал моего ответа на вопрос о мотивах моего ухода: «Посланные две депутации дали неясные ответы, вовсе не подтверждающие указанную Вами причину», т. е. недостаток времени. Что касается моего ответа депутациям, то я все же считаю его *совершенно ясным*. Другое дело достаточно ли он удовлетворил депутацию. Но я должен засвидетельствовать, что я приложил все усилия показать, почему более удовлетворяющего ответа я в настоящее время дать не могу. И, со своей стороны, могу только выразить глубокую признательность деликатности депутаций, не настаивавших на выяснении вопроса, когда выяснилось, что более обстоятельное объяснение с моей стороны — означало бы нарушение правил товарищества и корпоративности.

Однако в одном отношении мои «нечаянные ответы» оказались ясными и достаточными: как констатирует письмо — это были «ответы, вовсе не подтверждающие, указанную Вами причину». Если так смотрели на дело депутации и авторы письма, то что означает непосредственно следующая за этим фраза: «Оскорбительным и невозможным кажется этот факт — принять на себя такую сложную обязанность, как чтение курса и оборвать его без уважительных причин в такое время только вследствие собственной небрежности, так как, казалось бы, вопрос о времени решается лектором в первую очередь»? Сначала я понял эту фразу как известное порицание мне, и оставалось только неясным только слово «оскорбительным», — именно *для кого* оскорбительным? Но, сопоставив эту фразу с предыдущей, из которой видно, что мотив недостатка времени не подтвердился, мне оставалось только смотреть на всю эту фразу, как

на объяснение того, почему мои ответы не подтвердили означенную мною причину. А в таком случае здесь должно излагаться мое собственное объяснение. Но я должен засвидетельствовать, что ни мысли, содержащиеся в этой фразе, ни тем более слов ее я не говорил. Правда, разговор с депутацией по этому поводу был, но высказанное мною суждение было совершенно объективно: я указал на то, что действительно мотив недостатка времени должен показаться недостаточным, так как может возникнуть вопрос — почему же я отказываюсь от данных занятий, а не от каких-либо других. Думаю, что присутствующие не откажутся это подтвердить.

Позвольте этим закончить. Я чувствую, что мой ответ покажется неудовлетворительным, как неудовлетворен и я им. Но в начале письма я уже оговорился, что мой ответ обусловлен содержанием и тоном полученного мною письма. Конечно, могут сказать, что не в содержании и тоне письма дело: если у меня есть что-нибудь более существенное, то я и должен его сказать, а с другой стороны, что если в форме письма мною полученного и нет существенного, что я должен его прочесть между строк. Сознаюсь, что у меня было желание отвечать именно так, т. е. не на письмо, а по поводу письма. Но чем больше приходил к убеждению, что письмо обдуманно и форма ему придана сознательно, выражение моих чувств по адресу действительно дорогой мне аудитории могло бы показаться опять ответом нелепым и неуважительным. И я воздержался. Обидно также, когда на добрые пожелания могут ответить указанием на их ненужность. Поэтому я вынужден отказаться и от них, хотя ничто не могло вызвать у меня сейчас чувства большей неудовлетворенности, чем этот отказ.

Остаюсь с неизменным и полным уважением к аудитории.

Г. Г. Шнем

Письма учеников

Гайдарова Г. — Шпету Г.

8 мая 1917 года

Многоуважаемый Густав Густавович!

Вы, наверное, удивитесь, что я Вам пишу, но мне захотелось от всей души поблагодарить Вас за Вашу лекцию. Мне кажется, что многое из того, что говорили Вы, как-то смутно намечалось во мне; но я не могла сама разобраться во всем этом. И в результате полу-

чалась не только путаница во взглядах, но и тяжелое сознание своей безнадежности. За последнее время во мне все больше и больше стал укрепляться пессимистический взгляд не только на настоящий момент, но и вообще на человеческую жизнь. Вы упоминали Лаврова, когда-то Исторические письма были для меня евангелием, а потом наступило время, когда мне больно стало вспоминать эту книгу. Все чаще и чаще стали мне приходиться в голову безнадежные слова А. de Vigny. *Gémir, pleurer, prier, est également lâche.* А сегодня мне вдруг стало так хорошо, как давно не было. Я поняла, что то, что оставалось для меня святым даже в самые горькие минуты: вера в человека, в красоту человеческой мысли, преклонение перед истинно человеческим все это может стать отрадой не только до ужаса немногих минут жизни, вслед за которыми еще тяжелее, еще ощутительнее нет житейской пошлости, но может стать и оправданием жизни в ее целом. А ведь оправдание жизни ведет и к преображению человека и «рыцарь на час» должен стать истинным «рыцарем без страха и упрека». Вы меня простите за бестолковое письмо, но мне захотелось поблагодарить Вас за те радостные минуты, которые я сегодня пережила. Как хорошо Вы говорили о братстве!

У меня сейчас такое бодрое настроение, что даже захотелось заниматься и читать без конца. От души еще раз благодарю Вас и желаю Вам всего самого лучшего.

Г. Гайдарова

Гимназистки и слушательницы — Шпету Г.

10 декабря 1906 года

Киев

Симпатичный, хороший, добрый учитель!

Сегодня 10 декабря... Год тому назад в этот день Вы в первый раз пришли к нам в гимназию, в класс, в этот день мы в первый раз увидели Вас и узнали... О, как памятен этот день! Вы вошли, и мы еще не знали, что к нам вошел человек, который внесет в гимназию любовь, справедливость, доброту; мы еще не знали, что это тот человек, который заинтересует нас своими рассказами, своею речью, человека, который нас заставит любить что-нибудь, человек, который откроет нам глаза и покажет, что за интересный, чудный предмет история...

Неудивительно, если Ваша речь, Ваши неоценимые рассказы, Ваше идеальное преподавание заставляет некоторых из нас забывать все, все... Глубокоуважаемый Густав Густавович! Вы за короткое пребывание в нашей гимназии успели приобрести от нас, учениц, ту чистую, светлую, идеальную любовь, которая редко, редко, почти никогда не выпадает на долю учительского персонала... Кого благодарить за дарование нам такого симпатичного учителя-друга?! Вы-то действительно, Густав Густавович, — учитель; Вы учите нас, учите всему доброму, хорошему, прекрасному... Если бывают единичные ученицы, которые не согласны с этим, то верьте, что все это происходит по их глупости: их видно ничто хорошее не интересует, они не знают, что — доброе, что — прекрасное, не знают, в чем искать его и не стараются знать и понимать его... Густав Густавович! Мы оживаем только на ваших уроках; (о, с каким нетерпением мы их ждем!!) вспоминая Ваши дружеские отношения к нам, мы забываем лишнюю дисциплину и какую-то недоступность со стороны других; вспоминая вашу доброту и ласковые слова, мы любим Вас с каждым днем все более и более... и, вспоминая Вашу заботу о нас, заботу, чтобы пробудить в нас что-нибудь благородное, хорошее, лучшее, мы благодарим Вас. Добрый Густав Густавович, — спасибо!!!...

Одна из Ваших глубокоуважающих учениц...

P. S. Мысль, что Вы не будете у нас в будущем году, ужасает нас, и при этой мысли нам становится так грустно, так грустно!.. Но, прочь эта действительно ужасная мысль! Еще много месяцев впереди, Вы еще наш учитель, Вы еще с нами, и мы пока счастливы...

Простите, Густав Густавович, за анонимное письмо, но я — ученица и имени подписать не могу... Невольно ж вспомнив о сегодняшнем дне, я твердо решила послать Вам письмо; мне почему-то ужасно хочется, чтобы Вы знали, что Ваши знания, гениальный ум, доброту и все, все... ценят, ценят, как только можно ценить...

Гимназистки Киево-Подольской гимназии — Шпету

13–18 декабря 1907 года

Киев

Печальные остатки декабристов Киево-Подольской гимназии, в годовщину невооруженного восстания 1906 г. шлют сердечный привет вылетевшему в трубу (по воле судеб или своей собственной) товарищу.

11 подписей

Гимназистки Алферовской гимназии — Шпету

24 мая 1910 года

Когда-то в недавние, светлые дни
Вы нас чаровали волнующим словом.
Вы были всегда вдохновенным и новым.
И в юных сердцах зажигались огни.
Когда-то в недавние светлые дни

Вы дивный волшебник пленительной речи,
Дарили нам бурную сказку минут.
И эти минуты в былом не умрут.
Пусть гаснут лучистые яркие свечи,
Огонь их с собою сердца унесут.
Мы помним мелькнувшую сказку минут.

И вам, вам, артист, вдохновенья и знания,
Мы шлем из бывшего прощальный привет.
Вы — мысли победной ликующий свет,
И вам благодарное слово прощанья
От юных сердец посылает поэт,
Вам, светлый артист, вдохновенья и знания.

Это — наше последнее «Прощайте»

Слушательница <МВЖК> — Шпету

15 марта 1917 года

Горячо благодарю Вас, глубокоуважаемый Густав Густавович, за лекцию о текущем политическом моменте, прочитанную Вами 14 марта.

Ваши слова были для меня истинным откровением
Одна из Ваших слушательниц.

Воспитанницы Елизаветинского педагогического института — Шпету

Может быть, Вы узнаете кого-нибудь из своих коллег.

Вот перед Вами тип Критона
Благочестивая Матан,
Законодательница тона,
В гостиной наших знатных дам.
Она постится вместе с нами,
Молитвы нам читает вслух,
И Пантелеймона мощами
Наш грешный очищает дух.
Сама ж грозитя кулаками,
А дома ездит по балам.
Там, закусивши пирогами,
Велит поститься строго нам.

(Начальница Елисаветинского института)

Под пару ей облезший рябчик,
Педант и строгий опекун.
Он на уроках преприлежно
Порою слушает ответ,
И педагогу вдруг поспешно
И невпопад дает совет.

(В. Семенов (почетный опекун))

А вот великолепная Аннета,
Охотница до женихов.
Она к труду всех поощряет,
Все критикует в пух и прах.
А тот, кто с нею в спор вступает,
Всегда окажется неправ.
Она модель манер изящных
И не желает тратить слов
Для просвещения воспиток
И вразумления умов.

(А. С. Вележева)

Вот славный есть у нас учитель,
То Семперович свет — Степан,
Он уважает единицы
И презирует классных дам.
Зато его мы очень любим
И много сносим от него
Упреки, дерзости, насмешки,
Не обижаясь ни на что.
Но вот беда, мой друг читатель,

Познания наши так плохи,
И очень часто заставляем мы
В тундрах виноград расти.

Верста коломенская вдруг
Является к нам в класс,
Ногами дрыгает, кружится,
И поражает в сердце нас.
Коль вызовет он ученицу,
Наверно влепит единицу.
Гремит, летит по коридору
И мечет молнию на всех
Но вот встречается с <Лебелье>,
Причиной всех своих утех,
Курносый нос, гнилые зубы
Его улыбкою дарят,
И миг невзгоды все забыты,
И очи ласково глядят.

(Н. Н. Чулицкий)

Но вот вприпрыжку к нам влетает
Француз, убогий инвалид,
Живой как вьюн, к науке рьяный,
Он забавляет нас, смешит.
Он волосы себе покрасил
Истратил краски целый пуд,
А в класс пришел — писать стал мелом,
И вымазался весь как шут.

(Фурмонд)

А вот инспектор наш любимый,
С ним все воспитки хороши.
О помощи воспеть нам, муза,
Все качества его души,
Как он умен и образован,
Как он красиво говорит,
Как справедлив ко всем нам строго,
Слегка лентяек он журит.

(Д. Каринский)

Вот тип другой — нам добрый пастырь,
Он очень, очень незлобив.
Перед печалью он смиренно

Не клонит гордой головы,
И смело всем он заявляет,
Коль кто страдает без вины.

Вот музыкант наш Сабанеев,
Преподаватель он плохой?
Зато любви искусство знает
И Дон-Жуан он, ой, ой, ой.

Ах, Власов томный наш Петруша
совсем осипли мы от спевок.
Ведь ты нас просто уморил.
К началке плавно и изящно
На лыжах подъезжаешь ты
И все ей сплетни сообщаешь,
А от того страдаем мы.

Густав Густавович фон Шпет
Из педагогов самый умный.
На все находишь ты ответ,
Недаром ты такой разумный.
Подчас бываешь ты и зол,
Насмешничаешь очень едко
И часто недостатки наши
Ты подмечаешь очень метко.

Ах, Сидоров наш милый Женя,
Где ты находишься теперь,
Тебя пока мы не забыли
И будем помнить век, поверь!
Ты был приветлив к нам и ласков
И зла не помнил никогда,
Ты понимал воспиток бедных,
Как вдруг случилась беда:
Тебя началка невзлюбила за то,
Что ты не фарисей
И вмиг тебе она сказала
«Не надо нам таких людей».
Ах, <нрзб.> и Виноградов
Мы очень благодарны Вам
За всю экзаменскую помощь
Оказанную Вами нам.

Сидим мы чинно, в классе тихо,
Вдруг видим мы нахальный глаз
То Цуриков проходит мимо.
Он заглянул мельком в наш класс.
Ах, «римский огурец» <нрзб.>
В тебя мы веру потеряли,
Ведь ты рассказывал нам как-то,
Что с Бисмарком вы в вист играли.

Извиняемся, если надоели!

Но может это лишнее, могли бы и не читать, если бы не хотели.

Коньшева-Татаричева Н. — Шпету Г.

<12 мая 1916 года>

Тула, Калужская, 10

Многоуважаемый Густав Густавович!

Позвольте выразить свой восторг по поводу блестящей защиты Вами диссертации. Я — одна из тех, кому «нет числа», живу тусклой и инертной жизнью. Мечты молодости остались мечтами, и теперешняя действительность имеет с ними мало общего. Потому «жизнь»-то, кажется, была только в прошлом. В ней Вы были воплощением всего лучшего и истинного («настоящего»). Вчерашний триумф был так радостен для меня: радовало то, что Вас признали вообще, приветствовали Вас, как носителя жизненных начал в философии. А еще больше радовало то, что Вы — все тот же: не изменилось отношение к вещам, нет упадка сил. Жизнь очень тяжела, и много нужно сил, чтобы до конца пройти твердо, не уставая и не теряя глубины мысли. Светло и хорошо сделалось на душе, и горе кажется с пол-горя. Не могу выразить всего и только чувствую большую радость от Вашего торжества, точно и я принимала в нем участие и меня что-то озаряет.

Ваша бывшая ученица

Коньшева-Татаричева

А все-таки я была из первых, кто оценил Вас по-настоящему. Счастлива тем, что и все стали смотреть на Вас *моими* глазами.

Н. Т.

Мирзаянидзе Е. — Шпету Г.

28 июля 1918 года (ст. ст.)

Село Дурасово, Уфимской губернии

Многоуважаемый Густав Густавович.

Хочется мне покаяться в невольных грехах своих и снискать прощение и мир. Увы, я не только оправдала ваше недоверие относительно лета, мне, очевидно, не удастся и зимой возместить утраченное. Я не представляю, как наладится текущий учебный год у нас на курсах, но мне во всяком случае не придется принять участие в общей работе. Только не думайте, что жертва эта легка мне, и что я приношу ее по своей воле: я сама только бедная жертва «рассейской» неурядицы. Представьте, везли нас 4 дня от Нижнего по Волге, Калке, Белой и в 5—6 часах от Уфы по распоряжению большевистских комиссаров и высадили в каком-то км. Пришлось ехать сто верст на крестьянских тарантасах по отвратительной дороге. Легкое мое реагировало на это путешествие неоднократными кровоизлияниями, и вот с тех пор уже 2 месяца я лежу в постели с резко повышенной температурой, мучительным кашлем и пр. Все самые упорные попытки заниматься оказались тщетными, мне пришлось сократить, ограничить себя лишь пустыми мечтами и надеждами на лучшее время. Будущее для меня темно. Суждено ли мне вообще вернуться к жизни и к работе? Во всяком случае Москва с ее холодом и голодом на этот год для меня закрыта. Постараюсь пробраться на юг. Я захватила с собой несколько книг и как только буду в силах, приступлю к работе. Если бы Вы могли дать мне некоторые инструкции в расчете до будущего сентября, я была бы Вам бесконечно благодарна. Вы знаете, как я еще беспомощна в самостоятельной работе. Со мной в подлинниках: Феноменология, Софист, Критики чистого и практического разума и первый том Микрокосма. В переводах: Спиноза: Этика (перевод Иванцова) и Трактат (перевод Половцевой), Лейбниц: Избранные сочинения (перевод членов Психологического общества), Бергсон: Материя и память (перевод). Кроме того, я захватила с собой все, что достала из указанных Вами русских авторов: Лосского: 1. Обоснование интуитивизма, 2. Основные учения психологии, 3. Мир как органическое целое, 4. Интуитивная философия Бергсона, 5. Материя в системе органического мировоззрения. Аскольдова: 1. Мысль и действительность, 2. Сознание как целое, 3. О связи добра и зла. Франка: 1. Душа человека, 2. Философия и жизнь (Сборник, интересна статья Личность и вещь).

Вот и все. Если удастся пробраться в Тифлис, там я могу расширить свою библиотеку, если же придется зимовать где-нибудь в глуши, придется ограничиться своим запасом. Если Вам угодно будет дать мне просимые инструкции, то можете или передать их подателю письма, или направить по Московскому адресу: Самотека 1-й Волконский пер. д. 6, кв. 1, мне. Простите, если наскучила Вам слишком длинным посланием, но мне было бы очень тяжело думать, что Вы неблагоприятно для меня истолкуете вынужденный перерыв в моих занятиях. Мой молчаливый уход дал бы Вам право вычеркнуть меня из числа своих слушательниц, я же твердо надеюсь, что Вы и в дальнейшем не откажете мне в обещанной помощи.

Ек. Мирзаянидзе

Степанова-Ловейко — Шпету Г.

20 февраля 1931 года

г. Ярцево, Западной области.

Уважаемый Густав Густавович!

Боюсь, что Вы давно забыли наш разговор по телефону и Ваше любезное разрешение писать Вам. Разговор происходил в конце января.

Писать хотела Вам сейчас же по возвращении из Москвы, но была командирована в деревню на работу по льнозаготовкам. Вернулась только 17 февраля. Прежде всего — вновь повторяю Вам свою просьбу (ту же, что при разговоре по телефону) — не принимайте меня за психопатку, которая решила внезапно не давать Вам покоя. Поверьте, что я, будучи в университете, никогда в числе Ваших поклонниц не состояла, но крепко ценила Вас, как ученого и блестящего оратора.

По телефону Вы сказали, что примете меня. Немного я в этом сомневаюсь, и поэтому кое-что о себе сообщу, ибо должны же Вы хоть несколько представлять человека, который Вам пишет.

В 1918 году я кончила II МГУ — словесное отделение (вот видите, я даже не философичка). После университета работала на юге в политотделе X армии — Сталинград — Таганрог — Ростов — Саратов — Сталинград. С 1926 года — Смоленск — затем Ярцево (рабочий город). В Ярцеве работа в ФЗС и рабфак. Специальность — литература. Изучение производства (текстильная промышленность), работа на машинах 6 ч. в декаду, общественная ра-

бота в союзе, в рабочей казарме, в деревне. В свободные минуты книги, книги и книги.

Всю лирическую часть опускаю — она Вас интересовать не может.

Теперь о Вас. Вас запомнила ярким, изумительным лектором, прекрасным стилистом и талантливым ученым.

Глубоко поражена, что Вы не работаете в университете (с января прошлого года — так сказали Вы).

Простите, но я не могу отделить Вас от университета и от молодежи, от студенчества.

Хочется думать, что это только тяжелое недоразумение, которое быстро кончится. У меня в сознании никак не укладывается, что Вы не пишете научных статей. Это так странно. Я все время, за все эти годы следила за Вашими статьями. Вы занимаетесь переводами, но ведь это не то, что должно быть, особенно сейчас, в наше время. Когда я прочла Ваше имя в списке кандидатов в Академию, то мне это казалось так просто и понятно.

Сейчас мне очень много хочется знать о Вас. Если бы Вы спросили у меня — «что именно?», я ответила бы прямо — «*Все!*»

И мне хочется сказать Вам, пожалуйста, не поступайте так, как я — и не опускайте лирической части, так как и эта сторона меня интересует. Вероятно, Вы посмотрите на это как на очень нескромное желание. И все же мне хочется повторить, что я *все* хочу знать о Вас.

Как Вы живете и работаете? Как Ваше самочувствие и настроение? Как *здоровье*? Вы говорили, что не очень хорошо. А вот этот вопрос меня не только интересует, но и беспокоит. Пожалуйста, не улыбайтесь иронически, это серьезно. Кроме того, еще многое меня интересует. Вот хотя бы такой вопрос — насколько Вы работаете — в плане сегодняшнего дня? Я помню Вашу речь в 1917 году — к нам — тогда еще зеленым студенткам — «Вы должны быть не только современницами великой революции, но и ее участницами». Так вот — я очень хочу знать — насколько Вы, Густав Густавович, являетесь участником той огромной работы, которая идет сейчас.

Вы обещали ответить мне. Хочется думать, что это обещание серьезно. Если у Вас будут ко мне вопросы, каковые бы они ни были, — обещаю Вам — ответить прямо и откровенно.

Мой теперешний адрес:

г. Ярцево. Западной области, фабрика, 18, кв. 3. Степановой.

Всего доброго. Не удивляйтесь ни письму, ни вопросам, ни моей настойчивости — все это для меня естественный поступок. И не сердитесь.

Степанова (Ловейко)

19 апреля 1931 года

г. Ярцево. Западной области, фабрика, 18, кв. 3.

Уважаемый Густав Густавович!

Давно получила Ваше письмо, но не имела времени на него ответить. Прежде всего — благодарю за Ваше внимание. Мне очень жаль, что ответ на мои письма был связан для Вас с неприятным ощущением, быть может, с досадой! Странно, но Ваше письмо вызвало у меня глубокое недоумение и целый ряд вопросов, на которые, конечно, Вы вправе не отвечать, если Вам неприятно или не захочется.

Но, право, Густав Густавович! Я многое не понимаю.

«В университете не работаю с 23 года», «меня, невзирая на мои интересы, зачислили в лагерь мистических идеалистов!»

Но... ведь с 23 года прошло 7 лет!

Как же получилось, что за 7 лет — Вы не добились реабилитации? Или Вы этого не добивались? Как случилось, что Вас, вопреки всему, что Вы писали и чему учили, — Вас все-таки зачислили в лагерь мистических идеалистов? Почему Вы не доказали *обратное*? Почему при Вашем горячем желании работать Вы ушли совсем на пенсию? И все это произошло в *Москве* и с *Вами* — с таким большим ученым!

Во время студенчества я отмечала особенность Вашего характера: спокойствие, выдержку и неуязвимость. Мне всегда казалось, что в Вас нет интеллигентской мягкотелости и Вы умеете добиться своего. Не зная о Вас за последние годы почти ничего, я предполагала, что Вы заняты научной и преподавательской работой и что Вы, конечно, марксист. Удивила меня еще одна фраза — «оторванный от молодежи, перестаешь понимать, зачем и для чего живешь!» Это звучит пессимистично... но, простите, мне одинаково трудно представить Вас пессимистом, как и мистиком. Вы, конечно, можете возмутиться и спросить, по какому праву я Вам все эти вопросы предлагаю! У Вас остается неотъемлемое право — на них не ответить!

Переписка вообще вещь сложная, поэтому у меня всегда появляется желание ее *упростить*. За Вашей работой, по возможности, я всегда следила и Вами интересовалась — оттого и сейчас у меня к Вам глубокой интерес.

В Москву попаду — не знаю, когда. Школа и рабфак переходят на непрерывный учебный год, когда начнутся отпуска, не знаю. Возможно, что с 1 июня. В Москву приеду и, сердитесь Вы или не сердитесь, Вам позвоню по телефону. Всего доброго. Буду рада, если Вы напишете мне.

Степанова

Уссит К. — Шпету Г.

22 июля б/г

Москва

Команда вольноопределяющихся
1 запасного телеграфного батальона

Глубокоуважаемый господин профессор,

Позвольте мне сообщить Вам, что меня определили в команду вольноопределяющихся 1 запасного телеграфного батальона.

Господин профессор, за Ваше участие, которое мне дорого и ценно, в моем деле приношу Вам искреннюю благодарность и признательность.

Я не могу не сказать и то, что восхищаюсь Вами как мыслителем, думаю, более чем крупным.

Уважающий Вас, *К. Уссит*

Фролова Т. — Шпету Г.

19 ноября 1932 года

Многоуважаемый Густав Густавович!

Пожалуйста, простите за беспокойство, но мне посоветовали к Вам обратиться за советом, и эта мысль показалась мне очень удачной, — я знаю, что Вы хорошо знакомы с английским языком и делали с него переводы и вообще являетесь очень компетентным человеком в литературе. Мне очень хотелось бы узнать Ваше мнение о моих попытках переводить русские стихи на английский язык, сохраняя размер оригинала и по возможности мало отклоняясь от его содержания. Я перевела несколько стихотворений разных авторов, главным образом классиков, и посылаю Вам некоторые из них. Многие из моих знакомых, знающих английский язык, отзываются об этих опытах одобрительно и советуют продолжать, но мне бы очень ценно было узнать мнение человека, компетентного как в отношении языка, так и поэзии. Чтобы заняться этим делом всерьез, а особенно чтобы переводить современных поэтов, нужна большая и трудная работа, — я же отнюдь не уверена, что у меня вообще есть к этому данные, и вполне допускаю, что сделанные мною переводы совершенно не выдержи-

вают критики, ни с точки зрения языка, ни со стороны оформления. Словом, я очень-очень прошу Вас сказать мне несколько слов по этому поводу, независимо от того, будет Ваше впечатление благоприятным или нет. Надеюсь, что это затруднит Вас не слишком сильно. Я, кстати, вроде как Ваша ученица — слушала лет 9, 10 тому назад Ваши лекции в I М.Г.У. и ГИСе и сдала у Вас 2, 3 зачета, но Вы, конечно, меня не помните.

Мой адрес: Москва, 57. Пос. «Сокол», ул. Сурикова, д. 26/8.

Татьяна Васильевна Фролова

№ телефона Всехсвятское, 72

Заранее благодарю

Т. Фролова

19 декабря 1932 года

Москва, 57. Пос. «Сокол», ул. Сурикова д. 26/8

Многоуважаемый Густав Густавович!

Очень, очень Вам благодарна за вашу открытку — я так рада, что Вы в общем одобряете мои переводы. Их у меня теперь уже довольно много, и я ужасно хотела бы Вам их показать и выслушать Ваше мнение.

Конечно, в них очень много дефектов, и Вы себе представить не можете, как ценно было бы для меня выявить эти дефекты и вообще обсудить с Вами некоторые трудности.

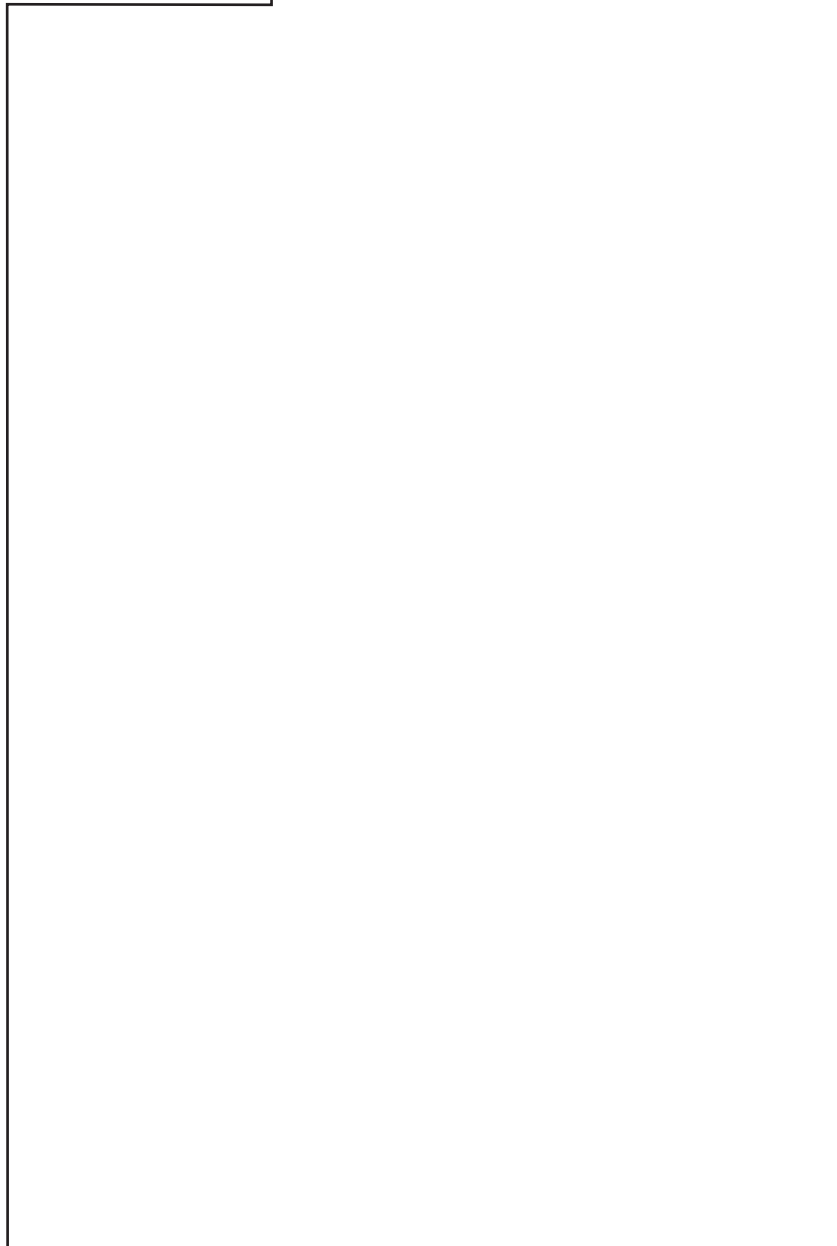
На русский язык переводить стихами я не пробовала, — раньше я вообще считала, что стихотворные переводы — вещь недоступная для простых смертных, а сейчас у меня, во-первых, совсем нет английских стихов, а во-вторых, я очень увлекаюсь переводами на английский язык, и вообще очень занята.

Буду терпеливо ждать момента, когда Ваша работа позволит Вам уделить мне несколько минут.

С уважением

Т. Фролова

Раздел III
ГАХН

Быков А. — Шпету Г.

30 октября 1928 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Видимо, через Валентина Петровича мне так и не удастся повидать Вас лично. Или он немного забывчив, или просто время не совпадает.

Но во всяком случае, думаю, даже лучше поговорить с Вами письменно, — письмо может отнять только то время, которое действительно свободно.

Дело мое состоит в следующем:

Вам известно уже, что я ушел из театра Семперантэ. Это как будто и странно звучит: все равно что бросил свой собственный дом и ушел от родной семьи. Однако если Вы познакомитесь с прилагаемой у сего «Семперантиадой» последней пары лет, Вам, конечно, станет понятным, почему родной дом стал чужим, а своя семья перестала быть моей. Люди и явления дороги нам постольку, поскольку они созвучны нашему внутреннему миру и нашим жизненным задачам.

Это письмо адресовано одному из наших публицистов. Из него ясно, что мой отказ от работы актерской и художественно-руководительской вовсе не означает полного отрыва от театра импровизации вообще. Конечно, нигде, ни в каком другом театре я работать бы не мог. Я бросил *сценическую* работу. Сказать по совести, она за эти десять лет меня не увлекла. До Семперантэ, когда я и не мыслил о сцене, мне актер рисовался чем-то в высшей степени зыбким, неустойчивым, несамостоятельным — чем-то вроде марионетки, развивающей в себе только свою эмоциональную конституцию. Не мыслящей, не углубляющейся в тот *путь* театра, который зовется таким странным словом — «репертуар»... Когда нам удалось сделать театр, который этот репертуар сделал *путем*, который создавал актера мыслящего, углубленного, шевелящего не только душой, но и мозгом, актера, сознательно восходящего по ступеням своего актерского и театрального пути, актера, живущего всеми нервами своего театра и создающего этот театр, — тогда в моих глазах актерское существо оправдалось и стало возможным.

Но в таком актере, который много совмещает в себе: и драматурга, и режиссера, и актера, а кроме того и идеолога, и мыслителя, и художника, и пр., и пр. — в таком актере, каким его воспитывал наш театр, — не было места актерскому чванству, заносчивой самовлюбленности, восторгам аплодисментами и многому тому, что так увлекает, пьянит и отравляет. — Новая роль для нас — был подвиг, преодоление, новый излом и мысли и чувства и как-то восхищающий и какой-то мучительный. Семперантэ был чудовищной лабораторией, где реактивы — живые люди. Мне всегда вспоминается проф. Минц, который сам себе оперировал аппендикс. В сотни раз легче производить вивисекцию над другим живым существом, чем над самим собой. Но зато и поле наблюдений значительно глубже и богаче. Обычный актер всегда творец только наполовину. Здесь актер стал тем же, что художник, властный над своим произведением от А до Z. Полнота творчества в Семперантэ — абсолютна, беспредельна. Вечно изменчивый, властвующий своим твореньем каждую минуту, актер здесь горит полным пламенем всего своего существа: заостряется мысль, заостряются чувства, незримые внутренние регуляторы и тормоза зорко следят за процессом, драматургическая мысль вибрирует, ища новые хода, внутренний режиссер управляет движением в связи с общей композицией сцены. Актер на сцене Семперантэ видит все снаружи и внутри: и себя, и других, и сцену, и зрителя. Вся машина его нервного организма работает полностью. Где же здесь место актеру-человечку, когда здесь формируется Артист-Человек в самом лучшем, в самом объемлющем смысле этого слова.

Все эти слова может быть кажутся несколько высокопарными и черезкрайними: никто никогда, вероятно, этого не замечал. Что где-то в театрике Семперантэ горят этикие сверхчеловеческие чувства. Но Семперантэ — это маленький масштаб того, что рано или поздно неизбежно станет большим, первенствующим и единственным.

Для того чтобы сохранить это дело, чтобы оно «рано или поздно стало большим, первенствующим», мы и покидаем его.

Надо оторваться от экстатического хаоса, надо уловить и выявить, а может быть, и изобрести рычажок, какой-то золотник, который не дал бы Машине стать машиной. Экстаз, повторенный десятки раз, становится «прозэкстазом». Я зря употребляю слово «экстаз», — лучше его заменить словом «творчество». Итак, творчество должно избежать механизации.

За десять лет накопился огромный материал. Чтобы разобраться в нем, надо много времени. И вот что я мыслю.

Мне хочется иметь под рукой лабораторию, чтобы непрерывно экспериментировать, проверять, иллюстрировать то, что будет добываться кабинетно-исследовательским путем. Работники такой лаборатории будут организованной группой в 5—6 человек. Этой группе нужно соединить свои силы с такими людьми, которые вместе с нами занялись бы систематизацией и добросовестнейшим анализом работы и произведенной и производимой. Мы — практики, нам нужны *теоретики*.

Психолог, который анализировал бы процессы нашего творчества, потому что процессы своеобразны. *Историк*, который обосновал бы наш путь по несокрушимым признакам исторического логизма. Какой-то *идеолог*, который оправдал бы стройность и стойкость метода. *Методолог* — чтобы можно было все в итоге уложить в единую систему. *Театровед*, *Художник*, *Драматург*, *Режиссер*, *Критик*. А в основе и довершение всего — *Философ*... Искусство так широко, творчество так глубоко, а человеческая природа так необъятна, что только глубочайшим анализом и синтезом философской мысли можно обобщить все то, что связано с Творчеством Человека в области Искусства.

Это, так сказать, «принципиальная установка». Мне кажется, что она имеет тесные точки соприкосновения с некоторой стороной работы ГАХНа. Поэтому я и решил идти именно туда.

Эта ячейка или кружок будет иметь «Курсы инструктажа» по организации импровизационных кружков в районных драморганизациях.

Конечно, из моих общих фраз не все может быть ясным, но мне важно только знать, правильный ли курс я взял в направлении ГАХНа. Можно ли в ГАХНе найти то, что нужно.

Вот пока об этом я и хотел говорить с Вами. Одновременно мы заканчиваем разработку «Производственного Плана», в который уже входят все детали. Могу только сказать, что подобной организации нет и поэтому непосредственного хозяина такого предприятия найти вероятно трудно.

Не знаю, каким способом войти с Вами в более тесное соприкосновение.

Я с Вашего разрешения позвоню Вам сам дня через два.

К сожалению, я сейчас еще занят в спектаклях Семперантэ, мы помогаем театру начать сезон. Но спектакли не ежедневные. В новых постановках мы участия уже не принимаем.

Примите глубокое извинение за отнятое время и мое самое искреннее уважение.

Анатолий Быков

Москва, Гранатный пер. 1. тел. 53755

Быков А. — Загорскому М.

22 октября 1928 года

Многоуважаемый Михаил Борисович!

Весьма легко может случиться, что, давая какой-нибудь печатный отчет о работе театра Семперантэ в наступающем сезоне 1928/29 года, Вы можете оказаться в некотором недоумении по поводу моего ухода из театра и от сценической работы вообще. Моего — и т. Левшиной.

Весьма возможно, что этот уход будет не совсем ясно понят и неправильно комментирован. А между тем была бы крайне нежелательна неверная трактовка этого обстоятельства, может быть, и незначительного в широко общественном смысле, но довольно крупного для нашего маленького дела.

Так вот мотивы этого ухода.

Подходя в свое время 10 лет назад к созданию театра Семперантэ, мы имели в своих руках два фактора, неизбежно необходимых для построения всякого действительно *нового* дела. С одной стороны, мое личное абсолютное незнакомство со сценическим искусством (до того времени артистом я не был) и с другой — огромный опыт и знание теории и практики сцены А. А. Левшиной.

Нам удалось совместной работой произвести анализ материала, накопленного процессами театральной жизни. И нам стало до чрезвычайности ясно, что путь театра неизбежно сводится к *театру импровизационному*.

В дальнейшем мы столкнулись с подтверждением наших дедуктивных выводов в целом ряде трудов (назовем хотя бы Евреинова, Кержанского, Эрберга, Лемонье и др.). Но первой своей задачей мы поставили не построение теорий и отвлеченных методологий, а путь экспериментальный, путь опыта, путь, в известной степени, героической попытки.

1919 год, год фактического открытия театра Семперантэ, уже был ознаменован целым рядом новаторских флагов, выброшенных над фронтонами театров... Это были реформы конструктивистов, нео-реалистов и пр. <...> а только разновидности старых в основе — театральных *форм*, мы еще больше укрепились в той мысли, что только перестройкой *основ, корней* самого сценического метода можно подойти к каким бы то ни было реформаторским исканиям. В достаточной мере очевидна та истина, что если переставить основания любой системы, заменив его новым, то изменяется и вся надстройка самой системы. Мне как математику особенно это близко и понятно, — нигде, как в нашей науке,

это не выступает так рельефно: вспомним Евклида, Лобачевского, Римана и др.

А вот если мы *ролетворчество* заменим *словотворчеством* и превратим *актера* (акцио) в *артиста* (арс) — у нас естественно перевернутся и все приводящие и вытекающие факторы.

Метод импровизации, если к нему подойти правильно и практически, настолько ломает всю структуру театрального «каноника», что такой театр требует к себе подхода через новый критерий, через новую призму. Из элементарных внешних признаков, например, отпадают *драматург* и *режиссер*. Из внутренних — совершенно перевертывается процесс актерского создания роли и процесс драматургического выращивания пьес. Из внешнеформальных признаков неизбежно отпадает стилизация и уступает место синтетизации.

Конечно, сказанного мало для того, чтобы в точности все это уяснить, но последнее и не входит в задачу настоящего моего к Вам письма.

Я назвал путь театра Семперантэ — «героической попыткой». — Поистине было своего рода героикой долгие годы существовать вне закона (вне театрального закона, конечно)... Но настал период, который можно бы назвать расцветом Семперантэ. С 1923 года, когда «Рабочая газета» писала: «...в Москве растет подлинно настоящее творчество... в театре Семперантэ... в Гранатном переулке...».

А между тем это был только путь, приводящий лишь к кладке фундамента Настоящего Театра. Из года в год мы подводили итоги работы, подсчитывали прибыль и убытки, т. е. достижения и провалы. Мы производили всевозможные эксперименты, начиная от мгновенных экспромтов на темы, предлагаемые зрителями и кончая детально разработанными сценариями; начиная от игры на обыкновенной сцене и кончая круглой сценой. От строгой стилизации — до синтеза. От обстановок — до «без обстановки».

И вот театр сталкивается уже не только с задачами экспериментаторскими, но и с задачами хозяйственного порядка. Недостаточно углубленный подход критики, подход с точки зрения древних традиций и рассматривание ею театра Семперантэ просто, как «театрика без освященных веками канонов», — это было не страшно. Мы ведь сами искали «канон», но канон новый. Не страшны были и материальные невзгоды; они создавались оттого, что сплошь и рядом мы одним взмахом уничтожали все сделанное, приостанавливали на неделю, на две работу и все начинали сызнова. (Какое это было чудесное время и какие мы были тогда все самоотверженные.)

Но когда театр столкнулся с довлеющей силой всемогущей хозяйственности — оказалось, что этого предела перешагнуть почти невозможно.

Волею судеб Семперантэ попал в сеть УМЗП.

Насколько мне известно, печальная эпопея этого периода Вам более или менее знакома.

Известно Вам и то, что само по себе вышеназванное учреждение преследует если не исключительно, то больше всего цели хозяйственного порядка. Снабженные соответствующими императивами люди пришли в Театр Импровизации, деловито справились, почему на сцене до сих пор нет суфлерской будки, розданы ли роли актерам и нельзя ли играть «три сеанса в вечер». Далее эти люди справились с кассовыми рапортичками прошлого сезона, отобрали из прошлогоднего репертуара пьесы, дававшие максимум тиража билетов, и заявили: «Вот это наш репертуар. На этом репертуаре мы построим экономическую базу театра. Выправлением идеологии мы займемся впоследствии. И не вредно было бы пригласить актера К. из Сатиры и актера К. от Корша и режиссера Я. из Оперетты. Новым актерам просто дать выучить роли для скорости, режиссеру заказать эффектную постановку, а в антрактах между “сеансами” выпустить куплетистов» <нрзб.> сопротивления нам удалось предотвратить катастрофу, и тогда наступила страдная пора жуткой, почти невероятной работы. Каждые две недели мы выпускали новую постановку, не уступая любому провинциальному театру. Мы восстановили по заданию Дирекции *восемь* старых пьес, о которых не имел ни малейшего представления Коллектив, тщательно и с большим трудом подобранный нами заново к новому ответственному сезону, и уже подготовлявшийся нами к *новым* пьесам нового репертуара, согласно Производственному Плану.

Указанные восемь пьес работали в двойном составе для параллельной работы в районах. Средства на постановки отпускались в анекдотических размерах: на постановку Карусели было отпущено 50 руб. ... Дни уходили на репетиции, вечера на двойные спектакли, ночи — на технические работы по оформлению постановок.

Трудно перечислить все те несуразности, которые творились в театре. Не только угасала всякая творческая мысль, не только парализовалась всякая возможность какого-то движения театра — застывали «роли», блекли старые образы, спектакли превращались в скучнейшие выбалтывания надоевших и приевшихся слов. Я писал раздражающие письма Маркичеву, Коллектив сражался на Производственных Совещаниях. — Ничто не помогало.

Наконец, когда 5 апреля сего года мною был представлен Дирекции сценарий «Черного золота» с категорической просьбой разрешить эту постановку, УМЗП *категорически отказало*.

1 мая театр был ликвидирован как *не оправдавший возложенных на него идеологических и художественных задач.* (?)

Ясно понимая, что такого рода «ликвидация» да еще с опубликованием в печати может явиться и действительно ликвидацией театра, — мы уже в середине апреля начали энергичнейшую работу по моему сценарию «Черного золота». Со 2 мая, «ликвидировавшись», мы повели ежедневные спектакли, как в районах, так и в прежнем помещении театра, которое УМЗП нам предложило за 1300 руб. в месяц. Все наше бывшее Коллективное имущество УМЗП из театра сейчас же стало вывозить и только в результате усиленных настояний продало его нам за 2000 руб. ... Немедленно мы создали давно чаемый нами Худ.-Полит. Совет, пригласили Консультанта по политической части (ныне — Директор Семперантэ). В результате сделали постановку «Черного золота», стоившую около 1000 руб. ... Показали ее в МК ВКП. И проведя в один месяц 27 спектаклей одного «Черного золота», с полной уверенностью можем сказать, реабилитировался театр на 100% в глазах общественности, а материально прошли посты на 50% выше, чем в зимнем сезоне.

И вот теперь, когда, казалось бы, все пути должны открыться перед театром, мне ясен какой-то непоправимый излом, какая-то близость краха...

Я ставлю себе ряд вопросов.

Жизнен ли театр? Да, он жизнен. Он полной грудью дышал эти 10 лет, и грудь его не ослабела. В то время, когда многие театры рождались и умирали, Семперантэ жил и живет.

Живой ли этот театр? Да, живой. Его гибкость в отображении моментов текущей жизни определяет его подвижность и эластичность. Опыт «Черного золота» ясно показал, что Семперантэ звучит сегодняшним днем. А «Нобиле» должен показать это еще ярче. (Я могу говорить пока только о своем сценарии: «Сказание о том, как итальянская Нобиль на пуп земли взлетала и о том, как Летало Чухновский ее на место доставил». Представление в картинах с пением, плясом и живым ведьмедом.)

Нужен ли Семперантэ? Надо верить голосу общественности, который это утверждает.

Силен ли он экономически? — это доказывают цифры.

У театра есть помещение. Есть хороший состав труппы. Есть твердая экономическая база в ряде договоров на целевые и районные спектакли.

Итальянцы в таких случаях говорят: «Basta!»

И нет в Семперантэ одного... Самого Семперантэ.

Семперантэ это вечно изменчивый эксперимент. Никогда не останавливающееся искание. Театр, солидно сказавший о себе:

«Я нашел, Я совершенен», — мертвый театр. Никто в Семперантэ этого не изрекал. Но жизнь заставляет его молчаливо кричать эту гнусную надгробную сентенцию, давно уже усвоенную большинством театров.

Можно ли сейчас думать об экспериментах, когда к 1-му и 15-му числу надо нагнать твердое количество червонцев в кассу. Допустим, что нам лично они не нужны, не нужны они некоторым актерам, так же как мы, чувствующим... Но штат... Но ремонт... Но помещение... Но освещение... Но постановки, вода, канализация, истребление крыс и т. д., и т. д.

Конечно, я понимаю, нельзя парить под звездами. Но и нельзя творить в гробу.

Театр стал для меня клеткой, в которой я, как ученая обезьяна, ломаюсь за получаемые от публики двугривенные.

Сейчас нужно бросить всякую работу на сцене и посадить актеров в класс, в лабораторию. Выбить их из создавшейся заводной машины. Перевернуть, взбаламутить их психику. Зажечь их огнем настоящего Искусства и искания. Забыть «хозяйственные» позиции. И строить новый — Новый Театр. Тот Театр опыта, эксперимента и искания, каким *был* Семперантэ и каким он *перестал быть*.

Возможно ли это...

Рассчитывать на чью-то помощь, это вздор.

Единственный случай за 10 лет:

В 1921 году у нас был Луначарский. Ему передалось и наше воодушевление, и самый спектакль глубоко захватил его. И А. В. спросил, что нам нужно. Вооружившись карандашами, мы по его ухому долго соображали, *что нам нужно?* — И на другой день мы беспрепятственно получили в НКП два пуда красок... Это все, что мы нашли возможным попросить. А это было время, когда театры по таким же обрывкам бумажки получали особняки, километры тканей и миллиарды деньгами. — Это была единственная «дотация» за все 10 лет.

Почему же так? Почему дело не раздулось до пределов? — Да потому что мы его и не раздували. Потому что не умели и не хотели кричать. Можно было в первый же год нагло завопить: «Эврика, эврика. Гвоздь сезона. Творчество без никого»... Или что-нибудь в этом роде.

Весь ужас театра в том, что он наполовину — универмаг. Ведь люди науки тоже не воздухом питаются. Однако из лабораторий не сделали платных зрелищ. Кормятся все, никто не удовлетворяется дыханием знания и творчества. Но здесь есть какая-то вероятно непоправимая ошибка.

Что же делать теперь?.. Помню, Вы в своей рецензии о «Черном золоте» писали: «и конечно, этому театру будет оказана об-

щественная поддержка». — Я уверен в том, что поддержка театру будет. А не будет, так он и сам сумеет поддержать себя.

Но нам-то делать в театре нечего.

Мы уходим к работе новой. Итоги десяти лет дали нам богатейший материал. Пока Семперантэ будет существовать год, два, без нас, мы будем осторожно и серьезно подводить под него прочный и настоящий фундамент. Путем организованной методологии мы сумеем воспитать кадры таких актеров, которые уяснят себе задачи и пути нового творчества. Мы подойдем вплотную к моему «Проекту», который похоронил УМЗП, к «Проекту организации импровизационных групп в районных драмкружках». В свре время в Кремле при школе ВЦИКа у меня был такой «Кружок Семперантэ», и там мы делали такие постановки, какие еще тогда оставляли за собой эксперименты, подобные «Черному золоту».

Нет причины нашего ухода из Семперантэ.

Если Вы найдете удобным отметить это событие в «Вечерней Москве», я был бы Вам благодарен, так как это просто необходимо нам для избежания ряда недоразумений. Сейчас мы на учете Посредрабиса. Изредка мы помогаем труппе, выступая в районах в старых пьесах. «Нобиле» ставится и идет уже без какого бы то ни было нашего участия и не по моему сценарию. С Коллективом у нас наилучшие отношения.

Я надеюсь, что это письмо в достаточной мере освещает истинное положение дела и не допустит Вас до возможных ошибок, которые были бы нам крайне нежелательны.

Примите мое искреннее уважение и товарищеский привет.

Быков

Москва

Гранатный пер. 1.

Тел. 53755

Горнунг Б. — Шпету Г.

23 августа 1925 года

Воскресенье

Дорогой Густав Густавович!

Сегодня с утра, пользуясь праздником, я принялся переписывать статью о Максе, чтобы передать ее как можно скорее Л. П. Гроссману. Простите, что оторву у Вас время, так как мне очень хочется сообщить Вам о тех переживаниях и мыслях, кото-

рые вызвала у меня эта переписка. Я думаю, что это стоит сделать, так как затрагивать это должно не только меня.

Прежде всего, все-таки, несколько слов о себе лично. Уже переписав две-три страницы, я ясно понял, что сейчас, т. е. через восемь месяцев, я абсолютно уже не способен писать так. Настолько стала мне чужда и непривычна и общая атмосфера строгой научной мысли и, в частности, строй мыслей Максима и его круга идей.

Я писал в докладе: «Как бы много ни сделал М. М. в будущем, он уже успел дать совершенно особый аспект научной устремлённости, который для нас сейчас является безусловной реальностью. Независимо от того, будет или не будет жить этот аспект после смерти М. М., т. е. будут или не будут у него ортодоксальные последователи, он должен быть закреплён в нашем сознании как диалектический этап развития этого сознания, этап, который, в силу значительного влияния покойного даже на лиц совсем отличных от него взглядов, не может пройти бесследно». Переписывая, после слов «после смерти М. М.», я не удержался, чтобы не вставить в скобках: «(я, лично, полагаю, что нет)». Действительно, я это теперь убеждённо думаю. Прекращение «Гермеса», распад только что начинавшей образовываться группы дало уже результаты такие, которые не позволяют думать ни о каком возврате.

В чем тут дело, т. е. как это объяснить, конечно, неважно, но думаю, что первостепенное значение имеет здесь то, о чем Вы пишете в предисловии к «Русской философии» — «более чем странно было бы, если бы вокруг меня кипела и грохотала революция, а я бы этого не видел, не слышал и не хотел понять». То, что Вы правильно отстраняете от себя, — к Максиму приложимо целиком. Хотя именно это (теперь это для меня очевидно) разделяло меня и его, — он по-своему был прав. Его сознание работало так, как работало русское сознание перед революцией, не ожидая ее. Весь его путь был преодолением эстетизма 900-х годов — он сам это признавал. Дальнейший путь намечался для него тем, что было намечено Вашим ежегодником «Мысль и Слово». Вы ведь тоже, я думаю, подготавливая его в 16–17 году, не учитывали уже близкую революцию и, несомненно, если бы не было революции, именно Максим был бы со временем Вашим ближайшим сотрудником на этом пути. Но он не понял, что у Вас первый выпуск «Эстетических фрагментов» и «Русская философия» есть необходимое отклонение от того пути, и не желал учитывать того, что учли Вы. Если бы он остался жив и сумел бы сделать жизнеспособным «Гермес», жила бы и росла подпольная струя, упрямо, наперекор всему продолжавшая то лучшее, что намечалось в русской пред-революционной действительности и что после революции стало

недействительным. С этой струёй начала бы борьбу другая, тоже подпольная, но уже в силу условий не революционной действительности как таковой, а ее изнанки.

Меня и Макса разделяло — и чем дальше, тем глубже — то, что в нас было своего собственного. Нас сближало то, что в большей своей части мы были Вашими учениками и последователями. Ему, вернее, конечно, тому течению, которое он представлял, не повезло, — он умер, и за год с небольшим я (простите за самоуверенность) уже успел сделать слишком много, чтобы захватить позиции. Его смерть перевернула и нарушила то, что было бы нормальным течением борьбы, к которой я был готов, уходя из «Гермеса», <но которой> не было и не может быть. После Макса не осталось никого, кто мог бы продолжать его направление, а потому его «Идея филологии», бывшая действенной культурной задачей, которой я противопоставлял Ваш лозунг «Художники в первой линии», уйдёт в академическую науку. А с наукой не борются, там эта идея закономерна, как всякая другая, там и она будет бороться за то, чтобы <стать> научной истиной. Так же, как её выдвигал Максим, она была большим, чем то, что хочет стать только «научной истиной», а потом и трюизмом.

Позвольте опять вернуться к себе. Мой путь был тоже преодолением эстетизма и теургии. Но я начал его совсем в другой обстановке — это была жуткая зима 13–14 года, футуризм, родившийся в атмосфере танго и «Бубнового валета». Начало этого пути было ложно, но теперь он оказался правильнее всякого другого, правильнее потому, что предчувствовал и учитывал наступающую революцию. Поняв ложность футуристического нигилизма, я стал заниматься лингвистикой и филологией и учиться у Вас философии. Пусть бессознательно, но я пошёл в университет с явно утилитарными целями — освободиться от футуристического невежества. Кажется, этого я достиг, и, наверно, это все, что было мне нужно. Корнями же я слишком прочно врос туда, в эту зиму 13–14 года: если их окончательно подрубить (т. е. продолжать разыгрывать академика), не останется ничего. И вот последние месяцы с каждым днем все яснее я чувствую, что должен окончательно уйти от Академий и Университетов к тому, что роднее и ближе. Пусть даже сам я не стану никаким художником, все-таки я не могу не променять на это «звание» ученую карьеру.

Но если у меня и есть сомнения, то только относительно своего собственного художественного дарования. Они не могут не появиться у меня, когда меня уже признали мэтром в той группе, которая сейчас собралась вокруг меня, в то время как я сам, в период своего ухода в науку, совершенно не считал серьезными свои

поэтические писания. В остальном же я буквально «обуян оптимизмом». Я уверен, что надо начать выступление, пусть оставаясь в подполье (тираж 250 экземпляров), но выйдя из собственных четырех стен. Сейчас не стоит возобновлять те темы, которых мы уже касались и будем, несомненно, касаться в ближайшем будущем в разговорах, но Вы должны понять, что нам *нечего делать* с Винокуром, Петровским, Усовым, Шор etc.

Вы говорите: «Их нужно заставить работать на себя». С этим я совершенно согласен, пусть работают в Академии, в исследовательских институтах и пр., но зачем они нам, что они могут сделать у нас, если работа их у нас невозможна для них так же, как музыка для лишенного слуха: это непонимание самой сущности искусства, отношение к нему прежде всего как к объекту изучения ведет к полному отсутствию общего языка. Им не дорого то, что дорого нам. Они не желают вмешиваться в сегодняшний день: какой-нибудь Эйхенбаум весьма удовлетворен, если видит, что литература действительно идет по выдуманному им схеме. Пусть что угодно, лишь бы соответствовало его «собственной диалектике». Согласитесь, что не это было «идеей филологии» Макса. Мы могли бы выдвигать возражение за возражением против того, что говорит он в своем «Духе Филологии», но не могли бы не признавать в нем хотя и противника, но человека, так же, как и мы, подходящего к искусству, хотя сам он ничего и не писал.

Почти все в нашей группе, кто хоть сколько-нибудь знает Вас (Мозалевский, Локс, Нейштадт, Ал. Ромм, Гадзяцкий и др.), уверены, что Вы не можете не быть с нами. То, что Вы писали, останется для нас тем, что есть сейчас и в том случае, если нам суждено разойтись. Нам кажется, что пора выступать, и открытым остается только вопрос — с Вами во главе или одним. Расхождения по отдельным вопросам не страшны — всегда можно договориться: мы будем непримиримы только в одном вопросе — о недопущении к себе никого из тех, кто понимает только в науке, а об остальном (Ахматова, или Пастернак, или что другое) договориться можно всегда.

Я очень рад, что желание поделиться с Вами вновь нахлынувшими на меня мыслями о Максе и нашем общем прошлом снова привело меня к необходимости изложить взгляды свои собственные и своей группы. Вам нужно посмотреть, что представляет собой эта группа. Я не хотел при Михаиле Александровиче говорить Вам вчера о том, что завтра (в понедельник) у нас собрание, на котором, между прочим, будет С. Д. Мстиславский. Оно имеет целью знакомство с ним на предмет работы в его предполагаемом журнале и поэтому будет, наверно, небезынтересно по своему содержанию. Если бы Вы зашли, у Вас было бы ко времени нашего окон-

чательного разговора с Буслаевым и Ольховским представление о всей группе. Во вторник же у нас обычное деловое собрание по поводу исторических рассказов и очерков, на котором будут читать Буслаев (о Полевом) и Мих. Ромм. Оба собрания будут у меня часов в 8 ½. Надеюсь, что хотя бы на одно из них Вы сумеете попасть.

Между прочим, вчера, когда мы говорили о составе сборника памяти Макса, мы упустили из виду, что вторая его статья — «Дух Филологии» все-таки совсем не научна, тогда как в моей статье о нем говорится только о его научной деятельности. Не будет ли это некоторым несоответствием для читателя и не лучше ли ограничиться «Идеей Филологии» и «Составной рифмой у Анненского». Говорить о Максе не как об ученом сейчас ведь нельзя, поскольку нельзя, во всяком случае не стоит, открыто говорить в печати о «Гермесе» — все-таки нелегальном издании.

Ваш Борис Горнунг.

3 февраля 1926 года

Дорогой Густав Густавович!

Вчера, хотя я Вас и дождался, мне Вас так и не удалось поймать, — Вы все время были заняты, а потом я пропустил Вас, когда Вы уходили. Думаю, что написать будет проще всего.

В субботу я не успел предупредить некоторых об отмене, и потому многие собрались вечером у меня. Так как настроение у всех такое, что всем хочется начать немедленно самое дело и окончательно прекратить затянувшиеся предварительные разговоры, мы рассмотрели весь имевшийся уже готовый материал. Было решено, что я в понедельник покажу его Вам, и в том случае, если с Вашей стороны не будет возражений, немедленно приступим к печатанию.

Я не имел возможности сказать Вам и того, что общее желание — не иметь твердой редакции из нескольких человек, а иметь только группу лиц (2–3), подготавливающих редакционный портфель. Санкция же — за общим собранием наличных сотрудников, т. е. той группой в 8–10 человек, которая может собраться каждый раз (вся группа человек 18, из коих Лившиц — в Петербурге, Волков — во Фрейбурге, а Бернер — в Соловках). Только такая анархическая структура представляется нам гарантией жизненности всего предприятия. Из наших прежних разговоров с Вами я, кажется, могу сделать вывод, что и Вы не будете особенно против этого возражать. Нами уже принято: предуведомление «К читателю», составленное А. И. Роммом и принятое с немногими поправками (оно, конечно, идёт без подписи), весь художественный отдел и статьи А. Ромма и В. Гливенко. Все это и обложку я Вам

посылаю. К сожалению, статью «Самоустранение имажинизма» Валерий Иванович <Гливенко> взял у меня вчера в Академии проверить в переписанном виде и забыл вернуть.

Я посылаю Вам всю готовую книгу А. Ромма, которую Вам, думаю, будет интересно прочесть; принятые стихи там отмечены.

Мы предполагаем выпустить сейчас № 1–2 за январь и февраль страниц в 100–120, а затем выпускать ежемесячно номера по 50–80 страниц. Я не имел также случая сказать Вам, что общее желание — видеть напечатанным в № 1–2 тот фрагмент, который вошел в Ваш прошлогодний доклад «Границы научного литературоведения» (Вы читали весь доклад устно, а этот отрывок прочли по рукописи — он и написан был, кажется, отдельно от доклада). Если Вы согласны, Вы передадите его мне как-нибудь на днях.

В дальнейшем должны быть представлены: моя статейка, представляющая экстракт заключительной части моего доклада в Академии о Гильоме Аполлинере, той самой, которая вызвала почти что негодование большинства слушателей (не знаю, как пройдет она у нас, но надеюсь на сочувствие); статья Нейштадта «К проблеме национальной культуры» (по поводу истории с написанием Рильке французских стихов и отчасти в связи с последней книгой Бодуэна де Куртенэ); статья Грифцова (точно темы еще сказать не могу — о современной французской литературе); заметка Буслаева по поводу статьи Л. П. Гроссмана в № 2 «Искусства»; отрывки из книги Локса «Образы и воспоминания»; обзор стихов за 25-й год и ряд мелочей. Систематического рецензирования книг решили не делать и вести хронику по типу «Почтового ящика» последних альманахов «Цеха», выделяя все заслуживающее особого внимания и отдельные заметки.

Итак, мы начали собирать первые номера, прекратив абстрактные принципиальные разговоры, но, конечно, они могут подниматься по поводу любой статьи и заметки. В прошлом обо многом договорено, так что многое подразумевается само собою, не будучи зафиксировано ни в каких протоколах, которых никогда и не будет. Относительно конструкции журнала не все еще ясно — я имею целый ряд предложений для ближайших собраний, но все мы считаем, что она может вытекать только из хода работы.

Хорошо бы, конечно, мне (необязательно именно мне, а мне как тому, которому легче уговориться с Вами о встрече) поговорить с Вами до следующего собрания. Если же этого не удастся, придется ограничиться получением от Вас обратно материала с Вашим мнением. Не знаю только, когда мы устроим это следующее собрание — боюсь, что в субботу после Редакционного совета ГАХН Вы не сможете, а было бы очень хорошо.

Ваш *Борис Горнунг*

Р. С. Стихи Бернера, которые мы решили печатать под псевдонимом Ф. Николаев, посылаю Вам тоже целой тетрадь. Два выбранных для № 1–2 отмечены красным карандашом.

<Р.>Р. С. Напоминаю Вам о Вашем обещании снести как-нибудь с Мариенгофом.

15 апреля 1927 года

Дорогой Густав Густавович!

Хотя моя статья «Драматургия» попадет к Вам (в сокращенном вовсе виде), я оставляю Вам ее полную редакцию. Мне очень хотелось бы, чтобы Вы ее прочитали. Она содержит те *предварительные* результаты, которые у меня проясняются уже сейчас. Прежде чем приступить к более глубокой разработке и к развитию намеченных положений, мне очень важно было бы услышать Ваше мнение — в частности по вопросу о намеченной здесь «положительной традиции» драматургии. Указанный мною путь к анализу внутренних форм драмы вызвал очень много возражений. Мне же казалось, что он тесно примыкает к тем занятиям, которые вели мы в 1923–1924 годах. По-видимому, наша тогдашняя общая работа основательно забыта — а может быть, дело в ошибочности моего истолкования тех (выработанных тогда совместно) положений. Во всяком случае, мне такой путь представляется очень плодотворным для анализа исторического материала, его типологии и вскрытия различных драматургических традиций.

Жду Вашего (может быть тоже сурового) отзыва.

Ваш Борис Горнунг

Гроссман Л. — Шпету Г.

29 ноября 1925 года

Дорогой Густав Густавович, «увидя почерк мой, Вы верно удивитесь», — как писал когда-то в скверном лирическом фрагменте Апухтин, — даже на расстоянии я не даю Вам покою! Но на этот раз не собираюсь удручать Вас делами Редкома. Мотив настоящего письма своеобразнее. Отъезд дает возможность взглянуть свежим взглядом на свою обычную примелькавшуюся жизнь, а отдаление способствует иногда высказыванию того, что при постоянном личном общении остается невысказанным. Есть какая-то странная застенчивость, мешающая говорить в глаза своему ближнему (впро-

чем, не ближней) теплые и сердечные слова. А между тем именно такие слова мне давно уже хотелось сказать Вам. Мне хотелось бы выразить Вам мою глубокую благодарность за ту интереснейшую работу, которую Вы предоставили мне в Академии, и за тот простор в ней, который Вы так дружески и так широко мне открыли. В организации издательства и в производстве книг — особенно по искусству — столько увлекательного, живого и творческого, что одна возможность такой работы — большое наслаждение. Я прекрасно знаю, что теперь все бивуачно, преходяще и временно, что и эта деятельность промелькнет и скроется, быть может, в ближайшем будущем, но это нисколько не ослабляет моего желания сказать Вам, дорогой Густав Густавович, мое самое душевное спасибо.

Мы увидимся на днях, и я лично передам Вам о моих переговорах с «Academi'ей» и, вероятно, со Шмидтом, которого рассчитываю увидеть сегодня в институте на докладах Жирмунского и Виноградова. Научная работа здесь идет большая, несмотря на то, что внешне Петербург кажется погруженным в дремоту. Я лично зарылся в театральные архивы пушкинского времени и ежедневно от 10 до 5 люблюсь восхитительными тенями Истоминой, Колосовой или Нимфодоры Семеновы, оживающими на старых документах, написанных гусиным пером по мягкому тряпичному верже с большими и торжественными печатями. Занятие совершенно блаженное!

Итак, до скорого свидания!

Примите крепкое рукопожатие от Вашего *Л. Гроссмана*

31 июля 1926 года

Алупка, Дворец-музей

Дорогой Густав Густавович, я давно уже рассчитывал беседовать с Вами лично и непосредственно, но обстоятельства снова вынуждают меня взяться за перо. Разрешите ознакомить Вас с их общей конъюнктурой.

К сожалению, лечение Серафимы Германовны оказалось до сих пор незаконченным. Как обычно при гриппозных пневмониях, бронхит ее держится довольно упорно, осложнившись припадками бронхиальной астмы. Врачи решительно возражают против ее возвращения в Москву до конца лета и настоятельно советуют использовать до конца крымское солнце. Я находился в большом затруднении перед выполнением этого плана, когда неожиданно «его величество случай» помог мне.

В последнее время в Алупкинском¹ Дворце-музее устраивались съехавшимися здесь учеными закрытые собеседования на различные темы — по музееведению, пушкинизму и проч. Участвовали в них Б. М. Соколов, И. И. Замотин и другие, присутствовал и Ф. Н. Петров. Это создало некоторую близость к музею, и как раз накануне того дня, когда я собирался брать все же билеты на Москву, директор музея предложил мне в нем некоторую работу за комнату и небольшой оклад. Взвесив все обстоятельства, я не решился отказаться от этого предложения. Разрешите, Густав Густавович, просить от Академии в Вашем лице санкционирования этого шага.

По литературной секции я едва ли буду в августе особенно нужен Академии. Одновременно с этим письмом я пишу и Н. К. Гудзию с просьбой уладить вопрос о замещительстве своем еще на месяц. Но сложнее обстоит дело с Редкомом — и на эту тему позвольте объясниться широко и откровенно.

Я уезжал из Москвы, приняв решение к редакционной работе в Академии не возвращаться. Второпях перед отъездом мне трудно было поговорить с Вами на эту тему, тем более что до последнего дня мы пребывали в «отставке». Я рассчитывал побеседовать с Вами через месяц — 1 1/2, но ввиду новой отсрочки считаю необходимым сделать это письменно, чтобы не нарушать дальнейшей планировки работ Редкома или его общей структуры.

Принятое мною решение в обстановке спокойного раздумия и отдаления от работы окрепло и установилось окончательно. Проверка его на уясняющем протяжении пространства и времени подтвердила его правильность. Убедившись, что моя редакционно-издательская работа в Академии не встречает одобрения ни в секциях, ни в лоне самого Редкома, я только мог принять то решение, которое принял, и поступить так, как поступаю. На мне и только на мне лежит обязанность точно формулировать создавшееся положение. Я это и делаю.

Прошу верить, что никакие личные побуждения (обиды, уязвленные самолюбия etc, etc) никакой роли в моем решении не играют. Я считаюсь исключительно с фактическим положением вещей и общими интересами большого и важного дела, для укрепления и развития которого необходимы подчас и персональные перемещения. Вот почему, в частности, я искренне приветствую вхождение в Редком П. Н. Сакулина. Вот почему, уходя из Редкома, я горячо желаю ему широко и ярко развернуть свою работу,

---

¹ <На обратной стороне листа приписано>: «Отвратительные чернила и бумага заставляют меня писать это письмо с одной стороны листа, как для набора. Не подумайте, что я претендую на его напечатание»!

которая несомненно является одним из важнейших моментов в деятельности Академии.

Мне уже пришлось как-то благодарить Вас в одном письме за Ваше отношение ко мне в общей работе. Позвольте еще раз повторить Вам, что я сохраняю отраднейшие воспоминания о нашем дружном сотрудничестве в первую пору Редкома.

Итак, дорогой Густав Густавович, деловое резюме моего письма: прошу ввиду изложенного продлить мне отпуск по литературной секции до 1 сентября; прошу оформить мой уход из Редкома. Если б оказалось, что в последние месяцы я неправильно получал свой оклад по Редкому, я это по возвращении, конечно, урегулирую. На август же прошу, по возможности, сохранить за мной оклад лишь по литературной секции.

Как идут Ваши летние работы? Много ли написали? Приготовили ли что-нибудь для печати? Мечтаю по возвращении побеседовать с Вами о русском гегелианстве — тема, которая остро вклинивается в одну мою работу. Очень жалею, что Ваш Белинский до сих пор в рукописи. Вот что мне нужно было бы перечест в первую очередь.

Сам я до сих пор не работал, а только читал. Теперь же считаю свой отдых законченным и приступаю к делу.

Буду ждать Вашего ответа, Густав Густавович. Надеюсь, что мои планы и действия будут Вами одобрены.

Серафима Германовна шлет Вам свой искренний привет, к которому всецело присоединяюсь.

Всего доброго!

Ваш Л. Гроссман

Коган П. — Шпету Г.

<16 декабря 1924 года>

München

Дорогой Густав Густавович, проехали Кенигсберг, где Кант так много напакостил человеческому сознанию, вспомнил по этому поводу Вас и выпил за Ваше здоровье рюмку коньяку. Обнимаю Вас и всех академических.

Ваш П. Коган

27 августа <1925>

Pornichet

Дорогой Густав Густавович, вот я и в Pornichet. Перед этим пробыл день в Париже и имел 3-часовую беседу с Морицем. На выставке

есть некоторые облачные пятна, но они не так темны, как казалось издали, и думаю, что их вполне можно будет быстро рассеять. План мой такой: пробыть в Pornichet до 5-го, затем вернуться в Париж и сделать те дела, которые требуют личного присутствия, переговорить с полпредством, с Давидом, разобрать кое-что с Морицем из наиболее сложных вопросов и выехать в Москву. Последнее я решил сделать не позже 15 сентября. И если бы смог остаться еще на некоторое время уже для себя лично, то только в одном случае — получив от Вас категорическую телеграмму, что все волнующие нас вопросы разрешились благополучно и не требуют моего возвращения. Отсюда я написал еще одно письмо, которое, насколько я могу судить, должно оказать влияние на решение нашего дела. Хотя оптимистическое настроение преобладает и сейчас, хотя уехал я, провожаемый всякими авторитетными обещаниями и заверениями, но душа не вполне спокойна. Здесь вдали особенно чувствую, как дорога мне Академия и не только потому, что так много жизни отдал ей, но и потому, что ее гибель искренне считал бы теперь ущербом для государства и поводом ко многим тяжелым выводам. Будем надеяться на лучшее. Будьте добры по получении этого письма выслать мне аванс, о котором мы договорились. Может быть, мне удастся выехать и несколько раньше. Вышлите 125 долларов. Если нельзя будет, то 100, — на адрес выставки.

Напишите *воздушной почтой* о положении дел, как вы его представляете, а в случае чего-нибудь экстренного, *определенного*, телеграфируйте.

До свидания. Крепко жму Вашу руку. Чтобы ни случилось, год близкого сотрудничества с Вами всегда останется одним из лучших моментов в истории моей советской работы.

Ваш П. Коган

2 мая 1927 года

<На официальном бланке Комитета отдела С.С.С.Р. III международной выставки декоративных искусств в Монце-Милане в 1927 году>

Адрес: Milan, Buenos Aires. 1. Pension Guida. Отсюда будут пересылать мне всюду.

Дорогой Густав Густавович,

Вот я и в Италии, правда, не в Риме и не во Флоренции, а в Милане, который скорее напоминает Гамбург или Марсель, чем Италию. Город торговый прежде всего. Впрочем, здесь теперь

главные издательства, величайшая опера, здесь делают карьеру художники и писатели. Увы, где деньги, там и «надстройки». От марксизма никуда не уйдешь.

Сегодня уезжаю в Рим, чтобы согласовать с полпредом вопросы, связанные с церемониалом открытия, и пр. Может быть, недели две пробуду в Сорренто, так как открытие в конце мая. Работы по оборудованию наших зал и декорированного входа — в полном разгаре — и все будет готово к сроку.

Garbato, попав в «свое» общество, чувствует себя гармоничным и величественным. К сожалению, ограниченность средств (наш финотдел так же свиреп, как и академический) не позволяет ему во всем блеске поддерживать славу его знатных предков и поливать фамильный герб достаточным количеством вермута.

Direttore всех московских музеев старается съедать все, что подают к столу в нашем чопорном пансионе, а финансово-административный direttore уверяет всех и все, что денег нет и неизвестно, как мы выйдем из тяжелого и в сущности безвыходного положения в какое попали. Il Presidente — мудрый Бен-Акиба — все терпит, так как помнит знаменитое изречение из замечательного рассуждения о пользе истории и о любви к отечеству: «Бывали уже подобные времена, бывали еще худшие — и государство не разрушилось». Это дает Presidente силу и спокойствие даже тогда, когда разгораются срасти и Garbato величаво доказывает что для успешного хода работ необходимо «вдохновение».

В литературе (правда, по беглым пока наблюдениям) здесь затишь. Аннунцио — «классик», который, по выражению О. Уайльда, у всех нас на полке и которого поэтому можно не читать. Пиранделло кажется молодежи уже устарелым. Папини — тоже. Сама молодежь — не воинствующая, какой-то поворот к старомодному реализму, психологической новелле. Маринетти еще читает лекции и громит мещанство. Но это — только лекции, растущего творчества нет, нет новых мыслей и идей...

Л. П. со мною. Она Вам шлет горячий привет. Был «вечер» в здешнем торгпредстве (оно — здесь). Было неплохо и весело. Мой искренний привет Н. К. — Не забывайте. Пишите. *П. Коган*

<24 мая 1927 года>

Дорогой Густав Густавович,

Я с огорчением прочел Ваше письмо; — прежде всего огорчился за Вас. Я понимаю, что Вам нелегко, что Вы устали и во многом совершенно справедливо разочарованы. Огорчился, во-вторых, за Академию. Многое, о чем Вы пишете, ясно и мне, может быть,

даже стало ясным раньше, чем Вам. Конечно, сейчас в письме не изложить всех своих соображений. По приезде я Вам изложу свои мысли и о том, что происходит, и о том, что, по моему мнению, следует сделать для исцеления от наших недугов. Печально — что я не смогу выехать, как думал, в начале июня. Выставку (открытие) вместо 1 мая назначили на 31-е !! Чего же мы горячку пороли. Все мы могли уехать по крайней мере недели на три позднее. Вот Вам и итальянцы, строгости напустили, штрафом грозили за опоздание, а теперь... Приеду все-таки около 15-го, может быть, удастся раньше.

Чувствую себя скверно — пожалуй, сейчас хуже, чем в Москве. Две недели Сорренто мало помогли — слишком переутомлен и надорван. А в таком состоянии лучше не прерывать работы, не сешься по рельсам — и ладно. Здесь приостановился, наступила реакция. Это — хуже. Нужно месяца 4, и то и полгода. Месяц-полтора — не отдых, да еще при условии всяких неприятностей и дерганый, нет-нет, да и долетающих из Москвы.

Спешу — относительно дела. История с издательством меня возмутила. Я послал телеграмму и письмо Варваре Николаевне с просьбой отложить вопрос до моего приезда. Написал и Луначарскому в Париж.

Сейчас посылаю в Коллегию Наркомпроса резкую бумагу.

Я прошу Вас показать ее только (кроме себя самого) Виктору Александровичу и вдвоем с ним решить, посылать ли ее или нет. Может быть, и я поторопился под влиянием неврастении своей. Но мне кажется, что она должна дать благоприятные результаты. Нельзя же мне, как часовому, ходить около Академии, не отлучаясь и на миг, и высматривать, не собираются ли тебе всадить нож в спину. Ведь если бы я был на месте, я мог бы принять ряд мер. Мое убеждение, что вся эта «спешка» затеяна («срок — месяц», почему?) неспроста, а в связи с отсутствием моим и Анатолия Васильевича (NB Между прочим — резолюции Художественного Отдела не получил! — *Пришли-те!*). Итак, обдумайте с В. А. Никольским, если найдете нужным, что привлечете и еще кого хотите, но думаю, что едва ли стоит. Если решите посылать, то пошлите и все копии по адресам (наверху), а подлинник прямо в Коллегию. Если моя телеграмма опоздала, но по существу Вы сочтете ее нужным послать, то пошлите, даже если состоялось постановление Коллегии, отрицательное для нас. Само собою разумеется, посылать не нужно, если решение в нашу пользу или если Вы узнаете, что вопрос отложен до моего возвращения. Вообще (через Егорову — секретарь Коллегии) нужно следить, когда будет поставлен вопрос; будет ли отложен и т. д. Она всегда в курсе дела. Простите, что так нескладно пишу, но почти болен.

Ваш П. К.

24 мая 1927 года

Milano

<Письмо на бланке:>

Наркомпрос

Главнаука

Государственная Академия

Художественных Наук

Президент

Москва, ул. Кропоткина, 32.

Тел. 3-13-48, 3-67-17

В Коллегию Наркомпроса

Копия: А. В. Луначарскому. Париж

В. Я. Яковлевой

М. Н. Покровскому

Ф. Н. Петрову

Обращаюсь с ходатайством об отсрочке рассмотрения вопроса об издательстве ГАХН до моего возвращения из-за границы. Я являюсь комиссаром Советского Отдела Международной Выставки декоративных искусств в Милане по назначению Коллегии Наркомпроса и в настоящее время при сложных условиях не могу оставить работы, в данный момент чрезвычайно ответственной.

Откладывая подробный доклад до своего возвращения, я не могу не отметить, что спешность в этом вопросе ничем не оправдывается и что неожиданно острая постановка его в отсутствие президента Академии и А. В. Луначарского, который близко знает ее работу и выступил бы (в чем я не сомневаюсь) на защиту издательства ее, — свидетельствуют о заинтересованности определенных лиц в уничтожении издательства Академии.

Я считаю долгом заявить, что этой новой попыткой сорвать ее работу Академия обязана заведующему Художественным отделом Главнауки П. И. Новицкому, который дал одностороннее освещение издательской деятельности ГАХН т. Лещинскому. Одним из мотивов резолюции о постановке этого вопроса в Коллегии является указание на параллелизм работы издательств «Academia» и ГАХН. Всем известны близкие отношения Заведующего Художественным отделом к издательству «Academia». Но если сравнить оба издательства, то предпринимательский и коммерческий оттенок, конечно, окрашивает издательство «Academia», тогда как ГАХН в этом смысле выше каких бы то ни было подозрений. Т. Новицкий заявил т. Лещинскому, — как передал тот вице-президенту ГАХН, — что издательство «Academia» является

издательством Наркомпроса. Не знаю, в каких пределах это можно признать, но ведь и издательство ГАХН фактически является издательством Наркомпроса и для выяснения идейной сравнительной высоты обоих издательств необходимо внимательно исследовать финансовую структуру того и другого.

Нельзя возражать против того, что, будучи членом издательства «Academia», П. И. Новицкий стремится к его преуспеянию. Но недопустимо, чтобы это стремление доходило до уничтожения издательства, которое, с его точки зрения, является конкурирующим и прекращение которого подорвет всю работу Академии.

Я неоднократно имел случай указывать Наркому Луначарскому, замнаркому В. Я. Яковлевой и заведующему Главнаукой на враждебное отношение к Академии со стороны П. И. Новицкого. В настоящее время это отношение принимает характер преследования. Всякому ясно, что уничтожение издательства, это — сведение на нет всего научного значения ГАХН, так как работа, происходящая где-то в четырех стенах и не представленная на суд ученого мира, конечно, не имеет смысла. На это неоднократно указывал и заведующий Главнаукой Ф. Н. Петров, посетивший весной текущего года заседание Ученого Совета, выслушавший лично доклады о различных сторонах деятельности ГАХН, высказавший полное одобрение ее издательской работе и по своей инициативе предложивший значительно увеличить кредиты именно на издательскую часть.

Я обращаю к Коллегии Наркомпроса с ходатайством отложить вопрос и дать мне возможность представить все аргументы в защиту издательства ГАХН.

Президент ГАХН *П. С. Коган*.

<20 марта 1928 года>

Дорогой Густав Густавович,

Привет из Осло!

Город чудный. — Ибсена играют неважно. — Зато здесь живет гениальный скульптор Вигеланд, новый Микель Анджело.

«Штандарт пляшет, музыка играет».

Не вылезая из фрака (вот бы Шапо сюда) — поддерживаю всюду престиж С.С.С.Р. и нашей Академии.

Привет Наталье Константиновне и всем.

Ваш *П. Коган*

Соловьева А. и Шпет Г.

19 ноября 1925 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

Я позволю себе в письменной форме изложить Вам некоторые свои впечатления от того заседания, на котором читался мой доклад «*В каком смысле экспрессия есть предмет лингвистики*».

Прежде всего не скрою от Вас, что заседание имело одну для меня не совсем приятную сторону — Ваше отсутствие. Это отсутствие было для меня ощутительно с двух сторон:

1) Моя научная любознательность объективно ощутила Ваше отсутствие в момент прений. 2) Субъективно — мне было бы очень приятно видеть на своем докладе в комиссии по изучению формы самого дорогого учителя.

Но в данный момент все объективные и субъективные сожаления должны быть забыты, ибо в этом письме я собралась удовлетворить зараз обе потребности: запросы научного характера и субъективное желание общения.

***

Вы, вероятно, помните, что основные тенденции той работы, которая была представлена на Ваше рассмотрение, были связаны с теорией экспрессии Vallу, взятой в ее *строго-лингвистическом аспекте*. Я, однако, стремилась в своей работе, откинув все эмпирически-прагматические убеждения Vallу, понять сущность его *лингвистического* метода в свете *рационально-философского обоснования*. Судя по мнению Р. И. Шор и О. А. Шор, я как будто бы в этой своей задаче все же преуспела.

Основные возражения философского характера были мне сделаны Н. И. Жинкиным, на них мне бы хотелось несколько остановиться.

Николай Иванович указал мне, что 1) я напрасно определяю экспрессивные формы, как *внешние*; они тоже суть формы *внутренние* (самого выражения), данные в своеобразном акте «*симпатического понимания*». 2) Я характеризовала «экспрессию вообще», следующими признаками: 1. *несамостоятельность*, 2. *субъективность*, 3. *аффективность*, 4. *нерасчлененная синтетичность*, 5. *текучесть*, 6. *социальность*, типичность, 7. *данность через симпатическое понимание*. Из этих признаков 2 и 3 совсем должны быть *устранены*, как непригодные для характеристики «экспрессии вообще». 1, 5, 4 суть признаки *внутренних форм* вообще, только

6 и 7 признаки *соответствующие* экспрессии как таковой. 4) Моя характеристика «экспрессии вообще» дефективна со 2-й стороны: 1) я называю экспрессивные формы внешними и не даю *специфика*ма, отличающего их от форм внутренних. 2) они на самом деле суть «внутренние формы», и нужно найти признаки, отличающие их от *других внутренних форм*, также нужно фундировать экспрессивные формы на других внутренних формах; моя характеристика, таким образом, неясна и не точна. 5) основной мой недостаток в том, что я не *фундирую* экспрессивные формы одна на другую, не даю «лестницы» систем экспрессивных форм, наслаивающихся одна на другую, эти системы могут быть различены о по объему и по характеру, сюда относятся *стиль* эпохи, *персональные* черты автора, окрашивающие его произведение и другие виды. 6) Николай Иванович, наконец, по-видимому, поставил мне в упрек, что я все же склонна смешивать *ergon* и *parergon*, слово-символ, слово-смысл, со словом-поступком.

Замечания Николая Ивановича показали мне с философской стороны очень ценными, но ответила я на них плохо, ибо не смогла сразу разобраться в смысле его довольно пространно высказанных замечаний. Я вполне согласилась с ним, что моя характеристика «экспрессии вообще» *страдает недостатками*. Нужно мне признаться в следующем: теория экспрессии Bally, облеченная для меня, так сказать, в плоть и кровь, в методах его преподавания, воспринятая мною в живом услышанном слове и в постоянном общении с автором «*Traité de stylistique française*», есть для меня действительно нечто весьма знакомое, даже близкое, родное, «лингвистическая экспрессия» воспринимается мною, выражаясь термином Авенариуса, как некоторый «positive Notae». «Экспрессия вообще», наоборот, воспринимается как «negative Notae» как смутно вырисовывающаяся в тумане проблем, которыми мое философское сознание еще не овладело. С другой стороны, прагматические тенденции мысли моего заграничного учителя, одиннадцать лет тому назад привлекавшие мое внимание, теперь мне кажутся не только «странными», «чуждыми», «fremdartig», «befremdend», но прямо «неприемлемыми». «Экспрессия вообще» для меня сейчас еще «загадка». Но зато самый путь «построений *вообще*», (не абстрактного, а *идеально конкретного* вообще), путь конкретного анализа сознания, структуры слова, не есть для меня полное «terra incognita», иначе я была бы совсем недостойной ученицей своего любимого учителя. Все-таки в моем сознании налицо следы некоторого *раскола* между воспринятыми прежде методами *эмпирического* анализа и усвоенными в последние годы приемами *философского* мышления. Возможно, что следы этого раскола сказались и в докладе. Эмпиризм и рационализм действительно не

только принципиально непримиримы, но не могут реально ужиться в голове единичного философствующего субъекта. Сознание «раскола» есть уже, однако, первая победа рационализма, ибо настоящий эмпирик, обыкновенно, безотчетно смешивает философски-разнородные принципы (и раскола не сознает).

Возвращаясь к замечаниям Николая Ивановича, отмечу, что хотя я *вполне* согласилась с ним, что мой анализ «экспрессии вообще» страдает недостатками, согласилась с *отрицательным* моментом его замечаний — положительное их содержание меня не совсем удовлетворило. Прежде всего Николай Иванович совсем *не доказал того*, что экспрессивные формы должны быть поняты как внутренние, ибо область «внутренних форм» есть область *интеллектуального* понимания и *символического* познания (деятельности поэтической фантазии, а не «симпатического понимания»). Я не думаю, чтобы образ как таковой мог быть симпатически воспринят, ибо момент сознательного разумения составляет необходимый момент в сознании символа. Текучесть и нерасчлененность образов носит иной характер, чем в экспрессивных формах; только экспрессивное как таковое действительно, не предполагает никаких моментов интеллектуального расчленения, как и моментов интеллектуальной устойчивости. Кроме того, мне осталось совершенно неясным, как построить теорию собственно-лингвистической экспрессии, исходя из принципов Николая Ивановича? Николай Иванович указал мне на необходимость фундирования экспрессивных форм одна на другую и на семантические структуры слова. Это чрезвычайно важный пункт в его замечаниях; о фундировании экспрессивных форм одна на другую говорят и «Эстетические фрагменты» (III выпуск).

Обращаясь к «расколу» в моем сознании. Я никак не могу отрицать того, что экспрессия в аспекте *безусловно-конкретного* анализа нуждается в *строго-философских* методах мышления. «Фундирование», коренящееся в принципах *феноменологического* анализа, (анализа сознания, анализа структуры слова), именно носит на себе черты строго-философского, конкретного принципа. Для меня является, однако, вопрос: нет ли *других* строго-философских приемов, которые наряду с «фундированием» позволяли бы брать предмет в принципиально конкретном освещении?

Термин «фундирование», если я его правильно понимаю, предполагает установки моментов сознания, (или структур слова), в *подчинении* их друг другу, предполагает *восхождение по ступеням*, наслаение¹ одних форм на другие (образность этих терминов не

---

¹ Над словом «наслоение» сверху написано: «насаживание».

вредит их логической точности?, передают ли эти образы-термины существенно логические моменты фундирования?). Впрочем, я совсем не хочу умалять здесь самый смысл «фундирования», я просто укажу на одно понятие, которое, с моей точки зрения, общее понятия фундирования и не менее важно, чем оно. Это понятие *соотношения*, одним из видов которого является понятие *противоположения*. Фундируя поэтическое на логическом, мы в то же время необходимо противопоставляем поэтические формы логическим. Я беру противопоставление не в аспекте формально-логическом, а в том смысле, как оно выступает у Гегеля (единство противоположностей как объект спекулятивного знания, как единство различий в конкретном).

Мне кажется, что *основу* лингвистических воззрений де-Соссюра, которую воспринял Bally, никак нельзя осветить философски иначе, как через придание философски-конкретного смысла понятию *соотношения*, *противоположения*. *Valeur linguistique* (основной термин в теории де-Соссюра) можно фундировать на значении (фактически *Valeur* подчинена значению), но самое *содержание* понятия *Valeur* — это соотношение, игра противоположностей, и эти противоположности (*внутри* самой *Valeur*) можно *только соотносить друг другу*, фундировать их друг на друга никак нельзя.

Противоположение есть основной момент и в области принципиальных вопросов: *поэтическое* фундируется на логическом, но оно противопоставляется прозаическому, никоим образом, нельзя, разумеется, фундировать поэзию на прозе, или прозу на поэзии. Самый метод принципиального фундирования *противоположен* методу эмпирического анализа.

Г. Г. Шпет не написал бы свои «Эстетические фрагменты» на основах структурного анализа, если бы он не имел в виду противопоставить свой метод — антиструктурному (эмпирическому) анализу. Мне кажется, что Гегелевский метод с его постоянными противопоставлениями, снятием этих противопоставлений и все же сохранением снятых моментов должен быть так же принят во внимание, как и метод современной феноменологии.

Так как «*valeur linguistique*» предполагает момент *негативный* и в то же время мыслится как *положительное соотношение*, оно скорее может быть оформлено философски, путем *Гегелевских* принципов, чем приемами современной феноменологии. Я бы хотела обратить внимание на то, что Гегель в своей установке проблемы поэтического (Aesthetik В. III) именно *противопоставляет* поэзию прозе (“poetische Auffassung” — *prossaische Auffassung*”), поэтическое выражение — прозаической речи, и это противопоставление есть основной момент в его установке проблемы поэтического.

Это не значит, разумеется, что Гегель следует *только* методу противоположений (разумеется, он фундирует «поэтическое» на «логическом»). Это, однако, показывает, что Гегель *учитывал* важность метода противоположения.

Мне бы хотелось поставить еще один вопрос: можно ли фундировать *факты* друг на друга? Мне кажется, что фундированию подлежат только *смыслы, переживания* (чистые) и чистые *онтологические отношения (формы)*.

Факты же требуют своих специфических установок в зависимости от их природы. Так, *факты* естественно-научные берутся в отношении причины и действия, (или в других реальных отношениях), факты же языковые берутся в их *идеально-конкретном противополжении* друг другу, (нельзя же, в самом деле, фундировать сами языковые факты друг на друга, нельзя, например, фундировать прошедшее время на настоящем, глагол на существительном, французский язык на немецком и т. д., их можно лишь *противоположать* друг другу). Поскольку лингвистика имеет дело с самими *смыслами*, она, разумеется, имеет дело с фундированными формами. Но, когда она обращается на *факты* и на *слововещи*, она должна прибегнуть к *противоположениям к системно-плоскостному* рассмотрению.

Я позволю себе закончить свои длинные и, возможно, очень неловкие замечания тремя вопросами, обращенными лично к Вам.

1) Следует ли мне отказаться от основных приемов лингвистических воззрений де-Соссюра ввиду того, что самый метод противополжения языковых *valeurs* друг другу недостаточен или даже вообще несостоятелен?

2) Если я буду дальше работать над проблемой «экспрессии вообще», то следует ли мне последовать совету Николая Ивановича и весь центр внимания отправить на проблемы фундирования, или есть принципиальная возможность осветить философски проблему экспрессии, главным образом путем противополжения ее другим видам данного и аспектам сознания?

3) Есть ли принципиальное различие между экспрессией как моментом эстетических переживаний и экспрессией прагматической, т. е. должны ли эти два вида экспрессии изучаться разными методами? Существенно ли для построения понятия «экспрессии вообще» изучать естественную экспрессию улыбок, гневного, радостного выражения лица и т. д., причем принимать во внимание не только выражение чувств у человека, но и у животных (например, у собаки)? В конце концов, всякая экспрессия, эстетическая, прагматически-языковая, «социально-психологическая», «естественная» дается в акте «симпатического понимания», значит,

какое-то единство понятия экспрессии у нас есть, а между тем всякий чувствует глубокое различие между этими видами экспрессии. Поэтому так трудно изучать «экспрессию вообще» (по существу, экспрессия есть нечто глубоко индивидуальное, включающее в себя наслоение реальных, а не идеальных моментов).

Предварительное решение этих вопросов я даю себе в следующем положении: принять указания Николая Ивановича, (которые, как мне кажется, должны отчасти совпадать с Вашими), в отношении проблемы «экспрессии вообще» и особенно в отношении «экспрессии эстетически оформленной», и отвергнуть их в отношении вопроса специального исследования языковой, прагматической экспрессии, ибо здесь мне бы хотелось остаться в плоскости метода де-Соссюра и Vally. Что касается «естественной экспрессии», то ее надо изучать путем простого вживания в нее, наконец, собственно со-значение, как социально-психологический аспект сознания, может изучаться только теми методами, которые указаны в статье «Предмет и задачи этнической психологии».

***

Я развила в этом письме некоторые мысли, которые *impricite* содержались в моем докладе, но если это мысли, по существу страдающие логической неясностью и принципиальной неустойчивостью, то я найду другие пути, чтобы замести следы того «раскола» в моем сознании и тех колебаний в вопросах метода, о которых говорилось в этом письме.

Остаюсь преданная Вам, *А. Соловьева*

P. S. Что касается возражений, сделанных мне Р. И. Шор, то они не произвели такого «*tumulte général*» в моем философском сознании, как возражения Николая Ивановича. Лингвистические указания Розалии Иосифовны мне всегда ценны. Мне возражало еще одно лицо почтенного возраста (знаю, что это член Академии; имени, отчества и фамилии не знаю), но философская сторона вопроса у него оказалась выраженной весьма слабо.

<2 декабря 1925 года>

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

В своем вступительном слове к обсуждению взаимоотношения «эстетики» и «философии искусства» (предмет заседания 24 ноября) *А. С. Ахманов* назвал «эстетику» *Гегеля* «*философией искусства*». Хотя я являюсь профаном в вопросах взаимоотношения «эстетики» и «философии искусства», я составила некоторые заметки по это-

му вопросу применительно к «эстетике» Гегеля, и решилась предложить их Вашему благосклонному вниманию. Если бы вы смогли прочесть эти заметки, и если бы оказалось, что я не стою на ложном пути в отношении этого вопроса (в чем я, однако, сомневаюсь), то я с удовольствием обработала и развила бы эти заметки в соответствующую работу: «О взаимоотношении проблем “эстетики” и “философии искусства” в аспекте построений Гегеля».

Остаюсь преданная Вам, А. Соловьева

Заметки к возможному различению проблем эстетики и философии искусства в построениях Гегеля

Так как проблема взаимоотношения «*Эстетики*» и «*Философии искусства*» может быть мною ухвачена в данный момент еще в совсем неопределенных, совсем общих и неустойчивых контурах, то я не взялась бы анализировать Гегелевские построения, представленные в его «*Vorlesungen über Aesthetik*» именно под этим углом зрения. Тем не менее сколько-нибудь вдумчивое чтение «*Эстетики*» Гегеля обязательно поставит перед сознанием эту проблему.

Если придерживаться того общего и все же несколько неопределенного утверждения, что «*Эстетика*» имеет дело с эстетическим сознанием (эстетическими актами с их содержанием и фундированными на них переживаниями), философия же искусства имеет дело с искусством как с некоторой вещью, скажем, культуры, то проблема прекрасного в искусстве, проблема «*Kunstschöne*», как бы упирается одним концом в эстетику (науку о сознании), а другим концом в философию искусства (онтологическую дисциплину).

Красота как таковая дается в сознании, поэтому не может составлять объект собственно онтологической дисциплины.

Весь центр внимания Гегелевских исследований направлен на проблему «*Kunstschöne*», из этого можно заключить, что Гегелевские «*Vorlesungen über Aesthetik*» содержат в себе как собственно эстетические анализы, так и построения в области философии искусства.

Именно потому, что анализы Гегеля постоянно вращаются вокруг «*Kunstschöne*», нельзя будет категорически отнести одни анализы в область эстетики, а другие — в область философии искусства, что придется в каждой из проблем, которые ставит Гегель, усматривать как сторону самого сознания (я имею в виду первые две части «*Эстетики*», что касается третьей части «*Systeme der einzelnen Künste*», то она, по-видимому, есть глава «философии искусства»).

Есть одно обстоятельство, которое, с моей точки зрения, способствует *тесному сближению* (не отождествлению) проблем эсте-

тики и философии искусства в построении Гегеля. Когда мы теперь говорим «сознание», «наука о сознании», мы, большей частью, имеем в виду учение о сознании феноменологической школы, в частности школы Гуссерля. Помимо принципа «интенциональности», «фундирования» и других принципов, коренящихся в структуре чистых значений, Гуссерлевская феноменология, по-видимому, содержит в себе момент некоторой статичности, корреляция предмет-значение у него статично, ей все же не хватает момента настоящей диалектичности. С другой стороны, поскольку Гуссерль склонен мыслить себе логику как собственно-онтологическую дисциплину (чистая логика), постольку он все же склонен мыслить предмет как обособленный от выражения, постольку, исходя из его принципов, *нет необходимости* мыслить себе «философию искусства» (онтологическую дисциплину) как направленную на выражение. Если же философия искусства не направляется на «выражение», то, вообще, непонятно, как можно бы поставить эту дисциплину в необходимую связь с эстетикой, дисциплиной собственно феноменологической и, как таковой, имеющей дело с значениями-выражениями. Особенно будет трудно, исходя из принципов философии Гуссерля, увидеть связь между «эстетикой» и «философией искусства» в построениях Гегеля, связь необходимую и, в общем, все-таки нерасторжимую. Гегель берет сознание в аспекте диалектического становления, причем, как мне кажется, у Гегеля собственно и нет онтологии, отличной от диалектической истории сознания. *Феноменология духа* — диалектическая история сознания — есть введение в его философию в целом, в «Логику», точно так же, как в «Эстетику». Наивысшая онтологическая категория, наиконкретнейшая во всей его системе — понятие *духа*, есть область самосознания, как рефлексии на самое себя. Природа же, как таковая, есть ступень в становлении духа (сознания), отсюда следует, что нельзя в аспекте Гегелевской философии понять онтологическое, как отличное от становящегося сознания, и философия искусства будет эстетикой, поскольку она есть одна из проблем «философии духа».

Однако в области становления сознания есть моменты, которые надо особенно учитывать при построении как «Эстетики», так и «философии искусства»: природа, с одной стороны, рассматриваемая, есть *ступень* в становлении самого духа, с другой стороны, природа в аспекте Гегелевских построений все же *резко противоплагается* духу, поскольку природа *не есть еще «выражение»*. Если присмотреться внимательно к тому различию, которое Гегель проводит между природой и духом в «Энциклопедии» и в Эстетике, то станет несомненным, что это различие почти целиком сводится на

то, что дух есть выражение, его сущность в обнаруживании самой себя (Manifestation), а природа не есть еще смысловое, дух в ней заключен лишь внутренне, он в ней еще не выражен, сущность же смысла в том, чтобы быть выраженным. Так же Гегель определяет природу, переживания, направленные на природу, формы искусства, едва, едва возвышающиеся над природой, как *непосредственные*. Дух же по существу опосредствен, эстетическое, как таковое, искусство, как таковое (как и теоретическое знание) имеют посредство своим необходимым моментом. (Der Geist ist überhaupt nicht unmittelbar, unmittelbar sind die natürlichen Dinge), говорит Гегель в предисловии к «Философии религии». Таким образом «Эстетика» и «Философия искусства» в аспекте Гегелевских построений имеет свои необходимые точки соприкосновений в сфере самого духа.

Искусство как таковое противоположно природе (природа абстрактна, искусство конкретно = онтологическая характеристика). «Kunstschönheit» противоположна «Naturschönheit». Любуясь природой, мы испытываем *непосредственное* чувство удовольствия, эстетическое наслаждение (наслаждение искусством) как таковое, *опосредственно*. Если для Канта «Naturschönheit» есть красота как таковая, то для Гегеля Naturschönheit не есть еще красота в собственном смысле слова. Ниоим образом нельзя себе мыслить, основываясь на Гегеле, эстетику как более «широкую» область, чем область самого искусства, между проблемой «прекрасного» и проблемой «искусства» существует безусловно — строгое соответствие. Для Гегеля нет красоты вне искусства и нет искусства вне красоты.

Тем не менее у эстетического как такового и у предмета искусства есть свои специфические проблемы, которые отчетливо можно выделить в анализе Гегеля.

Искусство как таковое — *Kunstwerk*, — именно в предметных особенностях противопоставляется (резким образом) абстрактному, непосредственному явлению природы (которое не есть еще выражение); оно противопоставляется также тому, что Гегель определяет как «*technische Kunststück*», произведение прикладного искусства; кроме того, искусство в своих предметных особенностях отлично от области спекулятивного знания, от эмпирически-описательных наук, от данности абстрактно-общего. Все эти отличия анализируются Гегелем в аспекте отношения формы и содержания в искусстве — собственно, в аспекте проблемы «*выражения*».

Когда я в своей работе (Проблема искусства по Гегелю. Собственно, «Проблема прекрасного в искусстве» по Гегелю) касалась вопроса о «форме и содержании» в искусстве, то я старалась подчеркнуть, что связь формы и содержания в искусстве есть связь *специфическая*. Спекулятивное знание (понятие) конкретно и искусство конкретно,

но конкретность искусства не то же самое, что конкретность спекулятивного (разумного) знания. Искусство индивидуально, все моменты его строения индивидуальны, знание направляется на общее (*ideelle Einheit*). Искусство, по выражению Гегеля, должно быть «*gehaltvoll*», «*gehaltreich*», но *Gehalt* в искусстве составляют не умоглядные (логические) истины, а то, что подлежит осуществлению в «прекрасной форме», то, что необходимо ее предполагает (греческие боги, которых сущность в том, что они прекрасны, имеют реальность *лишь* в произведениях искусства, также «*grosse welthistorische Leiden-schaften*», героические деяния и т. д.). Искусство отлично от данности абстрактно-общего — это положение ясно само собой.

Искусство противопоставляется природе, об этом мы уже говорили. Труднее всего отличить «*Kunststück*» от «*Kunstwerk*», особенно, если принять во внимание, что то, что собственно есть только «*Kunststück*», выдается нередко за *Kunstwerk*.

Так, для Гегеля искусно нарисованные груши, вишни, яблоки (собственно вся та область, которую принято в живописи называть «*nature morte*»), не являются еще собственно «*Kunstwerk*». Такое же произведение, как мальчик в картине Муррильо, характеризуется им как «*Kunstwerk*». Что для Гегеля проблема «*Gehalt*» в искусстве имеет фундаментальное значение, видно из его определения поэзии, которую он противопоставляет всем другим видам словесного высказывания, причем опять выдвигает проблему специфической связи формы и содержания в поэзии.

Вышеупомянутые проблемы, касательно вопроса формы и содержания в искусстве, должны быть отнесены в сферу философии искусства. В своей работе я, основываясь на Гегеле, ставила также проблему места эстетического среди других видов сознания. (Эстетическое, как примирительное звено между чувственным и идеальным; эстетическое как особый род познания истины.) Искусство как вещь может быть рассматриваема, как помещенное между сферой чувственного и сферой идеального, с другой стороны, эстетическое, через искусство, есть особый вид сознания, иначе направляющегося на действительность, чем сознание научное, религиозное. Таким образом, существует полная корреляция между проблемами философии искусства и эстетики. Говоря об искусстве как таковом по Гегелю, мы упустили момент его становления. Это становление выражено в определенных *формах*, в определенных художественных *типах*, которые Гегель насчитывает три: символический, классический, романтический. Эти формы имеют свои *предметно-формальные особенности* и постольку составляют предмет философии искусства; с другой стороны, эти формы мысли мы имеем лишь в аспекте соответствующих *созна-*

ний, и смысл их исторического бытия пронизан историей самого культурного сознания. Кроме того, надо обратить внимание на то, что в аспекте своего становления искусство проходит все те ступени, которые оно, взятое «an und für sich», отрицает. Так, на заре своего становления, искусство едва, едва возвышается над природой: оно непосредственно (чувственное как таковое отождествляется со значением = искусство Индии), оно абстрактно (Die Schönheit der Gehabenheit), оно символично (беру термин символ в понимании Гегеля), затем оно становится классическим «идеальным искусством» и, наконец, удаляется в область духа как такового (романтическое искусство). Но этому движению форм безусловно параллельна диалектика самосознания.

Можно утверждать: романтическая форма «абстрактна» потому, что раскалывает момент «внутреннего» и «внешнего», «содержания» и «формы», такая характеристика романтического будет «онтологической».

Но можно понять романтическое как «дух», «тип сознания», такая характеристика не будет уже собственно-онтологической. Таким образом, мне представляется, что для постановки проблемы эстетического как такового и проблемы самого искусства по Гегелю, нужно принять во внимание *основы его теоретической философии*: 1) рассмотрение диалектики бытия в свете диалектики самого сознания, 2) противоположение природы и духа (понятое не как противоположение особых метафизических сущностей, а как коренящееся в самом способе данности этих понятий). Если мыслить себе философию искусства как статическую дисциплину (мы обычно мыслим себе онтологию в аспекте «статики»), то Гегелевская «Эстетика» не будет такой «философией искусства». Если мыслить себе «Эстетику» как направленную на прекрасное в природе, *наряду* с прекрасным в искусстве, как *не* могущую специфицировать понятие «красоты» и эстетического наслаждения (удовольствия), то Гегелевское построение не будет «Эстетикой». С моей же точки зрения Гегелевское произведение есть и то, и другое, понятое в истинном значении. Как мне кажется, некоторые такие опоры в проблеме как сближения, так и различения «Эстетики» и «Философии искусства» у Гегеля можно найти, если обратиться к принципам философии Г. Г. Шпета.

Для Густава Густавовича «чистый» предмет есть собственно абстракция. Предмет узнается в слове, корреляция предмет-слово не может быть нарушена, слово есть нечто sui generis, социальное, социальное в своей конкретности исторично. Дух есть выражение, онтология духа, поэтому направляется на выражение. Философия искусства *необходимо* направляется на выражение. (С точки зрения основ Гуссерлевской философии мы к такому необходимому выво-

ду прийти не можем.) Самое различие «Эстетики» и «философии искусства», — (принципиальное различие), — есть достижение современной феноменологической мысли. Но нельзя обойти молчанием проблемы «духа», «социального», «истории», когда вопрос идет об «Эстетике» Гегеля. Гегель, величайший мастер в области научного изложения, поборник строгой терминологии, разумеется, дает богатый материал для различения проблем «философии искусства» и «Эстетики» в области самих выражений.

Если я нашла возможным в характеристике Гегелем «романтического» выдвинуть две стороны, предметную и сторону самого сознания, так это потому, что у самого Гегеля нет прыжков из области предмета в область сознания, ибо он употребляет одни термины, когда имеет в виду предметную характеристику, и пользуется другими характеристиками, когда дело идет о самом «романтическом духе» с его специфической структурой и особым приятием действительности. Ибо романтизм как таковой направляется на историю «индивидуальной души» (*Geschichte des Gemüts*), и по существу содержит в себе некоторый уклон к иррационализму.

Мне представляется, что проблема взаимоотношения «эстетики» и «философии искусства» в аспекте построений Гегеля может быть плодотворным образом поставлена лишь при условии тщательного анализа Гегелевских приемов изложения, анализа всей его «Эстетики», как «выражения». Однако сама такая работа не покажется скучной и бесполезной лишь тому, кто, вслед за Густавом Густавовичем видит в выражении (слове) предмет *sui generis*, видит в нем первичную наиконкретнейшую данность.

***

Глубокоуважаемый Густав Густавович, в своей работе по эстетике Гегеля я перенесла центр внимания на проблему самого «искусства» (именно изящного искусства в его идее), ибо «Эстетика» Гегеля дает понятие «изящного искусства» в строгом отграничении от всего того, что не составляет искусства, как такового. Но, как мне кажется, сколько бы мы ни анализировали предметно-формальные (онтологические) особенности «изящного искусства», эти предметно-формальные особенности ничего не дадут нам, если мы не вложим в них эстетический смысл, если мы не увидим в них воплощение идеи красоты. Поэтому, мне представляется, что построения Гегеля целиком в философию искусства (как онтологическую дисциплину) отнесены быть не могут. Мне представляется также, что анализы Гегеля восточного, классического и романтического «духа» не входят в предметно-формальный анализ как таковой.

С другой стороны, эти анализы не составляют предмета систематической эстетики, практикующей собственно метод феноменологического рассмотрения. Мне кажется, что Вы начали свой семинарий по «Ideen zur reinen Phänomenologie» Гуссерля (в Институте Слова) указанием на то, что Гегелевская «феноменология» во многих отношениях отличается от того, что Гуссерль понимает под феноменологией. Я думаю, что следует особенно учитывать вопрос о «феноменологии» в смысле Гегеля, при постановке проблемы взаимоотношения «эстетики» и «философии искусства» в его построениях.

Я решила предпослать своей работе краткий анализ некоторых основных терминов в теоретической философии Гегеля, именно терминов: понятие, диалектика, дух, причем исходила интерпретации гегелевских построений, которую Вы нам давали на семинариях по Гегелю. Помимо общей части работы, содержащей в себе разработку проблемы формы и содержания в искусстве по Гегелю, анализ места искусства и эстетического среди других видов данного, как и указание насчет проблемы типики художественных форм по Гегелю, я еще поставила проблему общей установки поэзии в III части «Эстетики», и в небольшом Приложении указала на специфические черты гегелевских построений по сравнению с эстетическими воззрениями Канта и Шеллинга. Как мне кажется, Гегель гораздо ближе по самому духу своих построений к нашей эпохе, чем Кант и Шеллинг. Чтение самой «Эстетики» Гегеля доставило мне минуты особого удовольствия.

***

Вчера по поводу доклада А. Ф. Лосева были чрезвычайно оживленные прения. Горячо дебатировались понятия «диалектики», «феноменологии», «закона тождества» (формальная логика), понятие «вещи», «символа», — точка зрения самого А. Ф. Лосева очень многим показалась неприемлемой. Я обратила внимание на то, что в тезисах А. Ф. Лосев противопоставил «диалектику» 1) феноменологии, 2) формальной логике и 3) «натурализму». По этому поводу Н. И. Жинкин рационально отметил, что можно противопоставлять «диалектику» методам других наук, как гуманитарных, так и естественных (ботаники, химии и т. д.), но нельзя противопоставлять «диалектику» [философскую диалектику] «натурализму», ибо «натурализм» не есть область научного знания, как химия, ботаника и т. д. Но Алексей Федорович до того был разгорячен «нападениями» на него, что, к моему удивлению, не дал себе труда вникнуть в возражения Николая Ивановича, а отделался шуткой. Вообще манера возражать Алексея Федоровича на этот раз была более богата «экспрессивными», чем положительно-научными элементами.

<конец декабря 1926 — начало 1927 года>

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

Если Вам угодно, просмотрите, пожалуйста, тезисы к моему докладу «О взаимоотношении экспрессии разговорного и литературного языка», я их снабдила примечаниями, для того, чтобы Вам удобнее было в них разбираться. Однако, независимо от того, заинтересует ли Вас моя постановка вопроса, — я бы очень хотела Вас видеть на прениях по моему докладу (вторник 11 января), очень бы хотела, чтобы Вы вообще высказались по этому вопросу, была бы Вам за это очень благодарна. Мне привезли из Парижа «La langage et la vie»¹, так что Ваш экземпляр для моих нужд больше не понадобится.

Я запрашивала Bally насчет орфографии его фамилии, и он ответил следующее: «Quant à mon nom, orthographié Bally il se prononce bien avec l mouillé (ou plutôt avec jot). Il s'agit d'une ancienne notation dudit l mouillé, par l sans i cette orthographe se trouve encore dans quelques noms propres; ainsi une localité voisine de Lausanne se nomme Cully (prononcez Cuyi)». — Можно указать, что “ville” и “fille” пишутся одинаково, а произносятся по-разному, вероятно и для объяснения этого случая играет роль “ancien orthographe”.

Уважающая Вас А. Соловьева

Тезисы к докладу:

**«О взаимоотношении экспрессии
разговорно-прагматического и литературно-художественного языка»
(ГАХН, 7 декабря 1926 г.)**

I тезис. Экспрессия разговорно-прагматического и экспрессия литературного языка (языка письменных, литературно-художественных произведений) могут быть сближены: 1) в свете проблем «экспрессии вообще», 2) в отношении языковой системы с ее зафиксированными экспрессивными типами, с ее социально-определенными для данной эпохи и данного народа языковым кодексом синхронических соотношений.

Примечания. По самому существу дела художественное слово и прагматическое гетерогенны, принципиально отличны друг от друга. Но если в литературно-художественном произведении могут быть усмотрены формы, которые существенны для самого художественного целого и которые тем не менее носят ярко выраженную экспрессивную окраску, то 1) эти формы носят в себе признаки «экспрессии вообще» (данность в «симпатическом понимании»,

¹ Название книги — «Язык и жизнь».

эмоциональную презентативность, типичность (как характерность), нерасчлененную текучесть) и 2) с языковой стороны эти формы включают в себя моменты живой, разговорной устной речи.

Любое литературно-художественное произведение всегда написано на каком-нибудь *одном, определенном* языке, — это один из спецификумов форм его данности. Посетители Дрезденской галереи безотносительно к их нациям могут созерцать и «понимать» Сикстинскую мадонну. Но если бы, например, выставку произведений Достоевского, имевшую недавно место в читальном зале ГАХН, посетил бы немец (не знающий русского языка), то ему были бы доступны лишь издания Достоевского на немецком языке. Может ли переведенный Достоевский воспроизвести всю конкретную полноту Достоевского оригинального? Я думаю, что нет, *ибо* творчество писателя глубоко сплетено с особенностями того языка, на котором он пишет. Это сплетение особенно дает себя чувствовать в экспрессивных формах художественного произведения, экспрессивные формы теснее всего сплетены с самым духом данной языковой системы.

П тезис. Язык как «языковая система» (*langue*) должен быть отличаем от индивидуального говорения (*parole*). С другой стороны, термин язык (*lingua*) должен быть отличаем от термина слово (*λόγος*). В основу понятия «языковой системы», полагаемой в экстенсивно-плоскостном разрезе, лишенной полноты конкретного бытия и предполагающей многообразие отдельных языков, ложится понятие слова, как единства смысла абсолютно конкретного в своем бытии и предполагающего структурные членения интенсивного характера (разрез в глубину).

Примечания. Мне кажется, что де-Соссюр плодотворным образом различает *langue* и *parole*. Какое бы словесное выражение мы ни взяли, оно может быть рассмотрено или как индивидуальное (творческое) выражение, или как находящееся по пути внедрения в языковую систему, или как наличное для языкового сознания в своей полной внедренности в языковую систему. Но понятие стабилизированной языковой системы (ее «статический» (стабилизированный) характер наличен для непосредственного языкового сознания) — абстрактно в своем бытии (этого не отрицает даже Vally). Поэтому «языковая система» в необходимо присущем ей статическом аспекте не довлеет себе, а требует понятия слова для своего полного обоснования. Я уже раз высказывала Вам мысли в пользу того, что следует не употреблять между собой *promiscue* термин слово (*λόγος*) и язык (*lingua*). Когда «Эстетические фрагменты» называют «философией языка» — мне такое название представляется не точным; это есть именно «философия слова»; правда, там есть несколько страниц, посвященных понятию

«слово-вещи» — языку в собственном смысле слова — но центр тяжести анализа не в этом понятии. Идя тем путем, которым идут «Эстетические фрагменты», т. е. путем *структурных* членений, разрезов в *глубину*, нельзя логически прийти к понятию «многообразия языков», «многообразия языковых систем» — ибо таковое многообразие, по существу, требует не интенсивного (глубинного), а экстенсивного (системно-плоскостного) разреза. Вся культура — слово, вся действительность слово (Эстетические фрагменты) — язык же остается моментом в культуре. Логика как наука о слове не отождествляется с лингвистикой как наукой об языке хотя бы лингвист и сделал предметом специального ведения систему научного языка. Есть журнал «Мысль и слово» и есть книга Потебни «Мысль и язык» — я не думаю, что можно бы подменить одно заглавие другим. Немецкий термин «Sprache» соответствует русскому «язык», но *слово* в специфическом значении «принципов культуры» не имеет эквивалента ни в немецком, ни особенно во французском языке, ему соответствует (что вполне естественно) лишь греческий «λόγος». Когда я читала книжку Р. И. Шор «Язык и общество», я обратила внимание, какую большую роль в ней играет проблема многообразия языков, и это потому, решила я, что книга носит чисто лингвистический (специфически-лингвистический) характер¹. Даже понятие «внутренней формы» и то берется Р. И. Шор в узколингвистическом смысле «etimon» (влияние Марти), а не в принципиально структурном освещении, в котором оно выступает в «Эстетических фрагментах». Но, разумеется, всякая специфически-лингвистическая теория (каковой является, например, теория де-Соссюра) оставляет открытыми многие принципиальные вопросы, поставить и разрешить которые призвана «философия слова». «Einleitung in die Kawisprache» есть, пожалуй, единственное произведение, в котором вопросы философии языка и философии слова соединены в одно грандиозное целое. Ибо проблема многообразия языков остается у Гумбольдта на первом плане; с другой стороны, делаются попытки взглянуть вглубь структуры слова, за звуковой оболочкой открывается новая, внутренняя форма, облегающая как интеллектуальная и поэтическая плоть, грамматический скелет слова.

III тезис. Художественное слово отличается от прагматического наличием символической ткани образов. Элементы и приемы разговорно-прагматической речи могут быть использованы в художественном слове при условии уничтожения их самодовлеюще-

---

¹ Ведь все примеры, которые приводит Розалия Иосифовна и которые она иногда называет «образными» (в кавычках), суть именно «языковые» явления, а не стилевые, индивидуальные.

утилитарной и жизненно-ситуационной значимости, при условии их символизации.

Примечания. Во II томе «*Traité de stylistique française*», бок о бок стоят выражения, взятые Bally из разговорной речи, и выражения с литературной окраской. Bally различает «*langue littéraire*» и «*style*», причем *langue littéraire* отличается конвенциональным характером. *Конвенциональность* относится к *сущности языка* и видам языка (на чем настаивает и Р. И. Шор в книге «Язык и общество»), однако конвенциональность не относится к сущности художественного слова, художественное слово *символично*; символичность и конвенциональность исключают друг друга. Но чем достигается символичность? Достигается ли она исключительно языковыми средствами? Во времена французского классицизма «разговорные» и эстетически-литературные выражения резко противопоставлялись друг другу, но это и повело к особому литературно-конвенциональному языку, обладающему своей особой лексикологией и своей особой грамматикой. Писатели нашего времени не страшатся сближения с разговорным языком, привлекают в свои произведения экспрессивные обороты живого устного языка, но эти экспрессивные обороты составляют лишь момент в контексте символов, в контексте надлингвистическом (хотя и не надсловесном), слагающемся из игры внутренних форм между собой. Разве мало разговорных оборотов в такой поэме, как «Двенадцать» А. Блока, и нельзя сказать, чтобы эти разговорные обороты составляли просто привносный, побочный момент в отношении самого произведения. Эти внешние разговорные выражения диктуются самой игрой поэтических образов, символов. Я знаю, что следует отличать чистые художественные произведения (произведения чистого искусства — поэзию) от такого литературного жанра, как роман, тем не менее, я думаю, что и роман может достичь настоящего художественного совершенства, каковы, например, романы Достоевского, роман Толстого «Война и мир», романы Белого «Серебряный голубь», «Петербург», повести Гоголя. Все эти романы с языковой стороны богаты, прежде всего, тем, что Bally называет «*effets par évocation*», и язык этих произведений так или иначе включает в себя обороты русского разговорного языка. Пушкину не надо было ходить в толпу, прислушиваться к речам простонародья для того, чтобы написать «Пророка», но надо было это делать, чтобы написать «Капитанскую дочку». Тем паче Гоголю нужно было быть знакомым с простонародными русскими и украинскими оборотами для того, чтобы писать свои произведения.

IV тезис. Разница между художественным словом и прагматическим лежит не столько в области самого языка (лексикология, грам-

матика), сколько в области самого слова, как творческого актуализирования языковых потенций; лексикологические и синтаксические экспрессивные построения, приводимые в таких литературных произведениях, как роман, повесть, новелла, представляли бы с языковой стороны простую надстройку над синтаксисом разговорно-прагматического языка, если бы они (т. е. внешне-синтаксические формы) не диктовались внутренними художественными формами литературного произведения, формами слова *par excellence*.

Примечания. Четвертый тезис — следствие из II и III тезисов. Формальная (Петербургская) школа литературоведов и лингвистов поставила в лице В. В. Виноградова проблему взаимоотношения художественного (письменного) языка и устной, разговорной речи. Но эта школа, по-видимому, не выясняет специфику художественного как такового. Когда В. В. Виноградов исследует стиль Гоголя путем изучения пародий на его стиль, то он, по-видимому, оставляет открытым вопрос, что же составляет самую художественность стиля Гоголя, ведь никакая пародия не дает ключа к разрешению этого вопроса. Я думаю, что с языковой внешней стороны пародии удачно воспроизводят стиль Гоголя, но они не могут воспроизвести внутренние формы его произведений, а следовательно, не могут воспроизвести и отношение между внешне-экспрессивными и внутренними символическими формами, — не могут воспроизвести самую художественность его произведений. Я лично думаю, что не существует, строго говоря, «художественного языка» в смысле «художественной языковой системы», а существует «художественное слово», — могущее пользоваться всеми языковыми системами как своим материалом.

V тезис. В основу принципиальной переводимости литературно-художественного произведения с одного языка на другой ложится понятие художественного слова, от многообразия отдельных языков не зависящее; в основу частичной непереодимости ложится относительная зависимость каждого данного литературно-художественного произведения и его моментов от того языка, на котором оно было написано.

Примечания. Выше указывалось, что литературно-художественное произведение (в противоположность произведениям других искусств) подлежит переводу на другие языки, для того чтобы оно могло быть понято иностранцами, и указывалось, что перевод всегда есть урон в отношении оригинала. Тем не менее если настаивать исключительно на принципе «непереводимости», то получится, что художественные различия находятся в полной зависимости от языковых и на них сводятся; между тем это, разумеется, не так; художественная сущность драм Шекспира, например, так

сказать, интралингвистична, и Гомер, как и всякий другой большой художник, интралингвистичен. Но, если тот архитектор, который читал у нас доклад в комиссии по философии искусства, улавливал в формах греческого искусства (архитектуры) принципы античного мышления, то точно такую же работу можно бы произвести в отношении произведений греческой литературы и греческого языка в целом.

Меня, однако, интересовали экспрессивные формы, и вот оказывается, что нередко художественное произведение дурно переведено на другой язык, главным образом потому, что экспрессия одного языка не всегда находит своих эквивалентов в экспрессии других языков, не только невозможно передать так называемую *couleur locale*, но самые типы-образы (например, герои романов, повестей) теряют в своей экспрессивно-внешней характерности и внутренней содержательности, переведенные на другой язык.

VI тезис. В понимании звука (фонемы) я, в общем, остаюсь на позиции автора «Эстетических фрагментов». Но мне думается, что самая *феноменология звука* еще совсем неосуществленная наука. Онтологические исследования в области фонем как будто гораздо более подвинуты, чем феноменологические. Я думаю, по примеру Bally, что следует изучать *типичные* эмоциональные интонации, экспрессивные звуко сочетания в *непосредственном* живом разговоре. Когда я прислушиваюсь к непосредственному живому разговору, к жаркому спору, к шутивому обмену мнениями, к веселым детским восклицаниям, к разным формам мольбы, угрозы, брани и т. д., я непосредственно улавливаю эмоциональные ударения, эмоциональные интонации, которые явно носят не индивидуально-психологический, а социально-типический характер, тем не менее систематизировать звуковые формы живого разговора трудно. Разговор в живой жизни всегда производит впечатление хаотичной игры звуков, самое схематизирование которых нарушает их непосредственную иррациональную динамичность и нетронутую свежесть. Разговоры на сцене, как мне кажется, легче изучать именно потому, что интонация актера искусственная, эстетически-оформленная, эстетически-упорядоченная. Тем не менее, есть какое-то *соотношение* между живым непосредственным разговором и разговором на сцене, актер, как мне представляется, должен интуитивно хорошо знать *типичные* интонации в формах живого разговора. Что касается литературного (письменного) произведения, то звуковые образы для него не необходимы, однако они повышают его экспрессивный темп, причем это повышение экспрессивного темпа особенно дает себя чувствовать в произведениях, написанных прозой, по существу менее тесно

сплетенных со звуковыми образами, чем стихотворные произведения. С эстетической точки зрения писателю особенно важно выдержать гармоническое соотношение между «внутренними формами» (образами, в собственном смысле слова) и игрой звукосочетаний. Некоторые современные писатели склонны злоупотреблять игрой звукосочетаний в своих произведениях; от этого греха далеко не свободен и Андрей Белый, который часто «выдумывает» новые слова только для того, чтобы иметь возможность ухом воспринять новую экспрессивную форму, не заботясь о том, сможет ли читатель соотнести весь этот каскад новых звукосочетаний самому смыслу высказываемого.

VII тезис. В языковой системе как таковой не существует, строго говоря, наличных живых образов-метафор и фигур. Фигуры и тропы, внедряясь в языковую систему, становятся экспрессивно-грамматическими типами и экспрессивными лексическими единицами, внутренняя форма которых наполовину (а иногда и совсем) утрачена. Экспрессивные грамматические типы носят на себе печать конвенциональной, эмоционально-социальной значимости.

Примечания. В вопросе о тропах и фигурах *внутри* языка я придерживаюсь взглядов Bally, изложенных им на последних страницах брошюры «Figures de pensée et figures de langage» и на последней странице брошюры «La pensée et la langue», т. е. я думаю, что настоящие живые метафоры и фигуры возможны в индивидуальном говорении, но не в языке как таковом. Ведь и книжка Р. И. Шор не дает примеров «настоящих» образов. Художественное слово может, разумеется, оживить застывшие, наполовину умершие метафоры, но настоящие художественные метафоры всегда суть явления стиля, явления, так сказать, надлингвистические, супралингвистические, если понимать под языком, как я это делаю, «языковую систему». Художественный образ свободен и динамичен по самой своей сущности, в обыденном, установленном традицией и санкционированном коллективом, общепринятом языке много рамок и *условностей*, художественный образ, однако, удивительным образом не только не ломает эти рамки, но, наоборот, сам действует как бы в предустановленной гармонии с духом того языка, который является его материнским лоном. Что бы мы сказали о писателе, который стал бы ломать устои родного языка (его лексикологию, грамматику) ради прихотей своей индивидуальной, иногда несколько взбалмошной фантазии? В докладе я привожу примеры экспрессивных, грамматических типов стабилизированной иронии, стабилизированного риторического вопроса и т. д. (все это по примеру Bally), как и привожу примеры таких выражений, которые находятся на границе *faits de langue*

и *faits de parole* (таким пограничным выражениям «*cas intermediaeres*» большое значение придает и Vally). В докладе я сравниваю прагматически-разговорные фигуры и поэтические и подчеркиваю их различие.

VIII тезис. Фигуры отличаются от тропов: 1) наличием эмоционального тона; 2) более близкой связью со звучанием (с интонацией). Наиболее общим образом фигуры можно разделить на: 1) фигуры поэтические; 2) фигуры прагматические: а) ораторские и б) разговорно-бытовые.

Примечания. Метафора как таковая не предполагает особенностей произношения, можно согласиться с Н. Н. Волковым в его стремлении найти *рациональное ядро* метафоры. Рационализировать фигуры труднее уже потому, что такие фигуры, как ирония, как повторение, как риторический вопрос, немислимы без *особой интонации*. Vally прав, утверждая, что повторение само по себе лишено всякой экспрессивной значимости, если оно не вибрирует в то же время в интонации. Представьте себе, что кто-нибудь из ваших младших детей нечаянно повторит в диктанте одно и то же слово, на кого это может произвести аффективное впечатление? Но простое повторение «не хочу», или «не надо», или «дай» в устах ребенка уже будет свидетельствовать Вам об экспрессивной окраске его слов, ибо он не сможет их произнести вне аффективной интонации. Можно сказать про научный язык, что он не прибегает к фигурам, метафоры в научном языке более у места, чем фигуры. Одно лишь изложение геометрии Эвклида вполне обходится без метафор, но ни в одном настоящем научном произведении не может встретиться фигура иронии, фигура повторения (за исключением, разумеется, полемических мест и лирических восклицаний, которые могут встретиться в научном произведении, хотя и не относятся к *самому* научному изложению). Фигуры, как «язык страстей», вполне уместны в устах политического лидера, в устах горячего проповедника, в устах произносящего надгробное слово, в устах провозглашающего веселый или торжественный тост и т. д.

IX тезис. Разговор в живой жизни есть форма, отражающая в себе *характерное* для той социальной группы, или той индивидуально-типичной личности, к которой он относится. Разговоры, приводимые в романах (преимущественно бытового характера), входят в композицию самих типов-образов объективного авторского повествования и разговорные типы в особых формах символической стилизованной экспрессии.

Примечания. Я думаю, что приведение разговорных форм в романе повышает его экспрессивный темп, делает изложение более живым, наглядно-представленным (*darstellend*, как выразился бы

Walzel). Прямое назначение приводимых разговоров (диалогов — по современной литературоведческой терминологии) отражать характерное разного рода индивидуально-социальных групп и ситуаций. Писатель-романист должен носить в себе все многообразие *типических* форм разговора во всех его видах для того, чтобы уметь использовать нужные типы разговоров в своих романах. Разумеется, для писателя-романиста особенно охотно прибегающего к передаче разговоров всегда является опасность *натурализма*, это отметил еще Константин Леонтьев в статье о стиле Толстого. Но богатство экспрессивных языковых форм в романе *само по себе* не делает роман натуралистическим; если роман натуралистичен, то он натуралистичен уже в самом своем *содержании*. В докладе я привожу примеры того, как тесно может быть слита самая композиция образа-типа с его манерой выражаться (эта тесная связь разговора и характера может, как мне кажется, легко быть прослежена на анализе речей героев «Войны и мира», Наташи Ростовой, старого князя Болконского и др. как и на анализе речей героев Достоевского и т. д.). Такие типы действительно «*darstellende*» в вальцельском смысле. Меня интересует вопрос о взаимоотношении объективного повествования в романе и разговорных форм. Можно отметить, что в романах Толстого и Тургенева, например, объективно-описательный, авторски-повествовательный тон выдержан в немодифицированном виде, а разговорные формы (диалоги) отчетливо противопоставляются этому объективному повествованию. У Гоголя эта разница заметно сглажена, благодаря приближению самого повествования к разговорным формам (поэтому В. Виноградов и говорит о формах «сказа» применительно к Гоголю). Можно отметить, что А. Белый окончательно сближает в своих романах повествовательный тон и экспрессивно-разговорные формы в пользу первых; но А. Белый символизирует и стилизует самую экспрессию. Вообще говоря, такое сглаживание разницы между повествованием и разговорными формами есть прогресс в отношении выработки стиля самого романа, как определенного литературного жанра; но ясно, что центр тяжести художественности романа пока что лежит в его содержании (в его идее), а в отношении художественности самой формы он сильно отстает от произведений чистого искусства, от поэзии.

Х тезис. Экспрессивно-звуковые формы литературно-художественных произведений изучаются лингвистом в их соотношении соответствующей языковой системе и в свете проблем языка вообще; в задачу теоретика поэтического языка входит, определить место экспрессивных форм среди других форм, изучаемых поэтикой как частью философии искусства.

Примечания. Я согласна с Bally, что лингвистика направляется на изучение языка как системы стилистика есть лингвистическая дисциплина, поскольку она изучает «systeme expressif», как выражение эмоций известного коллектива; поэтому лингвистика и не может изучать явления творческого индивидуального стиля в той полноте, которую эта проблема требует. Лингвист (поскольку он остается только лингвистом) не может исследовать художественное слово в полноте его художественной сущности и в полноте его структуры, ибо, исследуя литературное произведение, он, собственно, отвлекается от того, что это есть произведение искусства, «художественный образ»; его интересует вопрос, какие отклонения имеют место в литературно-художественном языке по сравнению с общим нормальным языком; он призван постоянно сравнивать системы языков между собой; но лингвист выходит за пределы своих непосредственных задач, если он углубляется в проблему художественности и, особенно, эстетичности выражения (эстетичность беру, согласно, «Эстетическим фрагментам», как особое сознание, а не как онтическую форму). Поэтика, как часть философии искусства будет заинтересована в том, какую роль играют экспрессивные формы в целом художественного произведения, каково их взаимоотношение с другими формами, внутренними, предметными. В III выпуске «Эстетических фрагментов» указывается на наличие в художественном произведении таких форм, которые составляют как бы «авторское дыхание», выражают его личность (составляют экспрессию личности). Об этих формах говорится и в книге Винокура «Биография и культура» (книга, на мой взгляд, близко связана с самым методом «Эстетических фрагментов», ибо она написана «структурным» методом, производит структурные членения). Однако, на мой взгляд, экспрессивные формы, как «формы поведения», как «kundgebende» формы, не составляют предмет ведения лингвиста-онтолога и не входят в собственные задачи теоретической поэтики; но они, безусловно, интересны для литературоведа-биографа и для культуроведа, особенно в том аспекте, в каком их выставляет Г. О. Винокур, опираясь на «Эстетические фрагменты». Но эти формы не составляли предмет рассмотрения настоящего доклада, они все же были затронуты в докладе «Экспрессия и Kundgabe».

<конец января 1927 года>

Глубокоуважаемый Густав Густавович.

В ответ на присылку Вашей книги Bally пока что написал мне следующее «Votre envoi vient de me parvenir, recevez en mes meilleurs remerciements. Dès que mon temps le permettra je commencerai le livre

de M. Spett; les éclaircissements que vous me faites espérer me seront naturellement d'un grand secours. Il sera recommandé aux étudiants et je tâcherai de le faire acheter par la Bibliothèque Universitaire.

P.S. Mes remerciements et mes meilleurs salutations à M. Spett s v p» и в другом месте написал следующее:

«Mes meilleurs remerciements pour votre lettre, reçue hier; elle contient des éclaircissements, qui me faciliteront beaucoup l'intelligence du livre de M. Spett. Le ne manquerai pas de le faire connaître autour de moi comme je l'ai fait pour l'ouvrage de Mlle Schor».

«Les éclaircissements», которые я дала Bally в своем письме к нему, носили суммарный характер. Мне было нелегко изложить на чужом языке Ваши идеи человеку абсолютно с ними незнакомому; некоторые Ваши термины, переведенные на французский язык, теряют в своей языково-смысловой насыщенности, поскольку и научный язык есть выражение определенного научного коллектива, определенного строя идей, выросшего на своей родной научной почве; что касается полемической части Вашей книги, то я ее комментировать не буду; в следующем письме к Bally я обращаю особое внимание на те различия разных значений «коллектива» и «духа», которые являются моим самым любимым местом во всей книге, как и вернусь к изложению основных аргументов в вопросе о различении культуры-вещи и коллективно-психического.

Особое внимание обращаю на самый характер этнической психологии как науки описательной, типологической, интерпретативной. В общем, я надеюсь все же на известную успешность в изложении тех идей, которые мне дороги.

Преданная Вам *А. Соловьева*

Шпет — Соловьевой

<1925—1927 годы>

<На личном бланке вице-президента ГАХН>

Многоуважаемая Аполинария Константиновна,

Мне очень хотелось быть на сегодняшнем Вашем докладе, но, к сожалению, осуществить это не удастся: совершенно непредвиденно я получил приглашение на заседание в Союзе Писателей, где мне быть — практически чрезвычайно важно.

Желаю Вам полного успеха. Познакомиться с докладом, надеюсь, дадите мне возможность.

Жму Вашу руку. *Г. Шпет*

Шапошников Б. — Шпету Г.

21 апреля 1927 года

Милан

Куда: ул. Кропоткина, 32, РАХН, Г.Г. Шпету URSS (RUSSIA)

Шлю привет из Милана Наталии Константиновне, тебе и твоим детишкам. Приятно проводить время в Италии, но всякий другой ее город я предпочел бы Милану — это город ВСНХовский, а не Наркомпросовский.

Твой Б. Шапошников

Шмит Ф. — Шпету Г.

20 октября 1925 года

<на бланке Института истории искусств>

Многоуважаемый Густав Густавович,

Вопрос об объединении деятельности ГАХН и ГИИИ, который мы с Вами официально обсуждали в Ленинграде и потом в Москве, заинтересовал и Художественный Отдел Главнауки П. И. Новицкого и моих товарищей по Институту. Мы очень подробно обсудили те конкретные пункты, по которым возможно и желательно соглашение, и кое-какие меры приняли.

Прежде всего мы решили, как можно лучше организовать взаимное осведомление о работе уже проделанной, проделываемой и предполагаемой. С этой целью мы Вам отправили наш операционный план на 1925—1926 год — и ожидали получения такой же от Вас. Мы его получили? Мы намерены прислать Вам наш годовой отчет, как только он будет составлен — и очень хотелось бы получить таковой же от Вас. Мы его получим? Мы говорили о том, что следует Вам прислать и прислать заблаговременно наши повестки — можем ли мы рассчитывать на взаимность? Вы прекрасно понимаете, почему я задаю все эти вопросы теперь же: у нас — как и у Вас, конечно, — есть свое учрежденческое самолюбие, и так как Вы и без того Москва (т. е. центр) и Академия (т. е. Высокпревосходительное учреждение), а мы всего-навсего Ленинград («вдовствующий») и Институт (тоже не ахти какое важное кушанье), то, естественно, мои товарищи с некоторым страхом смотрят на интимность во взаимоотношениях между ГАХН и ГИИИ, ибо предполагают, что ГАХН

может вдруг пожелать нас скушать или взять очень начальственный тон. Поэтому я, например, как автор затеи, очень бы хотел, чтобы и с Вашей стороны был сделан некий дружеский жест в направлении на NNW в виде присылки операционного шага (Вы, помнится, говорили, что он у Вас совсем готов?) или чего иного.

Кроме информации мы с Вами говорили об объединении издательства (А. А. Кроленко в беседе с Вами до некоторой степени конкретизировал вопрос) — в ГИИИ к этому делу относятся вполне сочувственно, и мы, послав Вам операционный план издательства Academia, ждем Ваших замечаний и конкретных предложений. Вопрос об объединении периодиков, т. е. о создании хорошего толстого журнала по вопросам искусствоведения, точно так же у нас разрешен в том смысле, что никакой пропасти, которая бы делала невозможным совместную работу, мы между ГАХН и ГИИИ не видим. Обсудили мы и вопрос об обмене докладчиками — у нас есть что Вам доложить, и мы уверены, что Вы захотите и нам рассказать о своих работах. А по вопросу о библиографии мы, конечно, признали, что было бы очень желательно распределить между учреждениями темы и обменяться результатами, вместо того чтобы тратить на работу двойное время.

Все, что я Вам пишу, уже не мое личное мнение, а обсуждено в Отделах и в Ученом Совете, и все это может быть осуществлено, как только Вы пожелаете. Но непременно нужно, чтобы Вы сделали жест — или чтобы Вы, хотя бы частным письмом, меня уведомили, что Вы в ГАХН не нашли сочувствия для наших планов. Нужно двинуть вопрос сейчас, потому что в ноябре, к съезду директоров учреждений Главнауки, он будет поставлен официально, и тогда поздно будет составлять себе о нем мнение и предлагать его разрешение. С нетерпением жду Вашего ответа.

Прошу Вас передать Вашей супруге мои почтительнейшие приветы. Искренне Ваш Федор Шмит

А как обстоит вопрос о съезде искусствоведов? Сделано ли у Вас что-либо в этом направлении.

7 октября 1927 года

<На бланке:>

Директор Государственного Института истории искусств
Ленинград, пл. Воровского, д. 5. Тел. 173-00

Многоуважаемый Густав Густавович,

Благодарю вас за присылку Вашей книги «Внутренняя форма слова», которая для меня представляет совсем специальный интерес. На

днях я надеюсь выслать Вам — далеко, увы! неравноценный — ответ: свою брошюру «Предмет и границы социологического искусствования». Как бы далеко отдельные исследователи ни расходились во взглядах, чрезвычайно отрадно, что опять можно серьезно обсуждать серьезные вопросы и что есть охотники таким делом заниматься — не в плане халтурного «покрывания», а делового обсуждения.

С искренним приветом *Федор Шмит*

Шпет Г. — Бонч-Бруевичу В.

8 ноября 1932 года

Тел. 3-13-41

Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич,

Несколько лет тому назад, когда Авинова продала письма Фета Академии Художественных Наук, Президиум поручил мне подготовить эти письма к печати и изданию в Издательстве Академии. Я успел тогда переписать эти письма и составил к ним *примечания* в пределах источников, которые я мог найти в собственной библиотеке. Вскоре и Издательство Академии, и самая Академия перестали существовать, и моя работа приостановилась.

Если Вы не возражаете против того, чтобы я докончил эту работу, я с удовольствием ее выполню. О сроке и формах подготовки этого материала к печати хотелось бы переговорить с Вами. Не будете ли Вы добры указать время, когда я мог бы повидаться с Вами.

С совершенным уважением

Г. Шпет

Шпет Г. — Кондратьеву А.

16 февраля 1922 года

<На бланке:>

Шереметьевское Поземельное общество
Москва, ул. Долгоруковская 17. тел. 3-46-46

Дорогой Аким Ипатьевич,

Я болен и не выхожу из дому. Поэтому не посещаю заседаний и задерживаю организацию Философского отделения. Начну выходить дней через 5, по-видимому.

Сообщаю на запросы Секретариата темы, доложенные мною на заседании Ученого Совета.

Общая задача Отделения может быть формулирована так: *Исследования в области принципиальных и методологических вопросов художественных наук вообще, и в частности эстетики как основной науки по отношению к эмпирическим художественным наукам.*

Исследование ведется в порядке систематическом в связи с современными проблемами художественного творчества и в порядке историческом, но также в целях решения проблем систематических.

До перехода к общей коллективной работе и для определения тем для нее, предполагается поставить (I) общие вопросы: 1) *Об общем характере современной эстетики как строгого знания, по сравнению с ее направлениями метафизическим и психологическим;* 2) *О методах изучения в современной эстетике;* 3) *Проблемы эстетики, выдвинутые русской революционной современностью.* (II) Для конкретизации и специализации названных тем предлагаются темы: 1) *Эстетическое наслаждение, в отличие от других видов наслаждения;* 2) *Эстетическое восприятие формальных качеств, в отличие от восприятия осмысливающего, логического и т. д.;* 3) *Восприятие и сознание стиля;* 4) *О вчувствовании;* 5) *О категориях прекрасного;* 6) *О суждениях оценки;* 7) *Об эстетических законах творчества и о законах эстетического восприятия и т. п.* (III) Специально для рассмотрения методологических основ эмпирических художественных наук предлагается тема: *Художественная археология, история искусств и искусствоведение в различии и сходстве их задач и логических приемов.* В развитие и конкретизацию означенной общей темы: 1) *Описание и объяснение в истории искусств;* 2) *Сравнительный <метод> в искусствоведении;* 3) *Художественная и научно-художественная интерпретация памятников искусств и т. д.*

Работы секций должны быть согласованы с планами уже существующих секций других отделений. В частности, уже определились темы работы Секций Театральной и Литературной: соответственно: 1) *Художественные моменты в творчестве актера и* 2) *Эстетические проблемы поэтики.*

С совершенным уважением

Г. Шпет

23 мая 1922 года

От редакции журнала «Искусство» в счет гонорара за статью «Проблематика современной эстетики» 40000000 (сорок миллионов рублей) получил.

Г. Шпет

19 мая 1922 года

В счет гонорара за статью «Проблематика современной эстетики» от редакции журнала «Искусство» шестьдесят миллионов (60000000) получил 19 мая 1922 года.

Г. Шпет

27 апреля 1926 года

<на бланке>

«Служебная записка» А. И. Кондратьеву

Прошу Вас принять от В. М. Лобанова все счета и другие документы и материалы, относящиеся к Издательству Академии и Типографии, работавшей для Академии.

Г. Шпет

Шпет Г. — Перцову П.

8 октября 1926 года

Многоуважаемый Петр Петрович.

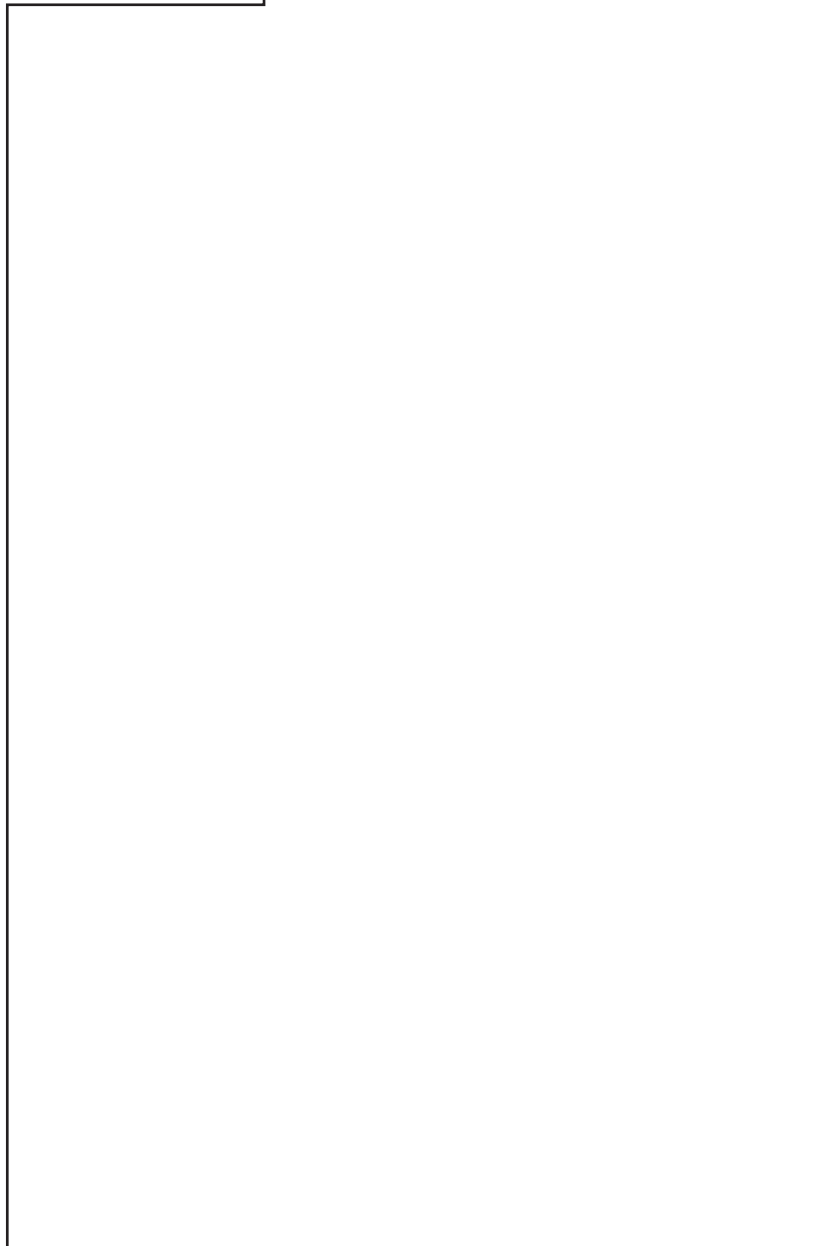
Письма Брюсова и Ваши действительно включены в план издания ГАХН на этот год.

Время сдачи рукописи в типографию определится в ближайшее время (в течение, вероятно, 2–3 недель). Если Вы скоро уезжаете, то желательно было бы иметь Ваши примечания до Вашего отъезда — и во всяком случае, чем скорее Вы сдадите свою работу, тем лучше, ибо это только ускорит проведение книги.

С искренним уважением

Г. Шпет.

Раздел IV
МХАТ

Бернштейн С. — Шпету Г.

19 августа 1933 года

Многоуважаемый Густав Густавович.

Если прилагаемые записки и смета потребуют каких-либо пояснений, переделок и т. п., не откажите в любезности написать мне.

Мой адрес: Столешников пер., д. 11, кв. 17. Если не получу от Вас никаких сообщений, позвоню Вам примерно через неделю.

Искренне уважающий Вас

Сергей Бернштейн

Гуревич Л., Шпет Г., Шпет Н.

Гуревич Л. — Шпету Г.

11 марта 1927 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

К величайшему моему сожалению я принуждена отказать от взятой мною на себя работы по библиографическому указателю, довольно значительная часть которой мною уже сделана. Это решение мое стоит в связи с другим, более общим — отказать от весьма ценного для меня звания действительного члена Академии. Причина этого моего решения заключается в следующем:

Всего две недели тому назад я высказала в расширенном заседании Президиума Театральной секции самый решительный протест против издания под маркой Академии таких недостойных этой мерки, по моему убеждению, книг, как книжка Клейнера и сборник, посвященный Кузнецову. Я указывала при этом, что за всякую выпущенную Академией книгу по театру — кем бы она ни была про-

ведена в Редколлегии — приходится отвечать и Театральной секции в целом, и каждому из нас в отдельности. То же самое и отнюдь не в меньшей степени относится, конечно, и к Словарю театральных терминов. Между тем как я знаю от И. А. Новикова, на вчерашнем заседании Пленума Театральной секции (где я не могла быть по болезни) председателем ее В. А. Филипповым было передано обращенное к ней требование Ученого Совета, чтобы срок работы над Словарем был значительно сокращен против того, который был выработан после долгого обсуждения в Президиуме Секции. Я считаю, что Ученый Совет при всей его высокой авторитетности поступил неправильно, предъявляя к Театральной Секции требования, основанные не на реальном учете ее сил и возможностей, а на соображениях внешнего свойства. Пленум же Секции, подчинившись после значительных колебаний этим требованиям вместо того, чтобы обосновать перед Ученым Советом свои расчеты, совершил непоправимую ошибку и обрек свою работу на спешность, которая не может не отразиться на ее научной доброкачественности. Глубоко неправильной считаю я и самую организацию дела, как она установлена их вчерашним заседанием Пленума, ибо в организационную комиссию по работе над словарем, имеющим теоретический характер, не включен кроме секретаря ее П. М. Якобсона, ни один представитель теоретической подсекции.

При таких условиях я не нахожу возможным ни нести на себе той доли ответственности за эту работу, которая подобает каждому действительному члену секции, ни принимать участие в этой работе, а потому, к величайшему моему сожалению, мне остается один только выход — указанный выше.

Если для изытия меня из штатов Академии требуется мое официальное заявление в Президиум или Ученый Совет, я не замедлю сделать это. Лыщу себя при этом надеждой, что это не помешает мне остаться внештатным работником Академии при какой-нибудь другой научной группе ее, например, при Комиссии по изучению психологии творчества в Физико-психологическом отделении.

С глубоким уважением

Любовь Гуревич

13 октября 1931 года

Дорогой Густав Густавович, несмотря на то, что Вы разрешили мне тревожить Вас еженедельно, и на то, что для меня всегда истинная радость видеть Вас, я не тревожила Вас этот месяц, потому что в этом не было срочной необходимости. Все это время я делала сжатый конспект книги К. С. с указанием страниц отдельных кусочков и пометками к ним от себя. Таким образом, вся книга делается как

бы прозрачной для меня в своей несовершенной структуре и со всеми отдельными изъянами ее. Страницы, требующие консультации с Вами, отмечены в конспекте особым знаком. Когда закончу эту проработку книги, попрошу Вашей консультации по первой партии своих «знаков». К сожалению, сам К. С. и переписывающая его рукопись Рипсимэ Карповна тормозят меня: во второй части книги, меньшей, многое еще у них. Один же кусочек, а именно дополнение к главе «Темпо-ритм», остался у Вас: я отдала Вам его при нашем последнем свидании (так как он был доставлен мне позже всего прочего) вместе с кратким изложением «системы» К. С. для Большой Британской энциклопедии и ясно помню, что Вы положили его себе в карман. Надеюсь, что Вы легко найдете его. Тогда отдайте его пожалуйста Рипсимэ Карповне. Я прошу ее письмом скорее прислать мне недостающие материалы, прихватив и этот кусочек переписанного от Вас.

В свободную минуту подумайте, пожалуйста, по какой бы книжке мне проверить главу «Об освобождении мышц». К. С. считает, что при поднятии руки действует только «плечевой мускул» и т. п. Знаю, что дело не так просто, но исходить только из того, что уцелело в моей памяти от курса Лесгафта, прослушанного около 35 лет тому назад, не могу. Не найдется ли у Вас подходящей книжки — на несколько дней?

Простите, что пишу карандашом. Живу в постели по приказанию врача: в конце сентября среди ночи приключился со мной безобразный сердечный припадок. Работать в постели приспособилась отлично, но только не пером. — На днях встану. Надеюсь однако и пером не часто беспокоить Вас.

Ваша *Л. Гуревич*

30 октября 1931 года

Дорогой Густав Густавович, теперь уж ничего не поделать — приходится мне беспокоить Вас ради книги К. С. Назначьте сами день и час и сообщите по телефону, когда можно ждать Вас. Если Вам в ближайшие дни уж очень недосуг, могу еще как-нибудь оттянуть дней на 5—6.

Еще вот какое маленькое дело. Мне только что прислали из Ленинграда списки моих книг, оставшихся там. Среди них случайно уцелели из погибшего комплекта четыре выпуска *Zeitschrift für Aesthetik*. Мне помнится (не знаю уж теперь, по какому поводу Вы могли заговорить об этом со мной или при мне), что у Вас не хватало каких-то номеров этого журнала. Поэтому на всякий случай сообщаю Вам, что у меня уцелело:

Vd. VI, Н. 4; Vd. VII, Н. 4; Vd. VIII, Н. 4; Vd. IX, Н. 2.

Если бы из этого что-нибудь подошло Вам, я бы выписала сюда вместе с тою частью моих книг, которые будут пересылаться мне. Ответьте по этому пункту тоже через телефон, поскорее.

Ваша *Л. Гуревич*

5 февраля 1932 года

Дорогой Густав Густавович,

Если у меня и была от природы способность добиваться от людей чего-нибудь, что нужно мне, но ненужно им, то эта способность была полностью исчерпана мною еще во времена «Северного Вестника». А потом чем больше насильовали меня, сами того не подозревая, люди — иногда просто какой-нибудь затруднительной для меня просьбой, которую мне было совестно отклонить, — тем труднее мне становилось самой насильовать людей, ради чего бы то ни было. Вот причина моего пассивного поведения относительно Вас, в связи с книгой К. С., за последние три месяца. Из Вашего молчания я сделала вывод, что Вам не хочется принимать участие в работе над ней. В конце концов необходимо было, однако, четко выяснить этот вопрос в интересах самого К. С.: главы, написанные им за этот сезон, представляют из себя нечто такое, что спасти книгу без Вашей помощи я уже не имею ни малейшей надежды. Ввиду этого я и просила как самого К. С., так и Рипсимэ Карповну выяснить вопрос о Вашем участии в работе как можно скорее и деловитее. Через несколько дней я получила вполне определенный ответ, что Вы хотите и можете работать. Если это так, пожалуйста, позвоните мне немедленно по получении этого письма, потому что в ближайшие дни наш телефон будут переделывать на скверно работающий автоматический, а эта переделка прерывает деятельность телефона на добрую неделю.

Напоминаю, что наш номер пока еще — 81-98.

Преданная Вам

Л. Гуревич

22 июля 1933 года

Дорогой Густав Густавович!

По самому острому вопросу мы вчера все-таки полностью не договорились, — по крайней мере я многого не успела высказать, даже до конца продумать, а между тем, чтобы общий труд наш не был напрасным, чего уж решительно нельзя допустить, необходимо многое выяснить себе заранее с полной конкретностью и заранее же предупредить К. С. о том, что работа наша может быть

мало-мальски плодотворной только при соблюдении известных условий с *его* стороны.

Но прежде всего — вот пункт, который мне совсем не ясен: допустим, что К. С. примет наши объединенные возражения по 30—40 (если не больше!) вопросам, но кто будет осуществлять те изменения текста, которые мы признаем необходимыми? Он сам этого сделать не сможет. Я боюсь недоразумения — боюсь, что Вы и В. Г. рассчитывали на меня и что сам К. С. по инерции будет рассчитывать именно на меня, а между тем это-то для меня и невозможно. Прежде всего у меня просто нет больше веры в то, что мои «словесные» поправки могут удовлетворить его, что он не примется опять все переделывать с какой-то даже раздраженной придирчивостью, иногда вновь внося в исправленный текст что-нибудь недопустимое по смыслу, иногда давая волю своим минутным стилистическим капризам, исписывая ненужными, подчас очень неудачными стилистическими вариантами целые страницы и как бы говоря: «Я сам все умею, и последнее слово будет за мной». Тут дело, конечно, не в самолюбии с моей стороны, — поверьте мне, а в свойственной мне неуверенности в себе, которую можно было компенсировать только «ободрением», признанием *удовлетворительности* моего труда. Сам К. С. всю жизнь нуждался в ободрении (это его слово) и сотни раз благодарил меня за то, что я давала ему это ободрение. А когда я принесла ему, уже после всех испытаний прошлой зимы, 4 главы, сделанных — до неизбежных корректурных подчисток — уже набело, в последнюю меру моего старания, и сказала ему, что от его оценки этого моего труда будет зависеть мое окончательное решение по вопросу о том, могу ли я продолжать работу, он переделал все так, что у меня совершенно опустились руки. Свежесть же, необходимая при редакторской работе, исчезла у меня уже гораздо ранее — от мелькания вновь и вновь появляющихся вариантов, от перерывов в работе из-за выхватывания ее из-под рук и т. д. Этой свежести, непосредственности мысли и письма не вернуть ни при каких условиях, а уверенности в себе у меня и с самого начала было недостаточно. Поэтому взять на себя «литературное оформление» книги, а это-то и будет необходимым в виду смысловых исправлений, для меня действительно невозможно, органически невозможно: что убито, то уже не оживет, и никакое насилие над собой в этом отношении не могло бы дать ничего ценного.

Вот о том, как наладить это литературное оформление, я и прошу Вас подумать. Я с радостью и со всей доступной мне внутренней активностью буду участвовать в Ваших совещаниях с В. Г. С., если только Вы допускаете, что я могу быть полезна в этой работе. Хотя я теперь вся сосредоточена внутренне на своих мемуарах — настоль-

ко, что лишь усилием воли могу на время мысленно отходить от процесса внутреннего созидания их, но потребность помочь К. С. в его большом, близком мне деле очень велика, и, каковы бы ни были мои внутренние и внешние обстоятельства, я с твердостью высказываю обещание часов 5—6 в шестидневку полностью отдаваться работе над книгой К. С. вместе с Вами. Повторяю только, с просьбой довести это до сведения К. С., что гонорара не приму: свобода от гонорара и всего с ним связанного поможет мне сбросить с себя ряд тягостных впечатлений прошлого и этим облегчит мне самую работу. К. С. не может или не хочет понять меня в этих злополучных вопросах, но права я или неправа, с рационалистической точки зрения, — я не могу отказать себе в праве быть тем, что я есть.

Можно было бы еще о многом сказать — по вопросам, которые придется разрешать уже общими силами, но я ограничиваюсь тем, что касается лично меня, а остальное, если *Вы* примите мою постановку по данным пунктам, выскажу уже лично, при случае. Не откажитесь сообщить мне завтра по телефону, как прошел Ваш разговор с К. С. Тогда я напишу ему.

Простите, что заставляю Вас разбирать мой почерк да еще и на этой конторской бумаге!

Преданная вам *Л. Гуревич*

Очень тронута была Вашей подписью на Байроне.

Шпет Г. — Гуревич Л.

7 сентября 1935 года

Енисейск

Дорогая, милая Любовь Яковлевна, одной из первых фраз, которые я услышал, когда из потустороннего мира вновь выглянул в здешний — на первом свидании с семьей — было восклицание жены: «Ты не знаешь, сколько у тебя друзей, и *какие* у тебя друзья!..» Она угадала, что в этот момент говорит мне самое нужное и самое приятное, что прямо отвечает этим на главные мысли, от которых я не мог уйти во время своего «лежания» в изоляторе. Лежа там, я не испытывал гнева по поводу порядка, лишившего меня свободы и оскорбившего меня, не испытывал раздражения против фальшивых друзей, давших повод этому порядку так неумно демонстрировать мне свою слепую силу; преобладавшее во мне чувство было чувством несправедливо нанесенной мне *обиды*. Эта обида, естественно, прежде всего направилась против названной слепой силы, — ослепленной мне

неведомо откуда берущимся, но не дающим ей покою, страхом, — но постепенно, все пересматривая, переоценивая, переосмысливая, я эту обиду начал переносить на самого себя: на свой образ жизни, на свое поведение, на свое отношение к другим. Я воображал, что выполняю кому-то нужную работу, — нет, не «кому-то», а людям страны, в которой родился, воспитался и на культурном содержании которой вырос. И из-за этой работы я отказывал себе — и часто этим отказом обижал близких и дорогих мне — в том, что, может быть, есть самое ценное, — в обычном общении с теми, кто влекся ко мне и к кому мое сердце влеклось... За мое претенциозное воображение я оказался жестоко наказанным, и те, кто знают, лучше, чем я, что надо нашей стране в настоящий момент, поставили меня на место... Но тем временем, пока я пребывал в своем претенциозном заблуждении, не растерял ли я тех, кто могли наполнить мне жизнь сердечным содержанием и так украсить ее? И вот на этот вопрос я получил прямой и ободряющий меня ответ, доставивший мне не только нечаянную радость, но, как мне кажется, и незаслуженную. — Когда я вышел на волю, первое, в чем я убедился, было, что жена сказала свои слова не просто для ободрения меня; она сказала истинную правду. Я оказался окруженным такой атмосферой нежного тепла, в которой дышалось легко и сладко, но время от времени выступали на глазах слезы, и сердце сжималось от какого-то томящего стыда, — как я мог раньше уходить от этого и даже отталкивать это во имя каких-то мнимых, воображаемых «объективностей»?

Вы видите, милая Любовь Яковлевна, как это все совпадает с некоторыми мыслями, которые Вы высказываете в своем драгоценном для меня письме. Поэтому мне не нужно входить в подробности, — Вы и без того поймете меня до конца и без всяких уверений с моей стороны почувствуете, — уже почувствовали, — что среди тех, с кем бы мне хотелось быть и сближением с кем я так преступно-расточительно манкировал, я вижу теперь в своих мечтаниях и Вас. Когда — уже в поезде, уносившем меня от Москвы — я был буквально засыпан приветами и другими знаками внимания, памяти и дружбы, я в общем хоре все же отчетливо различал и индивидуально воспринимал каждый отдельный голос. Когда я прочел Ваш привет, услышал Ваш голос — и Вашей доброй дочери, — это и был один из моментов, что глаза у меня наполнились слезами... Я увидел, как много я теряю, прощаясь с Вами, и я вспомнил, как я бывал нерадив, общаясь с Вами, жёсток, жесток и даже груб... В отношениях со мною Вы всегда были великодушны, всю эту *внешность* Вы игнорировали, *не хотели* видеть и прощали мне мою раздражительную грубость, ибо, верю, видели дальше, глубже, и понимали, что мое уважение к

Вам подлинно и что мое сердце влечется к Вам искренне. Что рассуждать об этом *теперь*? — но однажды сказать это нужно: в моем сердце и в моей памяти до конца дней моих Вы останетесь в том «сейфе», на котором надпись гласит: «самое дорогое».

Вам попала моя статья о *Сознании и его собственнике*, я ею был недоволен в особенности потому, что она не кончена и *самое главное* в ней не сказано, — впрочем, может быть, только теперь я сумел бы это «самое главное» высказать. Если у Вас найдется досуг и охота, просмотрите мою статью *Скептик и его душа*, там есть некоторые, ценные для меня и сейчас, детали. В общем, однако, в моих статьях того времени есть одно, что мне очень не нравится — даже раздражает меня порой, — это их самонадеянный тон. Глядя ретроспективно, я удивляюсь его неуместности и несвоевременности, — но отвлекитесь от него и, как Вы умеете, обратите внимание только на существование. А если брать еще более *лично* мне хотелось бы, чтобы Вы прочли мою статью о *Герцене*, — теперь бы я начал с того, чем кончалась тогда моя речь, — с последней ее фразы!

Возможность выхода в свет Ваших *Мемуаров* волновала меня всегда, теперь — еще больше! Конечно же, это — самое главное, что Вам осталось сделать, и манкируйте чем угодно, только не этим! О, как бы хотелось мне Вас понукать и понукать и, если нужно, бранить..., но только не прежним тоном... нет! нет! Кто, кроме Вас, может это сделать? А как это безмерно важно, нужно! Меня *лично* это особенно волнует, потому что Ваша самая ответственная пора была порою моего перехода от детского бессознания к первым проблескам сознания и, как воспоминания детства окружены каким-то ореолом тайны и непонятности, так эта эпоха для меня полна волнующей неясности и какой-то еще неохваченной полноты. Объективно-исторически эта эпоха недооценена, непонята и просто неизвестна: на ее карте — больше белых пятен, чем на карте Арктики, и придет еще немало исследователей, которые будут открывать новые острова, моря, скалы и водовороты. Как бы хотелось поговорить об этом, рассказать Вам, как я ее воспринимал в своем сознательном становлении, как понимал позже и как вижу теперь! — Между прочим, о судьбе Ваших *Мемуаров* я вспоминал в изоляторе. Там попала мне (и я перечел) книга Потоцкого о современной (после 63-го года) польской литературе; как раз в 80-е и 90-е годы у нас было много общего с польской культурно-общественной жизнью, и я был рад найти в этой книге некоторые мысли, совпадавшие с моими, или новые, показавшиеся мне правильными. Знаете ли Вы эту книгу (она вышла в 4-х томиках)? Она есть у меня, и, если Вы читаете по-польски, может быть, она Вас заинтересует.

От Вашей *Истории театрального быта* жду много развлечения и поучения, и очень, очень бы хотелось, чтобы она поскорее увидела свет, но... простите, дорогая, неделикатное напоминание... но превыше всего берегите свои силы и свое время, ибо самое главное — все-таки Ваши *Воспоминания*.

Получить от Вас и иметь с собою здесь какую-нибудь *Вашу* вещь, конечно, было бы приятно. Снимок, о котором Вы пишете, я помню, но оригинала — к стыду моему — не знаю; но для меня такой подарок, как предмет *Вашего* выбора и *Вашего* вкуса, во всяком случае, был бы дорог. Что касается французской *Антологии*, то здесь опять — удивительное совпадение: еще в изоляторе я заскучал по французской лирике и как раз на днях в своем блокноте записал, чтобы в ближайшем письме просить своих выслать мне соответствующий сборник...

Хотелось написать: До свидания! — так хотелось бы Вас *видеть*, но надеюсь, что до свидания еще получу от Вас весточку, — но только, пожалуйста, не снимайте для этого время от своей большой работы: *я знаю*, что Вы меня помните, *знаю* Ваши чувства ко мне, и это одно уже доставляет мне радость.

Всею душою Ваш *Г. Шнет*.

Прошу передать мой сердечный привет Вашей прекрасной дочери, — я мало знаю ее, но вижу перед собою, как живые, ее внимательные, мягко-проникающие глаза.

Idem

18 сентября 1935 года

Енисейск, ул. Иофе, 12

Дорогая милая Любовь Яковлевна, наверное, Вы уже получили мой ответ на Ваше письмо, переданный мною через жену; сейчас пишу только, чтобы поблагодарить Вас за драгоценный подарок, который Вы мне сделали. И само издание — очень приятное. Я уже заглядывал понемножку: много приятных знакомцев, но, пожалуй, еще больше незнакомых или малознакомых авторов. Недостаток такого рода изданий: когда находишь что-нибудь очень приятное, — все равно, у знакомого или незнакомого поэта, — хочется его же в большей пропорции... Во всяком случае уверен, что книжечки скрасят мне здесь немало часов, — тем более что братья за них буду с самыми теплыми воспоминаниями о Вас.

Кажется, не принято полемизировать с посвящениями и надписями, но я предпочел бы прочесть, что это — привет не от одного «из многочисленных» друзей, а от одного из *немногих* — так близких, как хотелось бы!

Преданный Вам *Г. Шнет*

Шпет Н. — Гуревич Л.

24 января 1936 года

Многоуважаемая Любовь Яковлевна!

Густав так энергично восстал не только против сдачи комнат, но даже против каких бы то ни было разговоров на эту тему, что вопрос о сдаче комнат ликвидировался само собою. Кроме того, Густав хочет, чтобы у нас жила Нора, и как только она получит паспорт, она у нас пропишется. Передайте, пожалуйста, привет Н. П. Федоровой и извинения. Я не предполагала, что Н. П. до сих пор ждет от меня известий.

Густав пишет не очень веселые письма, главное, что его тяготит, — это отсутствие работы. Не представляю себе, когда удастся получить для него хоть что-нибудь. Если я получу благополучно паспорт, то думаю сразу же к нему поехать. Густав писал, что в последней посылке Наталии Ильиничны были подарочки и от Вас; он очень тронут Вашим вниманием и вниманием друзей.

Очень жалею, что Вы не совсем здоровы, берегите себя, дорогая Любовь Яковлевна.

Крепко жму Вашу руку

Ваша *Н. Шпет*

P. S. Простите, что я несколько дней Вам не отвечала, но у меня были очередные волнения по моим личным делам, которые вчера закончились как будто бы благополучно.

Москвин И. — Шпету Г.

1 февраля 1930 года

Густав, не удивляйся, что я пишу тебе письмо, а не говорю лично. Дело в том, что у меня, очевидно благодаря бессоннице, в таком состоянии нервы, что мне трудно владеть собой при разговоре. Повод же для разговора очень волнительный. Как же так случилось, что несмотря на то, что ты сам на последнем собрании нашего кооператива говорил: «что никто не должен был предполагать», что делая взнос в 2000—3000 рублей, он этим только и ограничится», далее, — несколько членов кооператива в этом же собрании и в других раньше говорили, что «необходимо подтянуться к бóльшим взносам (Москвин?)», и все же, когда кооперативу понадобилось 4000 рублей, опять берут 400 рублей с того же

Москвина, который сделал первый паевой взнос в 5000 рублей товариществу займа, когда в Августе 28 года встретил А. Ф. Нутриевского в Брюсовском переулке, стоящего перед недостроенным домом с трагическим лицом и заявившему тому же Москвину, что стройка дома с завтрашнего утра прекращается, если он срочно не внесет «Мосстрою» хотя бы 5000 рублей, а он не видит возможности, где бы достать денег; тогда Москвин, не раздумывая о том, когда же товарищи выплатят ему эту сумму, а видя безвыходное положение и получивши как раз в это время за фильм 5000 рублей, — немедленно внес. Я не Рябушинский, а только Москвин Советского союза и у меня сейчас действительно нет денег, и большой разницы между моей кредитоспособностью и многих моих товарищей — я не вижу.

Выплату мне долга в 5000 рублей членами кооператива я представляю себе в таком виде; — за меня или будет вноситься моя квартирная ежемесячная плата и к 34 году эта сумма погасится. Мне не нужно доказывать товарищам, что я на этой скромной операции ничего не наживаю. Верь, Густав, что мне это письмо многого стоит.

И. Москвин

Платон И. — Шпету Г.

4 декабря 1923 года

<Письмо на бланке:>

ДИРЕКЦИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
МОСКОВСКОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО, АССОЦИИРОВАННОГО
Малого Театра

Дорогой Густав Густавович,

Очень прошу Вас зайти к нам в Малый в четверг, 6 Декабря часов в 8. Нужно свершить первые три акта и уплатить Вам 50 целковых рублей.

Жму Вашу руку

Любящий Вас *И. Платон*

От Лансере получил Эскизы. Удивительные.

Станиславский К. и Шпет Г.

Станиславский К. — Правительству (составлено Шпетом Г.)

<Июль—август 1931 года>

I.

Тяжелая болезнь и длительное пребывание за границей оторвали меня от привычной для меня каждодневной работы в Театре. Тем более было у меня досуга для раздумий о моем Театре, для воспоминаний о его прошлом, для тревог за его будущее. Главным материалом моих размышлений было: непосредственно перед моей болезнью отпразднованный 30-летний юбилей Театра и обнаруженное а связи с этим отношение к нам Правительства, советской общественности и товарищей по профессии; беседы с авторитетными людьми о состоянии театрального искусства на Западе, мое прямое наблюдение над упадком буржуазного театра и как упования лучших представителей европейского искусства на новое искусство СССР, так и мое убеждение в том, что эти упования не будут обмануты; наконец, постоянно доставлявшиеся мне сведения из Москвы о делах моего Театра и о тех задачах, которые перед ним ставит современность и руководящие театром органы Правительства.

II.

Вывод, к которому я пришел, говоря коротко, состоит в том, что Художественный театр *полезен* в нашей обстановке социалистического строительства и *необходим* как ступень к будущему социалистическому искусству. Но раз что он полезен и необходим как средство для указанных целей, *может* он осуществить свои задачи лишь при условии *соблюдения* своей *существенной* прижизненной исторически оправданной основы. Говоря о существенной основе, я подчеркиваю, что хочу и умею отличать то случайное и преходящее, что привносилось в нашу работу условиями дореволюционного времени, и то подлинно художественное, что естественно переходит к новой жизни и находит себе новые художественные формы вместе с новым содержанием, в новых условиях и отношениях общественного бытия. Говоря о соблюдении основ нашего театрального творчества, я имею в виду не консервирование достигнутых результатов техники и мастерства, а напротив, развитие и применение достигнутых результатов, опять-таки в соответствии с названными условиями и отношениями.

Однако, если я ошибаюсь, — не в определении существа театрального искусства, как его понимал Художественный Театр, а

в определении и оценке задач современности, — и если Художественный Театр в наше время бесполезен и не нужен, т. е. это значит, что если само существо его будет признано современностью ложным, я не остановлюсь перед выводом, что он существовать не может и должен быть в интересах современности немедленно закрыт, и пусть тогда революционная и советская история разрешит мне на последней странице летописи Художественного Театра собственную рукою написать слово: «конец».

III.

Итак, в чем состоят упомянутые мною условия? — Никого не удивит, что в моих мыслях Художественный Театр неотделим от «Системы К. С. Станиславского», эта Система — не эстетический трактат, а техника театрального искусства, но такого, которое требует для своего воплощения в жизнь:

А) крупных и длительных организационных форм для себя;

Б) высшего качества драматургического материала для включения Театра в общую культуру времени;

В) плановой программы осуществления воспитательных, — в широком смысле: от чисто художественного воздействия и до политической пропаганды, — возможностей театра для подъема культурного сознания широких масс. Чем серьезнее наше отношение к этим трем сторонам нашего искусства, тем серьезнее и строже его собственные требования. Техника «Системы» всегда требовала и требует максимального напряжения в осуществлении этих задач, потому что сама стремится поднять их на максимальную высоту.

А. — Крупные организационные формы театрального искусства требуют, прежде всего, способного осуществить их, соответственно подготовленного и воспитанного *состава*. Этот состав я мыслю не как механическое соединение легко заменяемых частей, а как организационную систему, каждый член которой твердо знает свое место, сферу действия и лежащую на нем ответственность. В самой деятельности Художественного Театра должно выполняться то, что по «Системе» является основным принципом театрального представления: позволю себе сказать собственным термином, — *сквозное действие*. Начиная с момента ознакомления с содержанием пьесы, замыслом автора, исторической и социальной природой его, изображаемых характеров и быта, через систематическую дисциплину осуществления заданной роли, вплоть до приспособления своей материальной и духовной жизненной обстановки к целям службы театральному искусству — одна сквозная нить.

Наш состав уже давно дwoится: «старики Театра» и «молодежь Театра». Нет между ними безусловной грани ни по возрасту, ни

по таланту, ни по значению для сцены; это лишь относительное разделение, главным образом по количеству опыта, стажа, может быть, еще усвоения Системы. Впрочем, я не мог бы с буквальной точностью утверждать, что «старика» «воспитаны» по Системе, — они вместе со мною создавали ее: они — ее воплощение, она — только отвлеченность от них.

Вопрос о «стариках» мне казался ясным. Я был уверен, что по возвращении в Москву, найду прежних товарищей и помощников, на которых могу полностью опереться в решении новых задач Театра. Если что-нибудь меня беспокоило, то только состояние их здоровья. Но я помнил о внимательном отношении к ним Советского Правительства, о тех почетных и материальных преимуществах, которыми они были обеспечены, в особенности в связи с юбилеем Театра.

Гораздо больше размышлений вызывала у меня «молодежь», смена. Знаю, сколько среди нашей молодежи прекрасных талантов, готовых работать и учиться. Но, во-первых, в надлежащих ли они материальных и культурных условиях, чтобы темпы их работы были не только не ниже тех, которые в свое время были взяты молодежью, именуемой теперь «стариками», а значительно превысили бы их, в согласии с ростом культурных потребностей нашей страны и темпами нового строительства. Во-вторых, о смене мы думали давно, да и сама она шла к нам, кадры прошедших школу Художественного Театра, кадры воспитанных по Системе, сами собою образовывались, воспитывались и пополнялись. Художественный Театр выделял филиалы, студии, которые превращались в самостоятельные театры; Система усваивалась, углублялась, может быть, иными и преодолевалась, начинались поиски новых путей, но это было то же развитие, ибо преодоление требует прежде всего усвоения, а не есть акт отвлеченной критики, наспех сочиняемой где-нибудь за письменным столом в собственном кабинете или в кабинете редактора газеты.

Это, естественное когда-то, развитие теперь, в нашей современности было бы неестественным. Вопрос о театральном кадре есть так же вопрос плана, как и другие стороны нашей общественной жизни.

Б. — Здесь не место и, по-видимому, сейчас не время излагать эти планы, как они мне рисовались. Скажу только одно и тем самым перейду ко второму из вышеназванных условий. Воспитание молодежи и кадров по Системе, воспитание кадров в МХТ возможно лишь при самом серьезном, самом ответственном, самом обязывающем отношении к драматическому материалу, к нашему *репертуару*. Система не нужна, исторический опыт Художественного Театра не нужен, если мы вернемся к той стихии пьес-однодневок, которыми 30 лет тому назад засорялись сцены русских театров.

В своем прошлом Художественный Театр не избег ошибок, и на его сцену залетали «однодневки», не стоившие его талантов и гигантской работы, но это не снижало наших требований к собственному творчеству, и эти ошибки нас многому учили. Главный урок состоит в том, что Художественный Театр с его Системой может быть только театром пьес длительного значения. С каждым годом для нас становилась яснее необходимость сосредоточиться на репертуаре преимущественно классическом. И если я говорю «преимущественно», а не «исключительно», то только потому, что верю и знаю, и современность может создать пьесы длительного значения. И разве, в самом деле, вчерашняя современность, если она велика, не становится сегодня классической? Чехов не сходит с нашей сцены, «На дне» посещается сегодня не хуже, чем 29 лет тому назад. Но Горький еще с нами, а молодых драматургов ужели тем поощрять, что принимать на сцену все, что ими написано, лишь потому, что оно написано? И не правильнее бы отметить признание художественной и общественной ценности Художественного Театра тем, что допускать на его сцену рядом с классическим репертуаром исключительно репертуар, составленный из наиболее значительных пьес современности, постановка которых оправдывала бы то напряжение сил и технической подготовки, к какому мы привыкли и каким мы завоевали свое место в мировом театре.

В. — Наконец, надо признать, что ни искусство, ни культура в целом не суть отвлеченные ценности, одно наличие которых должно удовлетворять общество. К культурным ценностям общество вправе предъявлять свои требования, а сама культура должна быть активной культурой. И прежде всего ее активность должна быть направлена на культурное воспитание тех, кто жестокостью истории отодвигается от нее или был отодвинут и не может полностью воспринять ее во всей ее глубине. В этом смысле революция поставила перед нами требования, неисполнение которых было бы равносильно для нас самоуничтожению. Я знаю, что Художественный Театр никогда не забывал и не мог забыть своих *воспитательных* задач, и если он при своем возникновении, по условиям времени, пробовал прикрыть свои серьезные задачи бесцветным словом «общедоступный», то все же это, конечно, не скрывало, а выдавало его намерения.

Теперь мы говорим о другом, более значительном, можно сказать, великом и торжественном: о театральной культуре масс. Я подошел к вопросу, который больше других волновал меня и который требовал от меня самого серьезного размышления. Мне было ясно, что даже опыт моей 45-летней сценической деятельности не давал сразу ключа к решению этой трудной задачи, — в таком масштабе она перед нами поставлена. Кадры, студии, школы — этого также мало, как мала наша сцена, чтобы пропустить даже в целое поколение всех, кто, пи-

тая нас своим трудом и творчеством, жаждет приобщиться к нашему труду и творчеству. Между тем я вижу, как малые театральные формы завладевают массовым зрителем, как он культурно растет изо дня в день и как он алчет культурной пищи соответственно своему росту, как обижается и даже страдает он, когда ему вместо этой пищи продают подчас ядовитый суррогат. И я считал бы, что возвращаюсь в Москву с пустыми руками, если бы у меня не созрел план подготовки на сцене МХТ режиссеров и спектаклей, которые в ближайшее же время могли бы перенести творчество Художественного Театра в самые широкие массы провинциального и клубного зрителя.

IV.

Размышления на все эти темы привели меня к тому, что вопреки советам врачей и опровергнув ряд предложений об основании школы в Европе и Америке, не говоря уж о многочисленных предложениях руководить театрами и подготовить для них отдельные спектакли, я решил отдать остатки сил своей стране и тем самым принять участие в ее новом строительстве.

То, что я застал здесь, то, что совершалось и совершается сейчас на моих глазах, таково, что вместо осуществления новых и широких планов, вместо положительной творческой работы, я вижу, надо думать только об одном: о спасении приближающегося к катастрофической гибели Художественного Театра, об устранении ежедневно обнаруживающихся новых признаков близкой гибели дорогого не одному мне Театра; вместо представления Правительству конкретных планов текущей работы я увидел настоятельную необходимость обратиться с этим предостерегающим письмом.

Я не говорю, что Художественный Театр уже разрушен и нет средств его восстановить, но я говорю, что он накануне катастрофы. Я говорю, потому что имею на это право, — имею право даже кричать, когда гибнет мое дитя, — но если бы даже у меня не было этого отцовского права, я говорил бы по обязанности художника и гражданина, и если бы кто-нибудь даже усумнился в моих правах и снял с меня мои обязанности, я все равно говорил бы, потому что Станиславский не может молчать, когда видит, что Московский Художественный Театр разваливается. Не знаю, что видят мои товарищи по театру, что они переживают, что они могут сказать, я говорю от себя лично, но за то, что я говорю, отвечаю своим именем, ясно сознавая всю тяжесть этой ответственности, ибо это имя давно уже не только мое личное имя.

V.

Будучи заграницей, я не переставал работать над книгой, в которой должна быть изложена Система. Возвращаясь, я думал до-

вершить Систему на практике, проверить и исправить ее применительно к новым условиям жизни и, опираясь на личный опыт, закончить свое изложение. Однако неопубликованная еще Система уже толкуется вкривь и вкось, она — предмет дискуссий (переходящих иногда в то, что напоминает травлю) со стороны критиков, которые, по-видимому, не боятся только одного: неправильно понять, ложно истолковать и самим впасть в ошибку. Когда книга выйдет, я буду рад всякой здоровой и серьезной критике, которая поможет исправить мои ошибки и промахи, но что же сейчас кроме досады, раздражения, протеста против помех в деле может вызвать жонглирование Системой со стороны лиц, с нею незнакомых? Ознакомиться сейчас с нею можно только на деле. Затем-то я и приехал, чтобы показать это дело. Что же я застал в той среде, в которой я хотел продолжать и показать Систему на деле?

Прежде всего *состав* Театра, организованный состав Художественного Театра. Меня не беспокоили в моих мыслях, сказал я выше, «старики». Вот что я увидел и вижу: Александров умер, Лужский умер, Грибунин тяжело болен, Книппер проболела полсезона, Качалов болен, Москвин болен, Леонидов болен, Подгорный болен, Раевская больна... Продолжать ли? Я ведь говорю не о своих субъективных чувствах, я говорю об объективном факте кануна гибели Театра... Скажут, это все — «старики»! Я вынужден продолжать: Ершов болен, Бендина больна, Хмелев болен, Добронравов болен, Орлов болен, и еще, и еще... И именно потому, что они не «старики», яснее виден источник их болезней: это заболевания на почве их профессиональной работы и злоупотреблений условиями, в которых она протекает. «Старики», когда были в возрасте этих «молодых», профессиональными болезнями не страдали.

Общее материальное положение актеров стало значительно хуже? Нет! Излишнее утомление в выполнении художественных задач Художественного Театра? Нет! Ибо неужели выколачивание во что бы то ни стало «прибыли», — путем доведения количества спектаклей до рекордной цифры 730, — есть прямая и всеопределяющая задача Художественного Театра? Той «прибыли», которой теперь чиновники Наркомпроса не могут найти применения? И на мой совет: отдать их на поправку здоровья, которым эта «прибыль» приобретена, не получил ли я постыдное для меня контрпредложение? Почему «старики», участвовавшие в прошлогодней летней поездке на юг, должны были этою же зимою оплатить эту поездку своим здоровьем? И неужели можно быть уверенным, что поездка этого лета в Ленинград, уже уложившая там Грибунина, не оплатится новыми смертями и болезнями? Нет, «прибыль» не шадит ни «стариков», ни молодежи!

Зачем я смеюсь — горько смеюсь — над прибылью, это не единственный мотив нового управления Художественным Театром?.. Какие же? Нужно разбить «академическую рутину», которая будто бы сказывается в систематической художественной работе на одном месте, нужно вести «выездную работу» и перебрасывать часть коллектива, а то и весь аппарат Художественного Театра в другие города, нужно, наконец, вырывать несколько раз в сезон отдельные группы актерского и технического состава для обслуживания политических кампаний. Нужно или не нужно? Да, цели нужные, но средства гибельные! Фатальным образом нарушено первое из указанных мною условий. Театр крупных художественных форм не должен вести систематической работы на одном месте, а должен перебрасываться из города в город, не только не успевая организовать своей работы, но окончательно расстраивая сделанное и расшатывая труппу и технический аппарат, расстраивая всякую дисциплину. А что остается от художественной ценности спектаклей, срепетованных для стационарной сцены, и расшатывающихся, дребезжащих, как машина, изношенная ездою по дрянным мостовым, когда этим спектаклям приходится переезжать из района в район, из города в город и приспособляться к отвратительно оборудованным сценам этих городов? От спектаклей остаются их измельченные схемы, а вся система, художественная и техническая, Театра расшатывается до основания.

Если «старики» платятся за неумелое и неразумное руководство Театром жизнью и здоровьем, то молодежь платится еще и своими талантами и художественным воспитанием. Пьесы-однодневки завладевают сценою Художественного Театра. Стоит ли для них работать по Системе, тем более что она «кроется» призванными — или не призванными — выразителями общественного мнения? Да и как возможна сама эта работа? При обязательной для нас непрерывке, где взять время для нужного количества работы подготовки, репетиций? При постоянных перебросках и разбросках актеров, как заставить актера отвечать за свою роль? Дублерство необходимо, но не случайное, не с нахвата, — у нас же оно превращается в подлинную обезличку.

И вот, может быть только одна сила, способная заставить дисциплинированный и организованный коллектив Художественного Театра вступить на путь «халтуры», это — организовать халтуру.. И эта сила пущена в ход теперешним руководством Театра, — сознательно или несознательно, не знаю, вернее, конечно, без всякого сознания цели, роли и средств Художественного Театра, как и без всякого сознания ответственности за разрушение этого Театра.

Я ли должен напоминать, что эта организованная халтура уже нарушение профессиональных обязанностей, что она знаменует

не только художественный, но и общественно-моральный развал? Но, может быть, именно я должен указать и еще раз подчеркнуть, что главным фактором общего развала, т. е. не только актерского коллектива, но и в среде рабочего, административного и обслуживающего персонала является то же неавторитетное в глазах всего Театра административное и профессиональное руководство, не внушающее к себе доверия, потому что оно не понимает театрального дела, не знает места Художественного Театра, но зато умеет пользоваться таким же незнанием и непониманием канцелярий Главискусства и Рабиса. Ибо только канцелярски санкционированное, но в основе своей неумелое руководство могло столь искусственно создать в нашем Театре противопоставление одной его части другой, когда актер, рабочий искусства, производственник сцены, ставится на второе место и лишен столь необходимой для его работы дружеской атмосферы и поддержки. Актер Художественного Театра начинает халтурить, потому что перестает чувствовать себя не только актером Художественного Театра, но и вообще актером, ответственным работником сцены.

Я отнюдь не хочу сказать, что все губительные недостатки управления и руководства Театром проистекают из злой воли и вообще чисто субъективных особенностей этого руководства. Я знаю, что оно само поставлено в условия, которые толкают его на путь, ведущий Театр к катастрофе. И в связи с изложенным выше не могу не обратить особого, главного, исключительного внимания на *репертуарные* требования. Художественно-политический Совет Художественного Театра, которого, казалось бы, прямой и первой задачей должно быть усвоение существа работы Художественного Театра и ее условий, понимание и оценка места Художественного Театра в нашем и мировом искусстве, без всякой критики идет навстречу критиканствующей печати и вынуждает Театр под предлогом необходимости отвечать на острые вопросы современности, за недостатком пьес, соединяющих политическую выдержанность с подлинной художественностью, и всемерно помогая Главреперткому систематически препятствовать постановке найденных Театром пьес, — вынуждает, говорю, Театр ставить пьесы-однодневки с тем минимумом примитивной агитации, которая более уместна была бы и, может быть, даже лучше достигала бы цели в другой обстановке и в другой постановке. И вот здесь-то и лежит первоисточник организованной халтуры!

Нас заставляют давать зрителю халтуру и воображают, что таким образом можно воспитать нового зрителя. Нет, это — не правда: зритель так же не может быть воспитан на халтуре, как не может быть на ней воспитан и ответственный перед этим зрителем актер.

Сколько бы я на эту тему ни рассуждал, сколько бы не говорил, самое громкое, что я могу сказать, это просто констатировать факт: на сцену Московского Художественного Театра введена халтура. Только тот может не признать в этом симптоме надвигающейся катастрофы, кануна гибели Московского Художественного Театра, кто усмотрит в этом факте самое катастрофу и неотвратимую гибель этого Театра!

VI.

Мне остается лишь указать меры, которые, на мой взгляд, должны быть в экстренном порядке приняты и принятие которых предотвратит полную гибель МХТ, а вместе с тем даст мне возможность представить Правительству положительный план дальнейшего развития Театра.

1. Если мои представления об исторической роли МХТ и его возможной роли в социалистическом строе нашей страны — не иллюзия и разделяются верховными руководящими органами Партии и Правительства, то ими должно быть вынесено твердое постановление, определяющее место Театра в современности, как Театра, исключительными задачами которого является постановка пьес классической драмы и лучшего современного репертуара.

2. Для выполнения и проверки выполнения задач, определенных названным постановлением, а также и всех директив Правительства и Партии, касающихся общей театральной политики, ликвидировав ныне существующий Художественно-политический совет, образовать авторитетное партийное совещание (или Совет), свободное от опеки посредствующих канцелярий Наркомпроса; станет ли во главе названного Совета сам глава Наркомпроса, как орган, осуществляющий художественную политику Партии, или в какой-либо иной форме этот Совет будет под его непосредственным надзором, — это — вопросы чисто организационной техники, — существенно важно, чтобы этот орган Театра был непосредственно подчинен Верховным органам Правительства, а не был связан с ними канцелярской цепью промежуточных инстанций.

3. Выполнение директив Совета и непосредственное художественное руководство остается в руках теперешних директоров, ведающих художественной частью, в руках же Красного директора сосредоточиваются политические и административные функции, при обязательном для него условии тесной связи с художественным руководством, в чем он сам будет почерпать необходимый опыт в управлении театром и найдет средства для восстановления разорванного единства разных категорий работников Театра, равно как и должное направление для профессионального воспитания всего театрального коллектива.

4. Настоятельно необходимо отменить в Театре непрерывку и ввести распределение времени, которое обеспечивало бы возможность достаточного, требуемого принципами Художественного Театра количества репетиций и вообще занятий, подготовляющих постановку спектаклей, а равно и достаточный отдых, предохраняющий работников сцены от их профессиональных заболеваний. В связи с этим удлинить намеченный в этом году каникулярный перерыв с целью дать наиболее утомленным работою последних двух лет возможность восстановить здоровье и силы. (В назначенный срок, 29 августа, в крайнем случае, можно было бы начать лишь частичные занятия по подготовке новых пьес.)

5. Точно так же необходимо отменить погоню во что бы то ни стало за рекордными цифрами прибыли, а имеющиеся излишки ее распределить среди нуждающихся в лечении, санаторном отдыхе и т. п.

Я бью тревогу, потому что вижу грозную опасность. Я — старший рулевой сцены и знаю, откуда ждать опасности. Я был бы осчастливлен, если бы Правительство вняло моему предостерегающему голосу и, оставив меня у моего руля, дало бы мне, может быть накануне моей смерти, ввести свой корабль в свободную и надежную гавань социализма.

Шпет — Станиславскому

<весна 1932 года>

Простите, что в силу некоторых внешних обстоятельств я не тотчас отвечаю на Ваше письмо, которое меня взволновало и своим тоном и тем, что Вам приходится терять Ваше драгоценное время <нрзб.> на разъяснение этого неприятного недоразумения.

Прошу Вас, К. С., не думать, что мое недоразумение по поводу образа действий администрации студии вызвано задетым самолюбием или ограниченным убеждением, что эту работу нельзя выполнить иначе и лучше. Меня поразила только самая способ действий. Невзирая на мои напоминания, договор со мною не был заключен. Но когда к обещанному сроку я представил заведующему художественной частью (Б<огданови>чу), подтекстованный клавиш (первый акт), я все же ждал какого-либо отзыва с его стороны. Однако прошло три-четыре недели, и я из третьих рук узнаю, что над выполнением той же работы, которую я к тому времени приготовил, заключен договор с Аренским. Мне не толь-

ко не было предложено принять в литературных отношениях, устранить или изменить то, что не удовлетворяло художественную часть, но мне не было даже сообщено ни об отказе от моей работы, ни о причинах его. Может быть, мне были бы предъявлены требования, которые я не мог бы выполнить, и тогда я был бы лишен претензии. <нрзб.> история этого дела, которую я воспроизвел только затем, чтобы устранить еще возможность недопонимания. А за сим прошу Вас обо всем этом забыть и верить в мои неизменные чувства глубокого уважения к Вам и искреннюю преданность, Всегда готовый к Вашим услугам.

Станиславский — Шпету

30 апреля 1932 года

Глубокоуважаемый и дорогой Густав Густавович,
Я пишу Вам не первое письмо. Прежние — я рвал, потому что они сухо выражали то, что меня мучает все это время.

Я искал возможности говорить с Вами по телефону, но мне это не удалось.

Сам я выезжать не могу, а просить Вас к себе — не решался, по понятным причинам. Потом я долго хворал и теперь снова полтора месяца лежу в кровати с запрещением говорить и думать о волнительном.

Простите меня!

Я очень виноват перед Вами!

Я сделал большую и оскорбительную ошибку. Дело касается, конечно, Риголетто.

Я не буду оправдываться; не буду обвинять других; не буду вспоминать, как все случилось; как я замотался; как кругом все валится; как я беспомощно мечусь на кровати, управляя тремя театрами «лежа на боку».

Все это не оправдывает моей вины перед Вами. Поверьте мне только, что происшедшее случилось против моего желания; от измотанности; от бессилия справиться со всем, что на меня свалилось; от старой, притупившейся, склерозной памяти. Поверьте, простите и не сомневайтесь в том, что я Вас искренно чту и очень высоко ценю.

Христос Воскресе!

Душевно преданный

К. Станиславский (подпись)

Март 1933 года

Москва
Густаву Густавовичу Шпетт,
Брюсовский пер. 17.

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

Ссылаясь на личные переговоры с Вами К. С. Станиславского и В. Г. Сахновского, Дирекция Московского Академического Театра Союза ССР им. М. Горького настоящим предлагает Вам принять на себя труд по разработке плана по организации Академии театрального мастерства при МХАТ и разработанный материал приготовить к печати для книги или брошюры.

Во исполнение вышеуказанного задания Вы, в случае Вашего согласия на наше предложение, имеете предоставить нам:

1. проект положения об Академии,
2. учебный план и программы по отдельным дисциплинам и упражнениям (в частности — детальный план 1-го курса).

3. проект штатов:

а) административно-хозяйственного и обслуживающего персонала,

б) педагогического персонала.

4. финансовую смету:

- а) на организационные и подготовительные работы,
- б) на переделку и оборудование помещения бывшей Малой сцены под Академию (в частности на оборудование мастерских),
- в) на учебную часть,
- г) на стипендии учащимся,
- д) на удешевленное питание в Столовой Академии,
- е) на постройку общежития для слушателей,
- ж) на общие административно-хозяйственные расходы.

Сметы должны быть составлены на два периода времени:

с 1-го апреля 1933 года по 31-е декабря 1933 года и

с 1-го января 1934 года по 31-е декабря 1934 года.

Проект организации Академии, по договоренности с заведующим Секретариатом ЦИК СССР С. П. Териховым, желательно предоставить на рассмотрение и утверждение «Правительственной Комиссии по руководству ГАБТ и МХАТ СССР им. М. Горького» ко 2-й половине июля 1933 года с тем, чтобы с первого сентября 1933 года можно было открыть прием слушателей.

За труды Ваши по руководству организационной работой и по разработке проекта организации Академии в соответствии с приведенными выше четырьмя пунктами, Дирекция МХАТ предлагает Вам вознаграждение в сумме 5. 000 руб. /пяти тысяч руб./.

В случае Вашего согласия на наше предложение Дирекция МХАТ просит не отказать в уведомлении и соответствующем подтверждении принимаемых Вами на себя обязательств по выполнению вышеуказанной работы.

Директор МХАТ СССР им. Горького *К. С. Станиславский*

Шпет Г. — Книппер-Чеховой О.

8 марта 1935 года

Дорогая Ольга Леонардовна!

За сделанный Вами мне дорогой подарок я хотел поблагодарить Вас в день полудни, когда Вы были нездоровы. Пришлось отложить, а тем временем я <проглотил> этот чудесный томик.

Я читал Вашу с Антоном Павловичем книгу — мало сказать с волнением: как ни дороги мне оба автора, как ни радостно было увидеть их еще в новом, интимном, свете — этим не исчерпывается впечатление от книги — будоражащая, вызывающая <толчки> сердца, выгоняющая наружу собственные воспоминания... Как, что и почему — об этом тоже можно написать книжку!

И думаю, что не только личное. Ведь лично я знаю и люблю Ольгу Леонардовну; Антона Павловича я лично не знал. Но оба они перенесли свои личности в искусство и, читая книгу — может быть, это не покажется Вам странным, — я ощущал эти личности в их художественном воплощении. Так же должен воспринять содержание *Переписки* и наш современный, по сравнению с нами, такой молодой читатель, для которого вы оба — самая настоящая история, без понимания коей ему современным нельзя называться. «Факты» он узнает и по другим книжкам, а такие книги, как ваша Переписка, нужны именно для понимания. Как Вы хорошо сделали, что издали переписку, игнорируя возможность каких-либо пошленьких толкований и домыслов.

Итак, спасибо за чудный подарок.

Искренне благодарю

Любящий Вас и преданный Вам.

Р. С. Что жизнь? — Воспоминаний ряд:

Сокрытые в душе волненья,

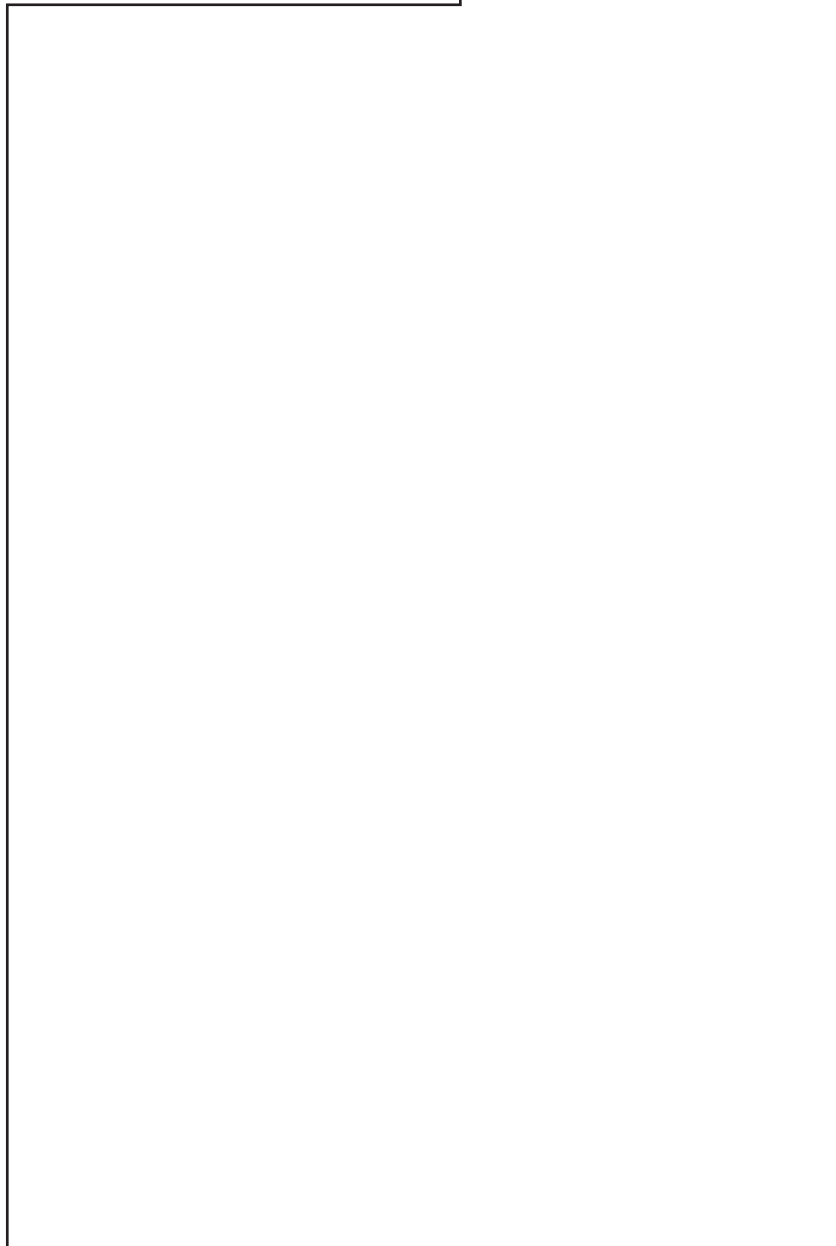
И лучшие нам говорят

Лишь о былых часах забвенья!

Шпет

Раздел V

Издательский круг

Виноградов Н. — Шпету Г.

26 марта 1907 года

Москва, Остоженка, меблированные комнаты «Париж»

Глубокоуважаемый Густав Густавович! Очень благодарен Вам за Вашу книжку. Я очень рад, что Вы нашли возможным принять участие в нашем издании. Если вы уже просмотрели книжки, предназначенные для рецензирования, то будьте добры изготовить хоть одну рецензию в ближайшие дни: быть может, рецензию успеет попасть в первую книжку, так как выход ее, по всей вероятности, несколько задержится. В крайнем случае, обе рецензии будут помещены во второй книжке (предполагается к выходу в мае).

С глубоким уважением к Вам остаюсь *Н. Виноградов*

8 апреля 1907 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович! Спасибо вам за рецензию. Последняя попадет уже во вторую книжку, которая выйдет в половине мая. Так как объем рецензии значительно больше нашего обычного размера, то мне придется особенно настойчиво защищать ее в нашем редакционном собрании. Если же другие редакторы не согласятся на помещение рецензии без сокращения, то — я думаю, что Вы не будете особенно в претензии, если рецензия вместо «Критического обозрения» попадет в «Вопросы философии»? В последнем случае ее, конечно, можно значительно распространить. А как насчет книжки Геккеля («Мировые загадки»)? Не согласитесь ли вы рецензировать ее — для второй книжки (окончательный срок предоставления рецензии 29 апреля)? Или, быть может, Вы найдете возможным написать о сборнике статей Бердяева? Будьте добры, черкните об этом на приложенной открытке.

С глубоким уважением к Вам *Н. Виноградов*

16 апреля 1907 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Несколько дней тому назад я обратился к вам с просьбой написать для второй книжки «Критического обозрения» рецензию

или на книгу Геккеля («Мировые загадки»), или на сборник статей Бердяева. Будьте добры ответить мне, можете ли вы приготовить рецензию на какую-либо из указанных книг в течение ближайших дней 10 (последний срок предоставления рецензии для второй книжки — 29 апреля). Если же эта просьба окажется для вас неисполнимой, то все-таки не сочтите за труд известить меня об этом: быть может, я еще успею попросить кого-либо другого из сотрудников написать рецензию.

С глубоким уважением к Вам остаюсь *Н. Виноградов*

Р. S. Не знаете ли, где теперь находится Георгий Иванович? По-видимому, в Москве его все еще нет, хотя он обещался приехать сюда на шестой неделе.

10 мая 1907 года

Москва, Остоженка, меблированные комнаты «Париж»

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Я уже несколько дней собираюсь написать Вам по поводу Вашей второй рецензии, но за массой разных мелких дел до сих пор никак не мог сделать этого. Я получил Вашу рецензию 1 мая. Окончательный срок представления материала для второй книжки был указан нашим общим редактором — 4 ч. дня 29 апреля. Хотя Ваша рецензия дошла уже после срока, я все-таки желал поместить ее в ближайшей книжке, а так как печатанье книжки несколько замедлилось благодаря некоторым типографическим затруднениям, то я решил на ближайшем редакторском собрании поднять вопрос о включении Вашей рецензии в состав второй книжки (собрание это было в конце прошлой недели). На этом собрании редактор естественно-научного отдела пожелал познакомиться с содержанием Вашей рецензии, так как рецензируемая книга, по его мнению, касается и его отдела. Я не нашел оснований отказать в этой просьбе, тем более что такое взаимное осведомление относительно смежных рецензий у нас бывало и прежде (особенно это нужно сказать в отношении таких не всегда легко различимых отделов, как юридический и экономический). По ознакомлению с содержанием рецензии упомянутый редактор высказал мнение о некоторой односторонности рецензии, поскольку в ней указывают исключительно отрицательные стороны книжки и совсем не отмечают значение этого сочинения, как и других произведений материалистической литературы в процессе борьбы с различного рода предрассудками и традициями, как тормозами на пути всякого прогресса (положительное значение такого рода сочинений будто бы отмечено в рецензии Н. А. Иван-

цова на книгу Бюхнера, помещенной в естественно-научном отделе второй книжки, я этой рецензии не читал). Хотя я старался защитить Вашу точку зрения, но замечания, естественно, были поддержаны еще несколькими именами редакционного комитета, и все эти люди настоятельно просили меня списаться с Вами относительно того, не можете ли Вы смягчить свой отзыв, и отметить, если это окажется для Вас возможным, какие-либо положительные стороны книжки. Я исполняю эту просьбу, хотя не уверен, что предложение моих коллег выполнимо для Вас. Если Вы найдете возможным произвести желательные изменения, то будьте добры известить меня об этом (в таком случае, Ваша рецензия может попасть в третий номер, который выйдет в сентябре). Но, быть может, Вы предпочтете другой выход: быть может, Вы не прочь передать рецензию в «Вопросы философии»? Там, конечно, в известном отношении больше терпимости, но только, по моему мнению, в таком случае желательно было бы иметь рецензию в более распространенном и мотивированном виде. Если бы рецензия в такой форме пришла в редакцию «Вопросов» не позже числа 22-го, то она, по всей вероятности, успела бы попасть в июньскую книжку. Если Вы согласны на такую комбинацию, будьте добры сообщить мне об этом.

Ваша первая рецензия будет помещена во второй книжке без всяких изменений (книжка эта выйдет в двадцатых числах этого месяца).

С глубоким и неизменным уважением к Вам остаюсь *Н. Виноградов*

«Вопросы философии и психологии» (редакция журнала) — Шпету Г.

25 октября 1903 года

Москва, Здание Университета

<Штамп:>

Председатель Московского общества, состоящего при Императорском Московском Университете

Милостивый Государь,

Редактор журнала «Вопросы философии и психологии» поручил мне обратиться к Вам с предложением написать для журнала рецензию о вышедшей II изданием книги проф. Г. Челпанова «Мозг и Душа». О согласии или несогласии потрудитесь уведомить поскорее.

Секретарь редакции, *Н. Корелина*

21 октября 1914 года

Многоуважаемый Густав Густавович,

Может быть, Вы передадите Вашу статью о профессоре Юркевиче подателю этого письма. Типография желает набирать последний номер поскорее, чтобы не опоздать с его выходом.

С искренним уважением, *Н. Корелина*

«Гермес» (редакция журнала) — Шпету Г.

29 декабря 1923 года

Многоуважаемый Густав Густавович,

Редакция Гермеса обращается к Вам с очень большой просьбой, или, точнее, с возобновлением большой просьбы — дать нам до IV номер нашего небольшую, и в каком вам угодно плане и связи, заметку о Тютчеве. Позволяем себе напомнить Вам, что Вам представлялось возможным написать нечто о «Молчи, скрывайся и тай». Конечно, во всем, что касается темы и размеров, Вам предоставляется полнейшая свобода, но нам хочется почти настаивать на получении чего-нибудь о Тютчеве от Вас. Эта заметка для нас очень близкая и очень важная, и взоры наши, естественно, обращаются к Вам, ободренные Вашим одобрительным к нам отношением. Заметка эта нужна нам к 15-му февраля, т. е. через целых полтора месяца. Конечно, мы с большой радостью примем статью Вашу на любую близкую нам тему, но указанная выше была бы нам сейчас чрезвычайно нужна. Будьте любезны сообщить Ваш ответ (надеюсь, что положительный), по возможности немедленно. За ответной запиской к Вам зайдет кто-нибудь из нас не позже среды-четверга, 3-го января 1924 года, так как к следующему заседанию редакции, 4-го января, нам было бы желательно выяснить этот вопрос.

Надеюсь на Ваш положительный ответ,

Остаемся искренно преданные Вам

Н.В. Кенигсберг

Бор. Горнунг

Л. Горнунг

М. Кенигсберг

А. Буслаев

Долгов А. — Шпету Г.

17 ноября 1933 года

<На бланке:>

СССР

ЧЛЕН КОЛЛЕГИИ

НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА

ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Москва, пл. Ногина. Деловой двор.

Коммутатор 1-02-00 доб. 10-04

Многоуважаемый Густав Густавович!

Пользуясь Вашим любезным разрешением, направляю к Вам мою сотрудницу с просьбой передать ей немецкий перевод «Диалогов о двух системах мира» Галилея. По соглашению с Г.Т.И. книга будет мною возвращена через несколько дней Издательству.

Готовый к услугам, *Ал. Долгов.*

Койген Д. — Шпету Г.

9 января 1918 года

<на бланке:>

Вестник культуры и политики

Выходит еженедельно под редакцией Д. М. Койгена

Петроград, Тучков переулок, дом 1.

Многоуважаемый Густав Густавович,

Благодарю Вас, что так горячо откликнулись на мое приглашение принять участие в «Вестнике». Тема Ваша: «Социал-демократия и гуманизм» очень подходит. Мне особенно это приятно, что в книге моей «Die Kultur der Demokratie» (1912) я ставлю тот же вопрос. Книга носит подзаголовок: Vom Geiste des volkstümlichen Humanismus und vom Geiste der Zeit. Видели ли Вы вышедших три №№ «Вестника культуры»? Четвертый выходит в конце этой недели.

Благодарю за приглашение участвовать в редактируемом Вами ежегоднике. Из области «Философии культуры» я бы мог Вам дать статью «*Основы и построения культуры*». Думаю, однако, с этой моей давнишней темой повременить и послать Вам к Пасхе (не так ли?) работу следующего содержания: «*Политика и История*» (это о сущности и взаимодействии политического мышления и исторического дела, вообще «исторического»). Над этой темой *политического построения истории* я работаю уже несколько лет и лишь вой-

на помешала мне опубликовать первую часть (должна была выйти у Vatet C в Лейпциге). Сообщите мне также, какого размера должна быть статья и какую из этих двух статей Вы предпочитаете?

Еще раз благодарю Вас за внимание и работу для «Вестника» Величают меня Давидом Марковичем. Имеется ли в продаже № 1 Вашего Ежегодника?

Искренне уважающий Вас

Д. Койген

2 сентября 1918 года

<на бланке:>

Вестник культуры и политики

Выходит еженедельно под редакцией Д. М. Койгена

Петроград, Тучков переулок, дом 1. Нижегородская, 12.

Многоуважаемый Август Августович,

Письмо Ваше не застало меня в городе, и я, к сожалению, только сегодня могу ответить на него. Через несколько дней я собираюсь уехать на целый месяц и мне никак невозможно приготовить в настоящее время для Вас обещанную статью «Основы и построения культуры». К тому же условия моей жизни за последние месяцы до того радикально изменились, что мне трудно писать за гонорар, который предлагает издатель Вашего Ежегодника. Может быть, издатель Ваш согласился бы издать первую часть моих, переработанных на русский язык «Ideen zur Philosophie der Kultur» и тогда можно было бы предварительно печатать в Вашем журнале «Основы и построения...», что является вновь написанным послесловием к моей «Философии культуры». (Эта часть тома — самостоятельное целое — займет 12—15 печатных листов. Около половины уже набрано. Во время войны издательство «Грядущий День», где должна была выйти книга, закрылось.) Если бы Вы, Август Августович, все же желали бы напечатать незамедлительно мою работу, то я мог бы предложить Вам *статью (уже готовую к печати) «К познанию эпохи»* (об универсализме нашего времени) около 1 печатного листа. Работу эту я писал по заказу для одного сборника и опоздал. Так как часть гонорара мне уплачена, то я удовлетворюсь на этот раз скромным гонораром Вашего издателя. Статья «К познанию эпохи» написана в другом духе, нежели аналогичная статья Фихте (в 1806 году) и может она Вам подойдет. Я не знаю, застанет ли меня Ваш ответ в Петербурге, а потому попросил бы Вас обратиться к приятелю моему *Григорию Яковлевичу Полонскому (Петроград, Петроградская сторона. Большой проспект № 102, кв. 21)*. Буде пожелаете, и Г. Я. Полонский вышлет Вам статью мою «К познанию эпохи», он же перешлет мне Ваш ответ. Во всяком случае на-

деюсь, что у Вас работать и возможно, что в недалеком будущем смогу предложить Вам для «Ежегодника» часть из работы о построениях нравственного мира, над которой в настоящее время работаю.

С искренним уважением
Всегда готовый к Вашим услугам

Д. Койген

Лурье Л. — Шпету Г.

1919 год

<На бланке:>

Главная контора

Изданий

Т-ва «МИР»

Москва,

Знаменка, 9 (уг. М. Знаменского пер.)

Тел. 1-37-31

Проф. Г.Г. Шпету

Долгоруковская 17

Многоуважаемый Густав Густавович!

За доставленные Вами для «Педагогической Энциклопедии» статьи (Анализ в логике, Аналогия, Генетический метод, Гипотеза, Гносеология, Дедукция, Индукция), составляющие около 1 1/5 листа в 40000 знаков, Вам причитается гонорар по расценке 1500 р. за лист — 1800 р.; означенную сумму препровождаем. Так как в настоящее время ставки авторского гонорара пересматриваются, то немедленно по выяснении размера новых ставок Вам будет выдан дополнительный гонорар.

С истинным почтением

Л. Лурье

Немецкое издательство — Шпету Г.

22 июня 1922 года

Herrn Professor Speth.

Universität, *Moskau*

Sie erhalten von uns die folgenden Bücher:

— Cassirer. Zur Einstein'schen Relativitätstheorie

(Cassirer Verlag Berlin)

M 14.40

– Heinrich Rickert. Der Gegenstand der Erkenntnis. (Verlag Mohr Tübingen)	84. —
– Edmund Husserl. Logische Untersuchungen. (Verlag Niemeyer, Halle)	35. —
– Kirschberger. Was kann man ohne Mathematik von der Relativitätstheorie verstehen? (Verlag Müller Karlsruhe)	9. —
– Rickert. System der Philosophie, (Verl. Mohr. Tübingen)	75. —
– Tietze. Die Methode der Kunstgeschichte (Verl. Seemann)	100 —
Sa. M. 317.40	

Reingewicht: 4,3 kg
Rohgewicht: 4,75 kg

Просьяниченко В. — Шпету Г.

21 ноября 1901 года

Присланное пойдет. Но нам необходимо иметь и самую книжонку г. Антонова, а Вы ее-то и не прислали. Будем ждать.

В. Просьяниченко.

15 ноября 1914 года

<На бланке:>

Русская книжная торговля

В. А. Просьяниченко

В Киеве

Существует с 1894 г.

Фундуклеевская улица,

дом Фундуклеевской женской гимназии.

Дорогой Густав Густавович!

Прочитавши полученное от Вас письмо, мне стало очень стыдно, что я обидел своим тоном в посланном к Вам письме старого друга из Костельного проулка, за что прошу у Вас извинения, вместе с тем, читая Ваши строки того же письма о том, что Вы оказались не только неаккуратным, но и упорным должником, я расхохотался, и вижу того же Густава Густавовича, милого, веселого, Густава, как Вас в Киеве называли.

Дело следующее; магазин я не ликвидирую, а ликвидирую долги, которые следуют моему магазину, а их накопилось около шести тысяч, написал Вам в тяжелую минуту по случаю войны. Торговля очень плоха, кредит везде закрыли, для Киева, а по выданным раньше векселям платить надо, когда я передавал списки должников поверенному, то Вашу фамилию вычеркнул из списка и решил написать Вам, если мое письмо вышло слишком официально, то этому причина та, что я думал, что Вы совершенно забыли за меня, так как я писал Вам раза два, но ответа не получил. За высылку денег буду очень благодарен, ибо дела действительно поганые, а расходы большие, сыновья студенты, сосут изрядно, да и дочерям даю образование, которое обходится дорого. Философский отдел я поддерживаю по-прежнему, а посему и Ваши книжки мной получены, хотя с уходом Челпанова из Киева этот отдел дает мне очень мало оборота. Вот если бы Вас назначили в Киев профессором, то я уверен, что этот отдел опять бы расцвел. Назад тому год я был в Москве и хотел с Вами увидеться, но Вы были за границей, а посему и не пришлось увидеться, но когда мои, а также Ваши знакомыеывают в Москве, то я всегда передаю свой привет из Киева Вам.

Прошу еще раз прощения и прошу не забывать старого друга из Костельного проулка, который, между прочим, еще существует. Прошу принять поклон от Дяди, он у меня до сих пор живет или скорее доживает, ибо очень стар. Будьте здоровы.

Глубокоуважающий Вас *В. Присяниченко.*

Синебрюхов С. — Шпету Г.

9 декабря 1922 года

Уважаемый Густав Густавович,

Вас нет, и я смог послать Вам лишь полтора миллиона.

Уважающий Вас

Ст. Синебрюхов

25 декабря 1922 года

Уважаемый Густав Густавович,

Приехал Р. В. Иванов-Разумник. Он надеется увидеть Вас завтра. Я же прошу Вас, имея в виду его приезд сюда, поспешить с корректурой — чтобы он смог захватить ее обратно.

Уважающий Вас

Ст. Синебрюхов

Технико-Теоретическое издательство (ГТТИ) и Шпет Г.

ГТТИ — Шпету Г.

17 мая 1932 года

<на бланке:>

НКТП

СССР

ОНТИ

№110

Государственное Технико-Техническое Издательство
Москва, 12, проезд имени Владимирова, 4.

Г. Г. Шпет,

Юрчасть ГТТИ препровождая проект договора с Вами на издание трудов Галилея — *Диалоги о двух системах мира* просит проект подписать и вернуть в ГТТИ. По оформлении договора копия его будет Вам выслана.

Издательство просит Вас принять участие в постройке самолета им. Издательства и в случае согласия подписать особую о том оговорку на договоре.

Заполнение штампа по сберкассе обязательно.

Юриисконсульт ГТТИ

Ястребов

25 июня 1932 года

<на бланке:>

НКТП

СССР

ОНТИ

№110/453

Государственное Технико-Техническое Издательство
Москва, 12, проезд имени Владимирова, 4.

Шпет Г. Г.

Москва

Брюсовский пер. 17 кв. 16

Издательство подтверждает, что в случае представления Вами рукописи первой половины принятой Вами на себя работы по переводу Диалогов Галилея с оригинальными дополнениями в подготовленном для печати виде не позже 5 сентября 1932 г. для выпуска ее отдельным томом — Вам будет выплачено издательством

сверх гонорара, обусловленного п. 4 договора от 25 мая 1932 года за № 453, дополнительное разовое вознаграждение в виде премии в размере 15% указанного гонорара — сроки: 60% по одобрении рукописи и 40% при окончательном расчете — по расчету объема первой половины диалогов.

Такая же премия уплачивается Вам и по второй половине Диалогов в случае представления рукописи в подготовленном для печати виде не позже 1 ноября 1932 г.

<Синими чернилами рукой юрисконсульта дописано:> исправлено: «ноября» верить; как и исправленному: «15%»

Гл. редактор Изд-ва

Выгодский

Юрисконсульт

Ястребов

15 декабря 1932 года

Многоуважаемый
Густав Густавович!

Секция истории и философии техники и естествознания напоминает Вам о сроке представления рукописи: Галилей, «Диалоги о двух системах мира», срок представления 1.12.32. В случае продолжительной задержки представления рукописи просьба сообщить в издательство или написать заявление об отсрочке.

Наш адрес: Мясницкая 20, во дворе.

С уважением секретарь

Мячкова

29 мая 1934 года

ОНТИ

НКТП СССР

Государственное Техничко-Теоретическое издательство

Г.Т.Т.И.

Комсомольский пер., д. 6.

Многоуважаемый Густав Густавович,

ГТТИ ставит Вас в известность, что в случае неполучения от Вас рукописи «Диалоги» Галилея до I/VII издательство вынуждено будет расторгнуть договор с Вами.

Гл. редактор

С. Е. Аршон

Шпет Г. — ГТТИ

Июнь 1934 года

Москва

Брюсовский пер.

Уважаемые Товарищи,

Какие бы объяснения я ни приводил в оправдание безмерно запоздавшего представления перевода *Диалогов* Галилея, факт нарушения всех сроков — налицо. Мне трудно возражать против решения Издательства расторгнуть со мной договор с вытекающим отсюда последствием: возвращением полученного мною аванса.

Но я просил бы не делать также другого вывода: поручения перевода новому лицу. Невзирая на известную Издательству потерю рукописи, перевод в черновой мною восстановлен и закончен. Остается только проверить его, отредактировать со стороны литературной и переписать. Последним препятствием, задержавшим мою работу, было то, что Изд-во (весною этого года) затребовало у меня и не вернуло мне экземпляр *Диалогов*, по которому я переводил, — обстоятельство тем более досадное, что именно эти месяцы (март—май) я располагал временем, самостоятельные поиски оригинала, предпринятые мною, успехом не увенчались. Я мог найти только текст популярного издания в Ленинской Библиотеке. Но, во-первых, Академическое издание сопровождается аналитическим индексом и соответствующими надписями на полях, чего в популярном издании нет. Во-вторых, если бы мы отказались от приложения этого *Индекса*, то все же редакционная сверка перевода с изданием менее совершенным может отразиться на самом переводе. Если Издательство не найдет Академического издания *Диалогов*, то новый переводчик будет так же бессилен начать работу, как закончить ее. Если же книга найдется, то я, во всяком случае, могу скорее довести работу до конца, чем новый переводчик. Поэтому я и прошу, если Издательство окончательно решит расторгнуть договор, не поручать его новому лицу и дать мне возможность завершить работу и представить ее Издательству, хотя бы и без формального договора. — О решении Издательства прошу уведомить меня.

С совершенным уважением, Г. Шпет

«Труд С. Скимунта» (книжный магазин) — Шпету Г.

21 мая 1914 года

<На бланке:>

Книжный магазин и склад
«Труд С. Скимунта»
Москва, Б. Царицынская, 7, кв. 3.
Его Высочородию
Густаву Густавовичу Шпет

М. Г.

Согласно наших личных переговоров настоящим подтверждаем, что книжный магазин т/д. «ТРУД» Н. Анохин, М. Желудков и К-о (бывший С. Скимунта) принимает на склад имеющиеся выйти из печати книги Вашего издания на следующих условиях:

- 1) Книги поступают на комиссию со скидкой 30 и 35%.
- 2) Обычные расчеты магазином производятся через каждые три месяца, за исключением новинок, на которые первый расчет делается через один месяц по поступлении на склад книги, а последующие обычным порядком.
- 3) Анонсирование в газетах объявлениями о выходе новинки производятся за Ваш счет.

С совершенным почтением, <Желудков>

Шпет Г. — Мстиславскому С.

31 октября 1921 года

Дорогой Сергей Дмитриевич, постараюсь попасть к Вам *завтра*, но только с некоторым опозданием.

Ваш Г. Шпет

16 ноября 1922 года

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Письмо, отосланное Вами перед отъездом, я не получил. Теперь повидаться с Вами очень хотел бы. В пятницу, к сожалению, я занят — разве только могу зайти на 1/2 часа после своего университетского приема (т. е. между 7—8)

С искренней преданностью

Г. Шпет

19 декабря 1922 года

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Денежные недоразумения с издательством у меня продолжают-ся. Выдав в среду на прошлой неделе мне 500 миллионов, Ал. Авак. просил зайти за остальными в субботу. Я сам предложил *понедельник (18-го)* для верности! Вчера опять мне было предложено зайти *сегодня к 3* — будет, мол, оставлено распоряжение о выдаче мне оставшихся за издателем 800 мил. Никакого распоряжения, оказалось, сделано не было. Подождав 1 час, я случайно по телефону связался с Ал. Авак. — он предложил получить сейчас 300, а за остальными 500 *зайти в субботу!*.. Я от такой комбинации отказался и предложил *прислать* мне всё. Ал. Авак. заявил, что передаст через Вас...

Я не люблю говорить о своих личных делах и нуждах, но, во всяком случае, они таковы, что всякого рода откладывания и запаздывания в уплате денег ставят всю мою семью в положение безвыходное. Если я откажусь от участия в работе «Денницы», я, не скрою, теряю очень много. Но я тогда вновь смогу распоряжаться своим временем и найду другие источники заработка.

Не смотрите на мою настойчивость в денежных делах, как на каприз, склонность к сварливости и корыстолюбие! Из «психических» факторов здесь, может быть, роль играет только «нервничанье», но оно обусловлено, несомненно, *бытием*, хотя и в форме «небытия»!..

Оставляю образец перевода Slau, — если годится, переводчик будет работать с максимальной быстротою (не меньше акта в день).

Если я завтра или послезавтра не получу от издательства того, что мне причитается, я направлю АнтиШпенглеровских переводчиков прямо к Вам.

Мой адрес: Долгоруковская, 17, кв. 2.

Если посланный не застанет меня дома, он может оставить деньги моей жене или теще.

Жму руку!

Сердечно ваш Г. Шпет

Шпет Г. — Редактору «Литературной газеты» Канатчикову С.

20 января 1930 года

Уважаемый товарищ,

В Вашу статью, в № 3 «Литературной газеты», при характеристике моей философской позиции, вкралось досадное недоразумение.

Прошу Вас для его устранения и в интересах истины дать место этому моему письму в ближайшем номере «Литературной газеты».

Точки зрения субъективного идеализма я не разделяю. В своих литературных и устных выступлениях я неизменно, как только представляется повод, подвергал субъективный идеализм прямой и резкой критике, вскрывавшей его внутреннюю несостоятельность и противоречие действительному опыту. Ближе всего мою философскую позицию в этом пункте можно было бы характеризовать как позицию эмпирического («естественного») реализма, который исходит из утверждения бытия реальной, независимой от нашего сознания и познания, эмпирической действительности и который, следовательно, прямо исключает отрицательное учение субъективного идеализма. — (Этим заявлением, кстати, отвечаю на те, жестокие по своим жизненным последствиям для меня, нападки, которым я в последнее время повергся и в которых мне приписывались взгляды, в действительности мною неразделяемые.)

Равным образом не признаю я донаучной теории о божественном происхождении творческого образа у художника. Именно потому у меня и взято в кавычки слово «создатель», что я имею в виду мнение, существовавшее когда-то, но давно уже потерявшее какое-либо значение. Признавать же вместе с Фейербахом, что в основе божественных метафор могут лежать земные факты, не есть мистика.

Что касается «образа», то это — термин многозначный. Можно говорить и об образах восприятия, и об образах представления и памяти, но все они содержат в себе нечто нами примышляемое, — как истинное, так и ложное, — основанное на прежнем нашем опыте. Еще более богаты этими примышляемыми, субъективно-относительными прибавками, образы фантазии, воображения, хотя бы они и отправлялись от наблюдаемой действительности. Кроме того, термин «образ» неоднозначен в таком же смысле, как неоднозначны термины «представление», «восприятие», «редукция», «отображение» и т. п., которыми обозначается и некоторый акт, и некоторое содержание («представляемое», «воспринимаемое» и т. д.). Как всякое физическое действие, даже самое простое и привычное для нас, состоит из последовательности различных в анализе моментов, так и в актах воображения мы различаем свои последовательности. Исследование этих последних и их закономерностей, необходимо обуславливаемых предметом, к которому относятся (на который «направляются») названные акты, действительно было одной из задач, которые я ставил себе в своих работах. Но ничего ни субъективно-идеалистического, ни идеалистически-мистического тут я не вижу, а думаю, что и с этой стороны «образ» можно сделать предметом объективного научного анализа. Лишь

чуждое мне утверждение, что и самые акты, и их закономерности всецело обусловлены только субъектом, его законодательством, было бы признаком субъективизма и субъективного идеализма.

Наконец, я действительно высказывался против крайних увлечений в собирании биографических фактиков, когда в ущерб анализу самого художественного произведения это собирание приобретает самодовлеющее значение. Но я не отрицаю своего, хотя и подчиненного значения биографических изысканий в историческом исследовании. Тем более не отрицаю зависимости художника и его биографии от среды, социальных и материальных условий его жизни.

С совершенным уважением

Г. Шпет

«Мысль и Слово» и «Психологическое обозрение»

Алексеев С. — Шпету Г.

13 (26) марта 1918 года

Казань, Лобачевская улица, дом Пирогова,
квартира Лаженицына

Многоуважаемый Густав Густавович,

Принципиально я согласен на Ваши предложения. Но тем не менее я сомневаюсь, чтобы я мог осуществить первое из них, касающееся статьи о Лотце. Дело в том, что я в Москве уже получил *срочные* заказы, и эта срочность их взаимно подрывает. Если бы статья о Лотце могла быть незапоздалой к Августу или хотя бы к Июню, то я бы готов был за нее взяться, если же Вам необходимо раньше, то я положительно не в состоянии. (Статья о Микрокосме могла бы быть скорее, поскольку я с этим сочинением более знаком.) Что касается философской монографии, то, как я понимаю, это дело не может быть столь спешным и потому я думаю, что смог бы удовлетворить Вас в течение ближайшей зимы, быть может, даже к началу 1919 года. О Фехнере я написал бы с особым удовольствием (небольшая статья о нем листа в $2\frac{1}{2}$ — 3 мною даже уже отправлена в редколлегию Вопросов), хотя я не могу не сказать, что монография Лассвица в серии Фроммана превосходна и тут же просится в перевод, превзойти ее трудно. Из других я с особым удовольствием взял бы Сократа (если Вы берете и древ-

ную философию), в отношении которого у меня есть некоторая своя точка зрения. Взял бы кое-кого и из Средневековья, например Эригену или Ансельма, но здесь вопрос о времени и о месте моего дальнейшего существования играет огромную роль, ибо тут нужны соответствующие книги, а что я достану в Казани, я не знаю. Итак, ограничиваюсь принципиальным согласием, вопрос же об осуществлении главным образом зависит от сроков, о чем и жду от Вас дополнительного сообщения.

С совершенным уважением

С. Алексеев

Кравков С. — Шпету Г.

20 февраля 1917 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Ввиду некоторых помешавших мне обстоятельств не успел окончательно приготовить обещанной мною критической заметки об объективном методе по статьям Тугó к сегодняшнему дню (20 февраля)

Представляю ее никак не позже будущего понедельника (27 числа), если только это не будет уже слишком поздно.

С. Кравков

Крогиус А. — Шпету Г.

22 апреля 1916 года

Многоуважаемый Густав Густавович,

Только сегодня, оправившись от болезни и справившись с запущенными делами, принялся за чтение Вашего интересного труда, чуждого внешней нормативности и погружающего в самую сущность предмета, раскрывающего правила его «поведения». Желаю, чтобы правила поведения координированного с предметом субъекта развертывались в будущем так же блестяще, как до сих пор и чтобы в скором времени мы могли приветствовать выход 2-й части. Поздравляю и искренне благодарю за память.

Истинно уважающий Вас

А. Крогиус

7 ноября 1916 года

Петроград, Пески, Костромская, 6.

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

Очень Вам благодарен за Вашу память обо мне. Вы, конечно, не можете сомневаться в моем искреннем пожелании успеха Вашему журналу, с руководителями которого у меня так много общих интересов и научных симпатий. С удовольствием в будущем полугодии пришлю Вам мою статью о локализации психических процессов в мозгу. Если бы Вы нашли удобным и возможным, то я охотно прочитал бы ее предварительно в Вашем психологическом обществе только не ранее 10 декабря. До получения Вашего приглашения я предполагал поместить ее в Вопросах философии или в Журнале Министерства Народного Просвещения. Если приеду в Москву, то, кстати, переговорю и относительно этой статьи. Ваш сборник, посвященный Г. И. Челпанову, я уже спрашивал в многих магазинах, но до сих пор не мог найти. Буду Вам очень благодарен, если вышлете Вашу статью.

Искренне уважающий Вас

А. Крогиус

24 ноября 1916 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

Простите, что немало задержался с ответом, было очень много всяких дел. Очень Вам благодарен за Ваше любезное письмо. Охотно прочитаю доклад в Вашем новом обществе, но ничего также не имел бы против того, чтобы прочитать его и в старом, с Л. М. Лопатиным у меня во взглядах много общего. Что касается времени — то после Нового года удобнее, когда именно — безразлично. С большим удовольствием помешу статью в Вашем журнале. За Вашу статью большое спасибо, прочитал ее с большим удовольствием

Искренне уважающий Вас

А. Крогиус

8 января 1923 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

Обязан Вам двойною благодарностью — прежде всего за предоставление случая познакомиться с Вашей сотрудницей — Ленорой Густавовной. Надеюсь, что она еще как-нибудь посетит наш тихий уголок. Очень Вам благодарен также и за присылку книги. Нахожу, что выход истории русской философии именно в том смысле, как Вы ее понимаете, чрезвычайно своевременен. Она

многих может заставить призадуматься и понять значение «бес-
смертного солнца ума». В интересах русской философии искрен-
не желаю успеха в окончании Вашего труда.

Искренне уважающий Вас

А. Крогиус

Лундберг Е. — Шпету Г.

8 октября 1914 года

Санкт-Петербург

Многоуважаемый Густав Густавович,

Сейчас был на вокзале. Среди пассажиров, приехавших в 5 ч.
40 мин. вечера, Вашей семьи не оказалось. Следующий вечерний по-
езд 10 ч. 40 мин. К сожалению, он приходит с большим опозданием —
от 12 ч. ночи до утра, и я не мог его дожидаться. Завтра, как Вы телегра-
фируете, буду на вокзале в те же часы. Если бы оказалось, что я Вашу
семью не встретил, — и они прибыли уже, благоволите известить меня
открыткой, — ибо я попытаюсь встречать их во все ближайшие дни.

Очень рад, что Ваши тревоги окончились — или по крайней
мере кончаются.

С искренним уважением, *Лундберг*

14 августа <1917 года>

Архипово-Осиповка

Дорогой Густав Густавович.

Весьма польщен Вашим поручением и в меру сил выполняю
его. Кстати я подобрал и статьи Бердяева из Биржевых Ведомо-
стей, где он делает практические выводы из Смысла Творчества.
Торопиться не буду, по возможности — когда же станет неумоготу,
использую Ваши указания о «предпоследних».

Очень рад за Вас, что Вы осуществили хоть часть желаний Ва-
ших — ежегодник вдруг станет двух- или ежемесеичником.

С искренним приветом

Е. Лундберг

8 ноября 1917 года

Дорогой Густав Густавович.

Москва угрожающе молчит на запросы, что отвечаю Вам се-
годня на письмо, пересланное с Кавказа: ...

1) Будьте добры, напишите, благополучны ли Шестовы. Я не имел ответ на 3—4 запроса.

2) Срочно о Булгакове я охотно напишу, укажите лишь размер и срок. Писать мне удобнее всего сейчас же, ибо потом могу быть очень занят. Мой адрес: Петроград ул. Рузовская, д. 35, кв. 4. Одновременно посылаю мое заказное. Может быть одно из двух писем дойдет.

С искренним приветом *Е. В. Лундберг*

Может быть, раз писать о Булгакове, прихватить и его «Философию хозяйства» только.

8 ноября 1917 года

Петроград, Верейская, д. 2 кв. 9

Дорогой Густав Густавович.

Надеюсь, Вы живы и благополучны. Если со Львом Исааковичем или его семьей что-нибудь неладное, будьте добры немедленно известите меня: я послал Льву Исааковичу подряд несколько писем с запросами, ответа нет, пока нет.

Как видите, мое решение оказалось твердым. Я уже не на Кавказе, Ваше письмо переслано мне в Петербург.

Прошрое Ваше письмо — в том стиле, который, главным образом, Вам к лицу — не нуждалось ни в каких послесловиях. Никаких «грубиянств» я в нем не усмотрел, Вы напрасно сегодня ... его. Отвечать на него мне было нечего, ехать же в Москву наугад я не мог, не имея в запасе ни кровя, ни лишних — или хотя бы необходимых — ресурсов; оттого и пришлось предпочесть Петербург.

Очень рад, что сборник, наконец, выйдет. Воображаю, как Вы сократили мою статью — если Вы во 2-й раз усердно похваливаете ее наряду с упоминаниями о сокращениях!

Ну, что ж поделаешь. Статью о Булгакове я скоро напишу. Укажите *размер* и срок. Ответьте, если не передумали, сегодня же, ибо позднее я могу быть очень занят, — мне удобнее написать не откладывая.

Участие в «Ежегоднике» мне, конечно, очень лестно. Но в будущем я не хотел бы — такова уж человеческая <участь> — состоять только при конюшне Ежегодника. Если ходить за борзым жеребцом Бердяевым было бы до известной степени интересно, то добрый меринок Булгаков (я его очень люблю — живого) совсем не вдохновляет — вдохновляет лишь честолюбие видеть свои писания в Ежегоднике. Когда я увижу его первый том (пришлете?) и сообщу общий уровень его участи, я дерзну предложить Вам для будущего что-либо более для меня интересное.

Итак, за Вами: 1) указания о размерах статьи, 2) сборник, 3) может быть, оттиски и главное — сообщение о Шестове, молчание которого меня очень и очень беспокоит.

С искренним уважением

Ваш *Е. Лундберг*

(пишите, пожалуйста, заказными).

15 января 1918 года

Петроград, Верейская д. 2 кв. 9

Дорогой Густав Густавович.

Редакция газеты «Знамя Труда» поручила мне просить Вас о сотрудничестве. Может быть, не откажетесь сейчас же прислать статью, о чем вздумается. Желательно о Бергсоне, только что избранном в бессмертные. Если статьи не очень трудные и связаны с современностью — можно серию, под общим заглавием. Приятна была бы и острота тем. Гонорар 15 коп. за строку, размер — до 450 строк.

Ответьте, пожалуйста, не откладывая, так как желательно Ваше имя поместить в списке сотрудников. И статья была бы кстати теперь.

Статью о Булгакове заканчиваю. Сам, против обыкновения, до известной степени доволен ею. Что-то Вы скажете.

Ни ежегодник, ни оттисков не получил. В магазинах его здесь нет. Может быть, пришлете мне его все-таки. Жду ответа Вашего.

С искренним приветом

Е. Лундберг

25 января 1918 года

Дорогой Густав Густавович, получил сегодня ежегодник, благодарю Вас за присылку. Сборник очень интересен, и участие в нем лестно. Статья о Булгакове *окончена*. Если понадобится, сообщите. Если еще не нужна, пусть полежит.

Затем прежнее к Вам обращение — о согласии участия в газете «Знамя Труда» и журнале «Наш путь». Жду ответа, жду статьи — по Вашему выбору; лишь с той оговоркою, что нужно более или менее текущее. Может быть, и других вовлечем.

Рассчитываю в феврале побывать в Москве, сейчас все это так трудно. С искренним приветом *Е. Лундберг*

17 июля 1919 года

Белгородское, с. Шарлаевка

Дорогой Густав Густавович,

Пользуюсь оказией, правда, не очень надежной, чтобы написать Вам несколько слов. Поездка моя была до последней степени мучительна. Длилась она восемь дней. Дома мы не застали ни кола, ни двора. Имение разгромлено одною из проходящих частей, несмотря на заступничество крестьян.

Мы — десять человек — теснимся в крестьянской хате, среди деревни — и ждем повторения разгрома, от которого никакие документы спасти не могут.

Старики и дети уцелели лишь благодаря случайности. Они стояли уже под дулами ружей. Кругом — где этой случайности не было — перестреляны все почти, включая сюда и более или менее зажиточных крестьян.

Но — конечно, бесполезно видеть то, что я видел, вижу и слышу. Живем изо дня в день — прислушиваемся к канонаде то близкой, то далекой. И даже нет тревоги. Только тошнота, когда шайки подходят к нашей деревне.

Помните о моих делах — надежда пробыть год в покойной работе и тишине опять неосуществимы. Поэтому помните о моих делах и просите Сахарова о них помнить. Напишите мне: Киев, Сретенская 17, кв. 10, Евгению Михайловичу Кузмину для ...

Дела Льва Исааковича очень плохи. Если Гесперея существует — придумайте что-нибудь для него. Если Сахаров устроил моего Вёльфлина — пусть 2—3 тысячи рублей переведет от моего имени Шестову — как можно скорее. Если не устроил, пусть устраивает уже не ради меня, а ради Шестова.

До свидания, надеюсь. Мне очень недостает ваших бесед и даже может быть не бесед, а просто флюидов.

Ваш *Евгений Лундберг*

Пусть Коншина перешлет заказанную ей биографию по Киевскому адресу.

Миртов Д. — Шпету Г.

26 апреля (13 апреля) 1918 года

Петроград, Невский пр. д. 151, кв. 3.

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Предложение Ваше написать статью о философских взглядах профессора М. И. Каринского я, конечно, охотно принял бы, только не знаю, смогу ли выполнить это дело к назначенному Вами сроку — концу мая. Хотя я хорошо знаком с философскими взглядами покойного профессора, однако для написания о нем статьи требуется и время, и труд, а у меня не только, как и у каждого из нас, есть и другие, связанные со службой занятия, но и посторонняя работа. Дело в том, что с декретом об отделении церкви от государства, мы — профессора духовных академий лишены с 1 января государственного содержания, почему и приходится искать постороннего заработка. И если срок, Вами назначаемый, считать по *старому* стилю, то я, может быть, еще и успел бы справиться с делом; но если этот срок определяется по *стилю новому*, то прямо должен сказать, что не управлюсь к этому времени. Это во-первых. А во-вторых, приходится, в силу выше отмеченного обстоятельства, касаться щекотливого вопроса о гонораре. Конечно, издание Ваше — специальное, но, без сомнения, издатели Ваши при печатании его платят типографским наборщикам, корректорам и пр. несравнимо большую сумму, чем авторам статей за тот же печатный лист, — пусть это издание и специальное. И говорить нечего, что труд интеллигента, т. е. человека, принадлежащего к непривилегированному теперь классу, оценивается несравнимо ниже в наше время, чем труд рабочего. Но все же хоть немного приблизить оценку труда первого к оценке труда последнего — дело простой справедливости. При других обстоятельствах я об этом, разумеется, не говорил бы, но, когда жизнь бешено дорожает, а средства к жизни жестоко отнимаются, молчать — извините меня — не приходится. Поэтому я просил бы Вас или Ваших издателей о возможном повышении гонорара...

Если статья моя о профессоре Каринском пойдет в печать, то я желал бы сверх гонорара получить сто (100) оттисков своей статьи с титулом, т. е. в обложке, причем пересылка этих оттисков мне возлагается на счет издательства Вашего.

Если все эти условия подойдут вам и издателям, то прошу уведомить меня *казным* письмом. Молчание Ваше буду считать знаком, что условия мои для Вас *не* приемлемы и предложение Ваше взято обратно.

Что касается Лотце, то для меня удобнее было бы вместо статьи о «Микрокосме» представить очерк *нравственной философии* этого мыслителя. Если Вы не против этого, то также прошу меня известить.

С совершенным уважением остаюсь Ваш покорный слуга

Д. Миртов

5 (18) мая 1918 года

Петроград

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Постараюсь к назначенному сроку доставить Вам статью о М. И. Каринском, аванс за которую в количестве ста пятидесяти (150) рублей я получил от М. К. Вольсона вместе с Вашим письмом. Благодарю Вас за любезность.

С М. К. Вольсоном отправляю Вам фотографический портрет М. И. Каринского, снятый, кажется, в 1894 году, когда покойному профессору был 54-й год (родился в 1840 году, скончался 20 июля 1917 года). Это, по моему мнению, один из лучших снимков. Позднейшего снимка у меня нет. Впрочем, покойный очень мало изменился к 70-летнему возрасту, даже седины у него было немного.

С совершенным уважением остаюсь

Ваш покорный слуга *Д. Миртов*

26 августа (8 сентября) 1918 года

Петроград

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Не знаю, как уже и быть со статьей о нравственной философии Лотце. При новом правописании, при замирании издательского дела, при прочих стеснительных условиях есть ли возможность и надежда у Вас составить очередной выпуск? Статья моя почти готова, но пересылать ее пока не решаюсь...

В презентованной мне прекрасной книге Вашей оказался, как только я принялся за чтение ее, очень досадный брошюровочный дефект: не вставлено первого листа, так что после предисловия начинается сразу 17-я страница исследования, т. е. второй лист. Если каким-нибудь образом у Вас сохранились хотя бы корректурные оттиски первого листа (1–16 страница), то не будете ли добры переслать их мне бандеролью? Был бы очень благодарен.

Не знаю, передал ли Вам швейцар Ваш то, что я просил передать (лично я не имел времени Вас повидать, да и беспокоить Вас,

собственно, не было нужды). Дело в том, что, придя от Вас к себе домой, я нашел у себя два экземпляра «Психологического обозрения» 1,2 и один 1,1. Так как последний был у Вас, насколько я помню из разговора, единственный, а второй экземпляр 1,2 для меня был излишним, то я полагал, что они оказались у меня по недоразумению, и решил возвратить их Вам, вложив в ящик для писем и газет и осведомив для передачи Вам швейцара.

Дела академии в неопределенном еще положении.

С совершенным уважением

Остаюсь *Д. Миртов*

Невский 151, кв. 1.

P. S. Если что-либо еще причитается мне из гонорара, то просил бы выслать почтою, буде для Вас незатруднительно. На всякий случай прошу прислать также и список невзятых тем для Вашего большого издания.

<1918 год>

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Отзыва о речи М. И. Каринского в память Ю. Ф. Самарина, помещенного в журнале «Дело», я не знал, но самую речь читал и знал, и если пропустил ее в перечне трудов покойного, то единственно по забывчивости. Забывчивость объясняется тем, с одной стороны, что речь эта читана была мною очень давно — лет 25 тому назад, а с другой, тем, что сам М. И. Каринский, видимо, не придавал ей значения, считая ее просто выступлением, до известной степени вынужденным и до известной также степени юношеским: так, по крайней мере, можно было заключить из его слов, когда пришлось коснуться этой речи при разговоре. А так как мне потом не представлялось особого случая специально о ней вспоминать, то она как-то и уплыла из памяти. Конечно, для полноты библиографического обзора ее следовало бы поместить. Но как? Лучше, мне казалось бы, в примечании в конце статьи. Примечание проектировать можно было бы так.

«В перечне статей М. И. Каринского (выше стр. 14–15) пропущена, по недосмотру, его речь, сказанная на заседании Петербургского отдела Славянского комитета 25 марта 1876 года по поводу кончины Ю. Ф. Самарина (Сборник «В память Ю. Ф. Самарина». СПб., 1876, 3–9). В этой речи профессор Каринский дает общую характеристику взгляда Самарина на философское знание, его философско-критического таланта и, наконец, направления и преобладающей темы его философствования. Попутно оратор вы-

сказывает и свои собственные (анти-позитивистические) взгляды на задачи философии».

Так я проектирую примечание. Заметку о несочувственном отзыве из «Дела» не вношу в нее, отчасти потому, что не считаю себя вправе, так как не мог ее прочитать, а отчасти потому, что не знаю, насколько справедлив был «несочувствующий» и в чем он «не сочувствует». Поэтому вставить или не вставить эту заметку, и если вставлять, то под Вашею или моею фирмою — предоставляю всецело Вашему редакторскому усмотрению.

С совершенным уважением *Д. Миртов*

P. S. Если примечание пойдет в типографию в моей редакции, то считаю нелишним еще раз переписать его для типографии на этом листке — чтобы не обременять Вас.

18 апреля (1 мая) 1919 года

Петроград

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Разумеется, я ничего не имею против напечатания моей статьи о Лотце в «Приложениях» к «Научным известиям» и постараюсь в непродолжительном времени переслать ее окончание.

Извиняюсь очень, что задержал конец статьи до сего времени. Стыдно сказать, но суета со всякими продовольственными хлопотами, очередями и прочими близко к житейским нуждам и далеко от науки стоящими делами, была главною причиною этой задержки. Приму теперь все меры, чтобы искупить свою вину, а Вам приношу благодарность.

С совершенным почтением *Д. Миртов*

23 (9 мая) 1919 года

Петроград

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

За отсутствием упаковочного материала я выслал Вам свою рукопись («Нравственная философия Лотце» стр. 36—195) ценною посылкой. Но так как посылки теперь, говорят, доходят медленно, то боюсь, что причину Вам затруднения. Во всяком случае, о получении рукописи покорнейше прошу меня известить.

С совершенным уважением Ваш покорный слуга *Д. Миртов*
Невский пр., д. 151, кв. 3.

11 августа 1919 года

Петроград

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Посылаю Вам доверенность, засвидетельствованную предержавшими властями, на получение причитающихся мне семи тысяч двухсот рублей. Извиняюсь за причиняемые хлопоты и глубоко благодарю за все. Не ожидал такой суммы и не знаю даже, как безопаснее получить ее. Дело в том, что у нас в Петрограде иметь более 5000 рублей на руках не дозволяется. Поэтому просил бы Вас прислать мой гонорар так: одну часть — 4000 рублей на мое имя, а другую — 3200 рублей на имя жены моей Екатерины Гервасиевны Миртовой (адрес тот же: Невский, д. 151, кв. 3). Счет подписал и также посылаю. Когда вышлете деньги, будьте добры, известите о том, хоть открыткой.

С совершенным уважением остаюсь

Ваш покорный слуга *Д. Миртов*

P. S. Узнал в Народном Банке, что деньги по переводу выдаются беспрепятственно по предъявлению паспорта. Поэтому, если только это для Вас не неудобнее, будьте добры, глубокоуважаемый Густав Густавович, *всю* сумму переслать переводом чрез банк, только непременно с *надписью* на бланке «*выдать наличными*».

Д. М.

1 сентября 1919 года

Петроград

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

11 августа я послал Вам заказным письмом доверенность на получение 7200 рублей, причитающегося мне гонорара с тем, чтобы Вы переслали их мне переводом чрез Народный Банк или по почте — согласно Вашему любезному предложению (письмо Ваше от 4 августа). Но доселе не получаю от Вас ни денег, ни известий о ходе дела. А между тем положение мое — трагическое: ведь уже три месяца не платят жалованья. Существу распродажею движимости... Если для продвижения моего дела требуется изъятие/отчисление в пользу какого-либо ведомственного «двигателя» (говорят, это практикуется теперь не в меньших размерах, как и во времена Чичикова), то, конечно, я не постоял бы. Да, наконец, получили ли Вы мое письмо? Теперь всего можно ожидать, — хотя послано оно было заказным.

Во всяком случае, будьте добры — выведите меня из неизвестности.

С совершенным уважением

Ваш покорный слуга *Д. Миртов*

12 сентября 1919 года

Петроград

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

Присланные Вами деньги все сполна получил чрез Л. С. Берга. Приношу Вам глубокую благодарность за все, а особенно — за хлопоты по извлечению их из комиссариата.

С совершенным уважением

Ваш покорный слуга *Д. Миртов*

5 октября 1928 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович.

Уже около 10 лет прошло с тех пор, как я имел честь и удовольствие видиться с Вами в Москве и затем переписываться по некоторым вопросам, связанным с издававшимся Вами некогда Ежегодником «Мысль и Слово». В первом выпуске его была помещена моя статья о профессоре М. И. Каринском. Много воды утекло с того времени, но исключительные обстоятельства вынуждают меня напомнить Вам о себе и, — в чем извиняюсь, — обеспокоить Вас некоторою просьбою.

Дело в следующем. С 1894 по 1922 год я состоял профессором философии в нескольких высших учебных заведениях: в б. Петроградской духовной академии (1894—1918 г.), во II Петроградском университете при б. Психо-Неврологическом университете (1914—1919 г.), в Государственном Ленинградском университете (1919—1921) и в б. Ленинградской Педагогической Академии (1921—1922 г.), а в настоящее время (с 1919 г.) служу помощником (старшим) библиотекаря в Ленинградской Государственной Публичной Библиотеке. За время своего профессорства я напечатал ряд сочинений и отдельными книгами (магистерская и докторская диссертации) и статьями в журналах. За это же время я, конечно, как это неизбежно связано с обязанностью профессора, и руководил занятиями молодых — «начинающих» ученых. И вот, несмотря на все это, Экспертная Комиссия ЦЕКУБУ зачислила меня по Секции Научных работников в разряд В, т. е. «начинающих ученых», а мой протест, представленный чрез Ленинградское Бюро Секции Научных Работников, оставила без последствий.

Чем руководилась Экспертная комиссия в своем решении, для меня доселе остается загадкой. Если причина в том, что большинство лет моего профессорства падает на духовную академию, а сочинения мои с богословским оттенком, то, во-первых, почему же другие, младшие мои сослуживцы по духовной академии,

при одинаковых со мною прочих условиях, зачислены в группу Б? А во-вторых, последним декретом Наркомпроса б. духовные академии признаны за высшие учебные заведения наряду с университетами, а преподавателям некультовых предметов в духовных школах засчитывается время их преподавания в педагогический стаж. Если же причина в том, что меня представляла к переквалификации Публичная библиотека, то ведь это случилось потому, что Публичная библиотека — единственное ученое учреждение, которое с 1922 года могло меня представить. Нельзя же было, позволяю себе думать, ставить меня в одну группу с теми из библиотечных служащих, которые получают квалификацию главным образом по должности или которые выступают именно в качестве «начинающих ученых», подкрепляемые какими-либо авторитетными отзывами о своих первых научных трудах. По-видимому, Экспертная Комиссия ставит меня в один ряд именно с этими последними, потому что, по сообщению Б. В. Завалина (кажется, секретаря Московского Бюро Секции Н. Р.), я должен представить солидные отзывы о моих рукописных сочинениях, чтобы попасть в группу Б. Как будто бы дело идет о человеке, никакими учеными трудами не заявившем себя печатно!

Пока вопрос о моей квалификации стоял в теоретической плоскости, я махнул уже рукой на это дело. Но теперь он обострился практически: жилищный кризис в Ленинграде угрожает зачисленным в группу В лишением дополнительной комнаты. Вот почему я и вынужден обратиться к Вам с большою просьбою — помочь мне, насколько это будет в Вашей возможности. Сам я не могу поехать в Москву за неимением времени и средств, да и толку из этой поездки едва ли бы получилось, потому что нет у меня ни знакомства, ни связей. А между тем, по некоторым данным тут требуется какое-либо личное воздействие. Вспоминая Ваше доброе отношение ко мне в прошлом, я, в поисках выхода из создавшегося катастрофического положения, остановился мыслью на Вас. Вы — давний житель Москвы, вращаетесь в ученых московских кругах, имеете, может быть, знакомых и в ЦЕКУБУ и в Экспертной Комиссии; не можете ли Вы оказать мне помощь в переходе из группы В в группу Б?

Знаю я, что время у Вас занято, знаю, какую неприятную «нагрузку» составляют подобные хлопоты по чужим делам, — все это я отлично понимаю, но знаю и то, что положение мое тяжелое, а годы старые, и что не к кому мне больше обратиться...

Поэтому примите мое извинение в причиняемом беспокойстве, но и примите во мне участие...

С совершенным уважением Ваш покорный слуга *Д. Миртов*

Адрес: Ленинград, Проспект 25 октября, д. 151, кв. 3. Дмитрию Павловичу Миртову.

Р. С. На особом листке прилагаю, на всякий случай, перечень своих печатных трудов.

Печатные труды Д. П. Миртова:

1) Нравственное учение Климента Александрийского. СПб., 1900 (XLIII + 230 стр. 8^о) — магистерская диссертация.

2) Учение Лотце о духе человеческом и абсолютном. СПб., 1914 (CXLVII + 518 стр. 8^о) — докторская диссертация.

3) Заслуги профессора В. Н. Карпова для русской философской мысли. СПб., 1898.

4) Философия цельного знания (о В. С. Соловьеве). СПб., 1900.

5) Нравственный идеал по представлению Климента Александрийского. СПб., 1900

6) Нравственная автономия по Канту и Ницше. СПб., 1905.

7) Профессор М. И. Каринский и его философские воззрения (Философский Ежегодник «Мысль и Слово»: 1918—1920 гг.)

8) Нравственное учение Лотце (предназначалось к напечатанию там же, но о судьбе своей рукописи не знаю)

9) Аристотель (статья в Энциклопедическом словаре Брокгауза—Ефрона)

10) Схоластика (статья там же).

И кроме того, мною напечатан ряд более мелких статей и заметок историко-философского, педагогического и критико-библиографического характера, помещавшиеся в разных журналах.

В Ленинградском доме ученых мною прочитан был доклад на тему: «Чувствования и их значение в душевной жизни по психологии Лотце».

Д. М.

Попов П. — Шпету Г.

21 июня 1918 года

Многоуважаемый Густав Густавович!

Посылаю Вам обе рукописи. При печатании материалов о Соловьеве вот на что придется обратить внимание: при переписке писем Соловьева я стремился ради экономии места избегать лишних абзацев, а между тем сейчас по наведенным справкам

убедился, что письма публикуются всегда так, что последние приветственные слова и подпись выделяются отдельным красными строками.

Пишу это на случай, если Вы сами будете держать корректуры.
Уважающий Вас

Павел Попов

Рубинштейн М. — Шпету Г.

<1917—1918 годы>

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

От статьи о Лотце я все-таки должен отказаться, так как она требует от меня отрыва от моей диссертации: перечитав еще раз написанную мною главу, я вижу, что более подробное изложение Лотце не подойдет к моей книге, а писать сейчас независимо от диссертации о Лотце я не могу из-за времени, и из-за материальных условий. Только что был у меня один деятель провинции (с Востока) и вел со мной беседу о возможных лекциях в мае. При современных крайне тяжелых моих условиях я вынужден буду, вероятно, взяться за летние курсы, что отнимет известное время, а Вы связываете сроком. Пожалуйста, не ставьте мне в вину эту маленькую оплошность, и поручите статью кому-нибудь другому. — Вот одну из глав моей книги в том виде, как она входит в мой труд, я с удовольствием бы поместил в Вашем журнале, но об этом при личной беседе.

Жму руку.

Искренне уважающий вас *М. М. Рубинштейн*

P. S. Первоначальный мой план отложить педагогические статьи рушится, скажу откровенно, из-за самых прозаических, — материальных, — соображений; приходится, наоборот, немедленно браться за них.

Самсонов Н. — Шпету Г.

<весна 1917 года>

Густав Густавович.

Будь добр, выбери подходящий момент и черкни мне, а о чем, тому, для удобства, следующие пункты:

1) я все-таки измудрился написать все три рецензии (Нечаев, Фихте, Челпановский сборник). Получил ли ты все три и к сроку ли (теперь письма идут неопределенно)?

2) Пойдут ли они все три в выходящую книжку Ежегодника?

3) Когда нужно представить рецензию о логике *Гегеля*? Дело в том, что у меня ее в деревне нет, и если нужно скоро, придется выписать.

4) К третьей книге Психологического Обозрения я должен написать рецензию на тот же Челпановский сборник, но только выделить на этот раз психологические статьи. Когда ее нужно прислать?

5) Не может ли мое участие в третьей книжке Психологического обозрения выразиться в чем-либо еще, помимо этой рецензии; как обстоит дело с Лотце?

6) Нет ли у тебя вообще какой-либо работы, переводной, например, или всякой другой. Мне здесь, по существу, абсолютно делать нечего, и я выполняю всякую работу.

7) В рецензии на Избранные сочинения Фихте я написал, что в Новых идеях № 12 дан перевод Наукоучения 1801 года. Потом вспомнил, что 1810. Поправь, пожалуйста. У меня тут нет никаких книг, кроме массы эстетик всяких, поэтому всюду приходится полагаться на память, например, в вопросе, заданном мною Блонскому, Я и Gladisch'a цитировал на память;

8) Что касается денег, то, увы, наверное, будешь ждать, когда напечатается все, чтобы выслать разом. Для меня же было бы удобнее, если бы ты прислал и часть, например, если вышла книжка Психологического Обозрения, что там мне полагается. Я бы не писал тебе об этом, да продукты нужно подкупить, И. Г. с меня спрашивает. Ожидая из Университета, оставил там адрес, да там, ведь, будет произведена «редукция», как выражается Грушка. А если с общей суммой произвести редукцию, т. е. разделить половину между плевать-процентами, им же несть числа, то, пожалуй, получишь енондер-шиш, даже с кондибобером. Так вот, если тебя такая партиальная пересылка не очень затруднит, будь добр.

Твой *Н. Самсонов.*

P.S. Статья твоя доставила мне большое удовольствие.

28 мая 1917 года

Густав Густавович.

Имею ответить тебе следующее:

1. Выпад относительно «имрека» непременно нужно выбросить, так как он был плодом незнания.

2. Вопрос Блонскому *тоже вычеркни*. Не потому, чтобы толкование, заимствованное им у немца, казалось мне правильным, но по-

тому, что мне надлежало бы доказать его неправильность, а это, конечно, нужно делать не мимоходом в рецензии и не в 2—3 строках.

3. Относительно Гладиша произошло какое-то недоразумение, очевидно оттого, что выражаешься в рецензиях скупко на слова. Я вовсе не хотел сказать, что Гладиш ставил вопрос этот или решал его. Я просто привел перевод, по-моему, правильный. Гладиш, ведь, не гебраист. Он был, помнится, директором какой-то гимназии и преподавал классические языки. Цель его была: доказать тожество начала фрагментов Анаксагора с началом Библии. Судя по цитатам, он знал и еврейский язык, но, конечно, в истолковании опирался на специалистов. Вопрос этот (о начальных строках Библии), думаю, вполне теперь решен, но не Гладишем, а целыми поколениями гебраистов. И вообще людей, работавших над пресловутым вопросом Babel und Bibel. Он лишь провел параллель *ὁμοῦ παντα χρηματα ἦν* — хаос, *бездна* Библии, *βυθός* и пр. Он от века, и бог от века, так как Jahweh — это прошедшее, настоящее и будущее время от глагола *быть*. Мир предвечен, бог предвечен. *εἶτα νοῦς διέλθε* — **потом** пришел Демиург, Логос. Это и есть Элогим. Элогим не Бог¹. *παντα διεκοσμήσθαι*. Вот это и есть второе слово Библии. Отнюдь не сотворил. Филологически тебе всякий еврей скажет. Спроси как сказать *в начале*. *Боришейно* (я пишу прямо с современным искаженным произношением). А в Библии *брейшиис* — с *началом* чего-то другого. Такая постанова неабсолютного наречия времени называется *нисмох*, она требует продолжения и указывает на *придаточное* предложение. Второе слово *боро* не сотворил. Творить *йосей*, было бы *йосо*². А Боро — именно *διεκοσμήσω*. Претворил, преобразовал etc. Эти долгогривые сами небось знают всю эту музыку, да намеренно голову морочат. Дословный перевод: С началом преобразования высшим разумом, *искусным в выделении* первобытного хаоса (эс ха шомаим в эс хо орец — не значит небо и земля, так как о их создании говорится дальше)... здесь стоит; (так в тексте! — *Т. III.*) и начинается главное предложение — и этот хаос земля (орец, т. е. еще *непреобразованная*) была безвидна и пуста, и дух божий реял (собственно, *мрахефес* — сидел на яйцах — как курица высиживал мироздание³) на поверхности водной бездны (ср. *Ὠκεανός* Гомера), покрытой мраком. — В Москве по этой части лучший знаток — историк Никольский, по специальности гебраист. Он тебе то же, в общем, скажет. Впрочем, ты можешь вставить, если хочешь, такую фразу: что автору, дескать, если он нашел догмат о творении из ничего в Библии,

¹ Ягве, Шаддай, Адонай.

² И то просто *сделал*. Понятия творения из ничего соевем нет.

³ Ср., что пишет об орфиках Лосев на стр. 54 Челпановского сборника: из первобытной мглы появилось мировое яйцо etc.

следовало бы опровергнуть филологов, которые видят в Библии совсем не то, что Синод, или по крайней мере считаться с их мнением. Вообще, что-нибудь в этом роде. Я решительно ничего не имею против. Было и духовное, однако, лицо у нас, которое нечто подобное филологам писало. Фамилию только плохо помню, кажется, *Новицкий*, История философии. Там космогонии восточные хорошо представлены для тех годов (конец 60-х? Я все тут по памяти пишу, отсюда и выходят lapsus вроде *тетράμις* 6 раз).

4. О Гегеле я мог бы написать разве с твоей помощью: дело в том, что у меня нет здесь ни русского, ни немецкого текста. Написать Карбасникову? У него, конечно, нет, он будет посылать в Петербург и черт его знает, когда придет. Я ему феноменологию Гегеля в декабре 1915 года заказал и задаток дал, но до сих пор не получил. А откуда я немецкий текст достану? Если бы ты как-нибудь мог это устроить? Может быть, ты мне можешь прямо прислать оба текста? Я тебе их в девственной неприкосновенности¹ верну обратно. Или если будешь в каком магазине и узнаешь, что там есть, скажешь им, чтобы прислали мне. Но откуда, опять-таки, достану немецкий. Из университетской библиотеки, я не знаю, посылают ли. Если ты не усматриваешь тут какой-либо удобной комбинации, то прямо передай Гегеля кому-либо другому, хотя я, конечно, не прочь бы перечитать *Логика*: лет пятнадцать тому назад читал, оно занятно бы.

5. Ты пишешь, не придумаю ли я сам каких рецензий для Психологического Обозрения. Я имею предложить тебе третий том Системы эстетики Фолькельта, München, 1914. Дело в том, что это первая более или менее законченная и систематическая попытка дать *психологию* творчества. В конце есть несколько десятков страниц метафизики. Их можно опустить. Все же 600 страниц психологии творчества остается. Недурно сопоставить с System der Ästhetik Meumann, В. II, Leipzig, 1914. Тоже *психология* творчества². Если находишь подходящим, сообщи. — Относительно обзора, это я уже зимой сообщу, хочу характерологией заняться. Определял по *Malanepu*, что ты есть с эмоциональной, интеллектуальной и волевой стороны. Вот с эмоциональной — совсем не знал, куда, в какую рубрику тебя деть. Евгения Ивановича по волевой сфере отнес к аморфным или к «человеческому тесту». «Случай их женит» (Рибо). Это значит, понимай коньячная m-me (Шустова).

6. О Лотце не могу теперь писать по той же причине: все книги в Москве. Я в Москве буду к 1 сентября. Могу тебе представить

¹ По ассоциации анекдот: профессор разворачивает совершенно чистую зачетную книжку студента и говорит: Однако Вы еще девственны по части экзаменов, г. студент. — Да, и Вам надлежит jus primae noctis, г. профессор.

² Чуть ли даже не экспериментально хочет природу гения вскрывать.

статью о метафизике, скажем, к **15 октября**, хотя лучше бы к 1 ноября. Устраивает ли это тебя, выражаясь противным галлицизмом?

7. Промах <Трубецкого> в переводе Фихте, само собою разумеется, впиши, а если хочешь, то и несколько. Чего жалеть?!

8. Гонорарий весьма даже ожидаю: имею 2 копейки капиталу и неоткуда достать. Хорошо хоть табак есть. Отсюда мораль: не ходи с барышнями по театрам. Может быть ты можешь счесть по корректуре, что там в Психологическом Обозрении причитается?

9. Будь добр, напиши, какой есть хороший книжный магазин в Киеве. Там какой-то С. Ананьин по-марбургски *Софиста* Платонова разбирает. Хочь выписать.

Пока, будь здрав. Твой <нрзб.> *Н. Самсонов* (Это я под влиянием Элогима, сидящего на яйцах, так подписываюсь).

Серебренников В. — Шпету Г.

31 марта (13 апреля) 1918 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

К великому моему сожалению, приготовить к указанному Вами сроку статью о М. И. Каринском не могу, так как в настоящее время очень занят. Рекомендую Вам обратиться к преемнику М. И. Каринского по кафедре, моему сослуживцу, профессору Дмитрию Павловичу Миртову. Он писал о своем учителе по поводу его 50-летнего юбилея и составил обстоятельную рецензию о его последнем труде — «Разногласие в школах нового эмпиризма по вопросу об истинах самоочевидных». Адрес его: Петроград, Невский, 151, кв. 3. Вашему намерению издать русскую философскую библиотеку весьма сочувствую и готов принять в этом предприятии посильное участие; но из английских философов мне было бы легче и приятнее написать монографию о Локке, чем Гоббсе, с генезисом учения которого я знаком лишь по пособиям, а не первоисточникам.

С совершенным почтением Ваш покорный слуга

В. Серебренников

12/25 мая 1918 года

Невский 182, кв. 4.

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

Монографию о Локке, согласно намеченному Вами общему плану, напишу с удовольствием. Рукопись будет представлена из-

дательству не позднее 1 мая 1919 года. Возможно, что окончу работу гораздо раньше, но в настоящее время у нас происходит так много неожиданностей, расстраивающих правильные занятия, что назначить более ранний договорный срок не решаюсь.

С совершенным уважением Ваш покорный слуга

В. Серебrenиков

Сотонин К. — Шпету Г.

28 октября 1917 года

Петроград.

Казанская 11, кв. 18.

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

Федор Федорович Бережков пишет мне о возможности напечатания некоторых моих работ в «Психологическом обозрении». Обращаюсь по этому поводу к Вам. Статья «Темперамент и воспитание» большею своею частью относится к психологии и с этой стороны, думаю, не встретила бы большого препятствия для напечатания в «Психологическом обозрении». Но не зная, держится ли журнал определенного направления в области общепсихологической мысли, не решаюсь сказать, подойдет ли она и в другом отношении: я слишком большой сторонник психологического обоснования системы философии и это сказилось и на данной статье. Впрочем, в письме этого не изложить, и я при первой возможности пришлю статью Вам. Можно ли послать ее на Ваше имя или в редакцию?

Что касается работы «Диалог Парменид и его место в системе Платона», то это не журнальная статья, а довольно детальное исследование диалога и его перевод. Главная мысль исследования та, что Платон — чистый пифагореец, правда, гениальный пифагореец, и чистый настолько, насколько это было возможно после Сократа. Введение посвящено вопросу о задачах и методе историко-философского исследования, сообразно с тем, что было развито мною в брошюре «Запытное и трансцендентное»; гл. I — Обзор постановки вопроса о диалоге Парменид до сих пор; гл. II — Пифагорейское учение о началах бытия; гл. III — Очерк эволюции пифагорейских тенденций у Платона до диалога Парменид; гл. IV — Роль диалога Парменид в пифагорействе Платона (исследование диалога); гл. V — Пифагорейство Платона в диалогах, последующих Пармениду. А приложения — перевод диалога. Вся работа едва ли потребовала бы более 150 страниц in 8.

Что касается статьи «Свобода воли как факт психологии», то она едва ли подойдет для какого-либо журнала вследствие своего крайне саркастического тона в отношении к христианству и религии вообще.

Если Вы сможете сделать что-либо для первых двух работ, буду очень благодарен: теперь, при сознании невозможности печатания, и писать не хочется (диссертация стоит у меня вследствие этого): для себя мне ведь ни к чему писать: я могу и только думать.

С глубоким уважением

Константин Сотонин

28 марта 1918 года

Петроград.

Казанская 11, кв. 18.

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

Ваше письмо и договор я получил. Но подписывать договор пока не решаюсь, потому что, во-первых, в нем указан невыполнимый срок представления рукописи — 1 марта 1918; во-вторых, с единственным экземпляром рукописи перевода случилась неприятная история: еще в прошлом году перевод вместе с другими моими работами бы представлен в Министерство Народного Просвещения в качестве учебного отчета; в начале большевистского переворота дела в Министерстве запутались и рукописи не могли вовремя быть найденными; теперь, наконец, я получил точные сведения, за каким номером мое дело поступило в Министерство из Университета, но Министерство уже эвакуировалось, так что пройдет еще некоторое время, прежде чем я получу рукопись (если вообще получу), переводить же вновь я в настоящее время не в состоянии. Если эти обстоятельства расстраивают дело по напечатанию перевода, я оплачу все расходы по ведению переговоров и пр. Но самое главное это то, что договором не обуславливается печатание моего исследования о диалоге «Парменид», между тем перевод я могу печатать лишь в том случае, если исследование также *безусловно* будет напечатано.

Ко времени выяснения первого и последнего пункта мне, может быть, удастся получить рукописи.

Теперь же в ближайшее время я вышлю Вам рукописи «Логика как фиктивной науки» и маленькой статьи, которая, может быть, подойдет для «Психологического обозрения». Так как, все же, я думаю, что Вы не сможете рекомендовать мою Логик издательству (не только потому, что ни в чем не будете согласны со мной, но и потому, что весь дух работы неприемлем), то я очень прошу

передать ее Ф. Ф. Бережкову, как и статью «Темперамент и воспитание». Если же вопреки ожиданию Логика может быть напечатана, то условия мои такие:

1) последняя корректура моя; 2) никакие купюры или поправки текста без моего согласия недопустимы; 3) 200 авторских экземпляров.

Статью о свободе воли не высылаю, так как она такого же смешного характера, как и «Темперамент и воспитание»; впрочем, таково и большинство моих работ: философия для меня — система решения проблемы блага, с исходным пунктом в психологии, поэтому, о чем бы я ни писал (даже в музыкальных статьях), начальный и конечный пункт будут.

С глубоким уважением

К. Сотонин

«Хрестоматия по Истории психологии»

Шпет Г. — Маковельскому А.

4 февраля 1917 года

Глубокоуважаемый Александр Осипович!

По поручению книгоиздательства Лемана и Сахарова я составляю Хрестоматию по Истории психологии. Было бы очень желательно поместить в ней отрывки из Вашего перевода трактата Беркли: Опыт новой теории зрения. Настоящим письмом обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой разрешить нам перепечатать следующие параграфы Вашего перевода: 1–25; 41–51; 63–66.

Маковельский А. — Шпету Г.

15 февраля 1917 года

Казань, ул. Жуковского, дом Курочкиной.

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

С удовольствием предоставляю мой перевод Беркли в указанных Вами извлечениях для Психологической хрестоматии, со-

ставляемой Вами и издаваемой Леманом. Пользуюсь случаем поблагодарить Вас за присылку мне Вашей диссертации — за то удовольствие, которое я получил при чтении ее, и за те знания, которые она мне дала.

Уважающий Вас искренно

А. Маковельский

Рачинский И. — Шпету Г.

14 февраля 1917 года

Петроград, 10-я Рождественская ул., д. 4, кв. 17.

Глубокоуважаемый Густав Иванович,

В ответ на Ваше письмо от 4 февраля с.г. с большим удовольствием сообщаю Вам, что я ничего не имею против перепечатки отрывков из моего перевода поэмы Лукреция в составляемой Вами Хрестоматии по истории психологии. Все же считаю долгом Вам сказать, что мое согласие в этом деле не может иметь решающего значения, так как этот перевод составляет литературную собственность издателей М. и С. Сабашниковых в Москве. Поэтому, думается, для такой перепечатки необходимо разрешение этой издательской фирмы. Прошу извинить меня в промедлении ответом, вызванным моим отсутствием в Петрограде.

Примите уверение в моем искреннем почтении и уважении.

Ив. Рачинский

Книгоиздательство М. и С. Сабашниковых — Шпету Г.

23 февраля 1917 года

Г. Г. Шпет. Москва

М. Г.

В ответ на Ваше письмо от 19 февраля с/г имею честь сообщить Вам, что Михаил Васильевич выразил свое согласие на Вашу просьбу относительно перепечатки отрывка из Лукреция.

С совершенным почтением

Подпись

Савин А. — Шпету Г.

14 мая 1917 года

Собачья Площадка 5.

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

Я ничего не имею против того, чтобы указанные Вами части моего перевода Опыта Локка были перепечатаны в составленной Вами хрестоматии.

Искренне преданный Вам

А. Савин

«Academia»

«Academia» (издательство) — Шпету Г.

17 августа 1932 года

<на бланке:>

Academia

Государственное акционерное издательское общество

Правление: Москва, центр, Никольская, 10. Тел. 4-34-37

Отделение в Ленинграде: пр. Володарского, 53-б. Тел. 2-43-08
и 1-38-98

Для телеграмм: Москва, Издакадемия

№ 597

Т. Шпету Г. Г.

Прошло более двух месяцев с момента получения Вами гранок (1—116) Байрон «Мистерии».

Издательство «Academia» считает такую задержку ненормальной, срывающей производство.

Категорически просим в трехдневный срок прислать подписанные гранки.

Зав. Произв. отд.

Секретарь изд.

Сокольников

Л. Ческис

13 января 1933 года

Издательство «Academia»

Редакционный отдел

Москва, Кузнецкий мост, 16

ОГИЗ, 1 этаж, ком. 111.
Тел. 5-19-37
Г.Г. Шпету

Редакционный отдел обращается к Вам за советом по поводу организации издания «Поэмы Ван ден Вонделя», намеченной по нашему плану; просим указать нам, кто мог бы взять на себя подстрочный или стихотворный перевод поэмы, редактирование, а также предисловие для книги.

К нам обратился Н. С. Берендгоф с предложением взять на себя при помощи подстрочника стихотворный перевод поэмы.

Зав. Ред. отд.
Секретарь

Тихонов
Антокольская

15 января 1933 года

Издательство «ACADEMIA»
технический редактор
тел. 519-37
Служебная записка

Уважаемый Густав Густавович!

А. Н. Тихонов просит Вас дать отзыв о прилагаемом переводе Зунделовича (отрывке) поэмы Мальчевского «Мария»

Секретарь

Н. Антокольская

11 февраля 1933 года

Издательство «Academia»
Редакционный отдел
Москва, Кузнецкий мост, 16
ОГИЗ, 1 этаж, ком. 111.
Тел. 5-19-37
Г. Г. Шпету

Уважаемый товарищ!

Издательство Academia созывает 17 февраля в 6 часов вечера у т. Н. И. Бухарина (площадь Ногина, Наркомтяжпром, 1 подъезд, 4 этаж, к. 444) совещание по вопросу об издании полного собрания сочинений Шекспира. Мы просим Вас принять участие в этом совещании.

Зав. Ред. отд.
Секретарь

Тихонов
Антокольская

20 февраля 1933 года

Уважаемый Густав Густавович,

Посылаю Вам перевод «Марии» Мальчевского полностью представленный переводчиком. Александр Николаевич просит Вас кратко подтвердить свое первоначальное мнение, составленное по образцу для вынесения Ред. отделом какого-либо решения.

Посылаю также листы 18—28 I тома Диккенса — для просмотра (посылаю Вам первому, а не Ланну, так как пользуюсь оказией) — с соответствующими гранками.

Прошу Вас вернуть Теккерея, как гранки I тома, так и рукописи II и III, с записками Плавильщикова, если они имеются, а также комментарий к «Пиквику».

Секретарь РО

Антокольская

22 февраля 1933 года

Уважаемый Густав Густавович,

Между Вашими новыми вставками в Комментарий к Диккенсу и старым текстом есть одно очевидное противоречие. На стр. 26 говорится, что Диккенс создает «социальные характеры», а на стр. 27 говорится, что герои Диккенса — «фантастические существа», причем фантастичность подчеркивается тем, что у них реальны их платья, обстановка, но не они сами.

Было бы очень хорошо, если бы Вы могли бы, не дожидаясь гранок, сейчас изменить эти формулировки.

Пом. зав. Ред. отделом

Эльсберг

<Чернилами:> Посылая 27-ю страницу Вам — прошу ее вернуть вместе с 26-й, даже *если сейчас не сумеете изменить* то, о чем просит т. Эльсберг.

4 марта 1933 года

Издательство «Academia», Редакционный отдел
Г. Г. Шпету

Уважаемый Густав Густавович,

В ответ на Ваше заявление о предоставлении отсрочки сдачи рукописи Стерна до осени сообщаем, что отсрочка разрешена до 1 сентября 1933 года, с тем, чтобы этот срок был окончательным и совершенно твердым.

Зав. Ред. отд.

Секретарь

Тихонов

Антокольская

5 марта 1933 года

Издательство «Academia», Редакционный отдел
Г. Г. Шпету

Уважаемый Густав Густавович,

Во-первых, посылаю Вам копию дополнительного соглашения на «Часы мастера Хэмфри», во-вторых — на комментарий к Пиквику.

В-третьих, Лурье просил Вам передать новую редакцию своего образца перевода, выполненную им с учетом Ваших указаний.

Посылаю Вам также кн. VI и VII «Пана Тадеуша».

Секретарь РО

Антокольская

25 марта 1933 года

Издательство «Academia», Редакционный сектор

Уважаемый Густав Густавович.

Посылаю к Вам за материалом: остальными гранками I тома Теккеря и листами II тома Диккенса.

Посылаю Вам на просмотр I часть перевода Ст. Вольского романа «Виргинцы» Теккеря с его предисловием. Вторую часть перевода первого тома Вольский сдаст в начале апреля вместе с комментарием.

Секретарь Редсектора

Антокольская

Хотя я думаю, что у Вас есть оригинал «Виргинцев», на всякий случай посылаю английское издание, которым пользовался Вольский.

5 апреля 1933 года

Издательство «Academia»

Уважаемый Густав Густавович.

Посылаю Вам присланные А. А. Смирновым переводы Шекспира «Отелло» в переводе Радловой и «Макбет» в переводе С. Соловьева и М. Коваленской. Александр Александрович писал нам, что ему не удалось до сих пор выяснить переводила ли Ахматова «Макбета», но он думает, и сведущие люди ему говорили, что А. А. Ахматова чуть ли не принципиально не занимается переводами стихов и в частности Шекспира не переводила.

Посылаю Вам также на отзыв пробу перевода Выспанского «Свадьбы» тов. Яроцкой, которую рекомендовал нам Малецкий и Домский в качестве переводчицы.

А. Н. Тихонов просит Вас дать нам скорее отзыв о переводе «Пана Тадеуша» Мицкевича — Городецкого.

Когда Вы нам вернете для набора второй том Теккеря?
Секретарь Редсектора *Антокольская*

9 апреля 1933 года

Издательство «Academia», Редакционный сектор

Уважаемый Густав Густавович.

Возвращаю Вам еще раз гранки I тома Теккеря «Ярмарки тщеславия». В них имеются вопросы корректора, который не вычитывал гранок перед посылкой их Дьяконову и перед правкой гранок Вами. Впрочем, большинство этих вопросов относится к вставкам. В частности, корректор предлагает дать дополнительные примечания к некоторым словам, употребляемым в Ваших вставках. Я говорила об этом с Горбовым, и он считает более целесообразным просить дать эти дополнительные примечания — Вас, так как у Вас под рукой необходимые справочные издания и вообще Вам легче все это расшифровать.

Но эта работа должна быть закончена в минимальный срок. Прошу Вас завтра мне позвонить, когда мы сумеем получить от Вас гранки с разрешенными вопросами корректора, а дополнительные примечания Вы сумеете дать немного позже.

Что с оригиналом II тома Теккеря? Тоже прошу Вас мне завтра сообщить об этом.

Секретарь Редсектора *Антокольская*

19 мая 1933 года

Издательство «Academia», Редакционный сектор

Уважаемый Густав Густавович.

Посылаю Вам сверку гранок I тома Теккеря (гр. 1—34), сделанную Производственной частью ввиду сильной правки первой корректуры. Посылаю также набор примечаний к этому тому. Необходимо ввести в эти примечания все те дополнения, которые Вы хотели сделать. Срок возврата гранок текста и дополненных примечаний — 26 мая. Просьба подтвердить этот срок и считать его твердым.

Секретарь Редсектора *Антокольская*

21 мая 1933 года

Редакционный сектор

Уважаемый Густав Густавович.

Посылаю Вам дальнейшие гранки 135—201 «Ярмарки тщеславия» Т. I. У Вас уже наверное просмотрены первые гранки. Прошу их вернуть.

Посылаю также предложенный т. Самоненко перевод «Мариин» Мальчевского (другой образец).

Посылаю восьмую книгу «Пан Тадеуша». Ждем Вашего отзыва.
Секретарь Редсектора *Антокольская*

7 июля 1933 года

Редакционный сектор

Уважаемый Густав Густавович!

Посылаю Вам 1) Диккенса т. III с вопросами корректора, 2) Письмо Радлова, 3) Кусок перевода Протасьева «Тит Андроник».

Секретарь Редсектора *Л. Ческис.*

8 июля 1933 года

Уважаемый Густав Густавович!

Посылаю верстку листы 4–25 верстки I тома Теккеря «Ярмарки тщеславия» с гранками.

Срок возврата листов — 11 июля.

Посылаю Вам также рукопись перевода М. А. Дьяконова третьего тома.

В связи с распределением этого издания на два тома необходимо теперь же по прилагаемому дублету гранок (посылаемому *не для корректуры!*) «бывшего» второго тома отметить, что надо подверстать к первому и какие гранки перейдут ко второму и присоединены будут к рукописи.

Секретарь Редсектора *Антокольская*

20 июля 1933 года

Редакционный сектор

Уважаемый Густав Густавович!

Посылаю Вам экземпляр перевода Тегнера «Саги Фритьофа». Договор на редактирование и комментарий подготовлю, как только Вы сообщите срок сдачи рукописи в Издательство. Предисловие Г. Г. Александрова будет готово очень скоро.

Секретарь Редсектора *Антокольская*

25 июля 1933 года

Г. Г. Шпету

Уважаемый Густав Густавович

Просим подтвердить Ваше согласие, согласно ранее ведшихся устных переговоров, на написание вступительной статьи к Стерну.

Срок представления — вместе с переводом и комментариями.
Заведующий Издательством *Л. Каменев*
Зам. Руководителя Редсектором *Я. Эльсберг*

23 августа 1933 года

Редакционный сектор

Уважаемый Густав Густавович!

Посылаю Вам:

1) Последний 45 листок к 1 т. Теккеря

2) Листы 1—8 второго тома.

Дайте, пожалуйста, посланному список книг для выписки из-за границы

Секретарь Редсектора

Антокольская

13 сентября 1933 года

Редакционный сектор

Уважаемый Густав Густавович!

Мы Вам послали перевод «Фрильоф саги» Айхенвальда и Смирницкого, и Вы по телефону сообщили, что перевод удовлетворителен. 2 августа мы Вам послали примечания Айхенвальда и Смирницкого на отзыв. Просим сообщить Ваше мнение об этих примечаниях, так как от Вашего отзыва зависит оплата этой части работы.

Просим также сообщить, когда Вы рассчитываете закончить редакцию перевода и окончание комментирования Тегнера, имея в виду, что по договоренности с Г. Г. Александровым книга должна быть сдана в производство после его просмотра аппарата и с его предисловием не позднее 1 декабря.

Зам. руководителя Редакц. сектором

Эльсберг

Секретарь

Антокольская

14 сентября 1933 года

Редакционный сектор

Г. Г. Шпету

Уважаемый Густав Густавович!

В. Ф. Асмус сообщил нам, что мог бы написать для тома статей о Шекспире статью на одну из следующих тем:

«Эстетические принципы Шекспировской драматургии»

Или «Шекспир и идейные течения эпохи Ренессанса»

<чернилами дописано Эльсбергом:> Просим иметь это в виду при составлении плана тома.

Зам. руководителя Редакц. сектором
Секретарь

Эльсберг
Антокольская

22 октября 1933 года

Уважаемый Густав Густавович!

Просим Вас возможно срочно дать заключение о качестве предлагаемых переводов из Гейне, принадлежащих тов. Ефременкову.

С уважением

Редактор

Д. Горбов

27 октября 1933 года

Издательство «Academia»

Москва 28, Большой Вузовский переулок, 1. тел. 4-80-22

Ленинград 134. Проспект 25 октября, 28, «Дом книги». тел. 1-32-44.

Уважаемый Густав Густавович.

Посылаю Вам на отзыв:

1) Китс — 3 стих. перев. Лейтина

2) Лонгфелло — 2 баллады — перев. Лейтина

3) Р. Бернс — 5 стих. — перев. Лейтина.

Секретарь Редсектора

Л. Ческис

2 ноября 1933 года

Зам. Заведующего Издательством

Уважаемый Густав Густавович

Прошу Вас сообщить Ваши пожелания о включении какого-либо тома собраний сочинений Шекспира и Диккенса в декабрьский план заключения договоров.

Редактор

Д. Горбов

<На обороте рукой Шпета написан список иллюстраций в томе Записки Пиквикского клуба>

3 ноября 1933 года

Уважаемый Густав Густавович.

Посылаю Вам иллюстрации к III тому «Записок Пиквикского клуба». Просим сделать: 1) окончательный подробный список иллюстраций

2) аннотацию к каждой иллюстрации.

Тов. Макашин прислал дополнительный список иллюстраций к III тому, причем он указал, что можно обойтись *и без этих дополнительных иллюстраций*.

Я все посылаю Вам на Ваше заключение.

Секретарь Редсектора

Л. Чекис

9 января 1934 года

Г.Г. Шпету.

Посылаю Вам для отзыва перевод «Проклятия» Выспянского.

Секретарь Редсектора

Антокольская

19 января 1934 года (I)

<на бланке:>

Издательство «Academia»

Москва 28, Большой Вузовский переулок, 1. тел. 4-80-22

Ленинград 134. Проспект 25 октября, 28,

«Дом книги». тел. 1-32-44.

Уважаемый Густав Густавович.

Посылаем Вам на отзыв план издания сочинений Китса Д., представленный тов. Новомирским. Просим его просмотреть и прислать Ваше заключение.

Секретарь Редсектора

Л. Чекис

19 января 1934 года

Густав Густавович!

Не посылаю Вам письма Дьяконова, так как оно содержит всякие другие поручения и дела.

Он протестует против «оформливая» и «оформить», (ссылаясь на то, что это неологизм для романа XIX века); против «уэст-энд», «сэндвич» и т. д. (так как русский читатель не сумеет правильно произнести эти слова).

Вот и все.

Просит прислать ему корректуру нового издания. Ссылается на то письмо, которое Вы читали при гранках.

Пиквика еще нет. Постараюсь одолжить в Главлите.

Выспянского постараюсь достать.

Надежда Антокольская

4 февраля 1934 года

Уважаемый товарищ!

4 февраля с. г. в 8 часов вечера на квартире у И. Т. Смилги (ул. Серафимовича, дом Правительства, подъезд № 12, кв. 230) состоится совещание по мифологическому словарю, на которое просим Вас прибыть без опоздания.

Повестка дня:

1. Утверждение протокола заседания от 16 января.
2. Обсуждение «инструкции» и сметы Словника.
3. Текущие дела.

Секретарь Словаря *В. Нилендер*

25 марта 1934 года

Руководитель редакционного сектора

3 апреля с/г. точно в 7 ч. 30 мин. вечера в Белом Зале Дома Ученых (ул. Кропоткина 16) состоится Вечер Шекспира.

Новые переводы для подготавливаемого Издательством Academia полного собрания сочинений Шекспира

Читают свои переводы: М. Зенкевич, М. Лозинский, А. Радлова, О. Румер, Г. Шпет (перевод в сотрудничестве с С. Соловьевым). Будут также прочтены переводы М. Кузмина и А. Курошевой.

В прениях участвуют: И. Аксенов, В. Асмус, С. Динамов, А. Дживелегов, М. Зенкевич, Е. Ланн, М. Лозинский, Д. Мирский, А. Попов, А. Радлова, акад. М. Н. Розанов, Ф. Ротштейн, О. Румер, В. Сахновский, А. Смирнов, А. Таиров, Ц. Фридлянд, Р. Шор, Г. Шпет, А. Эфрос и др.

Вход по настоящей повестке.

Издательство Academia

Группком писателей при изд-ве Academia

Шпет Г. — в издательство «Academia»

12 июня 1934 года

Если издательство решило продолжать издание Фильдинга, то, все же лучше, на мой взгляд, за Томом Джонсом выпустить не бесконечно растянутую и однообразную Эмилию, а более <свежего, связного> и краткого Джозефа Эндруса (1742). Но надо иметь в виду, что Этот роман, который можно считать — представляет пародию на Памелу Ричардсона, и, следовательно, наш читатель вполне оценит историческое и художественное значение Эндруса, только (при сравнении его с

пародии) когда получит возможность сравнить оба романа. Поэтому еще более целесообразным мне представляется в первую очередь заказать перевод и выпустить именно Памелу, а вслед за нею — Эндруса.

Что касается Сентиментального путешествия Стерна, то предполагалось, что оно войдет в один том с Тристрамом Шенди, и соответственно со мною заключили договор. Но уже при заключении договора я обратил внимание тогдашнего руководителя Издательства, что соединяя в один том обе вещи, мы его перегружаем, а вместе с тем отказываемся от полного издания, для осуществления которого требуется дополнительно не более какихнибудь 6 печатных листов. Поэтому и теперь я всемерно поддерживаю предложение А. Франковского перевести Письма к Элизе, а равным образом, и избранные письма Стерна, и издать это отдельным томом вместе с Сентиментальным путешествием, перевод которого я охотно уступлю А. Франковскому. Таким образом, весь Стерн выйдет у нас в двух томах очень цельным и законченным. Для перевода советую воспользоваться последним и превосходным изданием Кросса (Prof. Wilbur L. Cross. New-York. 1926. 3-е изд. 1932) и просто перевести весь том, где находится Сентиментальное путешествие и другие упомянутые выше материалы.

27 июня 1934 года

Г. Г. Шпету

Уважаемый Густав Густавович,

Согласно Вашего предложения, мы поручили А. А. Франковскому перевод «Сентиментального путешествия» Стерна, писем к Элизе и Избранных писем Стерна. Соответствующим образом мы изменим заключенный с Вами договор на Стерна.

Заведующий Издательством

Л. Каменев

Зам. руков. Редсектора

Я. Эльсберг

8 августа 1934 года

Уважаемый Густав Густавович,

Посылаем Вам для подписания соглашение о редактировании-консультации перевода Городецкого «Пана Тадеуша» Мицкевича.

Секретарь Редсектора

Антокольская

3 октября 1934 года

Зам. заведующим изд-вом

Г. Г. Шпету

Уважаемый Густав Густавович,

Посылаем Вам список отмеченных слов в «Домби» т. 1, к коим необходимо дать пояснения. Просим Вас их просмотреть и отме-

тить крестиком те слова, к которым Вы находите необходимым дать пояснения.

Секретарь Редсектора

Л. Ческис

17 ноября 1934 года

Редакционный сектор

Г. Г. Шпету

Уважаемый Густав Густавович,

Посылаем Вам письмо А. А. Франковского, в котором он сообщает свой план издания Избранных «Писем» Стерна. Просим Вас просмотреть его письмо и сообщить свои соображения по этому вопросу.

В связи с заключением договора с А. А. Франковским на перевод «Сентиментального путешествия» Стерна в Ваш договор № 206/32 на перевод Стерна будет внесена поправка — уменьшен размер сдаваемого Вами перевода на 6 п.л.

Секретарь Редсектора

Л. Ческис

19 декабря <1934>

Л. Б. Каменеву

А. Н. Тихонову

А. Малецкому

Г. Шпету

Мне кажется, что если исходить из отзыва Ф. Вермеля и решения дать, примерно, 6000 строк Мицкевича, то мы придем к таким оргвыводам.

1000—1500 строк придется на старые переводы. Из 4—5000 подлежащих новому переводу следует мне кажется 1500 строк резервировать за разными переводчиками (Кржижановским, Самоненко, и возможными новыми кандидатурами), а около 3000 поручить Вермелю, как и редакции всего остального материала. Вермель с этим согласен, ему и на 3000 строк и редакцию остального материала требуется около года.

В итоге проделанного обзора Ф. Вермелю легко сделать библиографию переводов Мицкевича — она займет около ½ листа и думается ее стоит дать в конце тома.

Эльсберг

10 апреля 1935 года

<Записка:>

Получила:

Шекспир: «Два веронца», «Ромео и Джульетта», «Укрощение...», «Генрих V», «Бесплодные усилия любви»

Диккенс — «Пиквик»,

«Четыре Георга», «Снобы», «Юмористы». Примечания: к «Юмористам», «Четырем Георгам».

Л. Ческис

Авилов Б. — Шпету Г.

18 февраля 1934 года

Москва, тел. Ж-1-75-47

Многоуважаемый Густав Густавович.

Прилагаю книгу Dickens, The Letters. Она взята на имя изд. «Academia», на срок 10 дней.

Не откажите сообщить издательству отзыв о моем переводе для выписки мне гонорара.

Я просил Л. Б. Каменева дать мне другую переводную работу, но он затруднился что-нибудь выбрать, так как не знает, какие книги намечает и какие еще не заняты. А. Н. Тихонов полагает, что можно было бы дать *Маколея* или *Киплинга*. Из Отдела Мемуаров, кажется, оставались свободными переписка *Франклина* и автобиография и переписка *Марка Твена*.

Разрешите позвонить Вам по телефону и узнать Ваше мнение по этому вопросу. И Л. Б. и А. Н. рекомендовали обратиться к Вам.

С совершенным уважением *Б. В. Авилон*

Айхенвальд Б. — Шпету Г.

15 июня 1931 года

Одесса, 7 станция. Педагогическая улица, дом 25/27.

Дом отдыха секции научной работы.

Глубокоуважаемый Густав Густавович!

В таком хаотическом состоянии находились мои черновики, так много пришлось переделывать, изменять, дополнять и заново

переводить, что только сегодня удалось мне все закончить — и сегодня же посылаю Вам две эти готовые песни.

Волнует меня сомнение — не поздно ли? Но независимо от какого-либо актуального применения перевода мне интересно и дорого Ваше мнение. Что же получилось все-таки в итоге моих потуг?

Что касается подлинного текста, то владелец книги, Александр Иванович Смирницкий, предполагал увезти с собою на север, месяца на 2, чрезвычайно дорогую для него, почти настольную сагу, чтобы перманентно ее перечитывать.

Поэтому он переписал две переведенные мною песни — с большой тщательностью.

Если перевод состоится, то он, вероятно, также примет участие в работе.

Простите за опоздание. Жму Вашу руку.

С уважением *Б. Айхенвальд*

Бирукова Е. — Шпету Г.

7 ноября 1934 года

Многоуважаемый Густав Густавович!

Посылаю Вам на отзыв мои пробные переводы «Венеры и Адониса» и «Лукреция» — по 100 строк каждого. Интересно будет узнать Ваше мнение. Через некоторое время разрешите позвонить Вам.

Всего хорошего

Бирукова

Богословская М. — Шпету Г.

8 декабря 1934 года

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

до меня дошли слухи, что Академия всерьез не на шутку собирается заключить со мной договор на перевод По, но при этом требует, чтобы я представила пробный перевод двух рассказов. Мне сейчас приходится развивать предельную скорость над переводом Роллинса для покойного ГИХЛА, а попутно заниматься хозяйством, топить печь и ухаживать за Сергеем Павловичем, который в этом весьма нуждается. Роллинса я должна сдать в январе, и у меня сейчас нет ни малейшей возможности заняться пробным переводом, хотя я, как Вам известно, мечтаю о По уже полгода. Я очень боюсь, что Вы

заподозрите меня в хитрости, самонадеянности, лени и прочих не-
свойственных мне пороках, и все же решаюсь просить Вас, чтобы
Вы убедили Академию заключить со мной договор без пробы, а я уже
обязуюсь Вам стараться из всех сил и перевести как можно лучше.

Как поживает Джойс в Академии? Ведь Лев Борисович соби-
рался отдать его Вам на расправу и попечение? Надеюсь к концу
января приехать ненадолго в Москву, но если договор на По мож-
но было бы заключить раньше, это меня бы очень выручило.

Сергей Павлович шлет Вам сердечный привет.

Привет и благодарность

М. П. Богословская

ГИХЛ — Шпету Г.

2 августа 1931 года

<на бланке:> ГИХЛ

Москва, ул. 25 Октября (б. Никольская), 10,

тел. для справок 5-50-25

Брюсовский пер. 17, кв. 16

Г. Г. Шпет

Уважаемый Густав Густавович!

Прошу Вас взять на себя редактуру «Август» Кнута Гамсуна.
Полякова не удалось разыскать.

Условия: 25 р. за лист. Срок — чем скорее сделаете, тем лучше,
но вероятно, 2 — 2 ½ месяцев Вам будет достаточно?

В случае Вашего согласия позвоните, пожалуйста, секретарю (я
уезжаю в отпуск), чтобы был заготовлен договор с Вами и чтобы
Вам послали рукопись, если Вас затруднит зайти за нею.

Уважающий Вас

Редактор Отдела Иностранной Литературы *Соболевский*

10 октября 1931 года

Брюсовский пер. 17, кв. 16

Тов. Шпету Г. Г.

Редакция классиков ГИХЛ'а направляет Вам копию договора
на «Анну Каренину» Толстого (на англ. яз.)

Секретарь редакции

Сафонова

20 марта 1932 года

<на бланке:>

ГИХЛ

Москва, ул. 25 Октября (б. Никольская), 10,

тел. для справок 5-50-25

Брюсовский пер. 17, кв. 16

Г. Г. Шпету

Уважаемый Густав Густавович.

При сем гранки 50—65 «А. К.». Гознак просит Вас в весьма спешном темпе прочесть эту корректуру. Он гарантирует нам срочный выпуск книги при условии конвейерного оборота корректур.

Нельзя ли Вам организовать от себя немедленную, по прочтению, доставку нам гранок? Это сэкономило бы несколько часов, если не более, времени.

С приветом, *Н. И. Гарвей*

21 августа 1932 года

<на бланке:>

ГИХЛ

Редакция русских и иностранных классиков, тел. 37-09

Многоуважаемый Густав Густавович!

Посылаю 20 листов 1 тома верстки для самого срочного исправления. Если не все, то по крайней мере 10 листов нам нужно будет получить от Вас не позднее 12 часов 23-го числа.

С приветом

Подпись

P. S. Что же Вы не присылаете доверенность?

16 сентября 1932 года

<на бланке:>

ГИХЛ

Производственный отдел ОПИ, тел. 4-81-13

Многоуважаемый Густав Густавович!

Будьте добры не отказать в любезности перевести на английский язык прилагаемый при сем перечень.

Когда можно будет прислать за ним, Вы мне позвоните, и я пошлю курьера.

С приветом

Подпись

27 декабря 1932 года

Выписка из протокола № 24

Заседания редколлегии детского, ср. и ст. возраста

Слушали:

§ 2. О рукописи Диккенса «Холодный дом». Дог. 11268. Объем 25 п.л. по цене 70 р. л. Тираж 10 тыс.

Постановили: Ввиду того что рукопись не была издана в течение 22 месяцев и не может быть выпущена в печать в течение установленного срока, удовлетворить ходатайство т. Шпета о повышении гонорара до 125 рублей при условии подписания дополнительного соглашения о продлении договорного срока выпуска на 1 год.

Председатель
Секретарь
Верно: А. <Ф>

Лядова
<Подпись>

2 января 1933 года

<на бланке:>

ГИХЛ

Служебная записка № 2

Кому: Г. Г. Шпету

От кого: Н. И. Гарвея

Уважаемый Густав Густавович.

Шлю Вам, с Вашего разрешения, оригинал письма, — соблаговолите по переводу его передать упомянутой Вами машинистке. Прилагаю несколько бланков, желательно 1–2 написать на бланке и дать хоть 1 копию — на обыкновенной бумаге.

Заранее благодарю Вас.

Н. И. Гарвей

17 января 1933 года

Управление производством государственных знаков
ГОЗНАК

Коммерческий отдел

Служебная записка

В ГИХЛ Н. И. Гарвею

Направляю Вам страницы кн. «Анна Каренина» 75, 76, 77, 78, 86, 118 и 378 для уточнения исправлений.

Вернуть необходимо сегодня до 12 ч. дня.

Подпись

17 января 1933 года

<на бланке:>

ГИХЛ

Служебная записка № 12

Кому: Г. Г. Шпету

От кого: Н. И. Гарвея (ГИХЛ)

Уважаемый Густав Густавович.

Только что получены из Гознака полосы 75 — 78 и 86, 118 и 378. Гознаковские корректора просят от Вас разъяснений. Из приложенной записки Гознака вы усмотрите, что дело срочное. Будьте добры — дайте точные указания, посланный наш у Вас обождет и поедет обратно в Гознак.

На каждой полосе дайте свою визу.

Ох, мильон терзаний!

Н. И. Гарвей

28 марта 1933 года

<на бланке:>

ГИХЛ

Служебная записка № 71

Кому: Г. Г. Шпету

От кого: Н. И. Гарвея

Вступительную статью Гознак выправил, Густав Густавович. Завтра она с полудня пойдет в печать. Прошу Вас просмотреть прилагаемую корректуру еще раз и подписать ее к печати.

Все это очень срочно. Хотел лично быть у Вас, но нет возможности. Прошу ответить по телефону 5-50-09.

Н. И. Гарвей

9 июня 1933 года

<на бланке:>

ГИХЛ

Служебная записка № 115

Кому: Г. Г. Шпету

От кого: Н. И. Гарвея

Уважаемый Густав Густавович.

По мере отпечатания листов второго тома «Карениной» Гознак присылает нам по экземпляру, прося просмотреть их и, буде окажутся дефекты, указать их.

Не откажите проверить эти листы 2–7 — нет ли в них каких-либо опечаток и сообщите нам по телефону.

С приветом

Н. И. Гарвей

15 июня 1933 года

<на бланке:>

ГИХЛ

Служебная записка № 120

Кому: Г. Г. Шпету

От кого: Н. И. Гарвея

Уважаемый Густав Густавович.

Просьба к Вам — переведите две строчки текста Гознака для помещения во втором томе. (Как Вы полагаете, на каком ставить месте?)

А также проверьте текст колофона.

Они очень торопят нас. Курьер обождет у Вас.

Н. И. Гарвей

Без даты

Т. Шпету Г. Г.

Уважаемый товарищ!

Государственное издательство художественной литературы направляет Вам для подписи договор на Вашу работу

Диккенс «Холодный дом».

Просьба подписать и вернуть нам по адресу: Москва, Центр, ул. 25 Октября, 10/2, ГИХЛ, Юрчасть

Юрисконсульт

Подпись

Без даты

<на бланке:>

ГИХЛ

Финансовый сектор, тел. 2-79-81

Дорогой Густав Густавович!

Не в службу, а в дружбу — очень прошу Вас перевести нам это письмо.

Хочется скорее знать его содержание, а знающих хорошо английский язык сейчас у нас нет.

С приветом <Подпись>

Дьяконов М. — в издательство Academia

5 марта 1933 года

Издательству Academia, Москва

М. А. Дьяконов

Ленинград 101, ул. Скороходова 9, кв. 24

<В левом углу надпись:> Г. Г. Шпету 7 марта 1933 года

Многоуважаемые товарищи!

Хотя я окончил чтение гранок первого тома Теккерее еще 3-го ночью, но, к сожалению, не мог выслать их Вам ранее. Гранки были получены от Вас 24 февраля; за это время я сверил снова текст перевода с английским оригиналом; а также с присланной мне рукописью (которую я оставляю у себя).

Должен сказать, что *часть* исправлений, сделанных красными чернилами, я вынужден был восстановить, так как *эти* исправления были произвольны, а иногда даже изменяли смысл оригинала. Например, гранка 137-я. Исправления, сделанные лиловыми чернилами, в большинстве случаев *оставил*, хотя они тоже более чем произвольны, — но зато они не имеют значения для правильного понимания текста. Эти «лиловые» исправления чаще всего относятся к таким случаям: у меня сказано: «сказал», исправляется: «произнес»; у меня «произнес» — исправлено: «сказал» и т. д. Вообще «лиловый» редактор почему-то систематически пишет: «заметил», «подтвердил», «произнес», «промолвил» и т. д., когда в оригинале всюду написано просто «сказал». Но, повторяю, я оставил эти поправки без изменения. Во многих случаях «лиловый» редактор переставляет по своему слова, без всякой в том нужды. Примеров тому много. Но я и эти места в целях экономии не восстанавливал (хотя крайне этим возмущаюсь!) Поправки «красным» — вообще являются поправками *по существу*; с ними можно спорить, но они являются настоящими редакционными изменениями. «Лиловые» же часто делаются лишь потому, что редактор, очевидно, считает неудобным для себя пропускать десятки страниц без изменений! Если бы у меня было время, и если бы не надо было беречь труд наборщика и деньги издательства, то я обязательно восстановил бы все «лиловые» исправления или большую их часть. Есть описки, которых не заметили ни «красные», ни «лиловые», — но я сам нашел их при сверке с английским текстом.

Кое-что все-таки я должен отметить.

На одной из первых гранок слово «богоподобная» исправлено в «идолообразная». Это совершенно неверно. В оригинале — *godline*. На гранке 20 исправлено «она смотрела на ковер», тогда как в оригинале сказано: «прутья ковра» (очевидно, те прутья, которыми прикре-

плен ковер к лестнице). Я оставил исправление в силе для легкости фразы. На гранке 33 приписано: «не с анисом, а с изюмом». В моем английском оригинале этих слов нет. На гранке 39 исправлено было: «могучий вид», вместо употребленного мною эпитета. «Могучий» я уничтожил, так как, по-моему, такого вида ни у кого не бывает! На гранке 174 прибавлено: «запинаясь», когда в оригинале этого слова нет, но я оставил его. На гранке 90 фамилия героини вместо Грэфтон, как у Теккерея, переделана в Доусон. Я оставил эту поправку, так как в дальнейшем сам Теккерей называет этот персонаж Доусон.

Во многих случаях нет примечаний к таким словам, где их следовало бы ожидать. На гранке 40 не объяснено выражение *tête-à-tête*, но в дальнейшем оно объясняется *дважды*. Нет примечания к слову «спенсер» (гранка 47); к имени «герцог Веллингтон» (гранка 155). На гранке 140 вместо «Майское поле», как в оригинале, исправлено «Марсово поле». Я оставил эту поправку. Нет моего пояснения диккенсовского персонажа «Уэллер» (гранка 52).

Так как я, повторяю, *снова* сверил текст с оригиналом, то этим самым все недоумения корректора нужно считать разрешенными. Все его пометки на отдельном присланном мне листке так или иначе отражены в проверенном мною русском тексте. Поэтому все имена должны писаться так, КАК ОНИ МНОЮ ОСТАВЛЕНЫ В ГРАНКАХ:

Просьба к товарищу корректору: надо, чтобы Найтсбридж оставался всюду; кажется, я где-то пропустил: «Рыцарский мост». Сейчас уже не могу снова искать. То же самое относится к словам: «Челтенхэм» (а не Чалтенгэм) и олдермен, и Олдерсгэт (а не ольдермен и Ольдерсгэт). Конечно, точной фонетики не удалось выдержать, и во многих именах она условна. Но нелегко в романе насаждать разные условные значки, как это принято в учебниках фонетики.

Теперь замечание насчет шрифтов. К сожалению, они не выдержаны. В нескольких случаях выбор шрифтов для разных ПИСЕМ неодинаков. Один раз героиня подписывается петитом и курсивом, другой раз — полужирным при кегле 12 и т. д. Адрес и дата вверху письма почти всегда петитом, а текст письма — своим. Получается разнобой. Нужно также соблюдать ОТБИВКУ пробелов. Я всюду это отметил. На гранке 124 шрифты письма особенно неудачны! Шрифты глав тоже не выдержаны. Необходимо все это проверить.

Сверяя гранки, я невольно вел и типографскую корректуру, поэтому Вашим корректорам нужно только внимательно все проглядеть, ОСТАВИВ ВСЕ ИСПРАВЛЕНИЯ, КАК У МЕНЯ! В одном случае героиня говорит вместо «букет» — «пукет». Корректор исправляет снова на «букет». Прошу НИКАКИХ ИСПРАВЛЕНИЙ ПО СУЩЕСТВУ БОЛЬШЕ НЕ ДЕЛАТЬ!

Запятые расставлены «лиловым» редактором во многих случаях совершенно произвольно. На это жалуется еще у Чехова тюремный смотритель Яшкин. Советую найти и прочитать! Кстати, тот же «лиловый» не всегда разбирается с косвенными падежами от местоимений «он» и «свой». Поэтому иногда получаются курьезы. Например, «Мистер Джордж прислал Вас сюда оскорблять *своего* (исправляется на “его”, а потом снова на “своего”) отца, не так ли?».

Ну, вот, кажется, и все. Да, еще одно. Цитаты отмечаются в тексте звездочкой, а внизу, где приведен перевод, цифрой. Надо бы выноски отмечать тоже звездочкой, поскольку примечания нумерованы.

Теперь сажусь за редактирование третьего тома. Когда окончу работу, сейчас не могу обещать, не зная, много ли придется править. Ожидаю присылки второго тома в гранках. Исправленную рукопись первого тома оставляю у себя для выверки имен собственных. Хорошо было бы, если бы Вы прислали мне и верстку тома I для той же цели. Должен сказать, что набран текст хорошо, типографских ошибок очень мало. Но есть пропуски — иногда значительные.

Гранки высланы Вам заказной бандеролью вместе со страницами I—8, на которых написано «дубликат». Это разметка шрифтов.

Получение гранок прошу меня подтвердить.

С искренним приветом *М. Дьяконов*.

П. С. На гранке 181 редактор (или корректор) изменяет слово «*тратта*» (переводный вексель) на слово «*трата*». Старик Осборн вспоминает о *траттах сына*, которые тот выдавал *на него*. А мне исправляют: «траты сына, произведенные им». В другом месте: (гранка 194) «адъютанты судебного пристава — *aides de camp*» — исправлены на «помощников».

М. Д.

Ивашева В. — Каменеву Л.

7 мая 1934 года

Ленинград, Басков пер. 27, кв. 1.

В. В. Ивашевой.

<В левом углу: чернилами:> Горбову,

<карандашом:> Тов. Шпету.

Уважаемый Лев Борисович,

Несколько дней тому назад я получила ваше предложение указать те темы статей, которые я могла бы дать для предполагающейся у Вас Энциклопедии Диккенса.

Мне чрезвычайно трудно ответить на этот вопрос ввиду того, что я совершенно не представляю себе, какого типа предполагается издание, какой круг тем будет им охвачен и каков должен быть объем и характер помещаемых в нем статей.

Охотно принимая предложение принять участие в составлении энциклопедии, тем более что монография моя по Диккенсу за это время была принята к печати другим издательством, я очень просила бы Вас дать мне возможность хотя бы в некоторой мере ознакомиться с планом предполагающегося издания, прежде чем конкретно указать те статьи, которые я могла бы предложить Вам для помещения в нем.

Без учета характера и объема предполагающегося издания я могла бы предложить следующие статьи:

Диккенс как представитель буржуазного реализма в Англии (концепция Диккенса как писателя индустриальной буржуазии в Англии 1836—1870 гг.)

Диккенс и его переписка (политические высказывания Диккенса, заметки по вопросам творчества и пр.)

«Колокола» Диккенса как художественное выражение настроений английской буржуазии в эпоху затухания чартизма.

Ивашева

Ланн Е., Кривцова А., Шпет Г.

Шпет Г. — Ланну Е.

<май—июнь 1931 года>

Дорогой Евгений Львович,

Ввиду того что Вы просили не делать резких, не поддающихся ластику, отметок в рукописи — (бумага в самом деле отвратительная, и рука у меня тяжелая...) — я в рукописи ставлю только signa, а свои consultations представляю Вам отдельно:

Стр. 1.

(1) — «Пиквикцы» — не хорошо. Явно, это образование а) не оригинальное («купец», «пловец» и т. д.), б) не уменьшительно-ласкательное («юнец», «отец», «дворец»), с) не аборигинальное («новгородец», «европеец»), — значит, собирательное, как «беспоповцы», «нечаевцы», «толстовцы»; но тогда образование носит объективный характер, и ловчее было бы сказать: «пиквиковцы», («Лановцы», скажем, или «Ланцы»), но я и этого не рекомендую

в силу двусмысленности соответствующего прилагательного, — «пиквиковский», — кому же присущий, свойственный: Пиквику или его последователям (как, например, «толстовский», «нечаевский»)? (resp. «Пиквикинцы»?)

(2) Первая половины фразы недостаточно дает стиль:

a) изменено время, — прошедшее вместо настоящего;

b) просто нехорошо: «Первый луч... проливают (?)... строки»;

c) не переведено слово *dazzling* (если даже принять замену образа: «заливать» вместо «превращать»);

d) не переведено *would appear*;

e) не переведено *the perusal*;

f) дважды переведенное *entry* («строки — выписки») явно меняет стиль.

(3) Лаконическая передача двумя словами этой фразы сглаживает тон цитируемого протокола: общий тон пустословия.

(4) В фразе нет равновесия, адекватного подлиннику: «неподдельное удовлетворение» по-русски неясно, но, пожалуй, фигурно; «большая радость» (если даже принять неточность, отступление от буквальности) как выражение бесцветно, а для «протокола» более приподнято, чем безличное *unqualified approved*.

(5) «Ассоциация» по-русски звучит более определительно, чем по-английски.

(6) «Хемстедских» — к произношению ближе, чем «Хемпстедских».

(7) Весь абзац разбит у вас на две точки: по-русски читается легко, но сглаживает некоторую вычурность подлинника; в особенности это относится к первой фразе, где количество слов у вас почти вдвое меньше, чем у Диккенса, и стилистически намеренное многословие «протокола» не передано.

(8) Мне кажется, «Хорнси» ближе к произношению, чем «Хорнсей», тем более что русский читатель, вероятно, будет склонен читать «Хорнсэй».

Стр. 2.

(1) В первой половине абзаца две точки с запятой Диккенса слиты в одно предложение, и целая фраза: *are hereby nominated and appointed members of the same* передана одним словом: «в составе». Стилистическая вычурность сглажена.

(2) Во второй половине абзаца пропуск слов *from time to time, authenticated, stationed*, если и мало влияет на смысл, все же упрощает фразу стилистически.

(3) «... равно как о направлении всех материалов и документов, каковые могут быть получены или на месте, или предоставлены местными ассоциациями», — весь этот пассаж у Диккенса я по-

нимаю в смысле почти что противоположном: вместе со всеми рассказами и статьями, повод к которым могут дать местная обстановка или вызываемые ею мысли («ассоциации»)

(4) В именах, мне кажется, не выдержана транскрипция: Топмен, но Огёстус (ё, по-моему, вообще ничего не передает; *o* — *принято*, но я, может быть субъективно, слышу здесь звук средний между *a* и *ö*, собственно *a*, произносимое через вытянутые губы, а не из гортани, т. е., на мой слух, ближе всего к русскому неударному *a* только что не из глубины рта, и хотя <гласное> *u* — ударное, например, *cut* — ближе к «кОт» или к «кАторый», *топеу* — ближе к «мОн» или «мАня», *соте* — ближе к «кОм» или к «Амок?»); у в последнем слогe Огёстус не имеет основания, я бы писал: Огастес. Также: «Натениель», — почему НА, но ТЕ; я пишу *e*, где у вас *э*, но потому, что просто не постигаю по-русски *э* после согласной (порусски, для моего уха, это монстр какой-то!), и я скорее допустил бы *э* после гласной (например, Нетениэль) или в начале слова (хотя и тут Эвклиды и Эврипиды умирают, оставляя место Евклидам и Еврипидам). И кстати: Уинкль, но эсквайр?

(5) Пропуск различия *be, to are hereby*... сглаживает и упрощает то речи.

Стр. 3.

(1) Пропущено *notes*.

(2) Мне кажется, здесь напрасно «секретарь» *выведен из скобок*. Диккенс, и более зрелый, любит запутываться в местоимениях и находит выход в скобках, так что это вообще один из его стилистических приемов; в данном случае и независимо от этого получается неудобство: секретарь добавляет, что... наблюдатель не нашел бы ничего ...в очках, устремленных в лицо («секретаря» (*so?*))! Думаю, что Диккенс не сумел справиться здесь с синтаксисом, а для общего тона («репортерской» деловитости: некогда, мол, исправлять и оттачивать фразы) «испортил» фразу скобками.

(3) Лишнее слово.

(4) «Помаргивают» идет вразрез с общею (хотя и деланно-банальной) приподнятостью тона;

<отсутствует страница>

третья — имплицитный. — Дальше пункты, относящиеся к тому же предложению в частностях конструкции и содержания.

2) «В время» вместо *to assist* ослабляет риторику.

3) «Поза на возвышении позволяет лицеизреть... брюки!!!». Но у Диккенса: и сказано: возвышенная позиция, позволяющая лицеизреть, ибо какая же «поза на возвышении» давала бы возможность

Топмену *скрыть* свои брюки? Позволяет лицезреть не «поза», а само «возвышение».

4) «Облегающие» — просит ответ на вопрос: что? Не лучше ли вместо «плотно облегающие» — туго натянутые?

5) «Буде они облекали» здесь нельзя сказать. По смыслу — «Буде б», но лучше сохранить более спаянное построение Диккенса: «которые, если бы» или «которые, облекай они...»

6) «Благодаря своей близости к мистеру Пиквику» — вместо *when Pickwick clothed them!* а) утеряна игра противопоставления: *they clothed a man — Pickwick clothed them*; б) не улавливаю основания для введенной Вами шутки и потому ощущаю, как искажение текста — можно подумать, что Вы ошибочно приняли *clothed* за *closed* или что-нибудь в этом роде.

7) У вас неясно, за какое свое выражение извиняется Диккенс. Получилось благодаря предыдущему пункту. Думаю, что извинение Диккенса относится к *inspired*; поэтому нельзя сохранить и последующее «вызывают» (за что же тут извиняться?), а тем более «они вызывают».

8) *Prospit and respect* не усиливает, а ослабляет юмор замечания.

9) Повторенные «мужи» не совсем адекватно повторению относительного местоимения у Диккенса. Можно было бы и оставить, но так как все равно, фразу надо переделывать из-за конструкции целого, то, кажется мне, лучше и здесь дать координированные относительные придаточные.

Стр. 4.

(1) «По правую его руку» — лучше «по правую руку от него».

(2) «Мальчишеский энтузиазм... в любви» — не слишком ли эмфатически? Может быть, лучше: «юношеский»?

(3) «Этой фигуры» — резко; мягче — «его».

(4) «Помаленьку» — не совсем в тон остальному.

(5) Лучше не пропускать *gradually*, иначе и к «подбородку» можно отнести «дюйм за дюймом».

(6) «Основная страсть» — не очень гладко, — «преобладающая», «господствующая»?

(7) «Знаменитый муж» — был только что (стр. 3), лучше ближе к подлиннику: *great leader*; также не стоит повторять «руку». Когда ему хочется, Диккенс сам любит играть повторами.

(8) Здесь, как и выше (о Топмене), не переведено *gat*, — может быть, для конкретности лучше оба раза перевести?

(9) «Спортсмен Уинкль» — кажется скучноватым, не лучше ли «спортивный Уинкль», тем более этот эпитет употреблен параллельно к «поэтическому».

(10) Мне кажется, если бы Диккенс имел в виду «воротник (плаща) из собачей кожи», он употребил было слово *leather*.

(11) «Communicating additional luster» — изысканнее, чем стертое: «украшал своей персоной».

(12) «Шейный платок» — очень переводно, в свободной речи едва ли услышишь.

(13) Drab — не просто «брюки», а определенного цвета (светло-серого, мышиного); в связи с этим удобно ли «зеленый... костюм»?

(14) «Много имели общего» — бесцветнее оригинала.

(15) «Организации» абстрактнее, чем «Bodies».

(16) Кажется, здесь больше подходит «великих людей», чем «великих мужей».

(17) Вместо «выписку» не лучше ли «протокольную запись»?

К стр. 2. <карандашом>

А) а, Из трех соподчиненных фраз одной относительной структуры: from ...ing, две первые у вас переданы одной фразой <кондиционной> структуры,

б, третья же неправильно усваивает одной себе финальное определение, которое должно быть включено в предложение, управляющее всеми тремя названными фразами

<далее — чернилами:>

В) <Нрзб.> период состоит из трех предложений однородной структуры; первые два предложения у вас слиты в одно, третье — структуры, стилистически отступающей от оригинала.

Стр. 5.

(1) Может быть, это придиричиво, но все же: «жажда заслуженной славы» для the desire earning fame — не совсем тот оттенок (как если бы было earned)

(2) «Молва людская — цель его жизни, любовь к человечеству — главный жизненный принцип». Это — та фраза, которую Вы приводите в письме, но мне кажется, вы не только «отступили от подлинника», но и смысл ее истолковали едва ли правильно.

Думаю, что his insurance office должно быть соотнесено к fire предыдущей фразы, значит в «любви к человеку» для него гарантия «страховое бюро», но никак не «главный жизненный принцип». Труднее — his Swing. Если бы было his swing (с маленькой буквы), т. е. что-нибудь вроде «стимул», «движущая причина», то еще можно было сказать «цель его жизни», но так как это известное Вам (мы подробнее говорили об этом по телефону) собственное имя, то соответствующий ему смысл можно передать выражением едва ли не прямо противоположного значения: «угроза», «предостережение» или что-нибудь в этом роде.

(3) Пропуск слов. И стоит ли менять число: единственное на множественное?

(4) Несколько смягченно.

(5) Упрощенно синтаксически и стилистически: три строки передано ровно тремя словами (зато дальше пришлось вставить лишнее слово, без которого можно обойтись).

(6) «Человек маленький» вместо «человек скромный», — кажется мне, здесь придает оттенок самоуничижения, чего в общем тоне речи Никвика нет.

(6) «Изобилующего опасностями» для of some danger, пожалуй, не нужное усиление ни по смыслу, ни по тону.

(7) Пропуски.

(8) Мне кажется, следует покончить с «дилижансами» у Дикенса. Речь идет о каретах.

***

Я должен остановиться на этом, чтобы не затягивать все дело. Лучше я переведу это все «по-своему», чтобы и Вам, и себе сделать нагляднее, в чем мы расходимся. Я переведу, не приноравливаясь к вашему тексту, как сделал бы, если бы редактировал его, а совсем заново. Так, мне кажется, яснее будет разница в нашем понимании толковании как смысла, так и стиля и тона (конструкции и экспрессии). Понятно, что получается на вид большее расхождение, чем есть на самом деле. Я подчеркну места, которые я вовсе не могу принять; стилистические расхождения отмечу на полях знаком S, а пропуски, которых, по-моему, не следовало делать, заключу в четырехугольники. Прибавлю, пожалуй, еще строчку: то место, где вступает Джингль (отметил ее, главным образом, в интересах уразумения наших пониманий стиля).

***

Дорогой Евгений Львович, приняв все изложенное во внимание и сличив переводы, вы, вероятно, просто не согласитесь на такую правку перевода, которую я себе представляю. Я же отнюдь на непогрешимость не претендую. Больше того, готов признать, что ваш перевод читается *легче* моего, но я добиваюсь прежде всего адекватности (ведь мы переводим классику! Имею в виду требования, предъявляемые к переводам настоящего автора). Может быть, я и не достигаю цели, но вы согласитесь со мною, буде бы вы далее признали мои изменения, что на меня падет работа (я просмотрел 80 страниц), размеры которой ни Вы, ни я себе не представляли, и это, конечно, я при данных условиях вынужден от этой работы отказаться. Не сердитесь и не пеняйте на меня, пожалуйста! Я огорчен, наверное, больше вас (если вас это вообще огорчает), и страдаю, конечно, только я — и морально, и материально. Как отменить мой отказ, решим при свидании.

Жму руку.

С низменным уважением.

Ланн Е., Кривцова А. — Шпету Г.

5 июня 1931 года

Москва

Дорогой Густав Густавович¹,

Наш длительный разговор и тщательное наше ознакомление с замечаниями к переводу выяснили для нас необходимость радикально изменить характер нашей совместной работы над Пиквиком. Наш акцент на одной стороне стиля — на экспрессии (Вы сами это отметили в разговоре) и Ваш акцент — на конструкции — друг друга дополняют, а ваше исключительно добросовестное отношение к консультантским своим обязанностям естественно переводит Вашу работу на другие рельсы. Иными словами — оставаться Вам консультантом по переводу при выяснившихся условиях нельзя.

Но во время боя нельзя и покидать «поле битвы» на том основании, что одна из соседних частей ведет иную тактическую линию — не ту, какая представляется правильной другой. А у нас, дорогой Густав Густавович, — бой, жестокий бой, и отнюдь не только в связи с переводом Пиквика.

Нам представляется единственно правильным и возможным такой выход: Вы много поработали над Пиквиком, полный перевод этой книги имеет «будущее», и не стоит проходить мимо тех возможностей, какие открываются в связи с этим «будущим». После обмена мнений с Вами нам кажется совершенно необходимым привлечь Вас (формальная сторона — Ваше соглашение с ГИЗом, разумеется, не играет никакой роли) в качестве сопереводачика на равных с нами правах. Как я мыслю себе эту работу? Перевод Пиквика мы поделили с А. В. пополам, причем каждый из нас редактирует перевод другого. Теперь мы делим перевод на три части (возьмите хотя бы последнюю, дабы у Вас было больше времени), и посему каждый из нас дает для редакции свою часть двум сопереводачикам. На титульном листе посему мы и пометим «коллективный перевод таких-то» (так мы собирались переводить Джойса).

Меньше всего Вы можете опасаться, что А. В. и я будем отстаивать *quand même* те наши варианты, которые вызывают Ваше категорическое возражение, равно как не думаем, чтобы и Вы отстаивали принципиально каждую свою фразу. По тем же фразам, кои вызывают у нас сомнение, договориться будет крайне легко.

В связи с этим, разумеется, изменяется и степень Вашего участия в «прибылях и убытках». Как Вам известно, Густав Густавович, мы заключили договор с ДБО на 40 авторских листов, тираж 100000 эк-

¹ <Письмо Е. Ланна написано рукой А. Кривцовой>.

земляров по 140 рублей за лист (50 + 30 + 30 + 30) на таких условиях: 25% аванс от всей суммы, 35% — по сдаче рукописи и 40% по подписанию корректуры. Указанные 35% разбиваются на 4 срока по сдаче каждых 10 листов, окончательный подсчет производится, как всегда, при третьем платеже. (В Пиквике 45 листов, не меньше). Да, Вы к тому же заключили соглашение по 20 рублей за лист. Итого 160 рублей за лист. Итого 160 рублей за лист, и каждую полученную сумму мы разделим на 3 части (считая, конечно, и наши авансы).

Вполне понятно, что во всех переизданиях в ДБО, равно как и в случае издания Пиквика в другом издательстве, Вы участвуете и в доходах и в расходах (машинка!) на равных правах с нами. Если заключать договор с другим издательством, быть может, и нельзя от имени нас троих, то настоящее наше письмо имеет юридическую силу.

Простите, что на этих пунктах, вполне очевидных, я останавливаюсь — виной моя юриспруденция.

*Е. Ланн
А. Кривцова*

14 июня 1931 года

Москва
Г. Г. Шпету

В связи с необходимостью более тесного участия Вашего, Густав Густавович, в нашем переводе «Посмертные записки Пиквикского клуба» Диккенса для ДБО мы считаем совершенно обязательным распространение на Вас наших авторских прав на перевод (равно как и обязанностей) на следующих условиях:

1) В дополнение к получаемому вами редакторскому гонорару из ГИХЛа за первое издание в ДБО в 100 000 экземпляров мы выделяем Вам в сроки наших получек часть гонорара с тем, чтобы общая сумма, Вам полагающаяся, была равна 30% нашего полистного гонорара.

2) В случае переиздания книги в ДБО мы выделяем Вам 30% нашего гонорара в сроки наших получек.

3) В случае издания книги в других издательствах мы выступаем с Вами как сопереводчики, с сохранением за вами 30% со всех причитающихся за издание сумм.

4) На титульном листе всех без исключения изданий книги надлежит пометать: «Полный перевод А. В. Кривцовой и Евгения Ланна с участием и при консультации Г. Г. Шпета».

*А. Кривцова
Е. Ланн*

Без даты

Дорогой Густав Густавович,

Мне бы хотелось посоветоваться с Вами касательно фраз:

1. На стр. 5 (рукопись) отмечено красным слева. Мы перевели эту фразу, отступив от подлинника. [The praite of mankind was his Swing, philanthropy was his insurance office].

2. На стр. 24 (рукопись), мы пропустили: not double distilled, but double milled.

3. На стр. 72¹ (рукопись) Надлежит подумать над игрой слов: She's a miss², she is; and yet she an't a miss.

Хотелось бы сохранить; пока я не сохранил.

Крепко жму руку. *Ланн*

8 августа 1932 года

Грузия, Боржом Парк.

Почтамт до востребования Е. Л. Ланну

Милый Густав Густавович, залез в Боржом, проехав по этой вот дороге. Начал работать <и> — этой работы — тьма. Часто вспоминаем о Вас. Очень бы хотелось получить от Вас информацию о maestro Милашевском и вообще обо всем.

А.В. приветствует. Крепко жму руку, *Е. Ланн*

Ланн Е., Кривцова А. — в ГИХЛ

<июнь 1931 года>

В ГИХЛ

<Заметка карандашом, рукой Ланна>

Настоящим сообщаем, что в целях более тесного сотрудничества с Г. Г. Шпетом и ускорения полного перевода книги Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» для ДБО мы привлекли Г. Г. Шпета сопереводчиком при переводе указанной книги. Г. Г. Шпет берет на себя перевод четвертой части книги, разделяя с нами солидарно все права и обязанности по нашему договору.

<приписка внизу рукой Шпета>

Если ввиду настоящего соглашения Издательство не признает возможным оплатить мне редакционный гонорар за принятый мною на

¹ <Цифра «2» исправлена рукой Шпета на «3»>.

² <Буква М в слове «miss» исправлено рукой Шпета на заглавную: «Miss»>.

себя в 4-й части перевод «Записок Пиквикского клуба», прошу 25%, причитающегося мне по договору редакционного гонорара удержать из последнего (третьего) предусмотренного договором платежа.

Соглашение Е. Л. Ланна с Г. Г. Шпетом о консультации при работе над переводом романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба»

<июнь 1931 года>

<сверху карандашом:> Соглашение со Шпетом

Г. Г. Шпету

В связи с необходимостью более тесного участия Вашего, Густав Густавович, в нашем переводе «Посмертные записки Пиквикского клуба» Диккенса для ДБО, мы считаем совершенно обязательным распространение на Вас наших авторских прав на перевод (равно как и обязанностей) на следующих условиях:

1) В дополнение к получаемому Вами редакторскому гонорару из ГИХЛ'а за первое издание в ДБО в 100 000 экземпляров мы выделяем Вам в сроки наших получек часть гонорара с тем, чтобы общая сумма Вам полагающаяся была равна 30 % нашего полистного гонорара.

2) В случае переиздания книги в ДБО мы выделяем Вам 30% нашего гонорара в сроки наших получек.

3) В случае издания книги в других издательствах мы выступаем с Вами как со-переводчики с сохранением за Вами 30% со всех причитающихся за издание сумм.

4) На титульном листе всех без исключения изданий книги надлежит помечать: «Полный перевод А. В. Кривцовой и Евгения Ланна с участием и при консультации Г. Г. Шпета».

Ланн Е., Кривцова А., Шпет Г. — Каменеву Л.

4 апреля 1934 года

В Издательство Academia

Л. Б. Каменеву.

~~Мы ждали выхода 2-го тома «Записок Пиквикского клуба», чтобы поставить перед издательством вопрос об оплате нашей работы над переводом этой книги.~~

Издательство осуществило издание «Пиквика» в нашем переводе, приобретя у нас перевод за 75 руб. лист при тираже 5000 экз.

Цена эта ничтожная, если принять во внимание трудность перевода, тщательность нашей работы и участие *трех* авторов перевода.

Мы добивались в процессе издания максимального улучшения перевода этой книги — одной из самых ответственных книг в мировой литературе.

Мы сделали все, что могли.

За 10 000 экземпляров мы получили бы по нормальным расценкам по 320 руб. с листа. Нам же было уплачено по 120 рублей с листа!

Мы имеем моральное право просить издательство повысить нам оплату нашей работы, ибо кроме буквы договора есть еще... справедливость.

Это за 1-е издание «Пиквика»! — За книгу, которая является «одной из лучших книг “Academia”»

*А. Кривцова
Е. Ланн
Г. Шпет*

<Резолюция Л. Б. Каменева>

Е. Л., ждать выхода II тома (и месяц после того) для возобновления этого вопроса с Вашей стороны было очень... великодушно, но, боюсь, нерасчетливо. Пожалуй, бухгалтер не согласится повысить оплату продукции, уже скалькурированной и вышедшей на рынок! Л. Б.

Поляков С. — Шпету. Г.

11 августа 1933 года

В.О.

<на бланке>

ЛЕНПАРТИЗДАТ

Пр. 25 Октября д. 28

Тел. 1-12-78

<на бланке> Служебная записка

Дорогой Густав,

Недели две тому назад я отправил в Москву с А. С. Стрелковым 33 сонета Мицкевича в моем переводе для представления их издательству «Academia». Стрелков предполагал передать их тебе, как редактору издательства «по этой части», ввиду этого пересылаю тебе же остальные 10 сонетов. Если первый транспорт попал не к тебе, то будь добр снесись со Стрелковым и попроси его передать конец туда же, где находится и начало. Сейчас посылаю тебе вместе с рукописью это краткое уведомление, чтобы ты не был удивлен, получив «фрагменты»; если же ты мне ответишь открыткой о получении этой посылки и о судьбе предыдущей, тогда напишу тебе соображения мои по этому поводу. Целую тебя, привет Наталье Константиновне и детям

Твой С. Поляков

23 сентября 1933 года

В.О. 7-я линия, 2, кв. 19^а.

Дорогой Густав,

С большим опозданием отвечаю на твое письмо — главной причиной тому различные сомнения и колебания, которые были преодолены мной перед первой посылкой сонетов, но по получении твоей открытки с запросом, требующим нового решения, опять возникли. В письме при последней «порции» сонетов я обещал дополнительно сообщить некоторые соображения по поводу моего перевода. Эти соображения сводятся к следующим пунктам.

1) Свой перевод я не считаю окончательным. Я не производил детальной отделки того или другого сонета, не зная современных взглядов специалистов и, в частности, редакции «Академии» на то, какой держаться цезуры в сонетах Мицкевича: польской — после седьмого слога или русской — после шестого слога. Одно время я лично полагал, что при польской цезуре можно достигнуть большего приближения к тексту и большей естественности; но потом, прочтя где-то или услышав от кого-то о необходимости для русского сонета ямба и цезуры после третьей стопы (при шестистопном ямбе), я стал «перегонять» уже переведенные сонеты под этот шаблон и при этом убедился, что в некоторых случаях это явно ломает структуру стихотворения. Поэтому некоторая часть сонетов у меня осталась с польской цезурой и в анапестах, часть же в том и другом виде, а сонет «Утро и вечер» — в смешанном размере (для однообразия посылаю его сейчас переделанным на два манера, почти простой перестановкой слов). Вообще же считаю возможным в случае надобности привести текст перевода к виду (в отношении размера и цезуры), согласному с принципами редакции.

2) Посылая свои переводы «Академии», кроме непосредственного предложения, я имел в виду дать образцы своих стихотворных переводов с тем, чтобы получить при случае соответствующий заказ; работа же для меня в данный момент была бы очень кстати.

3) Так как мой перевод идет, как ты мне сообщил, на первый просмотр к поляку, то я боюсь, как бы он не счел за элементарное незнание мною польского языка — сохранение мною в некоторых случаях (в рифмах преимущественно, а иногда и внутри стиха) слов, созвучных с польскими, но расходящихся с ними по смыслу, как например, в I сонете: Lato — лето, во II — zapłonił — полонился (вместо вспламенился), в VII — (Утро и вечер) в последней строчке: jak zrana — с той же в сердце раной и пр.

Итак, покончив со всякими колебаниями, я прошу тебя перевод сонетов Мицкевича передать куда полагается.

Очень интересуюсь твоим переводом «Мистерий», но пока не читал, так как в библиотеках его пока нет (в Публичной и в Пушкинской).

Целую тебя, привет Наталье Константиновне и детям.

Твой С. Поляков

Соцэкгиз — Шпету Г.

<на бланке:>

Государственное социально-экономическое издательство
Орликов, 3. Для телеграмм: Москва Соцэкгиз, Телефоны: Зав.
Изд. 3-62-57. Произв. Сектор 3-60-07. Плановый сектор 4-42-19.
Бухгалтерия 3-58-16. Отд. Снабжения 1-07-80, доб. 57.
27/325

27 июля 1937 года

Шпет Г. Г.

Брюсовский пер., д. 17, кв. 16.

Заключенный с Вами договор за № 22234 от 13 апреля 1936 года на перевод Гегеля «Феноменология духа» расторгнут 25 сентября 1936 года.

И.о. Завед. Изд-вом

Баскаков

Сочнев Н. — Каменеву Л.

14 июня 1933 года

Лев Борисович!

Я бы очень просил Вас *немедленно* показать эксперту, которому Вы доверяете, мой перевод наряду с подлинником и переводом С. Городецкого. Эксперт скажет Вам, можно ли мне поручать стихотворные переводы. Но и он, и Вы должны иметь в виду следующие три обстоятельства.

1) Я очень спешил, т. е. не имел времени на отделку. В случае соглашения с Вами я, конечно, отделаю стихи более тщательно.

2) Язык Мицкевича неизмеримо ближе к языку, скажем, Пушкина, чем Маяковского. Поэтому я переводил языком пушкинской эпохи, считая архинелепым модернизировать Мицкевича, как считал бы неумной затеей модернизировать дом бояр Рома-

новых на Варварке увеличением площади окон и поднятием потолков.

3) Польское стихосложение — силлабическое, а русское — тоническое, распадающееся на стопы. «Пан Тадеуш» написан строками в 13 слогов каждая. Вглядываясь в них, видишь, что одни строки написаны так, что в тонические стопы не укладываются, а другие — абсолютно тождественны с нашим *анapestом* (четырёх-стопным с «женским» окончанием), например:

«Навсегд́а|позабь́л |я весну́|золоту́|ю»

○○ ́○○ ́○○ ́○○ ́○

1 2 3 | 4 5 6 | 7 8 9 | 10 11 12 | 13

У Мицкевича:

«Dom mieszká|lny niewié|lky, lecz zé|wszad chędó|gi»

○○ ́|○○ ́|○○ ́|○○ ́○

Отсюда вывод: польское ухо сто лет тому назад воспринимало около половины силлабических строк, как анапест (в «Пане Тадеуше»). Ухо русского читателя не привыкло (вернее радикально отвыкло) от силлабического стихосложения. Поэтому я все строки поэмы передал анапестом.

Привожу пятьдесят строк из самого начала поэмы.

Край родимый! Литва! Мы тогда постигаем
Драгоценность здоровья, как его потеряем.
Вот и ты — как здоровье... Безумно тоскую,
Вспоминаю сегодня твою красоту я.

Мать Божия, что Ченстохов охраняешь¹,
Светишь благостно в Острых Вратах² и спасаешь
Новогрудок³ родной с его замком и людом!
В детстве к жизни меня возвратила ты чудом:
Умирал я, а мать надо мною рыдала
И Тебе мою детскую жизнь посвящала,
Потерявши последнюю искру надежды...
Вдруг я поднял свои омертвевшие вежды
И был в силах тотчас же идти пилигримом,
Чтобы Бога восславить к святыням любимым⁴.

¹ <предполагалось примечание>

² <предполагалось примечание>

³ <предполагалось примечание>

⁴ <вариант:> «к местам, всеми чтимым».

Чудом новым в страну нас вернешь ты родную!

А сейчас унеси мою душу больную
В край лесистых холмов, в край, где Неман синее,
А над ним широко цепь лугов зеленеет,
Где полны пестрых красок хлеба: вот пшеница
Ярко золотом блещет, вот рожь серебрится;
Рапс — янтарь; словно снегом, гречиха сверкает,
А вот клевер румянцем девичьим пылает..
И увито все лентой зеленой — межою,
А на ней груши тихие видишь порою.

Средь таких же полей на холме невысоком
У ручья — березняк. Как-то в прошлом далеком
Здесь стоял барский двор. Его стены сияли
Белизной издалёка; ее оттеняли
Листья темные тополя (тополь спасает
Двор от ветра, что осенью здесь завывает).
Дом жилой не обширный, но всюду исправный.
Рядом — хлебный сарай: под стрехою весь главный
Помещен урожай, но остались три стога
Не вошедших под крышу снопов. Видно много
Тут зерна! Сколько в полночи звезд, — над лугами
Столько сена копён растянулись рядами.
На огромном пространстве пахать выезжают
Ряд плугов: черный вовремя пар подымают;
Борозда — что твои огородные грядки.
Словом, все говорит о труде и порядке.
Распахнулись ворота, как будто зывают
К проходящим и в гости их всех приглашают.

Николай Сочнев

См. на обороте.

Напоминаю Вам, что Вы хотели дать мне на рецензию перевод Городецкого. Пришлите его по адресу: Камергерский переулок, д. № 1, кв. 12. Для *Николая Сочнева*. Кроме того, Вы обещали при-слать подлинник «Марии» Мальчевского. Пришлите же!

Привет!

Н. Сочнев

Пришлите немедленно, если хотите двинуть дело, ибо сейчас в Москве моя жена и может все материалы привезти мне.

НС.

Франковский А. — в «Academia»

12 ноября 1934 года

Ленинград, ул. Дзержинского, д. 66, кв. 9

В редакционно-издательский отдел издательства «Academia»

В ответ на письмо от 9 ноября сообщаю

1) «Сентиментальное путешествие» Стерна — 6 авторских (по 40 тысяч знаков) листов. «Дневник для Элизы» (The Journal to Eliza) и «Письма к Элизе» (Letters to Eliza) в общей сложности около 4 листов. Избранные письма — около 5 листов. Таким образом *вся книга составит 15 листов.*

Известно, что письма Стерна представляют собой такие же художественные произведения, как «Тристам» и «Путешествие». Некоторые пассажи из них целиком перенесены туда. Кроме того, в них можно найти много любопытных путевых впечатлений и своеобразный авторский комментарий к «Тристаму» и «Путешествию». Я предполагал бы включить в издаваемый том письма 1) к жене, 2) к дочери, 3) к Катерине де Фурманнель, 4) к Mrs Фергюсон и два-три письма к другим женщинам, 5) к Давиду Гарику, 6) к Джону Стивенсону, 7) к Фоли, парижскому банкиру, 8) к супругам Джеймс — лондонским друзьям Стерна и еще два-три письма к неизвестным лицам¹.

2) Комментарий займет, вероятно, около листа.

3) Срок сдачи рукописи я желал бы взять довольно долгий, именно — 1 декабря 1935 года, во-первых, потому, что литературный перевод Стерна представляет значительные трудности, а во-вторых, я должен еще закончить работу для другого издательства, которую взял в перерыве между работами для «Academia»

А. Франковский

Шпет Г. — Эльсбергу Я.

9 июля 1934 года

Уважаемый Яков Ефимович!

Образцы перевода писем Диккенса, представленные Н. Ждановым, несравненно точнее и корректнее перевода Авилова, — в них налицо и хорошее знание языка, и понимание содержания. Однако в то же время видна рука недостаточно опытная, не овладевшая

¹ Пункты 6 и 8 подчеркнуты рукой Шпета карандашом. Пометки Шпета карандашом: To Sir W -; To the Earl of Shelburne; Sir G. Macartney. — Т. III.

технику современного перевода. Язык местами тяжел, шероховат и в общем ослабляет энергичный подлинник, что объясняется чрезмерным многословием и излишней буквальностью перевода. Примеров не привожу — они отмечены в самом переводе.

У меня возникают сомнения, нужно ли весь перевод делать *на-ново*: есть много фраз и выражений, которые без ущерба для дела можно взять у Авилова. Но, с другой стороны, кто согласится производить такую огромную правку, в которой нуждается перевод Авилова, — *в качестве редактора*, т. е. ответственного, но бесправного субъекта, вознаграждение за труд коего по превращению плохого перевода в хороший будет получать только плохой переводчик? Поэтому нельзя ли предложить такую комбинацию: Жданов работает в качестве *сопереводчика* и, следовательно, приобретает соответствующие права, как по первому, так и по следующим изданиям. В какой доле будет учитываться работа каждого из переводчиков — 1/3, 1/2, 2/3... — об этом они могут договориться. Такой выход мен кажется будет справедливее и для Издательства может быть менее убыточен.

В *литературной* редакции перевод Жданова, видимо, будет нуждаться.

Г. Шпет

Эттингер П. — Шпету Г.

16 июня 1934 года

Москва (66), Ново-Басманная 10, кв. 92

Dear Sir,

Посылаю Вам при сем заметку о «*Pan Tadeusz*»¹ и письмо в «*Academia*» относительно иллюстрирования III части «*Dsiadow*»², как Вы советовали.

За кулисами принимаю участие и в издании «*Marji*»³, так как снабдил иллюстратора кой какими материалами.

Жму Вашу руку

Павел Эттингер

¹ Пан Тадеуш Мицкевича.

² «Деды» Мицкевича.

³ «Мария» Мальчевского.

Раздел VI
Документы
к письмам:
доклады, стихи,
протоколы, отзывы

Шпет Г. Г.
Рецензия на книгу: С. С. Антонов. «Сны». Киев, 1900.

Перед нами сборник стихотворений нового, неизвестного поэта... Каждый год на поверхности российской поэзии выплывают эти новые неизвестные поэты. На обширном книжном рынке их товар по большей части бракуется и гниет в подвалах простодушных издателей. По отношению к такого сорта произведениям у журнальных и газетных рецензентов выработались даже особые формулы, в 10—20 словах характеризующие произведение. И читатели, и рецензенты в этих случаях сплошь и рядом поступают справедливо¹... Но бывают, конечно, и исключения. К числу этих редких исключений, не заставляющих жалеть о напрасно потерянном на чтение времени, относится и выписанная в заголовке книжечка. В ней XXV стихотворений, из них 4 в прозе, и 3 отрывка из драматического этюда. Просматривая их, читатель видит перед собою ряд настроений, приблизительно одинаковых по тону, но с разнообразнейшими оттенками. Вся книжечка — это настроение, но, к сожалению, и только. Современная жизнь со всеми ее противоречиями, тяжелыми и безысходными положениями часто гонит от себя людей чуткими и отзывчивых. Ее реализм поражает; ужасает и, наконец, отталкивает. Человек ищет выхода, примирения с самим собой и ближним и в жизни не находит. Натуры пассивные и индифферентные складывают оружие и ищут успокоения в рефлексии и самоедстве. Натуры пылкие и активные прилагают силы к борьбе с гнетом и тяжестью обстановки. Третьи останавливаются в недоумении и подводят итоги, стоя «на перепутье от прошлого к будущему, в тени неизвестности» (из посвящения автора).

Г. Антонов, по его собственному признанию находится в этом неопределенном положении. Итоги прошлого, «лебединая песнь воспоминаний», — названная книжечка². Крайне печально будет, если автор не пойдет дальше, или в будущем он не вмешается в жизнь более активно, не довольствуясь жизнью настроений, если он не перейдет к жизни борьбы. Автор пишет:

Я — предвестник грядущих времен

.....

Я, — в оковах, неведомый бог.

¹ <зачеркнуто рукой Шпета:> Но иногда и среди этой груды никому ненужного хлама попадают жемчужины. Читатель рад, рецензенты благословляют поэта.

² <в рукописи далее:> До сих пор автор наблюдал и переживал, не вмешиваясь в жизнь сам.

Так это или нет, об этом говорить не стоит. Но это далеко не звуки бессилия... Автор рисует ряд настроений, грез — это «Сны» его жизни. От души желаем ему скорейшего пробуждения и активного вмешательства в жизнь¹.

Повторяем, стихи по форме положительно хороши и обнаруживают несомненный талант, но если г. Антонов на этом остановится, его никто читать не будет, — ведь нельзя же питаться исключительно вареньем, запивая его сиропом...

Для иллюстрации приведем на удачу несколько отрывков. Например, в стих. «Душа» на стр. 13 очень недурно сказано:

Душа моя — стремительный ручей.
Из подземелья мертвенных теней
Он в мир прорвался жизни и лучей, —
Блестит сиянием весенних дней
И отражает сумерки ночей.
Душа моя — стремительный ручей.

А рядом с этим вдруг (стр. 12):

Ах! Если бы песней в выси прозвенеть
И больше не думать, не плакать, не петь!

Почему бы и не подумать иногда? Ведь есть о чем...
Недурно и следующее:

Смутным сновидением
В непроглядной мгле
Помню я мгновенья
Жизни на земле...

.....
Света мы искали,
Темноты рабы,
И изнемогали
Под ярмом судьбы.

Времени загадку
Сияясь разрешить,
Смыслом жизни краткой
Мы пытались жить.

---

¹ <в рукописи далее:> Впрочем, если не по тому адресу обратился, прошу прощения.

И т. д.

К сожалению, недостаток места не позволяет продолжать. Отсылаю читателю непосредственно к книжке.

Издана книжка вполне прилично, но слишком дорога.

Г. Ш.

Шнем Г. Г.

<Заметки о Проекте Устава Факультета общественных наук>

<14—16 июня 1919 года>

1) Указанный на странице 4 Проекта принцип деления факультета абстрактен, а основанное на нем деление — схематично. Он сам нуждается в обосновании, чтобы сколько-нибудь были понятны связываемые с ним авторами Проекта параллели предметного и методологического характера. Непонятно, почему можно «органически» связывать «слово-вещь» с сравнительным методом, «слово-идею» с историческим, а «слово-душу» с психологическим, хотя бы даже условно допустить такое деление. Особенно сильное сомнение возбуждает рекомендуемое Проектом применение *психологического* метода по отношению к философии. Я склонен в этом видеть отзвук оставленного теперь взгляда, по которому психология должна быть основой философии. — Большие недоумения вызывает и характеристика логики (стр. 1), введения в философию, этики и эстетики как «представляющих учение об эволюции». Все предметы этой группы можно было бы так определить, только не эти названные. Присоединяюсь к заявлению В. К. Поржезинского о большей целесообразности выделения лингвистической группы предметов в специальный отдел. И желал бы видеть среди предметов, как этнологической, так и лингвистической группы, столь важный предмет, как *этническая психология*. Не могу угадать оснований, заставляющих сгруппировать в один отдел (В) науки философские и науки по истории религии. Последние рациональнее было бы связать с отделом (А) или с отделом (В) — и по их предмету, который есть просто социальный *факт*, и по методу — историческому. Ни философия не может заменить тех основ, которые может дать этнология или филология для изучения этого цикла науки, ни изучение истории религии нельзя рассматривать как необходимую основу или незаменимое подспорье для философии. Вообще роль *философии и психологии* на

этом *философско-психологическом* отделении остается загадочной. Из девяти предметов отнесенных к этой группе только три носят название «философия», если не предположить, что четвертый поместится в предметы «вспомогательные и дополнительные». Но и эти три, если всмотреться ближе, не суть ли только разные названия для одного предмета — *истории философии*? Не есть ли и это отзвук времени того исторического отношения к философии, когда считалось, что нет иной философии кроме истории философии? На философском отделении должно быть уделено видное место философским систематическим дисциплинам, чтобы преподавание соответствовало современному состоянию науки. Вовсе отсутствующая на странице 2 психология указывается на странице 12, однако, в приведенных примерных циклах на той же 12 и 13 страницах кроме «народной (!?) психологии» и «психологического генезиса» загадочных явлений, упоминаемых в пунктах а) 3), ближе никак не определяется роль психологии на психологическом отделении. Также случайно представлено здесь и положение психологии. — В целом я считал бы правильнее выделить философию и психологию, подобно лингвистике, в самостоятельный цикл, не связывая их с историей религии. А если эта самостоятельность по практическим соображениям не может быть осуществлена, то, во всяком случае, целесообразнее связать философию с циклом наук филологических или исторических по убедительным причинам, которые указываются авторами Проекта на странице 12.

2) Раз здесь допущено обсуждение вопроса о факультетском положении истории, я позволю себе заключить, что, хотя приговор по этому вопросу, что касается Московского Университета, уже вынесен и даже приведен в исполнение, тем не менее, может быть, для Петербургского Университета наше обсуждение может иметь некоторое практическое значение. До сих пор в обсуждении этого вопроса, мне кажется, больше обращалось внимание на положение истории как предмета *преподавания*, чем на ее место, как предмета *научной разработки*. Первый вопрос решается легче, ибо, по-видимому, здесь не встречает возражений то положение, что история одинаково нужна, как филологам, так и представителям права или экономики. Более спорным представляется вопрос второй, собственно методологический. Но и здесь, мне думается, спор возникает, когда мы, сосредоточиваясь лишь на *результатах* исторических исследований и на способах *объяснения* их, не обращаем внимания на способы *получения* этих результатов и на самые *методы исследования* исторических материалов. Но когда возникает вопрос о положении науки, о ее развитии как науки, о ее собственных потребностях как науки, тогда методы исследования являются фак-

тором все предопределяющим и предрешающим. И в этом смысле у историка нет иной методологической основы, кроме той, какую ему может дать *искусство филологического чтения* с его изощренными методами *критики и интерпретации*. *Филология — естественная и необходимая почва истории*, вне этой почвы история как наука захиреет и погибнет как наука. Узенер прекрасно сказал, филолог — пионер историка, но он его и постоянный путеводитель. Историк без филолога — слепой без поводья. И это относится ко всякой истории — права, экономики, точно так же, как и философии, литературы, религии и т. п. И не верно, как здесь указывалось, будто одна лишь традиция связывает филологию и историю. Я мог бы путем логического анализа методологических особенностей обеих наук показать их принципиальную и существенную связь, мог бы сослаться на все без исключения авторитеты в области исторической методологии, констатирующие эту связь. Но так как я делаю не ученый доклад, а имею в виду практические цели, то позволю себе ограничиться ссылкой на простой факт истории самой истории как науки. С конца XVIII века и вплоть до наших дней история становилась наукой и развивалась как наука на почве твердых завоеваний филологической критики и интерпретации и в пределах этих завоеваний. Каждый этап по пути завоеваний филолога был этапом в прогрессирующей работе историка. Лучшие историки были всегда первоклассными филологами. Самый бьющий в глаза пример — история древнего классического мира. Здесь самая история достигла своей высшей степени точности и строгости. Новое утончение в работе филолога, новая изощренная интерпретация, казалось бы, давно и хорошо известного текста, и новое движение, а иногда даже и переворот, в истории. И замечательно, что история всех эпох и народов равняется по Древней истории Греции и Рима. На наших глазах средневековые историки научились применять к своим источникам методы и приемы испытанные и проверенные на изучении текстов классического мира, и на наших глазах вслед за этим средневековая история поднимается до ранга такой же строгой науки. Если новая история не достигла еще такой же степени научного совершенства, то только потому, что филологическая разработка ее текстов еще не достигла такой же утонченности и изощренности. Позвольте не входить в подробности этих всем известных фактов, которые я хотел только напомнить, чтобы осветить вопрос со стороны, остававшейся в нашей дискуссии пока в тени. — Практическое предложение мое, на основании сказанного, сводится к тому, что в том или ином виде история должна быть оставлена также и на филологическом факультете, а не на одном социологическом, и притом должна быть оставлена не только как

предмет преподавания, но и как органическая составная часть группы филологических наук, т. е. так же, как предмет научной разработки ее на этом факультете. Для истории самой как науки может быть не важно, куда мы ее сейчас поместим. Естественный рост науки возьмет свое, и она должна будет вернуться к месту своего рождения, принадлежащему ей и по историческому и по логическому праву. Все равно, кроме того, ни один филолог не может ограничить свою работу работой грамматики, и как было до сих пор, так и впредь филологи будут давать нам исследования и в области истории политической, экономической, истории литературы, философии и пр. и пр. Сама история как наука отстаит свои права науки. Но к чему затруднять, задерживать и усложнять естественный рост науки, в которой мы в нашей стране достигли, пожалуй, уже наибольших результатов, которая имеет в будущем самое широкое поприще и в развитии которой мы сейчас нуждаемся может быть больше, чем в развитии какой-либо другой науки.

Ивановский В. Н.

Доклад

**действительного члена Института научной философии
при Факультете общественных наук Московского
Университета**

15 мая 1922 года

Москва

Терминологической комиссии, учрежденной Советом Института, — по вопросу о работах над терминологией

1. Изучение философской терминологии может ставить себе различные задачи:

- 1) либо установление *истории терминов* как таковых;
- 2) либо истории *понятий* и их развития в ряде терминов, различных в разные времена и у разных народов;
- 3) либо выработку нормальной, так сказать, системы терминов, отбор из них наиболее подходящих;
- 4) либо такое изучение, которое исходило бы из фактически употребляемых терминов своего, родного языка, и устанавливало бы их происхождение и их связь с многообразием значений понятий у разных народов, в разные эпохи, в разных научных

философских школах. Такое изучение давало бы в качестве общей схемы работы систему терминов *своего* языка и использовало бы коллективный, мировой запас понятий на пользу прежде всего отечественной родной научно-философской мысли. Это, мне кажется, и должно быть ближайшей задачей нашей работы.

2. Давно заинтересовавшись проблемами философской терминологии, придя к убеждению, что многие недоразумения в философии и многие трудности ее усвоения зависят от невыясненности терминологической ее стороны, от невнимания к ней, что правильная постановка научно-философского образования и твердая ориентировка в философии зависят от ясности основных понятий и терминов, я прочел на I Международном философском конгрессе в Париже в 1900 году доклад на программную тему, соприкасающуюся частично с интересовавшей меня проблемой: *Sur la possibilité d'une Terminologie commune à tous les philosophes*, в котором вкратце развил мою точку зрения. (Краткое резюме моего доклада помещено в отчете о конгрессе в *Revue de métaphysique et de morale*, 1900 г.). От организационного комитета конгресса докладчиком по этому вопросу выступил профессор Андре Лаланд, по предложению которого образовавшееся после этого конгресса *Société Française de philosophie* стало издавать *Vocabulaire philosophique*. Основной задачей *Vocabulaire* была критика и отбор наиболее подходящих, по мнению сотрудников (Лаланд, Кутюра, Бело, Бруншвик и др.), значений французских терминов, причем учет значений терминов в других языках и в разнообразных философских школах ставился на второй план. Будучи приглашен к участию в *Vocabulaire*, я в своих небольших статьях давал обзоры значений терминов в том роде, в каком я их предлагаю сейчас вниманию Терминологической Комиссии.

3. Занимаясь в 1902 году в Оксфорде, я познакомился с очень ценной работой профессора Тённиса (на премию леди Уэльби) о философской терминологии и слушал в *Magdalen College*'е интересный курс Уэбба по истории философской терминологии, к сожалению, по-видимому, оставшийся до сих пор ненапечатанным.

4. План занятий нашей Комиссии я представляю себе так:

1) мы могли бы заняться анализом отдельных терминов, изучением их происхождения, их значений в ранних философских школах, их истории, — притом, как мне кажется, ставя в основу систему русской философской терминологии;

2) постепенно освещать и принципиальные вопросы, связанные с философской терминологией, ведя дальше ту работу, какую проделал, например, профессор Тённис.

5. В прилагаемых образчиках того, как я представляю себе работу по изучению отдельных терминов, обращаю внимание на

следующее: 1) я не имел времени и пособий, чтобы проследить *происхождение* терминов и указать их авторов; 2) я брал за основу *русские* значения терминов и указывал в скобках *не* (греч., лат., фр., англ. и нем.) синонимы, а *переводы* их (точнее, их образцы); при этом иногда значения этих иностранных терминов могут не совсем совпадать ни друг с другом, ни с анализируемым русским термином (например, одному русскому могут отвечать в разных случаях, оттенках и связях мыслей несколько терминов другого языка, или наоборот — одному иностранному несколько русских и т. д.). Эти расхождения значений терминов я не учитывал, приводя иностранные термины рядом с русскими заголовками; но они приняты во внимание в самом перечне значений терминов.

Обращу внимание еще на то, что многие термины обозначают сразу несколько стадий, или фазисов, мысли внутри *одного и того же* основного направления смысла.

Так, например, термин «индукция» обозначает 1) и приведение одного за другим ряда частных случаев, 2) и процесс, действие обобщения, 3) и его результат — общее положение. То же и в других случаях.

В некоторых случаях греческие и латинские слова вошли в состав философской терминологии только в Средние века или в новую эпоху. В этих случаях для греческих терминов правильнее не приводить греческой формы слова (например, *ιδεαλοϊνος*), так как такого термина греки не употребляли, а употреблять обозначение: «новогреч.», латинские же слова можно приводить по латыни, прибавляя: «новолатин.».

Так как точное понимание терминов составляет основу правильного рассуждения, сознательное отношение к философской терминологии и разработке ее проблем является необходимой частью того, что можно назвать «школой» в философии. Понимание множественности значений каждого термина и сознательного выбора между ними освобождает, во-первых, вообще от власти слов, направляя внимание на сущность дела, а во-вторых, раскрывает и рамки философской ортодоксии и слепой приверженности к какой-либо одной школе, развязывая умственные силы для самостоятельного отношения к проблемам и независимо от школьных рамок творчества.

Мне кажется, нам следовало бы так же составить краткий обзор важнейших материалов по философской терминологии; работу же по обзору терминов вести, не зарываясь в детали, давая краткие, но точные характеристики значений терминов.

Из философских словарей, как мне кажется, надо особое внимание уделить: 1) “Woerterbuch’y Eisler’a; 2) Кирхнер-Михаэлису; 3) Vocabulaire de chimie et critique de philosophie (изд. Societe... de

phil.) 4) Dictionary Baldwin'a .... Работа комиссии будет иметь значение лишь при возможности издания ее трудов, причем издавать следует отдельные слова и группы слов, не дожидаясь выработки полной системы в терминологии.

Вл. Ивановский

<Приложения:>

Апперцепция: (новолат. *apperceptio*, фр. *apperception*, англ. *apperception*, нем. *Apperzeption*)

1) Первоначальное значение = усиленное, доходящее до (*ad-*) сознания восприятие (*perception*);

2) У Лейбница, введшего в философию этот термин, — ясное и отчетливое восприятие мыслящей монадой заложенной в ней изначально системы аспектов всего мира и его частей и элементов, получающееся при максимальной активности и напряжении внутренних сил монады; (метафизически-психологическое значение);

3) У Канта — принцип единства и активности познающего субъекта (гносеологическое значение);

4) У Гербарта — процесс переработки прежде сформировавшимся содержанием душевной субстанции составляющим единую диалектически напряженную систему, вновь протекающего в душу материала, процесс взаимодействия, анализа, перегруппировки, обработки, усвоения, систематизации, истолкования и т. д. каждого нового содержания с ранее выработанных точек зрения и в связи с ранее усвоенным содержанием;

5) У Вундта: пассивная «апперцепция» — эмпирически констатируемая активность сознания, как единой деятельности, как она вырабатывается в актах оценки внимания, выбора, произвольного усиления или ослабления духовного содержания и т. д.; «Активная» апперцепция — внутренняя основа пассивной апперцепции, гносеологическое, трансцендентально устанавливаемое единство познающего субъекта (пассивная апперцепция Вундта приближается к Гербарту, активная — воспроизводит сущность теории Канта).

Гипотеза (греч. *ὑπόθεσις*, лат. *hypothesis*, фр. *l'hypothèse*, англ. *hypothesis*, нем. *Hypothese*):

1) Общее значение: предположение, допущение, иногда догадка и т. п.;

2) В математике = аксиома, исходное предположение, для системы дедуктивных выводов;

3) В реальных номотетических науках — «объяснительная гипотеза» — предположение относительного недоступного прямому наблюдению строя, состава, процессов и т. д. изучаемого смысла);

4) В исторических науках есть еще особый тип гипотезы, пополняющей пробел между отдельными достоверными фактами;

5) В гносеологии — предположение, принципиально не допускающее возможности экспериментальной проверки, так как для таковой нужно было бы выйти за пределы условий всякого вообще познавательного акта как такого однако, принимаемые за истинные на том основании, что они являются *единственно возможными* объяснениями фактов познавательной деятельности;

6) В метафизике — также предположения, принципиально выходящие за пределы условий всякой опытной проверки, но кроме того неспособные стать (с логической, познавательно-теоретической стороны) общеобязательными, однозначными объяснениями бытия принципиально всегда допускающие возможность иных объяснений;

7) В практической деятельности и обыденном мышлении = постоянно применяемая всеми нами форма предвзвешивания будущего, а также всей реальности, не входящей в систему непосредственных восприятий и умственных конструкций в собственном смысле.

Диалектика (греч. *διαλεκτική*, лат. *dialectica*, фр. *dialectique*, англ. *dialectic*, нем. *Dialektik*):

1) Первоначальное значение: то, что связано с «разговорами» (*διάλογος*), с процессом разговаривания;

2) Совокупность проблем (*διαλέγεσθαι*) и учений, развивавшихся в форме разговоров Сократом и его школой; из этого цикла была исключена только «этика» (и общественные проблемы), — таким образом, в «диалектику» в этом смысле входили преимущественно логика, гносеология и метафизика;

3) У софистов — анализ и разъяснения понятий при помощи выявления содержащихся в них противоречий — по образцу того, как в разговоре, говорящие высказывают противоположенные взгляды;

4) У Аристотеля — та форма, тот тип познания, которые имеют не аподиктическое, достоверное, а лишь субъективное убеждающее значение;

5) У Канта — то же — в более заостренном значении: «диалектическая призрачность»;

6) У Гегеля — «диалектика» — эволюционно-метафизический принцип, то основное свойство мировой основы — Абсолютной Идеи, в силу которого эта последняя проходит связный ряд фазисов или моментов, последовательно связанных антитетически и синтетически, т. е. по типу «разговора»;

7) У Маркса и Энгельса — онтологически-материалистический принцип эволюции форм общественного бытия и сознания.

Идеализм (лат. idealismus, фр. l'idéalisme, англ. idealism, нем. Idealismus) — может происходить либо от понятия «идея», либо от понятия «идеал»:

От понятия «идеал»:

1) настроение (или убеждение), выражающееся в стремлении к «идеалу», как бы таковой ни понимался:

А) как субъективный идеал, или

Б) как объективная мировая сила;

От понятия «идея»:

2) платоновский «идеализм» — теория «идей», как прототипов классов сходных вещей;

3) субъективный идеализм (Локка, Юма, затем у Декарта);

4) берклеевский идеализм = соединение субъективного с объективно-геологическим;

5) кантовский «идеализм» (трансцендентальный, критический, методологический и т. д.), как он развит в Трансцендентальной эстетике и Трансцендентальной аналитике: учение об «идеальности», об априорности, объективно-идеальном характере чистых форм чувственности и рассудка, констатирующих научное познание;

6) кантовский идеализм — в том смысле, в каком он развит в Трансцендентальной Диалектике и в Критике способности суждения: учение об идеях, как регулятивном элементе в познании разума, в изучении органической жизни и в понимании произведений искусств; дальнейшее развитие его у Шеллинга;

7) приближающийся к солипсизму идеализм Фихте (позже также «имманентной» школы);

8) абсолютный идеализм Гегеля.

Идея (греч. ιδέα, лат. idea, фр. idee, англ. idea, нем. Idee):

1) первоначальное значение — зрительный образ [(F) ιδέα (видеа) ранее — диаграммой от корня Fid = вид-]

2) платоновское значение: умопостигаемые типы всех классов вещей, являющимися реальными, трансцендентно-образующими их (через их «причастность» идеям) силами;

3) «материальные идеи» схоластиков, материальные отпечатки вещей, воспринимаемые органами чувств;

4) декартовско-локковское значение: всякое состояние души, когда она мыслит;

5) берклеевское значение: идея есть всякое целое внешнее восприятие и всякий элемент такого восприятия — (в противоположность notions), которые мы имеем от духов и их деятельности). В этом значении на первом плане онтологически, а не критически гносеологический момент.

6) «идея» как воспроизведенное состояние сознания в противоположность ощущению: юмовские perceptions of sensation и perceptions of ideas;

7) «идея» разума — в смысле канта: регулятивный принцип познания разума за предмет собственно научного, рассудочного познания.

8) гегелевская Абсолютная Идея — мировой принцип, мировая основа, создающая мир своим диалектическим саморазвертыванием.

Индукция (греч. ἐπαγωγή, лат. inductio, фр. induction, англ. induction, нем. Induction):

1) Первоначальное значение: «приведение» одного за другим частных случаев (для построения на их основании общего определения или закона);

2) Полная индукция — обобщение, установление общего положения (определения, закона) на основании полного перечня частных случаев, подходящих под это положение;

3) «неполная» индукция — установление общего положения без приведения полного перечня частных случаев на основании признаваемого нами логического права на обобщение;

Она может быть: а) в пределах наблюдаемого — отсюда получают определения, эмпирические законы, умозаключения по аналогии, приблизительные обобщения; б) в сфере «объяснения», за пределами наблюдаемого; тут индукция часто строится на основе *одного* случая опытной проверки объяснительной гипотезы;

4) Вообще всякий процесс установления общего положения (как и само это общее положение), независимо от того, при помощи каких логических приемов оно установлено; отсюда такие выражения, например, у Дж. Ст. Милля: «индукция, устанавливаемая посредством дедукции» (т. е. общее положение, являющееся частным случаем какого-либо еще более общего закона) и т. п.

Метафизика (греч. μετὰ τὰ φυσικά, лат. metaphysica, фр. métaphysique, англ. metaphysics, нем. Metaphysik)

1. Буквальное значение: то, что идет после Физики;

2. То, что трактует о «сверхфизическом». (Метафизика Аристотеля) — об умопостижимых (но не обязательно «духовных») началах бытия;

3. Психология, — то, что трактует о «сверхфизическом» в смысле «сознания»; в таком смысле термин употребляется англичанами: курс психологии У. Гамильтона;

4. Популярное, очень неточное значение: спиритуализм;

5. Критическое значение: система онтологическая и космологическая гипотеза, выходящих за пределы возможного опыта и являющихся попытками последних объяснений бытия и знания;

6. У Канта — система априорных синтетических положений, конституирующих научное знание и практический разум;

7. У него же — («*метафизическая* дедукция» априорных форм чувственности в трансцендентальной эстетике и априорных форм рассудка в Трансцендентальной Аналитике) гносеологическая деятельность «расчленения самой способности рассудка с целью исследовать возможность понятий а priori, через отыскание их исключительно в рассудке, как месте их происхождения».

Трансцендентный (лат. transcendens, фр. transcendent, англ. transcendent, нем. Transcendent):

1. Переходящий за пределы чего-либо (transceudo);

2. Переходящий за пределы сознания (в противоположность «имманентной», например, философии);

3. Переходящий за пределы возможного опыта (метафизический).

Наука (греч. ἐπιστήμη, лат. scientia, фр. science, англ. science, нем. Wissenschaft)

1. Всякое вообще поучение («и это, шука, тебе наука»);

2. Ремесло («отдаю в науку к портнихе»);

3. Систематическое знание — в широком смысле — как теоретическое, так и прикладное;

4. Теоретическое знание — как единичного, так и общего;

5. Общее теоретическое знание;

6. Точное знание (фр. Les sciences, например, Faculté des sciences).

Трансцендентальный (лат. transcendentalis, фр. transcendental, англ. transcendental, нем. Transcendental):

Термин, введенный Кантом:

1) Связанный с переходом (transcensus'ом) за пределы опыта, но иначе, чем трансцендентный; трансцендентальный переход за пределы опыта, по содержанию, онтологический, по методу — гносеологический;

2) В частности *трансцендентальный метод*, философия и т. д. — такие, которые устанавливают известные априорные, т. е. независимые от чувственного опыта, формы познания, при помощи гносеологических гипотез (как скажем мы современными терминами), т. е. таких научных предположений, которые не допускают экспериментальной проверки, так как всякая проверка, будучи актом познания, их предполагает; потому гипотезы эти допускают

оправдание лишь на основании того, что *ими одними* могут быть объяснены акты познания, что другие предположения этих актов объяснить, не могут;

3) Дальнейшее значение (также кантовское): трансцендентальная философия, трансцендентальный метод, который исходит из анализа, как такового, для объяснения бытия, которое нам дано только в форме бытия познанного, т. е. познания бытия. Это — исследование основных принципов и понятий, основоположений всякого вообще опыта — все равно, внешнего или внутреннего, — с точки зрения их объективной значимости, т. е. по тому содержанию и смыслу их, которые они имеют для познания истины о предметах возможного и действительного опыта (исследование условий и возможности «опыта», как научноорганизованного, науки, знания, познанного бытия, бытия, вообще).

Горнунг Л. В. Стихи

***

Да, мы чувствуем тяжесть сердца,
Задыхающегося под левой грудью.
Да, мы люди не этого времени,
С закаленными, с истрепанными нервами,
С темной и пылающей душой.

Мы бредим высокими замыслами,
Проникаем за пределы видимого,
Нам доступно многое в этом мире,
Но мы ничего не делаем
И проходим с высоко поднятой головой

И еще —
бывают жуткие минуты:
Тогда сердце движется неверными толчками,
Гнутся плечи под тяжестью целого десятилетия,
И какого десятилетия!
Но его,
громыхавшее порожней бочкой под гору,
Мы обошли, как посторонние, мимо —

Затем,
что радуют нас иные формы.

А когда наступает осенний смутный вечер,
Мы тайно любимся луной,
Прижатой к небу силуэтами черных башен,
И, обаянные творческим безумием,
Вдохновенно-счастливые,
осознаем,
Что мы ничего не создали прекрасного и вечного!
И мы ждем неизбежной, неодолимой смерти
Или просто думаем о самоубийстве.

*23 сентября 1926 года
Москва*

***

Отдайся жадным зеркалам,
Неверным омутам и злобным.
Существование пополам
Деля с другим, тебе подобным.
И знай, что только плоть твоя
Доступна будет низким взорам,
Свой беспокойный дух тая,
Навеки борется с которым.

Мы стали скрытны с неких пор,
Мы так недавно скупы стали, -
Зато ни недруги, ни вор
У нас добра не похищали.

И пусть холодный мир стекла
Бездушным стынет изваяньем,
Наш долг — прекраснейший: до тла
Гореть иным существованьем.

4 апреля 1927 года

***

Без собеседника, зато
И с одиночеством и с другом,
И так, что творчество влито
В пустую душу злым недугом,

И на зло праздному уму —
Мы видим мир за смертным ложем
И мыслим только потому,
Что сердцем чувствовать не можем,
30 мая 1928 года

***

Я разучился навсегда
Смеяться в этом скорбном мире
И отдал лучшие года
Уединенности и лире.

Пусть вовсе сердце не стучит,
Не гонит розовые реки
И — равнодушно, как гранит,
Иссякший нежностью навеки.

Мой взор горит и смотрит ввысь
И видит в сумрачном блаженстве,
Что звезды яркие зажглись
В зодиакальной совершенстве.

Но искушенным с давних дней,
Лишенным музыки и хлеба,
Нам не подняться в мир теней,
Не пасть в разверзшееся небо,

И никогда в глухой тоске
Свой жребий не переупрямить, —
И крепко я держу в руке
Огромный шар — пустую память.

1 июня 1928 года

Горнунг Б. В.
*Густаву Шпету*¹

Языческий Семик застыл в зените
Вы девушки венки бросающие в воду
Тесней сомкнитесь в хороводы
От песен в воздухе не слышно ничего

Протянуты синеющие нити
Плетет игру искусная Арахнэ
Но тщетно
Всем наскучила игра
Козлиным телом песни не запахнут

И песен тех он больше не находит
Весенний бог —
Кусает удила
Нетерпеливый иноходец
В бока врезается подруга
И колесница мягко катится по лугу

Дороги нет
И путь по целине
Не дышит и молчит священная весна
И башни города встающего от сна
На золотом закате зеленеют

17 июня 1926 года

---

¹ vide: Эст. фрагм. I, стр.63

Протокол № 1 заседания Художественного совета МХАТ с обсуждением пьесы Леонова Л. М. Унтиловск

10 февраля 1928 года

Присутствовали: Председатель Совета: К. С. Станиславский, Члены Совета: А. К. Воронский, Я. С. Ганецкий, Н. П. Горбунов, Н. В. Егоров, Л. М. Леонидов, М. М. Литвинов, В. В. Лужский, П. А. Марков, И. М. Москвин, Д. Р. Коновалов, В. И. Немирович-Данченко, Н. А. Подгорный, В. П. Полонский, Д. Б. Рязанов, В. Г. Сахновский, М. М. Тарханов, Г. Г. Шпет и И. Д. Щербаков. А. И. Галин и Н. Я. Марков [УГАТ]. Л. М. Леонов (автор пьесы «Унтиловск»). О. С. Бокшанская (Секретарь дирекции МХАТ).

К. С. Станиславский, открывая заседание, прежде всего приветствует собравшихся. Затем говорит: «В Театре всегда было стремление к общественности, и сейчас эта устанавливающаяся связь с Советской общественностью особенно важна, так как чрезвычайно остро перед театром встал вопрос: какой театр нужен современному зрителю? В разработке этого вопроса Совет может оказать большую помощь театру.

В планы театра не входит устраивать заседания Совета только “за столом”, в отрыве от текущих работ. Театр хочет также ввести Совет в круг своей деятельности и на живом деле. Так сегодня, после заседания, будет показана пьеса Л. Леонова “Унтиловск”, выпускаемая на днях на публику. После же просмотра пьесы мы просим всех высказать свое мнение о постановке. Так же в свое время мы показали лицам, приглашенным участвовать в Художественном Совете МХАТ, “Бронепоезд”, и указания, которые мы получили в последовавшем после показа обмене мнений, были Театру очень ценны и полезны. Так же просим отнестись и к сегодняшнему показу».

Художественный Совет МХАТ утвержден Наркомпросом в следующем составе:

1. К. С. Станиславский — Председатель Совета

Лица персонально приглашенные:

2. В. В. Шмидт

3. Н. А. Семашко

4. М. М. Литвинов

5. Н. П. Горбунов

6. Я. С. Ганецкий

7. А. Б. Халатов

Члены Совета от общественных организаций:

8. Д. Б. Рязанов — проф. И-та Марска и Энгельса

9. А. К. Воронский — литератор, критик

10. В. П. Полонский — литератор, критик

11. С. Крылов — Агитпроп ЦК

12. Г. Г. Шпет — ГАХН

13. И. Д. Щербаков — Мосгубрабис

14. А. А. Андреев — ВЦСПС

15. М. Н. Прудкин — Местком МХАТ

16. Представитель от Пролетстуда

Члены Совета от Театра

17. В. И. Немирович-Данченко — Народный артист, режиссер

18. В. И. Качалов — артист

19. И. М. Москвин — артист

20. Л. М. Леонидов — артист

21. В. В. Лужский — артист

22. Н. А. Подгорный — артист

23. М. М. Тарханов — артист и зав. Труппой

24. В. Л. Ершов — артист

25. Ю. А. Завадский — артист

26. И. Я. Судаков — режиссер

27. В. Г. Сахновский

28. П. А. Марков — зав. литер. частью

29. М. Н. Кедров — от молодежи

30. Г. А. Герасимов — от молодежи

31. Д. Р. Коновалов — рабочий

32. В. А. Симов — художник

33. Н. В. Егоров — зав. адм.-хоз. частью

Обмен мнений после просмотра:

Н. П. Горбунов: Мне кажется, что в пьесе слишком много аллегорий, которые становятся более или менее ясны лишь к концу пьесы. Но, во всяком случае, пьеса эта смотрится с большим интересом, чем «Бронепоезд», и заставляет зрителя подумать над ней.

К. С. Станиславский: При выборе пьесы Театр сейчас руководствуется соображением, что в теперешнее время, когда еще нет настоящего драматурга, надо показывать каждую пьесу, если только она талантлива. И прежде всего надо показать, что сделала революция в человеке. Мало показать на сцене революцию через толпы народа, идущие с флагами, надо показать революцию через душу человека.

М. М. Литвинов: Однако в пьесе нет ни новых стремлений, ни новых достижений. Ее можно было бы с таким же интересом

смотреть десять лет тому назад. Вместе с тем перерождение героя — неожиданно и непонятно.

К. С. Станиславский: К сожалению, четырех-пяти актов любой пьесы не хватает для того, чтобы показать перерождение человеческой души. Вот поэтому и приходится прибегать к аллегориям. Но нельзя все же сказать, что в пьесе нет новых достижений. Новото, что переживания революции показаны не через внешние проявления, а через человека, через его душу.

А. И. Галин: По моему мнению, после «Бронепоезда» пьеса «Унтиловск» отбрасывает Театр назад. Эта пьеса звучала бы совсем иначе, если бы была показана до «Бронепоезда». Драматург и Художественный Театр должны были дать дальнейшее развитие той линии, которую начал «Бронепоезд».

Главный недостаток «Унтиловска» — отсутствие массовых сцен, которые обычно захватывают массового зрителя. Широким кругам публики «Унтиловск» не может быть интересен, и первым делом потому, что в нем нет больших народных сцен.

К. С. Станиславский: Мне кажется, что появление таких пьес, как «Унтиловск», надо приветствовать, так как в них актер может показать свое мастерство, свое искусство. Массовые сцены — не искусство, а ремесло, самый низкий вид драматического искусства. Исполнители массовых сцен — это пешки в руках режиссера. Театры призваны показать настоящее искусство актера. Массовые сцены — это искусство режиссера-постановщика, но не режиссера психолога, режиссера-учителя. И «Унтиловск» — это первая пьеса, в которой показана революция через душу человека. Она должна положить начало появлению подобных пьес.

И. Д. Щербаков: Пьеса правильно разрешает задачи Художественного Театра. Несмотря на отдаленность Унтиловска от происходящих событий, революция все время чувствуется. Не страшно, что пьеса заставляет задумываться над ней, — надо поднимать культурный уровень зрителя, надо заставлять его задумываться над просмотренными произведениями.

Н. П. Горбунов: Массовые сцены не есть признак революционности Театра. Большею частью массовые сцены на театре кажутся искусственными, сусальными. Гораздо легче революционность замысла передается через одного человека, через отдельных исполнителей.

В «Унтиловске», собственно говоря, показана не борьба революции с контрреволюцией, а борьба революции с чем-то «пакостным», так как Черваков — это просто «пакостный» человек.

И еще: непонятно, почему Буслов к концу пьесы воспринимает революцию, почему такой тип, как Васка, может вытянуть человека к новой жизни.

Пьеса могла бы быть убедительней и современной, если б она показала, что революция в своем шествии выхватывала и возрождала отдельных заброшенных людей. У Васки же нет тех душевных сил, которые делали бы для нее возможным вырвать Буслова из этой среды, где все варятся в собственном соку, из этой «достоевщины».

Я. С. Ганецкий: И мне кажется, что не следует настаивать на пьесах с массовыми народными сценами. Обрисовка положений и характеров в «Унтиловске» кажется мне правильной. Действительно, был ряд случаев, когда не только такие неорганизованные революционеры, такие случайные сильные, каким является Буслов, но и революционеры в ссылке не сразу приобщались к революции, а первые годы пребывали там в бездействии. В Сибири многие из них лишь через несколько лет после Октября активно вошли в революцию, образовав партизанские отряды.

Считаю, что в пьесе нет ничего отрицательного с точки зрения революционности, и вместе с тем есть много положительного.

А. К. Воронский: Мне кажется, что здесь слишком мало останавливались на главном герое — на Червакове, вернее — на «черваковщине», на которой построена пьеса. Прежде всего автор и Театр в образе Червакова создали новый тип. И в этом — главное обоснование постановки, — в этом показе большого и развернутого типа Червакова. Тут не комсомольцы главные герои, а Черваков, фигура странная. Стержень пьесы в «черваковщине», и о ней надо говорить. Пьеса эта гораздо серьезнее, чем все предыдущие постановки последних лет. Конечно, нельзя ждать, что ее оценит широкая масса публики. Нельзя ждать тех похвал, какие получил «Бронепоезд». Но «Унтиловск» — это настоящее драматическое искусство.

В. П. Полонский: Мне хочется сказать о месте пьесы в современном искусстве современного театра. Революция принесла в театр массовые сцены. История театрального искусства за последние десять лет — это история массовых сцен на театре. И сейчас в литературе, например, ощущается определенный перелом в сторону внимания к человеку. Значение пьесы в том, что автор дает индивидуальную драму. При этом пьеса более сложна, чем это казалось раньше, при первом ее чтении.

Тому новому, что теперь в нее внесено, я не могу верить: я говорю про финал пьесы, про идущих за сценой комсомольцев. В первом варианте пьеса кончалась мотивом бури, — речами Червакова и мотивом вьюги, которая заваливает снегом Унтиловск. Это отвечало главным элементам пьесы, это было присуще автору, Ибо Леоновский мотив — это мотив маленького раздавленного человека. И Леонов никогда не показывает, куда он ведет своих маленьких людей.

Считаю эту постановку нужной. Это этап в современном драматическом искусстве.

Хочется поговорить и о совершенно прекрасном актерском исполнении. Правда, Художественный Театр любую плохую пьесу может сыграть так, что она покажется хорошей. Но в данной постановке игра актеров захватывает, их мастерство восхищает, и если даже сама пьеса не сможет быть понятой широкими массами — успех спектаклю может создать именно это великолепное актерское мастерство.

Г. Г. Шнем: Я считаю, что пьеса эта является шагом театра вперед. Автор ее как-то соединяет в себе манеру Островского и Чехова, — в обрисовке характеров действующих лиц и сценических положений.

Мне кажется, что в Буслове не происходит никакого перерождения, он просто почувствовал революцию, как внутренне здоровый человек. В Васке, наоборот, совершается переворот, очень понятный и ничуть не неожиданный. В Червакове, конечно, много «достоевщины». Я считаю, что это будет одна из замечательных ролей И. М. Москвина, в ней он с изумительной силой выявляет не только гадость и комизм, присущие Червакову, но — даже какой-то найденный им — лиризм.

Мне также кажется несколько фальшивым финал.

Я слушал, что в пьесе уже произведены сокращения. Но пусть не посетует на меня автор, если я скажу, что можно было бы еще несколько сократить текст, отбросив некоторые детали, не дающие особенно ярких красок для характеристики ролей.

Страшно радует язык пьесы — превосходный и удовлетворяющий тому, к чему мы привыкли у лучших писателей.

Я. С. Ганецкий: Мне не кажется финал пьесы неожиданным и фальшивым. Это именно так и было в первые годы революции: молодежь первую взялась за новую организацию, в то время как люди среднего возраста еще не были разбужены к новой деятельности. Поэтому логичен этот марш комсомольцев в финале.

Л. М. Леонов: Очень трудно мне быть в положении «обвиняемого». Я хотел показать Буслова — здорового честного человека. Он действительно не-организованный революционер. Но в нашей истории заложена такая неорганизованность, такие случайные выступления протеста. Буслов прежде всего хочет делать дело. И теперь именно то время, когда, как никогда, надо каждому делать свое дело, не заниматься болтовней, а именно делать дело.

Теперь о Червакове. Как мне кажется, художник, писатель — это прежде всего «глаза». Я вижу, что Черваков есть, и если другие его не чувствуют сейчас, то почувствуют через два года — через пять лет.

Я совсем не умею говорить, а особенно трудно говорить это «последнее слово обвиняемого».

К. С. Станиславский: От лица актеров, получивших первую настоящую пьесу, где актер может показать свое искусство, — позвольте поцеловать Вас поблагодарить (*целует Леонова. Овации*).

Следующим нашим показом Художественному Совету будут, вероятно, «Растратчики». Мы все очень благодарны присутствующим членам Художественного Совета за их замечания, которые мы будем обсуждать и примем к сведению. О таком же разборе пьесы будем вас просить при показе «Растратчиков». Тем временем Комиссия подготовит примерный репертуар будущего сезона, который будет представлен на рассмотрение и утверждение Совета.

Благодарю всех за сегодняшний день.

По поводу одного примечания

Беспалов И.

Письмо в редакцию «Литературной газеты»

Уважаемые товарищи!

Мне кажется, что редакция «Литературной газеты», сделав свою оговорку к моей статье («В поисках стиля» № 37 от 10 декабря прошлого года), пала жертвой недоразумения. Я никак не могу понять, на основании чего редакция приписала мне ту мысль, что я будто бы настаиваю на изучении поэтического произведения вне всякой связи с изучением писателя. Из подлинного контекста моих формулировок всякий непредубежденный читатель может сделать лишь тот вывод, что я протестую только против изучения психологии писателя, помимо и вне связи с изучением произведения писателя, в котором эта психология нашла свое выражение.

Я позволю себе отметить еще некоторую беззаботность автора примечания по части истории философии. Если бы у меня действительно была та ошибка, которую пытаются приписать мне в примечании, т. е. если бы я действительно видел в поэтическом произведении только объективированное сознание и без сознающего, без субъекта, это была бы точка зрения не махизма, а *объективного* идеализма. Между тем, насколько мне известно, философия махизма есть философия *субъективного* идеализма, отрицающего как возможность объективного познания независимо от нашего сознания материального мира, так и самую возможность объективизации со-

знания. Само собой разумеется, что я был бы не менее того удивлен, если бы редакция, исходя из своего ложного понимания моей мысли, приписала бы мне точку зрения объективного идеализма. Но такой поклеп по крайней мере соответствовал характеру заблуждения редакции. У автора же примечания получилось недоразумение в квадрате: *сочинив* «ошибку» для Беспалова, он тут же дал ложное определение характера этой *сочиненной* им «ошибки». В таком случае все примечание должно быть целиком отнесено к его автору, но отнюдь не к моей статье. В заключение должен выразить свое удовлетворение по поводу того, что редакция в основном разделяет мою точку зрения. Мне хотелось бы только думать, что согласие это основано на действительном понимании моей точки зрения, а не на таком «понимании», которое выражалось в примечании.

Канатчиков С.

Ответ т. Беспалову

Товарищу Беспалову «кажется», что редакция «пала жертвой недоразумения». Попытаемся объяснить. Начнем с «недоразумения в квадрате». Товарищ Беспалов, по-видимому, весьма плохо усвоил различие между объективным и субъективным идеализмом и это свое плохое знакомство с историей философии относит за счет редакции. Он считает, например, «объективированное сознание» основным признаком субъективного идеализма. А между тем это совсем неверно. Платон, например, был субъективный идеалист. В чем состояло существо его философской концепции? Объективный мир он считал реально существующим и доступным человеческому пониманию. Но этот мир материальных вещей он считал отражением или копией мира идей, находящихся в потустороннем мире. Лошадь, дерево, человек и т. п. родовые понятия для Платона суть реальные идеи, находящиеся в заоблачном мире, а здесь, на земле, конкретные деревья, лошади, люди — лишь слабое подобие (копии) заоблачных идей.

«Ядром Платоновой философии является дуализм, — говорит Виндельбанд, — установленный в нем между обоими видами познания — мышлением и восприятием — и точно также между обоими их объектами — интегральным и материальным миром».

Мы здесь не будем останавливаться на том, каким образом человек познает материальный и идеальный мир. Да это и неважно. Похоже ли это на «объективный идеализм» товарища Беспалова? Возьмем еще один пример.

Как известно, Гегель тоже был объективным идеалистом. Он не только допускал существование и познание внешнего материального мира, но допускал и возможность его развития. Идеализм его состоял в том, что над материальным миром он допускал су-

ществование абсолютной идеи, инобытием или самоотчуждением которого являлся этот материальный мир.

«В гегелевской системе дело дошло, наконец, до того, — говорит Фр. Энгельс, — что она и по методу, и по содержанию оказалась лишь перевернутым вверх дном материализмом»¹.

Похож ли объективный идеализм Гегеля на представление о нем тов. Беспалова?

Как видим, ни объективный идеализм Платона, ни Гегеля никакого сознания не объективируют, если, конечно, не считать неизвестно откуда взявшихся «идей» Платона и абсолютной идеи Гегеля (товарищ Беспалов может воспользоваться этим удобным для него выходом из положения).

Но товарищ Беспалов ищет случая уклониться от спора по существу. Поэтому он прибегает к следующему нехитрому приему: «философия Маха есть философия субъективного идеализма, а мне “автор” приписывает, что я будто бы объективирую сознание, т. е. признаки, которые не имеют никакого отношения ко мне. Значит, при чем же тут я? А если бы и это удалось доказать, то я и против объективного идеализма буду протестовать».

Словом — как ни кинь, все клин!

Однако посмотрим, так ли уж неуязвим товарищ Беспалов? О чем шла речь в нашем примечании? О том, что формулировки Беспалова ведут к Маху, т. е. похожи на его «элементы».

Мы в примечании не занимались ни рассмотрением, ни оценкой философской системы Маха-Авенариуса, ни субъективным идеализмом вообще, а взяли лишь одну сторону его учения об «элементах», которые являются по природе своей субъективными, хотя Мах и пытается их объективировать. Ему это не удастся, как не удастся объективировать и Переверзеву. Но мы ведь и не утверждали обратного. «Элементы сознания одного индивидуума между собой тесно связаны, но с элементами сознания другого индивидуума связаны слабо», — говорит Э. Мах, — «и только иногда эта связь заметна. Вот почему каждый думает, что он знает только себя, считая себя неделимой единицей, независимой от других. Но содержания сознания общего характера ломают эти перегородки индивидуума и, конечно, в связи с индивидуумами, но независимо от личности, в которой они развились, ведут жизнь более общую, жизнь безличную или сверхличную»². Ну чем это не «образы» В. Переверзева? И почему, заметив это сходство в статье товарища Беспалова, она не могла сделать примечание? Вы думаете, товарищ Беспалов, что тео-

¹ Энгельс Фр. «Людвиг Фейербах». Стр. 326. <Примечания даны в газетной редакции>

² Мах Э. «Анализ ощущений». Стр. 41.

рию Маха не пытались сочетать с марксизмом? Ошибаетесь! А. Богданов в предисловии к той же книге Маха прямо говорит: «У него выводы не только тесно соприкасающиеся, но прямо совпадающие с идеями исторического материализма. Происхождение науки и искусства, как побочных продуктов хозяйственного труда людей».

Товарищ Беспалов на все это может презрительно пожать плечами и заявить: «Какое же отношение все это имеет ко мне?» А вот какое: литературоведческая теория вашего учителя В. Ф. Перверзева почти целиком списана у Маха-Авенариуса со всеми ее противоречиями и нелепостями. Она является лишь переводом на литературоведческий язык.

Далее Вы, товарищ Беспалов, утверждаете, что Мах был субъективный идеалист. Откуда Вы это взяли?

Если бы это было так, то сокрушить эту теорию не стоило бы никакого труда. В действительности же Плеханову и Ленину в течение нескольких лет приходилось разоблачать весьма утонченные ухищрения этой теории.

Мы, разумеется, не склонны защищать теорию познания Маха-Авенариуса от Вас, но в интересах истины, однако, должны сказать, что дело обстоит не так просто, как это Вам «кажется».

«Мах объявляет весь мир одним комплексом связанных между собой ощущений — говорит Плеханов в одном из писем А. Богданову. Он [Мах. — *Ред.*], как видно, полагает, что в этом и заключается искомым ответ на вопросы о том, как же собственно относится “Я” к внешнему миру и внешний мир к “Я”».

Что же включает в себе заявление Маха «объявить весь мир одним комплексом связанных между собой ощущений» как не попытку объективировать эти ощущения без ощущающего? И можно ли на основании этого, весьма второстепенного признака, который вы найдете во всякой философской концепции субъективного идеализма, сделать тот вывод, как это делаете вы, товарищ Беспалов, что система, обладающая этим признаком, — «объективный идеализм»?

Плеханова не удовлетворил путанный ответ Маха по вопросу об отношении «Я» к внешнему миру.

Но тот же Плеханов следующим образом оценивал философию Маха: «В качестве натуралиста Мах, хотя и совершенно бессознательно, постоянно вынуждается переходить на *материалистическую точку зрения*. И каждый раз, когда он переходит на нее, он попадает в логическое противоречие с *идеалистической основой* своей философии»¹.

---

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XVII. С. 57.

Плеханов не был склонен в какой бы то ни было мере щадить Маха, но вот какую характеристику он давал ему:

«Естествоиспытатель, живущий в Махе, склоняется к материализму. Иначе и быть не может: не-материалистическое естествознание невозможно». А «философ, живущий в том же Махе, склоняется к идеализму. И это опять совершенно понятно: общественное мнение современной (консервативной) буржуазии, борющейся с современным (революционным) пролетариатом, слишком враждебно материализму, и совершенно исключительными являются те случаи, когда естествоиспытатели прямо объявляют себя теперь, подобно Геккелю, сторонниками материалистического монизма. В груди Маха живут две души. Отсюда его непоследовательность»¹.

Как видите, товарищ Беспалов, с философией махизма как философией «субъективного идеализма» дело обстоит не так просто, как это вам «кажется».

Примерно такую же оценку философии Маха давал и Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм», цитировать которую я считаю здесь излишним, дабы не загромождать и без того разросшуюся статью. Сошлюсь лишь на отзыв Ленина в его письме к М. Горькому за 1908 год, в котором он эмпириокритицизм, т. е. философию Маха-Авенариуса называет «разновидностью агностицизма».

Нам казалось, что нашему «ученому» литературоведу должны бы быть известны эти элементарные факты из истории борьбы нашей партии с реакционными теориями. А читателю предоставляем судить, кто из нас беззаботен «по части истории философии».

Что такое «образ»?

Так как творческий «образ» в истории литературоведения перверзевской школы занимает центральное место, то мы позволим себе сделать некоторые беглые замечания на этот счет. Неискушенный в схоластических упражнениях марксист обычно под образом художественного произведения подразумевает снимок с реальной действительности, пропущенный сквозь призму авторского понимания и претворенный в художественном произведении. Само собой разумеется, что в меру своего дарования, чем интеллектуальнее выше художник, тем художественно выше его творчество, тем сильнее оно заражает читателя, действуя на его ум и чувства. Поскольку данный художник принадлежит к определенной общественной группе, поскольку в ней вырос, воспитался и т. д., по-

---

¹ Там же.

стольку и его восприятие, а также и претворенные снимки-образы неизбежно будут окрашены переживаниями, чувствами и пронизаны идеями данной общественной группы. Чем экономически устойчивее данная группа, чем дольше исторически она существует и чем, следовательно, больше она накопила в своей среде предрасудков, специфически психологических черт и чем теснее связан с этой группой писатель, — тем больше будут окрашены образы-снимки в специфические черты этой группы. Но, тем не менее от этого творческие образы художника не перестанут быть снимками с действительности, хотя бы и очень искаженными.

Образ-снимок, разумеется, включает в себя также абстрактные идеи, отвлеченные понятия и т. п. Равным образом, также понимание природы творческого образа отнюдь не исключает, а предполагает активное воздействие автора на материальный и так называемый «духовный» (идейный) окружающий мир.

Эта точка зрения понимания образов исходит из философии диалектического материализма, которая предполагает, что окружающий нас материальный мир вполне доступен нашему человеческому познанию. Человек является лишь частью этого материального мира, его сознание есть продукт развившейся материи, а потому оно не находится с ней в противоречии. Человек познает мир при помощи органов восприятия — ощущений. Наши ощущения являются образом движущейся в пространстве и во времени материи. Материализм считает, что «дух» является продуктом материи или: материя — первичное, а дух — вторичное.

Идеализм, наоборот, дух считает за первичное, а материю за производное от духа. В споре с махистами Ленин говорил:

«Материализм в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя)».

«Махизм стоит на противоположной, идеалистической точке зрения», ибо им «за “первичное” берется ощущение»¹.

Таким образом, творческий образ художника, с материалистической точки зрения, является не чем иным, как более или менее, приблизительной копией, снимком с движущейся материи, с действительности, данной нам в ощущениях.

Другое понимание вкладывают в творческий образ художника различные разновидности идеалистической теории познания.

Как известно, эти идеалистические школы за первичное считают дух в различных его проявлениях, а материю — производной

---

¹ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. С. 37.

от духа. Школы субъективного идеализма отрицают существование материи. Вот почему с точки зрения субъективного идеализма, творческий образ художника является индивидуальным, неповторяемым созданием художника-творца, который из себя самого воспроизводит «во вне» творческий образ.

«Образ, как и понятие, не воспроизведение, не репродукция и, соответственно, “воображение — не “восприятие”, и не “представление” — говорит известный *идеалист-мистик Густав Шпет*. <подчеркнуто красным карандашом. — *Т.Ш.*> Из этого весьма запутанного толкования трудно уяснить, что же все-таки такое «образ».

Но когда мы в другом месте книги этого же автора читаем следующее пояснение, даваемое им по вопросу о природе художественного творчества, тогда нам многое становится понятным.

«Этим констатируется факт, давно лежащий в основе сопоставления творчества “создателя” мира, Демиурга, с творчеством художника»¹. Автор, правда, слово «создатель» взял в кавычки, но от этого суть дела все-таки не меняется. С точки зрения идеалистической философии Шпета творческий образ художника — божественного происхождения.

Эмпириокритическая философия Маха и Авенариуса, конечно, не производит происхождения творческого образа художника прямым путем от господ-бога, как это делает Шпет, но и она производит его из самого художника, который «объективирует свои ощущения и идеи, т. е. ставит им объекты во внешней действительности». Это, по сути дела, тоже открытые ворота для проникновения всяких божественных идей, но все-таки слегка замаскированные.

Литературоведческая теория профессора Переверзева тоже считает образ «проекцией» художника, которому во внешнем мире ничто не соответствует. Правда, этот проецированный образ, по мнению профессора Переверзева, носит социальный характер. «Проецированный в художественный образ характер всегда социально детерминирован»². Но эта «социальная оговорка» не меняет существа основного вопроса. Все-таки, с точки зрения литературоведческой теории профессора Переверзева, образ художника не является переработанным и окрашенным в субъективный цвет снимком с реальной действительности, а лишь проецированным, т. е. сотворенным из себя и вынесенным во внешний мир образом.

Товарищ Беспалов избегает точных формулировок о природе происхождения творческого образа, но и у него весьма отчетливо обнаруживается весьма недвусмысленная их трактовка в направ-

¹ Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. Стр. 58.

² Литература и марксизм. Кн. 2.

лении субъективного идеализма. В статье «Логика образов раннего Горького» в «Печати и Революции» за 1928 год он писал:

«Социальное устремление, выраженное в основном образе, — не задание автора, его замысел или намерение, и не его политические идейные убеждения, это — выраженная в образе объективная направленность и наполненность социальным содержанием, независимая от воли и намерения автора».

Как же это так, — «объективная направленность и наполненность социальным содержанием независимая от воли и намерения автора!? От чьей же «воли» зависит «наполненность»? У Густава Шпета это гораздо яснее сказано — у него «направленность» и «наполненность» зависят от воли божьей!

Впрочем, может быть, мы неверно истолковываем литературоведческую теорию профессора Переверзева и товарища Беспалова. В самом деле, может быть, образы действительно отображают внешний материальный мир. На это, кстати, как будто намекает и статья товарища Беспалова в сборнике «Литературоведение», в которой он пишет, что в «образной системе художественных произведений выступает социальная действительность», «отторгнутая и осознанная в образе».

И в самом деле — это совсем как будто бы материалистическая трактовка о генезисе образа. Однако учитель товарища Беспалова в упомянутой нами статье в журнале «Литература и Марксизм» оспаривает это наше предположение.

«...Для научного осмысления литературных явлений бесполезно копаться в личной биографии писателя, потому что не в личности писателя кроется тайна стиля. Также бесполезно копаться в так называемом “окружении”, в тех явлениях, событиях, лицах, которые служили “натурой”, “прототипом” и т. п.».

Но — странное дело! — на этой позиции стоит не только «марксист» Переверзев и соученики его, но и идеалист-мистик Густав Шпет. «До сих пор историки и теоретики “литературы” шарят под диванами и кроватями поэтов, как будто с помощью там находящихся иногда утензий они могут восполнить недостающее понимание сказанного и черным по белому написанного поэтом»¹.

В другом месте своей книги изучение биографии художника он прямо называет «психологическим сыском».

Почему такое неожиданное совпадение во взглядах у историка «марксистского» литературоведения и у открытого идеалиста?

Если наши «ученые» литературоведы вдумаются серьезно в это обстоятельство, то они без труда поймут, что исходная точка тео-

---

¹ Шпет Густав. Эстетические фрагменты. С. 75.

рии литературоведения Переверзева и эстетической теории Шпета — одна и та же. Это точка зрения субъективного идеализма.

В самом деле, если творческий образ художника является его произвольным, субъективным сотворением или проекцией, по Переверзеву, и ему во вне нас окружающей действительности ничто не соответствует, то тогда напрасно и бесцельно исследовать окружающую художника среду, искать в ней прототипы, модели, изучать историю классово-борьбы, быт его современников, борьбу политических партий и т. п., ибо ведь образы художника ни в какой степени не являются снимками с окружающей его действительности. Значит, изучение окружающей среды художника равным счетом ничего не объяснит в творческой природе образов художника. Правда, нам на это могут возразить: позвольте, ведь В. Ф. Переверзев и его школа считают, что основание образа «нужно искать там, где лежит источник социальной закономерности, в тех производственных отношениях, в которых складывается проецировавшийся в образах социальный характер»¹.

Как же это так? — спросит иной, привыкший логически рассуждать, читатель: — В. Ф. Переверзев только что признал бесполезность изучения среды на том простом основании, что она не может являться «прототипом», «моделью» для художника; следовательно, и его образы не могут являться снимками с окружающей среды. А теперь тот же самый литературовед вдруг заявляет, что «проецировавшийся в образах социальный характер» складывается в определенных «производственных отношениях». Но ведь прежде, чем быть «проецированным», социальный характер образа должен сложиться сначала в голове художника?

Для того чтобы быть обусловленным «социальной закономерностью» или стать «классово-детерминированным», для этого, очевидно, художник должен сначала подвергнуться воздействию «социальной закономерности», т. е. отобразить эту «закономерность» в своей собственной голове. Или, выражаясь в материалистических терминах, образ художника тогда будет отображением той самой материальной среды, которую вы только что объявили ничего не могущей дать для изучения произведения художника. Это называется совершать логически незаконный скачок: объявив сначала бесполезным для понимания произведения изучение автора и среды, затем через некоторое время эту же самую среду под другим наименованием — «социальной закономерности», «производственных отношений» — впустить с заднего крыльца, чтобы спасти чудесную теорию литературоведения от нелепостей

---

¹ Переверзев В.Ф. журнал «Литература и марксизм». Кн. 2, стр. 21.

субъективного идеализма. Однако это ее не только не спасает, но лишь больше запутывает. В самом деле, если творческие образы художника, проецированные во вне, из себя, — классово детерминированы, и в то же время не являются снимками с действительности, то почему им не быть детерминированными высшей силой «творца», «Демииурга», как это было у Шпета.

Ведь понятие «класса», «социальной закономерности», «производственных отношений» у В. Ф. Переверзева настолько туманны, недиалектичны, что их вполне можно принять за метафизические сущности.

Ограниченные местом, мы постараемся подвести итоги сказанному нами выше и показать кратко, откуда берет свое начало и куда растет теория литературоведения профессора Переверзева.

Ядро этой теории берет свое начало в эмпириокритической философии Маха-Авенариуса. При чем профессор Переверзев заимствует у Маха-Авенариуса их субъективно идеалистическую основную часть философии.

«Отторгнутые системы» творческих образов без автора и среды, которая является объектом литературоведческой теории, есть не что иное, как «объективированные» «элементы» «ощущение» теории познания Маха-Авенариуса.

Вот как отзывался товарищ Ленин о наших отечественных махистах, которые, подобно нынешним «ученым» литературоведам, вздумали пропагандировать философию Маха-Авенариуса среди рабочих:

«Наши махисты увязли в идеализме, т. е. в ослабленном, утонченном фидеизме, увязли с того самого момента, когда взяли “ощущение” не в качестве *образа внешнего мира, а в качестве особого элемента*».

«Ничье ощущение, ничья психика, ничей дух, ничья воля, — к этому неизбежно скатишься, если не признавать материалистической теории *отражения* сознанием человека объективно-реального внешнего мира»¹.

Из этой же теории субъективного идеализма вытекает и аполитизм, меньшевизм, проповедуемые профессором Переверзевым.

В самом деле, если весь мир только «представление», «ощущение», «образы», которым ничто не соответствует во вне, то нельзя изучить историю, экономику, среду, ибо все равно он о них ничего знать не может, а следовательно, ничего в них изменить не может.

Почему о литературоведческой теории профессора Переверзева вспомнили только теперь? Да потому, что она не выдержала

---

¹ «Материализм и эмпиризм», В. Ленин, стр. 353.

проверки практикой классовой борьбы и оказалась в противоречии с развитием, т. е. реакционной теорией. В нашей борьбе за перестройку нашего хозяйства, за переделку быта крестьянской мелкобуржуазной психики, его отсталой идеологии в пролетарскую, она нам мешает, препятствует, внушает ложные убеждения в «детерминированности», неподвижности этой психики.

Некоторые думают, что Переверзев внес много нового в марксистскую теорию литературоведения. Это верно. Но, только все то *новое*, что внес Переверзев, ничего общего с марксизмом не имеет: он попытался марксизм дополнить идеализмом.

Вот и всё.

Протокол № Редсовета Издательства «Academia»

от 22 мая 1931 года

Присутствовали: Тихонов, Ежов, Эфрос, Ярхо, Виноградов и приглашенные: Мальнев, Лопашев, Шпет.

Председатель: А. Тихонов.

Секретарь: Н. Антокольская.

Слушали и обсуждали трехлетний редплан по отделу музыки.

1. История оперы. — Ряд сборников, заключающих в себе теоретические статьи по теории и истории оперы, а также некоторые музыкальные иллюстрации к тексту. Книга предназначается главным образом для радиослушателей.

Предложение от имени Радиоцентра делает Мальнев. Радиоцентр берет на себя литературную организацию сборников и согласен предоставить «Academia» материальные средства и бумагу. Книги выходят под маркой «Academia», но с указанием, что составление сборников принадлежит Радиоцентру. За издательством «Academia» остается право редакционного контроля над текстом и вся техническая сторона изданий.

Тов. Ежов, не возражая принципиально против издания, считает необходимым условием наличие выдержанной марксистской редакции сборников, которая придавала бы изданию серьезный и нехрестоматийный характер.

Тов. Эфрос, Тихонов и Ярхо — присоединяются к предложению Ежова.

Постановили:

Признать издание принципиально желательным и включить в план при условии:

- 1) выдержанной марксистской редакции сборников,
  - 2) представления списка членов редакции сборников на рассмотрение издательства,
  - 3) предоставления Издательству необходимых для издания сборников средств и бумаги.
2. Сборник «Музыка и музыкальный быт в эпоху Французской революции». Предлагает т. М. Беляев.

Постановили:

Ввиду того что сборник будет иметь, по-видимому, сборный, хрестоматийный характер, составленный из статей разных авторов, — от издания его отказаться.

3. Сравнительное музыковедение и

4. Музыка народов СССР.

Предложение М. Беляева.

Обе книги между собой связаны. Первая из них является общим вступлением ко второй, трактующей ряд частных, конкретных тем.

Тов. Ежов — возражает против издания, полагая, что темы современной музыкальной политики лежат вне программы Издательства «Academia».

Тов. Эфрос — отстаивает издание второй книги, а именно «Музыка народов СССР», считая этот вопрос весьма актуальным.

Постановили:

В виду неясности предложения оставить вопрос открытым и предложить Беляеву дать подробный конспект издания.

5. Кризис современной музыки (сборник).

Постановили:

Отклонить, ввиду того что тема сборника лежит вне программы Издательства.

6. Сборник трудов по дирижированию.

Постановили:

Ввиду того что книга имеет специфический профессиональный характер, от издания отказаться.

Скандинавская литература

Дания

1. Гольберг. — Нильс Клем. Предложение Шпета. Сатирический роман. Имеет главным образом историко-литературное значение. Для современного читателя во многом устарел.

Постановили: от издания отказаться.

2. Эленшлегер. — Аладдин, или чудесная лампа. Бальдур. Путешествие Тора. Предлагает Шпет. Крупнейший датский поэт. Первая вещь характеризует раннюю романтическую пору его творчества, остальные две — более зрелые и в тематическом и в художественном отношении.

Постановили: Включить в план все три произведения.

3. Герц. — Дочь короля Рене. Предложил Шпет. Средневековый сюжет. Имеется элемент мистики.

Постановили: от издания отказаться.

4. Андерсен. Автобиография (Сказка моей жизни). Импровизатор. Предложил Шпет. Автобиография помимо фактических данных из жизни писателя содержит историю его творчества и расшифровку многих из его сказов. «Импровизатор» — роман из жизни итальянских художников XIX века.

Постановили: Включить в план обе книги, в одном томе.

5. Гейберг. — Душа после смерти. Предложил Шпет. Сатирический роман. Тема: филистер в духовенстве. Тов. Эфрос считает роман — второстепенным. Тов. Шпет признает, что роман имеет местный характер.

Постановили: От издания отказаться.

6. Киркегор. — Или-или. Предложил Шпет. Книга трактует, главным образом, вопросы искусства. Для советского читателя не представляет большого интереса.

Постановили: От издания отказаться.

7. Гольдшмит. — Бездомные. Еврей. Предложил Шпет. Интересный бытовой роман из жизни еврейской бедноты.

Постановили: Включить в план.

8. Якобсен. Нильс Люне. Мария Груббе. Предложил Шпет. Обе вещи известны по русским переводам.

Постановили: включить в план.

9. Понтопидан. — Счастливый Пер. Предложил Шпет. Автор современный и потому не входит в план Издательства.

Постановили: от издания отказаться.

Швеция

1. Бельман. — Избранные стихотворения. Предл. Шпет. Возражений нет.

Постановили: включить в план.

2. Аттербом. — Остров блаженства. Предл. Шпет. Аллегорическая поэма. Романтика.

Постановили: от издания отказаться.

3. Тегнер. — Фритьоф-сага. Предл. Шпет.

Постановили: включить в план.

4. Альмквист. — Дворец. Пойдет. Предл. Шпет.
Постановили: включить в план «Дворец».
5. Стринберг. — В шхерах. Жители Хемзы.
Постановили: ввиду идеологической неприемлемости автора — от издания отказаться.
6. Гейерстам. — Беднота и др. рассказы. Предл. Шпет.
Постановили: от издания отказаться.
7. Рунеберг. — Рождественские вечера. Охотники за лосями.
Ганна. Предл. Шпет.
Постановили: включить в план 1 том.
8. Топелиус. — Записки фельдшера.
Постановили: включить в план.

Норвегия

1. Бьернстерне Бьернсон. — Флаги в городе и гавани. По божьему пути. Рассказы. Предл. Шпет.
Постановили: включить в план 1 том: «Флаги» и «По божьему пути».
2. Ионас Ли. — Избранные произведения. Предл. Шпет. Тов. Тихонов — поддерживает предложение.
Постановили: включить в план.
3. Ибсен. — Собрание сочинений. Предл. Шпет. Собрание находит, что автор общеизвестен, имеется в продаже. Издать собрание сочинений сейчас несвоевременно, делать выбор — трудно.
Постановили: от издания отказаться.
4. Келанд. — Гарман и Ворсе. Шкипер Ворсе. Предл. Шпет.
Возражений нет.
Постановили: включить в план.
5. Торесен М. — Страна полуночного солнца. Предл. Шпет.
Предложение не встречает сочувствия.
Постановили: от издания отказаться.
6. Эльстер. — Опасный народ. Предл. Шпет.
Постановили: от издания отказаться.
7. Гамсун. — Голод. Пан. Виктория. Предл. Шпет.
Постановили: включить в план 1 том ранних произведений, не предрешая вопроса о выборе.

Голландия

1. Ван-Ден-Вондель. Люцифер. Предл. Шпет. Поэма о Люцифере. Богоборческие тенденции. Та же тема, что и у Мильтона, но разработана глубже.
Постановили: включить в план.
2. Бергман — Эрнест Стаас. Предл. Шпет.

Постановили: включить в план.

3. Геерманс. — Город бриллиантов. Надежда на благословение. Предл. Шпет.

Постановили: от издания отказаться.

4. Деккер (Мультиатули). — Избранные произведения. Предл. Шпет.

Постановили: от издания отказаться.

Председатель

А. Тихонов

Шпет Г. Г.
Отзыв на роман К. Гамсуна «Август»

<1931 год>

Продолжение переведенного на русский язык романа Бродяги. Но если в Бродягах центральное место было отведено из двух друзей «бродяг» Эдварду, то в новом романе оно сосредоточено вокруг Августа. Только здесь раскрывается до конца замысле автора, задумавшего своеобразную и колоритную, даже среди его собственных героев, фигуру Августа. Гамсун черта за чертою раскрывает сложную и запутанную психологию «бродяги, вряля, который «сам не знает, когда говорит правду и когда ложь», в сущности бескорыстного в своем вранье, как и в помощи, которую он оказывает каждому и во всяком деле. — Поселок Поллен на дальнем севере Норвегии живет примитивной жизнью людей, все существование которых, удачи и неудачи, определяется ходом сельди, «а она идет как пароход, вдруг пропустивший одну из своих остановок». Август хочет расшевелить жизнь этих людей без мысли, без инициативы, без воображения. Поллен живет, расцветает и падает, осуществляя фантастические замыслы Августа. Август добивается своими авантюрными приемами открытия в Полене почтового отделения, банка, строит дома, заражая всех своим строительством, которое приводит Поллен к голоду, когда под строительство ушла вся земля, годная для примитивного северного земледелия. Он устраивает фабрику, которая одновременно должна приготавливать рыбную муку и перерабатывать торф, но эта затея оказывается неосуществимой, как не осуществилась и его табачная «плантация». Крушение начинаний Августа приводит роман к развязке, хотя внешним поводом для этого

служит простое озорство Христофора, потоптавшего названную плантацию. — Нет неудачи, которая сломила бы дух инициативы Августа, он «легок», «у него есть вера в жизнь», как говорит о нем Эдвард, который сам эту веру потерял и, вернувшись из странствований по Америке, живет на родине «чужим» или, как его называет Август, «мертвым». — В конце романа Гамсун явно вкладывает свой замысел в уста одного из действующих лиц романа, старосты Иоакима: «Августа не так-то легко было понять. Если он орудие духа времени, он имел основания настаивать на своем... Он мог потерпеть крушение в одном деле и тотчас браться за другое, но был неподражаем и в смысле безответственности и в смысле доверчивости. Когда он был болен зимою, говорят, он сожалеет о том, что не выучился ходить по канату. Но, в сущности, он это умел, только он танцевал головою, он был сумасшедший. Эзра правильно говорит, что он был занят сотнею дел, он со всеми справлялся ловко. Он работал весело, с увлечением, в нем была современная механика и американизм, и хорошее и дурное, и всё. Но в одном отношении он был <...> башки и уехал без единого эре. Собственности у него не было».

Непосредственное изображение быта и примитивной психологии обитателей Поллена дано Гамсуном с присущей ему силою и тонкостью реализма. Но действительная движущая социальная сила, «символом» которой, по выражению того же Иоакима, был Август, «агентом, представителем нашего времени», раскрывается, также в свойственной Гамсуну манере, намеками, беглыми замечаниями: проникновение городского и промышленного духа в самое отсталое хозяйство Северной Норвегии. Дело в том, что Август помогал развитию Полена и в хорошем, и в дурном смысле. Он осушил болота и в то же время он спекулировал. Он был выражением духа времени, давая одной рукою и отнимая другую... Август говорил иногда в своих спорах с Паулиной, что развитие именно так и происходит, что это «неизбежная борьба и соревнование». Также «символически» намечается и противоположная, косная сила, воплощенная в лице мужика Эзры: «Мужик Эзра понимал и знал только одно: землю, только землю, он был рабом своих полей и лугов, кроме пашни были еще море и горы, был весь мир, но это его не касалось». Рассуждения Эзры: здравы, убедительны, неопровержимы; у автора как будто нет средств путем непосредственного опровержения раскрыть отрицательную природу этого мужика с кулацким мировоззрением, но вся фигура Августа, к которому относится с нескрываемой симпатией, как и дополняющая его фигура другого бескорыстного бродяги Эдварда, все отдавшего сестре и заканчивающего жизнь простым, хотя

и мечтательным батраком, заставляет читателя призадуматься над незыблемой правотою косного Эзры и усомниться в ней.

По силе изображения и захватывающему развитию фабулы этот роман несомненно превосходит «Бродяг».

Шнет Г. Г.

Отрывок отзыва на перевод пьесы Ст. Выспянского «Свадьба», сделанный К. Эрбергом

<1933 год>

Акт I, сцены 18–20

В передаче метра этот переводчик пошел по пути малого сопротивления и, отказавшись от точной передачи капризных расстановок ударений подлинника, принял привычный для русского стиха хорей и ямб. И в некоторых отношениях этот компромиссный прием оправдывается тем, что, если он и не удовлетворит «изысканного» читателя, он не заставит бороться со своими привычками читателя среднего и преобладающего. И лучше иной раз получить средний и гладкий стих, чем присутствовать при непосильной борьбе переводчика с оригиналом. Новые формы должны даваться в безукоризненном выполнении, и тогда только они будут убедительны. — Точно также переводчик отказывается от преодоления трудностей *построчного* перевода, о чем уже нельзя не пожалеть и чего нельзя не поставить ему в упрек. Вместо перевода мы получаем *изложение*, — довольно точное, но, конечно, опускающее ряд образов и стилистических приемов автора. Это ярко иллюстрируется первым же вступлением *Рахим* (ст. 18). 11 строк подлинника уложились в *изложении* переводчика в 8 строк, причем он успел ввести собственный образ «ладьи в волшебных странах», но потерял повторения, определяющие у автора все построение отрывка:

ta chałupa rozświecona,
zdaleka, jak arka w powodri

-----

ta chałupa rozświecona,
jako orka, naksztalt czarów łodzi —

В отношении ритма дело обстоит также неудовлетворительно. Следует добиваться большего приближения к подлиннику. Так

в монологе Жениха («Молодого») у автора из 25 строк монолога лишь одна строка не распадается явно (и одна — условно) на два равных полустушия, а из 27 строк перевода лишь 13 соответствуют такому же ритму.

Со стороны синтаксиса и смысла перевод читается гладко, за немногими исключениями, вроде: «В эту радость и красу я влетаю (!) без усилий» (что, кстати, и неточно).

Или: «Я — еврей. Ее же уважайте: Дочь моя отца *ведь* не стыдится».

Шпет Г. Г.

Отзыв на перевод отрывка из поэмы «Мария» Мальчевского, сделанный Я. О. Зунделовичем

9 февраля 1933 года

MARJA, Powieść Ukraińska, A. MALCZEWSKIEGO

На отзыв прислан перевод первых девяти отрывков Первой Песни поэмы.

Непосредственное чтение перевода, до сравнения с подлинником, производит впечатление тяжелого стиха, небрежной конструкции, местами затемненного смысла и в целом прозаического стиля. Подлинник, как известно, отличается противоположными качествами: он легок, изящен, по стилю романтичен и лишь в немногих местах не совсем прозрачен по смыслу. — Переводчик, желая передать метр автора, выбрал размер, для привыкшего к русской скандировке уха, необычный, а потому трудный. От этого — первое впечатление, что тяжелый стих переводчика — неудача самого размера. Однако именно с размером переводчик более или менее справляется. Встречающиеся небрежности в счете слогов (попадают строки в 11, 12 и 14 слогов вместо 13) легко устранимы. Больше работы потребовалось бы для того, чтобы выправить неудачные расстановки естественных ударений. Так, неприятны столкновения ударных слогов, в особенности — перед заключающим строку ударением: «раздор с сыном», «враг шумит в ивах», «И седока конь верный», «запретить кто смеет», «негде бы здесь нежно» и т. п., или, наоборот, слишком большие удаления ударных друг от друга: «по нужде ли, или от потрясения», «Женщина молодая» и т. д. И особенно это неприятно, когда неловкая конструкция заставляет читателя сомневаться в правильном месте логического ударения фразы. В общем,

переводчик как будто исходит из того неправильного представления о силлабическом стихе, согласно которому от этого стиха требуется соблюдение только одного принципа: *изосиллабизма*. Между тем польский quasi-силлабический стих далеко не благосклонен к полному произволу в расположении ударений в стихах и полустушиях; в нем существует своя закономерность в чередовании и замене стоп. В частности, у Мальчевского можно подметить следующие постоянства: преобладают строки, состоящие из двух ямбов и амфибрахия до цезуры и анапеста с амфибрахией после цезуры; преобладающие замены: для двух ямбов первого полустушия — третий пеан, а для первого амфибрахия второй полустроки — анапест. Точного подсчета я не производил, а по непосредственному впечатлению — эти особенности подлинника и пропорции частных или редких замен переводчиком не соблюдаются.

Более существенным недостатком, с той же технической точки зрения, представляется мне введение приблизительных рифм на место безукоризненно точных оригинала: «пустил ты — застилкой», «послушный — задушит», «скрипящей — расташут», «звона — клонит», «основы — ловит» и т. д. — более или менее, как правило. Такая рифмовка, во-первых, расшатывает стих, делает его формально нечетким, что при избранном переводчиком «силлабическом» строе создает впечатление внешнего прозаизма, а во-вторых, это оказывается значительным отступлением от самого стиля поэмы — романтической, байронической, написанной более ста лет тому назад. У автора рифмы — звонкие, четкие, тождественные по звуку и даже по графическому изображению.

Еще больше нарушает стиль поэмы лексика и синтаксис переводчика. Но едва ли нужно входить в рассмотрение недопустимой для поэзии тяжеловесности того и другого, раз нужно сейчас же и вместе с тем констатировать, что именно лексика и синтаксис — самое слабое место перевода, даже безотносительно к какому бы то ни было стилю. Трудно принять такие речения, как: «Пыль стоит по дороге длинной застилкой»; «их след протускнеет», «И дикое довольство глаза искрой ранит»; «Как в миг, когда замучен, пусть и на минуту, Хотя б на муравейник ляжешь отдохнуть ты»; «Туда, где ожидают тысячами жала»; «Все слышен звук движенья иль вздохов глубоких, прерывно отраженных от сводов высоких»; «И во мрак уходящий ушел он всем телом»; «Пока на землю мягче копыта не всходят»; «В потоках света стали по-орлиньи плавать»; «чувств блистанье померкло», и т. п.

Но самое грустное убедиться, что многие из этих «построений» не отражают мысли и образов подлинника и нередко проистекают из непонятого переводчиком оригинального текста. Перевод в це-

лом, с этой точки зрения, производит впечатление подстрочника, сделанного по словарю. Слова и выражения в отдельности как будто переданы правильно, но смысловую связь между ними уловить можно не всегда, по крайней мере пока русский текст не сопоставлен с польским оригиналом; однако и после этого сопоставления нельзя бывает признать, что перевод передает замысел автора.

Нижеследующие примеры покажут, что я имею в виду.

I отрывок начинается описанием скачущего на коне казака, которое завершается каденцией:

Gdy koń — co jak ty, dziki, lecz posłuszny zyle,

Porze szumiący wicher wyciągnąwszy szyję.

Т. е.: Тогда как конь твой..., вытянув шею, прорезает («распарывает») шумящий вихрь. Вместо этого у переводчика первая мысль закончена до этой каденции, а здесь начинается новая, и притом образом, по меньшей мере, дерзким: «Если конь,... В беге вытянув шею, вихрь задушит...» Так как это начало новой мысли, то спрашивается, что же произойдет, когда конь приведет свое страшное действие в исполнение? Тогда, оказывается у переводчика: «Спасайся, черноморец, с телегой скрипящей:

Степные эти дети соль твою растащут».

Кроме неправильной конструкции, на этом примере обнаруживаются и другие недочеты перевода. «Степные эти дети» — надо думать — казак и его конь, но спрашивается: зачем и как конь будет «растаскивать» соль (в подлиннике *roztraśca* — разбрасают, разобьют). При таких неточностях в передаче смысла и его связи, может быть излишне отмечать тонкости, которых не уловил переводчик, но которые, при посильной их передаче, как раз способствовали бы передаче стиля и аромата, как эпохи, так и места. Так, на Украине, как и в Польше, не было «телег», а были «возы», но автор, намерение которого здесь — явно, выбирает специфическое слово *taża*, воз о двух колесах, на котором чумаки возили свои товары. Кстати, и «чумаки» было бы характернее здесь, ибо, хотя у автора *Szarnomorges*, но по-русски с эти именем связываются не те ассоциации, которые нужны автору. То же самое относится к следующей строке: «А ты, черная птица, что всех поджидает...», — какую птицу, кроме ворона или вороны представит себе русский читатель? Между тем Мальчевский подразумевал под названием *czarna ptaszyno* — ласточку! Если переводчик не мог передать образа, лучше было бы прямо о ласточке и говорить.

Во II отрывке те же казак и конь у переводчика «мчатся... На испосланных небом похожие как-то». Это весьма прозаическое для романтической поэмы «как-то» введено для (довольно каковой) рифмы к слову «заката», но интересно, как же, в самом деле, или

чем, в частности конь может быть похож на «ниспосланного небом»? Мальчевский уподобляет обоих, и казака и коня, всего одному «какому-нибудь гонцу», или «вестнику», и притом, посланному «небожителями» (Podobni do jakiego od niebianów gońca), и, конечно, это сравнение никак не похоже на сравнение переводчика.

Весь конец этого отрывка в русском переводе просто непонятен, и притом именно в силу соединения указанных противоположных особенностей перевода: то слишком большого уклонения от подлинника, то подстрочного, словарного перевода. Автор говорит о стонах тех, «что спят на увядших венках прежней славы», а переводчик — о «В последнем сне плененных (?) славою былою», что и неточно, и непонятно. Вслед за сим автор называет эти звуки «бездумной музыкой, — а еще страшнее», — говорит он, — «к ней слова, которые сохраняет для потомства дух прежней Польши»; переводчик это передает: «Дика музыка эта, но в словах, где Полоша Хранит свое былое, той дикости — больше», что и неясно, и странно, в особенности благодаря словам «дика» и «дикости больше». Это, конечно, буквальный перевод слов *dzika* и *dziksz*e, но надо иметь в виду то широкое — и по объему, и по смыслу — употребление этого слова, которое нашло себе место в романтической поэзии и в особенности у Байрона, от которого, несомненно, Мальчевский заимствовал этот эпитет (*wild*).

Та же буквальность портит первую же строчку следующего, III отрывка: «Казак объехал бездны, глубокие яры» (*Minął już kozak bezdnie i głębokie jary*). «Объехать бездны» — образ, нужно сказать, даже для романтической поэзии — слишком смелый; несколько устарелое слово *bezdnia* — скорее уж «бездонье», чем «бездна», — это означает глубокий колодезь или глубокий родник. Не приходится уже останавливаться на более тонком различии польского *jar* и русского *яр* (если к тому же по-русски позволительно говорить «яры»). Сомнительно, далее, послужил ли к передаче бытовой черты казака перевод выражения *żegnał się trzy razy* — «склонялся три раза» вместо — перекрестился три раза.

В отрывке IV у отца и сына во время их длительной ссоры «слезы», в переводе, «Катились часто, горько, — но не разделенно», — *ale bez podziału* оригинала. Как это понимать? Ссорившиеся *не разделяли* слез друг друга? Это — естественно, но причем тогда это маленькое «но»? Переводчик не обратил внимания на то, что уже отмечалось комментаторами: отец с сыном плакали, *но* согласия не достигли, *не разделяли* взглядов друг друга. — Здесь же — приведенная выше сентенция: «И дикое довольство глаза искрой ранит», что должно означать, если следовать оригиналу, буквально: «А в глазах сверкнула быстрая дикая радость».

В отрывке VI может не нравиться образ «червь преступления», но «змея угрызенья» — не адекватная ему замена. — Здесь же «...воевода суровость во взгляде Под сморщившимся веком прячет одиноко, Как в рукоятке сабли — камень светлоокий». У автора этого смешного образа «сморщившегося века», нет, — речь идет, конечно, о *нахмуренности* (*romarszczyć się* значит не только «сморщиться», но также «нахмуриться», это опять словарная подстрочность); что касается последней строки приведенной цитаты, то кроме неудачного синтаксиса, заставляющего думать, что сам воевода прячет (?) камень в рукоятке сабли, — все это сравнение выдуманно переводчиком, который во всей строке понял и правильно передал только слово «камень» (*Jak w jaszczur kryją kamień, którym дума błyska*). — Отметив еще, что *gobactwo rozległe* не значит: «черви... разлеглись просторно» (да и где это вообще видано?), а значит просто *большое количество червей*, — на этом закончу разбор.

Как мне представляется, указанные примеры, и главное — прозаический, тяжелый, бесстильный язык перевода в целом, — делают его непригодным для чтения и не могут убедить читателя, что *Мария* Мальчевского — высоко стоящее по художественным достоинствам произведение, выдержавшее со времени своего появления на свет более ста изданий.

Г. Шнем

Шнем Г. Г.

**Отзыв на перевод «Пана Тадеуша» А. Мицкевича,
сделанный С. Городецким (Кн. II–VII)**

2 мая 1933 года

Общее впечатление от перевода в целом — вялость и монотонность стиха, чаще прерываемого небрежным синтаксисом, неудачной расстановкой слов и прозаизирующими пиррихиями, чем подлинно поэтическими строками или отрывками. Неудача такого опытного поэта, как С. М. Городецкий, не может быть объяснена отдельными формальными промахами переводчика и только его небрежностью или недостаточным вниманием к русскому языку. Результаты предполагаемой небрежности, поскольку они будут признаны самим переводчиком, без особого труда могут быть, и должны быть устранены его же опытной рукою. Однако, основной источник неудачи перевода лежит в другом — в самом принципе,

избранном переводчиком, и если я прав, то исправление перевода, т. е. приближение к подлиннику, как по форме, так и по поэтическим качествам, потребуют большой и усердной работы.

Речь идет о *стиле* всей поэмы, — а стиль ее, писал В. Гостомский в своей книге о *Пане Тадеуше*, «как платье, превосходно облегающее тело и оттеняющее его естественные формы». Такого эффекта Мицкевич достигает выбором особого характера или *тона* всей *речи*, усвоенного Мицкевичем в подражание так называемой *gawęda* (gawęda), — разговорной форме, простой и непринужденной, но, конечно, в поэме — поэтически обогащенной и изощренной. Затем, основную роль в создании стиля поэмы играет подвижный, меняющийся, гибкий ритм ее — спокойный, деловитый, аппетитно-детальный в эпических описаниях, несколько приподнятый и то, что называется возвышенный, в изображениях природы, мягкий и нежный — в лирических местах, прерывистый, пылкий и бурный — в драматических диалогах, наконец, индивидуально-экспрессивный в монологах действующих лиц поэмы. Для достижения цели Мицкевич пользуется не только соответствующим подбором словесного материала, но даже чисто фонетическими особенностями польского языка, а также всеми теми возможностями, которые дает *свободная* ритмика силлабического тринадцатислогового стиха. Организующими моментами этого стиха, его остовом, служат: *женское, четко рифмованное* окончание строки и *женская же цезура после седьмого слога*.

Сдерживаемый этими двумя линиями, как берегами, течет стих — то ровный и спокойный, то вздымающий волны, то бурный как водопад. Дополнительные цезуры, как женские, так и мужские, встречающиеся в отдельных стихах на самых разнообразных местах, служат у Мицкевича цели создания особого ритмического эффекта, связанного с характером повествования. Наглядный образец такой игры цезурами смотри, например, в Кн. IV, в изображении искусства, с каким Войский владел своим рогом (ср. в особ. стр. 674, 675, 676, 684).

Передать это разнообразие ритма и темпа — задача нелегкая. Но *Пан Тадеуш* — произведение в некоторых отношениях единственное в мировой литературе и заслуживает самого внимательного отношения, а С. Городецкий — переводчик таких больших поэтических возможностей, что мы вправе ожидать от него попытки передать подлинник, если не с адекватною поэтической силою, то все же с возможным приближением; во всяком случае, в его способностях показать, что русский стих ритмически — не беднее польской силлабики.

Переводчик избрал для передачи 13-слоговой, выше характеризованной строки, ординарный ямб с женским окончанием и

обилием «спертых», неотчетливых рифм, допуская, как указано, большое количество пиррихий, но никак *не воспользовавшись* организующей силой цезуры, разделяющей стих на два четких полустишья. Уже выбор ямба есть компромисс. Но, принимая во внимание трудности, на которые натолкнулся бы переводчик, если бы он в такой большой поэме последовательно провел еще недостаточно усвоенную у нас силлабику, этот компромисс можно было бы принять. Однако отсутствие цезуры и деления стиха на полустишья обесценивают — и выбор переводчика и результат, к которому этот выбор привел его. Вместо живого, гибкого стиха подлинника перевод дает длинные, утомительные своим однообразием строки, по которым уныло побредет читатель, как по неровной проселочной дороге, спотыкаясь о груды синтаксически неясных речений и проваливаясь в ухабы пиррихий. Невольно вспоминается пушкинская характеристика стиха без цезуры, когда он — «то в яме, то на кочке» (даже при пятистопной строчке).

Из четырех с половиной тысяч строк, на основании которых у меня составилось вышеуказанное *общее* впечатление, я считал около двух тысяч строк с оригиналом строка за строкою. Это-то сличение и навело меня на мысль о некоторой небрежности в работе талантливого поэта, может быть, чрезмерной поспешности работы и недоделанности — местами кажется, что это — просто черновик, ждущий поправок и отделки.

«Спертая» рифма, часто встречающаяся в переводе, еще больше расшатывает и без того бессильные его строки. В переводе *Пана Тадеуша* она вообще кажется мне недопустимой, ибо по отношению к поэзии Мицкевича это — модернизация, ничем не оправдываемая. У самого польского поэта рифма всегда полнозвучная, вплоть до тождества ее графического изображения. Вот несколько примеров непозволительных с этой точки зрения рифм (если вообще всё это признать за рифмы): зайца — бросаться; вставай ты — узловатым; охота — подал; дрожek — молодежи; *какое — удостоил*; красным — опасность; замок — самый; *настежь — счастье*; камня — давней; *помощь — полночь*; ногами — память; законы — виновных; сладит — садик; спеленут — стонов; *собою — устроил*; *чтобы — похлопал*; *немало — помчались*; *промах — влекомы*; удаляясь — заяц; огромных — комнат; *весельем — делит*, волос — *веселых*; бернардинец — латыни; *вырез — шире*; *провел он — веселых*; грустно — трусость; *копнах — мокнут*; известить их — событий; *повесткой — резво*; молодел он — делал (последние три пары — подряд); Наполеона — возрожденный, *мыслит — вышли*, *такие — пригоден (!?)*, *верховодить — годен*, москалей — сжался, которым — спорил и т. п.; особняком стоит: «не могу уж я — оружие», — ударение на *могу* и, кроме того, получается 14 сло-

гов; может быть, это — описка, и переводчик хотел сказать: «не могу ж я», но такой оборот не очень подходит здесь *по тону* речи.

Остановлюсь на самом переводе. Кн. II открывается изображением охотника, идущего на охоту (szedł na pole переведено «шел ты в поле»; лучше — *на охоту*, польское pole значит не только поле, но и *место охоты* вообще, а также самое *охоту*), который идет

«Валами и плетнями ног не удручая,
Чужой межи в своем пути не замечая!»

Мне не кажется удачным уже употребление здесь глагола *удручать* (обыкновенно — удручать *кого*, а не *что*); неясно и «в своем пути», — значит ли это *на своем пути* или это вводное предложение? И дальше:

«Ведь на Литве охотник как корабль на море:
Любой дорогой может мчаться на просторе,
Или глядеть на небеса — под стать пророку —
.....
Иль как кудесник слушать землю чутким ухом...»

Но когда же «корабль» обладал такими способностями? — Это — просто небрежность речи.

Строки 13—15: «Там прозвенел.....»

В глуби небесной скрытый жаворонок-птенчик,
Там прошумел орел крылами в бездне света...»

Жаворонок-птенчик едва ли залетает очень высоко, а образ «бездна света» — неясен (obszar — пространство, ширь пространства).

Строки 21 и 22 — неверно поняты и обобщены: об «изгнанниках», возвращаемых отчизне «для новой лучшей жизни» эти строки не говорят. В стр. 27 д.: «солнце *встало*, разливалось... пробивалось... раскидывало позументы», — кроме несогласованности глагольных видов и руссификационного тона, разве хорошо это: «своих лучей раскидывало позументы» (złote, migające pręgi — золотые сверкающие полосы) — только для апухтинской рифмы к слову «ленты».

Стр. 43—44: «Потом, как в воду, в сон глубокий окунулся
И крепко спал» —

пропало сравнение автора: Тадеуш так ворочался, что *в сено как в воду*, погрузился и крепко спал (можно подумать, что переводчик спутал слова siano и sen), — едва ли «крепко спал» вытекает из образа или понятия «окунуться» (в подлиннике оно вытекает из образа «утонул», «погрузился» — utonał).

Стр. 62 д.: «И хоть друг друга обжигали злобным взглядом,
Но говорили как порядочные люди,
Которых смертный спор сейчас решаться будет,
Не видно было их взаимных экзекуций».

Весь этот не слишком ясный пассаж основным образом не изъяснен и даже неуклюж, в особенности благодаря последней строке, где «экзекуции» введены только для рифмы с последующим «Куцым». И неужели талантливый переводчик считает, что эта строка выражает простую мысль, которую можно было бы передать так: Никто вражды упрямой в их словах не вскроет (Nikt ze słów zawziętości ich poznać nie zdoła;). — В стр. 70–71 говорится о ксендзе:

«То сварливо
Смотрел он на Тадеуша, а то с усмешкой!»

«Сварливо смотрел», по-видимому, призвано передать польское marszczysię (хмурился), но боюсь, что выразительный взгляд ксендза вызван только необходимостью рифмы к слову «неторопливо». — В стр. 83–84 неясность ситуации точно также вызвана рифмою: «Он зверя взял под выстрел

И отдавал приказы рук движеньем быстрым».

Но как возможно — целиться в зверя и в то же время быстрым движеньем рук отдавать приказы? Кстати, оба неполнозвучно рифмующиеся слова внесены переводчиком от себя. В подлиннике речь идет о том, что судья, заметив зверя, знаками передавал свои распоряжения. — И дальше, стр. 85–88:

«Поняв, застыли все. Но со своею мыслью
Ассесор и нотариус шли мелкой рысью.
Тадеуш прискакал и, всех опережая,
Стал близ судьи, глазами поле обегая».

Идти рысью со своею мыслью — мысль не очень отчетливая, и опять-таки «мысль» привнесена здесь переводчиком от себя для рифмы. «Застыли все», а Тадеуш скачет, «всех опережая», — нужно ли это? Тадеуш опередил только ассессора и нотариуса. Тут явная небрежность, легко устранимая заменою слова «всех» местоимением «их». — Не кажутся мне прекрасными и строки 93 и 95:

«Глаза охотников встречал (?) он взором красным». —
«От ужаса не мог пошевелить глазами».

В последней строке подлинник говорит о том, что заяц от страха не мог отвести своих глаз от охотников. —

Я не могу также детально и, быть может, несколько придиричливо рассмотреть все 2000 строк, проверенных мною. Приведу

только примеры для подкрепления своей мысли, что работа уважаемого переводчика далека от завершенности и совершенства, соответствующих подлиннику, с одной стороны, и дарованиям С. М. Городецкого, с другой стороны, и что промахи его — не случайный недосмотр, а признак общей небрежности и недоделанности работы.

Неудобно *жокеев* называть «лакеями» (II, 108, III) только потому, что эти названия рифмуются. Едва ли приемлемы выражения: «*лощенные шляпы*» (II, 109); «Фундамент *облила* тумана *поволока*» (II, 123); «звать его бывало им *в приманку*» (II, 169 — для рифмы к *мопанку*); икнул вместо заикнулся (II, 319). «И он еще кичился» (II, 324) вставлено для рифмы, но некстати по смыслу. Для рифмы же «жарятся форели» (II, 350), которых в подлиннике нет (и не смотря на то, что форель так же редко дарится, как и стерлядь). Просто неверно, будто «дело чести и чувство страсти» — «сюжет романа необычный» (II, 395). Совсем непонятен «Журавль, который жадно ждет еды богатой, [этого в подлиннике нет]. И стоя на одной ноге, ища глазами, Чтoб не заснуть, другой ногою держит камень», т. е. или *ищет глазами, чтобы не заснуть*, или держит для этого камень, но в последнем случае *искать* остается без дополнения, а как известно, искать в нетранзитивном смысле имеет у нас слишком специфическое значение. Напрасно, далее, *князь Сукин* выступает как «князь Сукина» — для того, чтобы срифмовать со словом «картина» (II, 620). Было бы неправильно вслед за переводчиком приписывать Мицкевичу причудливый образ: «Мгла мотыльков, как балдахин, была заметна» (III, 63, см. ниже). «Вопрос он снова подал» (III, 147) — слишком современно и трудно допустить, чтобы граф «подавал» паненке записки с вопросами. Очень неуклюже сказано: «Еще одно мгновенье в зелени алмазом Просвечивало что-то будто бы два глаза» (II, 167), — *алмаз* введен переводчиком для рифмы. И с тою же целью гости судьи оделись, «Соломенные шляпы нацепив на уши [?], Сияя, как в чистилище сияют души» (III, 254). Едва ли следующее описание может претендовать на зримую отчетливость представления: «В одежде длинной, как в расплавленном [?] коралле, С которым [?!] рядом волосы ее чернели, а снизу башмаки, а по бокам [??] блестели, Как снег, чулочки и платок, и ручек кожа...» (III, 323). Нельзя назвать изящным и такое двустиие: «Тадеуш все-таки следил за нею оком. Не смея напрямик идти, пробрался боком» (III, 333). Примером неверного употребления видов может служить такой оборот: «Любил он часто вспомнить молодые годы» (III, 627). Непонятно, зачем нужно для того, чтобы доставить охотничьих собак, «Завязывать их в шкуры туго» (III, 751). Неужели «Ружья

взять наизготовку» (III, 757) значит то же, что иметь их наготове, под рукою? Примером несогласованности и видов и предложений может служить такое описание: «Он с ложа соскочил, обоими [sic!] руками Ударил в ставни, так что петли под [?] гвоздями Заскрежетали [У Мицкевича нет этого образа, и никаких гвоздей!], стукнулись [петли?] об стены створки, Скакнул [!] и озирался [!] в изумленьи горьком» (IV, 139 д.). Страшен, но не убедителен «Орел, когда ему клюв старость так сгибает, Что он, скрывая веки, горла не питает» (IV, 536) — все это непонятно по смыслу и свидетельствует о небрежности и невнимательности переводчика: где подлежащее временного придаточного предложения и место какого имени занимает «он» (клюв или орел), — столь же неясно, как загадочно, зачем этот «он» *скрывает веки*; у Мицкевича всё это проще: речь идет о поверье, состоящем в том, что клюв у старого орла так загибается, что запирает ему рот, орел не может питаться и погибает от голода; что касается *скрытых век*, то переводчик спутал два польских слова и принял, вероятно, слово *wieki*, т. е. *wieká*, — на *wieki* у Мицкевича = *навеки* (закрытый клюв) — за *rowieki*, т. е. *veki*, *вежды*. Некрасивое и неблагозвучное словосочетание: «Тщетно напрягают уши, *Чтоб как бы* интереснейшую речь прослушать» (IV, 577–578) — призвано передать следующее сравнение: «тщетно охотники напрягают слух; тщетно каждый, словно к самой интересной беседе, прислушивается к тишине». Нехорошо: «Из чащи выскочил медведь внезапной грома», — и гром не *скачет*, и тем менее — *из чащи*. В длинной и некрасивой фразе стихов 659–665, синтаксически нечеткой, выделяется словосочетание: «Схватил свой длинный рог, подведенный на [?] пояс, Согнутый, как боа...» — как ни смутен здесь термин сравнения «боа» (рептилия или дамское украшение?), еще темнее — к чему относится «согнутый», к *рогу* или к *поясу*? Здесь именно начинается упомянутое описание музыки, которую извлек Войский из своего рога, описание, в котором переводчик не пожелал передать вышеуказанную игру цезурами, да и вообще все описание провел вяло и неровно. Ввиду сильного подъема и пафоса (недостаточно переданных по-русски) здесь особенно бросаются в глаза мелкие недочеты, которые в других местах я не считал нужным отмечать, вроде «выиграл» вместо «заиграл» (хотя вообще *выиграл* значит: разыгрался, развеселился) или вроде «зубра блеяньем вместо блеяньем», если вообще можно отождествлять блеяние с более свойственными зубру мычанием и ревом и т. д. — Сомнительно само по себе утверждение: «Ведь это только старый пьяница прожженный [?] Разбрызгивает влагу, ею упоенный» (V, 31) — есть вместе с тем неверный перевод такой сентен-

ции: лишь старому пьянице, когда он сожжет себе внутренности, противен напиток, которым он чрезмерно напивался; Мицкевич только модифицирует наблюдение, которое было сделано Пушкиным (о пьянице, что морщится пред чаркою вина) и было известно Мицкевичу; что сказал бы почтенный переводчик, если бы ему показали аналогично переведенного на польский язык Пушкина?.. — Только заглянув в подлинник можно угадать смысл наставления, которое дает тетка своей племяннице: «Запомни, Зося, — кто на людях разовьется, Будь он красив, умен — эффекта не добьется, Когда он с детства в четырех всем виден стенках» (V, 129 д) — а между тем смысл при точном переводе здесь был бы ясен. Далее Телимена «Племянницу муштрует, сердится и *жмет-ся* [!]

(V, 172), — переводчик не уловил смысла выражения *zżyma się*, которое значит не только *сжимается*, но также *пожимает плечами*, — хотя неуместность здесь русского жметса неволью оставливает на себе внимание. — Трудно допустить, чтобы за столом у важного шляхтича «Венгерское, малага *пенились* в бокале» (V, 316), ибо это означало бы, что к столу было подано прокисшее вино. — «Лишь звуки звяканья тарелок, пробок шума Огромные пустые сени повторяли, Как будто злые духи рот всем затыкали» (V, 322 д.) — здесь всё плохо: синтаксис, сочетание слов, употребление видов и смысл — получается, как будто *всякий раз*, когда раздались звуки — или «звяканье»? — «пробок шума», духи «рот всем затыкали»... а если бы не затыкали, то этот «рот всех», вместо сеней или вместе с сенями, *повторял бы* «звуки звяканья»... — Мицкевич шутит, сопоставляя выражения *rowgócił z przechadzki* и *z zasadzki* — переводчику, обычно столь остроумному, не удалось передать этой шутки, он пишет: «С прогулки граф вернулся морщась от досады (Тадеуш бы сказал вернее: из засады)» (V, 347), и сам дает повод к шутке «морщась... из засады». — Не могу уловить остроумия также в эпитете, найденном им к слову *дерзость*: «Свой бокальчик наливал он [тон этот — здесь крайне фальшив!], Когда сражен был *дерзостью* скоропостижной» (V, 669). — Теряюсь, что сказать при таком пассаже:

«Потери в людях не было. Но у скамеек
Сломали ноги [подлеж.?). Стол, стоять уж [?] не умея[?],
Лежал без скатерти среди тарелок ржавых [?]
От струй вина, как рыцарь на щитах кровавых.
Кругом тела цыплят и индюков лежали,
И вилки из грудей [?] их копьями [?] торчали» (V, 779 дд.)

— На вопрос: «Кстати, здесь случайно Нет ли темниц?» следует ответ: «Подвалы есть. Пусты темницы! — ответил ключник: выпили вино Сонлицы» (V, 849), — точно вино было заключено у них в тем-

ницы!.. — Едва ли можно принять замену слова *спрашивает* словом *пытает*: «...В еде отравы нет ли, ветерок пытается» (VI, 298), — кстати, по контексту, и «ветерок» — неудачно, лучше бы у ветерка. — Вставив для рифмы слова, которых нет в подлиннике, переводчик сам создал противоречие, заставляя сперва толпу прийти «к Мацею скромно» (VI, 596), а тут же эта «Толпа, приветствуя Мацея, голосисто Сказала», — и появилось-то это неудачное «голосисто» из-за рифмы к *Христус*. — Подгоняя под рифму «набалдашник» и «страшный», рисует переводчик еще и такую невероятную картину: «На набалдашник Оперся он, повиснув над дубиной [той самой, на набалдашник коей он опирался!], И бороду спустив [?], кричал» (VII, 85 д.). — Одинаково плохо: «Царь ни по Минскому не возвратится тракту, Ни [по?] Киевскому,.. ни по Бухмана контракту» (VII, 190) и (VII, 451) «был тираном и слугою москалей» — (одновременно? — у Мицкевича: тиран по отношению к крестьянам и слуга москалей). — В противоречии с законом тяготения, лишь только были выбиты пробки у бочонков — «Три струи взлетели кверху [?] с треском [?]» (VII, 521).

При такой необработанности перевода в целом не приходится ожидать передачи тонкостей и деталей, содержащих игру слов и звуков или шуточных и технически затейливых приемов Мицкевича. Например, известное даже по элементарным теориям словесности, забавное своей тонкой иронией представление экономки Кокосницкой (III, 28 дд.):

Zwała się Kokosznicka, z domu Jendykowiczówna; jej wynalazek epokę stanowi...,

Где окончание слова перенесено во вторую строку (Мицкевич шутил, вероятно, помня, что такой прием встречается у польского поэта XVI в. Яна Кохановского). — Совсем другого рода тонкость и трудность — в передаче специфического названия: вышеотмеченная, испорченная в переводе, строчка о *мотыльках* в оригинале читается так:

Wisiała jak baldakim jasna mgła motylów, i za nią следует:

Zwanych babkami, których poczwórne skrzydełka...

— в переводе С. Городецкого: «Зовут их бабочками. Крылья их невзрачны...» (кстати, «невзрачны» вместо *четверные!*) — такая передача ничего собственно не дает, ибо по-русски «бабочка» или отождествляется с «мотыльком», или специфицируется, как *ночная бабочка*, что меньше всего подходит к данному случаю. — Еще другого рода трудность представляют каламбуры. Например, ксендз Робак (в чьем имени уже каламбур), как бернардинский монах носит веревочный пояс, плетеные узлы которого называются *ogórkі*. *Ogórkі* также *огурцы*. Но уловит ли читатель каламбур в таком отрывке (II, 452 д.):

«Свой пояс с узелками

Он поднял кверху, крикнув голосом ревнивым:

— Вам захотелось огурцов? Вот огурцы вам!»

Близки к этому и другие примеры. Войский советует не охотиться вдвоем за одной «звериной» (*do jednej zwierzyzny*), ассесор подсказывает: «дивчиной» (*dziewczyzny*) — переводчик очень удачно сопоставил *дичину* и *дивчину* (V, 484 дд.); но через несколько строк, когда рейент поправил *дивчину* на *женщину*, *kobieta*, а ассесор подсказал: *kokieta* — переводчик уже не передает шутки, заменяя ее бесцветным выражением:

«Нотариус поправил: — Дамой! — Этой самой! —

Ассесор взор вонзил на Телимену прямо».

И читатель, может быть, даже не догадывается, что «этой самой» вставлено ассесором. — В другом месте переводчик попробовал передать аналогичное этому *qui pro quo*, но едва ли можно принять его попытку. Граф предлагает созвать *вассалов* — *wałalów* — а Гервасий понимает это слово как *wałalów*, т. е. *усачей*, *усатых*, и отвечает:

Własólw co innego, zdadzą się własale (V, 859).

Т. е. усатых, это — другое дело, пригодятся усатые; и дальше (V, 682) он говорит: «*Stamtąd zbiorę ze trzystu własatych szlachciców*», т. е. оттуда соберу около 300 *усатых* шляхтичей (здесь уже прямо сказано: *усатых*). Переводчик, видимо, желая передать каламбур, перевел первую строку так: «Вацлавов — можно, хоть не в имени тут дело», и повторяет во второй строке: «Там сговорюсь с Вацлавами я боевыми». «Вацлавы» — плохи уже тем, что дают созвучие только внешнее, без всякой игры смысла, а кроме того заставляют переводчика сильно отступить от оригинала. Между тем введение их для читателя остается непонятным, и все равно к ним нужно писать примечание. А потому лучше в первой из этих строк просто и написать *вонсалов*, а во второй, как и у Мицкевича, оставить *усатых* и перевести обе строки поточнее.

Не вполне благополучно обстоит дело в переводе также с реалиями и именами собственными. Например, не выдержана передача некоторых реальных имен. Оставляя ассесора, подкомория и др., переводчик передает *рейента* (или *реента*) через *нотариуса*, что даже не вполне точно, так как суживает значение имени, в особенности применительно к эпохе повествования. Точно также он переводит *возного* как *подвойского* (и *генерал* применительно к нему, хотя лучше было бы *енерал*, с соответствующим разъяснением), что, вообще говоря, правильно, но непоследовательно. И это тем более, что без перевода остаются также имена, совсем непривычные для русского читателя, как *палестра*, *плебания*, *кабала* и далее — специ-

фическое *Погонь* (впрочем у переводчика с ударением не польским — VI, 221). Ко всей номенклатуре нужны объяснительные примечания, но их необходимость не устраняется и по отношению к *нотариусу* или *подвойскому*. Лучше оставить всю эту номенклатуру без перевода (кроме, пожалуй, *кабалы*, которая, кстати, употреблена с неправильным ударением), ибо это все-таки сообщит (с помощью комментария) некоторые исторические познания читателю. — Есть другая группа имен, которые, напротив, следовало бы перевести или передать иначе, чем сделано переводчиком. Например, переводя *прозвища* целого ряда лиц (Ножик, Бритва и пр., — из них решительно неудачно *Рука при боке!*), он оставляет без перевода такое характерное и легковыражаемое прозвище, как *Рембайло*. Точно так же следовало перевести собачью кличку *Straszupa*, а не заменять ее произвольно выдуманною «Сердитая», тем более что в пару с нею кобель *Sprawnik*, как и следует «Исправник»; да и не случайно обоим псам даны клички, воспроизводящие названия российских административных чинов. Курьезно, что в одном месте переводчик забыл, по-видимому, что это собачьи клички (забыл и собственную «Сердитую») и переводит: «Насели [на медведя] стряпчий и исправник», как будто эти чины участвовали в охоте... — Титул *burgabia* не стоило переводить на немецкий язык — *бургграф* — одним оно ничего не скажет, а других может даже сбить; лучше было бы *дворецкий* или *кастелян* (какое название имеется и в польском языке). — Не все благополучно и в отношении имен собственных — так, например, *Witold*-а не принято называть в нашей исторической литературе *Витольдом*, как не принято также именование *Норимберский* — в обоих случаях читатель не догадается, что речь идет об именах, быть может, для него знакомых. Точно также не узнает читатель небезызвестных уездных городов южной части бывшей виленской губернии, когда прочтет строку: «Что будут говорить в *Ошмании* [sic!] и в *Лидзе* [!]» — ужели последнее из-за соблазна не такой уж великолепной рифмы: «принизил»?

— Не следует, мне кажется, опускать собственных имен, как например, IV, 2 (*drzewa Świtezi*) или V, 330, где пропущено proverbialное выражение *jak Filip z koporі*, имеющее однако историческую основу, и заменено произвольно и неадекватно «ловкостью чертовской». Не следует также допускать неправильные ударения в именах (как и в непереводаемых названиях вещей — как *бигос*) и давать с разными ударениями (например, слово *Понары*).

Наконец, отмечу несколько промахов в реалиях и фактического свойства. Неудобно противопоставлять *сейм* и *сеймик* (в данном случае уездный, повятовый), как сейм «большой и малый», — это определенная историческая номенклатура. Нельзя пропускать ука-

зание автора на то, что в замке на хорах стоял *орган*, — это характерная бытовая черта. — Что представит себе читатель, когда прочтет:

«Так добрый, мудрый пан погиб на поле славы,
Имевший в замке *кресла, стяги и булавы*».

— какой-то музей в замке? (Кстати, и погиб-то этот пан — не «на поле славы», как видно из рассказа о нем, и у Мицкевича нет такого выражения). Уважаемый переводчик забыл, вероятно, что *dom* значит не только *дом* (превратившийся здесь в *замок*), но также *род*, «*фамилию*». Между тем правильный перевод этого одного слова подсказал бы, что «*кресла*» здесь — не предметы мебелировки, а слово, употребленное в некотором условном значении; о «*стягах*» же здесь вообще не следовало упоминать, ибо *wstęgi* не значит *стяги*. — Кто такой «делопроизводитель следствий», хотя это и русский, петербургский чиновник — русский читатель не угадает. — Характеризуя корчмаря Янкеля, Мицкевич особенно подчеркивает его любовь к музыке и, засвидетельствовав, что «особенно он полюбил народные песни», продолжает:

Przywoził mnóstwo, z każdej za Niemen wyprawy,
Kołomyjek z Halicza, mazurów z Warszawy,

т. е. он привозил, после всякой поездки за Неман, из Галича *коломыйки* (род народного танца галицийской Украины и небольшая песенка) и из Варшавы *мазурки* (известный танец) — дальше речь о том же, т. е. о музыкальных склонностях Янкеля. Но вот что читаем в переводе:

«Он из-за Немана возил и *яства* [?] и *приправы* [?!]
Из Галича *конфе[к]ты* [!!] и *мазурки* из Варшавы».

Как это связать с контекстом, где речь идет о музыкальных талантах Янкеля? Откуда взялись «*яства и приправы*»? И не спутали талантливый переводчик коломыек с карамелями? И что разумел он тут под мазурками, — может быть, также известное миндально яство?.. — Место, которое занял в корчме Робак, в переводе названо *исповедальней* (IV, 278). Нельзя понять источника этой интерпретации, — Мицкевич пишет: *miejsce... zwane rokuciem* — то, что по-украински называется *покутя*, т. е. место, куда сажают почетного гостя, красный угол русской избы. — Переводить специфическое название шляхетского посада — *zańcianek* — словом «местечко», с которым связаны другие специфические признаки, положительно неудобно; другой перевод, данный в заголовке Кн. VI — «родовой шляхетский поселок», — также не вполне ясен благодаря прибавке определения «родовой». — Переводить слово *gościńiec* словом «шоссе», мне представляется анахронизмом. — Ян Третий объявил, надо думать сбор ополчения не «в повете» (для рифмы), а по всему государству — переводчик

не захотел передать способ, каким был дан приказ об всеобщем ополчении: *przez wici*, и таким образом лишил читателя интересной исторической справки. — *Karoty* нехорошо переведено через «халаты» — неужели шляхта ходила в халатах, этом восточном одеянии? Наряд шляхтянок, по Мицкевичу, отличается от крестьянских *катанок*, но что такое «катанки» читатель не узнает, так как они пропущены в переводе. Но зато едва ли есть необходимость говорить о «перкале», который у нас все-таки чаще значит «каленкор», между тем как польское *perkaliczek* (не *perkal*) адекватно заменяется *ситцем*. *Drylich*, хотя и значит *тик*, но следует подумать, не найдется ли названия, более соответствующего ситуации. Наконец, «сапожки» (вместо *trzewiczki*), в которых к тому же «щеголяют», не излишняя ли русификация?

Принимая во внимание, что этим не исчерпываются мои наблюдения и что мною проверены построчно не все 6 книг (в поэме всего 12 книг), бывших в моем распоряжении, мне думается, я вправе сделать следующие выводы:

1) Весь перевод должен быть тщательно проверен и проредактирован — а) с точки зрения точности, б) с точки зрения чистоты и ясности синтаксиса (в частности правильного употребления глагольных видов), с) с точки зрения реалий, д) с точки зрения восстановления пропущенных важных деталей, а местами целых строк (в III кн. я заметил — выпущено в трех местах по 2 строки и в одном месте 10 строк подряд).

2) Для приближения к внешней форме подлинника необходимо все «спертые» и нечеткие рифмы заменить полнозвучными.

3) Для приближения, как к внешней форме, так и к общему стилю и тону поэмы, необходимо провести через всю поэму — цезуру, требуемую правилами 13-слогового стиха, и по возможности, воспроизвести эффекты подлинника, основанные на цезурах добавочных.

Все это — внешне-технические требования, которые может выполнить всякий опытный и добросовестный переводчик. Что касается остального: смены тона, живости ритма, образности и т. д., и т. д. — так называемых поэтических качеств — то едва ли тут могут быть даны какие-либо конкретные указания. Достаточное знание языка, проникновение в его живые и поэтические формы, а также знание и понимание эпохи и условий жизни поэта — предпосылка общая, и выполнение ее требований в значительной мере облегчено наличием большой и разнообразной литературы о Мицкевиче, в частности, о *Пане Тадеуше*. Все прочее определяется поэтической индивидуальностью и одаренностью переводчика. Не сомневаюсь, что у С. М. Городецкого есть <всё> для достижения нужного результата, если он захочет переработать

и доработать свой перевод. Не следует только забывать, что в каком бы виде перевод этой огромной поэмы ни был издан, он надолго исключит возможность нового перевода и его издания. И, с другой стороны, было бы стыдно, если бы наши соседи-поляки признали, что советское издание перевода лучшего произведения их литературы и одного из замечательнейших памятников мировой литературы не стоит на высоте, достойной этого произведения. Одинаково в наших интересах — показать как пролетарской, так и буржуазной Польше, на что мы способны.

Г. Шнет

Шнет Г. Г.
Собрание сочинений Ч. Диккенса
(проект)

Май 1933 года

Хронологический перечень:

- Т. 1. — Очерки Боза — 1836 — 23,5 листа (по 50 тысяч знаков) NB!
- Т. 2-3. — Записки Пиквикского клуба — 1836-37 — 40 листов
- К тому 27 — Мадфогские записки — 37-38 — 4 листа
- Т. 4. — Оливер Твист. — 37-39 — 21 лист
- Т. 5-6. — Николай Никльби — 38-39 — 44,5 листа
- Т. 7. — Лавка древностей — 41 — 29 листов
- Т. 8. — Барнеби Радж — 41 — 33 листа
- Т. 9. — Гимн Рождеству — рожд. 43 — 4 листа
- Т. 10-11 — Мартин Чазльуит — 44 — 42 листа
- Т. 9. — Колокола — Рожд. 44 — 4 листа
- Т. 9. — Сверчок на печи — Рожд. 45 — 4 листа
- Т. 9. Битва жизни — Рожд. 46 — 4 листа
- Т. 12-13 — Домби и сын — 46-48 — 44 листа
- Т. 9. — Затравлен — Рожд. 48 — 4,5 листа
- Т. 14-15 — Дэвид Копперфилд — 49-50 — 43,5 листа
- Т. 16-17 — Холодный дом — 52-53 — 44 листа
- Т. 18. — Тяжелые времена — 54 — 13,5 листа
- Т. 19. — Святочные рассказы — 54-67 — 29 листов
- Т. 20-21 — Крошка Доррит 55-57 — 42,5 листа
- Т. 22 — Повесть о двух городах — 59 — 18 листов
- Т. 23 — Большие ожидания — 60-61 — 23 листа

- Т. 24. — Не-торговый путешественник — 60-68 — 17 листов
 Т. 25-26 — Наш общий друг — 64-65 — 42,5 листа
 Т. 27. — Эдуин Друд 70 — 12,5 листа
 Т. 28. — Американские заметки — 42 — 12,5 листа
 Т. 28. — Картины Италии — 45-46 — 8,5 листа
 Т. 29. — Диккенсовская энциклопедии
 <добавлено карандашом:> 30. Переписка

План издания

I. — Общая картина классово-социальных отношений:

- Т. 12-13. Домби и сын. — 44 л.
 Т. 18. — Тяжелые времена. — 13,5 л.

3 тома — 1934 год

II. — Социальные проблемы: Канцлерский суд, долговая тюрьма, презрение бедных:

- Т. 16-17. — Холодный дом. — 44 л.
 Т. 20-21. — Крошка Доррит. — 42,5 л.
 Т. 4. — Оливер Твист. — 21 л.

5 томов — 1935 год

III. — Мелкобуржуазный быт и нравы:

- Т. 2-3. — Пиквикский клуб. 40 л.
 Т. 1. — Очерки Боза. — 23,5 л.
 Т. 9. — Рождественские рассказы. — 20,5 л.
 Т. 19. — Мелкие святочные рассказы. — 2 л.

5 томов — 1936 год

IV. — Автобиографические произведения:

- Т. 14-15. — Дэвид Копперфильд. — 43,5 л.
 Т. 24. — Не-торговый путешественник — 17 л.
 Т. 23. — Большие ожидания. — 23 л.
 Т. 7. — Лавка древностей — 29 л.

5 томов — 1937 год

V. — Авантюрно-детективные романы:

- Т. 5-6. — Николай Никльби. — 44,5 л.
 Т. 25-26. — Наш общий друг. — 42,5 л.
 Т. 10-11. — Мартин Чазльвит. — 42 л.

6 томов — 1938 год

VI. — Исторические романы, путевые заметки и пр.:

- Т. 8. — Барнеби Радж. — 33 л.
 Т. 22. — Повесть о двух городах. — 18 л.
 Т. 27. — Эдуин Друд и рассказы. — 12,5 + 10 л. = 22,5 л.
 Т. 28. — Американские заметки. — 12,5 л.
 Т. 28. — Картины Италии. — 8,5 л.

4 тома — 1939 год

Примечания переводчиков предлагают ограничить минимально необходимыми интерпретационными объяснениями: игры слов, непосредственно неясных намеков, сравнений и т. п. все комментарии, реально-исторические, историко-литературные и т. п. сведения собрать в один дополнительный том, издаваемый в виде *Диккенсовской энциклопедии*, которая кроме указаний материальных должна содержать указания действующих лиц, их литературных источников и исторических прототипов, а также биографических дат. Энциклопедия составляется в общем алфавитном порядке по образцу соответствующих английских словарей и энциклопедий, но, конечно, с содержанием интересным и instructивным для нашего читателя. Примечания к именам собственным или иностранным словам, объяснение которых можно найти в ходовых словарях иностранных слов, настольных энциклопедиях и учебниках школы третьей ступени, — пора выбросить из наших изданий. Во вступительных статьях к каждому роману нашего издания необходимости не вижу, но должна быть общая статья о творчестве и социально-историческом значении Диккенса в виде вступительной статьи к Энциклопедии. Энциклопедия может быть и, пожалуй, должна быть выпущена не к концу издания, а в течение первых двух лет выполнения программы.

Шнет Г. Г.
Диккенсовская энциклопедия
(проект)

Июнь 1933 года

Вступительная статья: I. Социально-исторический очерк <обрыв страницы> жизни первых трех четвертей XIX века. — II. Жизнь и творчество Диккенса. — III. Социально-культурный анализ творчества Диккенса. — IV. Сюжеты, образы и стиль Диккенса.

Энциклопедия: все слова, имена, названия, цитаты и пр., располагаются в одном алфавитном порядке, без всяких вспомогательных индексов. Материал собирается по следующим рубрикам.

I. — Названия произведений Диккенса с указанием времени и обстоятельств появления их, а также иллюстраторов; с перечислением имен главных действующих лиц и кратким изложением завязки и развязки.

Например: **ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА**. Эта повесть первоначально печаталась в «Household Words» (см.): началась печатанием в № 210, в апреле 1854 г., закончена в № 229, август 1854 г. В том же году вышла *отдельной книгой* и была посвящена Томасу Карлайлю. В одном из писем (NNN) Диккенс следующим образом разъясняет свою задачу: «Моя сатира направлена на тех, кто видит только цифры и средние величины, — представителей самого безобразного и самого извращенного порока нашего времени; ...против болванов, которые принимают среднюю цифру температуры в Крыму за 12 месяцев в качестве основания, в силу коего солдата следует на ночь одевать в нанку, тогда как он замерзнет и в шубе, и которые утешают рабочего, проделывающего ежедневно двадцать миль — на работу и с работы, уверяя его в том, что среднее расстояние от одного обитаемого места до другого на пространстве всей Англии не превышает четырех миль».

Главные действующие лица романа. Томес Гредграйнд, человек фактов, и его дети, Луиза и Томес; Джоша Баундерби, самородок; Стивн Блекпул, фабричный рабочий; Слири, владелец цирка; Сили Джуп, сирота, нашедшая приют у Гредграйнда; миссис Спарсит, экономка Баундерби; Джемз Хартауз, аристократический бездельник

(далее — краткое, не более 30 строк в столбце, изложение развития действия в романе).

II. Имена всех действующих лиц романов Диккенса, с указанием их прототипов (где они имеются или известны) и с краткой характеристикой, по возможности в виде цитаты из Диккенса. Например:

БОЙТОРН, ЛОРЕНС. Друг Джона Джарндиса, «красивый старый джентльмен с массивною седою головою, приятными чертами лица и с улыбкою, полной мягкости и нежности». Сосед сэра Лестера Дедлока, с которым ведет непрерывную тяжбу и войну из-за права пользования никуда не ведущим проездом. Прототипом Бойторна послужил У. Лендор (см.) друг Диккенса. — (*Холодный дом*, 9, 12, 13, 15, 18, 23, 35, 36, 43, 66).

III. — Места действия с историческими и археологическими указаниями. Например:

БРИСТОЛЬ. Диккенс впервые посетил Бристоль в 1835 г., когда ездил туда в качестве газетного репортера для отчета о предвыборных речах лорда Дж. Раселя (см.). Он останавливался в таверне «Кустарник» (снесен в 1864 г.), куда бежал из Бата мистер Уинкль, спасаясь от мести Даулера. Здесь же остановился мистер Пиквик,

приехавший улаживать отношения между Уинклем и мисс Арабеллоу Элен. В приемном покое «Сойера, приемника Нокморфа», Уинкль возобновил знакомство с Бобом Сойером и Беном Эленом; отсюда же мистер Пиквик с названными медиками оправился в дорожной (см.) карете в Бирмингем (см.) к Уинклю старшему.

Или: ПОГРЕБ БЕЛОГО КОНЯ, на улице Пикадили. Здесь находилась контора пассажирских карет (см.), отправлявшихся в западную часть Англии. Отсюда пиквикисты выехали в Бат (см. Пиквик, 35). Сюда прибыла из Рединга (см.) Эстер Самерсон и была встречена мистером Гапи (Холодный дом, 3, 9). Одно время гостиница была переведена в другое место на той же улице, а в 1884 г. закрыта.

ЛИСА ПОД ХОЛМОМ, таверна. Небольшой трактир на берегу Темзы (см. рис. NN) близ Сольсберийской лестницы. Диккенс посещал это место, когда работал в заведении УОРЕНА (см.); здесь он наблюдал танцующих грузчиков угля (Коперфилд, II, Пиквик, 42). Таверна снесена и весь квартал перестроен во время прокладки набережной.

IV. — Английские общественные и государственные учреждения, описанные Диккенсом, с краткой их историей (суды, тюрьмы, школы, конторы и пр.)

Здесь могут быть более или менее связанные статьи, но также и номенклатурные и терминологические разъяснения, связанные взаимными ссылками разного порядка. Например, в статье о *Канцлерском суде* могут быть указаны все основные функции самого Канцлера (в Палате, в Суде, в делах попечительства и т. д.), поэтому под словом *Канцлер* делается только ссылка: см. *Канцлерский суд*. — В статье об *Адвокатура*, например, излагается краткая история этого института в Англии (за исключением подготовки в Иннах, о которой речь пойдет в статье под соответствующим заголовком и где будет указана история и организация этих юридических питомников в Англии) и объяснение соответствующей номенклатуры: *солиситор*, *проктор*, *атерни*, *сарджент*, *королевский адвокат* и т. д. Все эти слова входят в общий алфавит с указанием: см. *Адвокатура*. Точно также на общую статью *Суд* делаются ссылки при словах: *Канцлерский Суд*, *Суд общих тяжб*, *Суд королевской скамьи*, *Докторс-комонс*, *Суд по делам о банкротствах* и т. д.

V. — Исторические даты, факты, справки, имена и т. д.

VI. — Диккенсовские литературные цитаты, ссылки, намеки, с указанием источников их. Например, «Стал в Даунсе флот на

якорь» (Пиквик, 3), — цитата из баллады Гея «Черноокая Сусанна», с приведением соответствующих строк баллады, изложением ее содержания и сведения об ее авторе.

VII. — Быт и бытовая обстановка.

Материальная обстановка, обычаи, игры, способы передвижения, особенности одежды, напитки, конвенциональные привычки и пр.

VIII. — Отдельные слова и намеки.

Например, в Пиквике: легендарный Хорнер, толстяк Лемберт, Живой скелет, Газовый микроскоп, Черная Бес и т. д.

Июнь 1933 года

Г. Шнет

Шнет Г. Г.

**Отзыв на перевод стихотворения Дж. Китса «Осень»,
сделанный Н. Вольпин**

8 июня 1933 года

Непосредственное впечатление от перевода — очень приятное: стих гладкий и синтаксис ясен. Общий тон стихотворения также передан удачно. Можно было бы желать большей близости к оригиналу, но если переводчик боялся при этом утратить легкость своего стиля, то он хорошо поступил, не добиваясь буквального перевода. Есть, однако, отступления, которые нельзя признать оправданными. Образ колоса, который «к васильку пугливо льнет», — слишком вольная интерпретация, за которую, кстати, переводчица сейчас же и наказывается: непонятно, почему колос льнет *пугливо* как раз то в тот момент, когда жница заснула и ее серп шадит следующую жатвенную полосу? Точно также образ реполова, который «С кузнечиком заводит громкий спор», — творчество переводчика. Нет поводов — ни смыслового, ни образного — переводить здесь слово *gleaner* (тот, кто собирает колосья после жатвы) через «нищенка», как мне кажется, — но нужно признать, что найти адекватное русское выражение для передачи этого слова — чрезвычайно трудно. Хотя приходится иногда слышать в городском и интеллигентском обществе слово «блеет» с ударением на первом слоге, но исконное ударение, думается мне, падает на второй слог (блеёт) как бляение, бляеть, и как мне приходилось слышать из уст русских крестьян.

Не отрицая достоинств этого перевода, я затруднился бы на основании одного образца заключить, что переводчик справится с целым томом *Стихотворений Китса*, очень разнообразных по содержанию и трудных для перевода. Впрочем, я вообще считаю, что перевод сборников лирических стихотворений, хотя бы одного автора, не следует поручать одному лицу.

Г. Шнем

Шнем Г. Г.

**Отзыв на перевод поэмы «Мария» А. Мальчевского,
сделанный Ф. Самоненко**

8 июня 1933 года

Переводчик овладел и внешней формой (размер, построение, ритм) и общим стилем и тоном поэмы. В последнем отношении можно возражать лишь против двух, трех выражений, когда переводчик, исходя, видимо, из того, что *Мария* — «поэма украинская», вводит, пожалуй, и подходящие по тому, но отсутствующие у автора образы, — как «гривастым — ушастым» (и вызвано это только необходимостью рифмы; предлагаемый переводчиком вариант: «мчишься — стремишься» — лучше) или «буйный» вместо *ветер* (также предложенный в варианте). Некоторую неловкость непривычного для нас размера переводчик мог бы, вероятно, сгладить¹ при более тщательной отделке перевода, который производит впечатление несколько спешной работы. Сюда относятся некоторые прозаизмы, — заметные, потому что они занимают целые полустрочья, как, например, «во что бы то ни стало», «Итак стало иначе», — и некоторые неловкости синтаксиса, — как например, «огонек будто в поле» вместо *будто огонек* (кстати, неясно, о каком «огоньке» идет речь). Есть в переводе и неточности: так, казак мчится не «дум погудеть унылых», а напевая печальную (унылую) дум(к)у (если не относить этого к его «милрой», — здесь синтаксическая неясность у самого автора)²; «под косыми солнца *парусами*» — образ самого переводчика (у автора: в лучах заходящего солнца); всадник и конь — не *два* гонца, а один: всадник на коне. Напрасно, мне кажется, оставлено (по-видимому, в интере-

¹ <В черновом варианте:> «смягчить»

² <В чистовом варианте пропущен еще один пример:> «Черномор», как известно, был «красавиц давний похититель», и не синоним слова «Черноморец».

сах колорита) без перевода слово «фигура», требующее разъяснительного примечания, тогда как по размеру тут прекрасно входит «распятие»; но зато дальше колорит теряется, когда казак «склонился три раза» вместо того, чтобы *креститься*¹. Строка «И лишь вражья стрельнула рука озорная» не соответствует оригиналу, где говорится о казаке, наклонившемся над лукою седла (боюсь, переводчика ввело в заблуждение слово *kula*, которое значит не только *пуля*, но также *костыль* и, как в данном случае, *передняя лука седла*). «Слезы... росой падали горькой... но без разделенья», — неясно, что хочет сказать переводчик; у автора, по-видимому, речь идет об оставшихся неразделенными взглядах, убеждениях. Пылкие рыцари «домов родовитых» — очень неясно, а главное — не точно (*rycerzy domowego znaku* — войскового знамени воеводы). Прозаически, и к тому же неправильно, переведена строка: *I gdy w sicości z synem sprawę jakąś waży*, которая передана так: «Все, все было ценно в примиреньи с сыном». Неудачны, наконец, две последние строки отрывка IV, — и образ неясен, и смысл (двусмысленно: «где жал миллионы» — т. е. *пожинал*?) — В целом считаю перевод, если его внимательно проредактировать и выправить, приемлемым.

Г. Шпет

Мария

(украинская поэма А. Мальчевского)

Перевод Ф. Самоненко

I

Эй, ты куда так мчишься, казак, на гривастом?
Иль, увидевши зайца, — погнал за ушастым?²

Иль разбудивши мысли о свободной доле,
Ты с украинским буйным³ поспорил о воле?

А может быть, ты к милой, что ждет среди нивы,
Дум погудеть унывных, — мчишь нетерпеливый?

Попустивши поводья, — не удержишь шапки...
Пыли из-под копыта взлетают охапки.

¹ <В черновом варианте:> «перекреститься».

² Эй на коне ты быстром, куда, казак, мчишься?

Иль, увидевши зайца, за ним ты стремишься?

Эй ты, казак, что мчишься на коне гривастом?

³ Ветром украинским.

Загар страстью какой-то на лице ярится,
Огонек будто в поле, — радость в нем тaitся.

И конь твой, как ты дикий, но в одном порыве
Разит шумящий вихорь, разметавши гриву.

Сторонись, Черномор, со скрипучей «мажей»
Удальцам то охота овладеть поклажей.

Ты ж летун чернокрылый, что с грустным приветом
Кружишь и подлетая все просишь ответа, —

Тайну степи поведать спеши буйным братцам:
Пока круг свой обмашешь, — они уж умчатся!

II
Мчатся... и под косыми солнца парусами
И они небесных высей кажутся гонцами.

И далёко, далёко слышно копыт стучанье:
Полей вокруг просторы объаты молчаньем...

Замолк веселой шляхты и рыцарства голос —
И шумит только ветер, наклоня колос.

Только из могил — вздохи тех, что величаво
Спят на венках увядших былой своей славы.

Страшна музыка эта, нет слова страшнее:
Дух сынов Старой Польши о них пламенеет.

И если щит¹ их чести — лишь куст дикой розы —
Ах, чье же сердце, чье же в тоске сдержит слезы...

III
Миновал уж криницы, что в зелени ярой,
Овраги, где прячутся волки и татары.

Подлетел и к «фигуре» — от чар <обороне>
Под ней в могиле давней упырь похоронен.

---

¹ Страж.

С головы снявши шапку, склонился три раза,
И как ветер сорвался, — не забыв приказа.

Не боялся конь бодрый упырьего зова,
Пыль копнувши и фыркнув — с ним умчался снова.

Видна темного Буга в серебре стремнина:
Угадал казак верный мысли господина¹.

Мельницы шум приветен — в лозняке ж шум вражий
И коник умный чует, что недруг на страже.

Чрез кустарник колючий шуршит конек верный:
Легче не проберутся и робкие серны.

И лишь вражья стрельнула рука озорная
Зоркий, казак уж мчался, к коню припадая.

IV

Быстрее, казак, быстрее — во что бы то ни стало:
В старом и гордом замке перемен немало!

С сыном пан воевода хоть издавна в ссоре, —
Сегодня беседу повел он, не споря...

Распрей костер однако еще не потушен:
Сердце ран не забыло: лад жизни нарушен.

Слезы гордости и скорби — без конца мученья —
Росой падали горькой... не без разделенья!..

Так стало иначе... Все ссор неприличье
Панская скрыла пышность и предков величье.

С приближенным дворянством и большею свитой,
С сонмов рыцарей пылких — домов родовитых

В открытые недавно пышные палаты
Сошел пан воевода одетый богато.

---

¹ Угадал казак мысли пана-господина.

И если счастье славить, то каждый тщился,
Он не славой, казалось, а сыном гордился.

И в чертах спокойных никто б не заметил
Знака давнего горя. Был взор его светел

И речь важнее блестяща — с людом именитым...
Но терзания сердца от всех были скрыты.

Лишь в мгновенном порыве... внезапном волнении
Давал словом сердечным душе облегченье.

Все все было ценно в примиреньи с сыном:
Светилась и улыбка в выраженьи чинном,

А в очах вдруг сверкала мгновенная радость:
Как по долгом страданьи хоть малая сладость

Так беглец путь кончая мучительно длинный
Готов склониться даже на холм муравьиный

Склониться?.. О хотя б только челом воспаленным
Того лежа коснуться, где жал — миллионы.

И летит король степи сквозь вихри лихие —
А степь — конь — казак — сумрак — взлет той же стихии...

О, кто же его остановит в безудержном беге?
Сгинул... в степи родимой, — в буйней дикой неге!..

МАРИЯ

(Украинская поэма А. Мальчевского)

Перевод Ф. Самоненко¹

І
Эй, скакуном что тешишь ты удаль казачью?
Иль, увидевши зайца, погнал, — казак, — скачью?

Иль разбудивши мысли о свободной доле,
Ты с украинским буйным² поспорил о воле?

¹ <Другой вариант перевода на двух страницах разорванных пополам>

² <Вариант:> «украинским ветром».

А может быть, ты к милой, что ждет среди нивы,
Дум погудеть унывных мчишь нетерпеливый?

Попустивши поводья — не удержишь шапки...
Пыли из-под копыта взлетают охапки.

Загар страстью какой-то на лице ярится,
Огонек будто в поле, — радость в нем таится!

И конь твой, как ты дикий, но в одном порыве
Разит шумящий вихорь, разметавши гриву!

Сторонись, Черноморец, со скрипучей мажей¹,
Удальцам ведь охота овладеть поклажей.

Ты ж, летун чернокрылый, что с грустным приветом
Кружишь и подлетая все просишь ответа, —

Тайну степи поведать спеша буйным братцам:
Пока круг свой обмашешь, — они уж умчатся...

И
Мчатся... и под косыми солнца парусами,
И они небесных высей кажутся гонцами.

И далёко, далёко копыт слышно стучанье:
Полей вокруг просторы объаты молчаньем...

Замолк веселой шляхты и рыцарства голос —
И шумит только ветер, наклоня колос.

Только из могил — вздохи тех, что величаво
Спят на венках увядших былой своей славы.

Страшна музыка эта, нет слова страшнее:
Дух сынов Старой Польши от них пламенеет.

И если их защита — лишь куст дикой розы —
Ах, чье же сердце, чье же в тоске сдержит слезы?

---

¹ Мажа — чумацкий воз.

Шнем Г. Г.
**Отзыв на перевод «Пана Тадеуша» А. Мицкевича,
сделанный Н. Сочневым**

14 июня 1933 года

Небольшой отрывок, переведенный Сочневым, читается очень легко, синтаксическая конструкция простая и ясная. Перевод хотя и несколько вольный, но не произвольный, и, во всяком случае, <не> искажает смысла подлинника. Недопустимо только введение лишних строк: 6 строк вместо 4 вводного предложения только ослабляют силу выражения. Переводчик не прав, будто преобладающее расположение ударений в стиле «Пана Тадеуша» таково, что дает право переводить поэму анапестом. Приведенная им в пример строка — не преобладающего типа. Более точный подсчет показал бы ему, что ударения в свободных слогах — 1, 2, 3, 4 и 8, 9, 10 — распределяются так, что в большинстве строк ударения падают не <на> 3 и 9 слоги, как он предполагает, а на 2, 4 и 8, 10. Но есть другие основания, в силу которых, отказываясь от точного воспроизведения силлабики, анапест предпочтительнее ямба (избранного, между прочим, С. М. Городецким), и следовательно, выбор, сделанный переводчиком, может быть оправдан. Однако и этот выбор не освобождает переводчика от необходимости строгого соблюдения женской цезуры (после 7 слога), тогда как у переводчика она проведена едва только в половине переводимых им строк. Опасно делать общее заключение на основании столь малого отрывка. Но если бы весь перевод был выполнен с такую же легкостью системного построения, с несколько большей близостью к оригиналу и с проведением названной цезуры, я готов был бы признать его удачнее перевода С. Городецкого. Однако если бы возник вопрос о новом переводе, правильнее всего было устроить конкурс, на котором могло бы сейчас же выступить, как мне известно, 5 переводчиков, а при назначении некоторого срока, может быть, и больше.

Г. Шнем

Бернштейн С. И.
**Проблематика исследовательской работы в области
художественной речи
(Проект для Академии МХАТ)**

Август 1933 года

Работа в области художественной речи в плане научного учреждения, разрабатывающего вопросы театра, должна охватывать как язык текста драматургических произведений, так и его воплощение (интонирование) в творчестве актера. Однако эти области в работе Академии должны освещаться в неодинаковой степени и с различных точек зрения. Работник театра — актер и режиссер — имеет дело с готовым, заранее данным текстом, который он в процессе художественного творчества транспонирует из литературной плоскости в сценическую. По отношению к тексту актер является не создателем, а «исполнителем». Поэтому в плане театральной науки сценический текст должен изучаться не совсем так, как он изучается в драматургии: для драматурга — это объект созидания, процесс, приводящий к возникновению художественного произведения; для актера — это готовая вещь и объект художественного преобразования. Драматургия изучает текст в двух определенных аспектах: ее интересует 1) метод создания текста и 2) структура готового текста; наука о театре должна изучать сценический текст также с двух точек зрения, из которых только одна совпадает с областью драматургии: для нее существует 1) структура готового текста и 2) текст как объект сценического воплощения (иначе: как материал для создания произведения театрального искусства). Всестороннее изучение сценического текста образует как бы два круга, совпадающих только частично. Из сферы театральной науки исключается техника драматургического творчества и всецело входит в нее, чуждая драматургии, проблематика воплощения текста в сценическое произведение.

Сказанным определяется, в общих чертах, критерий отбора проблем для разработки.

Итак, текст пьесы служит для актера материалом, из которого он создает художественное произведение в плоскости сценического искусства. Непосредственно языковая сторона его работы сводится к созданию на основании текста определенной системы интонаций. Здесь прежде всего возникает вопрос о том, в какой мере эти интонации диктуются текстом, и в какой мере их нахождение должно базироваться на внеположных по отношению к

тексту данных. Следовательно, основная проблема в области сценического языка формулируется следующим образом:

(1) Проблема заложенных в тексте пьесы факторов интонации.

Пьеса содержит в своем тексте два различных слоя: текст ролей, предназначенный для произнесения на сцене, и текст ремарок, которые, частью непосредственно, частью опосредованным путем, влияют на интонирование актера. При разработке 1-й проблемы должны быть учтены оба эти слоя. При этом интонационные указания, содержащиеся в ремарках, требуют критического анализа с точки зрения их соотношения с текстом роли. В этой связи было бы полезно, отклонившись от намеченного выше принципа отбора проблем, поставить проблему из области психологии драматургического творчества:

(2) Интонационные представления в процессе драматургического творчества.

Включение этой проблемы, помимо связи с 1-й проблемой, оправдывается еще и тем соображением, что драматургия, как дисциплина литературоведческая, несомненно, еще не скоро поставит ее на очередь.

Текст, облекаясь в звучание, претерпевает существенные семантические изменения: он приобретает большую психологическую конкретность и, в зависимости от направления этой конкретизации, утрачивает те или иные свойства, присущие ему *in potentia*, пока он не реализован в звучании. Вместе с тем слушатель, воспринимая данную конкретную интонацию (интерпретацию) текста, в то же время может в известной степени абстрагироваться от нее и, наряду с данной интерпретацией представлять себе, с той или иной степенью яркости и полноты, более обширный круг возможных интерпретаций; другими словами, наряду с конкретной интонированной речью представлять себе ее абстрагированную текстовую основу, превращая, таким образом, однопланное восприятие в многопланное.

Так возникает

(3) Проблема семантики озвученного текста,
понимаемая как вопрос о неизбежном преобразовании смысловой стороны текста в звучании.

Нахождение и оценка интонационной системы, удовлетворяющей каждой данной роли, базируется на всестороннем анализе характера персонажа, его социальной принадлежности, стиля его речи, жанра, стиля и композиции пьесы. Тут встает ряд проблем, которые могут быть сформулированы следующим образом:

(4) Проблема индивидуальной характеристики в сценической речи,
которая должна разрабатываться в связи с данными характеристики;

(5) *Проблема социальной характеристики в сценической речи*, разработка которой неизбежно предполагает изучение языка различных общественных групп;

(6) *Признаки «высокого стиля» в сценической речи*;

(7) *Приемы комического стиля в сценической речи*;

(8) *Композиция и язык пьесы* —

— проблема взаимоотношения языковых элементов пьесы и ее композиционного развития (драматического движения), иначе — проблема языковых элементов как факторов драматического движения.

Все эти проблемы (4—8) требуют параллельного изучения в плоскости текста и в плоскости интонации.

Нахождение соответствующей данной роли интонационной системы предполагает у актера наличие богатого репертуара интонаций в смысле звуковых форм выражения тех или иных значений рационального и эмоционального порядка. При этом интонации в устах актера должны звучать так, как будто он произносит не заученные им фразы роли, написанной другим лицом, а речь, свободно рождаемую им самим. Интонации в этом смысле описаны в научной литературе совершенно недостаточно (в частности — по отношению к русскому языку), и самые принципы их описания и классификации до сих пор мало разработаны. Соответствующая проблема может быть сформулирована как

(9) *Семантика и фонетика интонации свободной речи*,

причем, сообразно различным заданиям, с которыми встречается в своей практике актер, эта проблема должна разрабатываться применительно к двум наиболее характерным функциональным типам свободной речи — применительно к речи обиходной (разговорной) и к речи ораторской. Конечно, при разработке этих вопросов придется учитывать социальную, а в какой-то мере, может быть, даже и индивидуальную дифференциацию говорящих. Тем не менее эта проблема не совпадает с проблемами, названными под №№ 4 и 5, так как она имеет в виду не социальные и индивидуальные различия в интонировании, а те общие моменты отдельных интонаций, которые связаны с их семантической функцией. Конечная цель исследования этой проблемы — разработка интонационной грамматики и семантики русского языка, взятого в качестве национальной языковой системы.

Нахождение системы интонирования каждой данной роли требует от актера большой работы: проанализировав характер персонажа, стиль его речи, композицию и общий стиль пьесы, он должен наметить круг возможных интонаций и конкретизировать их в процессе усвоения режиссерской трактовки и взаимной аккомо-

дации партнеров. Было бы чрезвычайно важно установить те методы, которые применяются различными актерами в этой работе. Соответствующая проблема может быть сформулирована следующим образом:

(10) Процесс интонационной разработки роли и срабатывания спектакля,

причем речевая сторона искусства актера должна изучаться в постоянном сопоставлении с другими его факторами.

Функциональные различия свободной речи отражаются в речи сценической прежде всего как различие между диалогической и монологической речью. Диалог является естественной формой обиходной устной речи, тогда как устный монолог неизбежно амальгирует тенденции диалогической речи с нормами письменного литературного стиля. Сказанное ведет к следующим проблемам:

(11) Природа монолога и его типология;

(12) Типология диалога.

В качестве особого вида диалога, требует изучения

(13) Коллективная речь,

находящая на театре широкое применение в массовых сценах.

Изучение семантики интонаций (см. № 9) предполагает установление языковых факторов текста, в той или иной мере определяющих интонацию. Здесь намечаются прежде всего две проблемы:

(14) Интонация и синтаксис;

(15) Интонация и лексика.

К этим двум проблемам следует присоединить третью — синтезирующего (не просто суммирующего) характера:

(16) Интонация и языковой стиль.

Всякий текст, фиксированный в письме (имея в виду современную европейскую графику «звукового» типа), содержит интонационные указания в пунктуации. Вопрос об интонационном значении знаков препинания и других графических приемов членения и конкретизации смысла речи (красная строка, вариация шрифтов и т. п.) представляется недостаточно выясненным и требует постановки проблемы —

(17) Обозначение интонации в обиходном письме.

В то же время изучение вопросов интонации ... в системе адекватно выражающих ее графических приемов. Отсюда возникает

(18) Проблема интонационной нотации.

Фонические факторы интонации (паузация, мелодика, динамика, напряженность, длительность, характер членения, способ связывания слогов, с известными оговорками — темп) не требуют выделения в качестве особых проблем: они найдут себе место в разработке ряда проблем, уже сформулированных. Исключение

должно быть сделано только для одного фактора, играющего исключительно важную роль в создании речевого образа и в то же время представляющего наибольшие трудности со стороны методики исследования. Это — голосовой тембр.

(19) Проблему тембра голоса

необходимо поставить как самостоятельную проблему, наметив в ее пределах несколько основных вопросов: факторы тембра, физиология вариации тембра, классификация тембров и экспрессивные функции тембра.

Искусство актера воздействует не только облеченной в звучание речью: речь актера воспринимается в сложном комплексе акустических и зрительно-моторных факторов. Из числа факторов фонических наиболее тесно связан с моторикой голосовой тембр. Поэтому именно здесь, вслед за проблемой тембра, уместно назвать ряд проблем из области взаимоотношения речи и зрительно-моторных факторов сценического воздействия:

(20) Речь и мимика;

(21) Речь и пантомимика

(подводя жестикуляцию под понятие пантомимики);

(22) Язык и внешность персонажа —

— проблема, в языковой своей части выходящая за пределы интонации и в равной мере относящаяся к области стилистики.

Накопившийся в научной литературе материал показывает, что моторика, сопровождающая речь, в той или иной мере связана со стилистикой данного высказывания. Эти наблюдения вынуждают поставить

(23) Проблему моторных импульсов текста,

имея в виду в первую очередь стихотворный текст, моторная импульсивность которого отличается наибольшей яркостью.

Среди факторов, определяющих одновременно и характер интонации, и внешнюю моторику, особо важная роль принадлежит дыханию. Отсюда возникает проблема —

(24) Ритм дыхания и ритм речи.

Тембральные, пантомимические и респираторные моменты создают базу для разработки исключительно важной

(25) Проблемы типологии звучащей речи,

тесно связанной также и с проблемой, названной под № 16.

Особую область изучения составляют проблемы ритмованной речи. Они могут быть сведены к следующим основным формулировкам:

(26) Проблема интонационного разграничения стиха и прозы;

(27) Проблема интонации отдельных стиховых форм,

в составе которой надо особо иметь в виду проблему темпа стиха;

(28) Проблема ритма прозы.

В ритмованной речи особую важность приобретает

(29) Проблема интонационной композиции.

Драматическому актеру приходится применять в своей практике не только речевой голос, но и певческий, а равно и различные переходные типы голоса. Поэтому требует разработки проблема, которую можно обозначить формулой

(30) Речь и пение.

Наряду с этой проблемой надо поставить другую, в некоторых пунктах с ней соприкасающуюся:

(31) Сочетание речи с музыкой.

Весьма актуальными, с точки зрения новых задач, поставленных перед театром завоеваниями техники за последнее десятилетие, являются две проблемы:

(32) Проблема радиосценической речи

и *(33) Проблема речи в звуковом кино.*

Значительная часть намеченных проблем стоит не только перед сценическим искусством, но и перед другой, смежной с ним областью искусства — перед искусством «художественного чтения». В силу этого при разработке указанных проблем придется пользоваться материалом обоих искусств. Но в то же время, в интересах методологической четкости, оба эти вида искусства должны быть разграничены. Поэтому требует изучения проблема, которую можно озаглавить —

(34) Сценическая речь и художественное чтение.

Ко всем перечисленным проблемам остается прибавить несколько проблем из области «техники речи»:

(35) Проблема постановки речевого голоса;

(36) Вопросы дикции

(разумея под дикцией отчетливость произношения);

(37) Вопросы исправления дефектов речи;

(38) Проблема современной русской орфоэпии;

(39) Иноязычный акцент в русской речи.

Таков в основном круг проблем, возникающих в области сценической речи. При составлении этого перечня имелись в виду потребности драматического театра. Учет практики оперной сцены пополнил бы этот список несколькими специфическими пунктами. Многие из числа намеченных проблем требуют дальнейшего расчленения, но это уже не входит в задачи настоящей записки.

Непосредственный материал наблюдения и методы работы могут быть здесь охарактеризованы лишь фрагментарно.

Непосредственный материал изучения должны составить следующие объекты:

тексты пьес;

стилистика и интонация обиходной (разговорной) речи различных общественных групп;

стилистика и интонация ораторской речи;

речь на сцене в связи с общим поведением актера на сцене и со структурой спектакля;

образцы художественного чтения;

материалы анкет, специально производимых среди актеров, чтецов, режиссеров и драматургов;

мемуарная и театрално-критическая литература.

Среди *методов исследования* особого упоминания требуют следующие:

<на этом рукопись обрывается>

Бернштейн С. И. **План Оборудования кабинета изучения художественной речи** **(Для Академии МХАТ)**

Август 1933 года

Значение лаборатории в системе исследовательской работы над художественной речью в плане театроведческого научного учреждения определяется тем, что объектом изучения здесь служит по преимуществу речь звучащая. Изучение же звучащей речи, с одной стороны, требует фиксирования изучаемого материала в форме звуковых записей, с другой стороны, допускает применение измерительных методов точных наук. Особо следует подчеркнуть, что, хотя непосредственным объектом такого изучения является материальная (акустическая и физиологическая) сторона речи, применение указанных методов приводит к выводам не только фонетического характера, но, в сочетании с анализом текста и данных восприятия и художественной оценки, также и к заключениям в области семантики, художественной структуры и техники исполнения.

Лабораторные методы изучения звучащей речи делятся на два основных разряда: 1) измерительно-слуховое изучение звучащих записей и 2) так называемое «объективное» (т. е. исключаящее участие слуха) измерительное изучение «графических» звуковых записей. Принимая во внимание, что для того, чтобы изучать за-

писи того или другого ряда, лаборатория должна создать соответствующий материал (используя, конечно, и те звучащие записи, которые произведены вне ее), можем свести конкретные формы лабораторной работы к следующим четырем основным рубрикам:

- 1) производство и копирование звуковых записей (в частности — производство записей с радиоприемника);
- 2) слуховое инструментально-измерительное изучение звуковых записей;
- 3) производство записей речи графическим методом;
- 4) измерительное изучение графических записей.

В прилагаемом перечне оборудования указаны ориентировочные цены, взятые из одновременно полученных каталогов и предложений. Между тем, в связи с экономическим кризисом и резкими колебаниями курса иностранной валюты, стоимость заграничной аппаратуры постоянно меняется. Установить цены на каждый данный момент можно только путем выписки новейших каталогов и прейскурантов и запросов соответствующим фирмам. Вместе с тем ознакомление с этими каталогами могло бы внести некоторые коррективы и в самый перечень оборудования.

I. Производство и копирование звуковых записей.

В настоящее время применяются следующие способы звуковых записей: 1) фонографная запись, 2) граммофонная запись, 3) оптическая запись на пленке, 4) запись на намагниченной стальной проволоке или ленте. Здесь нет возможности останавливаться на различных разновидностях и модификациях этих методов и характеризовать преимущества и недостатки каждого из них. В данном контексте достаточно будет следующих кратких замечаний.

В качестве основного метода записи наиболее целесообразной представляется запись на намагниченной стальной проволоке. Преимущества ее состоят в следующем:

- 1) возможность изготовления основной аппаратуры и производства записей без затраты валютных средств;
- 2) относительная недефицитность и исключительная дешевизна материала, на котором производится запись (стоимость проволоки — прибл. 3 рубля на час записи, т. е. запись обходится примерно в 6 раз дешевле фонографной, в 330 раз дешевле граммофонной и в 500 раз дешевле оптической записи);
- 3) исключительная механическая прочность материала;
- 4) исключительная устойчивость записи (записи, прослушанные несколько десятков тысяч раз, сохраняют первоначальную свежесть);
- 5) невозможность брака материала, так как неудачная или ненужная запись легко может быть снята с проволоки;

6) возможность абсолютно непрерывной записи в течение часа;

7) относительная техническая простота процесса записи и воспроизведения;

8) ненужность последующей технической обработки записи (вроде матрицирования восковых дисков, штамповки пластинок, проявления и печатания пленок);

9) осуществление записи и воспроизведения при помощи одного и того же аппарата;

10) относительная нетребовательность записей к условиям хранения.

По качеству запись на стальной проволоке стоит значительно выше фонографной записи и находится приблизительно на уровне оптической записи на пленке, безусловно уступая только заграничной граммофонной записи.

Оборудование, необходимое для записи на стальной проволоке, указано в перечне под №№ 1—9¹.

Кроме записи на стальной проволоке придется пользоваться также и фонографной записью. Она будет полезна в тех случаях, где не требуется длительного сохранения записей, и совершенно необходима в качестве одного из объективно-графических методов изучения звучащей речи (так как бороздки фонографной записи могут быть подвергнуты измерению). Кроме того, на первый год фонографная запись будет неизбежна еще и потому, что едва ли удастся получить сразу потребное количество стальной проволоки.

Кабинету придется пользоваться не только самостоятельно произведенными записями, но также записями, собранными в других научных учреждениях Союза. Эти записи, сделанные фонографическим путем, надо будет копировать на проволоку. Для этого кабинет должен располагать фонографами различных систем (собственно фонографы, диктофоны, парлографы).

Фонографное оборудование указано в перечне под №№ 10—17.

В качестве вспомогательного метода надо иметь в виду упрощенную граммофонную запись, осуществляемую при помощи обыкновенного граммофона, снабженного специальной мембраной. Преимущество этого способа состоит в том, что записанные таким путем восковые диски легко допускают матрицирование и штамповку пластинок (на московской фабрике граммофонных пластинок). Соответствующее оборудование, чрезвычайно дешевое, указано в перечне под №№ 18—19.

---

¹ <Указанный С. Бернштейном перечень отсутствует.>

Значительное количество ценного материала для изучения могут представить оптические записи на пленке, сделанные кинофабриками. Они должны быть использованы путем копирования — частью на стальную проволоку, а главным образом — на светочувствительную бумагу. Для осуществления копирования на проволоку кабинет должен располагать аппаратом для воспроизведения звуковых записей на пленке (см. в перечне № 20). Вторым способом копирования придется осуществлять фабричным путем.

II. Слуховое инструментально-измерительное изучение звуковых записей.

А. Воспроизводящая аппаратура.

Кроме электромагнитной установки и фонографов — аппаратуры, служащей одновременно для производства и для воспроизведения записей, сюда относятся граммофоны различных систем (акустические граммофоны, электрорадиограммофон, ультрафон) с вспомогательной аппаратурой (адаптеры, репетиторы, иголки и т. п.) и аппарат для воспроизведения оптических записей на бумаге. Воспроизведение фонографных записей также желательно усовершенствовать при помощи специальных адаптеров и электрических фильтров.

Воспроизводящая аппаратура указана в перечне под №№ 21—28.

Б. Материал для исследования.

Сюда войдут производимые кабинетом звуковые записи (оригинальные и копии), граммофонные пластинки (из которых наиболее ценные, во избежание стирания при выслушивании, также должны копироваться на стальную проволоку) и бумажные копии звуковых записей на пленке, изготавливаемые по заказу кабинета на копировальной фабрике. Среди граммофонных пластинок надо различать 1) советские пластинки, имеющиеся в продаже (минимальное количество), 2) советские пластинки, которые должны быть изготовлены для кабинета фабрикой Граммпласттреста с имеющихся в ее архиве матриц, 3) иностранные пластинки, подлежащие выписке из-за границы.

Примерная стоимость пластинок каждой из упомянутых трех категорий, а также бумажных копий оптических записей, указана в перечне под №№ 29—32.

Характер звучащего материала, подлежащего собиранию и изучению, определяется проблематикой исследовательской работы. В частности, надо иметь в виду следующие категории записей:

различные типы интонаций вне сценической речи (интонации бытовой и ораторской речи);

различные стили сценической интонации (в связи с проблемой жанра);

различные способы интонирования одной и той же роли — разными исполнителями, при различных концепциях персонажа и пьесы;

интонационные указания режиссера и их преломление в исполнении актеров;

интонирование ролей на различных этапах проработки пьесы;

авторская читка пьес, художественной прозы и стихов;

образцы художественного чтения прозы и стихов;

различные методы постановки голоса, преподавания техники речи и исправления дефектов речи.

Записи должны представлять образцы отдельных реплик и монологов, целых сцен и пьес, ораторских речей и т. д.

При производстве записей придется широко использовать трансляцию по радио.

Значительная часть звучащих записей может быть использована не только в исследовательском плане, но и в плане преподавания. Кроме того, наличие звукозаписывающей и воспроизводящей аппаратуры позволит вести с учащимися семинарские занятия по звучащей речи, неосуществимые вне лабораторной обстановки.

Копирование записей, собранных в других научных учреждениях, а также копирование звуковых фильмов потребует соглашений с соответствующими ведомствами, учреждениями и фабриками. Специальная штамповка граммофонных пластинок также потребует переговоров с Грампластрестом.

Ввиду того, что, согласно постановлению ЦИК Союза от 7 декабря 1932 года, звуковые записи, собранные в научных учреждениях, по истечении срока, устанавливаемого Центральным Архивным Управлением по соглашению с указанными учреждениями, поступают в Центральный Государственный Архив Звуковых Записей, — необходимо будет договориться с Централархивом о длительном (на протяжении нескольких десятилетий) сроке хранения записей в Академии.

В. Измерительная аппаратура.

Здесь относятся 1) приборы для измерения высоты звука (тонвариаторы и камертоны), 2) прибор для измерения силы звука (фонометр), 3) приборы для измерения длительности звука (секундомеры).

Аппаратура для слухового измерения звуковых записей указана в перечне под №№ 33—38.

III. Производство записей речи графическим методом.

Акустические процессы речи с наибольшей детальностью и четкостью записываются при помощи осциллографа. Однако

осциллографическая запись не отражает непосредственно физиологическую (произносительную) сторону речи. Поэтому наряду с осциллографом приходится применять кимографы («регистрирующие аппараты») с записывающими барабанчиками различного устройства, в зависимости от характера изучаемых явлений.

Оборудование для графической записи указано в перечне под №№ 39—66.

IV. Измерительное изучение графических записей.

Измерение записей, полученных графическим методом, производится тремя путями: при достаточно крупном масштабе записи возможно измерение под лупой при помощи линейки с делениями до 0,1 мм; более мелкие вибрации измеряются при помощи микроскопа; наконец, в тех случаях, где требуется измерение только высоты звука, чрезвычайно практичны специальные приборы — измерительный стол Лиорэ и аппарат Мейера-Шнейдера. К числу графических методов следует отнести также измерительное изучение бороздок фонографного валика. Для этой цели необходимы два прибора: микроскоп Беке — для непосредственного измерения — и лиореграф — для измерения проекции фонографной записи на закопченную бумагу.

Сонеты А. Мицкевича (в переводе С. А. Полякова)

23 сентября 1933 года

І Аккерманские степи

Я выплыл на простор сухого океана;
Арба качается средь трав ладьей в волненье;
Средь шумных степи волн, в цветочном наводненье,
Минуя острова кораллов из бурьяна.

Ложится мгла, в пути не видно и кургана...
И в небе я ищу звезд кормчих положение;
Туман вдали блестит? Денницы ль восхожденье?
Нет, блещет Днестр, маяк взошел то Аккермана.

Стой!.. Тихо как кругом!.. Чу, журавлей мчит стая;
Едва ль заметит их и сокол прозорливый;
Я слышу: мотылек травинки гнет качая;

Шурша стеблями уж скользит, крутя извивы...
Так тихо, что свой слух чуть-чуть лишь напрягая,
С Литвы услышал б зов. — Но, едем! нет призыва...

II *Штиль*

Уж ленту флага ветер едва-едва ласкает;
Спокойно персям играет гладь морская,
В мечтах о счастье так невеста молодая
Проснется, чтоб вздохнуть, и снова засыпает.

Ветрила — знамена, по окончанье брани,
С открытых мачт висят; корабль легким креном
Кольшется, прибит как будто цепью к стенам;
Матрос без дел, звучит смех путников в собранье.

О море! среди твоих резвящихся творений
Есть спрут, он спит на дне, когда на небе тучи,
Но в штиль он из воды вверх тянет змеи-ноги;

О мысль! в твоей глубине есть гидра угрызений,
Что спит среди злых судеб и в бурях страсти жгучей,
Но в сердце коль покой, в него льет яд тревоги.

III *Плавание*

Крепчает шум, грозней чудовища пучины;
Матрос вбегает ввысь, кричит: готовьтесь, детки!
Вбежал, и замер он, повис в незримой сетке, —
Паук так стережет дрожанье паутины.

Ветр рвет! Корабль скрипит, сорвался с цепи длинной,
Качнулся и нырнул в лавину пены едкой,
Нос поднял, волны мнет, ввысь правит бег свой меткий,
Мглу туч сечет челом, вихрь ловит в парусины.

Мой дух, как мачты лет, проносится над бездной;
Как косы паруса, фантазия витает,
Невольный крик я слил с веселой вереницей,

Вверх руки, корабли припал к груди железной,
Мне мнится, грудь моя движенье ускоряет:
Мне любо и легко! себя я чую птицей.

IV *Буря*

Содран парус, руль сломан, рев вод, бури шумы,
Голос люда тревожный, зловещих помп звуки;
Рвут канаты матросов ослабшие руки;
Солнце село кровавым, мрачней еще думы.

Вихрь с триумфом завыл вдруг; на горы из пены,
Что извергла пучина со дна своей пасти,
Смерти гений вступает и лезет на снасти,
Как солдат, что ворвался в пробитые стены.

Те лежат чуть живые, тот стиснул ладони,
Тот прощаясь в объятья друзей упадает,
Те в предсмертной молитве хотят позабыться.

Один путник в молчанье сидел лишь в том стоне;
Счастлив тот, кто сознанье — он думал — теряет,
Кому есть с кем прощаться, кто может молиться.

V *Вид гор из степей Козлова*

(Странник и Мирза)

Странник

Там,..., возвел из глыб льда не Аллах ли ограду?
Отлил ангелам трон, заморозивши тучи?
Иль разбив твердь, воздвиг стены те Див могучий,
Чтоб сдержать караван звезд с Востока преградой?

Блещет заревом горб! Грозит пламень Царьграду?
Иль Аллах, когда ночь власть дала тьме летучей,
Для миров, что средь бездн бег стремят неминуций,
К небосводу прибил, как маяк ту лампаду.

Мирза

Там... я был: там зима царит в вихре метелей,
Ручьев клювы и рек пасти пьют ее воду;
Ядохнул: снег летел с уст; следы индевели;
Где заказан орлам путь и тучам нет ходу.
Зрел я гром, в облаках спавший, как в колыбели,
Выше был, где звезда над чалмой лишь льнет к своду:
Чатырдах-то!

Странник — А-а!!

VI *Бахчисарай*

Величаво-пустынно Гиреев Владенье!
Где паши челом били, те сени и входы,
Те тахты, троны власти, любви чар угоды,
Саранча облепляет, обвили змей звенья.

Вдоль окон разноцветных плюща разветвления,
На глухие взбираясь простенки и своды,
Труд людской забирают во имя природы,
Пишут, как Валтасару в дворце: Разрушенье.

Весь из мрамора в зале искусно иссечен
Фонтан виден гарема; он в действе донине,
Перлы слез источая в пустыню льет речь он:

«Где-же вы, любви, власти и славы гордыни?
Вы б должны жить столетья, родник быстротечен...
О позор! родник цел все, вас ж нет и в помине!»

VII *Бахчисарай ночью*

Помолясь, из мечетей идут старожилы,
Отзвучал уж вечерний изан средь предгорий;
Застыдились румянцем рубиновым зори,
Серебристый царь ночи спешит к своей милой.

Блещут в вышнем гареме звезд вечных светила;
Среди них проплывает в сапфирном просторе
Одно облачко, лебедь то сонный на море,
Грудь бела, золотятся по краешкам крыла.

Минарет бросил здесь тень, — там тень кипариса,
Дальше кругом чернеют гиганты гранита,
Как шайтаны на сборе в диване Иблиса,

Под покровами мрака; их главы защита
Для зарниц, что проснувшись вдруг, рысью фариса
Через молчанье лазури летят до зенита.

VIII Могила Потоцкой

В стране весны, садов средь нежащей улады,
Увяла роза, ты: не прошлого то дни ли,
Мелькнув, как мотыльки, златым узором крылий,
Вложили в грудь тебе воспоминаний яды?

На север, к Польше, звезд — не счесть — горят лампы —
К чему они собой тот путь заполонили?
Не твой ли взор — огонь, пред темным сном в могиле,
В отчизну мчась, следов там выжег мириады?

Окончу, полька, дни и я один в печали;
С тобой пусть рядом здесь моя могила будет.
Твой склеп для отдыха прохожие избрали,

Родного языка звук вдруг меня пробудит,
Поэт, пропевший в честь тебя одной вначале,
Почтить стихом и мой холм близкий не забудет.

Вариант

В стране весны, садов средь радостной улады,
Увяла роза, ты: то прошлого дни влили,
Мелькнув, как мотыльки, златым узором, крылий,
Вглубь сердца твоего воспоминаний яды.

XI Укладбища гарема

Мирза к страннику

С вертограда любви сорвана гроздь зеленой
Для Аллаха к столу; жемчуг нежный Востока
Из морей сладких нег увлекли раньше срока
Створки вечности, гроб, в свое мрачное лоно.

Их забвенья времен здесь укрыла препона;
Тюрбан хладный блестит над могилой глубокой,
Как войск-тёней бунчук, и чуть видно плит сбока
Лишь гяура рукой имя там иссечено.

Розы райские — вы! В чистоте у истока
Отцвела ваша жизнь у стыда под листьями,
Тайной скрыта навек от неверного ока.

Но ваш прах осквернен здесь пришельца глазами...
Ты, великий, простишь ему властью пророка! —
Он один посмотрел из пришельцев с слезами.

X Вайдары

Как ветер мчится конь, все же нет конца ударам;
Долины, скалы, лес — то спереди, то сбока —
У ног моих плывут, как быстрина потока;
Хочу тех образов упиться вихрем ярым.

Когда ж скакун устал и пышет пеной, паром,
Когда мир краски скрыл под саван тьмы глубокой,
Как будто в зеркале разбитом видит око,
Долины, скалы, лес — проносятся кошмаром.

Земля спит, мне сна нет. Скачу в морское лоно;
Вот черный вздутый вал, ревя, на брег стремится,
К нему простер чело и руки я склоненно;

Над мной волна растет, вокруг хаос кружится,
Я жду, что мысль ладьей, в пучину увлеченной,
Вот-вот в бесчувствие на миг хоть погрузится.

XI Алушта днем

Лишь стряхнет гора с груди туманов халаты,
Шумят ранним намазом, все в золоте, нивы;
Гнется лес, сыпя с пышной мерцающей гривы,
Как из четок калифов рубин и гранаты.

Луг в цветах, а над лугом — цветов рой пернатый,
Мотыльки всех оттенков, как радуг отливов,
Бриллиантов навесом рвут неба массивы;
Саранча в дали тянет свой саван крылатый.

А где лысая в воды скала заглядится,
Кипит море, шторм новый на сушь замышляя;
В его шумах очами сверкает тигрица:

То предвестье бурь злейших для здешнего края;
На глубинах же мягче волна так клубится,
И купается флот в ней и лебедей стая.

ХII *Алушта ночью*

Крепчает ветерок, в вечер вольней засухи;
На чатырдахов горб упал светильник божий,
Разбился, рдяный свет пролил, сгас у подножий.
Заблудший путник стал, весь — напряженье слуха.

Чернеют горы, ночь в долину пала глухо.
Ручьи журчат сквозь сон на бархатистом ложе,
И аромат цветов, так с музыкаю схожий,
Мне сердцу голосом поет немым для уха.

Под крыльями уснул тиши без форм и краски,
Вдруг будит метеор блистательностью диска,
Дождь залил золотой окрестности, как в сказке...

О ночь восточная! Востока одалиска,
Ты лаской к сну клонишь, когда же сон уж близко,
Ты искрой взора вновь нас будишь к страстной ласке.

ХIII *Чатырдах*

Мирза

Дрожа, *муслим припал*¹, весь мыслию в пророке,
К стопам твоей, корабль-Крым, мачты-Чатырдаха,
Минары всей земли², и гор всех падишаха.
Уйдя от скал равнин, ты туч рвешь поволоки,

Сидишь у врат небес, как Гавриил высокий,
Дворцов эдема страж, по призыву Аллаха;
Лес темный — плащ тебе, а янычары страха
Тюрбан златят из туч твой, молнии потоки.

Нас жжет ли солнце, мгла нас кроет ли осенняя
Жрет нивы ль саранча, дома ль огнем палимы,
Ты, Чатырдах, всегда глухой и недвижимый,

Меж небом и землей, как драгоман творенья,
Под ноги разостлав людей, гром, лета, зимы,
Лишь слышишь смертным нам от бога повеленья.

---

¹ Вариант: паломник пал.

² Вселенной маяка.

XIII *Чатырдах*

Мирза

Дрожа, муслим припал весь, мыслию в Пророке
К подножью — стойкой Крыма мачты — Чатырдаха
Вселенной минарета, гор всех падишаха.
Уйдя от дольных скал, ты туч рвешь поволоки,

Сидишь у врат небес, как Гавриил высокий
Дворцов хранитель райских волею Аллаха,
Плащом тебе — лес темный, янычары страха
Тюрбан из туч твой молний золотят потоки.

Нас жжет ли солнце, мгла ли кроет нас осенью
Жрет нивы ль саранча, иль мы огнем палимы.
О, Чатырдах, всегда ты строгий, недвижимый.

Меж небом и землею драгоман творенья,
Под ноги разослав гром, страны, лета, зимы,
Лишь слышишь только бога смертным повеленья.
(16.06.1929 г. Ташкент, перевод 31.01.1932 г.)

XIV *Странник*

У ног моих богатств и красоты долины,
Над мною ясен свод, вокруг красавиц лица:
К чему ж в далекий край душа моя стремится
И в прошлое, куда еще путь боле длинный?

Литва! Приятней пел мне шум твоей осины,
Чем соловей Байдар, самирянка ль девица,
И мне милей для глаз болот твоих водица,
Чем ананасов блеск, иль шелковиц рубины.

В чужом краю! — иных волшебств игрой заклятый!
Чего ж тоскую я со вздохом неустанным
По той, кого любил днем юности туманным?

В моих родных местах, что у меня отняты,
Где все тебе твердит лишь о твоём желанном
Топча мои следы, друг, помнишь ли меня ты?

XV *Дорога над пропастью в Чуфут Кале* (Мирза и Странник)

Мирза

Молись, поводья брось, в бок взоры отвори там:
Нога коня, поверь, твой разум не обманет.
На славу конь! Смотри, как вглубь он оком взглянет,
К земле припав, пути зацепит край копытом.

Повис! — Но не смотри! Коль взгляд твой полетит там,
Как в бездне Аль-Каир до дна он не достанет;
Руки не поднимай: у рук твоих крыла нет;
И мысли там сдержи, мысль якорем — гранитом,

С лодочки брошенным в безмерности пучины,
Как молнья упадет, толщ моря не провертит
И лодку за собой утянет в вир¹ хаоса.

Странник

Мирза, а я взглянул! И мира сквозь теснины
Я видел... видел то, о чем скажу по смерти,
Ведь в языке живых на то б слов не нашлось...

Гора Кикинеиз

Мирза

Плянь в пропасть! Небеса, лежащие в долине,
То море. А средь волн, как будто гора — птица,
Перуно сражена, громадою стелится,
Вдали всем кругозор закрывши в половине,

Из снега остров взмыв в лазурной вод равнине.
Тот остров, — в бездне там, то тучи мгла клубится!
В пол-мире от нее ночь на землю ложится...
Ты на челе ее огонь тот видишь синий?

То молния, — Но стой! Приблизилась мы к безднам,
В ущельи этом конь надежный лишь вожатый.
Скачу, ты ж жди с хлыстом и стремянем железным;

Исчезну я из глаз, смотри тех скал в края ты:
Мелькнет коль там перо, то кивер мой крылатый;
Коль нет — то тем путем закрыт уж всем проезд нам.

---

¹ <Так в тексте>

XVII *Развалины замка в Балаклаве*

Разрушен замок сам и стойкая ограда;
Когда-то стражи тех, кто обитали в Крыме;
Там черепами с гор торчат теперь немymi,
Живет в них гад иль люд еще подлее гада.

Ищу вверху, гербов не скрыла ли аркада;
Вот надпись: может быть, богатыря то имя,
Что было страхом войск, — ничтожностей незримей,
Как червь, спит обвито листочком винограда.

Грек из Афин ваял для стен тех украшенья,
Монгол оттуда ждал из Генуи приказа,
Из Мекки странник там песнь напевал намаза;

Теперь там ястреба кружатся черной тенью,
Как в городе, где все смела чумы зараза,
Стяг веет траурный, как смерти знак владенья.

XVIII *Аю-Даг*

Люблю смотреть, взойдя на Аю-Дага скалы,
Как волны, в пене все, то гривой, черно-пегой
Взметнув, что кони, мчат, то серебристей снега
Кружатся, радуги бросая вверх опалы.

Толкаются о мель, там делятся на валы,
Как полчища китов, добравшихся до берега,
С триумфом сушь берут и, возвратясь с набега,
Вслед мечут ракушки, и перлы, и кораллы.

О, не твое ль, поэт, то сердце в юны годы?
Страсть часто грозные вздымает непогоды;
Но бардон лишь возьмешь, как в честь твоей свободы

Исчезнуть уж спешит она в глуби забвенья
И жемчуг за собой роняет песнопенья —
В веках твоей главе бессмертья украшенья.

ХІХ Ястреб

(На высотах Кикинеиза)

О, бедный ястреб... туч захваченный засильем,
В стихии чуждой, он плывет к далеким странам;
Морской пропитан мглой, смят ветром неустанным,
На мачте, среди людей, покой своим дал крыльям.

Но тронет ли его, жестокий, кто в лазури?
Беспечный, словно там в лесу, он отдыхает:
Он гость, Джованна, здесь! а гостя кто пленяет,
В скитаньях по-морю бояться должен бури.

Ты вспомни, как жил я, и как сама жила ты;
Ведь в море жизни ты видала страхи эти,
И мною вихрь играл, дождей хлестали плети;

К чему ж та ласковость, надежд обман крылатый?
Сама в опасности, другим ты ставишь сети...
(Не избежишь, увы, тяжелой ты расплаты!)

Ястреб

(На высотах Кикинеиза)

Бедный ястреб... Свирепых туч жертва засилья,
Он здесь в чуждой стихии, в пути к дальним странам,
Морской влагой пропитан, дождем неустанным,
Среди людей на той мачте сложил свои крылья.

Но кто схватит, жестокий, его на лазури?
Как на ветке беспечно он там восседает:
Он ведь гость. Знай, Джованна! Кто гостя пленяет,
Тот в скитаньях по морю страшится пусть бури.

Вспомни то, как я прожил, сама как жила ты;
В море жизни ты знала ведь страхи все эти
И меня вихорь гнал, смерть была на примете;

Так к чему ж эта ласка, надежд миг крылатый?
Ведь среди козней сама ты, другим ставишь сети...
[Не минуешь, увы, ты тяжелой расплаты!]

(26.06. — 16, 29.10. 1929 г.; перевод 31.01.1932 г.)

I Воспоминание

О, Лаура! то из всех лет памятное лето
В уме твоём встает ли хоть как дань досугу,
Когда с тобой вдвоем мы, вверившись друг другу,
Знать вовсе чуждого нам не хотели света?

Жасмин, разросшийся так пышно вокруг боскета,
Ручей, что протекал с журчанием по лугу, —
Так часто нас, порыв ценивших, как услугу,
Хранил покров ночной с любовью до рассвета.

А месяц, лик открыв сквозь облачные пряди,
На снежность груди свет лил и запястий звенья,
Являя образ твой в невиданном наряде.

Объемлет душу в миг тот сладкое волнение,
Уста к устам спешат, и тонет взгляд во взгляде,
Слеза к слезе, сердец — к биенью льнет биенье.

II Лауре

Лишь увидел тебя, я тотчас полонился;
В незнакомом лице черты милой заметил
И взаимности жар на твоих щеках встретил,
Как у розы бутон, что с зарею раскрылся.

Лишь запела ты песнь, взор слезой увлажнился;
В сердце голос проник твой прозрачен и светел.
Мнилось: ангел меня вдруг знакомый приветил,
И небесных часов звон спасенья пролился.

Любовь выдать глаза твои пусть не боятся,
Если я твой покой взглядом, словом нарушу;
Пусть судьба и народ против нас ополчится,

Я бежать и любить без надежды не трушу;
Пусть с другим на земле ты должна повенчаться,
Знаешь ты: обручил бог со мной твою душу.

II *Лауре*

Лишь тебя я увидел, тотчас полонился,
В незнакомых чертах я родное заметил,
На твоих щеках пламень взаимности встретил,
Как у розы бутон, что с зарею раскрылся.

Лишь запела ты песню, мой взор увлажнился,
Голос твой проник в сердце, прозрачен и светел,
Мнилось мне: меня ангел знакомый приветил,
И с небесных часов звон спасеньем пролился.

Пусть глаза твои выдать любви не боятся, —
Если взглядом иль словом покой твой нарушу,
Пусть судьба и все люди на нас ополчатся,

Ведь бежать и любить я в разлуке не трушу;
Пусть с другим на земле ты должна повенчаться,
Знаешь ты: обручил бог со мной твою душу.

III

Вслух мыслю, моему дивятся бестолковью;
Как молот сердце бьет, дыханьем не владею,
В глазах кружит рой искр, а сам в лице бледнею;
Иные моему сочувствуют здоровью,

Всем на ушко шепча: с ума сведен любовью!
Так мучась целый день, о ночи мысль лелею,
В надежде, что хоть сном от мук спасишься сумею,
Но сердце гонит в мозг грез пламень вместе с кровью.

Срываюсь, бегаю, в уме сложилась фраза,
Чтоб слать жестокости твоей проклятья;
Сложил, забыл, и так мильон, не два-три раза...

Но встречу лишь тебя, сам не могу понять я,
К чему спокоен вновь я, холодней алмаза,
Чтоб снова пламенеть — потом стал и молчать я.

IV

Неизыскан твой вид, в простоте молвишь слово,
Ни лицо, ни глаза не поспорят с другими,
Но все рады взглянуть и тебе стать любимей,
Хоть пастушки наряд, облик — дочки царевой

Вчера песни лились, гомон шел бестолковый;
Знать желали твоей каждой сверстницы имя,
Тот хвалил их, иной — тот смеялся над ними;
Ты вошла: на устах всех молчанья оковы.

Так средь пира: уж знак дал хорам певец чтимый,
Пары в танце давно уж кружатся по зале,
Вдруг все встанут, замрут и стоят недвижимы;

Знал ли кто, почему в изумленье все стали?
«Знаю я — рек поэт: — здесь был ангел незримый».
Гостя встретили все, но не все лишь узнали.

V *Свидание в лесу*

«Что ж так поздно?» — «В лесу потерял я дорогу
При неверном во мгле свете лунного лика.
Вспоминала о мне?» — «Ах, ревнивец, скажи-ка,
Об ином чем могла ль думать я хоть немного!»

— «Позволь руку пожать, целовать твою ногу,
Что за дрожь?» — «Не пойму. Здесь кругом все так дико;
Шума листьев боюсь и ночной птицы крика;
Быть виновны должны мы, коль чуем тревогу!»

— «Посмотри мне в глаза: никогда с таким взглядом
Не приходит злодей, страх не смотрит так смело.
В чем ты видишь вину? Ведь сидим мы не рядом;

От тебя я далек, говорю неумело
И с тобой обхожусь, хоть не дух ты без тела,
Словно ангельским ты отдалась уж усладам».

VI

Осудит нас ханжа, распутник поглумится,
Что хоть нас с ней вдвоем от всех скрывают стены,
Она — так молода, у ног ее я — пленный,
Я опускаю взор, у ней слеза катится.

С соблазном я борюсь; она ж надежд боится
И гонит их, звеня кандалами без смены,
Которыми связал нам руки рок презренный.
Не знаем сами, что у нас в душе творится.

Блаженство то иль боль? Как чую прикосанье
Твоих я рук, иль с уст я пью огня лобзанья:
Мой милый друг! могу ль сказать, что то страданье?

Когда ж лицо слеза, струясь, нам оросила,
И тает в вздохах жизнь, свои теряя силы:
Блаженством то назвать могу ль, о друг мой милый?

VII *Утро и вечер*

Солнце горит, восходя, клубятся туч дымы,
Меркнет к закату луна кругла, бледнолица;
Роза бутоны раскрыв, вся к солнцу стремится,
Цветик-фиалка поник, рососою клонимый.

Лаура мелькнула в окне. Все трое под ним мы;
Золотом кос шелестя, нам молвит девица:
«Что же с утра у вас взор печалью томится,
Месяц, фиалка-цветок и ты, мой любимый?»

В вечер, что нового, — знать пришел я охочий.
Месяц вернулся назад: он полный, румяный;
Цветик-фиалка ожил под свежестью ночи.

Снова люблюсь в окне моею желанной,
В лучшем наряде она, ясней блещут очи.
Снова у ног я ее, с той же в сердце раной.

VII

Вариант

Вечером край обхожу я новым дозором.
Месяц вернулся назад: он полный, румяный;
Цветик-фиалка ожил под свежим мглы флером;

Снова люблюсь в окне моею желанной,
В лучшем наряде она, ясней блещет взором.
Снова у ног я ее — с той же в сердце раной.

VIII *К Неману*

Родной Неман, река ты моя! Где те воды,
Что младенцем когда-то я черпал в ладони,
Где потом плавал я за охладой в погоне,
Ища сердцу покой среди дикой природы?

Лаура здесь, вся в цветах, на приволье свободы,
Плела косу, смотрясь на свой отблеск в затоне;
Лик ее отражен волн в серебряном лоне
Здесь слезами мутил я не раз в юны годы!

Река Неман моя, где твои те истоки,
С ними счастья наплыв и надежд новоселье?
Куда скрылося лет милых детских веселье?

Где бурливой поры мне милейшие склоки?
Моя Лаура, где ты? Где с друзьями похмелье?
Все прошло... что же моих слез все льются потоки?

Вариант

VIII *К Неману*

Река Неман, родная моя! Где же воды,
Что младенцем бессильным я черпал в ладони,
По которым потом за охладой в погоне
Уплывал я, скрываясь средь дикой природы?

Лора здесь, наслаждаясь привольем свободы,
Заплетала косу средь цветов благовоний;

Лик ее, отражен волн в серебряном лоне,
Орошал здесь слезами я в юные годы.

Река Неман родная! Так где же те грезы,
Вместе с ними то счастье, надежд новоселье?
Милых детских лет где ты, невинность веселья?

Века взрослого, где вы, милейшие грозы?
Моя Лора, где ты? где с друзьями похмелье?..
Все прошло... Не проходят к чему ж мои слезы?

*(20.10.1929 г. Ташкент; 31.01.1932 г. Смоленск, перевод
31.01.1932 г.)*

IX *Благословение*

(Из Петрарки)

Благословен тот год, и месяц, часть недели,
И день тот, и часть дня, и час тот, миг минуты,
И место то, где мне влила любви мечту ты,
Со мной не разделив ее, совсем без цели.

Благословенны вы, глаза, где блеск веселий,
Амур откуда лук свой кажет изогнутый;
Благословен тот лук, стрела, виновник смуты,
Что выстрелил тогда, стреляет и доселе¹.

Благословенна песнь, та первая простая,
Что эхом лес родной мне пел и наши реки,
Отчизна вторила потом, не умолкая.

Благословляю я перо: я им в час некий
Ее прославил, грудь свою благословляю
Где Лаура жила и будет жить вовеки!

X (Из Петрарки)

Хотите знать, что я терплю, друзья мои, вы?
Вам опишу сейчас, держась лишь правды голой
Те сны, что тщетно я на кладбище костела
Гоню — все в прошлое летит мой дух строптивый.

---

¹ Вариант: оставив след доселе!

Играла здесь ты, тут стояла молчаливой,
Здесь взглядом позвала, там злобу поборола,
Здесь гневна, там мрачна, здесь снова смех веселый,
Смиренно там лицо, здесь смотришь горделивой.

Там песню завела, рукой ты здесь прильнула,
Здесь села, наших всех начало там признаний;
Здесь чертишь вензель мой, и кудри долу свисли,

Там слово бросило, тихонько здесь вздохнула,
Там вся зарделась... Ах, среди воспоминаний
Мятеся сердце вновь и путаются мысли!

вариант

Х (Из Петрарки)

Знать хотите терплю что, мое поколение?
Опишу, как то могут перо и чернила.
Те мечты, что я тщетно и в дымах кадила
Прочь гоню, но прогнать ли дней прошлых виденья?

Здесь всегда ты играла, тут стоишь в размышленье.
Там лицо, сердясь, скрыла, здесь взглядом манила.
Гневна — здесь, скорбна — там, здесь смеешься вновь мило,
На лице мягкость здесь, там следы раздраженья.

Затянула там песню, здесь руку пожала,
Здесь ты села, там наших начало признаний,
Побежав, на песке здесь мое чертишь имя.

Там промолвила слово, здесь тихонько вздыхала,
Там зарделась ты вся... Ах, среди воспоминаний
Вечно мечется сердце, мысль окована ими!

*(12–16.05.1928 г. Москва; 31.01.1932 г. Смоленск; переп.
31.01.32)*

XI Егерь

Видел я; целый день жарким солнечным летом,
Блуждал егерь молодой над прибрежным простором,
Смотрел долго кругом и промолвил с укором:
«Прежде, чем я навек край покину с обетом,

Хоть тайком бы взглянуть»... Вдруг на это ответом
Амазонка летит — то Диана убором — ,
Стоит, вздернув коня, и кругом водит взором:
Верно, ехал за ней ее друг вдалеке там.

Егерь вздрогнул и, взгляд — Каин то нелюдимый —
Устремивши на путь, горько так засмеялся,
Дрожа, набил ружье, — сама злость — не даст мимо...

Отошел, с мыслью той он как будто расстался.
Вдруг заметил столб мглы, ружье сжал недвижимо,
Взял прицел; ближе пыль, но никто не примчался.

XII

Поэзия! Где кисть, что мне дала ты в руки?
Хочу писать, к чему ж и мысль, и вдохновенье
Через слова глядят, как узник в заточенье
В решетки окон глядит, страдая от разлуки?

Поэзия! Твои волшебные где звуки?
Пою — но моего она не слышит пенья;
Царь песен, соловей, услышит ли течение
Подземных скрытых вод, спешащих к солнцу в муке!

Не только звук и цвет — то ангелов мечтанье,
Но и перо, в былом покорное поэту,
Моих прав признавать не хочет на чужбине

И пишет мне не песнь, но звуков начертанье,
Лишь ноты песни... Но — увы, ведь песню эту
Мне милый голосок ввек не споет отныне!

XII *Вариант*

Не только звук и цвет — то ангелов мечтанье,
Но и перо, в былом покорный раб поэта,
Моих прав над собой не признает в изгнанье

И пишет мне не песнь, но звуков начертанье,
Лишь ноты песни... но — увы, ведь песня эта
Моею милой никогда не будет спета!

XIII *Самоотречение*

Тот несчастен, кто ждет чувств взаимных напрасно;
Все ж несчастней его, кто в бесстрастье скучает;
Но несчастнее всех для меня тот бывает,
Кто не любит, — забыть, что любил, уж не властный.

Видя вызов в лице, в глазах жар сладострастный,
О днях прошлых мечтой он соблазн подавляет;
Коль невинной краса чувство в нем пробуждает,
С блеклым сердцем, не мнит он к ногам пасть прекрасной.

То себя он винит, то надменен с друзьями;
Путь простушке он даст, не представится даме,
На обеих смотря, он в надежде не млеет;

Его сердце найдет себе отзвуки в храме,
Что от бурь и годов обветшавши, пустеет,
Где не хочет жить бог, человек же не смеет.

XIV *К.....*

Смотришь в очи мне, льнешь? О, всем явна зазноба:
Бойся глаз ты змеи, сгинешь в их ты полоне;
Убегай, не пахнул пока виды зловоний,
Коль не хочешь клясть жизнь ты свою вплоть до гроба.

Прямодушье меня оправдать лишь могло бы;
Знай, позорный огонь ты зажгла в моем лоне;
Жить привык я один — и ко мне ль лет на склоне
Ты, невинность, войдешь, чтоб страдали мы оба?

Соблазнять слишком горд, хоть и раб сладострастий.
Ты дитя, я сожжен болью жгучею страсти;
Ты счастлива, пиров шум и блеск в твоей власти.

За собой прошлых дней вижу цуг похоронный...
Юный плющ, обвивай собой тополь зеленый,
Обрамляет пусть терн гробовые колонны.

XIV К***

Смотришь в очи мне, таешь?.. Всем явна зазноба:
Бойся яду, что искрой в глазах тлеет змеи,
И пока не коснулась гниль дыханья, беги,
Коль не хочешь клясть жизни своей вплоть до гроба.

Оправдать — прямодушье меня лишь могло бы:
Знай, огонь разжигаешь у меня ты в крови;
Жить привык одиноким — как пред смертью шаги,
О невинность, с тобою мы могли б пройти оба?

Я люблю наслажденье, слишком горд соблазнять.
Ты дитя, меня болью измучили страсти;
Ты счастлива, веселье пиров в твоей власти,

Прошлых дней лишь кладбища вокруг меня, где не глядь...
Вокруг тополя, зелень плюща, обвилась ты,
Терну место — колонны у могил обрамлять.

XV

Я, невольник, впервой сам своей рад неволе;
Посмотрю ль на тебя — тоски нет безысходной;
Иль помыслю, — и мысль реет также свободно;
Любовь чую к тебе — в сердце нет моем боли.

Часто счастьем считал я миг взбалмошной воли,
Часто был увлечен я мечтой сумасбродной,
Привлекали слова и красы вид холодный;
Слал проклятья тогда и завидной я доле.

Даже той, когда я поклонялся богине, —
Сколько слез, какой пыл и какая тревога,
И сейчас грусть всплыла при одном лишь помине!

Только ты мне даешь столько счастья, так много!
Хвала богу, что дал тебя милой мне ныне;
Хвала милой за то, что хвалить учит бога.

вариант

XV

Первый раз я, невольник, своей рад неволе;
Посмотрю ль на тебя я, — тоски нет безысходной:
Иль помыслию — и мысли все также свободны
Любовь чую к тебе я, но нет в сердце боли.

Я считал часто счастьем миг взбалмошной воли,
Часто был увлечен я мечтой сумасбродной,
Привлекали словечки, красы вид холодный
И тогда слал проклятья завидной хоть доле.

Когда той поклонялся я даже богине, —
Сколько слез, какой пламень, какая тревога.
И сейчас грусть всплывает при беглом помине.

Только ты даешь счастье мне, много, так много!
Хвала богу, что друга такого дал ныне;
Хвала милой, что учит меня славить бога.

(5.04.1928 г. Москва, 12, 20.10.1931 г. Смоленск; пер. 30.01.1932 г.)

XVI

Друг мой! ласка небес твоя мной не забыта,
Но ужасная мысль мне ее исказила.
Может, сердце твое, что так сильно любило,
Может — страшно сказать — злой печалью разбито?

Ты ль виной, что глаза твои, как два магнита
Так влекли, что уста улыбались так мило?
Как могла устоять добродетель и сила,
Коль так много огня в нас творцом было влито?

Мы в борьбе провели дни за днями, недели,
Юны оба, одни, словно в паре сопряжены,
Честь друг друга блюсти мы так долго сумели.

Ах, теперь оболью я слезами иконы,
Не прощенья молить буду я за грех велий
Только б бог мне не дал услышать твои стоны!

XVII *Добрый день*

День добрый! Жаль будить, Зарей горят ланиты!
Дух милой, раздвоясь, зрит райские светлицы,
В миг тот же на лице божественном струится,
Так солнце: в небе часть, края же дымкой скрыты.

День добрый! Долгий вздох, уж очи приоткрыты.
День добрый! Свет тебе тревожит уж зеницы,
К устам докучные льнут мухи, — баловницы.
День добрый! Солнце в дом, и я с ним, нас прими ты!

Нес сладкий «добрый день», твой стан, у сна в объятье,
Взял смелость у меня. Узнаю пусть заране,
Встаешь ли ласковой, здоровой ли ты, пани?

День добрый! И руки не смел чтоб целовать я?
Ушел чтоб? Ну уйду: вот ты наденешь платье,
В зал выйдешь — добрый день тебе блеснет желанней.

XVIII *Доброй ночи*

Доброй ночи! день целый мы вместе пробыли,
Пусть тебя скроет ангел в лазурь сна крылами.
Доброй ночи! Не льются пусть очи слезами.
Доброй ночи! пусть сердце не знает усилий.

Доброй ночи!.. миг каждый, что мы говорили,
Пусть оставит звук тихий в докучливом гаме,
Теша слух твой, когда же мысль смешается с снами,
Пусть бы грезы мой образ тебе оживили!

Доброй ночи! как сладка очей твоих ласка,
Дай лицо... Доброй ночи! Звать хочешь слугу ты?
Грудь раскрой... Доброй ночи!.. Застегнута баска...¹

Доброй ночи! Исчезла, и двери сомкнуты!
Доброй ночи сквозь шелку. Замка слышу лягз я!
«Доброй ночью» спать не дал бы тебе ни минуты.

---

¹ Вариант: на ней уж завязка...

ХІХ Добрый вечер

Добрый вечер! — из всех мне милей пожеланье.
Как на ночь разделит нас завеса алькова,
Или час призовет к ней меня ранний снова,
Никогда так не мил мне привет, иль прощанье,

Как в вечернюю тень, что влечет на дерзанье.
Молчать рада и ты, разгореться готова,
Добрый вечер когда прошептал свое слово:
Стал живее твой взор, ясней молвит дыханье.

Пусть день добрый взойдет тем, разлук что не знают,
Чтоб трудом соединить узы рук их короче;
Жаждут милые пусть для себя доброй ночи,

В миг, как горечь, забыв, чашу нег осушают;
А для тех, что любви от всех чувство скрывают,
Добрый вечер затмит пусть речистые очи.

вариант

ХІХ Добрый вечер

Добрый вечер! Приятней из всех пожеланье.
Как пред ночью нас делит завеса алькова,
Или час призывает меня ранний слова,
Никогда так не мил мне привет иль прощанье,

Как когда миг вечерний зовет на дерзанье —
Молчать рада и ты, ведь к созвучью готова.
«Добрый вечер» услыша, то нежное слово,
Взор блестит твой живее, ясней мне дыханье.

Пусть день добрый взойдет тем, разлук кто не знают
Чтоб в труде стали нити их связи короче;
Пусть любовников скроет покров доброй ночи.

В час, как горечь забывши, усладу вкушают;
А для тех, что хоть любят, но чувство скрывают
Добрый вечер затянет пусть речистые очи.

*(7—8.11.1929 г. Ташкент. 31.08.1931 г., Смоленск, пер.
30.01.1932 г.)*

XX Д.Д.

Визит

Едва войду, скажу два слова с милой дамой,
Уже звонок, как тут — лакей не в меру скорый,
За ним визит, а там — поклоны, разговоры;
Лишь визитер ушел, другой вмиг тут же самый.

Когда б я мог, то дом обвел бы волчьей ямой,
Поставил бы капкан, колючие заборы;
Коль не спасло бы то, бежал бы я за горы
Исчезнул бы за Стикс, в Аид, на тот свет прямо.

Проклятый, скучный гость! Считаю я минуты,
Как изверг, кого ждет последнее мученье —
А ты плетешь про то, какие где рауты!..

Уж и перчатки взял, за шляпой вод движенье:
Теперь-то отдохну, душе дам облегченье.
О боги! Снова сел, засел, как кол воткнутый!

XXI Визитерам

Милым гостем быть — знай: это вот что такое;
Как войдешь, не спеши говорить, что все знают:
Там сегодня раут, здесь на бал приглашают,
Хлеб стал дешев, шел дождь, на Балканах разбои.

Коль увидишь, сидят в зале только лишь двое,
Посмотри, что тебя те любезно ль встречают,
Друг от друга они далеко ль восседают,
Все ль на месте у них, нет ли сдвижек в покрое.

Если пани на все рассмеяться готова,
Хоть не хочется ей; если панич так сбоку
Смотрит все и часы достает через слово,

В глазах злость, а конца не дождешься потоку
Милых слов, их приветь: «Будь здоров, будь здорова!»
Когда ж встретишься вновь? — через год, по зароку.

XXII *Прощание*

К. Д. Д.

Ненужен я тебе?.. Любви твоей лишился?
Ее я не имел! Ты стала слишком строгой!
К чему ж тогда другой! Платить не в силах много?
И прежде не платил, с тобой же веселился!

Не даром, нет!.. Хоть я богатством не кичился,
Но ласка числилась, сколь ни была б убогой,
На вес души моей, охваченной тревогой.
Зачем же гнать меня? Я толку не добился.

Объято сердце тут, я вижу пылом новым:
Стихов похвальных ждешь! В пустом тщеславья дыме
Играешь близких ты и счастьем и кровом?

Нет, Музы не купить! Я с рифмами живыми
Шел на Парнас — обвить тебя венком лавровым,
Но стих вдруг помертвел, почуяв твое имя.

XXIII *Данаиды*

Прекрасный пол! Есть миф: в век золотой, когда-то,
За полевой цветок, за майский колос в платье,
Сердца у девушек мы брали и объяття,
И к милой голубя мы слали вместо свата!

Теперь дешевле век, но сколь дороже плата!
Хочу дать денег той, — нет должен воспевать я;
Той сердце бы вручил, но должен руку <текста нет «дать я»>
Ту воспевал; вопрос: жить будем ли богато?

О, Данаиды! вам бросал в бездню желаний
Дары, стихи, в слезах растопленную душу:
Теперь не плачу я — смеюсь, не мот я — скаред.

И хоть еще готов платить прелестным дани,
Хоть песен и даров обычай не нарушу,
Хоть все отдам, но пусть — другой вам сердце дарит!

Извинение

Пел сверстникам любовь, не для других столетий;
Кой-кто меня хвалил, а прочие шептали:
«Поэт ушел весь в страсть, ее поет печали,
Нет для него иных напевов в целом свете.

Не глуп он и в летах, ужели в годы эти
Страстишки детские ему к лицу пристали?
Ужель ему затем глас вещей боги дали,
Чтоб только о себе он в каждом ныл сонете?»

Предстереженье мне! Восстала гордость духа,
Алкейский бардон взял, настроив <текста нет>
Едва играть я стал, исчезла вся дружина.

Заслышав песни те, ей чуждые для слуха...
Рву струны, бардон прочь, и в Лету пал он глухо:
Поэт таков, как век. Но близится година...

Шнем Г. Г.

Отзыв на переводы стихотворений Г. Гейне, сделанные Ефременковым

23 октября 1933 года

По-русски приложенные переводы читаются гладко, и лишь некоторые выражения — отмеченные красным карандашом — могут показаться неудачными. Метр и даже ритм можно считать *в целом* переданными. Но в отношении точности смысловой и в передаче образов перевод оставляет желать многого. Одной из особенностей лирики Гейне является легкость построения, покоящаяся на прозрачности приема: параллелизма, контраста, сопоставления и т. д. Она пропала в *Соломоне*: *Und zieht er finster die Brauen zusammen — // es glätten sich wieder die Brauen* — вторая половина исчезла в переводе; не говоря уж о неясной последовательности: как будто «рассеян мгновенно кошмар», *потому что* «мечи упадают (!?)», а не наоборот. Нечетко передано противопоставление (*К ангелам*): «жена и дитя одновременно» (*Weib und Kind*), с одной стороны, «вдова и сирота» (*Widou und Waise*), с другой, — вследствие выпадения «и» по требованию метра. — Немало мелких отступлений от подлин-

ника, но есть и крупные. Например, полностью сочинена строка (*К ангелам*): «Коня он шпорит (?) под откос» вместо *Er kommt auf einem fahlen, Roß* т. е. он едет на бледном (образ из *Апокалипсиса*, VI, 8) коне. Недопустима замена образа прямо противоположным (*Дурной сон*): «В глазах пылают Огнистые русалочьи цветы (!?)» («цветы», во всяком случае, неуместно!) вместо *Die süßen Meergrünen Augen zwinkern nixenhaft*, т. е. милые (или ласковые) зеленоватые (или бирюзовые, или цвета морской воды) глазки мигают, как у русалки, — что, кстати, соответствует и традиционному образу русалки. Вся последняя строфа стихотворения *К ангелам* передана неточно: «Во имя сокровенных слов, хранимых в памяти веков, Во имя благ самих, что вы таите» вместо: Словом, которое только священнослужитель знает и никогда без содрогания не произносит, вашей собственной красотой, милостью и кротостью

Beim Wort, das nur der Priester kennt
Und niemals ohne Schauder nennt,
Bei eurer eignen Schönheit, Huld und Milde.

Китс Дж.
Стихотворения, в переводе Б. Лейтина

<27 октября 1933 года >

Китс
Песня

Куда идешь ты, Девоншира дочь,
И что несешь в своей плетенке?
Ты всех стройнее, ты пастбищ фея,
Налей мне сливок струею звонкой.

Люблю холмы я и гладь долин,
Твоих стад я люблю мычанье.
В тенистом месте познать бы вместе
И губ, и сердец слиянье.

Твою корзинку под куст сложу,
Шаль повешу на ветвь проворно,
Средь скромных цветов целоваться готов
На подушке зеленого дерна.

Перевод Бориса Лейтина

<На обороте рукой Шпета>:

Думаю, что мне это прислано по недоразумению, так как и редактором всего отдела английской литературы, и в частности Сочинений Китса, состоит М. Н. Розанов.

Г. Шпет

Китс (1795–1821)

Красоте
(Из Эндимион'а)

Творенье красоты — источник вечный
Растущих радостей; и в бесконечной
Дали веков он не иссякнет; нас
Утешит он в полночный тихий час
Виденьем сладостным; нам сохранит
Души покой — здоровья верный щит;
Сплетеньем грез он свяжет нас с землей
В часы сомненья в доблести людской,
В часы отчаянья, тяжелых дней,
Когда пути искания темней
И больно сердцу. Вопреки всему
Прекрасный образ снимет ночи тьму
С души, как плащ. Те образы — луна,
Кустарники, чья сень стадам дана,
И солнца луч, и золотой цветок,
В зеленом царстве луга; и поток,
Чьи воды хладные, — двойник небес, —
Защита в зное; дико взросший лес,
В чьем сердце куст шиповника расцвел;
Те образы и в том, как жизнь провел
Народный вождь: величье славных лет
Народ запомнил и воспел поэт.
Бессмертной влаги не иссяк родник,
Напиток неба в души к нам проник.
Но не дано запекшимся устам
Той жажды утолить; о, нет, как храм
Деревьям — стражам векового сна
Дарует святость, — так и нас луна,

Поэзия и доблесть прошлых лет
Преследуют, пока их дивный свет
Не вспыхнет в душах, свяжет их навек,
И, грустен ли иль весел человек,
Разлуки с ними нет, иначе смерть!

Перевод Бориса Лейтина

Китс

La belle Dame sans merci

О, чем ты болен, рыцарь в латах —
Один блуждаешь бледнолиц.
Осока высохла в пруду,
Не слышно птиц.

О, чем ты болен, рыцарь в латах —
Ты так печален, в сердце страх.
Уж белки житница полна,
Поля в снопах.

Лилея бледная — лицо,
Печали слезы — капли рос
И на лице поблекший цвет
Увядших роз.

Я встретил деву на лугу
Красы нездешней, дочь услад,
Был волос длинен, легок шаг —
И дик был взгляд.

Я свил гирлянду для чела,
Браслеты из цветов — пленен;
Она взглянула — взгляд любви
И сладкий стон.

Я посадил ее в седло,
Весь день смотрелся в очи ей
И, стан обняв, внимал весь день
Я песне фей.

Она нашла мне дикий мед
И корни сладкие у рек,

Твердя на странном языке:
«Твоя навек».

И мы вошли в волшебный грот,
Мне плач и стон любви был люб,
Закрыв я дикие глаза
Касаньем губ.

Она баюкала меня,
И я уснул — беда, беда:
Средь хладных северных холмов
Усну ль? Когда?

Я видел бледных королей,
Поникших рыцарей кругом.
«Ты у la belle Damme sans merci,
ты в царстве злом».

В том крике мертвых, белых губ
Прочел я страшный приговор.
Проснулся я — кругом холмы,
Пустой простор.

Вот почему в стране глухой
Один брожу я бледнолиц —
В стране, где не шумит камыш,
Не слышно птиц.

Перевод Бориса Лейтина

План издания сочинений Джона Китса на русском языке

28 декабря 1933 года

*Новомирский Д.
копия*

ИЗД. «ACADEMIA»
ТОВ. Л. Б. КАМЕНЕВУ

Установка. Цель издания не полный перевод всего написанного Китсом, а ознакомление русской читающей публики с самими

значительными произведениями Китса и его местом в истории английской литературы.

Объем издания Один том в 30–35 листов.

Содержание:

I. Вводная статья на тему: «*Жизнь и творчество Китса*»

1. Англия на исходе промышленной революции.

2. Байрон. Шелли и Китс.

3. Критика о Китсе (за границей и у нас)¹

4. Влияние Китса на англ. литературу.

Около 4 п. л.

II. Из переписки Джона Китса

В издании Н. Burton Forman переписка занимает два тома из пяти, т. е. около 30 п. л. Предлагаю взять приблизительно одну пятую часть, т. е. около 6 п. л.; дать те письма, которые имеют крупное значение как биографический или художественно-критический материал.

III. Ранние стихи (1817–1818)

Примечание. В нижеследующем перечне я подчеркиваю те названия, которые, по моему мнению, должны непременно войти в издание; не подчеркнутые названия могут быть выпущены *в случае необходимости*.

1. To Hope	49 строк (40)
2. on first, booking in to Chapin's Homer	14
3. On seeing the Elgin Marbles	14
4. 9 stood tig-tol	242
5. Endymion	4050
	4369 строк

IV. Лирика

1. Ode to a Nightingale	80 строк
2. Ode on a Grecian Urn	50
3. Ode to Psyche	67
4. Ode on Melancholy	30
5. Fancy	94
6. La Belle Dame sans Merci	48
	369 строк

¹ Имею в виду раньше всего современников Китса — Байрона, Шелли и др.

V. Эпос

1. Hyperion	884 строк
2. The Tall of Hyperion	506
3. The Eve of St. Agnes	336
4. Jamia	710
5. Isabella	524
6. The Eve of St. Maria	120
3080 строк	

VI. Драмы

1. Otto the great	1712 строк
2. King Stephan	156
1868 строк	

*VII. Примечания к письмам и стихотворениям (биографического, исторического и критического содержания) считал бы целесообразным помещать этот материал *впереди* каждого раздела или произведения в тех случаях, когда примечание относится ко всему разделу или всему произведению.*

Примечания должны занять 10% комментируемого материала. Считая по 35 строк на страницу, *основной текст* книги займет

ранние стихи	4369
лирика	369
эпос	3080
драмы	1868
всего	9685, т. е. около 276 стр. или 17 п. л.

Так как письма по плану займут 6 п. л., то Примечания должны составить 10% — 17 п. л.+6 п. л. = 23 п. л., т. е. около 2 ½ п. л.

БИБЛИОГРАФИЯ

VIII. ИНДЕКС ИМЕН Около 4 стр. = 1/4 п. л.

Итак, весь объем представляется в следующем виде:

a. Вводная статья	4 п. л.
b. Переписка	6 п. л.
c. Поэзия	17 п. л.
d. Примечания	2 ½ п. л.
e. Индекс	¼ п. л.
	29 ¾, ок. 30 п. л.

Если же считать по 30 строк на страницу статья «с» (Поэзия) увеличится на 3 п. л., и сборник достигнет 33 п. л.

О характере перевода

Переводить рифмованными стихами предлагаю только *лирические* стихи; остальной поэтический материал должен переводиться *белым* стихом.

Мое участие в работе

а. Я охотно взял бы на себя всю вводную статью или часть ее, а также составление примечаний.

б. Переводить берусь только белым стихом.

с. Участвовать в общем редактировании сборника.

Срок издания

Принимая во внимания чрезвычайное богатство художественного стиля Китса, его перевод представляет значительные трудности (по сравнению, например, с переводом Байрона или даже Шелли). Работа должна занять не меньше года. Считаю необходимым приступить к переводу писем и стихов немедленно, с тем, чтобы вся работа была готова к 1 января 1935 г.

Д. Новомирский.

Москва, ул. Горького, 96
кв. 4, тел. Д 1-60-98

Протокол Редсовета издательства «Academia» № 1 По Мифологическому Словарю

от 16 января 1934 года

Председательствует: И. Т. Смилга.

Члены комиссии: Г. Г. Шпет.

Редакторы отделов: Ф. А. Петровский, Р. О. Шор, Б. И. Ярхо.

Приглашенные: Д. А. Горбов — (от редакции античной серии),
А. И. Иванов.

Секретарь — В. О. Нилендер.

I. Организация личного состава Словаря:

1. Принимается предложение Нилендера о пополнении состава Комиссии — Горбовым.

2. Принимается предложение Петровского о пополнении античного отдела вторым редактором — Нилендером.

II. Научная организация отделов Словаря.

1. Обсуждается вопрос о структуре Восточного отдела. Шор полагает, что В. О. должен в основном, состоять из трех кругов мифологий: Ислам, Брахманизм, Буддизм. К ним добавляется и Дальний Восток.

2. После обмена мнениями: а) круг мифологий первобытных народов (шаманизм, палеазиаты, финны) предложено передать Преображенскому; б) американские мифы — ему же (Мексика, индейцы); с) ему же передаются и океанские мифы.

3. Всему этому кругу (пункт 2) уделить в Словаре $\frac{1}{2}$ печатных листа. — Шпет по вопросу о составе мифов первобытных народов напоминает об основной цели словаря — его практичности. Полагает, что вопрос об отдельных именах этого круга всего удобнее решить в последний момент составления словаря.

4. Относительно персонального возглавления Восточного Отдела намечаются три варианта: 1 возглавляющий, 2 возглавляющих, 3 возглавляющих. Принимается такой состав: один редактор и два со-редактора. В дальнейшем распределение под-отделов возложить на Р. О. Шор.

5. Дальний Восток передается А. И. Иванову.

6. Преображенскому и Эфросу предлагается продолжать их работу по размежеванию в библейско-христианском отделе и представить свои соображения.

7. Шпет рекомендует в некоторых случаях давать истолкование мифологического имени (путем точного перевода его на русский язык), ссылаясь на важность этого для библейско-христианской мифологии. Нилендер поддерживает важность этого предложения для ряда мифологических античных имен. Предложение Шпета принимается.

8. После обмена мнений выясняется желательность увеличения отдела библейско-христианского до 10 листов.

9. Ярхо говорит о таких именах святых, как например, «Цецилия» и предлагает их включать, поскольку они вошли в обиход в западноевропейской средневековой и новой художественной литературе. Предложение принимается.

10. Ярхо предлагает учесть наличность фантастических имен героического эпоса (например, «Зигфрид»), а также — включать имена исторических лиц, обросшие мифологически (например, Александр Македонский). Предложение также принимается.

11. Мифы кавказских народов предлагается взять на себя Преображенскому.

12. Классический восток — Египет, Вавилон отходит в Восточный же отдел. Шор препоручается договориться об участии в классическом востоке с ленинградцами.

13. Вопрос о рисунках должно рассматривать каждому редактору попутно, имея в виду ту реальную помощь, которую может оказать данный рисунок для данной статьи.

14. Вступительная статья. Шпет предлагает и две: в одной дать общее освещение вопроса о том, что такое миф, в другой — обзор имеющихся мифологических теорий: по типу книги «Ланг, Мифология». Иванов предлагает дать одну статью общего характера — с комментированным подвалом. Выносится предварительное решение: пока дать одну руководящую информационно-прагматическую статью. ~~Вопрос о марксистской статье не снимать, <неуклонно скажут> о безусловной необходимости ее и найти автора¹.~~

III. Словник и статьи.

1. Срок подачи словника установить не позднее 1 апреля.

2. Ярхо препоручается дать инструкцию о характере, типе и объеме статей (к следующему заседанию).

3. Принимается предварительно объем большой статьи в 8000 знаков, с уклоном до 6000 и 10000.

IV. Финансовая организация Словаря.

1. Горбову и Нилендеру составить смету Словника и Словаря, исхлопотать 30 р. Валюты на выписку литературы и разработать план договора с Издательством.

Председатель комиссии по составлению Словаря И. Т. Смилга
Секретарь В. О. Нилендер

ПРОЕКТ

Расчет «Мифологического словаря»

А. Принципы состава

1. Общий объем Словаря — около 60 п.л. (2400000 п.зн.).

2. По рассмотрению возможного состава для заполнения этих 60 п.л. приходим к заключению, что существо дела требует следующих видоизменений в принципах составления.

а) Необходимо включить имена и термины из обложки *героического эпоса* в виду полной практической невозможности раз-

---

¹ <Фраза очень сильно замазана простым карандашом.>

граничить эти две области. При строгом соблюдении «мифологического» принципа должны были бы, например, выпасть многие персонажи троянского цикла (Терсит, Пенелопа), имена коих крайне употребительны.

б) Необходимо ввести в широком масштабе *термин* культа, ибо даже в науке не всегда легко отграничить область мифа от области культа, а широкие круги читателей их вовсе не различают и всегда будут с такого рода запросами обращаться к словарю.

Пример: Все мифы, связанные с «вакханалиями» будут, конечно, сосредоточены при словах «Вакх», «Менады», «Орфей» и т. д., но слово «Вакханалии» необходимо включить, ибо именно в нашем Словаре читатель будет его искать. Таковы слова: Авгур, Друид, Гекатомба, Тирс, Плащаница, Намаз и т. п.

в) Если держаться принятого нами принципа: «Мифологический словарь должен быть толковым словарем при чтении художественной литературы XVII–XX веков и содержать только часто встречающиеся термины» — то никак нельзя будет заполнить 60 листов, не прибегая к длинным трактатам (см. ниже Б 1). Вышеуказанный объем дает нам полную возможность превратить наш Словарь в удовлетворительный справочник по вопросам мифа и культа. Система ссылок обеспечит читателю возможность ориентироваться в явлениях, смежных с тем, которые его заинтересовали.

3. Для это цели хорошо было бы:

А) Расширить заглавие словаря, например — «Словарь Мифа и Культа».

Б) Ввести особый тип объединяющих статей-ссылок (объем не более 1000 зн.). Например, «Загробная жизнь»: после краткого определения понятия и приведения главнейших типов З.Ж. следует ряд ссылок на: «Рай христианский», «Рай Магомета», «Эдем», «Елисейские поля» и т. д. В каждой из этих статей, в свою очередь, — ссылка на «Загробную жизнь».

4. Обследование « -----» Шомире (1708 г.) показало, что слова античной мифологии и героики, там помещенные, можно разделить приблизительно на три группы.

I) Слова, широко употребляемые в художественной и научной литературе, например: Мельпомена, Менелай, Ментор.

II) Главнейшие специальные термины: герои отдельных мифов, объекты культа, например: Термин (бог границ), Меланто (нимфа, ради коей Посейдон превратился в дельфина).

III) Второстепенные специальные слова. Вспомогательные персонажи мифов. Например: Малантея (дочь Филекона и Тонкиды), Гернот (один из бургундских королевичей, владевших кладом Нибелунгов).

5. Первоначальный план заключался в том, чтобы составить Словарь из терминов категории I. Предлагаемый план заключается в том, чтобы ввести термины категорий I и II, отбросив III. При размежевании терминов категорий II и III, мы действовали в *сторону сокращения*.

Нижеследующий расчет покажет, что держаться принципа I при 60 листах не имеет смысла.

Б. Принципы расчета.

1. Рассмотрение «-----» показывает, что весь он включает приблизительно 3400 слов.

На 10 страниц взятых наугад из разных мест пришлось 75 слов.
Из них: I кат. — 13, II — 25, III — 37.

Из этого явствует, что на весь Античный Отдел Словаря крупным счетом придется

При составе Слов Знаков (по 900 знаков в среднем на слово)

I, II, III	ок. 3400 3060000	ок. 74 листов
I, II	ок. 1700 1630000	37 листов
I	ок. 550 495000	12 листов

Итак, при системе I Античный отдел не заполнит своих 35 листов. При системе I—II с некоторыми сокращениями состава слов как раз получится 35 листов.

2. Теперь покажем, откуда берется цифра 900 зн. Определяющая средний объем статьи.

А) В БСЭ статья «Религия Германцев» обнимает ок. 6000 зн. В немецком словаре Брокгауза статья Олимп — около 3000. В словаре Любкера: Аполлон — 3200, Ахилл — 4300, Афродита — 3200, Эрос — 3200.

Б) Антигона — 1000, Ве — 100, Адмет — 600.

В) Харон — 230, Ореады — 40 (ссылки).

На первые 25 страниц словаря Любкера приходится по мифологии:

3 слова — от 2000 до 4800 знаков — в среднем 3400 зн.

5 слов — 600 — 1200 900 зн.

12 слов — 40 — 240 140 зн.

Итого на мифологию в этих 25 страницах приходится около 180000 п.зн. на 20 слов, т. е. по 900 знаков на слово.

3. Так как статьи словаря Любкера, в общем, удовлетворительны, то и для нашего Словаря следует принять среднюю в 900 или 1000 знаков на слово.

4. Объем в 60 п.л., т. е. в 2400000 знаков даст возможность поместить около 2600 слов при системе I-II.

ПРОЕКТ
Инструкция по составлению словариков
для «Мифологического словаря»

1. Для «Мифологического словаря» требуются словники по следующим разделам:

1) Общие термины (общие статьи и объединяющие заметки-ссылки).

2) Греция, 3) Рим, 4) Китай (и Корея), 5) Япония, 6). Египет, Сирия и Ассирио-Вавилония (Классический Восток), 7) Индия, 8) Ислам, 9) Библия, 10) Восточное Христианство, 11) Западное Христианство, 12) Келты, 13) Германцы, 14) Славяне, 15) Россия, 16...

2. Словники ни в коем случае не составляются в сквозном алфавитном порядке.

3. Порядок отдельного словника должен быть приблизительно такой:

А) Общие статьи (Религия Кельтов).

Б) Общие понятия (Тотемизм, эвгемеризм).

В) Божества (Аполлон, Янус, Асы).

Г) Существа низшей мифологии (Русалки, Джинны).

Д) Герои мифов (Ахилл, Сигурд, Илья Муромец, Св. Георгий).

Е) Важнейшие действующие лица сказаний (Терсит, Марфа и Мария).

Ж) Животные (Змей Горыныч, Цербер).

З) Предметы мифа и культа (Тирс, Эпитрахиль, Мюльнир).

И) Акты культа (Вакханалии, Русалки, Гекатомба).

Внутри этих разделов боги и герои могут быть разбиты по семействам и циклам.

4. Слова должны помещаться в сопровождении следующих данных:

Слово — Краткая аннотация — Число знаков — Ссылка (в том случае, если статья является ссылкой IV разряда). В конце словника — сумма знаков и сумма слов.

5. Статья делится на следующие разряды:

I. Статьи 2000—3000 зн. (15—200 строк);

II. Заметки 600—1200 зн. (15—30 строк);

III. Развернутые определения 120—400 зн. (3—10 строк);

IV. Ссылки 40—80 зн. (1—2 строки).

6. При общем расчете каждого словника средний размер статей не должен превышать: по первому разряду — 3200 зн., по второму — 1000 зн., по третьему — 200 зн. Статей четвертого разря-

да должно быть возможно меньше: сюда должны входить только синонимы и орфографические варианты (Уллис — см. Одиссей, Поллукс — см. Полидевк, Цербер — см. Кербер).

7. Средний размер статьи — 900 знаков.

8. Исходя из вышеприведенных цифр устанавливается следующий приблизительный расчет по отделам «Мифологического словаря».

отделы	Число листов	Число знаков	Число слов	Тоже с округлением
Античный	35	1400000	1550	1500
Христ.-Библ.	12	480000	530	500
Вост.	7	280000	310	350
Герм., Слав., Кельт.	5	200000	220	200
Варя	1	40000	44	50
Итого	60	2400000	2654	2600

9. Исходя из округленного числа слов можно распределить эти слова по разрядам следующим образом. Соотношение разделов I — 1, II — 2, III — 4, IV — не имеет значения (Эти цифры взяты из вышеприведенных соотношений в словаре Любкера). При округлении действовать в сторон сокращения числа I и II, в пользу II.

Число слов по разрядам (с округлением цифр).

отделы	I	II	III	IV	Всего слов
Античный	210	420	840	30	1500
Христ.-Библ.	70	140	270	20	500
Вост.	45	100	200	5	350
Герм., Слав., Кельт.	25	60	105	10	200
Варя	10	15	25	-	50
Итого	360	735	1440	65	2600

Отступления от этих цифр допускаются в самых широких размерах, однако при условии: а) непревышения количества знаков, отпущенных на весь отдел, б) соблюдения среднего количества знаков, определенного для каждого разряда статей.

Образец страницы Словника

слово	аннотация	Число знаков	ссылка
божества			
Феб	Бог солнца	80	Аполлон
Гера	Жена Зевса	2400	
Мифологические существа			
Наяды	Водяные нимфы	1000	

Шпет Г. Г. Отзыв на перевод «Писем Ч. Диккенса», сделанный Б. В. Авиловым

20 февраля 1934 года

Хотя я просмотрел только незначительную часть перевода, мне кажется, я уже могу сделать вывод, что перевод потребует очень большой редакционной правки. Кроме неудачных литературных оборотов и синтаксиса в переводе немало пропусков слов, фраз и даже пассажей, но главное — очень много промахов, проистекающих из неправильного перевода идиоматических выражений и номенклатуры, показывающего главным образом незнакомство переводчика с предметом. Так, в жаргонном *chaus* он не узнал слова *chaise* (шез) и заменяет словом «подворье» (?); *executor*, душеприказчик, передается словом «исполнитель»; должность судьи (*Justice*) друга Диккенса Толферда переводчик принял за его крестное имя и пишет «Джостис»; вместо «у нас был спутник» (*companion*) он пишет: «у нас образовалась мужская компания»; горничная, камеристка, превратилась в «восхитительную леди», кондуктор (*guard*) — в «старика», суббота — в воскресенье (впрочем, это может быть описка); вместо «навестите» (*call on*) — «пригласите»; вместо «передайте привет» (*remember me*) — «расскажите обо мне»; вместо «Билль об авторском праве» (который проводил в Парламенте Толферд) — «договор об издании»; вместо «выехали» (снялись с места, *starting*) — «сделали остановку»; переводчик не знает слова *bespeak*, которое значит «бенефис», и слова *phenomenon*, которому соответствует немецко-русское «вундеркинд»; группа дам и мужчин, явившихся на бенефис, называется

«группою актеров» (!); full-dressed значит «в бальных платьях», а не «хорошо одеты»; белена и белладонна — не одно и то же; вместо «если Вы не возражаете» (if you do not mind) — «если Вы не предполагаете»; вместо «будьте уверены» или «будьте покойны» (depend upon it «это зависит от нас?»); вместо «он был сильно занят периодическим изданием» — «он сотрудничал в периодическом издании». Переводчику неизвестно, что Часы мастера Хамфри (у переводчика «Хемфрейса», т. е. окончание родительного падежа он принял за окончание имени) — собственное произведение Диккенса; и т. д. — Повторяю, я просмотрел всего около дюжины писем, но здесь отметил далеко не все промахи, а выбрал, разумеется, более грубые; однако, мне кажется этого материала достаточно, чтобы сделать вывод, с которого я начал: перевод потребует огромной редакционной работы.

Г. Шпет

P. S. Дополнением к сказанному могут служить отметки, сделанные мною на самой рукописи перевода.

Idem

Список ляпсусов, встречающихся в переводе «Писем Диккенса» Авилова (приводим самые разительные)	
В редакции Жданова:	У Авилова:
стр. 16.	
судья Тельфурд	Джостис Тальфурд
стр. 18.	
игра в фанты	закуски
стр. 19.	
партия карточной игры	беседа вчетвером
было холодно, когда возвращался домой	сильный холод наступил в доме
стр. 21.	
горничная	(восхитительная) леди
[забавный] спутник	мужская компания
кондуктор	старик
унылая пустошь	ужасное болото
ужин	суп
стр. 23.	
завешание	[завещательное распоряжение]
стр. 27.	
сильно закашлялся	был несколько переполнен
стр. 27.	
но шел дурной дорогой	вино попало не туда, куда следует

не оторвется (от портера)	никуда не уехал бы
стр. 31.	
Диккенс никогда не был принят в адвокатское сословие барристеров	Ч. Диккенс никогда не был приглашаем в <i>ресторан</i>
стр. 31.	
буду бродить и искать хорошего театра	буду итти и освистывать театр
стр. 33.	
беспокоить без предупреждения	разрывать без объяснений
передовая статья	выражение «вождь»
стр. 44.	
просматривая материал, я пришел к выводу	просматривая писания, мне пришло на мысль
стр. 45.	
[Купаться собираюсь я здесь в морской воде, Но раньше постараюсь Послать письмо тебе]	стихи!!! [Мои ноги в доме, Мое купанье на море. И раньше, чем я погружусь в него, Посылаю тебе особое послание]
стр. 46.	
Путеводитель	книга Гайда
стр. 46.	
которое сохраняется для вас на первом этаже	которая затенена для вас с одной стороны
главный смотритель (тюрьмы)	старшина надзирателей
стр. 47.	
повозка с выставленной в ней напоказ восковой фигурой разбойника	с сидящим в ней торговцем ваксой, который расплылся от важности
стр. 48.	
с надписями о восковой фигуре Джарлея	рекламирующие «фабрику ваксы Джарлея»
стр. 49.	
отправится в путешествие	на следующий день проделывает то же
стр. 52.	
обрамить и застеклить рисунок гостиницы	чтобы в гостинице были вставлены рамы и стены в настоящем виде
дать концовку для «Л. Д.»	дать оценку
стр. 53.	
он мал ростом	описание очень короткое
стр. 54.	
мои письма следуют одно за другим по пятам	мои записки постоянно страдают каким-нибудь упущением

стр. 54.	
граверная доска	формат для рисунков.
стр. 7.	
содержатели кабриолетов [содержатели хэмпстедских «шезов»]	владельцы подворья
стр. 24.	
закон об авторском праве	договор об издании
стр. 26.	
белена	белладонна
стр. 55.	
одинокий торговец птицей	уединенный курятник.
стр. 57.	
чем мое бедное детище	чем я в своем детстве
стр. 58.	
бессмыслица	переплетчик
стр. 73.	
орел, бросающий лучи на всю страницу бланка	орел сидит на скале и <i>испускает лучи над овцой</i>
стр. 79—80	
Путаница [скажите, сэр, вы когда-нибудь замечали, что я восхищаюсь мистером NN? Напротив, разве вы никогда не слышали моих решительных и повторных заявлений, что он не простой и не искренний человек]	разрез хороших... [скажите, сэр, вы всегда считали, что я восхищаюсь мистером ...? Напротив, разве вы никогда не слышали моих заявлений (в разрез хороших, лучших и самых лучших отзывов о нем), что он не простой и не искренний человек]
стр. 92.	
темное трико	драповые гамаши
стр. 94.	
я покинул это с величайшим равнодушием	я покинул это как одушевленный огурец
стр. 96.	
застеклить	покрыть лаком.
стр. 97.	
устрицы [становиться у прилавка и есть устрицы]	местные жители [продовольствовался за счет местных жителей, которые ели устриц]
стр. 112.	
«Пастырь»	Шиферд
стр. 113.	
газетчик	радикал

стр. 114.	
был в Лондоне и осматривал все достопримечательности под моим руководством	был в Лондоне и видел всех львов под моей охраной
стр. 124.	
осыпающийся с откосов мел, похожий на молоко городских молочных	мел, расположенный по склонам гор, как молочный город
стр. 124.	
Конгрив (драматург XIX века)	Фосфорная спичка XIX века
стр. 125. Искажен шуточный смысл	
[«Злосчастный грешник»]	[«Несчастный человек»]
стр. 134.	
[по пенсу]	пенни [по пенни]
стр. 136.	
[устричным блеском в глазах]	с устричным мерцанием в глазах
рождественская повесть Ч. Д.	повесть о рождестве Ч. Д.
поцелуи для встречи нового года и поцелуи для проводов старого года	поцелуи по старой манере, и поцелуи по новой манере
стр. 158. <страница указана неверно. Т. III.>	
явные чудеса	показательный суд
стр. 97.	
отбросил нож	согнул колени
стр. 109.	
заколдовал карманные часы зрителей в чайницы	заколдовал <i>стражей компании</i> в чайном ящике
стр. 108.	
от смеха у меня трещал и лопался галстук	я открывал и закрывал рот и разрывал связки у корешка моей папки
Стр. 140–143.	
бальные туалеты	в полном облачении
стр. 141.	
Диккенс против всего Мира	Диккенс против «Уорлд»
шуточный протокол – искажен	
стр. 146.	
санаторий собирается устроить обед.	санаторий отправляется на обед
стр. 150.	
такое же небо	сияние <i>Близнецов</i>
Тёрнер (знаменитый живописец)	тёрнер (<i>голубь</i>)
стр. 151.	
во мгновение ока исчезает ночь и наступает утро	ночь <i>мигает</i> и наступает утро

стр. 151.	
гигантский кузнечик	кузнечик <i>Брибдингэ-джиэн.</i>
стр. 153.	
мы приятно наладили свою жизнь	к нам ведет <i>довольно хорошая дорога</i>
голландская водка	можжевельник
стр. 162.	
он устраивает званые вечера со множеством цветочных горшков и небольшим количеством мороженого, — и никаких напитков.	<i>он совершает прогулки с большим запасом пенистых напитков и небольшим количеством льда — никаких других подкреплений.</i>
стр. 162.	
он всюду шатается, и по первому зову готов представить свои экспромты, как готовые блюда в тавернах.	<i>он бродит по окрестностям, и подобно обедающим в тавернах всегда готов писать самые короткие заметки.</i>
стр. 163.	
мои письменные принадлежности прохлаждаются в почтовом дилижансе экипаже где-то на соборной площади, а в этом доме чернила и перья настолько отвратительны...	<i>я стараюсь освежиться в почтовом дилижансе позади собора. Чернила и перья в этом доме настолько отвратительны...</i>
стр. 164.	
гора Глинкое, если ее обильно осыпать снегом, была бы опять похожа на крутой подъем к этому перевалу.	Глинкое, осыпанное снегом, очень похоже на <i>вознесение</i>
стр. 166.	
Майнц	Майснес.
стр. 169. Бессмысленное искажение	
стр. 175.	
нам приходилось пробираться	вулкан был в действии
стр. 180.	
наклонная башня (в Пизе)	башня <i>Лининг</i>
стр. 181. Путаница в статье о смертной казни...	
стр. 189.	
на вашей мужественной груди [ваша застекленная терраса была похожа на кладовую]	в Вашем главном <i>комоде</i> стеклянный шкаф выглядит как кладовая:
стр. 190.	
последние две недели	прошлый вечер
стр. 193.	
мистер	как к пастору

стр. 194.	
вдобавок я расстроен еще тем, что вчера в Риджент Парке я по рассеянности наступил на маленькую собачонку и задавил ее.	в качестве добавления к моему сочинению вчера в Риджент парке я бежал за <i>маленькой собачкой</i> (убил ее на месте)
стр. 195.	
заметки о «Сверчке на печи»	заметки о «Крикете»
стр. 197.	
с коронами или тонзурами на голове	с коронами из <i>щепок</i> или золота
стр. 199.	
бестолковица о весенней воде	
стр. 200.	
король проехал очень быстро	король проехал при большом спокойствии
стр. 201.	
если бы отколотил себе бока в тряском экипаже.	я мог бы проявить массу энергии в <i>ворчании</i> .
стр. 202.	
ученица	кукла
стр. 204.	
на вершине	у подножья
стр. 206.	
сообщите все подробности о вашей лучшей половине.	продолжает ли Лозанна также <i>быть</i> <i>заполненной личными особенностями</i> Вашей половины.
стр. 208.	
рискованно издавать роман ежемесячными номерами [периодическими выпусками]	странный пример случайностей в числах
стр. 209.	
хорошо выспался [в голове такое ощущение, как будто режут ножами]	спал как <i>вершина горы</i> . голова как будто «на краю»
стр. 212.	
тот, кто оторвался от плуга	тот, кто <i>насовистывал, идя за плугом</i> .
стр. 215.	
пьеса вяло исполняется	в ней уныло прикрывают свет
стр. 259.	
[как вы себе меня представляете, если думаете, что я мог потребовать, чтобы вы изобразили вместо какого-нибудь человека такое существо <i>со свиной мордой</i> , телячьими глазами и копытами бесенка]	вы думаете, что я так утомлен, так что перенесу <i>протест со свиной мордой</i> , телячьими глазами и копытами бесенка.

стр. 260.	
«вечерняя скука»	вечерняя дыра
стр. 262–264.	
о смертной казни	
стр. 288 (извращение)	
странный проект компании, касающийся рискованных предприятий в Калифорнии, использовать для статьи	я получил странное предложение принять участие в одной кампании, связанной с игрой в Калифорнии, в которой Вы также могли бы заработать кое-что
стр. 222.	
в большой растерянности, как всегда, когда начинаю новые номера	в большом отчаянии, как обычно, <i>начиная с носа</i>
стр. 234.	
семья лорда ведет очень скромный старомодный уютный образ жизни	приехала сюда в теплом закрытом экипаже – старинный способ передвижения
стр. 238.	
найму кабриолет	поставлю «Викторию»
стр. 243.	
городской глашатай	«город-крикун»
стр. 254	
оркестры лейб-гвардии	банды живой гвардии
стр. 293.	
у нас будут напудренные парики	у нас имеется <i>порох</i>
стр. 293.	
я приведу парикмахера	Я выполню обязанности парикмахера
стр. 320.	
[цветочные корзинки] (ш)	ящики с <i>миньонами</i> , чтобы дети быстро засыпали
стр. 320.	
заочно	(пить) спирт
стр. 352.	
играли в шашки	играли и выпивали
стр. 331.	
издатель – продажная душа	в этой роли <i>в каждом дюйме трактир.</i>
стр. 357.	
эта свинская повозка	«свинья в Экипаже» – наши спутники
получив старую ложу в театре	взяв с собой старый <i>ящик</i>

стр. 364.	
притиснутые друг к другу как ложки в буфете	<i>орошаемые подобно губкам с борта ко- рабля.</i>
стр. 374.	
множество дорожных дел	мир дорожных вещей
стр. 384.	
[портретов знаменитых литераторов]	десяти (литераторов),
стр. 388.	
цифры	фигуры
стр. 389.	
по внешним признакам	<i>по заграничным и явным проявлениям.</i>
стр. 399.	
[но иметь его постоянно у себя на шее и видеть в «Полном списке всех обя- занностей человека» еще новую обя- занность ходить туда]	иметь такое помещение, переполнен- ное глотками, и идти сюда отыскивать новую страницу «Всех обязанностей человека»
стр. 410.	
[сидел, уставившись на корешки моих книг]	уселся на томы моих книг для вдохно- вения.
стр. 449.	
[там вдруг для нас обнаружилось...]	благодаря благословенной случайно- сти, что ваш крестник оглох.
стр. 407.	
заперт	выглядываете в павильон
стр. 468.	
[вы скорее встретите стадо диких сло- нов в какой-нибудь вилле, чем уют и удобство]	вы вскоре увидели бы в какой-нибудь вилле <i>стада диких слонов для утех.</i>
стр. 470.	
[леди, которую мне выпал жребий вести вчера к обеденному столу] (ш)	
дама, которую мне пришлось вести вчера к обеденному столу.	хозяйка, которую я пригласил к себе, чтобы записаться на обед.
стр. 472 (бессмыслица)	
	<i>С Бардольфианским красноречием освежит свой нос в скромных заслугах Института</i>
стр. 473–474 – критика	
стр. 489.	
в больницу св. Луки	в пределы С. Лукса
стр. 490–491 – извращение и бессмыслица	
	расположенное ступенями по склону

стр. 501.	
остается еще четверть часа	для этого требуется частная квартира
хитрый	Артфуль
стр. 539.	
у нас появились новые виды неплатежей и растрат.	мы устанавливаем нового платильщика в отношении некоего великого долга.
стр. 546.	
[мое дерзкое кровожадное перо продолжает свою убийственную работу прежде, чем вы увидите корректурные гранки] (ш)	мое дерзкое перо пропитало чернилами их жестокие сердца прежде, чем Вы увидите оттиск.
стр. 547. – путаница о гаммаке.	
стр. 549.	
гигантский ребенок	бробдингнэджианский бэби
стр. 575.	
это входило в круг его обязанностей	контора его куда-то девалась
стр. 577.	
[все семья Блэквуда была принесена на гребне людской волны и выгружена прямо против моей платформы] (ш)	
людская волна пронесла всю семью Блэквуда прямо к моей платформе	все члены семьи Блэквуда <i>взобрались на их крышу вала и уселись, обернувшись лицом к платформе</i>
стр. 602.	
вместо будущего	прошедшее время
стр. 604.	
вместо настоящего	прошедшее
стр. 606.	
– 30 вместо	13
стр. 608.	
тринадцати вместо	тридцати
стр. 609.	
7 вместо	17
стр. 609.	
поздравительное письмо к новому году.	грациозное письмо в Нью Йорк
наследство	посольство
стр. 612.	
умиротворяющий адрес	спокойный вид. Что за кроткое обращение
стр. 616.	
[демонстрировать произведенные улучшения] (ш)	
покажу улучшения в доме	улучшения для выставки

стр. 622.	
влезал и вылезал	показал снаружи и внутри
спускал [и подымал] окна	уселся внутрь
стр. 625.	
вместо 35	53
[Эти же две цифры, все равно в каком порядке они поставлены]	двузначное число лет никогда не изменяло этому правилу
стр. 625.	
краткое письмо по поводу крушения – все напутано	
стр. 626.	
[как долго мы находились в неизвестности]	точная длина повисшей части
стр. 639.	
станция Мегби	«Мегби Джонктон»
стр. 641.	
в бутафорском мундире восковых фигур из паноптикума мадам Тюссо	человек в форме собственной стражи Мэдэм Тессоод
стр. 647.	
волосы стали дыбом	бессмыслица [приятная сенсация: я был бы в восторге, если бы оказалось, что у меня что-нибудь есть]
стр. 655.	
гонки парусных яхт [встретит массовый интерес по ту сторону океана]	<i>американская раса</i> бессмыслица «распространится на весь вопрос в целом»
стр. 661.	
еще впереди	уже миновал
стр. 662.	
очень рады, что ваша жена нас помнит	мы были бы рады, если бы напомнили о нас вашей жене
стр. 665.	
Магнитная гора	Лодстон Рок
стр. 681.	
неуместная отсебятина: Ист Ривер а не Гудзон.	в Бруклин через реку Гудзон.
стр. 682.	
полиция явилась его гасить	полиция отказалась его запретить
стр. 686.	
странствовать по пустыням Америки	читать Диких в Америке
картина на стене	книга на полках
стр. 687.	
письма с добрыми пожеланиями.	светящиеся буквы с добрыми пожеланиями

стр. 725.	
извращение:	
не стал бы опубликовывать, если бы разобрался в материале	так как я не разобрался, то нужно сделать книгу
стр. 746.	
	я должен был бы ограничить бы свою задачу и предоставить поразительное воплощение духа разума
стр. 747.	
[я за него несколько беспокоился, ошибочно думая, что он нездоров] желаю ему здравствовать на многие годы.	меня смущало значение, что он был добр. пусть его тень никогда более не исправляют.
стр. 750.	
[и весь наш дом был обнародован этим	еще в 100 раз] (ш)
9 × 9 = 1 весь дом обрадовался в сто раз больше.	обещание об этом было получено девять раз, а всем домом еще один раз
стр. 751.	
кипяильники	десятельное агентство.

Стенограмма собрания переводчиков Бюро переводной литературы при оргкомитете I съезда советских писателей

15 апреля 1934 года

Председательствует Инбер.

Председатель. — Товарищ Ланн сделает доклад на тему «Стиль раннего Диккенса и его отражение в русском переводе по материалу “Записки Пиквикского клуба”».

Т. Ланн сделает доклад на основе перевода, сделанного СИН, под редакцией Шпета, который издается «Академия», и будет свой доклад иллюстрировать чтением своего перевода.

(Доклад не стенографируется)

Предс. — Товарищи, давайте приступим к обсуждению доклада Ланна

Замойский. — Товарищи, доклад очень обширен, интересен и вызывает на многие мысли, но так как он не был сначала распространен в копиях, поэтому нет возможности подробно остановиться на нем.

Против одного я протестовал бы — это против перевода «Ю» через «Вы». Это употребляем в поэтической речи, но если будем переводить через «Вы», то совершим громадную ошибку. Ведь когда мы обращаемся на «ты», то это показывает интимное обращение, а «Вы» — почтительное обращение.

Когда говорит старший Уэллер сыну «Вы», это можно понять — это известный оттенок юмора. Но если на каждом шагу начнем переводить на «Вы», это будет огромная ошибка.

Там, где по характеру отношений нужно сказать «ты», там нужно было переводить «ты».

Шпет. — Единственно, что я могу сказать, — это что я с большим интересом выслушал доклад Ланна, потому что я здесь услышал чрезвычайно много нового. Для всех переводчиков это понятно. Естественно, это не априорный принцип, а некоторое обобщение, которое сделано в результате работы и которое возникает в самом процессе работы. Интересно было бы поделиться результатами наблюдения, с тем, чтобы услышать мнение других. Но пока мы слышали одно мнение по поводу «Ю». Я особенно горячо восстал против этого предложения, потому что как раз моя была идея переводить всюду «Ю».

Позвольте по этому поводу сказать несколько замечаний, потому что вопрос действительно важный, и многих переводчиков, с которыми мне приходилось работать, смущает перевод «Ю» как «Вы».

Я исходил из того соображения, что придается в данном случае какой-то известный колорит. Читатель привыкает, что в известных обстоятельствах для народа принято одно обращение, тогда как у нас два обращения. Поэтому, когда наталкиваешься на новое обращение «ты», он должен осмыслить, откуда оно является. Таким образом, мне кажется, мы сохраняем известный колорит языка и известную стройность.

Но здесь имеется другое соображение, более важное: переводчики английского языка должны знать по своему опыту, что им приходится наталкиваться на чрезвычайное затруднение, когда приходится варьировать в русском переводе «ты» и «Вы».

Т. Замойский сказал: Там, где по нашим понятиям нужно употреблять «ты», там и нужно переводить «ты». Следовательно, по нашим понятиям, старорежимным, всякой прислуге или извозчику надо говорить «ты». Такая простая передача будет простое искажение английского произношения.

Или другой пример: допустим, отец обращается к сыну. По нашим понятиям, он должен обращаться на «ты», а между тем в этой

речи, в его обращениях сплошь и рядом, будет встречаться такое слово, как «сэр». Каким образом это будет вязаться с «ты»? Здесь переводчики встретятся с затруднением. Равным образом, могут встречаться слова, в которых рядом с речью отца и сына фигурирует такое слово, как «мистер», что с «ты» никак не вяжется.

Наконец, одно обстоятельство должно быть принято во внимание в английском языке: слово «.....» употребляется некоторым кругом населения — или квакерами или в исключительных случаях. Эти исключительные случаи или есть известное эмоциональное состояние, или характеристика некоторых говорящих лиц.

Возьмем Диккенса. В его «Тяжелые времена» С<порсит> разговаривает с подругой на «Вы», но в некоторых местах она вдруг переходит на «ты». В какое положение попадает тот переводчик, который сразу должен заставить говорить на «ты». Ясно, в соответствующих местах он не переведет.

Если принять во внимание всю совокупность трудностей, то увидим, что простое разрешение вопроса — передача «ты» очень облегчает и приучает к тому, что в известных обстоятельствах так говорят. Вот совокупность таких соображений заставила прибегнуть к такому приему. Естественно, затруднение встречается в тех случаях, когда встречаешь обращение не к лицам, а к животным.

Здесь точно также приходится говорить, если быть последовательным, «Вы» или отступить. Я стою на крайней точке зрения. С целью сохранения цельности, я настаивал бы, чтобы и здесь говорить «Вы». И у нас иногда это бывает. Правда, иногда это вызывает комизм, но когда комизм неуместен или меняет тон, можно было бы отступить. Однако, как правило, мы встречаемся с таким сдвигом. Мне пришлось редактировать недавно «.....». Переводчик заставил всех говорить на «Вы». Люди оказываются кузенами, потом ссорятся всюду на «Вы». Сама степень родства выражается посредством частицы «.....».

Все эти соображения заставили нас прибегнуть к такому приему.

Кашкин. — Доклад был очень детальный и хороший. Приходит-ся только пожалеть, что этот доклад нельзя было посмотреть раньше. По существу эта систематизация и сведение материалов книги этого перевода. Эта книга в издании Академии оказалась для меня книгой за 45-ю печатями, потому что я своевременно не позаботился ее выписать. Я только сейчас смог ее просмотреть и поэтому то, что я буду говорить — это первое впечатление по докладу, к которому я опоздал и слушал с большим трудом. Нужно было иметь перед глазами материал. Это беглые замечания по докладу.

Мне хочется остановиться на одном из двух вопросов, которые возникают в связи с переводом «Записок Пиквикского клуба» и переводом Диккенса вообще. Эти вопросы для меня также не решены и представляют большие затруднения.

Первый вопрос это вопрос о пределах и, если можно так выразиться, допусках русификации и англизирования Диккенса и писателей его типа. Это связано с вопросом о точности. К сожалению, обоснования первого пункта я не слышал и, может быть, буду говорить не по существу. Говорить о русификации и точности, может быть, удобнее всего, на основе рассмотрения вопиющих недостатков перевода Введенского и его школы.

Когда мне пришлось в своей работе подойти к этому переводу, посмотреть его, то я дался диву, какую красочную фигуру представляет сам переводчик, поскольку эта фигура была отражена в переводе. Все качества Введенского — это не небрежность и небесталантность, а очень последовательное проведение каких-то весьма беспринципных принципов. Введенский до сих пор не умер, а жив в некоторых аспектах и ныне. Я, может быть, добавляю или повторяю то, что было сказано сегодня.

Прежде всего поражает щедрость Введенского, с которой он ссужает переведенным авторам свое перо и свою фантазию. Как раз тут есть высказывание, которое сохранилось — наблюдение над переводом Диккенса, которое не всем известно, оно показывает, как принципиально подходит к этому вопросу Введенский. Отвечая на реплики В....., Введенский заявляет: «Сегодня критик утверждает, что бесхитрый Теккерей есть писатель простой до наивности, завтра восклицает в порыве восхищения: О, Теккерей...» (читает). «Критик восхищается этим пассажем. Но беда в том, что я сам сочинил это место...» (читает).

Дальше он заявляет: «Читатель должен помнить, в каких восторженных...» (читает).

Вот вам за десятки лет до всех сенсационных разоблачений Чуковского, которые являются как бы синтаксическими, вы имеете саморазоблачения достаточно ясные. Это не небрежность, а сознательные принципы Введенского, так сказать, беспринципные, и с другой стороны, это следование литературным вкусам критики читателя.

Иногда Введенскому становилось как бы стыдно, неловко, и он прибегает к помощи самих героев, оправдывая отсебятину.

.....

Я привожу это потому, что это дает хороший фон той большой работе, которая проделана.

Вот как он оправдывает отсебятину отсебятиной. В переводе Ланна (Ланн: Перевод Кривцовой и Ланна при участии Шпета)

место «Зеленый плющ» — в переводе Кривцовой, Ланна и Шпета — занимает 5 строк. Введенский переводит «Зеленый плющ» белым стихом и когда кончает читать это стихотворение, то следует такой абзац: «Прекрасно, прекрасно...» (читает).

Он внес отсебятину — белый стих вместо рифмованных и после, вместо того, чтобы поправлять эту отсебятину, вводит целую тираду о том, когда рифма бывает изобретена и почему не могла быть использована в данном случае.

А в переводе Академии это звучит вот как: «Пока старый джентльмен...» (читает).

Вы видите, что действительно пришли, очевидно иные времена, иные нравы, иные переводчики, иные критики. Теперь критика не восхищалась бы такими вещами Введенского, и читатель не принял бы во внимание эти оправдательные речи. Он потребовал бы дать не только рифмованные стихи, но и эквиритмию.

Дальше, когда читаешь Теккеря, когда читаешь про милорда..... и принца....., то не удивляешься, когда появляется английский Аркашка Несчастливцев. Я нашел по английскому тексту ясное место, где появляется бродячий актер, который по-английски носит кличку «Рейсмонден»¹. У Введенского он становится «Горемычный Яша». И все в таком духе. Это потому интересно, что вслед за Введенским целая плеяда переводчиков так стали переводить имена Теккеря, миссис Б..... и т. д. Как будут переводить последователи Введенского. — Госпожа Б....., леди Т....., а лорд и леди..... становятся лордом и графиней.....

Эта литература была не только особенностью самого Введенского, но кто-то давал укоренившуюся традицию. Насчет лексики, опять-таки, тут в некоторой степени показателен фон той работы, которая сейчас проделана по созданию языка. Когда знакомились с переводом Введенского, то смех разбирал, а иногда жутко становилось, когда Введенский во что бы то ни стало, стремится «поддидюлить» Диккенса, «пришпандорить», «по-вальяжнее» и т. д. Как говорит Введенский, тут есть смак — это выражение Джингля, но смак этот особенный, специфический, особого рода.

Когда читаешь об английских ямщиках, или слушаешь английскую балладу, которая звучит так: «Как поехал наш бандит во дремучий лес. Ай-люли, ай-люли, во дремучий лес». Или, например, Биэдуд, Пиквик, которые по-английски звучат так.....

Тогда начинаешь не удивляться ничему.

Введенский, как он сам говорит, наяривает на гармошке, и у него такие выражения: «Пьяный, пьяный — фортепьяно» и оста-

---

¹ На полях написано: Jemmy.

ется только руками развести и повторять вместе с младшим Уэллером, который, обращаясь к отцу, говорит: «Ну, исполат тебе, старому богатырю». Исполат Введенскому, который на таком инструменте, как гармошка, дает почувствовать Диккенса.

Те, кто работал, например Чуковский, очевидно еще кто-нибудь другой, нашли бы еще гору всяких анекдотов. Дело не в этом.

Но, конечно, почувствовать и юмор, и строй, и иногда ритмику вообще можно. Он их дает. У меня не было материала под рукой, и поэтому я не могу дать развернутого материала, а могу привести лишь отдельные примеры.

Возьмем одно место, где видно, что Введенский чувствовал Диккенса. Может быть, не умел передать, но чувствовал. Вот это место по-английски. Собираются в путь, выезжают в погоню за Джинглем, собираются быстро (читает).

У Введенского какое-то ухо, конечно, было. Он слышит, что дело не просто. Что же он делает. Сначала сочиняет весь предыдущий разговор, две реплики (читает).

Он стремился своими средствами ввести эту интонацию, он делает это, конечно, наивно: разбил конструкции и ввел такие наречия, как «мигом» и «бойко».

Издание Академии дает более последовательную и четкую передачу (читает).

То есть даны короткие фразы с существительными вначале, не совсем обычные для русского языка, но передающие энергичную конструкцию Диккенса, которая построена на внесении предлогов (.....).

Какими средствами это сделано. Максимально простыми. Достигнуто приближение. Вы видите здесь совсем иной подход. Введенский, вводя наречие «мигом», «бойко» передает ощущение быстроты.

Юмор его почти всегда отсебятина. Если это сделано хорошо, то сделано хорошо Введенским, а не Диккенсом.

Введенский привнес в переводную литературу очень красочную переделку Диккенса и вместе с тем внес убийственную традицию, убийственную главным образом не для такого талантливого человека, как Введенский, которому многое прощалось, а убийственную для многих его продолжателей.

Дело в том, что еще и сейчас есть переводчики, которые гордо заявляют: «Если бы имярек писал по-русски, он писал бы, как я». И критика за это его хвалит. А в переводе драматургических вещей там это, очевидно, вошло в традицию. Мы недавно слышали, как говорили, что переводчики хвалятся, что у них совсем не похоже на подлинник. В противовес этому дешевому гениальничанью

имеется тенденция покорного подчинения и притом подчинения иногда в спорных случаях: не только подчинение смыслам и художественным особенностям подлинника, но и подчинение чуждой общезыковой и фонетической стихии. Они стремятся во что бы то ни стало сделать русский язык похожим на английский, вообще похожим на язык подлинника.

Этот перевод я не имел возможности прочитать, но этот перевод по тем отдельным страницам, которые удалось отметить, все-таки, носит некоторое влияние именно этой тенденции, хотя в основном он стремится быть, конечно, совершенно в этом отношении свободным от рабской зависимости.

Чтобы пояснить свою мысль, я приведу один пример. Особенно может быть опасен путь и плодотворен, как эксперимент и как предостережение, и как попытка, как авангардный бой, — это попытка передачи конструкции. Вот начало одной книги: ..... (читает). В чем тут дело, в чем тут почтенная попытка преодолеть чрезвычайно упругий материал. Дальше, в описании тумана, в описании дождя все построено на статике, на причастии: дым, стелящийся по земле, пешеходы, сталкивающиеся, туман, опускающийся. И тут, может быть, благодаря этому, а может быть, благодаря тому, что переводчики хотели передать эти конструкции лорда Ч....., они механически распространили эти статические, причастные конструкции на следующую фразу. Вот что получилось: «Лондон. Михайлов день недавно отпразднован и лорд Канцлер...» (читает).

Могу восстановить английскую конструкцию (читает). Здесь известная напряженность, стремление приблизить русский язык к оригиналу. Если проводить этот принцип последовательно, то, наряду с удачами на этом пути, очевидно, очень много непреодолимых трудностей.

Есть такая девствующая тетушка, которая, как библейская Рахиль, ждет жениха. И кто узнает эту тетушку в Рэйчел Уордль. Есть итонсвильский деятель, стремящийся к доблестям античного Горацио и Куриацио. Но кто узнает его в Горешии? Или возьмем Уест-Индия (или Эстерни). Возьмите здесь две гласных. Как вы их донесете и объясните? Фетишизм английского звукового состава заставляет отсекать некоторые ассоциации, которые квалифицированному читателю могут помочь в отношении уяснения не Рахили и Горацио, а может быть общих линий без всяких примечаний. Культурный читатель это уяснит, но дело в том, что не всякий культурный читатель обязан знать английский язык и английскую фонетику, и может быть, для незнающих английского языка как раз сделан перевод.

Говоря по-английски, не надо выговаривать по-писаному. Не надо говорить «Линкольн-монумент», но если по-русски вы возьмете «линкельн-монимент», то не всякого осенит, что это памятник Линкольну. Тут, может быть, придется считаться с графемой. Примечания должны быть гибки, и третий том, может быть, должен быть выпущен раньше первых двух. Но боюсь, что я не увижу этих мест и в третьем томе.

Как быть с юмором и каламбурами. Есть места, где мне хочется видеть только опечатки, например, Леоганда. По существу: Лео — значит лев, ганда — охотник, логовище. Леоганда — это какая-то дама, которая охотится за знаменитостями. Такое каламбурное представление должно быть раскрыто. Иногда может быть пожалеешь о блаженных временах Введенского, когда можно было ничтоже сумняшеся, переводить «.....» как «долгоухий».

Теперь это нельзя. Благодаря этому получают такие вещи: «Как мы покажемся в обществе...» (читает).

Кончено, тут звездочки нет. И хорошо было читателю 30–40-х годов, когда был Ветчинкин или Огороков.

Но это все посторонние замечания.

Теперь конструкции, имена, сказ. В трудных переводах со сказом, отказываясь от русификации, все равно придется искать каких-то средств оживления языка. Их ищут и переводчики. И вот на этом пути, в погоне за колоритностью, их подстерегает одна опасность — опасность внесения некоторой абстрактной колоритности, некоторого специфического переводческого сказа. Обычно такая погоня за колоритностью, она должна быть доведена до такой степени, когда это будет возможно. Но сейчас она приводит к тому, что либо получается довольно худосочный язык, либо это язык какой-то социальной группы. «Мне попались знаменито изготовленные сосиски», «джентльменский господин».

Все-таки это язык какой-то, то ли студенческой, то ли панибратской среды. Во всяком случае, тут есть что-то натянутое. В этом переводе таких мест гораздо меньше. Тут, как общая тенденция: «Будьте благонадежны» или «С вами что-нибудь приключится», — это приближение к общей русификации. По существу, дело идет на компромисс.

Я думаю, в трудных переводах всегда будут условности, и стоит поставить вопрос, что лучше: давать английско-нижегородский язык — в каком понимании: английский плюс язык какой-нибудь русской группы, или давать англо-русский, т. е. английский плюс общеходовые русские выражения с умеренной окраской. Конечно, тут опасность худосочия и бледности. Но тут дело искусства. Тут на этом пути стоит дилемма: с одной стороны, переводчики то

и дело ломают язык... (читает). Прекрасная конструктивная задача. «Это была страшная вещь — безработица», «Очень безвкусно говорит». «И доктор пришел и сиделка». С измененной интонацией (приводится целый ряд примеров). «Теряет терпение с Австрией». Мы теряем терпение с переводчиком. Мы не можем винить переводчиков в неумении. Каждое слово взвешено, проверено через целый ряд сит. Там выступал переводчик в стиле Введенского, но с претензиями на точность. А может ли американский фермер переключиться. Или, например, можно ли применить слово «кутерма». Можно ли говорить относительно «напастей», когда дело идет об этом фермере.

Спорный момент русификации, но можно ли считать, что мы здесь находимся на границах поддюдюливания или же в рамках русификации, которая возможна. Может быть, эти примеры не устоялись, не дают той академической точности, которую преследует перевод, но я думаю, что выход нужно искать в середине, в сохранении реального в широком смысле слова, в сохранении всего, что свойственно английскому языку и быту при неременном сохранении строя русского языка и его чистоты.

Тут есть еще добавочный момент — обогащение и порча языка. Мы переводчики «подставные лошади просвещения». Товарищ Замойский почему-то об этом не сказал. Мы, переводчики, обогащаем язык, и мы его портим. Обогащаем введением терминов, которые отсутствовали, введением новых понятий, редкими удачами, когда мускулистая английская или вообще иноземная конструкция наводит нас на мысль построить более энергичную русскую конструкцию, более круто, энергично высказаться. Пример с каретой приводит к тому, что русский язык становится более категоричным, энергичным. Но стремление к фетишизации — это рабская привычка, недостаточное уважение к русскому языку. Она перестала быть свойственной нашему переводчику, канула в пучину, но эта привычка входит в моду среди писателей типа Пильняка. Пильняк не переводчик, а органический русский писатель. Возьмем его «О-кей». В погоне за американцем он совершенно выплеснул из ванны ребенка — русский язык.

У него на каждом шагу можно встретить, примерно, такие выражения — «Мутатис-мутатис:.....» (читает). Вот пример обогащения русского языка. Ломкой русского языка наряду с Пильняком занимаются и другие люди, побывавшие в Америке (читает). Кто так говорит, что это за язык? А говорят это люди, приехавшие из Америки, так говорят русские, которые считают, что они русские, говорят по-русски, но вместе с тем они подверглись....., они говорят: «Я вижу». Это голос русского эмигранта. Это курьез.

Но для того, чтобы нам — переводчикам не оказаться в положении, напоминающем таких эмигрантов, вернее, чуждыми языковой стихии переводчиками, нужно тщательно поставить вопрос о преодолении фетишизма. Надо высказаться «за и против» — можно это сделать или нельзя, и выбирать в каждом случае какое-то решение, не добиваясь догматической беспощадности к себе, которая заставляет часто ломать язык над передачей почти непередаваемой и часто, как в случаях у Введенского, с 50-ю процентами того, что можно было бы сделать.

Я бы мог еще говорить о том, что возникает связи с проблемой субститутов, формализмов, можно было бы оспаривать или заострять вопрос о таких вещах, как «понял», «звучит», «статуя». На каком это языке, чей это язык? —

Я только потому сейчас заговорил о Введенском и о фетишизме, что ни Введенского, ни фетишизма я в этом переводе как системы не вижу.

Шор: Сверить текст я не имела возможности, но должна указать, что все-таки нахожу, что значительная часть общих принципов, они в юношеском издании переведены в сокращенном переводе. По существу, конечно, я не буду упоминать Введенского и его переводов, но должна сказать, что, конечно, в этом переводе «Академия» видно, действительно, строгое проведение определенных принципов, которые передал нам Евгений Львович в своем докладе. Вопрос о самих принципах. Здесь некоторые из этих принципов кажутся сами по себе дискуссионными, можно спорить об этих принципах. Основное, конечно, это вопрос о социальном диалекте. Нужно сказать, что этот вопрос почти неразрешим. Дело в том, что найти эквивалент социального диалекта никак невозможно. Мы не можем найти эквивалента в современном русском языке, но даже если мы возьмем русский язык 19-го века, то опять-таки та гамма социальных диалектов, которой мы располагаем — прекрасно изучившие русские переводчики, она не будет соответствовать тем диалектам, которые имеются у Диккенса. Если брать более или менее подходящее, то обязательно получается невероятная русификация. Ведь это ....., которая получается не только с Диккенсом, но и с переводами Петрония, Сатирикона. Переводчики пробовали заставить их заговорить по-простецки, и получается разговор купцов Островского. Здесь также стоит вопрос.

Я не согласна с теми обоснованиями, которые передавал Евгений Львович. Он говорил, что якобы социальная окраска Уэллеров — это вопрос звучания. А здесь, конечно, меньше всего вопрос звучания. Здесь именно вопрос социального диалекта.

Что касается ударения, то опять-таки они по-русски попадают в систему какого-то диалекта. Это совершенно определенный и яркий русицизм.

Я считаю, что вопрос о социальном диалекте — огромная и сложная проблема, которая стоит перед нами. На данном переводе она разрешена, причем последовательно, за исключением маленьких отступлений. «Делов на один бок». Это уступка традиции Введенского. «Делов на один бок» это чистый русицизм.

Переводчики в основном не пошли по этой линии, а пошли по линии передачи смысла этих диалектов без какой бы то ни было диалектальной окраски. И получился такой результат: Диккенс стал филологически простым.

Исчезла вся неприличная развязность. Но когда разговаривают Уэллеры, они мало отличны от других лиц, а в подлиннике они резко выпадают из авторского текста и из разговоров других лиц.

Я не могу ответить на вопрос, что делать. Здесь приведен интересный принцип, интересный эксперимент, но для читателя, даже знающего Диккенса, получается расхождение между переводом и подлинником, а для читателя, не знающего Диккенса, эта часть совсем пропала. Мастерство подбора социальных диалектов диалектальной окраски, на которой играет всегда Диккенс, — исчезло. Возьмем хотя бы речи Джингла уже в юношеском переводе. Перед переводчиком стоит задача, которая нуждается в дополнительном изучении. То разрешение, которое получилось, — не адекватно.

Теперь другие более мелкие вопросы, о которых говорил уже Кашкин. Это, во-первых, вопрос христианских имен, не фамилий, а имен собственных и затем частично званий. Тут для меня вопрос — всюду ли нужно было выделять английский колорит, в частности в именах христианских, именах собственных например. Мария-служанка передана у вас, как Мерая. Тут возникает вопрос относительно известного затруднения для читателя и еще больше удаления. Может быть, вы вполне законно сохраняете «Вы», потому что «Вы» — это действительно специфика, какой-то идиотизм английского языка, и здесь вопрос о замене «Вы» «Ты» — вопрос очень сложный. В определенную эпоху и не так еще давно дети родителям, а в других социальных кругах и родители детям говорили только «Вы». Какое же право имеем мы вводить «Ты»? Например, муж с женой говорили и говорят друг другу «Вы», и вводить «ты» — это дело произвола переводчика. Здесь вы поступаете правильно. Десятки писателей указывали на то, что англичане разговаривают на «ты» только с богом.

Но в переводе имеется нечто большее. Возьмем слово «сандвич», которое пишется так даже в словарях, а вы вместо «сандвич»

даете «Сендуич». Я сама задумалась — что же кушала ломоть, у которой оторвало голову. (Ланн — То самое, что в словаре называется «сэндвич», а по-английски «сендуич»). Оно, по-моему, не является специальным англицизмом, который стоит обыгрывать. Ведь английских слов, которые вошли в русский язык, мы имеем много. Все ли они будут заменяться. — Пока это только затруднит читателя.

Последний вопрос, который остается в силе, это вопрос о ритме. Ведь ритм синтаксической структурой еще не создается. По-русски ничего особенного нет. Но, во всяком случае, тем, что была дана последовательно английская и русская структура, по-русски ничего не получается. Это связано с тем, что другое соотношение диалектов: слова, другая интонация речевая — это не совпадает. При точности соответствующего расположения членов предложения не получается то же самое. Это вопрос, где нужно скорее исходить не из порядка слов, а из вопроса об интонации. И тут, конечно, по-русски предложили бы руководствоваться собственным определением, потому что то, что сделано по-русски, очень сомнительно.

Вот те мелочи, которые возникают при чтении перевода. Основное остается так: перевод необычайно последователен, перевод действительно принципиален, перевод, в котором ясные определенные установки, которые проведены последовательно. Поэтому этот перевод представляет такой большой интерес, с одной стороны, для обсуждения, с другой стороны, для проведения через широкую читательскую массу и выяснение того эффекта, который он производит.

Дело в том, что т. Кашкин оптимистически утверждал, что критика типа хвалившей Введенского исчезла. Но я должна сказать, что такая критика не совсем исчезла. У нас любят пускать рассуждения о широкой читательской массе. Вот и надо посмотреть, как действительно эта масса будет реагировать на этот перевод, что получится, потому что есть определенная опасность в тех принципах, которые были приведены, — это опасность отдаления Диккенса от читателя. Но если этот перевод одержит победу над старыми переводчиками типа Введенского, то это будет серьезное достижение в деле овладения переводческим делом.

Последнее замечание относительно того, что переводчики обогащают язык, главным образом введением лексического материала. А я думаю, значение переводчиков, например, ... заключается в том, что переводчик показывает в родном языке те возможности, которые были за определенными установившимися литературными традициями скрыты именно потому, что они

пришли с новой стороны. Вот этот момент, мне кажется, вам нужно было подчеркнуть, и в этом отношении этот перевод представляет целый ряд очень интересных разрешений и достижений.

Шнет: Два слова по частному вопросу. Все замечания, которые были сделаны Кашкиным и Шор, подняли вопросы, которые неоднократно ставили, и естественно, мы сами смотрим на эти принципы не как на принципы, а как на некоторое обобщение, которое подлежит обсуждению.

Мне хотелось обратить внимание на один частный вопрос, на который вы оба не обратили достаточного внимания. Больше того, я должен сказать, что в литературе о Диккенсе тоже на это не обращено внимания, — это на чрезвычайно сложный состав языка Уэллеров, особенно младшего. Здесь дело идет не просто о социальной группе. Разрешение вопроса заключающееся в том, что сам Уэллер является представителем Кокни, оно неясно и фактически даже не верно, потому что под Кокни, что разумеется: или представитель определенного своеобразного языка, за которым трудно уловить социальную группу, потому что, оказывается, те же языковые фонетические особенности, которыми отличается Кокни, можно заметить в некоторых графствах, расположенных на северо-восток от Лондона. Следовательно, можно высказать гипотезу, что они были перенесены в Лондон. Некоторые моменты в Америке воспроизводят этот же говор. Таким образом, и здесь есть какая-то передача через колонии, может быть, существующего сейчас или когда-то существовавшего диалекта. Это первое определение Кокни.

Второе определение — это есть человек, выросший в Лондоне, никогда не уезжавший из Лондона и совершенно незнакомый с английской провинцией. Ясно, что ни к Уэллеру старшему, ни к Уэллеру младшему это отнесено не может быть: к старшему Уэллеру потому, что он всю свою жизнь был кучером и разъезжал по провинции, прекрасно ее знает, настолько, что Диккенс заставляет изумиться Уэллеру, когда его спрашивают, к какому приходу он принадлежит, он отвечает: «Диканка». Здесь остроумие Диккенса, а не Уэллера, потому что вся Англия состоит из приходов.

Относительно Самуэля — из кратких разговоров с Пиквиком выясняется, что одно время он служил в возчиках и ездил по провинции. Следовательно, второе определение Кокни не принципиальное. И наконец, третье определение. Жители Лондона отличаются узостью своего горизонта. Сэм видит сквозь очки не Лондон в целом, а определенный квартал, он не только не знает провинции, но имеет самое возвышенное представление о квартале, ко-

торое является для него родиной и источником всяких благ. Приложить этот критерий к Уэллеру, человеку чрезвычайно темного ума, тоже не приходится.

Когда я думал над этим вопросом, то у меня явилась гипотеза, которую математически доказать трудно, но современно она подробно доказана. Я имею в виду построение плана Пиквика, который тянется с пятого выпуска, когда впервые появляется Самуэль и когда исчезает Диккенс. Среди особенностей говора Уэллера есть не только особые, но своеобразные вставки, но и очень постоянное остроумие. Это постоянная форма.

С чем я это связываю? Если посмотреть внимательно все эти формулы и вдуматься в слова, мнения, выражения Уэллера, то это сплошь и рядом литературные цитаты. Никто так не образован во всем произведении, как Сэм Уэллер. Он цитирует Стерна, две строчки из оперы Моцарта и т. д. И это не всегда в кавычках, это не всегда кохт. Выбросив Джингля, потому что он запутал интригу, автор делает Сэма своим постоянным спутником и вкладывает в его уста эти цитаты.

Сама эта форма, как говорит кто-то, заимствована Диккенсом из одного водевиля, где одно из действующих лиц постоянно острит в этой форме. Естественно, что Джингль как актер, это повторял бы. Когда Джингль выпал, все это перешло на долю Уэллера. Получается язык со своеобразной фонетикой. Вкладываются какое-то остроумие и, если моя гипотеза правильна, вкладываются какие-то цитаты. Попробуйте передать это на русском языке. Сейчас иногда читатель не чувствует этих особенностей. Не было никакой возможности передать это на русском языке. Я говорю это не в оправдание. Здесь говорилось, что, может быть, мы не совсем правильно переводили Уэллера и что это не дойдет до читателя. Читательскому уху это слышнее. Если здесь есть лексический, фонетический тип, то, может быть, здесь получилось известное обезличенье, хотя мы старались передать действующим лицам те особенности говора, которые есть у Диккенса.

Ланн: Я не знаю, имеет ли смысл развернутое заключительное слово, потому что вопросы, затронутые Р. И. и И. А., — это вопросы более принципиального характера. Они не так уж связаны с моим докладом, который несколько подытожил наш более чем годовой опыт работы над «Записками Пиквикского клуба» и над материалом, связанным с той книгой. И. А. даже книги не видал. Было бы интересно, если бы ряд проблем был вынесен на обсуждение не только по «Запискам Пиквикского клуба», но на основе и других переводов. Но со многими указаниями приходится согла-

ситься. Нужно проверить ряд моментов и ряд принципов, условно беря те принципы, которые мы в этом переводе применяли.

Второе опасение, которое высказывает Р. И., это опасение относительно неразрешимой передачи диалектики Уэллеров. Р. И. сама отказывается дать рецепт. Но мы пытались это дело разрешить. Попытка эта, возможно, упирается вообще в неразрешимость. Вообще нам может быть еще придется поработать в этом отношении для нового издания, пересмотреть, может быть, кое-какие детали и отдельные принципы. Я не так безнадежно смотрю на это дело, не считаю, что вопрос относительно диалектизма Уэллеров абсолютно неразрешим. Это дело очень трудное. Мы делали все, что могли, но можно дать еще больше. Во всяком случае, мы не считаем этот перевод абсолютно закрытым, запертым. Надо еще работать.

Я не согласен только с одним существенным моментом в оценке Р. И. Она этот момент подчеркивает, говорит, что мы, мол, де, всюду ритм старались передать адекватностью конструктивной стороны.

Дело в том, что мы действительно пытались это передать иногда, но благодаря тому примеру, который приводил И. А., если нам удалось тремя предложениями, в которых только одно предложение и сказуемое, это привести, то как принцип, мы не провели передачу ритма точным отображением синтаксического хода. Мы не только ригористы и сторонники такого принципа: раз ищем ритм, то у нас один прием — мы применяли и другой принцип. В частной беседе я могу показать ряд мест, где мы отступили — ища ритмическую структуру, мы отступили от того начала, которое Вы, И. А., подчеркнули, прибегая к другому приему. Но и здесь можно поскользнуться на чем-нибудь.

Я думаю, для нас указания И. А. и Р. И. будут действительно существенным материалом, на котором нам придется, может быть, кое что пересмотреть для нового перевода. А проверка Диккенса на широкой аудитории покажет в основном, поймет ли нового и все же настоящего Диккенса та читательская публика, которая отравлена целиком школой Введенского.

<Вермель Ф.>

Обзор переводов лирики и поэм Мицкевича на русский язык

15 декабря 1934 года

Первые переводы Мицкевича на русский язык появляются в 20-х годах прошлого столетия. Начиная с этого времени до наших дней — на протяжении ста с лишним лет — было опубликовано немалое количество русских переводов произведений польского поэта. Мицкевича переводили как малоизвестные литераторы вроде Любича-Романовича (В. Р.), В. А. Петрова, А. Шпигоцкого, А. Горбунова, Н. Луговского и т. д., так и поэты — Пушкин, Лермонтов, Фет, Майков, Козлов, Бенедиктов и др. Вся эта обширная литература весьма разнокачественна и разнородна и только в редких случаях удовлетворяет современным требованиям художественного перевода.

Среди переводов Мицкевича очень и очень многие представляют собой наивные и беспомощные попытки, лишенные какого бы то ни было художественного значения. При оценке этих переводов с точки зрения приемлемости их для современного издания вопрос решается просто. Иначе дело обстоит с немногочисленными переводами, которые стоят на более высоком художественном уровне. Здесь на одну и другую чашку весов ложится разнообразный груз, и чашки эти очень и очень колеблются. Здесь встает сложнейшая проблема передачи русским стихом ритма польского силлабического стиха. Значительное количество переводов этой категории — не переводы в настоящем смысле этого слова, а подражания — «вариации на тему». В других случаях при смысловой близости к подлиннику переводы не удовлетворяют в отношении формы. И лишь крайне редко близость к подлиннику во всех отношениях сочетается с подлинной художественностью, как это мы имеем в <край рукописи оторван> -ском переводе «Будрыс и сыновья» <край рукописи оторван>.

Особенным — и вполне естественным ввиду темы — вниманием русских переводчиков пользовались вышедшие в 1826 году «Крымские сонеты». В 1829 году «Крымские сонеты» появились в переводе И. И. Козлова (СПБ. 1829), в том же году — в переводе В. Р. (Мицкевич, стихотворения в переводе В. Р. СПБ. 1829). В 1858 году в Одессе «Крымские сонеты» вышли в переводе Н. Луговского. Переводили их также Н. В. Берг, Н. П. Семенов, Фет, Майков, Бунин, Сергей Соловьев и др. Один сонет — «Вид гор из Козлова» перевел Лермонтов. Прежде чем оценивать все эти переводы с точки зрения их приемлемости для нового издания, следует решить вопрос — каким формальным требованиям дол-

жен удовлетворять перевод сонета Мицкевича, т. е. стихотворения из 14 строк, написанного 13-ти сложным силлабическим стихом с женскими окончаниями и соблюдением единства рифм в первой и второй строфах и в двух трехстишиях концовки по схеме абба абба вгв вгв. Считаю, что поскольку идет речь о сонете — форме вполне разработанной в русской поэзии, польский сонет следует передавать русским сонетом, т. е. шестистопным или пятистопным ямбом с соблюдением единства рифм в четверостишиях и трехстишиях и с чередованием мужских и женских рифм, в отличие от польского сонета. Было бы, однако, по моему мнению, педантизмом отвергать высокохудожественный перевод в форме сонета только потому, что не соблюдено единство рифм в первых двух строфах, ибо последнее в структуре сонета не играет первенственной роли. Здесь должны перевешивать соображения другого порядка.

Для очень многих переводчиков мицкевических сонетов (как «Крымских» так и «Эротических сонетов») форма сонет была недоступна. Задание зачастую превышало технические ресурсы. Зачастую переводчик с явной натугой придавал форму сонета всего одному-двум стихотворениям из 18-ти «Крымских сонетов».

К совершенно беспомощным наивным переводам следует отнести переводы В. Р. (Стихотворения Адама Мицкевича, перевод В. Р. СПб. 1829); Н. Луговского (Мицкевич, «Крымские сонеты». Одесса, 1858); Омудевского (Адам Мицкевич. Сонеты. Перевод Омудевского. СПб. 1857). У Омудевского нет элементарного владения стихом. Строчки разноstopные, рифмы неряшливые. В. Р. — по уровню чуть выше Омудевского. Переводы сделаны более старательно. Форма сонета, однако, также недоступна автору. Переводы слабые, бесцветные.

Переводы Ивана Козлова в смысле художественном несравненно выше предшествующих. Это все же переводы «поэтические». Но и они, за исключением «Аккерманских степей» и «Аюдага» — не сонеты. Недаром сам Козлов озаглавливает цикл «Крымских сонетов» — «Переводы и подражания». Как стихотворения Козлова отдельные вещи имеют свою ценность (см. например «Буря»), как переводы сонетов — они неприемлемы. Что касается «Аккерманских степей», то в отдельных местах перевод поднимается до довольно высокого уровня. Однако самое патетическое место — конец — передан неудачно. У Мицкевича — «В тишине так напрягаю слух, что слышал бы голос из Литвы». У Козлова:

«Жду голоса с Литвы — туда мой слух проникнет!!!...»

Но едем — тихо все — никто меня не кликнет».

Кроме того, у Мицкевича — «воз ныряет в зелени и т. д.», а у Козлова: «В пространстве я плыву сухого океана, ныряя в зелени, тону в ее волнах; среди шумящих нив я зыблюся в цветах...» Таким образом, можно даже не понять, что идет речь о поездке на возу среди степей, тем более что дальше: «Ищу моей *ладье* жога-тую в звездах». Сонет «Аюдаг» считал бы возможным поместить в новом издании, несмотря на то, что единство рифм не соблюдено в первых двух строфах, и несмотря на неудачную строчку «и сушу рать китов, воюя, облегает» (у Мицкевича — волны, *как* войско китов) ввиду его больших художественных достоинств. Привожу это стихотворение.

Аюдаг

Люблю я, опершись на скалу Аюдага,
Смотреть, как черных волн несется зыбкий строй, —
Как пенится, кипит бунтующая влага,
То в радуги дробясь, то пылью снеговой.
И сушу рать китов, воюя, облегает,
Опять стремится в бег от влажных берегов
И дань богатую в побеге оставляет —
Сребристых раковин, кораллов, жемчугов.
Так страсти пылкие, подъямляся грозую,
На сердце у тебя кипят, молодой певец;
Но лютню ты берешь — и вдруг всему конец.
Мятежные бегут, сменяясь тишиною,
И песни дивные роняют за собою:
Из них века плетут бессмертный свой венец.

«Крымские сонеты» переводились также Н. П. Семеновым (Из Мицкевича. Переводы Н. П. Семенова. СПб. 1883). Как и все другие переводы того же автора, они отличаются добросовестностью, старательностью, но в то же время вялы и бесцветны. Форма сонета соблюдается в виде исключения.

Особо следует остановиться на переводах сонетов Н. В. Берга. Этот автор, который переводил Мицкевича больше, чем кто бы то ни было (ему принадлежит полный перевод «Пана Тадеуша»), владеет стихом лучше многих других переводчиков. Однако он позволяет себе очень большие вольности с текстом, допускает грубые искажения, ничем неоправданные. Вместе с тем, правда, очень редко, у него бывают удачи. Почти все его переводы сонетов «Крымских» и «Эротических» далеки от подлинника. В угоду рифме, а иногда и по совершенно непонятным соображениям Берг хладнокровно искажает текст. В «Аккерманских степях» он пишет «минуя куст колючего бу-

рьяна и острова коралловые роз (!)». «Роз» в подлиннике нет, и какие вообще розы среди степей! В сонете «Странник» «Литву» спокойно заменяет «Русью». В «Могиле Потоцкой» пишет: «Когда-нибудь сородич-патриот, подобно мне блуждающий изгнанник, к тебе на гроб задумчиво придет и песню нам задумчиво споет». У Мицкевича — «Соотечественники часто беседуют над твоей могилой. Меня пробудит звук родимой речи, и поэт, задумав песню о тебе, увидит близкую могилу и споет для меня». В сонете «Плавание» он пишет: «И любо мне — теперь я сам орел». В подлиннике — «Знаю, что значит быть птицей». В «Алуште днем» у Мицкевича — сложная и тонкая ткань метафор: «Музыка цветов говорит сердцу голосом, скрытым от слуха». У Берга: «И музыка цветов пошла (?) вокруг меня». Вместе с тем следует отметить довольно удачный перевод сонета «Вид гор из степей Козлова» («Вид гор от Евпатории»), который был переведен также Лермонтовым. И в этом переводе есть неточности (например, в конце: «Где в небе надо мной лишь месяц пламенел», а в подлиннике не месяц, а звезда). Однако эти неточности искупаются сравнительно высоким уровнем перевода. С лермонтовским стихотворением (написанным четырехстопным ямбом не в форме сонета) его сравнивать в смысле художественном нельзя. Однако поскольку в нем соблюдена форма сонета, я считал бы возможным — если не будет представлен лучший перевод, поместить его в новом издании, а в примечании дать стихотворение Лермонтова.

К «поэтическим» переводам «Крымских сонетов» следует отнести переводы А. Майкова, Ивана Бунина, и Сергея Соловьева. Майков перевел три сонета: «Аккерманские степи», «Байдарская Долина» и «Алушта днем». Особенно удачен перевод «Аккерманских степей», в котором при безукоризненности сонетной формы близость к подлиннику сочетается с подлинной поэтичностью. Хорош и точен перевод «Байдарской долины». Недостатками являются некоторое упрощение подлинника и штампованность метафор. Так, у Мицкевича «а когда покрытый пеной конь перестает повиноваться седоку, когда мир теряет цвета под покровом мрака»...

У Майкова:

«Но обессилел конь. На землю тихо льется
Таинственная мгла с темнеющих небес».

Кроме того, в первых двух строках не соблюдено единство рифм. Однако в общем этот перевод, так же как и перевод «Аккерманских степей», вполне приемлем для современного издания. Больше недостатков в переводе «Алушта днем». Неудачная строчка «Спешит свершить намаз свой нива золотая». В подлин-

нике «Шум золотой нивы, как ранний (утренний) намаз». Есть неточности: в подлиннике — «Как с ханских четок рубины и гранаты». У Майкова: «Как с ханских четок дождь камней и жемчугов». Единство рифм также не соблюдено. Однако и этот перевод условно можно считать приемлемым для издания.

Майковским «Аккерманским степям» значительно уступает перевод этого стихотворения, принадлежащий Фету. Он гораздо прозаичнее, в нем ряд неудачных мест. Например: «Такая тишь, что мог бы в слухе отразится, и зов с Литвы» или «...я слышу, стадо (?) мчитя: то журавли...»

У Бунина мы имеем переводы «Аккерманских степей» и «Чатырдага». Оба перевода исключительно хороши, в особенности первый. В смысле точности и художественности он превосходит майковский перевод, несмотря на все достоинства последнего. Считаю, что бунинский перевод следовало бы поместить в новом издании. Привожу для сравнения оба перевода.

Бунин:

Выходим на простор степного океана.
Воз тонет в зелени, как челн в равнине вод,
Меж заводей цветов, в волнах травы плывет,
Минуя острова багряного бурьяна.
Темнеет. Впереди — ни шляха, ни кургана.
Жду путеводных звезд, гляжу на небосвод...
Вон блещет облако, а в нем звезда встает...
То за стальным Днестром маяк у Аккермана.
Так тихо! постоим. Далеко в стороне
Я слышу журавлей в незримой вышине,
Внемлю, как мотылек в траве цветы колыхшет,
Как где-то скользкий уж, шурша, в бурьян ползет.
Так ухо звука ждет, что можно бы расслышать
И зов с Литвы... но в путь! Никто не позовет.

Майков.

В простор зеленого вплываю океана.
Телега, как ладья в разливе светлых вод,
В волнах шумящих трав, среди цветов плывет,
Минуя острова колючего бурьяна.
Темнеет. Впереди ни знака, ни кургана.
Вверяясь лишь звездам, я двигаюсь вперед...
Но что там? Облако ль? Денницы ли восход.
Там Днестр; блеснул маяк, лампада Аккермана.
Стой... Боже, журавлей на небе слышен лет,

А их сокола б не уловило око.
Былинку мотылек колеблет; вот ползет
Украдкой скользкий уж, шурша в траве высокой.
Такая тишина, что зов с Литвы б далекой
Был слышен... Только нет, никто не позовет!

Бунинский перевод «Чатырдага» стоит намного выше других переводов этого сонета и безусловно заслуживает того, чтобы быть помещенным в новом издании.

Переходим теперь к переводам сонетов Сергея Соловьева (см. Адам Мицкевич. Избранные произведения. Переводы русских поэтов. Вступительные статьи А. В. Луначарского и А. К. Виноградова. Гиз. М.-Л. 1929). Форма сонета соблюдена в них со всей строгостью. Особенно удачны переводы «Бахчисарай» и «Бахчисарай ночью», удовлетворяющие всем требованиям. В переводе «Гробница Потоцкой» при отличных первых двух строфах — неудачный конец, не передающий подлинника. В этом переводе не нашли никакого отражения две последних строчки подлинника — о поэте, который, увидя близкую могилу, «споет и для меня». В «Могилах гарема» — исключительно неудачный конец. В подлиннике «Теперь взор чужеземца оскверняет ваши могилы. Но прости, великий пророк, позволил ему это я, ибо он единственный из чужеземцев, кто поглядел на могилу со слезами». У Соловьева:

«Теперь на гроб глядит пришлец земли далекой...
Позволил это я. Пророк прости, внемли.
Но прослезился он (!), вздохнув с тоской глубокой».

Таким образом получается как будто прослезился пророк, а не чужеземец. Кроме того ряд неудачных метафор. В подлиннике: «Море утех». У Соловьева: «Со дна морских усад». Неудачные метафоры в сочетании дают невнятицу в первой строфе. У Соловьева: «И невод вечности со дна морских усад пленил жемчужины в глухое смерти лоно». В подлиннике смысл соответствующих строк таков: «Жемчужины Востока из моря утех и счастья были исторгнуты смертью». Сонет «Странник» особых возражений не встречает, но бледен, лишен поэтической влаги, которой как бы окутана каждая строчка подлинника.

Имеются еще переводы отдельных сонетов и подражания Ю. Познанского, Н. Гербея, С. Дурова, и др., но все они стоят на слишком низком уровне.

Поэма «*Конрад Валленрод*» так же пользовалась большим вниманием русских переводчиков. Ее перевел в прозе Степан Шевырев,

в стихах Н. П. Семенов, Аф. Шпигоцкий, Берг (отрывки), Шершеневич, Горбунов, Ф. Б. Миллер, В. Бенедиктов и Сергей Соловьев. Все эти переводы, за исключением перевода Сергея Соловьева, не удовлетворяют ни с точки зрения художественности, ни с точки зрения формальной. «Конрад Валленрод» написан по преимуществу — за исключением отдельных вставных песен — 11-ти сложным силлабическим стихом. Ритмическое богатство этого размера менее всего может быть передано пятистопным или шестистопным ямбом, которым написано большинство переводов. Помимо того, как я уже указал, эти переводы в смысле художественном стоят на очень низком уровне. В результате поэма, которая в подлиннике читается с неослабевающим интересом, в переводах невыносимо тягуча и скучна. Все вышесказанное относится к переводам Семенова и Бенедиктова, которые чуть лучше других. Соловьевский перевод «Конрада Валленрода» (Мицкевич. Избранные произведения. ГИЗ. 1929) — очень ценный вклад в русскую литературу. Как во всяком предприятии этого рода здесь много спорного. Имеются отдельные слабые места, отдельные шероховатости. Но в целом перевод следует признать исключительно удачным. Каким размером переводить «Конрада Валленрода»? Автор этих строк стоит на той точке зрения, что чистый силлабизм для русской поэзии неприемлем, что опыты в этой области имеют искусственный характер.

Перевод С. Соловьева подтверждает это мнение. По-видимому, переводчик первоначально поставил своей задачей перевести поэму «размером подлинника», т. е. 11-тисложным силлабическим стихом. Действительно, этим размером написаны первые 4 строчки (!) вступления, где силлабические стихи соседствуют с силлаботоническими, очень подчеркивают искусственность первых.

Уж прусак покорно влачил оковы
Или, землю бросив, бегством спасался;
Немец за бежавшим мчался с силой ратной,
До границ Литовских гнал его обратно.

Шестистопный хорей с цезурой, которым переведена большая часть поэмы, ритмически близко подходит к мицкевическому 11-тисложнику. Большую роль здесь играет соблюдение цезуры, ибо в подлиннике — цезура на пятом слоге (поставить на верстке) К сожалению, Соловьев не выдерживает этого размера до конца. Четвертая песня у него написана шестистопным ямбом, пятая — четырехстопным и пятистопным амфибрахийем и лишь последняя шестая — снова шестистопным хореем. Ритмическая пестрота — главный недостаток Соловьевского перевода. Тем не менее

высокое качество перевода в целом, необыкновенная близость к подлиннику заставляют считать этот перевод приемлемым для современного издания. Можно лишь поставить вопрос о новом переводе песни о Вилии, переведенной Соловьевым несколько бледно.

Поэма «Гражина» переведена В. Бенедиктовым (Конрад Валленрод. Гражина. Поэмы А. Мицкевича. Перевод В. Бенедиктова. СПб. 1863). Перевод этот изобилует неточностями, неудовлетворителен в художественном отношении и неприемлем для современного издания.

Неприемлемым следует также считать перевод небольшой поэмы «Фарис», принадлежащий Н. П. Семенову и обладающий всеми недостатками ремесленного перевода.

Переходим наконец к переводу мелких стихотворений. Я не случайно выделил из них сонеты, рассмотренные выше. Строгость сонетной формы, создавая известные сложности для переводчика, в то же время облегчает его задачу, ибо здесь заранее решены многие вопросы стиля и метра. Иначе дело обстоит с переводом лирического стихотворения, не облеченного в строгую форму. Здесь все шатко и неустойчиво, здесь легче всего в переводчике проявляются неизбежные свойства, против которых предостерегает итальянская поговорка: *traduttore traditore*, здесь во всей сложности встает проблема метра и ритма. Как я уже указывал в начале обзора, приемлемые с современной точки зрения вещи встречаются в виде исключения. Разумеется, нельзя себе представить нового издания лирики Мицкевича, в котором отсутствовал бы пушкинский перевод «Будрыс и его сыновья». Имеется у Пушкина еще и перевод «Воевода». Поскольку в ритмическом отношении этот перевод далек от подлинника (подлинник в отношении ритма и рифмовки совпадает с «Будрыс и его сыновья», а «Воевода» написан четырехстопным хореем) приходится ставить вопрос о новом переводе. («Воеводу», так же как переведенное Пушкиным начало вступления к «Конраду Велленроду», по моему мнению, следовало бы поместить в примечаниях.)

То же стихотворение под заглавием «Дозор» перевел Фет. У Фета в формальном отношении все обстоит благополучно: и размер, и рифмовка совпадают с подлинником. Однако в художественном отношении перевод неудовлетворителен. Полон неловких выражений, прозаичен. Смотри, например:

Ты, гайдук, стал калякать (!!)? Научу тебя

плакать,

Только слово промолвить осмелся!

Всыпь на полку, да живо! Сдерни ногтем

огниво

И той женщине (!!) в лоб ты прицелься.

Так же прозаичен и неточен фетовский перевод одного из шедевров лирики Мицкевича «Разговор» («О милая дева, к чему нам, к чему говорить»). Фетом переведена так же «Свитезянка». Как и большинство Фетовских переводов, «Свитезянка» близка к подлиннику, но стоит на недостаточной высоте в смысле художественном. То же следует сказать и о «Свидании в лесу».

Целый ряд стихотворений Мицкевича переведен Меем. Переводы Мея добросовестны, но в художественном отношении стоят не выше, а большей частью ниже Фета. Мей прежде всего худший версификатор, зачастую он не справляется с метром, строчки его спотыкаются. Смотри, например, характерную строчку перевода «Свитезянки»:

«Знать он милой друг красотки девицы».

«Свитезянка» Мея явно уступает фетовской. Беспомощны переводы Мея — «Вилия» (из Конрада Валленрода) «Разговор», «Панни Твардовская». Лучше других перевод «Ренегата». К сожалению, переведена только первая часть этого стихотворения.

Немало мелких стихотворений Мицкевича переведено Н. В. Бергом. Общую характеристику его переводов я дал уже выше. Ни одно из переведенных им стихотворений нельзя признать приемлемым. Лирические стихи Мицкевича перевели еще Минаев, Бенедиктов, Н. Огарев, Н. В. Гербель, П. Петровский, Голицын, Дуров, Познанский, Сергей Соловьев и др. Сравнительно удачными переводами являются лишь Минаева «Сватовство», Голицына — «К ней» («Моя баловница»). Хорошо переведен Сергеем Соловьевым «Первоцвет».

Резюмирую: Из перечисленных выше переводов считал бы возможным поместить в новом издании «Аккерманские степи» и «Чатырдаг» в переводе Бунина, «Байдарская долина» и «Алушта днем» (последнее условно) в переводе Майкова, «Вид гор от Евпатори» в переводе Берга (условно) «Бахчисарай» и «Бахчисарай ночью» в переводе С. Соловьева, «Сватовство» в переводе Минаева, «К ней» в переводе Голицына и «Первоцвет» в переводе С. Соловьева.

Комментарии

Авторская пунктуация в текстах по возможности сохранена; орфография и оформление библиографических ссылок приближены к современным; курсивом в тексте выделены слова и фразы, подчеркнутые Г. Г. Шпетом один раз, дважды подчеркнутые слова выделены курсивом и подчеркиванием, трижды — полужирным шрифтом. Сохранено авторское употребление интонационных тире. Все скобки, кроме угловых, принадлежат Шпету. Многочисленные сокращения в тексте писем раскрыты без специальных указаний (за исключением тех случаев, где я сомневалась в прочтении или датировке). Написание фамилии «Шпетт» и его второго отчества «Иванович»¹ сохранено там, где оно употребляется авторами писем. Так же сохранена особенность написания фамилии Шпет в родительном падеже (в одних письмах она склоняется, а в других — не склоняется)

Все цитаты, приведенные в письмах, сверены по источникам и атрибутированы. Несмысловые (технические) ошибки цитирования, неточности в указании страниц источников и прочие технические неточности исправлены без специальных указаний. Смысловые ошибки представлены с поправками в комментарии. Комментаторские и археографические неточности предыдущих публикаций писем исправлены без специальных указаний.

Комментарий — это текст особого рода. Он требует постоянно-го расширения и углубления и, фактически, может быть закончен только волевым усилием комментатора, заставляющего себя поставить точку. Я пыталась, как можно более отчетливо, реконструировать культурно-исторический *контекст*, в котором рождались философские идеи Густава Шпета, и на формирование которого он оказывал влияние. Поэтому комментарий содержит биографические сведения обо всех собеседниках Шпета (в тех случаях, где это оказалось возможным), а также конкретные уточнения, раскрывающие смысл письма и причины его написания. Они облег-

---

¹ По крещению Шпет был лютеранином и соответственно имел не одно имя, так же как и отчество. В дальнейшем он окончательно остановился на «Густавовиче», одновременно отбросив и второе «т» из своей фамилии.

чают чтение текста и расширяют горизонт восприятия контекста читателем. Чего я пыталась избежать — так это содержательных интерпретаций эпистолярного наследия Шпета и его собеседников и контекстуальных материалов (продолжая методологическую линию Густава Шпета). Насколько это удалось — судить читателю.

Татьяна Щедрина

Раздел I. Друзья и коллеги

Айхенвальд Ю. — Шпету Г.

Открытки хранятся в семейном архиве, письмо — в ОР РГБ 718-24-14. Публикуются впервые.

Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928) — русский литературный критик, переводчик. Родился в Балте, закончил Ришельевскую гимназию в Одессе, где его отец был назначен раввином. Айхенвальд окончил Новороссийский университет, написал диссертацию о Локке и Лейбнице; переехав в Москву, стал секретарем философского общества и сотрудником журнала «Вопросы философии и психологии». Опубликовал ряд философских работ. Перевел все основные сочинения Шопенгауэра. В 1922 году выслан на «философском пароходе». Погиб в результате несчастного случая, попал под трамвай. Основные труды: «Этюды о западных писателях» (М., 1910), «Отдельные страницы» (М., 1910–1911), «Посмертные произведения Толстого» (М., 1912), «Спор о Белинском» (М., 1914), «Пушкин» (М., 1908) и др.

С. 17. ...13 июля 1903 года. — Открытка. Штемпели 13.07.1903, Москва; 19.07.1903, Киев.

С. 17. ...Ваши заметки для библиографического отдела «Вопросов». — Имеются в виду рецензии Шпета на книги: А. Роджерс. «Краткое введение в историю новой философии». Перевод С. С. Зелинского, под редакцией Ю. И. Айхенвальда. М. 1903. XX+224 стр. Ц. 1 р. // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. IV (69). С. 728–732. «Образовательная библиотека». Г. Ф. Липпс. Основы психофизики. Пер. Г. Котляра. Спб. 1903. 110 стр. Ц. 40 к. // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. IV (69). С. 732–733. Проф. Г. Челпанов. Мозг и душа. 2-е издание редакции журнала «Мир Божий». Спб. 1903 г. XI+366.

Ц. 1 р. 50 к. // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. V (70). С. 877–882.

С. 17. ...9 мая 1907 года. — Открытка. Штемпели: 10.05.1907, Москва; 12.05.1907, Киев.

С. 17. ...Очень благодарен Вам, многоуважаемый Густав Густавович, за любезную присылку Вашей книги. — Имеется в виду книга: Шпет Г. Г. Проблема причинности у Юма и Канта. Ответил ли Кант на сомнения Юма. Киев, 1907.

С. 17. ...На днях я получил от Г. И. Челпанова письмо о Вашем желании переехать в Москву. — **Челпанов** Георгий Иванович (1862–1936) — русский философ, логик, психолог. Учитель Шпета в Киевском университете, где Шпет издал публичные лекции Челпанова «О современных философских направлениях» (1902). На 2-е издание книги Челпанова «Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе» Шпет поместил рецензию в журнале «Вопросы философии и психологии» (№ 70. 1903)¹. Став в 1906 году профессором Московского университета, Челпанов пригласил Шпета в Москву для продолжения подготовки к профессорскому званию. См. также письма Челпанова Шпету (наст изд. С. 71–77).

С. 17. ...Еще раньше мне об этом говорила В. С. Костромина. — **Костромина** Варвара Семеновна (1855–1939) — учительница в Москве, автор статей по народному образованию, сотрудник педагогических журналов, автор воспоминаний и статей по народному образованию.

С. 17. ...13 июля 1912 года. — Дата письма установлена по штемпелю.

С. 17–18. ...Это, что Вы бросили Педагогические курсы. — Имеется в виду Педагогический институт имени П. Г. Шелапутина, высшее учебное заведение в дореволюционной России, открытое в 1911 году в Москве на средства действительного статского советника П. Г. Шелапутина. — **Шелапутин** Павел Григорьевич (1847–1914), предприниматель, меценат. Наряду с предпринимательством занимался общественно-педагогической деятельностью. Финансировал строительство и участвовал в создании и организации в Москве Педагогического (Учительского) института имени Шелапутина (1911).

---

¹ См. наст. изд. С. 29–33.

С. 18. ...У меня не осталось ни одного экземпляра моего «Вступления», и нет у меня здесь в приличном виде моих «Силуэтов». Имеется в виду издание: Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. Вып. III. М. 1907–1910

С. 18. ...Мой поклон Марии Александровне. — *Крестовоздвиженская* (театральный псевдоним — Крестовская) Мария Александровна (1870–1940) — актриса, первая жена Г. Г. Шпета (брак: 1904–1912, развод состоялся 22 сентября 1912).

Белый А. и Шпет Г.

Письма А. Белого Г. Шпету от 15.10.1916, 10.12.1916, 1.04.1933 хранятся в семейном архиве. Письмо от 21.08.1933 — в РГАЛИ 53-6-19. Впервые опубликованы: Начала. 1991. № 1. С. 63–65. В настоящем комментарии использованы комментарии М. Г. Шторх.

Письмо Шпета Г. Белому А. от 14.04.1933 хранится ОР РНБ 60-71. Публикуется впервые.

Конверт со штемпелем 6.04.1933 (адрес: Москва. Брюсовский переулок, д. 17, кв. 16. Густаву Густавовичу Шпету) и визитная карточка А. Белого хранятся в ОР РГБ 718-24-21.

Визитная карточка:

Бугаев Борис Николаевич

Арбат, Никольский 21, кв. 5.

На визитке записи Шпета по теме «Язык и смысл»¹.

С. 18. ...15 октября 1916 года. — Почтовая карточка из Сергиевского Посада. Дата установлена по штемпелю.

С. 18. ...Читаю свою повесть «Котик Летаев» у Григоровых. — *Григорова* (урожд. Бурышникова) Надежда Афанасьева (1885–1964) — врач, член кружка «Молодой Мусагет», принимала участие в постройке антропософского «храма» Гетеанума в Дорнахе. В 1913 году была в числе пять учредителей Русского антропософского общества (РА.О.). Являлась активным членом антропософского общества до его закрытия в 1923 году. В 1931 году подверглась ссылке, по делу о 27 московских антропософах. — *Григорьев* Борис Павлович (1883–1945), экономист, член кружка «Молодой Мусагет», где Белый вел курсы в 1910 году. Принимал участие в строительстве Гетеанума.

¹ См. Шпет Г. Г. Язык и смысл // Шпет Г. Г. Мысль и Слово. Избранные труды. Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2005. С. 470–657.

Один из основателей Р.А.О. и его председатель вначале. В 1931 году был арестован по делу о 27 московских антропософах и получил 3 года лагерей (такая же участь постигла и А. С. Петровского).

С. 18. ...*Но меня именно просили (Гершензон и кое-кто другой).* — **Гершензон** Михаил Осипович (1869–1925) — философ, историк литературы, переводчик. Один из организаторов РАХН (ГАХН), заведующий ее литературной секцией и председатель редакционного комитета. Письма Г. Г. Шпета к М. О. Гершензону см.: Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2005. С. 445–446.

С. 18. ...*Будут: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Л. И. Шестов и кое-кто еще.* — **Бердяев** Николай Александрович (1874–1948), философ, публицист; организатор Вольной Академии духовной культуры, член Религиозно-философского общества в Москве (1919). — **Булгаков** Сергей Николаевич (1871–1944), философ, богослов. См. его письмо к Шпету (наст. изд. С. 97). Об отношениях Шпета и Булгакова см.: **Щедрина Т. Г.** Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М., 2008. С. 54–67. — **Шестов** Лев Исаакович (наст. имя и фамилия Лев [Иегуда Лейб] Исаакович Шварцман; 1866–1938) — русский философ, друг Шпета. Об отношениях Шестова и Шпета см.: **Щедрина Т. Г.** «Я пишу как эхо другого...». Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. М., 2004. С. 183–191; письма Шестова к Шпету см.: Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 323–340.

С. 19. ...*10 декабря 1916 года.* — Открытка с видом Спасской башни Кремля, из Сергиевского Посада. Дата установлена по штемпелю.

С. 19. ...*И лишний рабочий день в Посаде страшно укрепляет.* — Ноябрь–декабрь 1916 года А. Белый провел попеременно в Москве и в Сергиевом Посаде (у С. М. и Т. А. Соловьевых).

С. 19. ...*1 апреля 1933 года.* — Вероятно, конверт от этого письма хранится в ОР РГБ 718-24-21.

С. 19. ...*Не мне, а моему другу А. С. Петровскому.* — **Петровский Алексей Сергеевич** (1881–1958) — переводчик, сотрудник Румянцевского музея, ближайший друг А. Белого. В 1914 году в издательстве «Мусагет» в переводе Петровского вышла книга Я. Бёме «Auroга, или Утренняя заря в восхождении». Один из виднейших и активных

членов русского антропософского движения. Только ему и Б. Григорову присудили по 3 года лагерей. Из которых год он просидел в лагере и провел 2 года в ссылке. О дружбе Белого и Петровского см.: «Мой вечный спутник по жизни». Переписка Андрея Белого и А. С. Петровского: Хроника дружбы. Вступ. статья, составление, комментарии и подготовка текста Дж. Малмстада. М., 2007.

С. 19. ...*Он отбывает в Конце.* — В концлагере «Медвежья гора» (лагерь на севере под Ленинградом).

С. 19. ...*Невский (его начальник), конечно, вернул бы его в Ленинский музей.* — **Невский** Владимир Иванович (настоящее имя Феодосий Иванович Кривобоков (Кривобок), 1876–1937) — профессиональный революционер, историк. С 1925 года — был «задвинут» директором Третьяковской галереи, позднее — назначен директором Библиотеки им. В. И. Ленина. Арестован в феврале 1935 года, во время разгрома Сталиным школы партийных историков. 25 мая 1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. 26 мая приговор приведен в исполнение.

...*Но навстречу — паспортизация, и, стало быть, в Москве ему не быть (вероятно, — «минус 12»).* — Белый пишет 27 сентября 1933 года: «Сегодня появился радостный, поюневший А. С. Петровский: “Я теперь полноправный; вот — паспорт, для проживания в Москве”. Паспорт был готов ему уже 8-го сентября, а он — томился: “Еду в Ясную, — нагуляться в лесу: тянет в природу”. Мы бурно ликovali с ним». См.: На Склоне Серебряного века. Последняя осень Андрея Белого. Дневник 1933 года (Подготовка текста, вступ. статья, коммент. М. Л. Спивак) // Новое литературное обозрение (НЛО). 2000. № 46. Цит. по электронной версии: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/osen.html>>

С. 19. ...*Ввиду того, что он дружен очень с сестрой моей жены, живущей очень одиноко в Лебедяни (она — больна, одна).* — **Кезельман** Елена Николаевна (урожд. Алексеева, 1889–1945) — сестра К. Н. Бугаевой, член антропософского общества. В мае 1931 г. была арестована и по приговору Особого совещания ОГПУ лишена «права проживания в 12 п. с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года, считая срок с 27/V-31 г.». Ссылку отбывала в г. Лебедянь. — **Бугаева** Клавдия Николаевна (урожд. Алексеева; 1886–1970) — жена Андрея Белого (Бориса Бугаева). Они сблизились в конце 1917 года, но она стала его официальной женой только в июле 1931 года. До этого в конце мая 1931 года она была арестована в Детском Селе, как

видный деятель антропософского движения в России, но затем, благодаря хлопотам Белого, ее освободили. После ареста муж Клавдии Николаевны, врач П. Н. Васильев, дал согласие на развод.

С. 19. ...Он редактировал все переводы (и в том числе Рачинского. — **Рачинский Григорий Александрович** (1859–1939) — литератор, переводчик, философ; председатель Религиозно-философского общества в Москве.

С. 19. ...Вот уже около месяца, как я справляюсь всюду, ища ему перевода: говорил с Цявловским, Воронским, Эфросом; и мне сказали, что можно обратиться к Тебе, ибо Ты в прямом контакте с «Academia». — **Цявловский** Мстислав Александрович (1883–1947) — историк литературы. Основные работы посвящены творчеству А. С. Пушкина, изучению его рукописей; автор фундаментальной «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» (т. 1 опубликован в 1951). Как редактор и комментатор участвовал во всех значительных пушкинских изданиях 1930–40-х годов. — **Воронский** Александр Константинович (1884–1937) — литературный критик и теоретик искусства. В начале 1920-х становится одним из ведущих марксистских политиков в области литературы. С 1921 по 1927 год редактировал журнал «Красная новь», а с 1922 по 1927 — «Прожектор». Организатор и идеолог группы «Перевал». Печатался также под псевдонимом Нурмин. В 1923 году примкнул к левой оппозиции в ВКП(б). В 1927 году был исключен из рядов ВКП(б) и отправлен в ссылку вместе с тысячами других оппозиционеров. В период ссылки в Липецке писал автобиографическую прозу о годах своей юности и начале подпольной деятельности. В 1929 году заявил об отходе от оппозиции и в 1930 году получил разрешение вернуться в Москву, где был назначен редактором отдела классической литературы в Гослитиздате. В 1935 году арестован. Расстрелян 13 августа 1937 года в Москве; прах захоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 7 февраля 1957 года. — **Эфрос** Абрам Маркович (1888–1954) — искусствовед, театровед, литературный критик, переводчик; действительный член ГАХН, редактор издательства «Academia». В 1917–1929 — музейный работник. В 1930-е в переводах или под редакцией Эфроса были изданы литературные тексты и документы Дж. Вазари, П. П. Рубенса, В. Ван Гога, Леонардо да Винчи, А. Г. Венецианова и др. Исследователь рисунков А. С. Пушкина.

С. 20. ...Скоро буду телефонировать Лидину. — **Лидин** Владимир Германович (настоящая фамилия Гомберг; 1894–1979) — русский советский писатель. Родился в купеческой семье. Учился в Ла-

заревском институте восточных языков. Окончил юридический факультет Московского университета в 1915 году. Еще в студенческие годы (с 1908) начал публиковать рассказы, первый сборник вышел в 1916 году. Во время Гражданской войны воевал в Красной Армии, был на разных фронтах, в том числе в Сибири. В первые послереволюционные годы совершил несколько поездок по Западной Европе и Ближнему Востоку. Не принадлежал ни к какой из литературных группировок, был хорошо знаком со многими писателями, далекими от литературного официоза, и написал о них в своей книге воспоминаний «Люди и встречи» (1957, переиздавалась с дополнениями в 1961, 1965). Жил в Москве, более 30 лет преподавал в Литературном институте.

С. 20. ...*Но лучше всего, думаю, было бы, если бы ты обратился непосредственно к Пишибышевскому, ведающему немецкой литературой.* — **Пишибышевский** Болеслав Станиславович (Przybyszewski, 1892—1937) — музыковед. Сын польского писателя Станислава Пишибышевского. После Октябрьской революции преподавал в Москве в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада имени Мархлевского. Член ВКП(б) с 1920 по 1933 год. В 1929—1931 годах был директором Московской консерватории. Редактор издательства «Academia». Арестован 1 марта 1937 года, 21 августа 1937 года приговорен к расстрелу по обвинению в шпионаже и подготовке террористического акта (приговор приведен в исполнение в тот же день). Реабилитирован 15 сентября 1956 года.

С. 21. ...*Продукты мы с точностью готовы Тебе возместить.* — В те годы в нашей стране существовали продовольственные карточки и некоторые дополнительные пайки, или, по-современному, «привилегии», о которых и идет речь. Но тогда пайки давались не всем членам Союза писателей, а поочередно на определенный срок, хотя членов Союза было во много раз меньше, чем теперь.

С. 21. ...*П. Н. Зайцев будет с Тобой говорить по телефону и меня известит о дне, выбранном Тобой.* — **Зайцев** Петр Никанорович (1889—1970) — поэт, писатель, мемуарист. В течение ряда лет был близким другом и помощником Андрея Белого, о чем и оставил подробные мемуары. См.: *Зайцев П. Н. Воспоминания* (Последние 10 лет жизни А. Белого). М., 2008.

С. 21. ...*Передай привет твоей жене и дочке, если они вернулись из Коктебеля, где жили почти рядом и постоянно общались.* — Речь идет о второй жене Г. Г. Шпета **Шнем** Наталии Константиновне

(урожд. Гучковой; 1892–1956,) и его дочери *Шпет* Марине Густавовне (в замужестве Шторх; 1916 г. р.).

Бердяев С. — Шпету Г.

Письмо от 2 июня 1901 года хранится в архиве Е. В. Пастернак. Дата и авторство С. А. Бердяева установлены Т. Г. Щедриной по письму С. Бердяева 14 июня 1901 года, хранящемуся в ОР РГБ 718-27-22. Письма публикуются впервые.

Бердяев Сергей Александрович (1860¹–1914) — поэт, публицист, переводчик. Брат Н. А. *Бердяева* (см. прим. к с. 18). Учился в киевской Коллегии Павла Галагана, затем за рубежом. Получил медицинское образование. В сентябре 1884 года арестован, как активный участник студенческих беспорядков, происходивших 8 сентября 1884 года. Привлечен к административному расследованию и по постановлению Особого совещания от 2 ноября 1884 года подчинен гласному надзору полиции на год вне местностей, объявленных на положении усиленной охраны. По окончании срока гласного надзора подчинен негласному. Оставил медицинскую практику, вышел в отставку и полностью посвятил себя литературно-публицистической и журналистской деятельности. Писал на русском и украинском языках. Печатался в российских журналах «Наблюдатель», «Русский архив» и украинских периодических изданиях конца XIX — начале XX века (газеты «Дело», «Буковина», «Общественное мнение», «Рада», журналы «Заря», «Литературно-научный вестник» и др.). Переводил К. Гамсуна и Г. Ибсена. Н. А. Бердяев так описывал «наследственные свойства характера» своей семьи: «Я принадлежу к расе людей чрезвычайно вспыльчивых, склонных к вспышкам гнева. <...> Брат мой был человек исключительной доброты, но одержимый настоящими припадками бешенства»². Эту характеристику необходимо учитывать при чтении первого письма С. Бердяева Г. Шпету.

С. 21. ...*Саша оказал услугу лично Алексею, который в свое время любезно одолжил ему на целые месяцы свое ружье.* — По-видимому, Саша — сын С. А. Бердяева и Е. Г. Бердяевой. Алексей — неустановленное лицо.

¹ По другим источникам год рождения С. А. Бердяева: ок. 1855.

² *Бердяев Н. А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 18. Ср. также характеристику С. А. Бердяева, данную О. В. Лопухиной-Демидовой: «Старший брат Николая Бердяева, хотя и на свободе, но совершенно ненормальный человек». Цит. по: Комментарии // *Бердяев Н. А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 412.

С. 21. ...*Саша, и то без спросу в прошлом году сбыл тебе «велодок».* — Велодог — карманный револьвер, разработанный Шарлем Франсуа Галаном для защиты велосипедистов от нападений уличных собак (отсюда и название).

С. 21. ...*Теперь нужно дать тебе якобы на месяц, а в сущности, значит, на «вечное отданье», или броунинга, или Смита и Вессона.* — Браунинг — общее название различных пистолетов конструкции Джона Мозеса Браунинга. Смит и Вессон — револьвер крупнейшей в США фирмы огнестрельного оружия (в том числе револьверов) Smith & Wesson.

С. 21. ...*Васильевым и К^о.* — Неустановленное лицо.

С. 21–22. ...*Семейства братьев Коппель.* — Неустановленные лица.

С. 22. ...*Переживая снова кризис невыносимой душевной пытки из-за вынужденного бездействия своего в заколдованном (по разным причинам) кругу.* — Н. А. Бердяев вспоминал: «Брат был человек очень одаренный, хотя совсем в другом направлении, чем я, очень добрый, но нервнобольной, бесхарактерный и очень несчастный, не сумевший реализовать своих дарований в жизни»¹.

Бердяева Е. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-24-23. Публикуются впервые.

Бердяева (урожд. Гродзкая) Елена Григорьевна (1866 — ?) — новеллистка. Жена С. А. Бердяева. Печаталась в газете «Киевские отголоски» (1905), участвовала в «Киевском сборнике» (Киев, 1894).

С. 23. ...*3 июня <1901 года>.* — Дата установлена по контексту письма Сергея Бердяева из ОР РГБ 718-27-22.

С. 23. ...*Надеюсь, Гуц, Вы не слишком «убиты» разносом Сергея Александровича.* — См. письмо С. А. Бердяева от 2 июня 1901 года.

С. 23. ...*<около 1901 года>.* — Дата установлена по времени пребывания Н. Бердяева в Вологде. Ссылка продолжалась с 1900 по апрель 1902 года.

---

¹ Там же. С. 20–21.

С. 23. ...*Гуц, адрес Н. А. — Вологда, гостиница «Золотой Якорь»*. — В 1897 году за участие в студенческих беспорядках Николай Александрович был арестован, отчислен с юридического факультета Киевского университета и в 1900 году сослан в Вологду. Здесь он пробыл до апреля 1902 года, проживая в одном из номеров гостиницы «Золотой Якорь», а также в доме Гусева на Кашанской улице (ныне улица Гоголя).

С. 23. ...*Прелюдии он не переводит*. — Имеется в виду книга В. Виндельбанда «Прелюдии», которую впоследствии перевел С. Л. Франк. См.: *Виндельбанд В. Прелюдии: Филос. ст. и речи / Пер. с 2-го нем. изд. [и предисл.] С. Франка. СПб., 1904.*

С. 24. ...*Саша говорит, что желал бы Вас вздуть*. — По видимому, сын Е. Г. Бердяевой и С. А. Бердяева.

С. 24. ...*Тюня — бедный страдалец*. — Неустановленное лицо.

С. 24. ...*Гваякол*. — Медицинский препарат, применяется при хронических катарах легочных путей и легочной чахотке.

Блонский П. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-24 26. Впервые частично опубликованы в кн.: Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / Под ред. Т. Д. Марцинковской. М., 2000. С. 23—24.

Блонский Павел Петрович (1884—1941) — историк философии, педагог, психолог. В 1902 году поступил на историко-филологический факультет Киевского университета, который окончил в 1907 году, получив золотую медаль за работу «Проблема реальности у Беркли». Интересовался античной философией, опубликовал ряд работ по гносеологии и этике. С 1913 года — приват-доцент. При содействии Г. И. Челпанова переехал из Киева в Москву и занялся психологическими исследованиями, став аспирантом Челпанова. После 1917 года встал на сторону Советской власти. Преподавал в 1-м и 2-м МГУ. Один из инициаторов создания Академии социалистического воспитания в Москве (1919), первый ее преподаватель и профессор.

С. 24. ...*Завтра в пятницу к 8 ½ ч. утра доставить Штадлера*. — **Штадлер** Август (1850—1910) — профессор философии. Ученик немецкого философа Ф. А. Ланге. Автор трудов: «Kants Teleologie»

(1874), «Grundsätze der reinen Erkenntnistheorie» (1876) и «Kants Theorie der Materie» (1883) и др. Профессор философии и педагогики в Высшей технической школе (ETH) в Цюрихе. Одним из его учеников был Альберт Эйнштейн. — Возможно, Блонский имеет в виду книгу Штадлера «Philosophische Pädagogik» (1911), которая значилась в каталоге шпетовской библиотеки под номером 3368.

С. 24. ...<1916 год>. — Дата установлена по упомянутой в письме статье П. Блонского, опубликованной в 1916 году.

С. 24. ...*Посылаю тебе статью. Хочется еще один номер (§ 4), и завтра принесу его тебе.* — Имеется в виду статья: Блонский П. П. Исторический контекст философии Беркли // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве, 1891–1916. Статьи по философии и психологии. М., 1916. С. 79–100. Именно в ней 4 параграфа.

С. 24. ...*Я могу переписать и другую статью (о методах истории философии).* — Блонский впоследствии так и сделал. См.: Блонский П. П. К вопросу о методе истории философии // Научные известия. Сб. 2: Философия, литература, искусство. М., 1922. С. 36–46.

С. 24. ...<25 августа 1917 года>. — К письмам Блонского приложен один конверт, который датирован 25 августа 1917 года. Вероятно, конверт относится именно к этому письму, поскольку Блонский пишет, что отдаст статью о Плотине 27-го числа. Год установлен по содержанию переписки. Речь идет о статье и рецензии Блонского, которые выйдут в первом выпуске ежегодника «Мысль и Слово» в конце 1917 года.

С. 24. ...*Пожалуйста, проверь конец: правда ли, что Озе и Четвериков присудили степень.* — Речь идет о последнем абзаце рецензии П. П. Блонского на книгу В. С. Шилкарского «Типологический метод в истории философии (опыт обоснования)» (Т. I. Юрьев, 1916). Рецензия была опубликована в ежегоднике «Мысль и Слово» (под ред. Г. Г. Шпета. Вып. I. М., 1917. С. 402–405). Блонский пишет: «Два ученых философа — проф. Озе и доцент Четвериков — присудили автору степень магистра философии. Закон предоставил им право признавать представляемые работы диссертациями. Однако, никто не сможет эти диссертацию читателей ее заставить признать научным трудом» (С. 405). — *Озе Яков Фридрихович* (1860–1919) — писатель, профессор философии и декан историко-филологического факультета в Юрьевском университете. Защитив

в Московском университете диссертацию: «Персонализм и проективизм в метафизике Лотце» (1896), получил степень доктора философии. Основные труды: «Zu Platons Charmides: Untersuchung über die Kriterien der Echtheit der platonischen Dialoge im allgemeinen u. des Charmides im besonderen» (Fellin, 1886) и «Untersuchungen über den Substanzbegriff bei Leibniz» (Dorpat, 1888). — **Четвериков** Иван Пименович (1880–1969) писатель, воспитанник киевской духовной академии, в которой состоял доцентом по кафедре психологии. Написал магистерскую диссертацию «О Боге, как личном существе» (Киев, 1904). В 1905 году защищает магистерскую диссертацию и избирается профессором на кафедру психологии Киевской духовной академии. С 1906 по 1908 годы находился в заграничной командировке для ознакомления с постановкой преподавания психологии и философии в германских университетах. По возвращении работает в академии, преподает на Высших женских курсах, в педагогическом институте (Фребелевском). С 1915 года приват-доцент, затем профессор Юрьевского университета, а после эвакуации университета в Воронеж, профессор Таврического университета. С 1921 года И. П. Четвериков — профессор медико-педологического института Наркомздрава в Москве, член центральной педологической комиссии и одновременно профессор Ярославского университета, а позднее пединститута. В 1930 году обследовательская комиссия дала ему характеристику «анти-общественно настроенного человека» и Постановлением Главпрофобра с 1 февраля 1930 года он «отчисляется от занимаемой в институте должности». И. П. Четвериковым опубликован краткий курс лекций по психологии, статьи «Модернистские движения в Германии», «Фрис и его новая школа», «Проблема познания чужой личности» и др. В 1941 г. мобилизован в Красную Армию. По окончании войны остался в Германии. Некоторое время преподавал в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. Читал лекции о православии во многих городах Германии. Автор богословских статей в различных журналах.

С. 24. ...*Плотина получишь 27-го.* — Имеется в виду рукопись книги: *Блонский П. П. Философия Плотина. М., 1918.*

С. 24. ...*Мое глубокое убеждение, что работа Шилкарского другой рецензии не заслуживает.* — **Шилкарский** Владимир Семенович (1884–1960) — специалист по теории философского знания и по истории философии. Приват-доцент, профессор Юрьевского (Дерптского) университета. После Октября 1917 — профессор Ковненского университета в Литве, затем — профессор Боннского

го университета. Участвовал в подготовке к изданию сочинений В. С. Соловьева на немецком языке.

С. 25. ...<конец августа — начало сентября 1917 года>. — Дата установлена по контексту. Блонский спрашивает Шпета, когда выйдет Плотин, а в предыдущем письме говорит, что отдаст Плотина 27-го числа. Далее идут числа уже следующего месяца, т. е. сентября.

С. 25. ...*Посылаю тебе стр. 1–50 «Ранняя эллинская философия» (кончая Эмпедоклом).* — Судя по записям Шпета в бухгалтерской тетради, сохранившейся в семейном архиве, Блонский работал над «Ранней эллинской философией» с 1915 года: «К 1 августа 1915 Блонский — История древней философии 12 листов».

С. 25. ...*8-го вечером пришлю тебе статью для сборника (1 ½ листа).* — Имеется в виду рукопись статьи: *Блонский П. П.* Кн. С. Н. Трубецкой и философия // Мысль и Слово. Под ред. Г. Г. Шпета. Вып. I. М., 1917. С. 142–176. Именно эта статья составляет полтора листа и совпадает с предполагаемой датировкой письма.

С. 25. ...*8-го принесу лично разбор Попова об Августине (Если необходимо раньше повидаться, напиши: я свободен все время).* — Это упоминание позволяет датировать письмо не ранее 1917 года, так как в ОР РГБ 718-26-4 сохранилась рукопись П. Блонского: Разбор книги И. В. Попова «Личность и учение блаженного Августина. Т. I, Ч. I. Личность бл. Августина, Ч. II. Гносеология и онтология бл. Августина» (Сергиев Посад. 1917. Стр. 224+619. Ц. 6 руб.)

С. 25. ...*Что же касается «Confessiones», то они немного задержатся.* — Имеется в виду «Исповедь» Блаженного Августина, которую П. П. Блонский переводил для «Хрестоматии по Истории психологии». Перевод не был опубликован.

Горнунг Л. — Шпету Г.

Письмо от 23 марта 1927 года хранится в семейном архиве. Письмо от 24 июня 1928 года хранится в ОР РГБ 718-24-39. Публикуются впервые.

Горнунг Лев Владимирович (1902–1993) — поэт, переводчик, фотограф-художник, мемуарист. Младший брат Бориса *Горнунга*. Учился (до 1918) в 1-м Московском реальном училище. С 1921 года собирал материалы о Н. С. Гумилеве, в 1926 позна-

комился с А. А. Ахматовой. Дружил с поэтами Б. Л. Пастернаком, А. А. Тарковским, С. В. Шервинским, с писателями, художниками, музыкантами их круга. Создал фотопортреты многих из них. С 1920-х вел дневниковые записи, которые сохранили малоизвестные сведения о культурной жизни Москвы. Работал в ГАХН (1925–1930), по договорам с издательствами, музеями и др. В 1942–1943 годах был на фронте командиром взвода пулеметной роты. В конце 1950-х годов полностью потерял зрение. С начала 1970-х под диктовку Льва Владимировича записаны и затем частично изданы его воспоминания.

С. 25. *...Давно собирался показать Вам свои стихи, потому что многих, кажется, Вы не знаете.* — Из дневника Л. Горнунга: «5. IV. 1927. На днях я передал Шпету немного моих стихов, переписанных для него. Он сказал, что многие мои стихи ему нравятся, и добавил, что ему хотелось бы издать их отдельной книжкой за свой счет. Позже он сказал, что попытался предложить их в “Новый мир”, но редактор Полонский отказался принять их в журнал, хотя сказал, что стихи ему понравились». *Горнунг Л. В.* Мои воспоминания о профессоре Густаве Густавовиче Шпете. Комментарии К. М. Поливанова // Шестые Тыняновские чтения. Рига — Москва, 1992. С. 178. — В архиве Шпета сохранились стихи Л. Горнунга: машинописный сборник «Земля: Из стихов зимы 1923–1924 года» и отдельные машинописные копии стихов 1925–1928 годов. Избранные стихи Л. Горнунга из архива Шпета см.: наст. изд. Раздел VI. С. 312–314.

Дахнович А. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-24-45. Впервые опубликованы в комментариях к книге: Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 576–577. Публикуются по архивным оригиналам.

Дахнович Андрей Степанович (1881–1938) — искусствовед, знакомый Шпета по Киеву. Уроженец г. Ченстохов Петроковской губ., русский, беспартийный, зав. Китайским дворцом-музеем в г. Ораниенбаум, проживал: г. Ленинград, ул. Марата, д. 10, кв. 7. Арестован 9 февраля 1938 года Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 23 июня 1938 года приговорен по ст. 58-6-10 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 9 июля 1938 года. Автор работ: «Творчество Боттичелли и вечные вопросы» (Киев, 1915), «Ораниенбаум. Дворец-музей XVIII века» (М.-Л., 1932).

С. 26. ...*Спасибо за указание на Лундберга и за «Юркевича».* — *Лундберг* Евгений Германович (1883–1965) — писатель, литературный критик, друг Л. И. Шестова. Подробнее см. примечания к письмам Е. Лундберга — Г. Шпету. Наст. изд. С. 239–242. — Имеется в виду статья: *Шпет Г. Г.* Философское наследство П. Д. Юркевича (К сорокалетию со дня его смерти) // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 125 (V). С. 653–727.

С. 26. ...*Завтра посылаю свою книжку Лундбергу.* — Имеется в виду книга: *Дахнович А. С.* Творчество Боттичелли и вечные вопросы. Киев, 1915.

С. 26. ...*Как-нибудь прочитаю его книжку о Мережковском.* — Имеется в виду книга: *Лундберг Е. Г.* Мережковский и его новое христианство. СПб., 1914.

С. 26. ...*Не попадалось ли вам какой-нибудь рецензии о «Б».* — Имеется в виду книга: *Дахнович А. С.* Творчество Боттичелли и вечные вопросы. Киев, 1915.

С. 26. ...*Недавно на книжном базаре наткнулся на книжку Чемберлена.* — Речь идет о книге англо-немецкого расового теоретика *Х. С. Чемберлена* (Chamberlain, 1855–1927) «Основы XIX века» («Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts», München, 1899).

С. 27. ...*Понемножку читаю Кальдерона в немецком переводе Gries'a.* — *Грис* Иоганн Дитрих (Johann Diederich Gries; 1776–1842) — немецкий поэт и переводчик.

С. 27. ...*Eifersucht das grösste Scheusal.* — Немецкий перевод пьесы испанского драматурга *Педро Кальдерона де ла Барка* (1600–1681) «El mayor monstruo del mundo» («Ревность — ужаснейшее чудовище в мире», 1637).

Зелинский К. — Шпету Г.

Письмо хранится в фонде К. Л. Зелинского, РГАЛИ 1604-1-436 (черновик и машинопись). Публикуется впервые. Письма и материалы К. Л. Зелинского в архиве Г. Шпета не обнаружены.

Зелинский Корнелий Люцианович (1896–1970) — советский литературовед, литературный критик, доктор филологических наук (1964). В 1918 году окончил философское отделение историко-

филологического факультета Московского университета. Тогда же начал редактировать и печататься в газете «Кронштадские Известия», а также как военный корреспондент в газетах РОСТА (Российское телеграфное агентство). В круг знакомых входили В. Маяковский, Вс. Иванов, Л. Леонов, С. Есенин, И. Сельвинский и др. Корреспондент «Известий» в Париже, литературный помощник посла СССР Х. Раковского (1926). Один из основателей (совместно с И. Л. Сельвинским), теоретик и литературный критик группы конструктивистов, в которую входили также Б. Агапов, В. Инбер, И. А. Аксенов, Е. Габрилович, В. Луговской, Э. Багрицкий, Н. Панов (Туманный), А. Квятковский. Явление конструктивизма им понималось шире, чем просто литературное направление. Оно трактовалось как настроение времени, переходного к социализму. По мысли Зелинского, развитие техники меняет и подчиняет человеческую природу, позволяя на единицу силы производить все большее действие («грузофикация»). Литературный конструктивизм призван осуществлять «грузофикацию» культуры и прежде всего — поэзию, нагружая каждое поэтическое слово все большим смыслом. Особое значение придавалось «смысловой доминанте» — теме произведения, которой должны быть подчинены все его компоненты. Это понимание принципов художественного творчества было раскрыто в книге «Поэзия как смысл» (1929), где логический смысл произведения трактуется уже как формальный элемент (произведение как конструкция), что сближает этот взгляд с формалистическим подходом к литературе. С ужесточением идеологического контроля со стороны партии и роспуском большинства литературных объединений он выступил с критикой этого направления (статья «Конец конструктивизма», 1930). В 1948—1969 (с перерывами) старший научный сотрудник института мировой литературы им. А. М. Горького. Участвовал в травле Б. Пастернака, выступив резко критически на известном заседании в Союзе писателей 31 октября 1958 года. В литературных кругах имел прозвище «Карьерий Вазелинский»¹.

С. 27. *...Я поэтому прошу Вас обратить внимание на ту часть реферата, где я говорил о так называемой инвариантной конструктивной логике.* — См. об этом: Зелинский К. Л. Поэзия как смысл: Книга о конструктивизме. М., 1929.

¹ См.: Чуковский К. И. Дневник (1936—1965). Запись от 6 декабря 1965 года // Чуковский К. И. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 13. М., 2007. С. 424.

Кистяковский Б. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-24-59. Публикуются впервые.

К письмам приложены два конверта:

1. Конверт: Его высочородию Густаву Густавовичу Шпету. Большая Царицынская, 7, кв. 3.

Письмо запечатано печатью: «Юридический вестник», Москва, Большой Левшинский, д. 13, кв. 8.

2. Конверт: Штемпели: 3 мая 1919, Киев; 8 мая 1919, Москва. Заказное. Москва, Долгоруковская, 17. Густаву Густавовичу Шпету.

Кистяковский Богдан Александрович (1868–1920) — русский социолог, правовед, философ. Учился на историко-филологическом факультете Киевского университета, был исключен из университета за участие в нелегальной политической деятельности. В дальнейшем учился также в Харьковском университете. В 1895–1897 годах изучал философию в Берлинском и Страсбургском университетах под руководством Г. Зиммеля, В. Виндельбанда, Г. Кнаппа. В 1898 году защитил в Берлинском университете диссертацию «Общество и индивид» (на немецком языке). В 1901 году вместе с П. Струве редактировал журнал «Освобождение» и сборник «Проблемы идеализма». С 1904 года в Киеве сотрудничал в журнале «Вопросы жизни». В 1906 году был приглашен читать лекции по теории права в Московском коммерческом институте. В 1907–1910 годах — редактор журнала «Критическое обозрение». В 1909 году в сборнике «Вехи» публикует статью «В защиту права». В 1917 году Кистяковский защитил диссертацию и стал профессором юридического факультета Киевского университета. В 1919 году был избран действительным членом только что созданной Украинской Академии наук. Философским фундаментом теоретических построений Кистяковского всегда оставалось неокантианство. Основные работы собраны в книге «Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права» (М., 1916). Работал над книгой «Право и науки о праве» (погибла в типографии во время эсеровского восстания в Ярославле в 1918 году). — Шпет полемизировал с Кистяковским в своем докладе 1903 года «Новейшие течения в социальной науке». См.: *Шпет Г. Г. Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры.* М., 2010. С. 34–51.

С. 28. ...*В доставленном мне 290 номере «Приазовского края» от 3 ноября 1916 года, в котором напечатана рецензия на мою книгу, есть также рецензия на Вашу книгу.* — Имеются в виду книги: *Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права.* М., 1916; *Шпет Г. Г.*

История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Ч. I. Материалы. М., 1916.

С. 28. ...Так как номер этой провинциальной газеты мог и не попасться Вам в руки, то посылаю Вам вырезку с рецензией на Вашу книгу. — Вырезка сохранилась в архиве Шпета. Привожу полностью рецензию Вл. И. *Рындзюна* (А. Ветлугин, Voldemar Vetlugin, 1897—1953) на книгу «История как проблема логики» Г. Шпета. Опубликована в газете: Приазовский край. 1916. 3 ноября № 290.

Густав Шпет: «История как проблема логики». 1916. Ц. 4 р. 50 к. Москва

Лет десять тому назад под все усиливавшимся влиянием Виндельбанда и Когена по всей русской философии пронесся клич — «Назад к Канту». Завоевавшее себе первенство неокантианство бесспорно имело и положительное значение; но едва ли мы ошибемся, приложив к «значению» эпитет «педагогическое». В конечном же итоге метафизических построений на базе трансцендентальных предпосылок, рассуждая *Sub Specie aeternitatis*, весь метафизический идеализм является не более чем четырехстенной клеткой, стиснувшей субъективное сознание в рамках пресловутых императивных границ. И тогда А. И. Введенский решительно и смело, силой своего большого аналитического таланта и научного авторитета, первый в России обосновал то направление, которое принято связывать с именем его выдающегося пророка Эдмунда Гуссерля («Прологомены к чистой логике», Ч. I, пер. под редакцией С. Франка, СПб. 1909) и которое сжато можно формулировать как феноменологическое («предметное»). Оно отвергает всякие предпосылки, всякую гносеологию, рассматривает вещи в них самих, вне связи с чем бы то ни было; и единственный, строжайший контроль такого анализа — суд собственной «теоретической совести». Насколько такой новый уклон был могущественен, можно судить по тому, что в области науки о праве он ознаменовался введением в противовес психологическому понятию права (школа Л. Петражицкого) понятие права нормативного, рассматривающего «правость» в образе императива, догмы бытия, а не прирожденной всякому сознанию (главным образом И. А. Ильин). Наиболее выпукло и методологично доктрина «гуссерлианства» была выражена Густавом Шпетом в его книге «Явление и смысл» (Москва, 1914). Отчетная же книга, представленная в мае текущего года в качестве магистерской диссертации, имеет своим объектом рассмотрение истории, как проблемы логики, в свете предметного мышления. Господствующая в наше время философия (интуитивизм и неокантианство) есть философия отрицательная; она не дает благоприятных условий для

разрешения исторической проблемы и понуждает искать иные методы. История, как наука эмпирическая, а равным образом и философия истории, имеют свой предмет в процессе действительности; история занята методами исследования в науке, а логика и методология истории — методами научного изложения. Методологически полезно выделить в качестве переходной стадии от прагматической истории к истории научной стадии истории философской, непосредственно переходящей с одной стороны в науку историю, с другой — в философию истории. Вслед за этими основными положениями автор производит тщательную критику эмпиризма, ничего не давшего, так как он сам являлся проблемой «в широком смысле исторической»; рационализм Вольфа ставил общую проблему исторического познания как проблему познания единичного» и т. д. Наиболее «частную и точную форму» проблема познания находит у Хладениуса, искавшего логически специфического объяснения для исторического процесса. Заканчивается книга критикой Шеллинговского теоретически-принципиального анализа истории. Личные взгляды автора будут развиты во II части. Пишущий эти строки предпочитает уклониться от собственной оценки Шпета, заменив ее «словами официальными», председателя на майском диспуте, назвавшего ее «блестящей и высокополезной».

Вл. Рындзюн

С. 28. ...*После отъезда Е. Д. Зайцевой.* — *Зайцева* Елена Давыдовна (1881 — ?) — переводчица, ученица Шпета по киевской гимназии, впоследствии его друг. «Училась в университетах Берлина и Гейдельберга. В последнем получила степень доктора философии. Диссертация: “William Godwin und die Anfänge des Anarchismus im XVIII. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Geschichte des politischen Individualismus” (Heidelberg, 1907; “Уильям Годвин и начала анархизма в XVIII веке. К истории политического индивидуализма”). Преподавала государственное управление на Пречистенских рабочих курсах в Москве (1917–1918); секретарь Украинского Красного Креста в Берлине (1919–1920); (секретарь Бюро Иностранной науки и техники НТО ВСНХ в Берлине (1920–1922). В 1924 году вернулась в Москву и работала помощником ученого руководителя Отдела истории социализма Института Маркса и Энгельса. В 1926–1927 годах она работала в Отделе комплектования, затем была старшим научным сотрудником Библиографического отдела библиотеки Коммунистической академии в Москве»¹. — В 1910 году Е. Д. Зай-

¹ Благодарю Елену Анатольевну Прибыткову за предоставление биографических сведений о Е. Д. Зайцевой.

цева не только изучила рукописи «Истина, или Истинная система» Л.-М. Дешана, обнаруженные в 1864 году, но и сумела найти ту часть дешановского сочинения, которая считалась потерянной. Скопировав рукописи, Е. Д. Зайцева привезла этот материал в 1920 году на родину, где приступила к его переводу, готовя первое издание сочинения Дешана¹. Е. Д. Зайцева поместила в 1931 году в 21-м томе БСЭ статью о Дешане. — Отец Е. Д. Зайцевой был богат, и в 1915 году она пыталась помочь Шпету найти средства для издания философского журнала. Шпет писал жене 18 июня 1915 года: «Была Лена Зайцева. Завтракали у нас (она, Лев Исаакович и я), обедали у Льва Исааковича. Видеть мне ее очень, очень приятно. Но какой несчастный человек! Ее отец, как... у многих, “обеспечивает” семью и детей! Но в прошлом году умер ее брат, и она теперь одна. Значит, все для нее! Этого всего у него больше 3 миллионов! И так, к 60 годам жизни она станет богатой наследницей... с тем, чтобы написать завещание и отдать эти деньги на благотворительность! Последнее, конечно, не плохо, но плохо, что у нее *жизни нет!* Ее брак предстоявший разрушил он же, ее стремлений он *не хочет* знать и понимать и, например, 40, 50 тысяч на жемчуга он вынимает тотчас и с большим удовольствием, но, вот, она просит 5 тысяч рублей на журнал — сцена! Как его дочь и такой позор!.. Ну, всего не перескажешь, — жалко ее очень! Во всяком случае, *лично* я был очень, очень рад ее видеть! Подчеркиваю, “лично”, потому что в смысле “дела” <философского журнала. — *Т. III.*> все та же неопределенность, а это меня уже начинает раздражать»².

С. 28. ...Так было с Вольфсоном, Лундбергом, Вашей семьей. — **Вольфсон** Марк Карлович (1883–1942) — адвокат, масонский деятель. Муж Давыдовой Эрны Сигизмундовны (ДЭМ), брат А. К. Вольфсона. Окончил юридический факультет Киевского университета. Член партии социалистов-революционеров, участвовал в ее деятельности. Участник мировой войны. В 1920 году эмигрировал в Париж. Примыкал к кадетской партии П. Н. Милюкова. Работал служащим в банке. Занимался продажей картин. Член ложи Северная Звезда (с 1927), в разные годы ее секретарь, эксперт, заместитель делегата на конвент и др. Член-основатель ложи Свободная Россия (1931). В 1942 вместе с женой арестован немцами, депортирован в лагерь Дранси (под Парижем). Погиб в лагере. — **Лундберг**. См. прим. к с. 26. Речь также идет о первой семье Шпета. Первая жена Шпета М. А. **Крестовоздвиженская** (см. прим. к с. 18), его до-

¹ В архиве Е. В. Пастернак хранится машинописный экземпляр этого перевода.

² См.: Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 231–232.

чери: *Шпет* Ленора Густавовна (1904–1976), *Шпет* Маргарита Густавовна (в замужестве Поливанова, 1908–1989).

С. 29. ...*Моя жена также точно обеспокоена.* — *Кистяковская* (урожд. Бернштам; псевд. Верен М. В.) Мария Вильямовна (1869–1932) — литератор, внучка православного философа О. М. Новицкого.

Коонен А., Таиров А. — Шпету Г.

Записка А. Коонен Г. Шпету (без даты) хранится в ОР РГБ 718-24-69. Три открытки Коонен и Таирова — 18 апреля 1930 года, 18 июня 1930 года, <июль–август 1930> — хранятся в семейном архиве Шпета. Записка и открытки публикуются впервые.

Коонен Алиса Георгиевна (1889–1974) — актриса Камерного театра драмы, жена А. Я. Таирова; друг Шпета с киевских времен.

Таиров Александр Яковлевич (1885–1950) — режиссер, основатель Камерного театра.

С. 29. ...*Без даты.* — Листок из блокнота или записной книжки в клеточку. Письмо-записка черными чернилами.

С. 29. ...*Наши друзья Яновицкие очень просят.* — *Яновицкая* Ядвига Юлиановна — подруга А. Коонен и А. Таирова, сотрудница Главпрофобра Наркомата Просвещения РСФСР.

С. 29. ...*18 апреля 1930 года.* — Открытка с видом Кимзее написана А. Г. Коонен. Штемпель: 18 апреля 1930 года, München. Густаву Густавовичу Шпет.

С. 30. ...*Дорогой Густав, шлю тебе привет с Chiemsee, куда попала из Мюнхена на два свободных от спектакля дня.* — Театр гастролировал по следующему маршруту: «через Вену (7–9 апреля), Мюнхен (11–13 апреля, Театр на Гертнерплатц) и Аугсбург (между 14 и 21 апреля) — в Турин (22–27 апреля), Флоренцию (28–30 апреля), Рим (1–4 мая), Милан (6–10 мая)». Цит. по: *Сбоева С. Г.* Таиров. Европа и Америка. Зарубежные гастроли Московского Камерного театра. 1923–1930. М., 2010. С. 304.

С. 30. ...*А. Я. дико устает (он сейчас в Вене). Но вознагражден энтузиазмом публики и «ценителей».* — «В Вене после пятилетней

паузы гостей встретили “как старых знакомых тепло и сердечно”. На сцене Нового венского драматического театра таировская труппа играла три вечера. Утром 9 апреля был дан концерт, в программу которого входили песни из “Оперы нищих” <...> Зрители с неудержимым жаром благодарили русских артистов, удивив нескольких обозревателей своей несдержанностью. Стиль Таирова, известный в Германии и Австрии по предыдущим гастролям, <...> в главном не изменился. “Неузнаваемо изменилась”, утверждал музыковед Пауль Стефан, австрийская публика: она, как никогда в последнее время, “не уставала воздавать аплодисменты, к ним по завершении спектакля присоединились приветственные возгласы в адрес предводителя и руководителя труппы”». Цит. по: *Сбоева С. Г.* Таиров. Европа и Америка. Зарубежные гастроли Московского Камерного театра. 1923–1930. М., 2010. С. 306.

С. 30. ...18 июня 1930 года. — Открытка с видом Брюсселя написана А. Г. Коонен. Штемпель: 18 июня 1930 года, Москва. Густаву Густавовичу Шпет.

С. 30. ...*Перед отплытием в далекую Аргентину шлем тебе привет.* — Гастроли в Аргентине «шли полтора месяца с 23 июля по 7 сентября 1930 года». Цит. по: *Сбоева С. Г.* Таиров. Европа и Америка. Зарубежные гастроли Московского Камерного театра. 1923–1930. М., 2010. С. 391.

С. 30. ...*<июль–август 1930 года>*. — Открытка с видом Буэнос-Айреса написана А. Коонен, приписка — рукой А. Таирова. Датировка — по контексту письма. Уголки оторваны, поэтому текст не везде читается.

С. 31. ...*Открылись «Грозой» с колоссальным успехом. Будем играть здесь месяц и по две недели Монтевидео и Рио-де-Жанейро.* — Рецензент первого спектакля гастролей, «Грозы», писал: «Новый театр был вчера нам показан Таировым. *Новый*, потому что мы дышали воздухом широкого по диапазону, зрелого искусства русского народа, — нам передавалось неоднородное и трагическое дыхание русского искусства, русских обычаев, сложившихся в условиях мощного драматизма минувшего века; *новый*, несмотря на то, что ему уже аплодировали в самых известных европейских театрах; *новый*, абсолютно новый театр для нашей публики, показавший зрелище, полное грандиозного величия и совершенное благодаря взаимодействию всех его элементов. Он был понятен всем, хотя никто не знал русского языка, и не только из-за вы-

разительности своего пластического мастерства, но и благодаря заразительности своего чувства. Давно уже Буэнос-Айрес не помнит приезда такой значительной труппы, столь торжественного спектакля. Этот вечер в Одеоне явил что-то исключительное, стал пиршеством искусства». Цит. по: *Сбоева С. Г.* Таиров. Европа и Америка. Зарубежные гастроли Московского Камерного театра. 1923–1930. М., 2010. С. 391.

Кулидж А. К. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-75. Публикуется впервые. Перевод А. С. Кабанова.

Кулидж (Coolidge) Арчибальд Кери (1866–1928) — американский педагог, профессор истории в Гарвардском Колледже с 1908 года и первый директор Гарвардской университетской библиотеки с 1910 года до самой кончины. Кулидж также был специалистом по международным отношениям, членом Дипломатической Службы США, а также главным редактором политического журнала «Международные отношения».

С 1893 года он преподавал ряд курсов по истории в Гарварде, сначала в качестве преподавателя, с 1899 года как доцент, а в 1908 году он получил должность профессора истории. Кулидж превратил Гарвардский колледж в исследовательский институт. В 1908 году он был назначен членом Совета Гарвардской библиотеки, а в 1909 — стал председателем этого совета. В 1910 году он стал первым директором Гарвардской университетской библиотеки.

Между семестрами, параллельно с работой в Гарварде, Кулидж также добивался карьеры в дипломатической сфере, которая удовлетворяла его интерес в путешествиях, а также развивала его стремление к изучению языков. Он занимал пост секретаря Американской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге (1890–1891), работал частным секретарем Американского министра во Франции (1892), а также занимал пост секретаря Американской дипломатической миссии в Вене (1893).

В 1921 году Кулидж работал в качестве посредника для Американской администрации помощи и помогал в организации гуманитарной помощи для России после голода 1921 года. Именно к этому периоду относится письмо Кулиджа к Шпету, сведений о передаче Шпетом книг Гарвардской библиотеке не обнаружено.

С. 33. ...Вам было бы намного легче продать коллекцию двумя или тремя месяцами позже того времени из-за книги, которую Вы тогда

готовили. — Имеется в виду книга «Очерк развития русской философии» (Ч. I), которую Шпет писал именно во второй половине 1921 года. См.: Письма Г. Г. Шпета к Ф. И. Витязеву-Седенко // Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 475–479.

С. 33. *...Однако я пишу своему другу профессору Гольдеру.* — **Гольдер** (Golder) Франк (1877–1929) родился в России (под Одессой), но еще ребенком был вывезен в Америку. Он хорошо знал русский язык, но это не был его родной язык. Хотя он вырос в очень бедной семье, его учителя и наставники не могли не обратить внимание на его талант и всемерно поощряли его любовь к истории, так что, в конце концов, он смог получить степень доктора в Гарварде, где он специализировался в русской истории под руководством легендарного Арчибальда Кери Кулиджа. Он изучал русскую историю также у Т. Шеймана в 1904 году в его только что основанном семинаре в Берлине и, кажется, был хорошо знаком с дореволюционной российской эмиграцией, обосновавшейся там. Он был неутомимым исследователем и возвращался в Россию для работы с архивами в 1914 и 1917 годах. Прирожденный коллекционер и по интуиции, и по образованию, он уже начал коллекционировать русские художественные плакаты и приобретать копии русских документов, когда в 1920 году он был принят на работу в Гуверовский институт. В том же году Гольдер немедленно отплыл в Европу в надежде, в конце концов, получить визу для въезда в Советскую Россию. Ему удалось завоевать доверие побежденного класса, особенно интеллигенции, но с наименьшим успехом он сотрудничал и с новыми большевистскими органами. Он прибыл в Россию в 1921 году с официальным заданием приобретать документы, относящиеся к российской революции, гражданской войне и большевистскому государству. Будучи очень приятным человеком, Гольдер быстро заключил договор с А. В. Луначарским и М. Н. Покровским о приобретении одной копии всех официальных публикаций Народного комиссариата просвещения. Он неутомимо собирал однодневные и местные газеты. Он уговорил К. Радека подарить архиву один из его документов. Гольдер приезжал в Россию всего пять раз. Не менее ценными, чем его поездки в Россию, отчеты Гольдера о беседах в Париже с П. Б. Струве, П. Н. Милюковым, В. А. Максаквым, А. Ф. Керенским, А. Н. Бенуа. Отчеты Гольдера постоянно читал Герберт Гувер, в то время министр торговли, а также сотрудники министерства иностранных дел США. Бумаги перечисленных выдающихся деятелей русской эмиграции теперь хранятся в Гуверовском институте (см.: War, Revolution and Peace in Russia:

The Passages of Frank Colder, 1914–1927 / ed. by Terence Emmons and Bertrand Patenaude. Stanford: Hoover Institution Press, 1992). Данные приводятся по публикации: *Даниельсон Е.* Архивы русских эмигрантов в Гуверовском институте // Вестник архивиста. 2001. № 1. С. 202–211. Цит. по: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187218>

С. 33. ...*Поскольку Вы в ранние годы перевели одну из работ Уильяма Джемса.* — Имеется в виду книга: *Джемс В.* Вселенная с плюралистической точки зрения / Пер. с англ. Б. Осипова и О. Румера, под ред. Г. Шпета. М., 1911.

Лазарев А. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-24-77. Письмо от 15 мая 1916 года и открытка от 14 июля 1916 года и хранятся в семейном архиве Шпета. Публикуются впервые.

Лазарев Адольф Маркович (1873–1944) — философ, юрист, философ, друг Л. Шестова. Окончил юридический факультет Киевского университета. Участвовал в философском кружке Г. И. Челпанова, где познакомился с Шестовым, Бердяевым, Шпетом. Директор Русского для внешней торговли банка в Киеве. В 1919–1921 читал лекции по философии в Киевском университете. Эмигрировал в Берлин. В 1926 году приехал во Францию, жил в Реймсе, затем в Париже. Член Русского академического союза, выступал на его заседаниях. Читал лекции по философии во Франко-русском институте. Руководил философским семинаром в Русском народном университете. Выступал с докладами в Философском обществе, Религиозно-философской академии. Автор статей о философах, которые были собраны его женой в книгу «*Vie et connaissance*» («Жизнь и познание») и изданы в Париже в 1948.

С. 34. ...*9 мая 1916 года.* — Приложен конверт: Штемпель: 9 мая 1916, Киев; 11 мая 1916, Москва. Заказное, Его Высочайшему Гу-ставу Густавовичу Шпету. Москва, Б. Царицынская, 7.

С. 34. ...*Итак, получил я Ваш солидный, радующий и волнующий меня том.* — Имеется в виду книга Г. Шпета «История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Ч. I. Материалы» (М., 1916)

С. 34. ...*Мне уже приходилось говорить Вам, какой захватывающий интерес представил для меня помещенный в «Вопросах*

философии» отрывок из Вашей книги (ныне глава «Рационализм 18 века»). — Имеется в виду статья: Шпет Г. Г. К истории рационализма XVIII века (отрывок) // Вопросы философии и психологии. 1915. Кн. 126 (I). С. 1–61.

С. 35. *...Мои последние впечатления в этом отношении — Риккерт. Перелистывая книгу, видел, что Вы критикуете его.* — См.: Шпет Г. Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Ч. I. Материалы. М., 1916. С. 51–62.

С. 35. *...Я еще в марте собирался благодарить Вас еще за одно проявление внимания — за любящее своевременное извещение о Чествовании Георгия Ивановича Челпанова.* — Шпет приглашал А. Лазарева участвовать в сборнике: «Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве, 1891–1916. Статьи по философии и психологии» (М., 1916).

С. 35. *...Вчера сообщил мне кузен, что на днях читал в «Русских Ведомостях» о защите Вами диссертации, что диссертация признана блестящей, и т. д.* — В газете сообщалось: «Вчера в университете состоялся диспут Г. Г. Шпета. В качестве диссертации была представлена книга: “История как проблема логики. Часть I. Материалы”. <...> Выступивший первым официальным оппонентом Г. И. Челпанов является и ближайшим учителем диссертанта. Он высказал свою радость, что может теперь и сам поучиться у своего ученика. За работой его он признает чрезвычайно большое значение, и его возражения, довольно существенные, касались преимущественно подробностей работы: невыдержанности плана, излишних подробностей, пропусков, неясностей и т. п. Многого ждали от встречи философа-диссертанта со вторым оппонентом, историком Р. Ю. Виппером, но эти ожидания не вполне оправдались. Оппонент свои возражения направлял главным образом с точки зрения исторической разработки материалов, диссертант же стоял на почве философской обработки понятий. Часто не хватало общего языка. Но крупный интерес работы был признан и этим оппонентом. Третий официальный оппонент, В. Ф. Эрн, сделал ряд замечаний, подчеркнув свою высокую оценку работы диссертанта. Неофициальным оппонентом выступил В. Н. Ивановский. В определении факультета были указаны недостатки работы, те же, что и проф. Челпановым, и подчеркнута и важность и новизна темы, и самостоятельность мышления, и смелость открытого примыкания к рационализму. Защиту диссертации декан назвал блестящей. Присуждение искомой степени магистра было

встречено дружными аплодисментами. Диспут затянулся до 9-ти часов вечера». Диспут Г. Г. Шпета // Русские ведомости. № 107. 10 мая 1916 (вторник). С. 4.

С. 36. ...*Ваш доклад «Я и его собственник» имел удовольствие получить.* — Имеется в виду статья Г. Шпета «Сознание и его собственник», вышедшая отдельным изданием в 1916 году.

С. 36. ...*Писал жене о Вашем предполагаемом приезде и любезном поклоне.* — **Лазарева** Берта Абрамовна (1889—1975) — художница, общественный деятель. Жена А. М. Лазарева. Эмигрировала в Берлин. В 1926 году приехала во Францию. Участвовала в выставке «Рождественский базар» в галерее La Renaissance (1934). Жертвовала свои картины на выставку-продажу русских изделий (1935). Собрала статьи мужа и издала книгу о философах «*Vue et Connnaissance*» («Жизнь и познание») (Париж, 1948).

С. 36. ...*Сердечно поздравляю Вас и Вашу супругу с появлением дочери.* — 31 мая 1916 года — день рождения Марины Густавовны Шпет.

С. 37. ...*21 сентября 1916 года.* — Приложен конверт: Штемпель: 22 сентября 1916 Киев; 24 сентября 1916, Москва. Заказное, Его Высокородию приват-доценту Московского Университета Густаву Густавовичу Шпету. Москва, Б. Царицынская, 7.

С. 37. ...*Очень благодарен Вам за честь, оказываемую мне приглашением сотрудничать в Вашем «Философском Ежегоднике» <...> но статью о Бергсоне я не мог бы Вам предложить.* — Тем не менее, в первом выпуске ежегодника «Мысль и Слово» статья Лазарева о Бергсоне появилась: *Лазарев А. М. Философия Бергсона // Мысль и Слово. Философский ежегодник.* Под ред. Г. Г. Шпета. Вып. I. М., 1917. С. 177—214.

С. 37. ...*Когда я закончу статью и пришлю ее согласно старому обещанию на просмотр Семену Владимировичу, тогда и Вы и Лев Исаакович увидите, что статья для Вас не подойдет.* — Имеются в виду *Лурье* Семен Владимирович — друг Шестова (см. прим. к письму С. Лурье к Г. Шпету) и *Шестов* Л. И. См. прим. к с. 18.

С. 38. ...*У меня даже в мысли готово вступление на тему «Мертвые повелевают» (роман Бласко Ибаньеса).* — Лазарев имеет в виду основную идею Бласко Ибаньеса: «Нет, мертвые не уходят быстро, как поется в народном припеве. Мертвые остаются на своих местах,

за гранью жизни, наблюдая за новыми поколениями и давая им чувствовать власть прошлого сильными душевными потрясениями всякий раз, как те уклоняются от заранее намеченного для них пути.

Какие они тираны! Как безгранично их могущество! Бесполезно закрывать глаза и не думать об этом. Их можно встретить везде, они толпятся на всех дорогах нашей жизни и выходят нам навстречу, принуждая к унижительной признательности. Какое рабство!.. Дом, в котором мы живем, построен мертвыми; ими созданы религии; законы, которым мы повинемся, продиктованы мертвыми, им мы обязаны нашими страстями и вкусами, пищей, которая нас поддерживает, всем, что производит земля, поднятая руками тех, кто ныне обратился в прах. Мораль, обычаи, предрассудки, честь — все это создано ими. Если бы они мыслили иначе, строй современного общества был бы иным. То, что приятно нашим чувствам, стало таким потому, что нравилось мертвым; неприятное и бесполезное отвергается нами по воле тех, кто уже не существует; что нравственно, а что нет — установлено ими столетия тому назад...

Силясь сказать что-либо новое, живые лишь повторяют другими словами то, что мертвые говорили много веков назад. То, что мы считаем проявлением собственной личности и непосредственностью, продиктовано нам учителями, сокрытыми в лоне земли; они же, в свою очередь, переняли урок от других, ранее умерших. В наших глазах сияет душа наших предков, а наши лица воспроизводят и отражают черты исчезнувших поколений». *Бласко Ибаньес В.* Избранные сочинения. В 3 т. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 309–585. Цит. по электронной версии: http://lib.ru/INPROZ/BLASKO/mertwye.txt_with-big-pictures.html

С. 38. ...*Между прочим, в Вашем замечании об élan vital в конце книги Вы напрасно так резки.* — Имеется в виду последний абзац книги Шпета «Явление и смысл»: «Однако, с другой стороны, как ни сильна неудовлетворенность этим “категориальным” пониманием бытия, средства для положительного устранения этой неудовлетворенности применяются не всегда годные. Часто вместо исследования того, чем же не удовлетворяет нас рациональное познание, и следовательно, критического анализа того, что же в рациональном познании не удовлетворительно, составляет ли это неудовлетворительное его сущность, как это и почему, вдруг развенчивается и обесценивается орудие, столько веков верно служившее истине, и, словом, вместо отыскания плохого в нем и исправления, оно целиком забраковывается. Ratio как орудием пользовался Платон, им же пользуются и современные эпигоны других великих умов, — почему же неудовлетворительность это-

го орудия в руках последних должна вести к отрицанию самого орудия? Вместо ответа на этот вопрос мы нередко встречаем провозглашение таких средств, которые и оценке, как средства, не подлежат. И все-таки мы рукоплещем декадентской философии, вызывающей к темным сторонам сознания и направляющейся реабилитировать то, чем человек *не* отличается от скота, и имя *ratio* меркнет в теме инстинкта или *élan vital*... Но пока автору “*Le Rige*” удалось открыть “смешные” стороны рациональной философии, положительная же философия требует и положительных средств, а, как мы хотели здесь показать, эти средства должны быть не только осмысленными, но средствами самого смысла, — самим *разумом*». Шпет Г. Г. Явление и смысл // Шпет Г. Г. Мысль и слово. Избранные труды. М., 2005. С. 179–180. — Примечательно, что на резкость по отношению к Бергсону указывал Шпету и Гуссерль. Об этом пишет Шпет своей жене: «Я перевел и разъяснил ему <Гуссерлю> предисловие, которого он не понимал, и “речь”. Находит, что последнее замечание о Бергсоне слишком резко (последняя страница), где об авторе *Le Rige*». См.: Письмо Г. Г. Шпета к Н. К. Шпет от 24 июня (7 июля) 1914 года // Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 201.

С. 39. ...5 сентября 1917 года. — Приложен конверт: Штемпель: 5 сентября 1917 Киев; 8 сентября 1917, Москва. Заказное, Господину приват-доценту Московского Университета. Густаву Ивановичу Шпету. Москва, Долгоруковская, 17.

С. 39. ...*Давно уже получил Вашу статью и даже давно уже прочел ее.* — Имеется в виду статья «Сознание и его собственник». См. прим. к с. 36.

С. 39. ...*Говорил мне доктор Петровский, со слов Семена Владимировича, что скоро выйдет Ваш сборник.* — Имеется в виду: Мысль и Слово. Философский ежегодник. Под ред. Г. Г. Шпета. Вып. I. М., 1917.

Лурье С. В. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-82. Публикуется впервые.

В ОР РГБ неправильно установлен адресат: Лур. По содержанию письма установлено, что адресатом является Лурье С. В.

Лурье Семен Владимирович (1867–1927) — русский философ, юрист, журналист, публицист, литературный критик и редактор.

Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Сотрудник редакций: журнала «Русская мысль» (В 1908—1911 годах заведовал в нем беллетристическим отделом), газеты «Русские ведомости», философских журналов (1890—1910). Печатался в «Историческом обозрении», «Восходе», «Московском еженедельнике», «Мире искусства» и других изданиях. Эмигрировал в 1919 году во Францию, жил в Париже. Профессор Русского коммерческого института в Париже. Печатался в журналах: «Звено», «Современные записки» и др. Трагически погиб, попав под поезд на Руанском вокзале. Друг Льва Шестова.

С. 39. ...*Я очень жду возможности знать что-нибудь о Вашей работе не с чужих слов (Ваши слова — тоже чужие).* — Речь идет о книге Шпета «Явление и смысл» (М., 1914).

Мазе С. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-25-1. Публикуются впервые.

Мазе Соломон Яковлевич (1900—1994) — сын раввина Я. И. Мазе¹, брат Али Яковлевны Мазе (жена писателя О. Г. Савича). Член Московского Лингвистического кружка, участвовал в работе ряда комиссий (комиссия по изучению художественной формы) философского отделения ГАХН². В конце 1920-х годов эмигрировал в Европу, в начале 1930-х годов обосновался в Германии, но после прихода к власти нацистов уехал в Америку. Преподавал в католическом колледже. В конце 1970-х годов приезжал в Москву, встречался в Б. В. Горнунгом и Е. Б. и Е. В. Пастернаками.

С. 40. ...*25 ноября 1928 года.* — Приложен конверт: Штемпель: 25 ноября 1928, Berlin; 28 ноября 1928, Москва. U.S.S.R. Moskau.

¹ **Мазе** Яков Исаевич (1859—1924) — московский раввин (с 1893), видный общественный деятель. Его портрет, выполненный Л. О. Пастернаком, принадлежал Ф. М. Шапиро, был вывезен в Палестину и экспонировался там в 1932 году. На иврите были изданы воспоминания Я. И. Мазе «Zikhronoth». Т. 1—4 (Тель-Авив, 1936).

² В Бюллетене ГАХН (1926, № 4—5. С. 32) сообщалось: «Доклад С. Я. Мазе о современных течениях в области филологии в Германии представлял из себя информационное сообщение возвратившегося из-за границы докладчика, о связи современных филологических течений с искусством и философией языка. Основной материал, который был привлечен докладчиком, охватывал, главным образом школу Фослера и его учеников. Интересно отметить, что те работы, которые в течение трех лет ведет комиссия по изучению художественной формы при философском отделении ГАХН в значительной степени совпадает по кругу затрагиваемых проблем с теми работами, которые нашли отражение в сборнике *Jahrbuch für Philologie*».

Профессору Густаву Густавовичу Шпет. Москва, ГАХН. Ул. Кропоткина, 32.

С. 40. ...С одной стороны, школа Фосслера и Unger'a-Cysarz'a, с другой стороны, грубый эмпиризм и методологическая неразбериха Panconcelli-Calzia. — **Фосслер** (Vossler) Карл (1872–1949) — немецкий филолог. Учился в университетах Тюбингена, Женева, Страсбурга, Рима, Гейдельберга. Профессор университетов в Гейдельберге (1902), Вюрцбурге (1909–1910), Мюнхене (1911–1937 и 1945–1947), ректор Мюнхенского университета (1946). Основные труды в области изучения духовной культуры романских народов раннего Средневековья, Возрождения, Просвещения и романтизма. Фосслер выступал как теоретик лингвистики, основатель так называемой школы эстетического идеализма (ему принадлежит лозунг «материя — ничто, сознание — все»). Резко полемизировал с представителями младограмматизма. Фосслер считал недостаточным изучение языка как статичной системы, состоящей из звуков, слов, предложений и т. д. Необходимо изучать «дух, живущий в речи», который Фосслер, в отличие от В. фон Гумбольдта, понимал не как «дух народа», а как индивидуальное явление, определяющее творческие способности человека. Творческий характер языка, согласно Фосслеру, проявляется прежде всего в индивидуальных стилях, поэтому одним из основных объектов лингвистического исследования должна быть стилистика, понимаемая как изучение индивидуальных стилей, прежде всего стилей людей, оказавших существенное влияние на развитие языка: писателей, общественных деятелей и др. Фосслер — автор еще одного лозунга: «Сначала стилистика, потом синтаксис». Школа Фосслера внесла вклад в изучение проблем, пограничных между лингвистикой и литературоведением. Разделял взгляды Б. Кропче. Связывал языкознание и литературоведение с философией и историей культуры. Основные теоретические положения изложены в его работах «Позитивизм и идеализм в языкознании» (1904), «Дух и культура в языке» (1925). — **Унгер** (Unger) Рудольф (1876–1942) — немецкий историк литературы, представитель духовно-исторической школы в Германии. Учился в Мюнхенском университете, доктор философии (1902), габилизация (1905) посвящена исследованию теории Дж. Г. Гамана о языке. Профессор Мюнхенского (1911), Базельского (1915–1917), Геттингенского (1925) и других университетов. В своей работе «Философские проблемы новейшего литературоведения» (1908) доказывал, что исследования культурного и исторического контекста написания произведения не должны заслонять постижение духовной или

философской его основы. — **Цизарц** (Cysarz) Герберт (1896–1985) немецкий лингвист. В 1914 году он начал изучать философию, психологию, биологию и физику в Венском университете. Участник Первой мировой войны, 28 сентября 1916 года он был тяжело ранен и потерял левую руку. В 1919 году получил докторскую степень в Вене. Габилизация (1924) по теме: «Немецкая поэзия барокко». В 1926 году назначен экстраординарным профессором. С 1927 года — в Немецком университете в Праге. Во время Второй мировой войны сотрудничал с нацистами (член НСДАП с 1940 года). После войны закончил университетскую карьеру из-за своей политической деятельности, но продолжал научные исследования. — **Панкончелли-Кальция** (Panconcelli-Calzia) Джулио Эдмондо (1878–1966) — фонетист, директор фонетической лаборатории Гамбургского ун-та, сконструировал искусственную гортань и голосовые связки для киноисследований. — Мазе имеет в виду издание: *Panconcelli-Calzia G. Die Experimentelle Phonetik in ihrer Anwendung auf die Sprachwissenschaft. Brl., 1924.*

С. 40–41. ...*Об этом я сужу по книге того же Meillet Linguistique historique et linguistique générale.* — **Меилле** (Meillet) Антуан (1866–1936) — французский лингвист. Член Академии надписей (1924), многих иностранных академий и обществ, в том числе член-корреспондент Петербургской Академии наук (1906); секретарь Парижского лингвистического общества (с 1906). Труды по сравнительно-историческому языкознанию, индоевропеистике (в том числе индоевропейской метрике), латинскому и греческому языкам, славистике, иранистике, арменистике; интенсивная педагогическая деятельность. — Мазе имеет в виду книгу: *Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1921; 2-е изд. 1926–1936.*

С. 41. ...*А также из разговоров с Романом Осиповичем, который был здесь в течение нескольких дней.* — **Яacobсон** Роман Осипович (1896–1982) — русский филолог, один из крупнейших лингвистов XX века, оказавший влияние на развитие гуманитарных наук не только своими новаторскими идеями, но и активной организаторской деятельностью. Председатель Московского лингвистического кружка. Труды по общей теории языка, фонологии, морфологии, грамматике, русскому языку, русской литературе, поэтике, славистике, психолингвистике, семиотике и многим другим областям гуманитарного знания.

С. 41. ...*В ответ на мое замечание, что так, как он, о фонемах говорил Бодуэн, Р. О. обязательно хотел, чтобы так говорил только де-*

Соссюр и чтобы он был учеником де-Соссюра. — **Бодуэн де Куртенэ** Иван Александрович (Ян Игнаций; 1845–1929) — русский и польский лингвист. Бодуэн де Куртенэ был одним из самых влиятельных лингвистов России конца XIX — начала XX века. Многие его идеи значительно опередили свое время; весьма распространен взгляд на него как на своего рода «восточноевропейского Соссюра», чему способствовала его роль в создании фонологии — одного из самых «структуралистских» разделов науки о языке. Идеи Бодуэна разбросаны по многочисленным небольшим статьям, затрагивающим разнообразнейшие проблемы лингвистики, прежде всего общего языкознания и славистики; следует отметить, что популяризации этих идей весьма способствовала деятельность таких ученых, как Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой, Е. Курилович. — **Соссюр** (Saussure) Фердинанд де (1857–1913) — швейцарский лингвист, один из основоположников современной лингвистической науки, а также структурализма как научной идеологии и методологии. Теоретические труды Соссюра ознаменовали поворот лингвистики от исторического и сравнительного изучения языков в их развитии (т. е. диахронии) к анализу языковой синхронии, т. е. структуры конкретного языка в определенный момент времени. Соссюр последовательно разграничил синхронический и диахронический подходы к языку. Его методологические установки играли определяющую роль в лингвистических исследованиях на протяжении почти всего XX века.

С. 41. ...*Р. О. был злобно настроен против Москвы, против Вас, против нас.* — В это же время между Шпетом и Якобсоном шла деловая и вполне дружеская переписка. Якобсон приглашал Шпета к участию в «Славише Рундшау» и на Лингвистический конгресс 1933 года. См.: Письма Р. О. Якобсона Г. Г. Шпету и Г. И. Винокуру // Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 502–506.

С. 41. ...*В этом отношении замечателен отчет о лингвистическом конгрессе Leo Spitzer'a.* — **Шпитцер** (Spitzer) Лео (1887–1960) — австрийский филолог. Учился в университетах Вены, Парижа, Рима, Лейпцига. Профессор университетов в Бонне (1922), Марбурге (1925), Кёльне (1930). В 1933 году эмигрировал из фашистской Германии. Работал в университете Стамбула (1933), в 1936–1956 профессор университета в Балтиморе (США). Находился под влиянием школы К. Фосслера. Основные труды в области стилистики литературы на романских языках, особенно на французском и испанском, а также работы в различных областях романского языкознания.

С. 41. ...*Русские, которые были на конгрессе (сиречь Трубецкой).* — **Трубецкой** Николай Сергеевич (1890–1938) — лингвист, историк языка, славист, теоретик структурализма, активный деятель Московского лингвистического кружка, один из идеологов и основателей Пражской фонологической школы.

С. 41. ...*Тынянов, который здесь лечится, сделал на меня почти аналогичное впечатление, как и Р. О.* — **Тынянов** Юрий Николаевич (1894–1943) — прозаик, литературовед, критик, переводчик. В 1918 году вступил в общество по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ), познакомился с В. Б. Шкловским и Б. М. Эйхенбаумом, вместе с которыми впоследствии создал так называемый «формальный метод», определивший развитие отечественного и мирового литературоведения в XX в.

С. 41. ...*Григорий Осипович передал мне с Ваших слов о новой книге по истории герменевтики.* — **Винокур** Григорий Осипович (1896–1947) — филолог, профессор МГУ (с 1942). Участвовал в работе Московской диалектологической комиссии. Один из создателей Московского лингвистического кружка, в 1922–1923 его председатель. В 1920 году прервал обучение и работал переводчиком Бюро печати советских полпредств в Эстонии и Латвии. В 1922 — вернулся в Москву и закончил университет. Работал переводчиком-редактором в ТАСС. В 1923–1924 входил в ЛЕФ, но порвал с группой. Попал под влияние идей Шпета, выпустил в ГАХН свои первые книги («Биография и культура», М. 1927). — Имеется в виду книга В. Дильтея «Построение исторического мира в науках о духе» («Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften», 1927).

С. 42. ...*8 сентября 1931 года.* — Приложен конверт: Штемпели: 19 сентября 1931 года, Marienbad; 23 сентября 1931 года, Москва. N.d.S.S.R. Moskau. Густаву Густавовичу Шпет. Москва 9, Брюсовский пер. 16, кв. 17. S. Masé. zZ. Marienbad, Bergmeier.

С. 42. ...*Вчерашний день я получил письмо от Льва Викторовича Берман.* — Имеется в виду **Берман** Лев Викторович — преподаватель по классу фортепиано. См.: РГАЛИ. Фонд Государственного Академического Большого театра (ГАБТ) 648-1-290.

С. 42. ...*Очень жалко, что я опоздал со «Внутренней формой», на которую, как узнаю из письма Льва Викторовича, авторизацию имеет Шор.* — **Шор** Евсей Давидович (1891–1974) — журна-

лист, педагог, музыкальный деятель. В 1910 году окончил гимназию, в то же время обучался игре на фортепиано у отца. В 1911–1918 годах работал в Институте имени Бетховена (с 1917 года — профессор). В 1918 г. работал секретарем художественной коллегии отдела изобразительных искусств Наркомпроса. Ученый секретарь физико-психологического отделения, член правления и член-корреспондент РАХН (1921–1922). В 1922 году уехал за границу. С 1923 по 1930 год Шор был постоянным слушателем Э. Гуссерля во Фрейбурге¹, готовя одновременно свою философскую диссертацию о Г. Зиммеле. Затем он жил в Берлине и Дрездене, время от времени выезжая по академическим и литературным делам во Францию, Италию и Швейцарию. Но в 1934 году был вынужден эмигрировать из Германии сначала в Италию, а затем в Палестину. Занимался активной публицистической и общественно-музыкальной деятельностью. — Прежде чем переводить «Внутреннюю форму слова» Шпета Е. Д. Шор посоветовался с Д. И. Чижевским и получил от него отрицательный отзыв об этой книге². Чижевский посоветовал Шору перевести статью Шпета «Скептик и его душа». Шор последовал его совету, перевел «Скептика» и послал перевод с сопроводительным письмом Гуссерлю. См.: Янцен В. В. Российские ученики Э. Гуссерля из фрейбургской «Святой общины». Фрагменты переписки Д. И. Чижевского и Е. Д. Шора // Логос. 2006. № 1 (52). С. 144–145.

Михалчев Д. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-25-5. Публикуются впервые. Перевод с болгарского под ред. проф. И. Петрова (г. Шумен, Болгария).

Михалчев Димитр (1880 —1967) — один из наиболее влиятельных болгарских философов XX века. Член Болгарской Академии Наук. Последователь немецкого философа Й. Ремке, профессора философии в Грейфсвальде.

С. 44. ...*Недавно из редакции русского журнала «Логос» мне общили, что моя книга передана господину Райнову.* — **Райнов.** См. прим. к письмам Райнова.

¹ См.: Шор Е. Д. Письма Г. Г. Шпету и неизвестному парижскому корреспонденту. Публикация и коммент. Владимира Янцена // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания / Ред. колл. В. А. Лекторский, Л. А. Микешина, Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина. М., 2006. С. 403.

² Янцен В. В. Д. И. Чижевский, Е. Д. Шор и Г. Г. Шпет // Там же. С. 360–361.

С. 45. ...Хотел бы у Вас спросить, не затруднит ли редакцию московского журнала и в частности профессора Лопатина передать мою работу кому-нибудь на рецензирование? — **Лопатин** Лев Михайлович (1855—1920) — философ. После окончания Московского университета был оставлен при кафедре философии для подготовки к профессорскому званию. С 1885 — приват-доцент, а с 1892 — экстраординарный профессор университета. Защитил в 1886 магистерскую и в 1891 докторскую диссертации. С 1894 — соредактор журнала «Вопросы философии и психологии». С 1899 — председатель Московского психологического общества. Основной философский труд Лопатина — «Положительные задачи философии», в который вошли его магистерская («Область умозрительных вопросов») и докторская («Закон причинной связи как основа умозрительного знания действительности») диссертации. Среди наиболее серьезных работ Лопатина — «Вопрос о свободе воли» (1889), «Критика эмпирических начал нравственности» (1890), «Научное мировоззрение и философия» (1903), «Настоящее и будущее философии» (1910), «Спиритуализм как монистическая система философии» (1912).

С. 45. ...Вы, Густав Иванович, специально излагали проблему причинного отношения у Юма и Канта. — Имеется в виду книга: *Шпет Г. Г.* Проблема причинности у Юма и Канта. Ответил ли Кант на сомнения Юма. Киев, 1907.

С. 45. ...Ив. Н. Гюзелев бывший министр народного просвещения в Болгарии, автор нескольких болгарских книг по философии. — **Гюзелев** Иван (1844—1916) — болгарский математик и философ. Министр просвещения (с 1880). Окончил физико-математический факультет Новороссийского университета (1871). По возвращении в Болгарию занимался математикой и философией.

Муратов П. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-25-8. Публикуются впервые.

Муратов Павел Павлович (1881—1950) — писатель. Воспитывался в кадетском корпусе, учился в Институте путей сообщения в Петербурге, в 1904—1905 — артиллерийский офицер. После путешествия за границу (1905—1906) поступил на службу в Румянцевский музей (до 1914). Его первые публикации — отчеты о выставках: «Письмо из Лондона» (1906—1907); «Парижские весенние выставки» (1906). Дружил с Б. Зайцевым, В. Ходасевичем, Н. Берберовой, художником Н. П. Ульяновым. Начал печататься в 1906 году. Со-

трудничал в журналах «Весы», «Старые годы», издавал журнал «София» (1914). С 1922 — в эмиграции. Выступал преимущественно как искусствовед по вопросам классической и современной живописи. Наиболее значительный труд Муратова — «Образы Италии» (Т. 1–2, 1911–1912, полное изд.: Т. 1–3, Берлин, 1924).

С. 46. ...*Киевской газеты «Свобода и право».* — Свобода и право. Ежедневная политическая, экономическая и литературная газета. С № 2 второй подзаг. — Направление газеты конституционно-демократическое. Киев. 1906. Ред.-изд. И. В. Лучицкий, проф., В. П. Науменко; с № 45 ред. И. В. Лучицкий и М. А. Славинский; с № 46 М. А. Славинский. 1906 № 1 (3-1) — последний № 57 (1-III). Определением Киевской судебной палаты издание приостановлено.

С. 46. ...*Примите уверения и привет от Жени.* — Неустановленное лицо.

С. 47. ...*В конце апреля по русскому стилю я послал в «Свободную Мысль» корреспонденцию.* — «Свободная мысль» (Ранее: «Свобода и право») ежедневная общественная, политическая, экономическая и литературная газета. Газета проводит программу партии народной свободы. Киев. 1906. Ред.-изд. М. А. Славинский; с № 24 ред. Г. И. Коровицкий. 1906 № 1 (5-III) — последний № 48 (23-IV).

Нечипорович Н. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-12. Публикуется впервые.

Нечипорович Николай — вероятно, бывший студент, учившийся у Г. Г. Шпета и посещавший заседания Московского литературно-художественного кружка.

С. 48. ...*Сейчас мне очень вспоминается заседание литературно-художественного кружка, когда г. Философов делал доклад о вредности Льва Шестова.* — Имеется в виду заседание Московского литературно-художественного кружка зимой 1909 года. Находясь во Фрейбурге Шестов писал С. Г. Пети: «Без меня в России Мережковский с Философовым пошли против меня походом. Подняли шум чуть ли не на всю Россию. Они устроили реферат (Философов) в Москве с участием Мережковского. Философов и Мережковский заявили публично, что я отравил молодежь в России и что я опаснейший человек, что я — волк в овечьей шкуре» (7.02.1909). Цит. по: *Баранова-Шестова Н. Л. Жизнь Льва Шестова.* В 2 т. Т. I. Paris, 1983. С. 101.

С. 48. ...*Мне тогда было весело: вспоминалось мнение профессора из «скучной истории» Чехова о Русском пессимизме: идей таких у нас нет и думать-то мы не привыкли, не умеем, а вот нелепица, неприглядность жизни отражается в душе тяжелым, гнетущим впечатлением, сковывающим душу.* — *«Я думаю, долго думаю и ничего не могу еще придумать. И сколько бы я ни думал и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что в моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного. В моем пристрастии к науке, в моем желании жить, в этом сиденье на чужой кровати и в стремлении познать самого себя, во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всем, нет чего-то общего, что связывало бы все это в одно целое. Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинках, которые рисует мое воображение, даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей, или богом живого человека».* Чехов А. П. Скучная история. Цит. по электронной версии: <<http://lib.ru/LITRA/СHEHOW/skuka.txt>>.

С. 49. ...*Интересующиеся подробностями могут найти их в книге Аррениуса «Образование миров» именно глава «Панспермизм».* — **Аррениус** (Arrhenius) Сванте Август (1859–1927) — шведский химик, нобелевский лауреат 1903 года. В 1884 году разработал основные положения теории электролитической диссоциации. Аррениус проводил исследования во многих областях науки: опубликовал статью о шаровых молниях (1883), изучал влияние солнечной радиации на атмосферу, искал объяснение ледниковым периодам, северному полярному сиянию, солнечной короне и вулканической активности. В 1901 году вместе с несколькими своими коллегами он подтвердил гипотезу английского физика Джеймса Клерка Максвелла, что космическая радиация оказывает давление на частицы. Он предложил идею переноса спор и семян в космосе благодаря давлению света. Кроме того, Аррениус проводил исследования в области иммунохимии. Основные труды в русском переводе: «Современная теория состава электролитических растворов» (СПб., 1890), «Физика неба» (Одесса, 1905), «Образование миров» (Одесса, 1908), «Представление о мироздании на протяжении веков» (М., 1911) и др.

С. 50–51. ...*Заигрывание с Вами кокетливой Изелины, очень заманчиво обрисованной Гамсуном в его «Пане».* — **Гамсун** Кнут (псевдоним; настоящая фамилия Педерсен, 1859–1952), норвежский писатель, лауреат Нобелевской премии 1920 года (книга «Соки земли», 1917). Литературную деятельность начал в 1877 году. Успех Гамсуну принесла психологическая повесть «Голод» (1890, рус.

пер. 1892). В романах «Мистерии» (1892, рус. пер. 1910), «Пан» (1894, рус. пер. 1901), «Виктория» (1898, рус. пер. 1904) звучат неоромантические мотивы. Герои этих романов следуют непосредственным порывам своей противоречивой натуры. Гамсун мастерски изображает их сложную душевную жизнь.

С. 51. ...*Ну, там же, на Курсах я узнал.* — Имеется в виду Шелупинский институт. См. прим. к с. 17–18.

С. 51. ...*Трифон Федорович Богданов.* — Неустановленное лицо.

С. 53. ...*Норденшельд предложил даже теории образования Земли из метеоритов.* — **Норденшельд** Нильс Адольф Эрик (Nordenskiöld, 1832–1901) — шведский (финский) геолог и географ, исследователь Арктики, мореплаватель, историко-картограф. Известен тем, что первым прошел в 1878–1879 годах по Северному морскому пути из Атлантики в Тихий океан. В 1870 году Норденшельд отправился в Гренландию, имея целью пересечь льды острова от одного берега до другого. Специалисты по Гренландии считали этот план неосуществимым. К тому времени еще не было надежных доказательств того, что Гренландия покрыта вечными льдами, и Норденшельд, обычно готовый прислушиваться к различным самым смелым гипотезам, принадлежал к тем, кто считали возможным, что внутренние части острова могут быть покрыты лесами. Норденшельду удалось продвинуться на 56 километров от Годтоба вглубь острова по леднику, покрытому глубокими трещинами. В ходе экспедиции проводились естественнонаучные наблюдения, а на острове Диско и мысе Нагусау были собраны окаменелости растений. Особенно Норденшельда интересовали выходы базальтов, и он высказывал предположение об их метеоритном происхождении. Норденшельд собрал коллекцию метеоритов, и в своих более поздних исследованиях по минералогии пытался объяснить происхождение так называемых огненных шаров (болидов) и космической пыли.

С. 53. ...*Так что мы, по выражению Владимира Михайловича Цебрикова, являемся гражданами неба.* — **Цебриков** Владимир Михайлович (23 мая (4 июня) 1867 — ?) — палеонтолог, геолог, хранитель Геологического музея (1902–1905). В 1901–1903 годах сотрудник Геолкома. В 1890–1911, а также в 1917–1920 годах — приват-доцент Московского университета.

С. 53. ...*Это был весенний день белого цветка.* — В дореволюционной России существовала Всероссийская лига борьбы с тубер-

кулезом. Эта организация 20 апреля 1911 года впервые провела День белой ромашки. Впоследствии именно ромашка как символ чистого дыхания стала эмблемой борьбы с туберкулезом. В этот день медики читали публичные лекции о туберкулезе и раздавали брошюры и листовки. Для сбора денежных средств больным туберкулезом на улицах продавали искусственные белые цветы — они и дали название акции.

С. 54. ...*За год перед тем застрелившегося Грибова.* — Вероятно, Нечипорович имеет в виду нашумевшее в 1910 году тройное самоубийство: «Самоубийства. 30 октября в начале 10 часа вечера, жившая в собственном доме по Чудовскому пер., в Хамовниках дворянка Ольга Васильевна Грибова, урожденная Ясюнинская и близкая родственница Рябушинских, узнав по телефону о застрелившемся в доме Лопатиной по Большой Никитской улице сыне действ. ст. советника Николае Михайловиче Журавлеве, 24 лет, несмотря на увещевания подруг, застрелилась из браунинга в своей спальне. 31 октября в 9 часу утра у себя на квартире в доме Михайлова по Б. Дмитровке популярный в Москве спортсмен и богатый человек пайщик Художественного театра, основатель кабаре «Летучая мышь», Николай Лазаревич Тарасов, 28 лет, узнав из утренних газет о застрелившейся О. В. Грибовой, схватил из-под подушки револьвер и тоже застрелился. Пуля пронзила сердце. Покойный никаких записок не оставил». Петербургская газета 15 (2) ноября 1910 года. Цит. по электронной версии: <<http://сокуренько.рф/archive.php?y=1910&m=11&d=15>>.

Панебратцев Ю. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-16. Публикуется впервые.

Панебратцев Юрий Михайлович — сотрудник Книжной палаты, состоял в Партии левых социалистов-революционеров. В 1930—1931 году общался с Н. А. Бердяевым. См. РГАЛИ 1496-1-662.

В письме Панебратцев описывает в следующих выражениях свою статью, которую он послал Шпету:

1) «Я решился все-таки еще раз беспокоить Вас: присылкой моей статьи». Следовательно, текст ее мог сохраниться в архиве Шпета.

2) «Вы дали мне совет, сделать попытку их феноменологического описания и анализа». Следовательно, текст статьи будет иметь феноменологический характер.

3) «Все же может быть и он не был бы написан, если бы не случайное прочтение “Фэдона”». Следовательно, в статье должна

идти речь о «Фэдоне» (именно в такой транскрипции), или хотя бы упоминаться должен Фэдон.

4) «Я сам все-таки не уверен, можно ли назвать его “феноменологическим очерком” и в каком смысле». Кавычки указывают, что в названии текста должны быть слова «феноменологический очерк».

В архиве Шпета был обнаружен анонимный текст под названием «Ступени сознания в его отношении к смерти и бессмертию. Феноменологический очерк» (ОР РГБ 718-27-14). Исходя из приведенных выше посылок я делаю вывод о том, что *анонимный текст был написан Панебратцевым Юрием Михайловичем в ноябре 1932 года*.

Однако этот текст 12 лет назад был опубликован под именем [Г. Э. Ланца]. См.: Антология феноменологической философии в России. Т. II. Под ред И. М. Чубарова. М., 2000. С. 377–392. Основываясь только на гипотетической логической преемственности статьи Ланца «Вопросы и проблемы бессмертия»¹ со статьей анонимного автора, А. А. Самойкина сделала вывод о том, что текст «Ступени сознания в его отношении к смерти и бессмертию. Феноменологический очерк» «органически вписывается в его <Ланца> творчество, являясь продолжением философской линии, заданной в его более ранней статье “Вопросы и проблемы бессмертия”»² и принадлежит перу Ланца.

Приведу только начало и конец данной статьи для подтверждения моей гипотезы.

<Панебратцев Юрий Михайлович>

Ступени сознания в его отношении к смерти и бессмертию Феноменологический очерк»

«Те, кто искренне привержены философии, занимаются только одним умиранием и смертью».

(Фэдон)

1

§ 1. *Задача исследования*: анализ отношения человеческого сознания к смерти и бессмертию на различных ступенях развития сознания.

¹ Ланц Г. Э. Вопросы и проблемы бессмертия // Логос. 1913. № 3–4. С. 249–267.

² Самойкина А. А. Метаморфозы феноменологии Гуссерля в столкновении с дискурсами русской философии начала XX века // Антология феноменологической философии в России. Т. II. Под ред И. М. Чубарова. М., 2000. С. 375.

Метод: чистое описание состояний сознания в специфическом разрезе отношения к смерти, их необходимом движении от простейшего и непосредственного к более сложному и опосредованному.

§ 2. Исходный пункт: примитивное обыденное сознание. Для него смерть является «обычным явлением». Жизнь берется в ее непосредственной наличности, как данный сознанию факт, и принимается бессмысленно и бездумно. Сознание утопает в житейской данности, в поверхностном течении жизни. Отношение к смерти характеризуется тупым равнодушием, переходящим, однако, в животный инстинктивный страх при приближении ее. Предпосылкой такого отношения к смерти является, с одной стороны — слабое развитие самосознания я, субъекта, — с другой — ощущение своего животного я, инстинкт самосохранения. Сознание еще тонет в роде, в чисто стихийном и бессознательном процессе жизни. Но библейский инстинкт самосохранения выражается в неясном, стихийном чувстве ужаса, возникающем при резких нарушениях обычного хода жизни (болезнь, смерть близких и т. п.).

Жизнь сознания ограничивается только поверхностью его, непосредственными эмоциями, житейскими расчетами, привычками.

При дальнейшем развитии сознания примитивное сознание раздваивается: с одной стороны, возникает позитивизм как идеологическое завершение безразличного отношения к смерти, как «обычному явлению», с другой — чувственный пессимизм, несчастное сознание, как завершение животного страха смерти. Оба указанных состояния сознания относятся еще целиком к первой его ступени.

А) Позитивизм. — Формула позитивизма: «довольствуйся данным миром», т. е. наличным миром сознания. Сознанию ставятся твердые границы. Смерть объявляется «научным фактом», неизбежностью, безразличным объектом исследования, наряду с иными фактами жизни. Всякая попытка более углубленного отношения к смерти встречает непонимание. При высокой степени интеллектуально-рассудочного развития, сознание на данной ступени отличается некоторой примитивной тупостью в вопросе о смерти: оно не в состоянии выйти за пределы наличной эмпирической данности. Для данного сознания вопрос о смерти в его истинной форме еще не стоит, благодаря крайне слабому развитию внутренней жизни сознания, самосознания.

В) Несчастное сознание. — Выход за пределы позитивизма возможен для сознания лишь путем толчка, внутренней катастрофы. В обычном течении жизни обнаруживаются провалы, перерывы, черные пятна, — выбивающие позитивистическое сознание из его обычной колеи и ставящие его перед лицом тайны.

Бездумно-оптимистический взгляд на мир заменяется безнадежно-тоскливым. Смерть является, как черная яма, поглощающая все живое. Сознание охватывается произвольным ощущением ужаса, вначале интенсивным, близким к отчаянию, затем слабеющим, но составляющим задний темный фон всей жизни. Сознание напряженно ищет выхода из возникшего противоречия, мешающего жить. На данной ступени для сознания возможен тройкий выход:

1) Эпикурейский пессимизм: «будем есть, пить и веселиться, потому что все равно умрем»; эта точка зрения остается целиком в рамках чувственно-эгоистического сознания, а потому есть ложный выход; болезнь, старость и др. внешние события жизни делают невозможной эту точку зрения; из нее возможны два выхода: или самоубийство, жажда смерти, т. е. чисто патологическое состояние сознания, или попытка преодолеть чувственное сознание, расширив его границы;

2) коллективизм: первая попытка выйти за пределы обиденного сознания, — еще целиком остается на его почве; когда попытка «залить вином» ужас смерти окончилась неудачей — возникает новая попытка: преодолеть этот ужас перенесением своих интересов во вне, работой на благо коллектива, растворением индивидуальной жизни в коллективной; «живи в целом!» — и ты никогда не умрешь в памяти рода; на почве таких рассуждений создаются всевозможные суррогаты бессмертия; они рушатся при малейшем движении сознания вперед: коллектив становится Молохом, пожирающим индивидуальные жизни, самое же бессмертие коллектива оказывается ложным: сумма нолей может дать только ноль, из бесконечного ряда смертей не может возникнуть вечность жизни;

3) разуверившись в «коллективном бессмертии», сознание вновь обращается на себя и, оставаясь чувственным, стремится преодолеть страх смерти верой в лично-чувственное бессмертие; эта вера может принимать двоякую форму: или веры в посмертное существование чувственного сознания, и тогда оно ищет подтверждения этой веры в спиритизме и проч. чудесах, ничего не доказывающих, подобно иным случайным физическим явлениям и путающим духовное с чувственным; — или же веры в победу над физической смертью путем научного прогресса и достижения физического индивидуального земного бессмертия; но последнее, откладывая разрешение вопроса в отдаленное будущее, не может удовлетворить настойчивых требований чувственного сознания *для себя* найти бессмертие.

Чувственное сознание бессильно своими средствами преодолеть страх смерти и должно подняться на высшую ступень, где ему надлежит пройти те же фазы развития.

<...>

6) — Шестая предпосылка философии — абсолютная достоверность ее истин, имеющая форму научности. Философия есть строгая наука. Форма научности характеризуется единством и строгой систематической завершенностью знания; т.е. выведением всей системы из единого принципа, причем этот принцип, полагаемый вначале, как «требование, постулат, — в конце системы является, как ее завершение, оправданное непрерывным движением знания»¹.

Философия не признает «самоочевидных» истин, гипотез, неоправданных верований. Иррационализм с его скачками и произвольными интуициями столь же далек от философии, как и эмпиризм и плоский рационализм. Философия насквозь рациональна. Она начинается с прыжка, но не в рациональную тьму, а из области рассудка в область разума. Философия не удовлетворяется знанием случайным и относительным. Она есть точное знание.

7) — Седьмая предпосылка философии — признание Истины, как цели философского познания. Истина — не только цель, но и предмет философии. Истина есть бытие, сущее в его единстве, в то же время она есть само знание, поскольку знание совпадает с бытием в своей глубине. Знание, как совпадающее с истиной есть сама жизнь, именно жизнь вечная. Знание — есть знание Смысла, а потому его смысл в нем самом.

Истина есть Смысл знания. Когда философия утверждает смысл знания в самом знании, то это не означает эстетического любования процессом познания, вроде пересыпания груды драгоценных камней. Знание не есть игра в обыденном смысле этого слова, как праздная забава досужего сознания. Если оно и игра, то «игра Премудрости перед лицом Божиим». Знание есть сама жизнь в ее единстве, не отвлеченное рассудочное познание, но целостное разумное знание, охватывающее все сущее. Это и есть ты, София, любовь к которой и проникновение в которую и есть философия. Этим разрешается также вопрос о том, имеет ли философия свой особый предмет. Предметом философии является все то, что является предметом и всех прочих наук, — но все есть ее предмет с особой, внутренней своей стороны, со стороны смысла, взятое в его идее. Философия есть завершение и синтез всех наук, но вместе с тем и их основание. Она есть «основная наука», вскрывающая подлинный смысл всех частных наук. Таким образом, философия, начавшая с отвлечения от жизни как обыденной действительности, вновь возвращается к ней, освещая ее

---

¹ Кавычка в тексте не закрывается. — Т. III.

всю изнутри чистым смысловым светом, в котором находят свое место все ее стороны, до злободневных политических программ включительно.

* * *

В заключение приходится опять вернуться к началу. Для всякого начинающего философствовать философия сначала является как любовь к знанию и искание его. Это ступень ученичества. Дальше — философия становится напряженным «духовным делом», отыскиванием среди многих путей и мнений единственно истинного пути к истине. Здесь является ясное понимание того, что «многознание не приносит пользу уму», но не потому, чтобы «во многом знании было много печали», — философа не страшит печаль, а потому, что «философствовать следует не от книг и чужих идей, а от самого предмета». То есть мы вновь приходим к свободе мысли, как первой предпосылке философствования¹. На этой переходной ступени философия «из любви к знанию становится, наконец, действительным знанием» (Тегель), которому должно учиться. За этой ступенью следует высшая — знающего, мастера, для которого философия есть содержание жизни, мастерство, которым он владеет в совершенстве.

Райнов Т. — Шпету Г.

Письма (6 октября 1921 года, а не 1924, как указано у архивистов и в первых публикациях, и 13 ноября 1927 года) и Curriculum vitae Т. И. Райнова хранятся в ОР РГБ 718-25-23. Публикуются по рукописным оригиналам.

Письмо Г. Г. Шпета от 20 ноября 1927 года хранится в ОР РГБ 441-15-89.

Впервые эта переписка была опубликована Н. К. Гаврюшиным: Из переписки Т. И. Райнова с Дж. Сартоном и Г. Г. Шпетом // Памятники науки и техники. 1986. М., 1987. С. 203–219.

Републикована: *Гаврюшин Н. К.* Райнов и ГАХН. Приложение: Т. И. Райнов и Г. Г. Шпет: переписка о «внутренней форме слова» // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2006–2007. М., 2009. С. 127–139.

Письмо Райнова Т. И. к Шпету Г. Г. от 22 января 1922 года хранится в семейном архиве. Публикуется впервые.

---

¹ «Вовсе не заботьтесь о Сократе, но заботьтесь гораздо более об истине. Если найдете мои слова справедливыми, соглашайтесь со мною; в противном случае — всяческими доводами опровергайте меня» («Фэдон»).

Райнов Тимофей Иванович (1888–1958) — философ, литературовед. Учился в Политехническом институте, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Занимался в семинарии А. С. Лаппо-Данилевского, а также психологией творчества у Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Участвовал в сборниках, объединявших последователей А. А. Потебни, — «Вопросы теории и психологии творчества». Опубликовал в «Вестнике Европы» (1916, 1917) рецензии на книгу Шпета «История как проблема логики. Ч. I.» и на сборник «Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве».

«Большую часть жизни Т. И. Райнов работал в центральных научных библиотеках Москвы. С мая 1923 до начала 1936 года и с января 1948 по март 1956 года в ФБОН АН СССР (первоначально — Библиотека социалистической академии), с октября 1936 по апрель 1939 года он консультирует Научную библиотеку МГУ, с июля по октябрь 1941 года работал главным библиотекарем ГБЛ. В ноябре 1941 года Т. И. Райнов был эвакуирован в Свердловск, где вел работу над первым томом «Научного наследия» по заданию президента АН СССР академика В. Л. Комарова. С 1942 по 1948 год Т. И. Райнов работает в Институте востоковедения АН СССР, сначала в Ташкенте, а затем в Москве. Непосредственно сотрудничать с научными учреждениями, занимающимися историей науки и техники, Т. И. Райнову довелось сравнительно недолго: в 1936 году он работает референтом журнала «Социалистическая реконструкция и наука», затем до марта 1938 году в Институте истории науки и техники АН СССР, а в 1945–1946 годах он сотрудничает по совместительству во вновь созданном Институте истории естествознания АН СССР». Данные приведены по изд.: *Гаврюшин Н. К.* К изучению рукописного наследия Т. И. Райнова // Памятники науки и техники. 1986. М., 1986. С. 170–171.

Основные труды Т. И. Райнова: Теория искусства Канта в связи с его теорией науки (Вопросы теории и психологии творчества. Т. VI. Вып. I. Харьков, 1915); «Обрыв» Гончарова как художественное целое (Там же. Т. VII. Харьков, 1916); Духовный путь Тютчева (Пг., 1923); А. А. Потебня (Пг., 1924); Эстетика Толстого и его искусство (Эстетика Толстого. М.: ГАХН, 1929 и др.

С. 57. ...*Прилагая при сем Curriculum vitae, прошу Вас — если состоится мое избрание — сообщить мне о нем.* — Вероятно, Т. И. Райнов подавал заявление о принятии в качестве сотрудника Института научной философии, директором которого в то время был Г. Шпет. Соответствующие заявления принимались до

15 ноября 1921 года¹. Однако в списках сотрудников и в протоколах заседаний Института фамилия Райнова не фигурирует.

С. 59. ...*Вышла ли Ваша История русской философии?* — Имеется в виду книга: *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии. Ч. I. Пг., 1922.

С. 59. ...13 ноября 1927 года. — К письму приложен конверт: Здесь. Долгоруковская, д. 17. Густаву Густавовичу Шпету. От Т. И. Райнова. Ново-Воротниковский, пер. 4, кв. 13. Почтовые штемпели с датой: 14 ноября 1927 года.

С. 59. ...*Чувствую себя обязанным откликнуться на Вашу новую книгу.* — Имеется в виду книга: *Шпет Г. Г.* Внутренняя форма слова. М., 1927.

С. 62. ...*Например, — в «Сознании и его собственнике».* — Имеется в виду статья: *Шпет Г. Г.* Сознание и его собственник: (Заметки) // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве. М., 1916. С. 156–210.

С. 62. ...*С другой стороны, казалось, что тут формально подготовлено то, что я собираюсь еще написать, когда переведу на бумагу свой доклад «Искусство как вид знания».* — В статье-этюде «Искусство как вид знания» Шпет писал: «Действительность — то, что есть, как оно есть (сущность в явлении во всех формах и способах явления); реальность — та же действительность, поскольку она рассматривается как некоторая реализация, осуществление идеи и «сущности», — реализация, поэтому, имеет степени совершенства (perfectio); актуальность — проявление творческой (спонтанной) потенции в форме наличной презентации». *Шпет Г. Г.* Искусство как вид знания // *Шпет Г. Г.* Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2007. С. 141.

Сакулин П. и Шпет Г.

Письмо Сакулина П. Шпету Г. листок сложенный втрое — хранится в ОР РГБ 718-25-29. Письма Шпета Г. к Сакулину П. хранятся в РГАЛИ 444-1-1007. Письма публикуются впервые.

---

¹ См.: Объявление о конкурсе на замещение вакансий научных сотрудников Института научной философии. Публ. Л. А. Когана // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 105–106.

Сакулин Павел Никитич (1868–1930) — литературовед, историк культуры, академик АН СССР (1929). Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1891). В 1902–1911 читал курс истории русской литературы в Московском университете. Представитель культурно-исторической школы в литературоведении. Методологические поиски Сакулина в 1920-е годы имели целью приблизить академическое литературоведение к марксизму. Основные труды: Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Ч. 1–2, М., 1913; Наука о литературе. Ее итоги и перспективы. Социологический метод в литературоведении. М., 1925; Русская литература. Социологический обзор литературных стилей. Ч. 1–2. М., 1928–1929.

С. 63. ...*Временно я должен отказаться и от чтения лекций в Лите.* — Имеется в виду Высший литературно-художественный институт (ВЛХИ).

С. 63. ...*5 декабря 1920 года.* — К письму приложен конверт: Г-ну Профессору Павлу Никитичу Сакулину (от Г. Шпета)

С. 63. ...*С большою благодарностью возвращаю Вам Сидонского.* — Шпет в это время писал «Очерк развития русской философии», где анализировал идеи Сидонского. См.: *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии. I. Отв. ред.-сост. Т. Г. Шедрина. М., 2008. С. 177–194. — Имеется в виду издание: *Сидонский Ф. Ф.* Введение в науку философии. СПб., 1833.

С. 63. ...*Вы с Михаилом Осиповичем так рекламировали Тристрама Шенди.* — *Гершензон* М. О. См. прим. к с. 18. — Тристрам Шенди — роман английского писателя *Стерна* Лоренса (1713–1768).

С. 64. ...*Сердечно признателен за книжку о Герцене.* — Имеется в виду книга: *Шпет Г. Г.* Философское мировоззрение Герцена. Пг., 1921.

С. 64. ...*Спасибо и за Marty.* — *Марти* Антон (1847–1914) — немецко-швейцарский философ, представитель немецкой философии языка, на формирование его философских взглядов большое влияние оказали идеи Ф. Brentano. Основные работы: «О происхождении языка» (*Über der Ursprung der Sprache*, 1875), «Исследования в области всеобщей грамматики и философии языка» (*Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie*, 1908) и др. Шпет анализирует идею «внутрен-

ней формы» А. Марти в своей неопубликованной книге «Язык и смысл». См.: *Шпет Г. Г.* Мысль и Слово. Избранные труды. М., 2005. С. 637–649.

С. 64. ...*Э.Л.* Отделение весьма заинтересовано в том, чтобы Кабинет был прикреплен к нему. — Имеется в виду Этнолого-Лингвистическое отделение Факультета общественных наук МГУ.

С. 64. ...*18 августа 1926 года.* — К письму приложен конверт: Профессору Павлу Никитовичу Сакулину. Крестовая гора, Санаторий Цекубу, Кисловодск.

С. 64. ...*На разбирательство дела в суд я не пошел.* — Не удалось точно установить, по какому делу велось разбирательство.

С. 64. ...*В Мосполиграфе работал А. И. Кондратьев.* — **Кондратьев** Аким Ипатьевич (1885–1953) — литературовед, ученый секретарь РАХН (1921–1924), член-корреспондент, в 1929–1930-х годах — член дирекции театральных мастерских ГАХН.

С. 65. ...*Одного юридического лица, под титлом «Колос», и двух физических — Витязева и Сакулина.* — **Витязев-Седенко.** См. прим. к с. 66, **Сакулин.** См. прим. к письмам Сакулина и Шпета.

Самсонова И. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-25-31. Публикуются впервые. К письму от 8 ноября 1922 года приложена доверенность на продажу рукописей Н. Самсонова

Самсонова (урожд. Воронина) Инна Григорьевна (1876 — ?), художница, жена философа Николая Васильевича Самсонова, приятельница Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой.

С. 66. ...*Витязева я там не застала.* — **Седенко** Ферапонт Иванович (псевд. Петр **Витязев**, 1889–1938) — политический и культурный деятель. Директор издательства «Колос» (1918–1926), выпускавшего литературу по истории общественной мысли, мемуары, беллетристику. Написал и издал ряд работ по библиографии и книжному делу, собрал огромный архив по творческому наследию П. Л. Лаврова. 2 апреля 1938 года Ферапонт Иванович Витязев-Седенко был арестован и как «активный участник антисоветской эсеровской террористической организации» пригово-

рен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР (протокол от 14 июня 1938 года). Более подробную биографическую справку см.: *Везирова Л. А.* Ферапонт Иванович Витязев (1886–1938) // Исследования и материалы. Сб. 53. М., 1986; *Щедрина Т. Г.* Комментарии // Густав Шпет: жизнь в письмах. М., 2005. С. 679–680. — После смерти Н. В. Самсонова его жена Инна Григорьевна пыталась опубликовать его рукописное наследие, включающее как переводы научных трудов, так и книги (в том числе и рукопись «История эстетических учений. Ч. I»). Густав Густавович помогал ей в этих делах¹. Рукопись Самсонова Шпет планировал опубликовать в издательстве «Колос». Он писал об этом издателю Ф. И. Витязеву-Седенко: «Вдова Н. В. Самсонова обращается через меня (она и сама к Вам зайдет) к вам с предложением издать его курс по Истории эстетических учений. Книга — неплохая, но, к сожалению, только первая часть (до начала XIX века) — около 16 листов»². Однако книга так и не была опубликована, а найти ее рукописный вариант пока не удалось, впрочем, как и другие рукописи, отданные Шпетом в это издательство (например, вторую часть шпетовского «Очерка развития русской философии»³).

С. 66. ...*Перед отъездом я видела Экземплярского, которому оставила, по указанию Турбина, доверенность на заключение контракта на издание перевода Меймана Экономика и техника памяти.* — **Экземплярский** Владимир Михайлович (1889–1957) — доктор психологии, профессор, отличник народного просвещения. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Ученик Г. И. Челпанова. Специализировался на изучении экспериментальной психологии, защитил кандидатскую диссертацию. В 1911 решением ученого совета МГУ был оставлен для подготовки к ученому званию профессора по кафедре философии. После сдачи магистерского экзамена в 1916 году получил звание приват-доцента. В 1911–1916 вел научную работу, читал лекции по психологии, логике и философии в ср. школах Москвы, на учительских курсах столицы и провинции (в Калуге, Пензе, Ярославле и др.). В 1916–1927 продолжал экспериментальную работу по психологии. Читал лекции по педагогике и психологии в вузах Москвы (Военно-педагогическом институте, Институте физической культуры). Защитил докторскую диссертацию в Психологическом институте при МГУ. Работал в

¹ См.: доверенность, написанная И. Г. Самсоновой на имя Шпета.

² Письмо Г. Г. Шпета к Ф. И. Витязеву-Седенко // Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2005. С. 491.

³ См.: *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Т. Г. Щедриной. М., 2009.

ГАХН, где организовал психологическую лабораторию. В 1937 году по распоряжению органов Управления НКВД Москвы выехал в Челябинскую область «как член семьи осужденного». С 1938 года — в Челябинском государственном педагогическом институте. Читал курс психологии студентам до 1956. — *Турбин* — неустановленное лицо. — Имеется в виду перевод книги *Меймана Экономия и техника памяти*, выполненный Н. В. Самсоновым и впервые изданный в 1913 году (см. прим. к письмам Н. Самсонова Г. Шпету).

С. 66. ...*Он же хочет издавать Психологию воли.* — Речь идет о рукописи монографии Н. В. Самсонова, которую В. М. Экземплярский хотел опубликовать в издательстве «Русский книжник» (Экземплярский руководил этим издательством).

С. 66. ...*Он, во-первых, извещает, что Воля напечатана.* — См.: Самсонов Н. В. Психология воли. М.: Русский Книжник, 1922. — Издательство «Русский книжник» специализировалось на выпуске психологической литературы.

С. 66. ...*А, во-вторых, предлагает передать ему Историю эстетических учений по 100 м. за лист.* — Рецензию Г. Шпета на эту книгу см.: Шпет Г. Г. Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры. М., 2010. См. также прим. к письмам Н. Самсонова к Г. Шпету.

С. 66. ...*С другой стороны М. В. Сабашников тоже хотел иметь эту и тоже обещает сразу печатать.* — **Сабашников** Михаил Васильевич (1871–1943). Вместе с братом — Сергеем Васильевичем **Сабашниковым** — известные книгоиздатели; с 1891 по 1930-е годы в Москве издательство братьев выпустило 600 книг.

С. 66–67. ...*Я не вела с ним переговоров лично, но через жену А. Ф. Иоффе, который издает свою рукопись через Сабашникова.* — **Иоффе** Вера Андреевна (урожд. Кравцова; 1881–1948) — жена академика Иоффе (с 1908 по 1928). Биографы Иоффе (М. С. Сомицкий), в частности, отмечали, что «благодарное влияние на манеру его письма, выработку собственного литературного стиля оказала его жена Вера Андреевна, женщина большой культуры, весьма начитанная, в совершенстве владевшая несколькими иностранными языками».

С. 67. ...*Я получила еще письмо от Евгения Ивановича, в котором он советует пойти к Франковскому или Радлову относительно*

издания *Плотина*. — *Евгений Иванович* — Имеется в виду *Боричевский* Е. И. См. прим. к с. 110. — *Франковский* см. прим. к письму Франковского А. А. в издательство «Academia». — *Радлов* Эрнст Леопольдович (1854—1928) — философ, член-корреспондент АН СССР (1920). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, затем учился в Берлине и Лейпциге. В 1917—1924 директор Петербургской публичной библиотеки; был редактором философского отдела Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, занимался преподавательской деятельностью. По своим взглядам был близок религиозно-философской концепции Вл. Соловьева, с которым его связывала личная дружба. Перевел на русский язык «Этику» Аристотеля (1908), под редакцией Радлова вышел первый русский перевод «Феноменологии духа» Гегеля (1913). Соч.: *Этика Аристотеля*, СПб., 1884; «Об истолковании» Аристотеля, СПб., 1891; *Учение Вл. Соловьева о свободе воли*, СПб., 1911; *Очерк истории русской философии*. 2-е изд. Пг., 1920. — О переводах Плотина см. также прим. к письмам Н. Самсонова к Г. Шпету.

С. 67. ...*Значительную часть разговора Радлов посвятил Каптереву*. — *Каптерев* Павел Николаевич (1889—1955) — кандидат биологических наук, доктор географических наук, профессор. Сын профессора Московской Духовной Академии Николая Федоровича Каптерева. Товарищ о. Павла Флоренского. Один из основателей и активных членов Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Участник арестованного в 1919 году сборника «Троице-Сергиева Лавра». Арестован в 1920 году, осужден условно на 5 лет лагерей. В 1933 году был вторично арестован по обвинению в участии в контрреволюционной организации «Партия Возрождения России» вместе с о. Павлом Флоренским. С 1933 по 1936 год в заключении (Сибирь, Сковородинская научно-исследовательская мерзлотная станция). Освобожден в 1936 году без права проживания в крупных городах. После освобождения в 1936 году Президентом АН СССР А. П. Карпинским был приглашен в Академию наук на должность старшего научного сотрудника. Получил временную прописку в Москве. В 1940 году в составе экспедиции по изучению вечной мерзлоты выехал в Читинскую область. После окончания войны вернулся в Москву, но в связи с наличием судимости в прописке П. Н. Каптереву было отказано. В 1953 году реабилитирован.

С. 68. ...*Нина была в Москве на практике и заболела острым ревматизмом*. — Речь идет о дочери Н. В. и И. Г. Самсоновых.

Смит Дж. М. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-39. Публикуется впервые.

Смит Джорджи Мэй — вероятно, Шпет познакомился с ним во время поездки в Эдинбург в июле—августе 1913 года. Его имя упоминается в Записной книжке Шпета 1913 года.

С. 68. ...*Я уверен, Вы думаете, что я совсем забыл выслать Вам лекции М. Бергсона.* — Весной 1914 года Бергсон прочел в Шотландии, в Эдинбурге курс из 11 лекций, посвященный проблеме личности. Как пишет И. И. Блауберг, «планировался и следующий курс, с развитием этих идей, но намерению не суждено было осуществиться — помешала начавшаяся война». См.: *Блауберг И. И. Анри Бергсон.* М., 2003. С. 376.

Челпанов Г. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-25-55. Три из них: от 25 мая 1912 года, 30 ноября 1912 года, 11 августа 1913 года впервые опубликованы И. М. Чубаровым. См.: *Логос.* 1992. № 3. С. 246—249. Остальные письма публикуются впервые. Все письма заново сверены с оригиналами. Частично использованы примечания И. М. Чубарова.

Челпанов Г. И. — см. прим. к с. 17. В 1910 году Шпет и Челпанов организовывали первый в России Психологический Институт и были командированы в Германию для знакомства с организаторами ведущих психологических школ и для ознакомления со структурой, научными и учебными планами этих школ. Они посетили К. Штумпфа в Берлине, О. Кюльпе в Бонне, К. Марбе в Вюрцбурге. Впечатления Шпета от этой поездки см.: Письмо к Е. М. Метнер¹. В 1916 году в журнале «Вопросы философии и психологии» (№ 134) Челпанов дал рецензию на книгу Шпета «История как проблема логики».

С. 69. ...*10 апреля <1904>.* — Дата установлена по содержанию. В Послужном списке ординарного профессора Императорского университета св. Владимира Г. И. Челпанова читаем: «За публично защищенную им диссертацию “Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. II”, Историко-филологическим факультетом Университета св. Владимира 21 марта

¹ См.: Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2005. С. 275—276. См. также: Письмо Г. И. Челпанова к Г. Г. Шпету от 3 апреля 1910 года // *Там же.* С. 585.

1904 года удостоен степени доктора философии, в каковой Советом сего Университета утвержден 7 мая 1904 года». Цит. по: Дело Совета Императорского университета св. Владимира О перемещении профессора Университета Г. И. Челпанова тем же званием в Московский университет // ДАМК. Фонд Киевского университета, 16-345-108.

С. 69. ...*Возражения Гилярова были так несущественны, что я ему отвечал без всякого воодушевления.* — **Гиляров** Алексей Никитич (1856–1938) — историк западноевропейской философии, специалист по теории философского знания, литературовед; профессор Киевского университета с 1891 года. Среди его студентов: Г. Г. Шпет, В. В. Зеньковский, В. Ф. Асмус и др.

С. 69. ...*Серьезны были возражения Трубецкого и интересны замечания Бердяева.* — **Трубецкой** Евгений Николаевич (1863–1920) — русский философ, правовед, публицист, общественный деятель. В 1892 году после защиты магистерской диссертации «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Миросозерцание Блаженного Августина» он получил место приват-доцента, а в 1897 году, после защиты работы «Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI веке. Идея Божеского царства у Григория VII и публицистов — его современников» — профессора в Киевском университете Св. Владимира, где преподавал до 1906 года. — **Бердяев** Н. А. См. прим. к с. 18.

С. 69. ...*Мои приятели Билимович и Долинский взялись изобразить диспут.* — **Билимович** Александр Дмитриевич (1876–1963) — русский экономист. Родился в семье военного врача. Брат математика Антона Дмитриевича Билимовича и зять российского политика В. В. Шульгина. В 1900 году закончил с золотой медалью Киевский университет и был оставлен для должности приват-доцента. С 1904 — приват-доцент, с 1909 — профессор Киевского университета. Проживал в Киеве до 1920 года. — **Долинский** — неустановленное лицо.

С. 69. ...*В спор вступил известный Вам А. Поляков и рассудил дело в пользу Гилярова.* — **Поляков** А. — Неустановленное лицо.

С. 69. ...*За меня заступился М. Тростянский.* — **Тростянский** Митрофан Иванович (1874 — ?) — выпускник Киевской духовной академии (1899); учитель русского языка Киевской 1-й гимназии на 1908 год.

С. 69. ...*Книга Шиманского уже вышла.* — **Шиманский** Адам Карлович (1879/1880–1907) — философ, психолог. Учился в Ки-

евском университете св. Владимира на естественном, а затем на историко-филологическом факультете. Принимал активное участие к Психологической семинарии профессора Челпанова. Написал сочинение на тему «Учение Канта и Спенсера о пространстве», за которое был удостоен золотой медали. По окончании университета оставлен при кафедре философии для приготовления к профессорскому званию. Преподавал в различных учебных заведениях г. Киева, читал логику на высших курсах, основанных профессором М. В. Довнар-Запольским. Незадолго до смерти приступил к обработке материалов для учебника по педагогической психологии. Обострение хронического нефрита заставило его прекратить преподавательскую и научную деятельность и уехать в Каир, однако эта поездка не принесла ему облегчения и он скончался по дороге на родину (в Вене)¹.

С. 69. ...*Труды семинарии тоже выходят на днях.* — Имеется в виду издание: Философские исследования, обозрения и проч. Под ред. Г. И. Челпанова. Т. 1. Вып. 1. Киев, 1904.

С. 70. ...*Было бы очень хорошо, если бы Вы разоблачили Соколова, но только не знаю, будет ли у Вас время для сличения.* — **Соколов** Николай Матвеевич (1860—1908) — поэт, критик и переводчик (в том числе философских сочинений). Образование получил в Санкт-Петербургской духовной академии. С 1898 года состоял цензором Санкт-Петербургского цензурного комитета, действительный статский советник (1907). Выпускал сборники философских и эпических стихотворений (1899, 1904, 1905). Автор книг «Об идеях и идеалах русской интеллигенции», «Русские святые и русская интеллигенция» (1904). Выступал как обозреватель текущей литературы в «Русском вестнике» (псевдоним Н. Скиф), резко высказываясь против Горького, Куприна, Андреева, «декадентов» — Зинаиды Гиппиус и Ивана Коневского. Еще в студенческие годы начал переводить «Критику чистого разума» Канта, издал только в 1896—1897 годах; перевел также две другие «Критики» — «Критику практического разума» и «Критику способности суждения», а также «Антропологию» и «Религию в пределах только разума». Соколов выполнил также одних из первых русских переводов Шопенгауэра («Мир как воля и представление». Т. 2. 1893). Скоропостижно скончался, отравившись уксусной эссенцией. — Шпет написал рецензию на его перевод

---

¹ Сведения об А. К. Шиманском, см.: *Холодный Н. Г.* Адам Карлович Шиманский. Некролог // Вопросы философии и психологии. М., 1907. Кн. 90 (V).

И. Канта: *Шпет Г. Г.* Иммануил Кант. Критика чистого разума. Перевод Н. М. Соколова. 2-е издание. Спб., 1902 г. Стр. 658+VIII. Ц. 3 руб. 50 коп. // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. IV (74). С. 550–564.

С. 70. ...*Grimm'a u Laas'a передал Блонскому для пересылки Вам.* — Имеются в виду книги, которые Шпет будет использовать при написании книги «Проблема причинности у Юма и Канта. Ответил ли Кант на сомнения Юма». *Grimm Ed.* Zur Geschichte des Erkenntnisproblems: von Bacon zu Hume. Lpz., 1890; *Laas E.* Kants Analogien der Erfahrung. Brl., 1876; *Laas E.* Idealismus und Positivismus (3 Bde., 1879–1884). — *Блонский П. П.* См. прим. к письмам П. Блонского Г. Шпету.

С. 70. ...*Кулаковский о Ваших знаниях новых языков дал такой отзыв, что и речи не могло быть о том, чтобы не зачесть семестра.* — *Кулаковский* Юлиан Андреевич (1855–1919) — русский филолог-классик, историк Римской и Византийской империй, археолог, переводчик с латыни и древнегреческого, публицист, педагог. Член-корреспондент Императорской академии наук (с 1906), доктор римской словесности (1888), действительный статский советник (с 1902). Председатель Исторического общества Нестора Летописца при Университете св. Владимира (в 1905, 1908–1919), заслуженный ординарный профессор кафедры классической филологии Императорского университета св. Владимира (1884–1919, с 1880 — приват-доцент, с 1884 — экстраординарный профессор, с 1888 — ординарный).

С. 70. ...*Очень рад, что сочинение Адама К. произвело на Вас хорошее сочинение <впечатление>.* — Имеется в виду книга А. К. Шиманского «Учение Канта и Спенсера о пространстве» (Философские исследования, обозрения и проч. Под ред. Г. И. Челпанова. Т. 1. Вып. 1. Киев, 1904).

С. 70. ...*Второй выпуск трудов надеюсь закончить к концу мая.* — Имеется в виду издание: Философские исследования, обозрения и проч. Под ред. Г. И. Челпанова. Т. 1. Вып. 2. Киев, 1904.

С. 70. ...*Адреса А. К. не знаю точно, но ему можно писать в гимназию Валькера.* — Имеется в виду *Шиманский А. К.* См. прим. к с. 69. — Имеется в виду Частная гимназия Готлиба Валькера.

С. 70. ...*3 апреля 1911 года.* — Архивистами указано, что это письмо 1910 года. По штемпелю на конверте установлено, что это письмо 1911 года.

С. 70. ...Даже здесь пожертвование С. И. приводит в изумление психологов, и сообщение об этом появится в одном из Психологических журналов. — **Щукин** Сергей Иванович — коммерции советник, владелец художественной галереи, меценат, почетный член Московского психологического общества. На его деньги был построен уже упоминавшийся Психологический институт.

С. 71. ...Кстати, когда я сказал Тиченеру, что у нас открываются лаборатории при средних школах. — **Титченер** (Titchener) Эдвард Брэдфорд (1867–1927) — англо-американский психолог-экспериментатор. Он основал первую американскую психологическую лабораторию, в конце концов рястянувшуюся на 26 комнат, и стал фактически «отцом» психологии в США, хотя в дальнейшем столкнулся с сильнейшей оппозицией со стороны зарождающегося бихевиоризма.

С. 71. ...Впрочем, маршрут я составил при участии Cattell'я. — **Кэттелл** (Cattell) Джеймс Маккин (1860–1944) — психолог, профессор Пенсильванского университета (США), учился в психологических школах Европы (у В. Вундта, Ф. Гальгона в Лондоне) с 1895 года — президент Американской психологической ассоциации. Рассматривал психологию как экспериментальную науку и призывал коллег развивать специальность «прикладная психология».

С. 71. ...Привет Марии Александровне и Елене Михайловне. — **Крестовская** М. А. См. прим. к с. 18. — **Метнер** (урожд. Братенши) Елена Михайловна (1875–1945) — жена Карла Карловича Метнера, брата Эмиля Метнера и Николая Метнера. Письма Шпета к ней см.: Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 319–323.

С. 71. ...Никак не могу одобрить Вашего намерения не быть в Университете. — Шпет писал своей невесте Н. К. Гучковой в письме от 3 мая (20 апреля) 1912 года: «Не помню еще, писал ли я, что на Университет я решил “наплевать” Как сейчас разбираюсь, это было сделано в прошлую (роковую!) субботу. Теперь сомневаюсь, правильно ли я поступил — ведь при моем образе жизни нет другого средства познакомиться со здешними профессорами, а кроме интереса (и внутреннего, и внешнего) общение с ними как-то возбуждает». Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 38.

С. 71. ...Вы вернетесь без знания языка и без способности понимать его после двухлетнего пребывания в Германии. — Вероятно,

Г. И. Челпанов имел в виду разговорный язык. Ведь Шпет к тому времени перевел с немецкого и опубликовал известные книги Вольтмана («Исторический материализм» и «Система морального сознания в связи с отношением критической философии к дарвинизму и социализму»), Р. Эйслера («Основные положения теории познания») и Г. Риккерта («Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания»). Более того, читать по-немецки философскую литературу (Форлендера, Когена и Наторпа) Шпет начал еще в тюремном заключении в 1899 году.

С. 71. ...*Еще до Вашего отъезда я слышал о вашем намерении «расходиться» с М. А.* — Речь идет о разводе с М. А. Крестовской.

С. 72. ...*Будет спокойнее для всех трех.* — Третьим углом треугольника была Наталья Константиновна Гучкова (1892–1956), ставшая вскоре женой Шпета. Шпет воспроизводит часть письма Челпанова в письме к Н. К. Гучковой. См.: Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 70.

С. 72. ...*Было бы хорошо, если бы Вы об этом ничего мне не писали.* — Шпет сообщает об этом в письме Н. К. Гучковой от 11 июня (29 мая) 1912 года: «Сегодня получил письмо от Челпанова. Очень неприятно, что, подняв вопрос о разводе, он просит все же, чтобы я ему ничего об этом не писал, т. е. лишает меня возможности поговорить теперь же с ним». Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 70.

С. 72. ...*Окончание постройки института задерживается именно моим продолжительным отсутствием.* — Речь идет о строительстве первого в России Психологического Института при Московском университете, инициатором создания которого и первым руководителем был как раз Челпанов.

С. 72. ...*Слышали Вы, конечно, что был диспут Н. Д. Виноградова. Как прошел диспут, Вы вероятно слышали.* — **Виноградов** Николай Дмитриевич (1868–1936¹) — философ, педагог, психолог. Действительный член Института научной философии (1921–1922). Окончил курс Московской Духовной академии и историко-филологический и естественный факультеты Московского университета. В 1906 году защитил магистерскую диссертацию.

¹ По данным из книги: Просим освободить из тюремного заключения: письма в защиту репрессированных. Сост. В. Гончаров, В. Нехотин. М., 1998. С. 16.

цию: «Философия Давида Юма. Ч. I. Теоретическая философия Д. Юма», в 1912 году — диссертацию на степень доктора философии: «Философия Давида Юма. Ч. II. Этика Д. Юма в связи с важнейшими направлениями британской морали XVII—XVIII веков». Преподавал на Высших женских юридических и историко-филологических курсах В. А. Полторацкого, в Педагогическом институте им П. Г. Шелапутина, Городском народном университете им. А. Л. Шанявского. Читал историю философии и логику. В первом своем труде он стремится проследить судьбу теоретических воззрений Юма со времени их появления и до наших дней, а также указать элементы юмовского эмпиризма, сохранившиеся в различных современных нам философских направлениях. Центром тяжести второй книги является исследование того, что Юм в своих этических воззрениях заимствовал у своих предшественников. Виноградову принадлежат еще «Психофизиологические исследования над микроорганизмами» (Вопросы философии и психологии. 1896. Кн. 33 (III). С. 301—330), «Биологический механизм и материализм» (Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 38 (III). С. 413—442), «Теория эмоций Джемса—Ланге» (Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. 69 (IV). С. 379—403), «Лесли Стивен» (Вопросы философии и психологии. 1905. Кн. 80 (III). С. 397—421), «Ближайшие задачи экспериментальной педагогики» (Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 99 (IV). С. 309—322), «Краткий исторический очерк деятельности Московского Психологического Общества за 25 лет» // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 103. С. 249—262 и др.

С. 72. ...*После диспута предложил ему занять кафедру Льва Михайловича. Но он не захотел быть «первым» «возвратившимся».* — **Лопатин** Л. М. (см. прим. к с. 45) возглавлял в то время кафедру философии в Московском университете.

С. 72. ...*Они предполагают обратиться, между прочим, к Викторову.* — **Викторов** Давид Викторович (1875—1918) — философ, представитель философии эмпириокритицизма в России. В студенческие годы был учеником Н. Я. Грота. Принимал активное участие в деятельности Московского психологического общества. В 1899 году окончил историко-филологический факультет Московского университета. В последующие годы он часто ездит за границу при финансовой поддержке Министерства народного просвещения. Цель большинства зарубежных командировок — изучение новейших течений в философии. Именно во время этих поездок наметился поворот научного интереса Викторова к твор-

честву Маха и Авенариуса. В 1905 году он был оставлен на кафедре философии историко-филологического факультета Московского университета в должности приват-доцента. В последний период жизни (1913–1918) Викторов подготовил несколько курсов для студентов университета, специализирующихся по философским наукам. Это были курсы, посвященные Канту, Лейбницу, Спинозе, которыми Викторов увлекался в юности. Основные труды: «Памяти Н. Я. Грота, учителя и друга» (Вопросы философии и психологии, 1899. № 51); «Философские взгляды Эрнста Маха» (Вопросы философии и психологии, 1904. № 73); «Критика чистого опыта» (Вопросы философии и психологии, 1905. № 77); «Закон жизненного ряда» (Вопросы философии и психологии, 1907. № 89); «Принцип наименьшей меры сил» (Вопросы философии и психологии, 1908. № 92); «Эмпириокритицизм, или философия чистого опыта» (М., 1909) и др.

С. 72. ...В Берлине на съезде я долго был с Нечаевым. — **Нечаев** Александр Петрович (1870–1948) — психолог, философ, литературовед. Автор множества книг по экспериментальной психологии, педагогике, философии.

С. 73. ...Сергею Ивановичу я еще не показывал. — Имеется в виду **Шукин** С. И. См. прим. к с. 70.

С. 73. ...Винпер отказался читать «философию и методологию истории», по-видимому, навсегда. — **Винпер** Роберт Юрьевич (1859–1954) — известный историк, профессор Московского университета, академик (1943).

С. 73. ...Пока согласился читать, вероятно, известный Вам А. И. Яковлев. — **Яковлев** Алексей Иванович (1871–1951) — историк. Другом его отца, известного чувашского просветителя, был сам Илья Ульянов. Окончил гимназию в Симбирске, затем историко-филологический факультет Московского университета (1900). Ученик Ключевского. Преподавал на Высших женских курсах и в Московском университете. Член-корр. (1929).

С. 73. ...Читал у нас на днях в Психологическом обществе доклад Ильин на тему: «О смысле смысла» в Гуссерлианском духе (напрасно Гуссерль не признает его «своим»). — **Ильин** Иван Александрович (1882–1954) — русский философ. Окончил юридический и историко-филологический факультеты Московского университета. Приват-доцент (1912), профессор (с 1918) Московского универси-

тета. Автор труда «Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека», Т. 1–2, 1918)¹. — Одно время Ильин проявлял интерес к феноменологическому методу Гуссерля. Шпет писал Гуссерлю из Москвы: «Я читал доклад о феноменологии как основной науке в нашем старом “психологическом обществе”. Это доклад изменил мнение господина Ильина, заинтересовал господина Яковенко и господина профессора Лопатина. Собрание было довольно большое, примерно 200 членов общества и гостей. Доклад вызвал к себе живой интерес и пристальное внимание, несмотря на его сложность. Я читал еще два доклада в других собраниях, потому что получил много запросов со всех сторон. Оценка феноменологии повсюду высока и благосклонна, феноменология рассматривается как серьезный и новый шаг в философии. Возражения моих оппонентов были пространны, и в своих ответах я был тоже очень обстоятелен. Почти все замечания были просто недоразумениями и доказывали недостаточное понимание самих задач феноменологии. Например, господин Ильин и господин Яковенко не хотели видеть разницы между феноменологией и теорией познания; они утверждали, что феноменология — только “новая” теория познания. Я же могу сказать вместе со Спинозой: “...non opus est, ut sciam, quod sciam me scire...”²; и я полагаю, что феноменология не теория познания уже потому, что она вообще не теория. Так называемая “теория познания”, по моему мнению, возможна только как феноменология процесса познания, она — оформленная таким образом часть феноменологии, в остальном она только психология. Феноменология как основная наука есть прежде всего наука о том, что есть, а сам процесс познания нуждается в определении вида и формы собственного бытия как *eidos*. Господин Ильин, кроме того, не усматривал той разницы, которая существует между логикой и феноменологией, если обе они говорят об *eidos*, он не мог (!!) понять этого и тогда, когда был в Геттингене³! Я должен был только повторить, как проводят редукцию не только формально-онтологических дисциплин, но и материальных онтологий, и как мы приходим к чистому сознанию». См.: Письмо Г. Шпета к Э. Гуссерлю от 11 марта (26 февраля) 1914 года // Логос. 1996. № 7. С. 126.

С. 73. ...*В Москве у нас был Rehmke. — Ремке Йоханнес (1848–1930) — немецкий философ, представитель имманентизма.*

¹ Реконструкцию рецензии Шпета на книгу Ильина см.: *Шпет Г. Г.* Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры. М., 2010. С. 222–252.

² «...Для того, чтобы знать, мне нет надобности знать, что я знаю».

³ В 1911–1912 годах И. А. Ильин находился в зарубежной командировке в Германии и Франции.

С. 73. ...Я на днях читаю доклад в Психологическом Обществе: «О прикладной психологии в Америке и Германии». — Челпанов сделал доклад 10 ноября 1912 года. См.: *Челпанов Г. И.* О прикладной психологии в Германии и Америке // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. V (115). Ноябрь—декабрь. С. 399—434.

С. 73. ...И пишу устав Общества вспомоществования участникам Психологического общества. Помогает очень Елена Михайловна. — Об этом Шпет пишет Е. М. Метнер в письме от 15 (2) ноября: «Вы, кое-что могли бы рассказать интересное — об этом я сужу на основании слов Георгия Ивановича, который пишет, что Вы очень ему помогаете в составлении Устава Общества вспомоществования участникам института». Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 322.

С. 73. ...Рома Иванов кланяется Вам и Марии Александровне. — Неустановленное лицо.

С. 73. ...11 августа 1913 года. — К письму от 11 августа 1913 года приложен конверт: Заказное. Геттинген. Германия. Густаву Густавовичу Шпету. Auf Herrn. Dr. Gustav Spett. Göttingen. (Groner Ch. 22/1). Штемпель: Новый Симеиз. 12 августа 1913; Геттинген 30 августа 1913.

С. 74. ...Я кончаю свою статью для сборника. Весь сборник предполагал напечатать к концу октября. Около этого времени будет, я надеюсь, и открытие института. — Речь идет о статье «К вопросу об отношении между психофизическими методами» опубликованной в сборнике «Психологические исследования» под редакцией проф. Г. Челпанова (Труды Психологического института при Московском университете. Т. I. Вып. 1—2. М., 1913. С. 213—268).

С. 74. ...В Харькове Викторова провалили, вместо него избрали Каринского. — **Каринский** Владимир Михайлович (1874 — после 1929). В 1912 году защитил магистерскую диссертацию «Умозрительное знание в философской системе Лейбница», 23 февраля 1913 года был назначен на должность экстраординарного профессора Харьковского университета.

С. 74. ...Самсонов в Мюнхене, собирается под руководством переведенного туда Кюльпе писать экспериментальную работу и просит о продлении командировки еще на год. — **Самсонов** Н. В. См. прим. к письмам Н. Самсонова Г. Шпету. — **Кюльпе** (Külpe) Освальд

(1862–1915) — немецкий психолог и философ. Представитель критического реализма. Основатель вюрцбургской школы.

С. 74. ...*На днях получил письмо от Зеньковского.* — **Зеньковский** Василий Васильевич (4 июля (1881–1962) — русский философ, богослов, педагог. Окончил историко-филологический факультет Киевского университета (1909), был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1913–1914 годах находился в научной командировке в Германии и Италии. Магистр философии (1915; тема диссертации: «Проблема психической причинности»). Доктор церковных наук (1948; за труд «История русской философии»). В 1908 году — один из учредителей и заместитель председателя, в 1911 году — председатель Киевского религиозно-философского общества. В 1910–1911 годах читал курсы по философии и психологии на Высших женских курсах. С 1910 года — председатель киевского Общества по изучению религии и философии. С 1916 — экстраординарный профессор Киевского университета по кафедре психологии. В мае-октябре 1918 года был министром исповеданий в правительстве гетмана Украины Павла Скоропадского. Профессор Русского православного института в Париже (с 1926). В 1942 году принял сан священника. Основные труды: «Проблема психической причинности» (Киев, 1914); «Психология детства» (Лейпциг, 1924); «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» (Париж, 1934); «История русской философии» (Т. 1–2. Париж, 1948–1950) и др.

С. 74–75. ...*Думаю с 1-го января издавать журнал под заглавием «Русский журнал экспериментальной психологии».* — Насколько нам известно, этот журнал так и не был выпущен.

Шатенштейн-Вейцман С. — Шпету Г.

Письмо хранится в семейном архиве. Впервые опубликовано: Логос. 1992. № 3. С. 256–257. Публикуется по рукописному оригиналу.

Никаких дополнительных сведений о Софии Львовне **Шатенштейн-Вейцман** пока не имеем.

С. 75. ...*Я получила один экземпляр 2 издания 6-ой части (конец) Логических исследований.* — Имеется в виду второе издание книги Гуссерля «Logische Untersuchungen (Bd.2. Elemente einer phänomenologischen Aufklärung der Erkenntnis. Halle, 1921).

С. 75. ...*В ближайшем будущем появится уже 5-ая книга Jahrbuch'a für Phänomenologie.* — Пятый том журнала «Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung» вышел в Halle в 1922 году.

Шаховской Д. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-58. Публикуется впервые.

Шаховской Дмитрий Иванович (1861–1939) — общественный и политический деятель, либерал, публицист, князь, внук декабриста Ф. П. Шаховского. Родился в княжеской семье офицера в Царском Селе. В 1880 году окончил Варшавскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета, потом перешел в Петербургский университет, где дважды арестовывался за участие в студенческом движении. В 1884 окончил университет и, отказавшись от предложенной ему профессорской кафедры, предпочел практическую работу в земстве, где заведовал начальным образованием в Тверской губернии, занимался земской статистикой. Постепенно стал одним из лидеров земского либерального движения. С 1887 года находился под надзором полиции. С 1890 года активно участвовал в общественной жизни. В 1906 году Шаховской был одним из создателей Конституционно-демократической партии, бессменным членом ее ЦК. Депутат I Государственной думы. В мае—июне 1917 года — министр государственного призрения Временного правительства. После Октябрьской революции почти два года продолжал работу в Московской потребительской кооперации, пытаясь наладить снабжение города. В 1920 году был арестован ВЧК, но отпущен. После этого отошел от политики. Служил в Госплане, затем занимался литературным трудом, опубликовав свои исследования по П. Я. Чаадаеву. Написал ряд работ по истории русской культуры и освободительного движения, часть из которых пропала. Был арестован в 1938 и расстрелян. Реабилитирован в 1957 году.

С. 76. ...*Очень я жалею и жалею, что никак не может состояться наша беседа у Ивара Тенисовича Смилги.* — **Смилга** Ивар Тенисович (1892 —1937) — советский политический, государственный и партийный деятель, экономист. В январе 1907 года будучи учеником реального училища, в возрасте 14 лет вступил в РСДРП. В 1910 приехал в Москву и поступил в Московский Государственный Университет (по др. сведениям — на юридический факультет Университета Шанявского), в 1911 за участие в студенческой демонстрации исключен из университета и выслан из столицы. Впо-

следствии, в 1915 году, за нелегальную пропагандистскую деятельность был сослан в Сибирь, откуда после Февральской революции 1917 года освобожден по общей амнистии. С середины 1917 года Смилга занимал пост председателя облисполкома армии, флота и рабочих Финляндии. Поддерживал связь с В. И. Лениным, находившимся в то время в Гельсингфорсе. В период с 1918 по 1921 год Смилга являлся членом Реввоенсовета последовательно Западного, Южного, Кавказского и Крымского фронтов. С 1920 на хозяйственной работе. В начавшейся после смерти В. И. Ленина внутрипартийной борьбе Смилга поддерживал Л. Д. Троцкого, хотя и возражал против создания Трудовых армий. В 1927 году, как активный участник троцкистской оппозиции, был снят со всех постов и исключен из ВКП(б). Особым Совещанием при ОГПУ Смилга был приговорен к 4 годам ссылки и выслан в Минусинск. В 1930 году вместе с А. Г. Белобородовым, К. Б. Радеком и Е. А. Преображенским заявил о разрыве с троцкизмом. Вскоре был восстановлен в ВКП(б) и вернулся в Москву. Вновь вошел в Президиум ВСНХ и был назначен заместителем председателя Госплана СССР. В 1932–1933 годах редактор издательства «Академия». В декабре 1934 года после убийства С. М. Кирова вновь исключен из ВКП(б) и арестован 1 января 1935 года. 10 января 1937 года Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к расстрелу за «участие в троцкистской контрреволюционной террористической организации». Приговор приведен в исполнение в тот же день. Тело кремировано в крематории Донского монастыря. 3 апреля 1987 года Ивар Смилга был реабилитирован посмертно.

С. 76. ...*Думаю, она была бы не лишней и для него, как автора вводной статьи. Ведь никак нельзя будет совсем избежать в ней философской оценки Чаадаева.* — Речь идет о подготовке к публикации сочинений П. Я. Чаадаева для издательства «Academia». Шаховской подготовил к изданию два варианта собрания сочинений Чаадаева — одно для издательства Academia (оно не было завершено), второе для Госполитиздата, которое к концу 30-х годов было уже сверстано. Но издание не вышло в свет, так как Шаховской был репрессирован.

Шпет Г. — Боровому А.

Письма хранятся в РГАЛИ 1023-1-790. Публикуются впервые.

Боровой Алексей Алексеевич (1875–1935) — философ, теоретик анархизма. Окончил юридический факультет Московского

университета (1898), получил должность приват-доцента Московского университета (вышел из состава преподавателей в 1911). В 1903–1905 был в заграничной командировке. В 1906–1910 руководил московским издательством «Логос». С апреля 1906 выступал с лекциями об анархизме в Московском историческом музее, после чего стал подвергаться политическим преследованиям, в связи с чем был вынужден эмигрировать во Францию, где жил с 1910 по 1913. После возвращения в Россию в 1913 занимался в основном журналистикой, в политику вернулся после Февральской революции 1917 года. Редактор журнала «Клич» (1917), один из лидеров Московского союза идейной пропаганды анархизма (1918). В 1921 стал одним из учредителей Всероссийского комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина, с 1923 работает в Кропоткинском музее в Москве. После 1921 преследования Борового по политическим мотивам продолжились, — ему запрещают заниматься преподавательской деятельностью и исключают из преподавательского состава МГУ. В 1929 Алексей был сослан в Вятку, а в 1932 — во Владимир, где и скончался.

В архиве А. Борового сохранилась рукопись «Моя жизнь. Воспоминания», где он пишет и о Шпете¹:

«Из московских университетских ученых, с которыми я сошелся в это время, наиболее близким был — Густав Густавович Шпет.

Шпет приехал вместе с своим учителем — профессором Челпановым из Киева и доцентировался в Москве.

Шпет был очень даровит. Мыслитель — не столько глубокий, сколько восприимчивый, острый, энергичный, легко и быстро схватывающий любую тему, шутя ориентирующийся на любом материале, — он был блестящим человеком.

Одаренный немалой диалектической ловкостью, превосходный и опасный полемист из той породы полемистов, для которых хороши все способы побить противника, он — прекрасно говорил, умел любую мысль облечь в изящные, логически-отточенные формы, имел прекрасную память, был находчив, остроумен. Неудивительно, что он имел успех вообще и в молодых аудиториях особенно.

Однако у всякого незаурядного человека есть “но”, и у Шпета была одна досадная особенность для хорошо воспитанного вкуса. Шпет родился не творцом, а виртуозом. Виртуозность сама по себе может быть источником не только удовольствий, но радости,

---

¹ Благодарю Петра Владимировича Рябова за предоставление этого отрывка из рукописи А. Борового.

ибо она есть свидетельство высокого мастерства. Но когда виртуозность переходит в манеру, перестает быть только средством для осуществления замысла, она становится — назойлива, порой невыносима. А Густав Густавович часто погрешал желанием — виртуозничать во что бы то ни стало. Он любил щегольнуть, как первый ученик. И это щегольство среди людей, знающих а fond цену щегольству, самих прошедших ремесло, производила иногда впечатление — полукомическое. В споре без нужды он привлекал огромное количество цитат, которые могли импонировать птенцам, но напрасных для людей, также умевших цитировать¹.

Он писал нарочито трудным языком. И чрезмерная трудность формы вовсе не обуславливалась особым глубокомыслием содержания. Нужно было с огромными усилиями² продрасть сквозь скорлупу надуманной терминологии, чтобы уяснить, по существу, простую мысль. Его статья о “volkerpsychologie”, его диссертация — “История, как проблема логики” (1916) — еще не представляли затруднений, но книга о Гуссерле (“Явление и смысл”) и особенно позднейшие — “Эстетические фрагменты” (1922–23) — представляют образчик стилистического³ манерничанья. Между тем, чистый язык ему вполне доступен. Прекрасно написан его “Очерк развития русской философии” (1922), его более ранние статьи в издании “Мысль и Слово”.

По натуре Густав Густавович был скорее дипломатом, чем бойцом. Умный, скептический, насмешливый, он знал великолепно — провалы, слабости и “преступления” университетских заправил и сек их беспощадно в компаниях с интимными друзьями, но битв открытых не давал и оставался “надпартийным”. Это не мешало быть ему весьма корректным в словах и обязательствах, безупречно порядочным в отношениях с товарищами и с “начальством”.

В личном общении, в приятельской беседе — Густав Густавович был интересен и приятен. Только при подпитии он становился агрессивен, напоминая в этом отношении Фриче. Бачинский, Шпет и я составляли одно время довольно тесное трио». См.: *Боровой А. А. Моя жизнь. Воспоминания. Глава XI: Революция 1905 года и реакция* // РГАЛИ 1023-1-168. Л. 141–145.

В архиве Е. В. Пастернак сохранилась фотография А. А. Борового с дарственной надписью: «*Дорогому отъезжающему другу. Ах — не скажи любви конец — коль на три года вдаль уедешь. А. Боровой. Москва, 1908*».

¹ <самих — зачеркнуто>.

² <трудом — зачеркнуто>.

³ <фило — зачеркнуто>.

С. 76. ...21–22 ноября 1908 года. — Записка шутливым почерком.

С. 76. ...1 декабря 1913 года. — Открытка. Штемпель. Paris, 2.12.1913, Москва, 22 ноября 1913.

С. 77. ...Твой экземпляр Франка («Ф и Ж»). — Имеется в виду издание: Франк С. Л. Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры. СПб., 1910.

Яворская Л. — Шпету Г.

Открытки хранятся в ОР РГБ 718-25-66. Публикуются впервые

Яворская Лидия Борисовна (урожденная Гюббенет) (1871–1921) — русская драматическая актриса. Родилась в Киеве. Окончив гимназию, Яворская играла в благотворительных спектаклях. Еще гимназисткой (училась в «одной из самых демократических гимназий») Яворская сблизилась с семьей известного киевского профессора-шестидесятника Алексеева, «обрезала косы и мечтала служить человечеству». Выйдя замуж против воли родителей, Лидия Борисовна скоро испытала горечь разочарований, но проявила самостоятельность в решении своих жизненных проблем. Разведясь с мужем, уехала в Петербург. Училась на Драматических курсах Петербургского театрального училища у В. Давыдова. Затем уехала в Париж, где год занималась с актером «Комеди Франсэз» Э. Го. По возвращении в Россию Яворская решила выступить как профессиональная актриса в Товариществе, организованном в летний сезон в Ревеле артисткой и преподавательницей Драматических курсов Н. Васильевой. 23 мая 1893 года дебютирует в чеховском «Медведе». В августе 1893 года Яворскую приглашают в московский театр Ф. Корша. После первого коршевского сезона Яворская (вместе с подругой Т. Щепкиной-Куперник) снова отправляется в Париж, где знакомится с Э. Ростаном и А. Дюма. (Эти знакомства во многом определили ее дальнейший репертуар.) В 1894 году выходит замуж за морского офицера и литератора князя В. Барятинского. Весной 1895 года Яворская, участвовавшая в гастролях коршевской труппы в Нижнем Новгороде и Петербурге, была приглашена в только что созданный петербургский театр «Литературно-художественного общества им. А. С. Суворина»). Осенью 1900 года Яворская разрывает с Сувориным, играет в театре Е. Шабельской, затем арендует его на весенний сезон 1901 года и более десятка раз выступает здесь в «Орленке» Э. Роста-

на (роль юного герцога Рейхштадтского), переведенном для нее Щепкиной-Куперник. В сентябре 1901 года Яворская и Бярятинский открыли «Новый театр», просуществовавший пять сезонов. Труппа «Нового театра» была нестабильной (в разные годы в ней состояли М. Дарский, Б. Неволин, Б. Горин-Горяинов, М. Велизарий, М. Ведринская и др.; режиссировали С. Ратов, Н. Попов). Значительное место в репертуаре театра занимали пьесы Бярятинского, мужа Яворской. В 1907–1918 годах много гастролировала в провинции (Ставрополь, Батум, Воронеж, Тифлис и др.) и за границей (Лондон, Париж, Вена, Глазго, Эдинбург и др.; играла на английском и французском языках). В 1918 году, после поездки в Америку, жила и работала в Лондоне («Анна Каренина» Толстого с ее участием прошла здесь более двухсот раз). Умерла Яворская в Лондоне 18 ноября 1921.

С. 77. ...И в годы «Северного курьера» и «Нового театра». — *Северный Курьер* — ежедневная политическая и литературная газета. Издавалась в Санкт-Петербурге кн. В. В. Бярятинским под редакцией его и К. И. Арабажина; первый номер вышел 1 ноября 1899 года, а 22 декабря 1900 года газета прекращена на основании 148 ст. Уст. о ценз. Газета старалась быть выразительницей русского «марксизма». Закрыта после скандала, произошедшего из-за пьесы «Контрабандисты». А. П. Чехов так отзывался в январе 1900 года в письме к А. С. Суворину об этой газете: «“Северный курьер”, правда, очень читается в провинции. Если судить о князе Бярятинском по его газете, то признаюсь, я виноват перед ним, так как рисовал его себе далеко не таким, каков он есть. Газету его, конечно, прикроют, но репутация хорошего журналиста за ним останется надолго... Вы спрашиваете, почему “Северный курьер” имеет успех? Потому что наше общество утомлено, от ненавистничества оно ржавеет и киснет, как трава в болоте, и ему хочется чего-либо свежего, свободного...» Цит. по: *Литаврина М. Г.* Яворская, незаконная комета. М., 2008. С. 93. — «*Новый театр*» см. прим. к *Яворской*.

С. 78. ...Сара. — Яворская подписалась именем «Сара», подразумевая свою «несыгранную» роль в пьесе «Контрабандисты» (первоначально: «Сыны Израиля»). См. об этом: *Литаврина М. Г.* Яворская, незаконная комета. М., 2008. С. 88–110.

Яковенко Б. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-25-68. Письма от 13 ноября 1914 года, 21 января 1915 года, 2 апреля 1915, 28 мая 1915 года

впервые опубликованы И. М. Чубаровым. См.: Логос. 1992. № 3. С. 250–256. Остальные письма публикуются впервые. Все письма публикуются полностью, по рукописным оригиналам. Частично использованы примечания И. М. Чубарова.

Яковенко Борис Валентинович (1884–1949) — русский философ. Окончил в 1903 году классическую гимназию в Петербурге и поступил в Московский университет. В 1905 году участвовал в революционном движении. Уехал за границу и продолжил учебу в Гейдельбергском университете. С 1908 — сотрудничал в журнале «Вопросы философии и психологии», стал одним из организаторов и редакторов журнала «Логос» (1910), много занимался переводами (И. Г. Фихте, Б. Кроче и др.). С 1913 года жил за рубежом (сначала в Италии, а затем в Праге). В 1920-е годы пытался возобновить в Праге издание «Логоса». Издавал на немецком языке журнал «Русская мысль: Международный журнал по русской философии» и сборник «Международная библиотека по философии» (1935–1944). В 1938 на чешском языке вышла его «История русской философии», а в 1940 на немецком — «История гегельянства в России».

С. 78. ...12 июля 1914 года. — Открытка. Штемпели: 14.07.1914 Cavi Genova (Италия) Germania. Herrn Dr. v. Spett. Göttingen, Groner Ch. 22¹.

С. 78. ...*Генрих Эрнестович Ланц, Marburg i. L., Marbach 5 1/2.* — **Ланц** Генрих Эрнестович (1886–1945) — русский философ-неокантианец. Родился 14 февраля 1886 в Москве. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета, в дальнейшем — в Гейдельбергском университете, где в 1911 году под руководством В. Виндельбанда защитил докторскую диссертацию «Проблема предметности в современной логике». В диссертации и многочисленных публикациях исследовал различные типы психологизма в современной философии (от Авенариуса до Гуссерля). Одним из первых в России (в 1909) выступил с анализом феноменологии Э. Гуссерля (Эдмунд Гуссерль и психологисты наших дней // ЖМНП. 1909. Кн. 48; см. также Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 98). С 1914 года преподавал эстетику в Бетховенской музыкальной школе в Москве, в 1919–1945 годах — в Станфорде (с 1941 — профессор философии). Основные труды: Вильгельм Шuppe и идея универсальной имманентности // ЖМНП. 1909. Кн. 50; Философия Рихарда Авенариуса // Логос. М., 1912. Кн. 2. № 3; Вопросы и проблемы бессмертия //

Логос. М., 1913. Кн. 3. № 4; Умозрительный трансцендентализм у Плотина // ЖМНП. 1914. № 1 и др.

С. 78. ...29 сентября 1914 года. — Конверт. Штемпели: Cavi Genova 29.09.1914. ЕВР Густаву Густавовичу Шпету. Москва, Девичье поле, М. Царицынская д. 7, кв. 3. Masca in Russia via Odessa.

С. 78. ...От Товарищества Мамонтова. — **Мамонтов** Михаил Анатольевич (1865—1920) — художник, книгоиздатель; родной брат Прасковьи Анатольевны Мамонтовой (в замужестве Рачинской, 1873—1945), близкой подруги Варвары Ильиничны Гучковой. Расстрелян в 1920 году без суда и следствия. Он издавал книги по философии, в том числе и «Явление и смысл» Г. Шпета.

С. 79. ...Книга моя, конечно, задержалась сравнительно с предполагаемым сроком, так как война сразу захватила все внимание. — Имеется в виду книга о современной философии, которую издательство «Гермес» в 1914 году заказало Яковенко через Шпета (подрабатывавшего там редактором). Она, по всей видимости, так и не была закончена.

С. 79. ...Если Вы совершенно потеряли из виду Ланца и не знаете, куда переправить ему первую половину гонорара его за перевод комментария Когена, обещанную ему на 15 августа старого стиля, то перешлите мне эти деньги. — Вероятно, издательство Гермес планировало издание следующего сочинения Г. Когена: *Kommentar zu Immanuel Kants Kritik der reinen Vernunft*, [Commentary on Kant's Critique of Pure Reason]. Leipzig, 1907. Однако перевод Ланцем не был выполнен. Он был выполнен Б. А. Фохтом, но, к сожалению, не сохранился¹.

С. 79. ...13 ноября 1914 года. — Дата установлена по штемпелю на конверте: 18 ноября 1914 Москва. Густаву Густавовичу Шпету. Москва, Девичье поле, М. Царицынская ул. д. 7. кв. 3. Moscou Russie, M. G. Spett. Racommandée (отправлено 13.11.14. из CAVI GENOVA); на обороте: Exp. V. Jakowenko Cavi di Lovagnie (московский штемпель 18.11.14). Письма написаны черными и синими чернилами на хорошей почтовой бумаге с водяными знаками (Extra Strong C.C.C.M.).

С. 80. ...Что касается книги, то пишу ее: еще не кончил. — См. прим к с. 79.

---

¹ Выражаю сердечную благодарность Н. А. Дмитриевой за предоставленные сведения о переводе Б. А. Фохта.

С. 80. ...*Проектирую в «Гермесе».* — В том же 1914 году в книгоиздательстве «Гермес» вышла книга Шпета «Явление и смысл» и под его же редакцией перевод «Оснований логики» Б. Бозанкета. Ни одна из упоминаемых здесь работ Яковенко в свет так и не вышла.

С. 80. ...*Произведение Фихте одно из самых замечательных — в издании «Пути» оно не входит.* — Книгоиздательство «Путь», печатавшее свои книги, так же как и «Гермес» с типографии М. А. Мамонтова, выпустило в 1916 году только один из трех планировавшихся томов И. Г. Фихте под общей редакцией кн. Е. Н. Трубецкого и главным переводчиком Яковенко.

С. 82. ...*Поелику, в Италии даже выходит Berliner Tageblatt — Italienische Ausgabe (in italienischer Sprache).* — Berliner Tageblatt («Берлинер тагеблатт», Берлинский ежедневник) — ежедневная газета, выходящая с 1872 по 1939 в Берлине. Одна из двух наиболее важных немецких либеральных газет этого времени. Berliner Tageblatt отражала настроения либеральной торговой буржуазии; полуофициальный орган демократической партии. Редактором в 1906—1933, сменив ушедшего по болезни Артура Левисона, был влиятельный публицист Теодор Вольф. Яковенко имеет в виду итальянское издание этой газеты (на итальянском языке).

С. 82. ...*Знаете, я понимаю и извиняю Лувен, Реймс.* — Лувен (Левен, Louvain) — старинный город в Бельгии (Брабант). В Первую мировую войну подвергся значительным разрушениям. Кстати, сейчас так находится главный архив Эд. Гуссерля. Реймс (Reims) — город во Франции. Тяжело пострадал в той же войне от немецкого артобстрела (был поврежден Нотр-Дам).

С. 82. ...*И знаете, ведь под тем протестом, с которым Вы видимому, знакомы, под протестом 93 немецких интеллигентов стоят подписи Гауптмана, Зудермана, Листа, а из философов: Вундта, Виндельбанда, Освальда, Рилья.* — Манифест 93-х — открытое письмо 93 немецких интеллектуалов в защиту действий Германии в начинающейся Первой мировой войне. Манифест был опубликован 4 октября 1914 года под заголовком «К культурному миру» (нем. “An Die Kulturwelt”). Текст манифеста был написан драматургом Людвигом Фульдой при участии Германа Зудермана в сентябре 1914 года. Около недели было потрачено на сбор подписей. Некоторые учёные отказались ставить свою подпись. В частности, Альберт Эйнштейн вместо этого подписал альтернативный манифест «К европейцам». — *Гауптман* (Hauptmann) Герхарт Иоганн

Роберт (1862—1946) — немецкий драматург. Лауреат Нобелевской премии по литературе за 1912 год. — **Зудерман** (Sudermann) Герман (1857—1928) — немецкий беллетрист и драматург. — **Лист** (Liszt) Франц фон (1851—1919) — австрийский и немецкий юрист-криминолог и специалист в области международного права. Кузен и тезка композитора Ференца Листа (по рождению также Франца фон Листа). Депутат прусского парламента от Прогрессивной народной партии. — **Вундт** (Wundt) Вильгельм (1832—1920) — немецкий психолог, физиолог, философ и языковед. Профессор физиологии в Гейдельберге (1864—1674), профессор философии в Лейпциге (с 1875). Член многих иностранных академий и ученых обществ. — **Виндельбанд** (Windelband) Вильгельм (1848—1915) — немецкий философ, глава Баденской школы неокантианства. Профессор в Цюрихе (1876), Фрейбурге (1877), Страсбурге (1882) и Гейдельберге (1903). Виндельбанд известен своими трудами по истории философии: «История древней философии» (1888, рус. пер. 1893), «История новой философии» (Bd. 1—2. 1878—1880, рус. пер. Т. 1—2. 1902—1905). — **Оствальд** (Ostwald) Вильгельм Фридрих (1853—1932) — физико-химик и философ, лауреат Нобелевской премии по химии 1909 года. — **Риль** (Riehl) Алоиз (1844—1924) — немецкий философ, профессор философии в Граце, Фрейбурге, Киле и Галле. Основные труды: «Der philosophische Kritizismus und seine Bedeutung für die positive Wissenschaft» (Lpz., 1876—1887), «Ueber wissenschaftliche und unwissenschaftliche Philosophie» (Freiburg, 1883), «Einführung in die Philosophie der Gegenwart» (1903) и др.

С. 82. ...*А что пишет, например, немецкий поэт Демель!* — Демель (*Dehmel*) Рихард (1863—1920) — немецкий поэт. Окончил философский факультет. Был близок ничшеанствующим Стринбергу и Пшибышевскому. Добровольцем пошел на войну и был награжден крестом. Автор, так возмутивших Яковенко *Kriegsgedichte* (1914 г.). В статье «Новая история европейской философии» (Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 134 (IV). С. 271—301) Яковенко продолжил затронутую здесь тему на материале книги В. Вундта «Нации и их философия» и стихов Лисауэра («Песня ненависти к Англии»).

С. 82. ...*Или послушали бы, что говорит социалист Зюдекум.* — **Зюдекум** (Sudekum) Альберт (1871—1944) — один из лидеров правого крыла Германской социал-демократии. По профессии журналист. В 1900—1918 депутат рейхстага. Во время Первой мировой войны — социал-шовинист. В ноябре 1918 — марте 1920 министр финансов Пруссии.

С. 83. ...Верю только, что Коген никогда не станет говорить глупостей и пошлостей, никогда не «потеряет головы». — В самой первой книжке русского «Логоса» (1910) Яковенко опубликовал свою первую большую статью «Теоретическая философия Г. Когена», поражающую обстоятельностью и даже дотошностью в освоении материала, и свидетельствующую о его глубочайшем знакомстве с творчеством и личностью главы марбуржцев.

С. 83. ...А вот например Йонас Кон в последней книжке немецкого Логоса. — Имеется в виду статья Йонаса Кона «Widersinn und Bedeutung des Kriges», опубликованная в пятой книжке немецкого «Логоса» за 1915 год (С. 125–144).

С. 83. ...Который преспокойно себе выходит, хотя оба его редактора сражаются, и еще более преспокойно расслабляется его русским (заведомо русским, как я) подписчикам. — Редакторы немецкого «Логоса» Рихард Кронер и Георг Мелис воевали против редактора русского «Логоса» Федора Степуна.

С. 84. ...Только сейчас я нашел путь добыть себе Годжсона, Бозанкета. — Имеются в виду английские философы XX века. Г. **Годжсон** (автор известных книг: «Метафизика опыта», «Материя и сознания», «Философия рефлексии» и др.) и Б. **Бозанкет** («Логика», «Философская теория государства»), наряду с Ф. Бредли («Явление и реальность», «Принципы логики») всегда привлекали Г. Шпета.

С. 84. ...Брошюра о Флоренском (изложение и критический разбор). — Брошюра Яковенко о Флоренском так и не была опубликована. Большое место он уделил фигуре отца Павла в своей книге «Dejiny ruske filosofie» (Praha, 1938) и небольшой книге «Очерки русской философии» (Берлин, 1922).

С. 84. ...Очерк истории американской философии. Я хочу расширить мой обзор американской философии, напечатанный в Логосе. — Этот замысел Яковенко осуществил уже в изгнании. В 1922 году в Берлине вышла на русском языке его монография «Очерки американской философии», представляющая собой как раз расширенный вариант статьи «Современная американская философия» (Логос. 1913. Кн. 3–4. С. 269–343).

С. 85. ...Я имею в виду под этим не «Факты сознания» от 1810 г. (что переведены под ред. Радлова). — Имеется в виду издание: Фихте И. Г. Факты сознания. Лекции, читанные в Берлинском уни-

верситете в зимний семестр 1810–1811 годов. Перевод О. Давыдовой, под редакцией Э. Л. Радлова. СПб., 1914.

С. 85. ...К этому плану могу предложить Вам еще такой вариант: вместо Флоренского издайте книгу мою под заглавием «За философию. Книга критики и полемики». — Этот план Яковенко также остался нереализованным.

С. 85. ...Из этого № 2, 3, 4, 6 и 8 были напечатаны с сокращениями в «Северных Записках», № 5 — в Логосе, № 9 — в «Трудах и Днях», № 10 — в «Вопросах философии». — Речь идет о статьях: «О положении и задачах философии в России» (Северные записки. Пг. 1915. Январь. С. 213–243); «Философское донкихотство» (Северные записки. 1913. Октябрь. С. 169–181); «О Логосе» (Логос. 1911. Кн. 1); «Философский экономизм» (Северные записки. 1914. Февраль. С. 149–171); «Позитивизм и философия» (Северные записки. 1914. Июль. С. 16–31); «О сущности прагматизма (Pro et contra)» (Труды и дни. 1912. № 2. С. 66–74); «Философия Вильгельма Шуппе» (Вопросы философии и психологии. 1813. Кн. III (118). Май–июнь. С. 175–223). Статья «О плюрализме» в России не выходила. Уже в эмиграции вышла его книга: «Von dem Wesen des Pluralismus. Ein Beitrag zur Klärung und Lösung des philosophischen Fundamentalproblems» (Bonn, 1929).

С. 86. ...Я прибавил бы к ней еще главы об Алексеевской последней книжке. — Речь идет о книге С. А. Аскольдова-Алексеева «Мысль и действительность» (М., 1914).

С. 86. ...Мое намерение написать рецензию на Вашу книгу о Явлении и смысле встретило в «Вопросах» очень холодный прием. — Рецензия эта так и не была написана. Это мог получиться интересный спор. Ведь Шпет в «Явлении и смысле» подверг критике именно яковенковскую интерпретацию философии Гуссерля. См.: Яковенко Б. В. Философия Эд. Гуссерля // Новые идеи в философии. Вып. 3. 1913. С. 74–146.

С. 87. ...Позвольте мне написать для начала о Фихте. — О Фихте Яковенко опубликовал целый ряд статей в «Северных записках», «Вопросах философии и психологии», «Логосе». Он же написал предисловие к первому тому Фихте.

С. 87. ...Она называется «J'accuse» и действительно «по-немецки» показывает всю подноготную германской политики. — Яковенко имеет в виду издание: Grelling R. J'accuse! Paris: Payot, 1915.

С. 88. ...«Психологическим обозрением» я даже и очень интересуюсь. — Шпет сам опубликовал в «Психологическом обозрении» только одну свою статью «Предмет и задачи этнической психологии» (1917. Вып. 1, 1. С. 27–59; 1, 2. С. 233–263; 1918. 1, 3–4. С. 405–420).

С. 88. ...У меня ведь была уже о нем публицистическая статья! — Речь идет о статье «Философия отчаяния» (Северные записки. Пг., 1915. Март. С. 166–177).

С. 88. ...Я прочел Вашу рецензию на Зеньковского. Неужели же он получил магистерскую степень? — Рецензия Шпета «Критические заметки к проблеме психической причинности (По поводу книги В. В. Зеньковского “Проблема психической причинности”. Киев, 1914)» была опубликована в «Вопросах философии и психологии» (1915. Кн. 127 (11). С. 283–313).

Отзывы о книгах

Жирмунский В. — Шпету Г.

Открытка хранится в ОР РГБ 718-24-48. Цитировалась: *Гаврюшин Н. К.* Райнов и ГАХН. Приложение: Т. И. Райнов и Г. Г. Шпет: переписка о «внутренней форме слова» // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2006–2007. М., 2009. С. 133. Полностью публикуется впервые.

Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971) — лингвист и литературовед, доктор филологических наук, профессор, академик АН СССР, почетный член Баварской, Британской, Саксонской и других академий, почетный доктор многих университетов, в частности Оксфорда (1966). Труды по немецкой и общей диалектологии, истории германских языков, теории грамматики, тюркологии, истории немецкой и английской литературы, сравнительному литературоведению, теории эпоса, стиховедению; ряд работ написан по-немецки или опубликован в немецких переводах.

Густав Шпет читал труды Жирмунского. И несмотря на то, что в его опубликованных трудах нет ни одной ссылки на труды Жирмунского, тем не менее удалось найти довольно пространную цитату из книги Жирмунского в рукописном варианте первой части «Очерка развития русской философии» Шпета¹.

¹ Не вошедший кусок (с цитатой из книги Жирмунского) выделен курсивом.

Шпет размышляет о романтизме: «Что такое был этот “европейский романтизм”, пересаженный на русскую почву? Даже в настоящее время мы встречаем лишь формальные ответы на этот вопрос. Но формальный ответ — всегда только заголовок. По существу, т. е. философски, мы также далеки от ответа, как и исторически. Достаточно того, что мы до сих пор даже Пушкина знаем, сколько знаем, только эмпирически... Наконец, не знаем мы и того как следует, что разумелось в ту пору под романтизмом»¹. *Это — не упрек по адресу нашей истории литературы — у нас есть прекрасные труды об этой эпохе — nomina sunt amica — veritas magis. Развитие истории литературы у нас — прекрасная иллюстрация своеобразия нашей образованности: под заголовком истории литературы можно встретить историю общественной мысли, а под заголовком истории интеллигенции — нечто вроде истории литературы... Это — также примеры «утилитаризма» и «практицизма» русской культуры. Впрочем, уже слышны голоса покаяния: “Слишком долго произведения поэтического творчества рассматривались для культурно-исторических исследований, как документы, характеризующие общественную мысль эпохи, религиозное, философское, политическое мировоззрение того или иного социалистического круга, как будто поэтическое произведение ничем не отличается от философского трактата или от политической брошюры. Слишком долго историки литературы пренебрегали своей непосредственной задачей — исследованием художественного состава и генезиса произведения словесного искусства и не умели пользоваться своим особым методом...” (В. Жирмунский. Религиозное отречение в истории романтизма. М., 1919, стр. 5). Такое положение вещей — иллюстрация того, что я называю **утилитаризмом** и **практицизмом** русской культуры»².*

С. 88. ...Сердечно благодарю Вас за присылку мне Вашей книги, которую читаю с крайним интересом. — Речь идет о книге Г. Шпета «Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на тему Гумбольдта» (М., 1927).

С. 88. ...Позвольте послать Вам <...> мою статью из сб. «Поэтика». Жирмунский В. М. Новейшие течения историко-литературной мысли в Германии // Временник Отдела словесных искусств (Государственного института истории искусств). Т. 2. Поэтика. Л.,

¹ Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. I. Отв. ред. сост. Т. Г. Щедрина. М., 2008. С. 326.

² Выделенное курсивом см.: Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. Часть первая // ОР РГБ 718-4-9.

1927. С. 5–28. См. также: *Жирмунский В. М.* Из истории западно-европейских литератур. Л.: Наука, 1981. С. 106–124.

Заболотный В. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-49. Публикуется впервые. Ошибки, сделанные Заболотным в письме, не исправлялись.

Заболотный Василий Сильвестрович (1860 — после 1933). В службе с 1879 года. Окончил Киевское пехотное юнкерское училище (1883). Офицер 44-го пехотного резервного батальона. Капитан с 1901 года, подполковник с 1905 года, полковник с 1910 года. Участник Русско-японской (ранен) и Первой мировой войн. Командир батальона 149-го пехотного полка, с 16 августа 1914 года командир 297-го пехотного полка. Генерал-майор (пр. 18.02.1916; ст. 09.11.1914). В бою был ранен и попал в плен. От ранения (шашкой в голову) утратил способность двигать правыми конечностями и говорить. Вернулся из плена инвалидом в 1916 году. Орден Св. Георгия 4-й ст. (1916). В эмиграции.

С. 89. ...*Сегодня получил неожиданно-негаданно Вашу брошюру «Сознание и его собственник».* — См. прим. к с. 36.

С. 89. ...*Я получил громадное удовольствие, прочтя Вашу диссертацию.* — Имеется в виду: *Шпет Г. Г.* История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Ч. I. Материалы. М., 1916.

С. 89. ...*Жалею, что не могу отвечать Вам, как я бы желал: послать Вам своими «Досугами Марса».* — Заболотный иронически намекает на военные альманахи «Досуги Марса». 1834 году вышли в Санкт-Петербурге «Досуги Марса. Литературные труды офицеров». В 2 ч.; издатель их неизвестен, сотрудники все скрылись под инициалами. В 1887 году издание таких сборников возобновил Л. В. Евдокимов, выпустивший в Казани «Сборник литературных, драматических, художественных и музыкальных произведений гг. офицеров» под старым названием «Досуги Марса». В этом Альманaxe, наряду с беллетристической малоизвестных военных авторов, имеются также статьи военно-научного и военно-технического характера и очень хороший справочный военно-библиографический отдел. Однако после трех выпусков Евдокимов в 1890 году прекратил свое издание.

С. 89. ...«Что такое счастье? Философский эскиз на почве субъективизма». «Что такое война? Философский эскиз на почве субъективизма». — Имеются в виду следующие издания: *Заболотный В. С.* Философский эскиз на почве субъективизма или опыт к рациональному решению вопроса: Что такое счастье? / Под ред. Галензовского Г. Варшава: Тип. Г. Галензовского, 1897; *Заболотный В. С.* Опыт к рациональному разрешению вопроса: «Что такое война?» (Философский эскиз на почве субъективизма). Варшава: Тип. Окружного штаба, 1900.

С. 89. ...«Роль войны в истории развития культуры». — Имеется в виду: *Заболотный В. С.* Роль войны в истории развития культуры. Варшава: Офицерская жизнь, 1909.

Заславский Д. — Шпету Г.

Письмо хранится в семейном архиве. Впервые опубликовано М. Г. Шторх в журнале «Начала» (1991. № 1. С. 66). Сверено с оригиналом. Используются примечания М. Г. Шторх.

Заславский Давид Иосифович (1880—1965) — российский публицист, литературовед, критик и партийный деятель. Окончил, как и Шпет, 2-ю Киевскую гимназию. С юных лет увлекался социалистическими идеями. За участие в студенческих беспорядках был исключен из Киевского университета. К революционному движению примкнул в 1900 году. В 1912 году он переезжает из Киева в Петербург и вплоть до 1917 года является сотрудником или редактором ряда бундовских и меньшевистских изданий. До 1920 года темперамент Заславского не позволял ему замыкаться исключительно на национальных интересах еврейского народа, хотя в молодости он уделял много сил сотрудничеству в изданиях Бунда. После кратковременной паузы Д. Заславский начал сотрудничать в новых, советских газетах. Написал статьи, обличающие О. Мандельштама (1929) и Б. Пастернака (1958), композитора Д. Шостаковича.

Кулжинский Я. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-74. Публикуется впервые.

Кулжинский Ярослав Степанович — историк, директор Коммерческого училища в г. Звенигородке Киевской губ. См.: ОР РГБ, фонд 145 <1881—1906>. Писем Шпета и материалов о нем в фонде Кулжинского мною не обнаружено.

Леман-Абрикосов Г. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-27-24. Публикуется впервые.

Леман-Абрикосов Георгий Адольфович (1887–1968) — внук А. И. Абрикосова. Выпускник Юрьевского университета, филолог, переводчик, издатель философской литературы, участник домашних философских семинаров в Москве; в 1920-е гг. неоднократно репрессирован. «Издание Г. А. Лемана (Абрикосова) и С. И. Сахарова» (1912–1917, Москва), выпустило ряд философских книг Н. Бердяева, Вяч. Иванова, Н. Лосского, Э. Радлова, С. Франка. Выпущена книга I-я философского ежегодника «Мысль и слово». Книга II-я (последняя) этого ежегодника издана «Книгоиздательством С. И. Сахарова». Помимо этого издательство выпускало книги по истории, экономике, юриспруденции, статистике. Г. А. Леман оставил свои «Воспоминания» — ныне хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ). Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

С. 92. ...*Собирался Вам писать, как только вышла «Мысль и Слово».* — Имеется в виду I выпуск ежегодника «Мысль и Слово» (под ред. Г. Шпета).

С. 92. ...*Я думаю, не просить ли Котляревского.* — **Котляревский** Сергей Андреевич (1873–1939) — русский историк, писатель, правовед, политический деятель. Котляревский был участником «Союза земцев-конституционалистов» и «Союза освобождения». В 1904 году Котляревский участвовал в деятельности кружка «Аргонавты», организованного Андреем Белым. Результатом этой деятельности стал выпуск сочинения «Ламеннэ и современный католицизм» в одном из сборников, выпущенном участниками кружка. Котляревский участвовал в деятельности кружка «Беседа», организованного в ноябре 1899 года в Москве, участвовал в ряде философских и литературных кружков. Одним из таких кружков был кружок, объединявший интересы по истории религии, организованный С. Н. Трубецким, Котляревский был председателем. — В 1938 консультант Совета по изучению производительных сил Союза ССР при Академии наук СССР, жил в Москве. 17 апреля 1938 года арестован по обвинению «в принадлежности к террористической организации и вредительской деятельности». 14 апреля 1939 приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации. 8 августа 1956 года по определению Военной коллегии Верховного суда СССР дело в его отношении прекращено «за отсутствием состава»

преступления». Реабилитирован (по делу 1920) 18 ноября 1992 года по заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Лузин Н. — Шпету Г.

Письмо хранится в семейном архиве. Впервые опубликовано М. Г. Шторх в журнале «Начала» (1991. № 1. С. 66). Сверено с оригиналом. Используются примечания М. Г. Шторх.

Лузин Николай Николаевич (1883 — 1950) — математик, академик АН СССР (1929; член-корреспондент 1927). Профессор Московского университета (1917). Друг Г. Г. Шпета по университету. М. Шторх пишет: «Когда и как познакомились Шпет и Лузин, я не знаю, скорее всего в университете. Знаю только, что в 1919 году они ездили в Ярославский университет читать лекции. Лузин интересовался философией и много ею занимался. В 1928 году Лузин и Шпет баллотировались в действительные члены Академии наук. Лузин прошел, но на вакантное место по философии, а отец нет. Зимой 1935 года отец был арестован и выслан в Сибирь. Я в этот год окончила школу и собиралась поступать в университет на математический факультет. Уже из ссылки отец просил свою старшую дочь обратиться за помощью к Лузину, так как понимал, что для моего поступления могут быть серьезные препятствия. Лузин только спросил сестру, считает ли отец меня способной. Получив положительный ответ, он вскоре написал два письма (директору и декану) с просьбой помочь в данном затруднительном случае. Письма были составлены в таком хвалебном тоне моим способностям, что воспользоваться ими я не посмела. <...> Наряду с другими именитыми друзьями отца Лузин подписал ходатайство о пересмотре дела Шпета и о переводе его из глуши в какой-нибудь большой город. Через некоторое время отцу было разрешено отбывать ссылку в Томске». *Шторх М. Г.* Немного прошлого // Начала. 1991. № 1. С. 62.

С. 92–93. ...*Приношу Вам искреннюю и глубокую благодарность за Ваше внимание и память обо мне и за Ваш ценный подарок — «Мысль и слово».* — Имеется в виду первый выпуск ежегодника «Мысль и слово» (под ред. Г. Г. Шпета).

С. 93. ...*Ваше определение математики как «формальной онтологии» мне кажется вполне точно характеризующим ее.* — См.: *Шпет Г. Г.* Мудрость или разум // *Шпет Г. Г.* *Philosophia Natalis.* Избранные психолого-педагогические труды. Отв. ред. сост. Т. Г. Щедрина. М., 2006. С. 325.

Ольденбург С. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-15. Публикуется впервые.

К письму приложен именной конверт. Штемпель: 11 января 1927 года. Густаву Густавовичу Шпету. Государственная Академия Художественных наук, улица Кропоткина 32. Здесь. От Непременного Секретаря Академии Наук СССР академика Сергея Федоровича Ольденбурга.

Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — востоковед, один из основателей русской индологической школы, академик Петербургской АН (1900), позже — АН СССР. Окончил Петербургский университет (1885). Преподаватель (с 1889) и профессор (с 1894) там же. Непременный секретарь АН (1904—1929). В 1917 — министр просвещения Временного правительства. Директор Института востоковедения АН СССР (1930—1934). Автор работ в области этнографии, по истории культуры и религии древней и средневековой Индии, истории буддийского искусства и письменных памятников, по истории востоковедения, многочисленных трудов по фольклору, искусству народов стран Востока, а также России и Западной Европы.

С. 94. ...*Получил Вашу «Этническую психологию».* — Имеется в виду: Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. М., 1927.

С. 94. ...*Брошюру об искусствоведении захватил на обратный путь.* — Имеется в виду: К вопросу о постановке научной работы в области искусствоведения // Бюллетени ГАХН. 1926. № 4—5. М., 1927.

Соколов П. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-40. Публикуется впервые.

Соколов Павел Петрович (1863—1923) — сын священника Троицкой церкви села Диевых городищ Ярославской епархии. Из Ярославской семинарии. 1-й магистрант XLIII курса (1884—1888). Доцент по кафедре психологии в Московской духовной Академии (с 1889), где и учился. Экстраординарный профессор (1906), заслуженный (1914) — по кафедре психологии. В 1900 принимал участие в Четвертом международном психологическом конгрессе в Париже. Основные труды: «Философия в современной Германии» («Православное Обозрение». 1890. № 23 и 24); «Учение о Троице в новейшей идеалистической философии» («Вера и Ра-

зум». 1892, 1893, 1894, 1896), «Банкротство натуралистического миросозерцания и современный религиозно-нравственный кризис на Западе» («Вера и Разум». 1897. № 1–4), «Факты и теория цветного слуха» («Вопросы философии и психологии». Кн. 37, 38), «Проблема веры с точки зрения психологии и теории познания» (Сергиев Посад, 1906) и др.

С. 95. ...Я только что узнал от Н. Д. Виноградова Ваш адрес и спешу сделать то, что уже давно было моим долгом, — поблагодарить Вас за Вашу книгу. — **Виноградов Н. Д.** См. прим. к с. 72. — Имеется в виду «История как проблема логики» (1 часть. М., 1916).

Черняев Н. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-56. Публикуется впервые.

Приложен конверт: Заказное № 361. Москва, Долгоруковская улица, д. 17, кв. 2. Г-ну Густаву Густавовичу Шпету. От Н. И. Черняева. Лысьвенский завод Пермской губернии. Управление завода. Техническое Бюро.

Черняев Николай Игнатьевич. — Вероятно, сотрудник Технического бюро Лысьвенского завода.

С. 95. ...Я провел за первой частью Вашего очерка развития Русской Философии. — Имеется в виду книга: **Шпет Г. Г.** Очерк развития русской философии. Часть I. Пг., 1922.

Отдельные записки

Аксельрод Л. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-15. Публикуется впервые.

Аксельрод (псевдоним — Ортодокс) Любовь Исааковна (1868–1946) — русский философ и литературовед. С 1884 — в революционном движении. В 1887–1906 жила в эмиграции, где в 1892 вошла в марксистскую группу «Освобождение труда». В 1900 окончила Бернский университет. В 1921–1923 преподавала в Институте красной профессуры, позднее работала в Институте научной философии России, ассоциации научно-исследовательских институтов АН СССР (РАНИОН) и вместе со Шпетом в Государственной академии художественных наук. В 20-х годах XX в. Ак-

сельрод — представитель группы «механистов». В последние годы жизни занималась социологическими проблемами искусства. Основные труды: «Карл Маркс как философ» (1924); «Этюды и воспоминания» (1925); «Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса» (1934).

Барков А. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-19. Публикуется впервые.

На обороте заметки Шпета к работе «Очерк развития русской философии»: о народности у Надеждина, Веневитинова, Ср.-Камашева.

Барков Александр Сергеевич (1873–1953) — географ, доктор географических наук, профессор, действительный член АПН РСФСР (1944), заслуженный деятель науки РСФСР (1951). В 1898 окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В 1899 начал педагогическую деятельность преподавателем географии Александровского училища в Москве, а затем педагогических женских курсов им. Д. И. Тихомирова. В 1931–1950 работал в Московском университете, с 1941 возглавлял кафедру физической географии Африки.

С. 96. ...*Письмо это передаст Вам мой зять, Андрей Александрович Губер.* — **Губер** Андрей Александрович (1901–1970) — искусствовед. Окончил Московский университет (1922). Осенью поступает в Государственную Академию художественных наук (ГАХН) ученым секретарем терминологической комиссии (1923–1930). Член редакции Энциклопедического словаря «Гранат» (1926–1939). В 1938 начал преподавать в Институте философии, литературы и искусства (ИФЛИ): курсы лекций по истории культуры Античности, Средних веков и Возрождения. В 1939–1948 годы — старший научный редактор, затем заведующий отделом литературы, искусства и языка Государственного института «Советская энциклопедия». С 1942 по 1959 год преподает в Московском государственном университете. Главный хранитель ГМИИ им. А. С. Пушкина (1945–1970)

Бебутов В. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-20. Публикуется впервые.

Бебутов Валерий (Валериан) Михайлович (1885–1961) — театральный режиссер. Заслуженный артист РСФСР (1934), заслужен-

ный деятель искусств Татарской АССР (1945). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1910). В 1912–1917 годах работал в Московском Художественном театре. Преподавал на руководимых Мейерхольдом Государственных высших режиссерских мастерских. В 1923–1924 годах — режиссер Театра им. МГСПС («Театр Клары Гасуль» Мериме, «Ревизор» Н. В. Гоголя; «Смерть Тарелкина» Сухова-Кобылина. Одновременно руководил театром «Романеск».

Борткевич В. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-28. Публикуется впервые.

Приложен конверт: Herr Gustav von Spett, Charlottenburg, Grolmannstr. 36. Печать: Prof. L. von Bortkiewicz, Berlin-Halensee, Johann-Sigismundstr. 2.

Борткевич Владислав Иосифович (1868–1931) — экономист и статистик польского происхождения Окончил курс в Санкт-Петербургском университете. В 1895–1907 годах читал лекции по страхованию рабочих и теории статистики в Страсбургском университете; в 1899–1901 гг. преподавал статистику в Императорском Александровском лицее в Санкт-Петербурге; с 1901 года занимал профессорскую кафедру в Берлинском университете. Много писал на русском и немецком языках, особенно по теоретическим вопросам статистики и политической экономии.

Булгаков С. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-29. Впервые опубликовано в кн.: *Шедрина Т. Г.* Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М., 2008. С. 56–57.

Булгаков Сергей Николаевич — см. прим. к с. 18.

С. 97. ...*Не знаю, считаете ли Вы возможным примкнуть к общей программе газеты «Народ».* — Газета «Народ» выходила в Киеве с апреля 1906 года. Журнал «Вопросы жизни», в сентябрьском номере которого (1905) Булгаков опубликовал программную статью, посвященную социально-политическим проблемам религиозного сознания, к этому времени уже прекратил свое существование. Поэтому Булгаков видел в газете «Народ» идейный центр нового движения за христианский идеал свободы личности. Киевская газета

«Народ» просуществовала буквально несколько дней и была закрыта по требованию цензуры. Подробнее об этом см.: *Лопухов Б.Р.* Христианская демократия и русская мысль в начале XX века // Европейский альманах. 1994. М., 1994. С. 18–24.

Зайцева Е.Д. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-50. Публикуется впервые.

Зайцева Е. Д. См. прим. к с. 28.

С. 98. ...<1918>. — Год написания письма установлен по контексту. Речь идет о том, что ежегодник «Мысль и Слово» послан Шестову в Киев. Как сообщает Н. Л. Баранова-Шестова, переезд в Киев, вероятно, состоялся 5 июля 1918 года.

С. 98. ...*Фел. Осип. Лемберг, Евг. Абр. Кофман, Наум Дав. Шпильман.* — Неустановленные лица.

Зеньковский В. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-52. Публикуется впервые.

Зеньковский В. В. См. прим. к с. 74.

Коган Н. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-64. Публикуется впервые.

Нолле-Коган Надежда Александровна (1888–1966) — переводчица, мемуаристка. Жена П. С. Когана.

С. 98. ...<после 2 мая 1932 года>. — После смерти П. С. Когана.

С. 98. ...*Вы мне и Саше друг.* — Имеется в виду сын П. С. и Н. А. Коганов Александр.

С. 99. ...*Ваши все здоровы.* — Н. А. Коган с сыном и Н. К. Шпет с детьми жили летом 1932 года в Тарусе по соседству.

Криличевская А. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-71. Публикуется впервые.

Криличевская Анна Федоровна (урожд. Лорие, 1892–1921) — одноклассница и подруга Н. К. Гучковой по Алферовской гимназии. Брат — Иван Федорович Лорие — известный московский врач-психиатр.

С. 99. ...*Не откажите посмотреть начало моего перевода.* — 20 июня 1915 года Шпет пишет Н. К. Шпет «Получил от Анны Федоровны ее перевод. Сделано очень немного, но поправлять нужно очень много. Некоторые ошибки поразительные, как будто она не только не поняла текста, но даже как будто не знает языка. Например, l’embrassements qu’en fait toute une société она переводит “размер его распространения, простирающегося на целый класс людей”. Понять нельзя, а речь идет о круге его распространения, который делает из него целое общество. Или: la véritable levée de boucliers qu’elle suscite contre la science она переводит “снятие завес с науки, порожденное им”! Чепуха, когда это значит: “прямо-таки возмущение, вызванное им против науки”. Ну, и подобное! Но в целом все-таки она переводить сможет, если будет внимательно работать и не будет полагаться на свое мнимое знание французского языка, а будет почаще заглядывать в словарь. А тебе, вот, еще пример, что говорить на каком-нибудь языке не значит знать его!» Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 234. 1 июля 1915 года Шпет пишет Н. К. Шпет: «Вчера отослал перевод Лорие. Нашел еще несколько нелепостей, но в общем все-таки, думаю, она, если захочет, научится». Там же. С. 246. — О каком переводе идет речь, пока установить не удалось.

Московское общество изучения и распространения физических наук — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-7. Публикуется впервые.

С. 99. ...*Секретарь И. Соколов.* — **Соколов** Иван Иванович (1874–1967) — педагог, физик-методист, доктор педагогических наук (1951), профессор (1935), один из создателей и секретарь Общества изучения и распространения физических наук (1912; председатель Н. А. Умов).

Нуцубидзе Ш. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-13. Публикуется впервые.

Нуцубидзе Шалва Исаакович (1888–1969) — грузинский философ, литературовед, историк культуры. Создатель «алетологического реализма» (учения об истине). Крупнейший исследователь истории грузинской философии. Доктор философии (1926). В 1910 году окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Занимался в семинарах А. И. Введенского, Н. О. Лосского, И. И. Лапшина. Некоторое время учился и работал за границей (1911–1914). В Лейпциге Нуцубидзе работал под руководством Вундта, Фолькельта и Барта. Нуцубидзе является одним из основателей Тбилисского университета. В 1918 году он был избран профессором этого университета.

С. 100. ...*В Москву направлен аспирант последнего курса по философии — Каландаришвили Григорий.* — *Каландаришвили* Григорий Матвеевич (1904–1965) — специалист по теории познания, логике и истории философии; доктор философских наук. Окончил Тбилисский государственный университет (1931), вел научно-педагогическую работу и одновременно продолжал учебу в аспирантуре МИФЛИ. После защиты кандидатской диссертации в 1939 (тема: «Проблема диалектики в философии Канта и Фихте») Каландаришвили остается в Москве и работает в качестве научного консультанта Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, а затем научный сотрудник Всесоюзной юридической академии. В 1941 возвращается в Грузию, ведет педагогическую работу в Тбилисском государственном университете. С 1958 по 1961 Каландаришвили руководит кафедрой диалектического и исторического материализма Политехнического института во Владивостоке. В 1961 защитил докторскую диссертацию — «К вопросу об отражении диалектики движения и развития в логике понятий». С 1961 до кончины заведовал отделом логики ИФ АН Грузинской ССР.

Общество любителей российской словесности — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-14. Публикуется впервые.

Приложен конверт: Москва, Общество любителей российской словесности. Штемпель: 3 декабря 1919 Москва.

С. 100. ...*Секретарь общества Н. Мендельсон.* — *Мендельсон* Николай Михайлович (1872–1934), историк литературы, этнограф, фольклорист. Общественный деятель Иркутска. Окончил иркутскую гимназию. После революции работал библиотекарем Публичной библиотеки имени Ленина.

Петников Г. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-17. Публикуется впервые.

Приложен конверт: Тверская, 29. Книжная лавка «Содружество писателей». Г. Г. Шпету. Из Харькова, ул. Старо-Московская, 54, кв. 5.

Петников Григорий Николаевич (1894–1971) — поэт, переводчик, один из лучших переводчиков Новалиса. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета, закончил образование на юридическом и литературном факультетах Харьковского университета. В 1913 году увлекся поэзией и примкнул к футуристическому лагерю. В 1914 году совместно с Божидаром и Николаем Асеевым основал в Харькове издательство «Лирень», вплоть до 1922 года публиковавшее книги и сборники футуристов. В 1919 году непродолжительное время возглавлял Всеукраинский литературный комитет Наркомпроса Украины, участвовал в гражданской войне. В 1925–1931 годах был сотрудником издательства «Academia» в Ленинграде; затем жил в Москве, а с конца 1950-х в Крыму.

С. 100. ...6 декабря <1920-е годы>. — Датировка письма осуществлена по сохранившейся части штампа на конверте.

С. 100. ...*Будьте любезны написать мне как разрешен вопрос с изданием «Учеников» и Фрагментов Новалиса.* — Вероятно, Шпет готовил переводы Новалиса, сделанные Петниковым к изданию. Однако перевод не был издан в тот момент.

С. 101. ...*Привет от Б. К.* — неустановленное лицо. Возможно, Богдан Кистяковский.

Соловьева Н. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-44. Публикуется впервые.

Соловьева Наталия Сергеевна (1913 — ?) — старшая дочь поэта Сергея Михайловича Соловьева (1885–1942).

С. 101. ...*После возвращения в Москву сестры Станиславского.* — *Алексеева* Мария Сергеевна (1878–1942) — дочь Сергея Владимировича Алексеева, сестра К. С. Станиславского, актриса. В 1-м браке — Оленина, во 2-м браке — Севастьянова, в 3-м браке — Балашова.

С. 101. ...*Кроме того, мне хотелось взять (если это сейчас возможно) у Вас часть папиных денег.* — Вероятно, речь идет о гонорарах за переводы Соловьева. Так, Шпет отредактировал трагедию Шекспира «Макбет», перевод которой (первый вариант) был выполнен С. М. Соловьевым. А после правки Шпета было предложено писать на титуле Собрания сочинений Шекспира: «Перевод С. М. Соловьева и Г. Г. Шпета.»

Струве П. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-27-23. Публикуется впервые.

Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — русский экономист, социолог, философ, общественный деятель.

С. 101. ...*Ваше намерение перевести Антидюринга.* — Имеется в виду книга Ф. Энгельса «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» (1878).

Трубецкой Е. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-48. Впервые представлено в текстах Т. Г. Шедриной: Экзистенциальные мотивы исторической памяти: Евгений Трубецкой и Густав Шпет // Вопросы философии. 2007. № 11. С. 66–72; Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М., 2008. С. 105–106. Публикуется по рукописному оригиналу.

Трубецкой Евгений Николаевич. См. прим. к с. 69.

С. 102. ...*Все это предвыборное время у меня поглощено исключительно политикою.* — Возможно, в письме речь идет о выборах в III Государственную Думу, проходивших осенью 1907 года.

С. 102. ...*Это, разумеется, не то, что нужно для Вашего общества.* — О каком Обществе идет речь в этом письме, пока точно установить не удалось. Возможно, Шпет уже в 1907 году задумывал проект Московского Общества по изучению научно-философских вопросов, которое было организовано им в 1914 году. См. упоминание об этом: *Шпет Г. Г. Явление и смысл // Шпет Г. Г. Мысль и Слово. Избранные труды.* М., 2005. С. 35.

С. 102. ...*Ибо в партию «мирного обновления» оно, очевидно, не запишется.* — Партия мирного обновления была организована в

июле 1906 года, в 1907 году насчитывала около 2 тысяч членов; в 1912 году преобразована в Прогрессивную партию. Е.Н. Трубецкой (до 1906 года — кадет) был одним из организаторов Партии мирного обновления, с 1912 года — член московского комитета Прогрессивной партии. — В одном из писем к М. К. Морозовой Трубецкой признавался: «Я никогда “политиком” не буду, как никогда не был профессиональным военным. Но как бывают времена, когда все способные носить оружие призываются на войну, не разбирая — философы они или нет, так бывают и времена всеобщей политической повинности». Цит. по: *Носов А. А.* Политик в философии // *Трубецкой Е. Н.* Миросозерцание В. С. Соловьева. Т. I. М., 1995. С. XII. См. также философскую интерпретацию политической публицистики Е. Н. Трубецкого в статье: *Михайловский А. В.* Пещера Фэфнира и чудо пятидесятницы: идея русского миссионизма в политической публицистике кн. Евгения Трубецкого // Вопросы философии. 2007. № 11. С. 45–55.

Шпет Г. — Лидину В.

Записка хранится в РГАЛИ 3102-1-1083. Публикуется впервые.

Лидин Владимир Германович (см. прим. к с. 20).

Вероятно, данное письмо было написано Шпетом в начале 1920-х годов, когда он работал в «Книжной лавке писателей».

Раздел II. Преподавательский круг

Ахов В. — Шпету Г.

Письма хранятся в семейном архиве. Публикуются впервые.

Датировка писем установлена по контексту.

Ахов В. Н. — студент Литературного института.

С. 105. ...*Я студент бывшего ГИС'а.* — Имеется в виду *Государственный институт слова* (ГИС). Первоначально — курсы дикции и декламации в Москве (1913–1919), преобразованные осенью 1919 года в Государственный институт декламации (ГИД). Осенью 1920 года ГИД переименован в ГИС. В январе 1922 года — закрыт. Инсти-

тут подчинялся ТЕО Наркомпроса, готовил актеров чтецов, а также помогал всем желающим освоить приемы ораторского искусства.

С. 105. ...*Поручено ректором Литературно-Художественного Института (В. Я. Брюсовым).* — **Брюсов** Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт, основоположник русского символизма. После Октябрьской революции 1917 года он активно участвовал в литературной и издательской жизни Москвы, работал в различных советских учреждениях. С 1917 по 1919 год он возглавлял Комитет по регистрации печати (с января 1918 года — Московское отделение Российской книжной палаты); с 1918 по 1919 год заведовал Московским библиотечным отделом при Наркомпросе; с 1919 по 1921 год был председателем Президиума Всероссийского союза поэтов. В 1919 году Брюсов стал членом РКП(б). Работал в Государственном издательстве, заведовал литературным подотделом Отдела художественного образования при Наркомпросе, был членом Государственного ученого совета, профессором МГУ (с 1921); с конца 1922 года — заведующий Отделом художественного образования Главпрофобра; в 1921 году организовал Высший литературно-художественный институт (ВЛХИ) и до конца жизни оставался его ректором и профессором.

С. 105. ...*В помещении гимназии Бесс.* — Гимназия Ю. П. Бесс (1889—1917) располагалась на ул. Большая Никитская, д. 14.

Бережков Ф. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-24-24. Впервые опубликованы М. Г. Шторх в журнале «Начала» (1991. № 1. С. 66—67). Сверено с оригиналом. Используются примечания М. Г. Шторх.

К письмам приложен конверт без даты: Заказное. Густаву Густавовичу Шпету. Долгоруковская, 17. От Ф. Бережкова. Гагаринский 23, 27.

Бережков Федор Федорович (1888—1943) — преподаватель философии, логики и психологии. До революции читал курсы логики, философии и психологии. Шпета и Бережкова объединял Г. И. Челпанов. Они были его любимыми учениками, но в разные периоды. Бережков окончил Московский университет в 1913 году и был оставлен на кафедре. Сотрудничал в ГАХН, много занимался Достоевским (выпустил в 1928 году в ГАХН монографию). После ликвидации ГАХН Бережков занимался только преподаванием литературы в школах. Марина Густавовна слышала от

его учеников (например, артиста Р. Плятта) только самые лучшие слова благодарности за его уроки.

С. 106. ...*Только что узнал от Георгия Ивановича.* — **Челпанов** Г. И. См. прим к. с. 17.

С. 106. ...*И если в «Иерусалиме» оказалось что-то близкое Западу <...> чтоб и в Ваших «Афинах» многое признали абсолютным также и «сыны Иерусалима».* — Бережков намекает на статью Шпета «Мудрость или разум», напечатанную в первом выпуске философского ежегодника «Мысль и Слово» (М., 1917).

С. 106. ...*Прежде всего поздравляю Вас с «Татьяной».* — С днем открытия Московского университета.

С. 106. ...*По возможности без опоздания: будет обсуждаться вопрос о передаче семинария Маркова по философии религии.* — **Марков** Иван — психолог, философ. Ученик Г. И. Челпанова.

С. 107. ...*Целый ряд лиц (Огнев, Ярхо, Петровский, Пичета, Фатов) высказывались очень сочувственно.* — Имеются в виду приват-доценты Московского университета 1919 года: **Огнев** А. И. (ум. в 1925); **Ярхо** Борис Исаакович (1889–1942); **Петровский** Михаил Александрович (1887–1937); **Пичета** Владимир Иванович (1878–1947); **Фатов** Николай Николаевич (1887–1961).

Григорьев М. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-24-43

Приложен конверт: Государственная Академия Художественных наук, ул. Кропоткинская, 32. Профессору Г. Г. Шпету. От Михаила Степановича Григорьева. Москва, Арбат, 25, кв. 3.

Григорьев Михаил Степанович (1890–1980) — литературовед, театровед. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1964). В 1915 году окончил историко-филологический факультет Петроградского университета. С 1921 — профессор, с 1922 — проректор по учебной части ВЛХИ. Преподавал в МГУ, ГИТИС. Был деканом сценарного факультета ВГИК.

Демидовский Юридический лицей — Шпету Г.

Письмо хранится в семейном архиве. Публикуется впервые.

Ярославское высших наук училище просуществовало с 1803 по 1833 год. В 1809 году была создана кафедра естественного и народного права, возглавляемая проф. Г. Ф. Покровским. С 1833 по 1868 год на основе училища действовал Камеральный лицей, где профильными науками стали «юридические и “камеральные” (дававшие экономические, финансовые и некоторые технические познания, которые способствовали подготовке специалистов к службе в присутственных местах и палатах, т. е. “камерах”)»¹. В 1868 г. на базе Камерального лицея был открыт Демидовский юридический лицей, просуществовавший до 1918 года. В стенах этого лицея читали курсы Е. Н. Трубецкой, Б. А. Кистяковский, Г. Г. Шпет и др.

С. 108. ...*Директор Лицея В. Н. Ширяев.* — *Ширяев* Валериан Николаевич (1872–1937) — юрист, криминалист, доктор уголовного права, студент Ярославского Демидовского лицея (1881–1885), приват-доцент (с 1904), профессор (с 1910) и последний директор Ярославского Демидовского лицея (1917), первый ректор Ярославского государственного университета (1918–1922), читал курсы криминальной социологии и права. С 1924 года работал в Белорусском университете, читал курс уголовного права и истории права. В 1937 года был арестован. Умер в Ярославле.

Ивановский В. — Шпету Г.

Письма от 25 марта — 7 апреля 1918 года, 17 сентября 1921 года, 29 ноября 1922 года хранятся в ОР РГБ 718-24-54. Публикуются впервые.

Письмо <май 1922 года> хранится в ОР РГБ 718-24-53 вместе с Докладом действительного члена Института научной философии при Факультете общественных наук Московского Университета (см. наст изд. Раздел VI). Публикуется впервые.

Ивановский Владимир Николаевич (1867–1939)² — русский философ, историк философии и психологии, близкий к английскому позитивизму. Приват-доцент Московского (1899–1903 и 1914–1917), Казанского (1904–1912) университетов; ученый секретарь журнала «Вопросы философии и психологии»; профессор Казанского

¹ Буланова М. Б. Первая кафедра социологии в Ярославском государственном университете // Социологические исследования. М., 2006. С. 133. Цит. по электронной версии: <ecsocman.hse.ru/data/918/827/1219/017_Bulanova_132-137.pdf>

² Более подробно см.: Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века): М. И. Каринский, В. Н. Ивановский, Н. А. Васильев / Под ред. В. А. Бажанова. М., 2012.

(1917–1919), профессор и ректор Самарского (1919–1921), профессор Белорусского (1921–1927) университетов. На Первом Международном конгрессе в Париже (1900) избран в бюро Конгресса и представлял в нем Россию до начала 1920-х годов. Занимался историей ассоциативной психологии, с позиций которой критиковал понятие активности духа и апперцепции. Редактор переводов «Логики» Дж. С. Милля. После Октябрьской революции Ивановский активно участвовал в работе над «Словарем философской терминологии» в качестве действительного члена Института научной философии при факультете общественных наук 1-го МГУ и в развитии педагогической психологии. Основные труды: «Движение к распространению университетского образования в России» (М., 1900); «Введение в философию» (Казань, 1909); «Ассоциационизм психологический и гносеологический» (В 2 ч. Казань, 1909–1910) и др.

С. 109. ...Очень благодарю Вас за предложение принять участие в издаваемой под Вашей редакцией серии «История философии в монографиях». — Проект этой серии не был реализован.

С. 109. ...Я получил повестку на заседание Института в четверг, <...> сведения о предложенных мною Александре Осиповиче Маковельском и Николае Александровиче Васильеве. — **Маковельский** Александр Осипович (1884–1969) — философ, член-корреспондент АН СССР (1946). — **Васильев** Николай Александрович (1880–1940) — русский философ-логик, переводчик философской литературы; друг В. Н. Ивановского. Профессор логики, поэтики и теоретических основ педагогики факультета общественных наук Казанского университета. В 1923 вследствие тяжелой болезни оставляет университет. — Запись из Протокола организационного заседания Института научной философии 9 сентября 1921 года: «По поводу намечавшейся кандидатуры проф. Маковельского, специалиста по древней философии, состоящего в данное время профессором Бакинского университета, собрание, найдя более подходящим зачислить его непосредственно в действующие члены Института, постановило просить присутствующего члена В. Н. Ивановского заручиться предварительным согласием проф. Маковельского на выставление его кандидатуры, как равно и согласия Н. А. Васильева (профессора Казанского университета) на зачисление ассистентом». Цит. по: *Коган Л. А.* Непрочитанная страница (Г. Г. Шпет — директор Института научной философии: 1921–1923) // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 109. — Запись из Протокола заседания Совета Института научной философии 22 сентября 1921 года: «Профессор Виноградов высказал сомнение, лежит ли обязанность осуществления всех этих курсов на одном

Институте научной философии, состав которого еще не окончательно определился. В связи с предстоящим привлечением в состав Института нескольких новых лиц профессор находил целесообразным вопрос об осуществлении курсов временно отложить. На это предложение председатель возразил, что подыскание шести преподавателей теперь же является тем более возможным, что выборы ассистентов требуют санкции лишь президиума Университета...» Там же. С. 111.

С. 110. ...*Что касается коллективных работ Института, то я находил бы возможной 1) совместную работу над философской терминологией.* — Запись из Протокола заседания Совета Института научной философии 28 ноября 1921 года: «По вопросу об организации коллективной работы в Институте намечены следующие возможности: <...> г) Желательно организовать терминологические исследования, выделив из состава Института специальную терминологическую комиссию, а если окажется возможным, то и терминологический кабинет. В первую очередь следует издать Словарь русских философских терминов». Цит. по: *Коган Л. А.* Непрочитанная страница (Г. Г. Шпет — директор Института научной философии: 1921—1923) // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 114.

С. 110. ...*Сегодня должен ехать в Самару; имею уже билет.* — В 1919—1920 годах исполнял обязанности Ректора Самарского университета. Голод в Поволжье вынудил его покинуть Самару. Осенью 1921 года он перешел в открывшийся в Минске Белорусский государственный университет (БГУ).

С. 110. ...*В понедельник 15/V я был, хотя с опозданием, в Психологическом Институте, Якова Александровича не было.* — **Берман** Яков Александрович (1868—1933) — юрист, философ, профессор, преподаватель общей теории государства и права. Окончил Московский университет в 1889 году. Принимал участие в первом социал-демократическом кружке, организованном в Москве в 1890 году. С 1902 по 1905 год вел работу в социал-демократических организациях на Кавказе. В 1905 году принимал участие в Московском декабрьском восстании, состоял в меньшевистской военной организации. В октябре 1917 года отошел от объединенцев, вступил в РКП(б), работал в качестве сотрудника президиума Московского Совета. В 1918 году командирован советским правительством в Вену председателем комиссии попечения о русских военнопленных в Австро-Венгрии. Здесь он принял участие в организации австрийской и венгерской коммунистических партий. В конце декабря 1918 года арестован в Будапеште вместе с 16-ю работниками Будапештской подкомиссии попечения о военно-

пленных французским оккупационным командованием и отправлен в г. Сегедин, где содержался под стражей до марта 1919 года. В сентябре 1919 года отправлен австрийским правительством в РСФСР вместе с австрийской комиссией попечения об австрийских военнопленных, находившихся в пределах Советской России. В 1920—1922 годах юрисконсульт, заведующий отделом юстиции Московского Совета, с 1922 — преподаватель Коммунистического университета им. Свердлова и профессор 1-го МГУ, действительный член Института научной философии и Института советского права РАНИОН, Института советского строительства. Автор работ по философии, в том числе: «Диалектика в свете современного познания», «Сущность прагматизма», «Новые течения в науке и мышлении» и др.

С. 110. ...*Вы, быть может, двинули бы дело терминологической комиссии на ближайшем заседании всего института.* — В Полугодичном отчете о деятельности Института научной философии (1 октября 1922 года) сообщалось: «Коллективные работы предусматриваются следующих типов: <...> д) разработка вопросов научной и философской терминологии с целью подготовки материала для словаря научных и философских терминов; е) для разработки плана составлена специальная комиссия из членов Института — Бермана, Ивановского, Шпета». Цит. по: *Коган Л. А.* Непрочитанная страница (Г. Г. Шпет — директор Института научной философии: 1921—1923) // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 115.

С. 110. ...*К сожалению, я не смогу представить отзыва о работах Б. А. Фохта.* — **Фохт** Борис Александрович (1875—1946) — философ, историк и переводчик философской литературы. В 1904—1908 годах учился у Когена и Наторпа. Преподавал философию, логику, античные языки. Значительная часть произведений Фохта осталась в рукописи (в том числе «История логической рефлексии античной философии до середины V века. до н.э.»). См.: *Фохт Б. А.* Избранное (из философского наследия). Сост., вступ. статья, комментарии Н. А. Дмитриевой. М., 2003.

С. 110. ...*Посылаю Вам мой небольшой доклад, написанный для терминологической комиссии.* — Доклад действительного члена Института научной философии при Факультете общественных наук Московского Университета. См. наст. изд. Раздел VI. С. 304—312.

С. 110. ...*Сегодня едет в Москву по делам КУБУ преподаватель Минского университета Евгений Иванович Боричевский.* — **Боричевский** Евгений Иванович (1883—1934/5) — философ, исто-

рик искусства, последователь Зиммеля. Друг Н. В. Самсонова и В. Н. Ивановского. Окончил Московский университет в 1909 году. Опубликовал в «Вопросах философии и психологии» обзоры книги: Эрнст Лаас. Идеализм и позитивизм. Первая, общая и основная часть. Перев. с нем. под ред. С. Н. Эверлинга (1908. Кн. 92. С. 278–280; Dr. Meumann. Einführung in die Ästhetik der Gegenwart. (1908. Кн. 92. С. 281–285). В 1915–1917 годах посещал заседания «Пушкинского кружка историков литературы» (из этого кружка в 1919 году возник Пушкинский семинарий Вячеслава Иванова¹). В 1920-е годы профессор Минского университета.

С. 110–111. ...№ 2–3 «Трудов Белорусского государственного университета», где помещено окончание моей статьи о Вашей книге. — Имеется в виду полемическая статья Ивановского, написанная по итогам его выступления на диссертационном диспуте Г. Шпета в 1916 году. См. прим. к с. 35. — *Ивановский В. Н.* Логика истории как онтология единичного // Труды Белорусского государственного университета в Минске. Минск, 1922. № 1, 2–3.

С. 111. ...*А. В. Кубицкий писал мне, что вопрос о существовании Института научной философии решится в этом ноябре.* — *Кубицкий* Александр Владиславович (1880–1937) — историк философии, переводчик. Приват-доцент Московского университета; действительный член Психологического общества при Московском университете. С марта 1924 года — зав. секцией истории философии Института научной философии РАНИОН. В конце 30-х годов в МИФЛИ. Осуществил полный перевод «Метафизики», «Категорий» Аристотеля (1934).

С. 111. ...*К сожалению, сейчас выехать не могу, так как жена и все трое детей недели две назад заболели коклюшем.* — Жена — *Ивановская-Фортунова* Екатерина Алексеевна (1877–1968); дети: Елена Владимировна (1903 — ?), Алексей Владимирович (1913–1938), Татьяна Владимировна (1914–2004)

С. 111. ...*К статьям в «Трудах Белорусского Государственного университета» (о Вашей книге и переработанная глава из диссертации — о Бэне).* — Помимо уже упомянутой работы об «Истории как проблеме логики» Шпета, Ивановский имеет в виду: Ассоцианизм у Бэна // Труды Белорус. Гос. Университета. Минск, 1922. № 2–3. С. 246–275; 1923. № 4–5. С. 55–75;

¹ См. Пушкинский кружок в Москве // Научные известия. Сб. 2: философия, литература, искусство. М., 1922. С. 291.

С. 111. ...9 статей для Словаря Граната. — Указанные статьи были опубликованы в словаре «Гранат» в 1926–1930 годах.

С. 111. ...К первой части моего Курса Введения в научную и философскую методологию. — Имеется в виду: *Ивановский В. Н.* Методологическое введение в науку и философию. Т. 1. Минск, 1923.

С. 111. ...Кроме того, моя вторая диссертация принята к изданию Московским Госиздатом, но пока не напечатана. — Имеется в виду его книга «Методологическое введение в науку и философию» (Т. 1. Минск, 1923) — «первое в отечественной науке издание подобного рода. Книга вызвала большой резонанс в философских и научных кругах. Книгу купил Госиздат. Бывший ее рецензентом профессор А. Н. Бернштейн высоко оценил книгу как “совершенно исключительное исследование: такого нет во всей мировой литературе”¹. Также положительно высказалась Л. И. Аксельрод: по ее мнению, “это настоящее исследование, какие пишут немцы”². Однако книга не была напечатана в Госиздате. В письме к Н. А. Рыбникову от 26 ноября 1938 года В. Н. Ивановский с болью писал: “Госиздат печатать не стал, а через несколько лет 2,5 тысячи моего *Введения* сожгли как идеалистическую макулатуру, а работы об ассоцианизме забыли”³.

Инструкторские курсы партии революционного коммунизма — Шпету Г.

Письмо и программа хранятся в семейном архиве. Публикуются впервые.

Партия революционного коммунизма (ПРК) — российская политическая партия. Образована в сентябре 1918 года в Москве в результате откола группы левых эсеров, выступавших за сотрудничество с большевиками, от Партии левых социалистов-революционеров после левоэсеровских мятежей 1918 года.

С. 112. ...Программу курсов прилагаю. — См. далее: «Инструкторские курсы Ц.К.П.Р.К.»

¹ См.: *Ивановский В. Н.* Письма Н. А. Рыбникову // Центральный Московский архив-музей личных собраний. 66-1-31. Л. 3.

² Там же.

³ *Ждан А. Н.* В. Н. Ивановский как мыслитель // Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века): М. И. Каринский, В. Н. Ивановский, Н. А. Васильев / Под ред. В. А. Бажанова. М., 2012. С. 135–136.

С. 112. — *С приветом А. Устинов.* — **Устинов** Алексей Михайлович (1879–1937) — революционер, дипломат, ученый-агроном, академик ВАСХНИЛ, один из основателей советской военной разведки. Сын богатого помещика, родной племянник П. А. Столыпина, что не помешало ему стать революционером. Окончил историко-филологический факультет Московского университета и агрономическое отделение Цюрихского политехникума. В революционном движении с 1902 года, эсер с 1906 года. Осудил левозерсовский мятеж 6-7 июля 1918. Устинов — один из инициаторов создания и лидер Партии революционных коммунистов, объединившей несколько тысяч бывших левых эсеров, признавших недопустимость срыва Брестского мира и готовых сотрудничать с большевиками. В 1920 году революционные коммунисты объединились с большевиками, Устинов стал членом РКП(б). В 1920 году — один из организаторов Региструпра (Регистрационного (Разведывательного) управления). С 1921 года — дипломат. В 1932–1934 — член Президиума ВАСХНИЛ. В январе 1934 года возвращен на дипломатическую работу и назначен полпредом СССР в Эстонии, где и умер 26 сентября 1937 г. Его похоронили с почестями, центральные газеты поместили обширные некрологи, однако уже несколько недель спустя его близкие родственники отправились в ссылку, как «члены семьи врага народа».

Киевские Женские курсы — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-58. Публикуется впервые.

Приложен конверт именной: Киевские Женские курсы, Пушкинская № 32, Его высокоородию Густаву Густавовичу Шпет.

С. 113. ...*Женские Курсы, учрежденные профессором М. В. Довнар-Запольским.* — **Довнар-Запольский** Митрофан Викторович (1867–1934) — историк, экономист, этнограф, фольклорист, деятель русской, украинской и белорусской культур, основоположник белорусской национальной историографии. В 1905 году основал в Киеве Высшие Женские курсы.

С. 114. ...*Может быть, Вы найдете возможным зайти к Адаму Карловичу Шиманскому.* — **Шиманский**. См. прим. к с. 69.

Коновалов Д. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-67. Публикуется впервые.

Коновалов Дмитрий Григорьевич (1876–1947) — окончил Могилевскую семинарию (1901). Магистр (1908). Профессор исторического/общественно-педагогического отделения (1919), профессор кафедры истории XIX–XX веков (1921–1925) факультета общественных наук. Действительный член НИИ социологии при факультете общественных наук (1921–1925).

С. 114. ...*Но я навел справку у Н. Д. Виноградова.* — **Виноградов** Н. Д. См. прим. к с. 72.

Лосев А. — Шпету Г.

Письмо хранится в семейном архиве. Впервые опубликовано М. Г. Шторх в журнале: Начала. 1993. № 3. С. 50–51. Публикуется по рукописному оригиналу.

Лосев Алексей Федорович¹ (1893–1988) — философ и филолог, переводчик философской и художественной литературы; профессор (1923), доктор филологических наук (1943). В 1915 году окончил историко-филологический факультет Московского университета по двум отделениям — философии и классической филологии. Сблизился со многими религиозными философами. Был собеседником Николая Бердяева и учеником Павла Флоренского. Профессор Нижегородского университета и Московской консерватории (1922). Действительный член РАХН (ГАХН). Штатный член музыкальной секции (1925), заведующий комиссией по изучению истории эстетических учений философского отделения (1926–1927).

С. 114. ...*Так как ни А. В. Кубицкий, ни П. Н. Кантерев (лица, с которыми я беседовал об Институте).* — **Кубицкий**. См. прим. к с. 111. — **Кантерев**. См. прим. к с. 67.

С. 115. ...*Имею законченный труд: «Опыт феноменологической характеристики чистого музыкального объекта».* — См.: РГАЛИ. Фонд ГАХН 941-10-363. Л. 1 об.

С. 115. ...*15-го июня мой доклад в Психологическом обществе: «Теория абстракции у Платона».* — 15 июня 1922 года состоялось последнее заседание Психологического общества².

¹ См. о нем: *Тахо-Годи А. А.* Лосев. М., 2007.

² См. об этом: *Ждан А. Н.* Психологическое общество при Императорском Московском университете (1885–1922): этапы развития // Цит. по электронной версии: <<http://www.psy-stavropol.ru/publ/9-1-0-1887>>

Полянский Н. — Шпету Г.

Письма хранятся в семейном архиве. Публикуются впервые.

Полянский Николай Николаевич (1878–1961) — юрист, профессор Ярославского Демидовского юридического лицея (1916–1918), профессор Ярославского государственного университета (1918–1921). В 1896 году окончил Московскую гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1900 году с дипломом первой степени. Был оставлен на кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию. С 1904 — приват-доцент по той же кафедре. В 1905 году стажировался во Франции и Германии. В 1910 году защитил магистерскую диссертацию и начал работать в различных высших учебных заведениях Москвы. С 1916 — на кафедре уголовного права в Демидовском юридическом лицее. После реорганизации лицея остался работать в Ярославском университете. С 1919 — декан факультета общественных наук (ФОН). С 1920 года работал в МГУ, в Среднеазиатском университете (1925–1928), в Азербайджанском университете (1928–1930). В 1938 году работал в Институте права АН СССР. В 1943 — возобновил преподавательскую работу. Основные труды: Свобода стачек. История завоевания коалиционной свободы во Франции / Политическая библиотека. № 6. М., 1900; Стачки рабочих и уголовный закон. СПб., 1907; Коалиции рабочих и предпринимателей с точки зрения уголовного права. М., 1909; «Русское уголовное законодательство о стачках» и другие статьи по уголовному праву М., 1912; Народнический социализм. М., 1918; и др.

С. 116. ...*Тареева комиссариат у нас не утвердил.* — **Тареев** Михаил Михайлович (1867–1934) — православный богослов и экзегет; доктор богословия (1904). Окончил Московскую духовную академию, где в 1902–1918 был профессором нравственного богословия. Позднее преподавал философию и политическую экономию в Ярославском юридическом институте.

С. 117. ...*19 июля 1919 года.* — К письму приложен конверт. Штемпель: 21 июля 1919 года, Ярославль; 23 июля 1919 года, Москва. Заказное. В Москву. Профессору Густаву Густавовичу Шпету. Долгоруковская, 17. Отпр. Н. Полянский — Ярославль, Университет.

С. 117. ...*А. И. Анисимов и Сергеев (забыл имя и отчество) разделили эти часы между собою по соглашению.* — **Анисимов** Александр Иванович (1877–1937) — искусствовед, музейный деятель, про-

фессор, преподаватель Ярославского государственного университета (1918–1924). В Ярославском университете занимал должности заведующего кабинетом изящных искусств (1918–1919), профессора кафедры археологии и материальной культуры (1919–1924), декана исторического отделения (с 20 февраля 1920 года). Читал курсы: «История русского искусства», «Раннее христианское искусство», «Введение в искусство понимания», «Русское искусство до XVIII века». С 1925 по 1930 год руководил ярославским филиалом живописной секции Центральных государственных реставрационных мастерских.

Участвовал в организации передвижной выставки русских икон в Европе и США (1929–1932). 6 октября 1930 года был арестован в Москве по делу о «шпионаже и вредительстве через Центральные государственные реставрационные мастерские». 21 января 1931 года был осужден на 10 лет лагерей. Отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения (Кемский лагпункт). С мая 1931 года до середины 1932 года работал в музее Соловецкого лагеря, реставрировал иконы, читал доклады. В 1937 году был переведен в Беломоро-Балтийский лагерь (лагпункт Кузема). 22 августа 1937 года был арестован в лагере, 26 августа Тройкой НКВД Карельской АССР приговорен к расстрелу. Расстрелян 2 сентября 1937 года в урочище Сандармох (ст. Медвежья гора). Сейчас на этом месте мемориальное кладбище «Сандармох». Полностью реабилитирован прокурором Карелии в 1989–1990 годах. — *Сергеев* — Преподаватель истории искусств в Ярославском государственном университете в 1919 году.

С. 117. ...*Впрочем, об этом Вам должен был написать В. Г. Щеглов.* — *Щеглов* Владимир Георгиевич (1854–1927) — юрист, доктор права, преподаватель (1884–1918), заслуженный профессор и директор (1910–1917) Ярославского Демидовского юридического лицея, профессор Ярославского государственного университета (1918–1923).

С. 117. ...*Чтобы Вы дали нам коротенький отзыв о бывшем профессоре Московской Духовной Академии Соколове.* — Имеется в виду *Соколов* Павел Петрович. См. прим. к письму Соколова П. П. Шпету Г. Г.

С. 117. ...*31 июля 1919 года.* — К письму приложен конверт. Штемпель: 31 июля 1919 года, Ярославль; 2 августа 1919 года, Москва. Заказное. В Москву. Профессору Густаву Густавовичу Шпету. Долгоруковская, 17. Отпр. Н. Полянский — Ярославль, Университет.

С. 117. ...*Не зная его адреса, я просил (письмом) С. И. Радцига поговорить с ним.* — **Радциг** Сергей Иванович (1882–1968) — филолог-классик, переводчик, профессор Московского университета.

С. 117. ...*Если Соколов откажется, разрешите вновь возложить на Вас заботу о нас.* — Шпет рекомендовал для чтения психологии своего ученика Н. И. Жинкина (см. прим. к с. 162). Он был сотрудником Ярославского университета в 1918–1924 годах. См.: *Шпет Г. Г.* Отзывы о научной деятельности Н. Д. Виноградова и Н. И. Жинкина // *Шпет Г. Г.* Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры / Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2010. С. 263–264.

Правление Московского Городского Народного Университета им. А. Л. Шанявского — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-50. Публикуется впервые.

К письму приложен конверт без печати и марок: Его Высокородию Густаву Густавовичу Шпетт. Здесь № 921. На конверте штамп: Правление Московского Городского Народного Университета им. А. Л. Шанявского, Москва, Волхонка 14, тел. 155-69.

Председатель ГУСа — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-23-8. Л. 11.

С. 119. ...*В настоящее время в распоряжении Отдела Высших Учебных Заведений имеется проект.* — См. *Шпет Г. Г.* Заметки о Проекте Устава Факультета общественных наук. Наст. изд. Раздел VI. С. 301–304.

С. 119. ...*Деканами факультетов восточных языков и историко-филологического I-го Петроградского Университета, профессорами Марром и Жебелевым.* — **Марр** Николай Яковлевич (1864/65–1934) — востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик Императорской академии наук (1912), затем академик и вице-президент АН СССР. После революции получил громкую известность как создатель «нового учения о языке», или «яфетической теории». — **Жебелев** Сергей Александрович (1867–1941) — крупнейший советский историк, академик АН СССР (1927).

С. 119. ...*Председатель Государственного Ученого Совета М. Н. Покровский.* — **Покровский** Михаил Николаевич (1868–1932) — историк, советский государственный и общественный де-

ятель. С 1918 года — заместитель наркома просвещения РСФСР. В 1923—1927 годах активно участвовал в борьбе с троцкизмом. В различные годы руководил Коммунистической академией, Институтом истории АН СССР, Институтом красной профессуры. С 1929 года — академик.

Ректор Гельсингфорского университета — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-49. Публикуется впервые. Расшифровка и перевод В. В. Янцена.

Рождественский А. — Шпету Г.

Письмо хранится в семейном архиве. Публикуется впервые.

Приложен конверт: Густаву Густавовичу Шпету. Долгоруковская, 17. От проф. А. Рождественского.

Рождественский Алексей Андреевич (1869 — после 1923) — юрист. Окончил юридический факультет Московского университета. Магистр государственного права, профессор Ярославского Демидовского юридического лица (1914—1918) и Ярославского университета (1918—1923). Тема магистерской диссертации «Теория субъективных публичных прав». Основные труды: «Современные монархии и республики» (1917), учебное пособие «Основы общей теории права. Курс лекций» (1912).

Шпет Г. — Инспектору Елизаветинского института

Письмо хранится в семейном архиве. Публикуется впервые.

С. 121.

Каринский Дмитрий Дмитриевич — историк; инспектор Елизаветинского института.

С. 121. ...*По совету Юлия Исаевича Айхенвальда.* — *Айхенвальд* Ю. И. См. прим. к письмам Айхенвальда Ю. Шпету Г.

Шпет Г. — Руководству Московских Высших женских курсов

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-6. Публикуется впервые.

Интригу, связанную с этим письмом, и его судьбу выяснить пока не удалось. Неясно, было ли это письмо отправлено. Извест-

но лишь, что Шпет продолжил преподавание на МВЖК. И именно здесь ему было присвоено звание профессора.

Письма учеников

Гайдарова Г. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-34. Публикуется впервые.

Гайдарова Г. — ученица Шпета.

С. 124. ...*Вы упоминали Лаврова.* — П. Л. Лавров был одним из тех русских философов, которых Шпет ценил. Он посвятил ему несколько статей. См.: Шпет Г. Г. Антропологизм Лаврова в свете истории философии // П. Л. Лавров. Статьи. Воспоминания. Материалы. Пг., 1922. С. 73 — 138.

С. 124. ...*Слова A. de Vigny. Gémir, pleurer, prier est également lâche.* — Приведены строки из поэмы Альфреда де Виньи (1797–1863) «Смерть волка» (1843): «Ныть, плакать, вопиять — всё подло, всё равно» (перев. В. С. Курочкина)

Гимназистки и слушательницы — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-25-60. Публикуются впервые.

Гимназистки Киево-Подольской гимназии — Шпету Г.

С. 124. ...*10 декабря 1906 года.* — К письму приложен конверт: Штемпель: Киев, 9 декабря 1906.

С. 125. ...*13–18 декабря 1907 года.* — К письму приложен конверт: *Городское.* Его Высокородию Густаву Густавовичу Шпету. Владимирская, № 71, кв. 3.

Смысл этого письма раскрывают воспоминания гимназистки Киево-Подольской гимназии Евгении Волинской-Смельской (сохранились в семейном архиве Шпета):

Самое волнующее воспоминание касается преподавателя истории, пришедшего к нам в начале второго полугодия в седьмом классе, т. е. перед выпуском 1906 года, — Густав Густавовича Шпетт. Это был человек высокообразованный, чрезвычайно

содержательный, большого интеллекта и крайне интересный преподаватель. Густав Густавович был совершенно не похож на наших чиновников — других педагогов. Вообще гимназия была ведомства императрицы Марии Федоровны, называлась она Киево-Подольской Мариинской женской гимназией, ясно, что в нашей гимназии могли быть чиновники. И вдруг новый дух передового, молодого еще тогда двадцатилетнего преподавателя истории — Шпетт. Кстати, он, несмотря на свою молодость, сумел завоевать большой авторитет как среди учащихся, так и среди педагогов, причем манера держаться была абсолютно независимой. Умница от природы не мог не идти в ногу с передовой частью молодежи того времени, среди учащихся последнего класса.

Один неприятный эпизод, происшедший в нашем классе, перерастал в политический фактор, угрожавший части класса, т. е. шестнадцати ученицам, — увольнением из гимназии. Такое обстоятельство в годы реакции было не безопасным для педагогов, вставших на защиту интересов этих шестнадцати человек, но Шпетт не задумываясь сам занял позицию защиты и повел за собой ряд других педагогов, что дало возможность шестнадцати человекам благополучно закончить гимназию, без всяких последствий. <...>

Сейчас я уже давно на пенсии, в прошлом актриса драмы, бывшая ученица Киево-Подольской Мариинской женской гимназии
Евгения Вольтская-Смельская

23 июля 1967 года
Москва

Гимназистки Алферовской гимназии — Шпету. Г.

К письму со стихами гимназисток Алферовской гимназии приложен конверт: Штемпель: 24 мая 1910. Здесь, Плющиха, Неопалимовский пер. Д. Семенова. Его Высокородию Густаву Густавовичу Шпету.

Слушательница МВЖК — Шпету Г.

С. 126. ...15 марта 1917 года. — Февральская революция 1917 года в России — события в Петрограде, в результате которых в России была де-факто свергнута монархия. Революционные события охватили период конца февраля — начала марта 1917 года (по юлианскому календарю, действовавшему в то время в России).

Воспитанницы Елизаветинского института — Шпету Г.

Елизаветинский институт — один из институтов благородных девиц для обучения дочерей дворян, военных чиновников, духовенства, купцов. Основан в 1825 году, размещался в усадьбе с регулярным парком и системой прудов. После 1917 Елизаветинский институт упразднен, с 1931 года здание занимает Московский областной педагогический университет (улица Радио, 10а).

Коньшева-Татаричева Н. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-68. Публикуется впервые.

Приложен конверт: Штемпель: 12 мая 1916 года, Тула. Москва, канцелярия Московского университета, ЕВР Густаву Густавовичу Шпету, приват-доценту Московского университета.

Коньшева-Татаричева Н. — ученица Г. Г. Шпета.

С. 130. ...*Позвольте выразить свой восторг по поводу блестящей защиты Вами диссертации.* — См. прим. к с. 35.

Мирзаянидзе Е. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-3. Публикуется впервые.

Мирзаянидзе Екатерина — ученица Г. Г. Шпета.

С. 131. ...*И первый том Микрокосма.* — Имеется в виду произведение Г. Лотце.

Степанова-Ловейко — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-46. Публикуется впервые.

Степанова-Ловейко — ученица Г. Г. Шпета.

Уссит К. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-51. Публикуется впервые.

Уссит К. — вероятно, слушатель Военно-педагогического института.

Фролова Т. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-53. Публикуется впервые.
Приложен конверт. Москва, Брюсовский пер., д. 17, кв. 16. Гу-
ставу Густавовичу Шпету

Фролова Татьяна Васильевна — ученица Г. Г. Шпета.

С. 136. ...Я, кстати, вроде как Ваша ученица <...> в I М.Г.У. и
ГИСе. — ГИС. См. прим. к с. 105.

Раздел III. ГАХН

Быков А. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-30. Машинопись с подпи-
сью автографом. Публикуется впервые.

Приложена «Семперантиада», адресованная Михаилу Борисо-
вичу <Загорскому>. Машинопись.

Быков Анатолий Владимирович (1892–1943) — актер, режис-
сер, драматург. Окончил физико-математический факультет Мос-
ковского университета. Театральную деятельность начал в 1917
году как организатор (совместно с А. А. Левшиной) театральной
студии, преобразованной в 1919 году в театр импровизации (театр
«Семперанте»). Был художественным руководителем и основным
режиссером и актером этого театра. Написал сценарии, поставил
и исполнил главные роли в спектаклях «Карусель» (роль Набух-
Сагайло), «Гримасы» (роль Склипа, 1921) и др. Среди лучших ре-
жиссерских работ — спектакли «Два» (сценарий Быкова и Лев-
шиной, исполнял роль Тролля, 1924), «Головоногий человек» (по
пьесе Ф. Гладкова, в роли Клюева, 1929).

Из воспоминаний: *Краснов-Левитин А. Э.* Лихие годы, 1925-
1941: Воспоминания. Paris: YMCA-Press, 1977. С. 175–177.

«Основан был этот театр молодым актером Анатолием Влади-
мировичем Быковым (сыном известного московского протоиерея,
профессора биологии, принявшего по глубокой вере сан). А. В. Бы-
ков в 20-е годы, будучи еще молодым студентом, носился с мыс-
лью создать в Москве театр dell'arte. Надо сказать, что по своему
типу Быков походил на итальянского или французского артиста-
каботена. Веселый парень, любящий выпить, бродяга по призва-

нию, он был необыкновенно, блестяще талантлив. И талант его был сродни таланту каботенов: он был импровизатор. В мгновение ока мог изменить голос, изобразить что угодно и кого угодно.

Интерес к комедии dell'arte у него возник не случайно. Это увлечение имело место в кругах эстетов еще до революции. Петербургский артист Миклашевский (впоследствии эмигрант) в 1912 году издал специальную книгу о комедии dell'arte, спорную, но интересную. Воплотил эту идею в жизнь Евгений Вахтангов, поставивший накануне своей смерти блестящий спектакль — комедию Гоцци “Принцесса Турандот”. Спектакль, о котором написана тьма тьмущая статей, исследований, диссертаций. Вся театральная Москва в 20-е годы посмотрела этот спектакль. Смотрел его и молодой артист А. В. Быков, и ему пришла мысль воплотить комедию dell'arte не в духе музейного спектакля, как у Вахтангова, а на основе современного сюжета. Сказано — сделано. Быков собирает труппу молодежи, такой же богемной, хотя далеко не такой талантливой, как он сам. Дело встало на серьезную почву, когда Быкову удалось заинтересовать этой идеей известную актрису Малого театра Левшину. Правда, трудно сказать, чем увлеклась больше Левшина: новаторской идеей молодого актера или им самим, так как через некоторое время она вышла за него замуж, будучи старше его на 20 лет. Двух больших актеров объединяла прежде всего великая театральная идея. Замечательной актрисе (она была исключительно талантливая, если не великая актриса) было тесно в Малом театре, который в это время стал театром эпигонствующим, свято хранящим традиции Ермоловой, но не имеющим и капли ее силы. Благодаря Левшиной удалось выхлопотать у Луначарского разрешение на открытие театра и некоторую дотацию. Был поставлен первый спектакль “Гримасы”. Название “Семперанте” замелькало в “Известиях”, в объявлениях о спектаклях.

Помню этот спектакль. Пьесы нет, есть лишь сценарий, построенный таким образом, чтобы дать актеру развернуться. Действие происходит в некой небольшой европейской стране, (где-нибудь в Дании или Швеции), но это Европа условная. Сам Быков — типичный русский провинциальный телеграфист. Он немного поет, его снедает жажда славы. У него есть любимая девушка (конечно, Левшина), глубокая провинциалка, сентиментальная, с альбомом, в котором она засушивает фиалку, подаренную кавалером. В этом небольшом провинциальном городишке недавно гастролировала столичная опера. Нашему телеграфисту это окончательно вскружило голову. Он едет в столицу. Но это не бескорыстный мальчик, мечтающий о славе. Это хитрая бестия. Ему удалось перехватить на почте частное письмо примадонны, где она ругает на все корки ди-

ректора. С этим письмом в кармане он едет в столицу. Столица. В гостях у примадонны. Это опять Левшина, но кто мог бы ее узнать! За полчаса она совершенно преобразилась, ничего общего у этой обворожительной, избалованной женщины, привыкшей к поклонению, с робкой провинциалкой. Говорит с провинциалом свысока, принимает его сначала за какого-то бедного дальнего родственника, потом он начинает ей немного нравиться. Объяснение. Сцена с перехваченным письмом. Возмущена, но наглость молодого парня ее волнует. Говорит с ним кокетливым тоном. Наконец, договорились: она соглашается устроить его хористом. 3-й акт. Он уже не хорист, ему удалось пробраться с помощью примадонны в хоть и плохонькие, но певцы. Он начинает вести сложную сеть интриг. Вот он у редактора провинциальной газеты. Редактор — пожилая женщина в очках, вся в черном, и это (вы подумайте!) опять Левшина. Он приносит ей рецензию, где ругает премьера — баритона, — и восхваляет до небес «скромного и талантливого актера» (самого себя). Гнев, пренебрежение редактора. Он с очаровательной наивностью подносит ей цветок. Гнев, изумление. Потом в ней пробуждается женщина. Первый раз улыбка: «Зачем Вы тратились?» Лед сломан. В конце концов, несколько подправив статью, соглашается ее поместить. Затем целый ряд подобных же интриг. Последний акт. Он вытеснил премьера. Он наверху славы. Он известный певец. Приходит примадонна (он уже давно ее любовник). Он говорит с ней как равный, он говорит с ней как мужчина, в тоне превосходства. Но только примадонна за дверь — является (о ужас!) провинциалка. Та же Левшина. Все такая же белобрысая, робкая, жеманная. Мгновенное смущение. Говорит с ней резко. Она плачет. Поручает слуге проводить ее до извозчика. Занавес. Буффонада? Фарс? Каботинаж? Да, но сколько блеска, таланта, остроумия. Из такого вот каботинажа выросли Мольер и Гольдони, Сервантес и Лопе-де-Вега.

Но печальна была участь русского кандидата в мольеры. Вскоре ему стали навязывать советский репертуар. Стало хуже. Чувствовалось, что играет, давясь от рвоты. Инсценировали плохой роман А. Толстого “Черное золото”, потом поставили какую-то пьесу о вредителях. Когда стало неважно, начали разъезжать по провинции. Так было до 1933 года. Принесло их играть в Сочи, а там как на беду отдыхали братья Тур (известные советские журналисты). Написали в “Известия” разносную статью. Театр немедленно разогнали. Быков умер перед войной, зимой 1941 года¹, замерзнув ночью в пьяном виде на одной из московских улиц.

---

¹ По официальным данным, Быков умер в 1943 году. — *Т. III.*

А Левшина постучалась опять в двери Малого театра. Приняли из милости (все-таки заслуженная артистка). До самой смерти (в 50-е годы) она заведовала кабинетом истории театра. Таков конец талантливого Быкова и почти гениальной Левшиной».

С. 139. ...*Через Валентина Петровича.* — Неустановленное лицо.

С. 139. ...*Это письмо адресовано одному из наших публицистов.* — Имеется в виду **Загорский** Михаил Борисович (1885–1951) — советский драматург, театральный критик, историк театра. Литературой занимался с 1904 года. Автор многочисленных публикаций в советских изданиях — «Новый зритель», «Жизнь искусства», «Театр» и др. Автор книг о Михоэлсе, Тарханове, Пушкине и др. Драматург, автор пьес для БДТ и театра Корша. — Фамилия критика установлена по выдержке из рецензии на спектакль «Черное золото», процитированной Быковым в письме «Михаилу Борисовичу».

С. 141. ...*А в основе и довершение всего — Философ.* — Мысли Быкова в определенной мере перекликаются с идеями Шпета, изложенными в статье «Дифференциация постановки театрального представления» (Культура театра. 1921. № 7–8; републ.: *Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры.* М., 2007. С. 15–18).

С. 142. ...*В дальнейшем мы столкнулись с подтверждением наших дедуктивных выводов в целом ряде трудов (назовем хотя бы Евреинова, Кержанского, Эрберга, Лемонье и др.).* — **Евреинов** Николай Николаевич (1879–1953), русский режиссер, драматург, критик и теоретик театра, автор музыкальных произведений. Евреинов считает признаком общекультурного оскудения «упадок позы и фразы» и выдвигает врожденный человечеству инстинкт «театральности» основой всякого «жизненного порыва» и «творческой эволюции». Этот «магический» инстинкт театрального «преображения» и игры рисуется Евреиновым как «всемагнит и всеomotor» человечества на всем его историческом пути. Таким образом мировоззренчески-эстетическая точка зрения Е. шире непосредственного понятия искусства, она — искусство жизни, она — по его определениям — «театроκραтия», «театр для себя». — **Кержанский** — неустановленное лицо¹. — **Эрберг** Константин

¹ Возможно, имелся в виду **Кржижановский** Сигизмунд Доминикович (1887–1950) — русский советский писатель и драматург, философ, историк и теоретик театра. В середине 20-х годов писатель активно участвует в деятельности Государственной академии художественных наук (20 декабря 1923 года на заседании

Александрович (наст. фамилия Сюннерберг, 1871–1942) — российский поэт-символист, философ, символист и теоретик искусства. Основатель иннормизма. Входил в группу «Мир искусства». Опубликовал сборник стихотворений «Плен» (Пг.: Алконост, 1918; обложка М. Добужинского) и трактат «Цель творчества. Опыты по теории творчества и эстетике» (М., 1913; переиздание Пг.: Алконост, 1919). Один из руководителей Института живого слова (1918–1924). Активный участник Вольной философской ассоциации (1919–1924). — *Лемонье* (Lemonnier) Камиль (1844–1913) — бельгийский писатель, искусствовед. Один из основателей группы «Молодая Бельгия». Романы «Мертвец» (1882), «Конец буржуа» (1892), «Улюлю» (1906). Мемуары (изданы 1945).

С. 144. ...*Волею судеб Семперантэ попал в сеть УМЗП.* — Управление московскими зрелищными предприятиями. Примечательен стиль работы УМЗП. В 1928 году в журнале «Новый зритель» (1928. № 11. С. 15) появилась заметка:

В совете директоров театров УМЗП

Совещание директоров театров УМЗП рассмотрело вопрос о летних перспективах театров УМЗП. Летние поездки театров должны проходить по утвержденному УМЗП производственно-репертуарному плану. Для работы в летних предприятиях УМЗП будут использованы только работники театров УМЗП.

Совет директоров предложил театрам представить производственные планы на 1928–1929 годы не позднее 15 марта. На ближайшем заседании директоров будут рассмотрены проекты типизации театров по следующим разделам: а) тематика репертуара, б) формы и методы постановок; в) социальный состав зрителя.

Театральной секции ГАХН С. Кржижановский прочитал доклад «Актер как разновидность человека». Быстро став известным в московских театральных кругах, Кржижановский регулярно проводил публичные чтения своих новелл, очерков по драматургии и психологии сцены. Как пишет В. Перельмутер: «Это была, повторю, *эпоха режиссерского театра*, театральные направления обозначались именами режиссеров, разница была очевидна не только для завязтых театралов. Главенствующая — *de facto* — роль режиссера, конечно, была ясна и Кржижановскому. Но, в отличие от абсолютного большинства *театральных* современников, он был с таким положением дел категорически не согласен! Более того — взялся аргументировать и отстаивать свою позицию. В разгар энергичной и продуктивной полемики о *новой эстетике* театра он попытался осмыслить и изложить *философию* театра, где та или иная собственно эстетическая система — только следствие, частный случай, а многообразие их само собою разумеется. И где без возрождения *роли актера* у театра попросту нет будущего». *Кржижановский С. Д. Философема о театре* / Публ. и предисл. В. Перельмутера. Цит. по: <http://www.utoronto.ca/tsq/04/krzhizhan04.shtml>

При УМЗП будет созвано совещание драматургов, на котором будут разработаны темы театров 1929—1929 годов.

С. 144. ...*Я писал раздирающие письма Маркичеву.* — **Маркичев** Валентин Иванович — один из руководителей управления театрално-зрелищных предприятий Москвы.

С. 144. ...*Наконец, когда 5 апреля сего года мною был представлен Дирекции сценарий «Черного золота».* — Имеется в виду роман А. Н. Толстого, написанный в 1931 году. Позднее переработан и назван «Эмигранты».

С. 145. ...*А «Нобиле» должен показать это еще ярче.* — В 1928 году, когда спектакль готовился к эфиру, весь мир следил за спасением группы адмирала Нобиле, потерпевшей неудачу при полете к Северному полюсу на дирижабле.

С. 145. ...*Я могу говорить пока только о своем сценарии: «Сказание о том, как итальянская Нобиль на пуп земли взлетала и о том, как Летало Чухновский ее на место доставил».* — **Чухновский** Борис Григорьевич (1898—1975) — советский авиатор, один из первых полярных летчиков. В 1928 году он вошел в состав экспедиции по спасению экипажа потерпевшего катастрофу в Арктике дирижабля «Италия». Самолет Чухновского «Юнкерс» ЮГ-1 был погружен на ледокол «Красин», совершал разведывательные полеты, 10 июля достиг лагеря Нобиле и сбросил на льдину припасы. 11 июля Чухновский обнаружил двух итальянцев — Мариано и Цаппи, которые за месяц до того вместе с Ф. Мальмгренем покинули лагерь и пытались добраться до Шпицбергена самостоятельно. На обратном пути самолет совершил вынужденную посадку на льдину и повредил шасси. Чухновский в радиোগрамме настоял, чтобы «Красин» в первую очередь шел на спасение итальянцев, и экипажу самолета пришлось провести на льду пять суток.

С. 146. ...*В 1921 году у нас был Луначарский. Ему передано и наше воодушевление, и самый спектакль глубоко захватил его.* — Луначарский выдал театру «Семперантэ» следующее удостоверение: «12 апреля 1921 года. Настоящим удостоверяю, что Театр Импровизации “Семперантэ” находится под покровительством Комиссара Просвещения. Никакие распоряжения за исключением обязательных для всех граждан не могут быть применены к означенному Театру без предварительного согласия Народного Комиссара просвещения. Разрешаю взимать за место плату не свыше 1000 рублей

за место». Удостоверение, выданное Наркомом по Просвещению А. В. Луначарским театру «Семперантэ», о его исключительном положении в системе театров // РГАЛИ 2324-1-180.

С. 147. ...*Помню, Вы в своей рецензии о «Черном золоте» писали: «и конечно, этому театру будет оказана общественная поддержка».* — Приведу рецензию Загорского полностью.

«Черное золото»

Театр «Семперантэ». Вот театр, существование которого в системе московских театров было похоже на бытие «незаконнорожденного» в семье кого-нибудь из бывших уездных или губернских предводителей дворянства. Он жил, имел своего постоянного зрителя, но о нем не принято было говорить вслух, в печати, на диспутах, и в прочих местах общественного признания. Попробовало было в прошлом сезоне «узаконить» его УМЗП, но затем сконфуженно от него отказалось.

И действительно, стоило хотя бы один раз побывать на его спектаклях искушенному и требовательному зрителю, чтобы потерять всякое желание посетить его еще раз. В этом странном театре все пьесы, или, вернее, сценарии писались одним автором, ставились одним режиссером и разыгрывались, по существу, одним актером. И, притом, этим автором, режиссером и актером оказывался всегда один и тот же человек, — А. Быков, актер весьма одаренный, но драматургический вкус которого, судя по «Гримасам» и «Двум», — на уровне вкуса любого провинциального гастролера, готового «раздраконить» какую угодно дрянь, лишь бы в ней было что властью поиграть...

Театр, казалось, погибал. И вот вдруг воспрянул! Появление в его репертуаре «Черного золота», построенного по материалам Шахтинского процесса, знаменует, очевидно, коренной сдвиг в его работе. Впервые появилась на его подмостках пьеса, крепко увязанная современностью, быстро и достаточно верно отразившая один из самых волнующих судебных процессов нашего времени, впервые на его сцене стал виден целостный коллектив, а не один актер, и впервые сам театр почувствовал серьезность темы и своей работы, обратившись к общественности за указанием и содействием.

Просмотр «Черного золота» в красном зале московского Комитета Партии и благоприятные отзывы о спектакле гг. *Вышинского* и *Крыленко*, выступивших в прениях после спектакля показали, что на этом новом пути театру обеспечена общественная поддержка, если только он сам учтет и ошибки прошлого и некоторые недостатки в своей последней работе.

Пьеса писалась явно наспех, и это чувствуется на каждом шагу. Сценарий вскрывает верно общую картину вредительства в Дон-

бассе, но он оказывается бессильным показать всю классовую глубину столкновения различных общественных сил, которую более ярко и сильно вскрыл судебный процесс чем спектакль. А между тем, природа театра дает эту возможность усиления и обобщения жизненных фактов, и, в этом смысле, весьма любопытно указание т. Крыленко, что фигура главного инженера в спектакле вышла гораздо ярче и значительнее, чем любая фигура из числа инженеров-вредителей на процессе. К сожалению, этих счастливых эпизодов в спектакле немного, а узел интриги с немецким инженером оказывающимся... сыном работницы Натальи, вынужденной впоследствии собственными руками предать его правосудию — ходулен, фальшив и явно занесен сюда откуда-то из другой оперы... Совершенно прав был тов. Крыленко, напомнимший, что для изображения такой «семейной» коллизии было бы куда целесообразнее использовать тот драматический момент на процессе, когда сын Колодуба восстал против отца и всей «колодубовщины», в целом.

В оформлении спектакля также есть некоторые погрешности, из которых абсолютная тьма в сценах, изображающих работу в шахтах, особенно досадна. Неприятна также та смесь натурализма и условности, которая проходит через весь спектакль и которая свидетельствует об отсутствии единого и продуманного режиссерского замысла.

Разыгран спектакль очень крепко, ровно и доходит до зрителя. Еще не уверенно, сбиваясь, играет немецкого инженера Быков, но общий рисунок — острое, угловатое лицо, нервное движение рук, трусливые и в то же время наглые интонации акцентированной речи — верен и через несколько спектаклей станет, должно быть, более точным и крепким. Хорошо, умно, сдержанно и в то же время насыщено ведет роль Натальи Левшина. Ряд других исполнителей — Ватолин, Соловьев, Кузнецова, Чуев, Миттерман, Кириллов и другие — показали наличие в коллективе хороших актерских дарований, с которым можно многое сделать.

В общем — спектакль нужный и полезный, свидетельствующий, что «Семперант» выбирается из тупика. Это еще не тот спектакль, который должна родить громадная и волнующая тема о Донбассе, — но это уже шаг к нему. *Загорский М. Б.* «Черное золото». Театр «Семперант» // *Вечерняя Москва*. 1928. № 164. 17 июля, вторник. С. 3.

С. 147. ...*Сейчас мы на учете Посредрабиса.* — Имеются в виду посреднические бюро по найму и распределению (трудоустройству) актеров и других театральных работников, существовавшие в СССР в 1920–1930-х годах. По мере того как росла и крепла си-

стема государственных зрелищных предприятий, Посредрабис те-
рял свое значение и в 1930-х годах перестал существовать.

Горнунг Б. — Шпету Г.

Письма от 23 августа 1925 года и 3 февраля 1926 года впервые опубликованы в кн.: *Горнунг Б. В. Поход времени*. Кн. 2: Статьи и эссе. М., 2001. С. 392–397. Печатается по первой публикации. В комментарии использованы примечания М. З. Воробьевой.

Письмо от 15 апреля 1927 года хранится в ОР РГБ 718-24-38. Публикуется впервые.

Горнунг Борис Владимирович (1899–1976) — филолог, лингвист, переводчик, поэт; доктор филологических наук. Старший брат Льва Горнунга. Окончив Первое московское реальное училище и самостоятельно изучив латынь и греческий, поступил в 1917 году на историко-филологический факультет Московского университета (одновременно на отделения сравнительного языковедения и классической филологии)¹. Весной 1920, сдав почти все экзамены за университетский курс, был призван в Красную Армию. Летом 1921 года закончил курс университета. Однако он не смог воспользоваться предложением остаться в университете для подготовки к профессорскому званию, так как демобилизоваться удалось лишь в 1924. В 1924–1926 был научным сотрудником ГАХН, выпускал машинописные неподцензурные литературно-философские журналы «Гермес» (1922–1924) и «Гиперборей» (1926), был редактором альманахов поэзии и критики «Мнемозина» (подготовлен к изданию в 1924) и «Чет и нечет» (1925), в которых публиковались труды Ю. Верховского, М. Кузмина, Б. Лившица, С. Парнок, Г. Шпета. В 1925 тиражом 50 экз. выпустил машинописный сборник стихов «Поход времени»; большое количество стихотворений 1920-х годов осталось неизданным. Недолгое время служил в Государственной научной библиотеке ВСНХ и «Румянцевке» (избегая называть ее «Ленинкой»), возглавлял в ней научно-библиографический отдел. В 1926–1938 годах жил случайными литературными и педагогическими заработками — что, по-видимому, уберегло его от репрессий. В 1938–1939 заведовал редакцией античной литературы в Гослитиздате, с 1939 вплоть до выхода на пенсию в 1964 работал в институтах Мировой литературы, языкознания и русского языка Академии наук, преподавал в

¹ Об отношениях Шпета и Горнунга см.: *Горнунг Б. В. Поход времени*. Т. 2: Статьи и эссе; *Левинтон Г. А. Густав Шпет и журнал «Гермес» // Густав Шпет и его философское наследие: у истоков семиотики и структурализма*. М., 2010. С. 467–485.

МИФЛИ, Московском педагогическом и Библиотечном институтах. В ИМЛИ, где руководил группой античной мифологии.

С. 147. ...*Сегодня с утра, пользуясь праздником, я принялся переписывать статью о Максе, чтобы передать ее как можно скорее Л. П. Гроссману.* — **Кенигсберг** Максим Максимович (1900–1924) — русский филолог. Исследователь-филолог М. И. Шапир отмечал, что М. М. Кенигсберг был «одним из наиболее одаренных филологов своего поколения: если бы не скоростная смерть на 24 году жизни, он занял бы видное место среди классиков нашей науки. Его талант по достоинству оценили многие выдающиеся современники, в том числе Г. Г. Шпет и Г. О. Винокур, — оба они посвятили книги памяти молодого ученого. Реализовать себя в полной мере Кенигсберг, к несчастью, не успел, но лучшее из написанного им намного опередило время и по сей день не утратило своего значения; в первую очередь это касается двух основополагающих статей: “Анализ понятия “стих”” (1923) и “Идея филологии и поэтики” (1924)». Цит. по: *Кенигсберг М. М.* Из стихологических этюдов. Подготовка текста и публикация С. Ю. Мазура и М. И. Шапира. Вступительная заметка и примечания М. И. Шапира // *Philologica*. 1994. № 1. С. 174. См. также: <<http://www.rvb.ru/philologica/01/01kenigsberg.htm#note1>>. — Речь идет о подготовке статьи о М. М. Кенигсберге на основе доклада Б. В. Горнунга в годовщину смерти Кенигсберга. См. «Отрывок третий» в книге: *Горнунг Б.* Поход времени. Кн. 2: Статьи и эссе. М., 2001. С. 356–367. — **Гроссман** Л. П. см. прим. к письмам Гроссмана.

С. 148. ...*Вы пишете в предисловии к «Русской философии» — «более чем странно было бы, если бы вокруг меня кипела и грохотала революция, а я бы этого не видел, не слышал и не хотел понять».* — См. *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии. I. М., 2008. С. 41.

С. 148. ...*Дальнейший путь намечался для него тем, что было намечено Вашим ежегодником «Мысль и Слово».* — Мысль и слово: Философский ежегодник. Под ред. Г. Г. Шпета. М., 1917. Вып. 1; М., 1918–1921. Вып. II.

С. 149. ...*После Макса не осталось никого, кто мог бы продолжать его направление, а потому его «Идея филологии», бывшая действенной культурной задачей <...> уйдет в академическую науку.* — Имеется в виду доклад М. М. Кенигсберга «Идея филологии и поэтики», прочитанный на пленуме Философского отделения ГАХН (тогда еще РАХН) весной 1924 года. Предполагалось издать

эту работу отдельной книжкой, как об этом говорится в гахновском некрологе М. М. Кенигсберга, подготовленном Б. В. Горнунгом. Высказанные в этой статье идеи Кенигсберга нашли свое продолжение в упоминаемой далее его работе — «Дух филологии», законченной автором незадолго до смерти. В подготовлявшийся в 1925 году к печати, но не увидевший свет первый том трудов Комиссии по изучению проблемы художественной формы ГАХН предполагалось включить еще три крупных статьи Кенигсберга.

С. 149. ...*Это была жуткая зима 13–14 года <...> в атмосфере танго и «Бубнового валета».* — «Бубновый валет» — объединение московских художников-авангардистов (1910–1916): А. Лентулов, Р. Фальк и др.

С. 150. ...*Но Вы должны понять, что нам нечего делать с Винокуром, Петровским, Усовым, Шор etc.* — **Винокур** Г. О. См. прим. к с. 41. — **Петровский** Михаил Александрович (1887–1937) — сослуживец Шпета по ГАХН, сосланный в Томск по одному «делу» со Шпетом. — **Усов** Дмитрий Сергеевич (1896–1944) — московский филолог, поэт и переводчик. — **Шор** Розалия Иосифовна (1894–1939) — филолог, историк литературы; действительный член ГАХН.

С. 150. ...*Почти все в нашей группе, кто хоть сколько-нибудь знает Вас (Мозалевский, Локс, Нейштадт, Ал. Ромм, Гадзяцкий и др.).* — **Мозалевский** Виктор Иванович (1889 — 1970) — писатель, двоюродный брат жены Б. В. Горнунга. В 1918–1920-х стал публиковаться (в том числе в «Гермесе» и «Гиперборе»). — **Локс** Константин Григорьевич (1889–1956) — поэт; друг и однокашник Б. Л. Пастернака в период его учебы в Марбурге; участник журнала «Гермес» (№ 3). — **Нейштадт** Владимир Ильич (1898–1959) — поэт, переводчик немецкой литературы, один из ближайших друзей Б. Горнунга. Участник «Гермеса» (№ 2) и «Гиперборея» (№ 1–2). — **Ромм** Александр Ильич (1898–1943) — филолог, поэт, переводчик, старший брат кинорежиссера Михаила Ромма. — **Гадзяцкий** Сергей Сергеевич (1896 — ?) — историк, автор книги «Карелы и Калерия в новгородское время» (Петрозаводск, 1941).

С. 150. ...*Я не хотел при Михаиле Александровиче говорить.* — Имеется в виду М. А. Петровский.

С. 150. ...*У нас собрание, на котором, между прочим, будет С. Д. Мстиславский.* — **Мстиславский** С. Д. См. прим. к Письмам Шпета Мстиславскому.

С. 151. ...*Не будет ли это <...> «Составной рифмой у Анненского».* — «Составная рифма у Анненского» — статья, написанная М. М. Кенигсбергом незадолго до его смерти.

С. 151. ...*Вся группа человек 18, из коих Лившиц — в Петербурге, Волков — во Фрейбурге, а Бернер — в Соловках... Волков — во Фрейбурге.* — **Лившиц** Бенедикт Константинович (1887–1938) — поэт, литератор-переводчик. 20 сентября 1938 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Б. К. Лившица к высшей мере наказания — расстрелу. Расстрелян 21 сентября 1938 года в г. Ленинграде. — **Волков** Николай Николаевич (1897–1974) — искусствовед, математик. В 1921–1922 — научный сотрудник Института научной философии; занимался математической логикой. В 1923–1927 — сотрудник ГАХН (на полгода направлялся в командировку философским отделением ГАХН во Фрейбург). В первом номере «Гиперборея» в статье Н. Волкова «Три письма из Фрейбурга» опубликовано «Письмо первое» (с. 67–74). См. также: *Волков Н. Н. Письма из Фрейбурга.* Публикация И. М. Чубарова // Логос. 1998. № 1. С. 103–138. — **Бернер** Николай Федорович (1890–1978) — поэт, литературный псевдоним Ф. Николаев. Участвовал в «Гермесе», «Мнемозине» и «Гиперборее». В середине 1920-х годов был репрессирован и в 1926 году находился в Соловках. Именно поэтому издатели «Гиперборея» поместили стихи Бернера под псевдонимом. После заключения жил в ссылке в Брянске, откуда сумел во время войны добраться до Франции.

С. 151. ...*Статьи А. Ромма и В. Гливенко.* — Имеются в виду опубликованные в «Гиперборее» № 1 статьи А. И. Ромма «Поэзия ремарки» (с. 56–60) и В. И. Гливенко «Самоустранение имажинизма» (с. 75–79). — **Гливенко** Валерий Иванович (1896–1940) — математик (сын Гливенко Ивана Ивановича (1868–1931) — литературоведа, действительного члена ГАХН), университетский друг Б. В. Горнунга.

С. 152. ...*Я посылаю Вам всю готовую книгу А. Ромма.* — Имеется в виду рукопись сборника «Ночной смотр», который затем вышел в 1927 году в издательстве «Узел». В первый номер «Гиперборея» (с. 20–22) включены стихотворения из этого сборника: «Я нужную работу отложил...» (им открывается сборник), «Перед творением» и «Злой вечер надо мной справляет торжество...».

С. 152. ...*Общее желание — видеть напечатанным в № 1–2 тот фрагмент, который вошел в Ваш прошлогодний доклад «Границы научного литературоведения».* — Имеется в виду статья Г. Г. Шпета, которая вошла в этот номер «Гиперборея» под названием «Лите-

ратура» (с. 41–55). См. также: Тезисы доклада Г. Г. Шпета «О границах научного литературоведения» // *Шпет Г. Г.* Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М., 2007. С. 682–683.

С. 152. ...*В дальнейшем должны быть представлены.* — Из перечисленных намечавшихся статей в «Гиперборее» (№ 1) были напечатаны лишь статьи Б. В. Грифцова «О необязательности литературы» (с. 61–66) и А. А. Буслаева «Письмо Л. П. Г-ну» (с. 84–89).

С. 153. ...*Хотя моя статья «Драматургия» попадет к Вам (в сокращенном вовсе виде), я оставляю Вам ее полную редакцию.* — Имеется в виду статья Б. Горнунга для «Словаря эстетических терминов». См. Словарь художественных терминов. Г.А.Х.Н. 1923–1929 гг.: Под ред. И. М. Чубарова. М., 2005. С. 138–148.

Гроссман Л. — Шпету Г.

Письма публикуются по оригиналам из семейного архива. Впервые опубликовано: Немного прошлого // Начала. 1992. № 1. С. 67–69. Публикация М. Г. Шторх.

Гроссман Леонид Петрович (1888–1965) — русский советский литературовед, писатель. Доктор филологических наук, профессор. Действительный член ГАХН и ученый секретарь ее литературной секции.

С. 153. ...*«Увидя почерк мой, Вы верно удивитесь».* — *Апхутин А. Н.* Письмо (1882).

С. 153. ...*Мы увидимся на днях, и я лично передам Вам о моих переговорах <...> со Шмитом, которого рассчитываю увидеть сегодня в институте на докладах Жирмунского и Виноградова.* — Имеется в виду Государственный институт истории искусств (ГИИИ), директором которого был Федор Шмит. — *Шмит Ф. И.* См. прим. к письмам Шмита Шпету. — *Жирмунский.* См. прим. к письму Жирмунского Шпету. — *Виноградов В. В.* См. прим. к с. 179.

С. 154. ...*Любуюсь восхитительными тенями Истоминой, Колосовой или Нимфодоры Семеновой.* — *Истомина* Авдотья Ильинична (1799–1848), *Колосова* Евгения Ивановна (1782–1869) — выдающиеся русские балерины; *Семёнова* Нимфодора Семёновна (1787–1876) — русская певица (лирико-колоратурное сопрано).

С. 155. ...Участвовали в них *Б. М. Соколов, И. И. Замотин и другие, присутствовал и Ф. Н. Петров.* — **Соколов** Борис Матвеевич (1889–1930) — фольклорист, литературовед. Автор исследований по отдельным сюжетам былин и исторических песен. Вел работу в области этнографии и музееведения. — **Замотин** Иван Иванович (1873–1942) — историк русской и белорусской литературы. — **Петров** Федор Николаевич (1876–1973) — член КПСС с 1896 года, историк, музеевед, в 1923–1928 годах возглавлял Главное управление научных и музейных учреждений Наркомпроса (Главнаука). Впоследствии — редактор Большой советской энциклопедии.

С. 155. ...*Гудзий* Николай Каллиникович (1887–1965) — литературовед, историк литературы, известный прежде всего своими исследованиями древнерусской литературы. С 1922 стал профессором кафедры истории русской литературы Московского государственного университета. Впоследствии первый декан филологического факультета МГУ, заведующий кафедрой русского устного народного творчества (1941–1946).

С. 155. ...*Я искренне приветствую вхождение в Редком П. Н. Сакулина.* — **Сакулин.** См. прим. к письмам Сакулина и Шпета.

С. 156. ...*Очень жалею, что Ваш Белинский до сих пор в рукописи.* — Имеется в виду статья, которая так и не была опубликована при жизни Шпета: *Шпет Г. Г.* К вопросу о гегельянстве Белинского <1923>. Публ. Л. В. Федоровой // Вопросы философии. 1991. № 7. См. также исправленный и комментированный вариант статьи: *Шпет Г. Г.* Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Т. Г. Щедриной. М., 2009. С. 100–184.

С. 156. ...*Серафима Германовна шлет Вам свой искренний привет.* — **Гроссман** Серафима Германовна — жена исследователя.

Коган П. — Шпету Г.

Открытки от <16 декабря 1924 года>, <20 марта 1928 года> и письмо от 2 мая 1927 года — хранятся в семейном архиве. Письма от 27 августа <1925> года, от 24 мая 1927 года хранятся в ОР РГБ 718-24-65. Все письма публикуются впервые.

Коган Петр Семенович (1872–1932) — историк литературы, критик, переводчик. Профессор МГУ. Президент Государственной академии художественных наук, сотрудник Литературной энциклопедии.

С. 156. ...<16 декабря 1924 года>. — Открытка. Штемпели: 23 декабря 1924 Munchen; Москва. Russie. Moscou. Москва, ул. Кропоткина, 32. Академия Г. Г. Шпету.

С. 156. ...27 августа <1925>. — Письмо написано двумя почерками. В начале письма (выделено курсивом) почерк, которым больше не написано ни одно письмо. После — почерк, которым написаны все остальные письма. Датировка установлена по содержанию письма. Речь идет о Международной выставке декоративного искусства и художественной промышленности во Франции (1925 года).

С. 156. ...Имел трехчасовую беседу с Морицем. — **Мориц** Владимир Эмильевич (1890–1972) — поэт; действительный член ГАХН. Ученый секретарь декоративной секции, член Президиума.

С. 157. ...<На официальном бланке Комитета отдела С.С.С.Р. III международной выставки декоративных искусств в Монце-Милане в 1927 году>. — Выставка состоялась в городе Monza близ Милана, в Королевской Вилле (Villa Reale) в мае-октябре 1927 года. Отделение СССР занимало несколько залов. В списке организаторов — П. Коган (председатель ГАХН, председатель), В. Мориц (заместитель председателя), В. Никольский, Б. Терновец, Б. В. Шапошников (генеральный секретарь).

С. 158. ...*Garbato, попав в «свое» общество, чувствует себя гармоничным и величественным.* — Скорее всего имеется в виду **Мориц** Владимир Эмильевич — сын Зинаиды Мориц (Якунчиковой), из старинного купеческого рода.

С. 158. ...*Direttore всех московских музеев.* — Скорее всего речь идет либо о Б. Н. Терновце: **Терновец** Борис Николаевич (1884–1941) — искусствовед. Директор Музея нового западного искусства (1919–1937), — либо о Б. В. Шапошникове (см. прим. к письму Шапошникова Шпету) — как директоре ГИМа (Музей дворянского быта 40-х годов — исторический музей в Москве).

С. 158. ...*А финансово-административный direttore уверяет всех и все, что денег нет.* — Возможно, имеется в виду **Никольский** Виктор Александрович (1875–1934) — искусствовед. Действительный член ГАХН. Заведующий декоративной секцией, член Ученого Совета.

С. 158. ...*Il Presidente — мудрый Бен-Акиба — все терпим.* — Намек на **Акибу** бен Йосефа (около 50 — около 132) — еврейский

мудрец и законоучитель (танна). Один из десяти мучеников иудаизма. — Возможно, имеется в виду сам П. С. Коган — председатель советской делегации на этой выставке.

С. 158. ...*Помнит знаменитое изречение из замечательного рассуждения о пользе истории и о любви к отечеству: «Бывали уже подобные времена, бывали еще худшие — и государство не разрушилось».* — Карамзин пишет: «Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества». *Карамзин Н. М.* История государства российского.

С. 158. ...*Аннунцио — «классик», <...> Пиранделло кажется молодежи уже устарелым. Папини — тоже.* — *д'Аннунцио* (d'Annunzio) Габриэле (1863–1938) — итальянский писатель, поэт, драматург и политический деятель. — *Пиранделло* (Pirandello) Луиджи (1867–1936), итальянский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1934. — *Папини* (Papini) Джованни (1881–1956) — итальянский писатель.

С. 158. ...*Маринетти еще читает лекции и громит мещанство.* — *Маринетти* (Marinetti) Филиппо Томмазо (1876–1944) — итальянский писатель, поэт, основатель футуризма.

С. 158. ...*Л. П. со мною.* — По-видимому, речь идет о Л. П. Копейкиной, секретаре Президиума ГАХН.

С. 158. ...*<24 мая 1927 года>.* — Дата установлена по приложенному письму Когана в Наркомпрос.

С. 159. ...*Я прошу Вас показать ее только (кроме себя самого) Виктору Александровичу.* — Имеется в виду В. А. *Никольский*. См. прим. к с. 1585.

С. 161. ...*<20 марта 1928 года>.* — Открытка. Штемпели: 20 марта 1928 года; Осло, 24 марта 1928 года Москва. Moscow URSS (Russie). Ул. Кропоткина, 32. Академия Х.Н. Г. Г. Шпету

С. 161. ...*«Штандарт пляшет, музыка играет».* — Музыка играет, штандарт скачет. Употребляется, например, в комедии «Ревие-

зор» (1836) Н. В. Гоголя (1809–1852). Слова почтмейстера, который рассказывает о прочитанном им письме (действ. 1, явл. 2): «Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо. “Жизнь моя, милый друг, течет, говорит, в эмпиреях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет”... с большим, с большим чувством описал».

Шутливо-иронически: о шумном, многолюдном и веселом празднике. А. П. Чехов (рассказ «Фокусники»): «В торжественный день открытия был молебен, обед, тосты, благодарности, телеграммы, шампанское... Музыка играет, штандарт скачет».

«Штандарт» — знамя кавалерийского полка. Иногда так называли и офицера, при котором оно находилось.

Соловьева А. — Шпету Г.

Письма от 19 ноября 1925 года и датированное: <Ноябрь-декабрь 1925> хранятся в ОР РГБ 718-25-42. Публикуются впервые.

Письмо, датированное: <конец декабря 1926 — начало 1927 года>, хранится в ОР РГБ 718-25-43. Впервые опубликовано Т. Г. Щедриной в журнале: Пространство культуры. Дом Бурганова. М., 2009. № 4. Письмо сверено заново и публикуется по рукописному оригиналу.

Соловьева Апполинария Константиновна (1894–1975?) — лингвистка, ученица Густава Густавовича Шпета и Шарля Балли, сотрудница Государственной академии художественных наук (по должности: сверхштатный действительный член ГАХН по философскому отделению). В советское время работала в рукописном отделе ГБЛ. Оставила большой архив. Подробнее о ней см.: *Щедрина Т. Г.* Апполинария Константиновна Соловьева и ее учителя — Шарль Балли и Густав Шпет: проблема «выражения» в лингвистике и «философии слова» // Пространство культуры. Дом Бурганова. М., 2009. № 4. С. 9–44.

С. 162. ...«В каком смысле экспрессия есть предмет лингвистики». — Доклад был прочтен 3 ноября 1925 года. См.: РГАЛИ. 941-14-22. Л. 8–10.

С. 162. ...Основные тенденции той работы, которая была представлена на Ваше рассмотрение, были связаны с теорией экспрессии *Bally*. — **Балли** (*Bally*) Шарль (1865–1947) — французский лингвист Женевской школы. Ученик и последователь Ф. де Соссюра. Специалист по общей и французской лексикологии и стилисти-

ке. Занимался также общей теорией языка. Основные труды: «Общая лингвистика и вопросы французского языка» (1932, рус. пер. 1955), «Язык и жизнь» (1913, рус. пер. 2003). В работах Балли подчеркивается роль экспрессивных элементов в языке. Среди последних работ о нем см.: *Вельмезова Е., Шедрина Т. Г.* Шарль Балли и Густав Шпет в русско-европейском научном разговоре (опыт реконструкции «архива эпохи») // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2006–2007 год. М., 2009. С. 106–126.

С. 162. ...*Судя по мнению Р.И. Шор и О.А. Шор, я, как будто бы, в этой своей задаче все же преуспела.* — **Шор** Розалия Осиповна. См. прим. к с. 150. — **Шор** Ольга Александровна (псевд. *О. Дешарт*; 1894–1978), искусствовед, литературовед. Близкий друг Вяч. Иванова.

С. 162. ...*Основные возражения философского характера были мне сделаны Н. И. Жинкиным.* — **Жинкин** Николай Иванович (1893–1979) — психолог, специалист в области психолингвистики, психологии мышления и речи. Ученик Г. Г. Шпета. Образование получил в Московском университете, окончив с золотой медалью историко-филологический факультет (1916). Работал в Институте психологии (с 1914), в Государственной Академии художественных наук (ГАХН) с 1923 года, ученый секретарь философского отделения ГАХН. Член Московского лингвистического кружка (1921–1924). Автор работ: «Проблема эстетических форм» (Художественная форма. М., 1927), «Портретные формы» (М., 1928), «Грамматика и смысл» (Язык и человек. М., 1970), «Речь как проводник информации» (М., 1982), «Язык — речь — творчество» (Сост., ред., прим. С. И. Гиндина. М., 1998), «Вещь» (Антология феноменологической философии в России / Сост. И. М. Чубаров. Т. 2. М., 2000) и др.

С. 163. ...*Теория экспрессии Vally <...> нечто весьма знакомое.* — С мая 1913 по июнь 1915 года Соловьева училась в Женевском университете на факультете литературы и социальных наук¹. Здесь она познакомилась с Шарлем Балли, слушала его курс лекций по общей лингвистике². Соловьева увлеклась идеями своего учителя и после своего отъезда из Швейцарии продолжала разрабатывать

¹ По окончании она получила диплом Женевского университета, дающий ей право преподавать французский язык (Certificat d'aptitude à l'enseignement de français moderne).

² В одном из писем к Соловьевой Балли вспоминает, как он радовался общению с Соловьевой на семинарах. См.: Письмо Ш. Балли к А. К. Соловьевой от 27 июня 1915 года // ОР РГБ. Ф. 709. К. 2. Ед. хр. 12. Л. 10.

его идеи. В письмах к Балли она часто рассказывала о волновавших ее научных проблемах.

С. 163. ...*Выражаясь термином Авенариуса, как некоторый «positive Notae». «Экспрессия вообще», наоборот, воспринимается как «negative Notae».* — См.: Авенариус Р. Критика чистого опыта. Т. 1–2. СПб., 1907–1908. Разъясняя эту концепцию Авенариуса, Богданов писал: «Переживания — это величины в полном смысле слова. Они обладают не только “знаком” (аффекциональным — положительным или отрицательным), но и тем, что соответствует алгебраическому понятию абсолютной величины — именно интенсивностью». Цит. по электронной версии: < sozrev.org.ua... content...Bogdanov_Empiriomonizm.doc>

С. 163. ...*О фундировании экспрессивных форм одна на другую говорят и «Эстетические фрагменты» (III выпуск).* — Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты. Вып. 3. М., 1923.

С. 166. ...*Но, когда она обращается на факты и на слово-вещи.* — Соловьева следует здесь за Шпетом, который различал «предмет» и «вещь». — Он писал: «Говорят, что под словом или за словом подразумевается “понятие”. Можно, конечно, — лишь бы под понятием подразумевался “предмет” как он характеризуется, а не “представлялось” “переживание”. Лучше, во избежание этой передержки, называть *понятием* само слово в его форме терминованной, в отличие от формы “обыденного” и “поэтического” словоупотребления, и в его функции именно понятия, как по-ятия, конципирования, подразумевания. Понятие, тогда, есть слово, поскольку под ним нечто (предмет) подразумевается. Часто смешивают “предмет” и “вещь”. И действительно, вещь есть предмет реальный, и предмет есть вещь идеальная. Но именно эти термилирующие эпитеты: реальный и идеальный, показывают направление, в котором их нужно различать. Всякая действительно, эмпирически, реально существующая вещь, реальное лицо, реальное свойство, действие и т. п. суть *вещи*. Предметы — возможности, их бытие идеальное». Шпет Г. Г. Эстетические Фрагменты // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007. С. 219.

С. 167. ...*Наконец, собственно со-значение, <...> теми методами, которые указаны в статье «Предмет и задачи этнической психологии».* — См.: Шпет Г. Г. Предмет и задачи этнической психологии // Психологическое обозрение. 1917. 1, 1 (с. 27–59); 1, 2 (с. 233–263); 1918. 1, 3–4 (с. 405–420).

С. 167. ...2 декабря 1925 года. — Приложен конверт: Улица Кропоткина, д. 32. Государственная академия художественных наук. Густаву Густавовичу Шпету. Здесь. Штемпель: 2 декабря 1925.

С. 167. ...А. С. Ахманов назвал «эстетику» Гегеля «*философией искусства*». — **Ахманов** Александр Сергеевич (1893–1957) — философ, логик, историк философии. Окончил юридический факультет Московского университета (1916), ученик Б. П. Вышеславцева, И. А. Ильина, Г. Г. Шпета. С 1919 года преподавал философию и отдельные философские дисциплины (логику и эстетику) в Костромском университете и в Московском институте слова. В 1923 году избран в Российскую академию художественных наук, действительным членом которой был вплоть до 1929 года. В 1922–1946 годах работал юрисконсультom в различных государственных учреждениях, в 1946–1947 — заведовал кабинетом теории государства Академии общественных наук. Автор трудов по теории и истории логики, истории философии, философии права.

С. 168. ...Заметки к возможному различению проблем эстетики и философии искусства в построениях Гегеля. — Доклад был прочитан Соловьевой 9 марта 1926 года.

С. 168–169. ...*Есть одно обстоятельство, которое, с моей точки зрения, способствует тесному сближению (не отождествлению) проблем эстетики и философии искусства в построении Гегеля. Когда мы теперь говорим «сознание», «наука о сознании», мы, большей частью, имеем в виду учение о сознании феноменологической школы, в частности школы Гуссерля.* — Рассматривая философские идеи Гегеля сквозь призму феноменологии Гуссерля, Соловьева следует за Шпетом: «от Гуссерля к Гегелю». См.: *Щедрина Т. Г.* К вопросу о гегельянстве... Густава Шпета // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. Отв. ред.-сост. Н. В. Мотрошилова. М., 2010. С. 588–597.

С. 170. ...(*Der Geist ist überhaupt nicht unmittelbar, unmittelbar sind die natürlichen Dinge*), говорим Гегель в предисловии к «Философии религии». — «Дух вообще не непосредствен, непосредственны естественные вещи». *Гегель Г. В. Ф.* Философия религии. В 2 т. Т. 1. М., 1975. С. 263.

С. 171. ...*Такое же произведение, как мальчик в картине Murrilio характеризуется им, как «Kunstwerk».* — «В сходном смысле превосходят картины Мурильо, изображающие юных нищих <...> С внеш-

ней стороны предмет изображения носит здесь вульгарный характер. Мать ищет вшей в голове мальчугана, а он в это время спокойно жует свой кусок хлеба; на другой такого же рода картине двое других мальчишек, ободранные и нищие, едят дыни и виноград. Но в этой бедности и полунагоде сквозит изнутри и извне как раз только такая полнейшая беззаботность и беспечальность, большей которой мы не встретим даже у дервиша; сквозит полнейшее чувство здоровья и жизнерадостность <...>. Только воспринимая таким образом изображение того, что обычно называют низкими, обыденными предметами, мы поймем, почему они могут стать содержанием произведений искусства». *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по эстетике. Т. 1. М., 1938. С. 173–174.

С. 174. ...*Вчера по поводу доклада А. Ф. Лосева были чрезвычайно оживленные прения.* — Из бюллетеней ГАХН № 2–3 за 1926. Отчет за Октябрь–декабрь 1925 года: «Проблема символа разбиралась в докладе А. Ф. Лосева: “Диалектическая структура символа”. Докладчик, исходя из диалектики в понимании Плотина, определил символ как эйдос, развертывающийся в категориях — одного и иного, движения и покоя, становления и ставшего. В его понимании символ рассматривается как смысловое тождество логического и алогического, или как алогическая выраженность логического. В весьма оживленных прениях после доклада была отмечена абстрактность диалектики докладчика, неправильное расширение сферы символического эйдоса на область всех вещей, вследствие чего понятие символа теряет специфический характер и не дает плодотворных выводов для искусства. Много возражений вызвало также определение докладчиком взаимоотношения между формальной и диалектической логикой. Так как понятие экспрессии как и проблема символа теснейшим образом связаны с более обширной темой выражения, то следующий ряд докладов комиссии касался именно этого вопроса».

С. 175. ...*<конец декабря 1926 — начало 1927 года>.* — Датировка письма установлена по контексту доклада, содержания письма Соловьевой и даты цитируемого письма Балли, а также указания на прочитанный 14 декабря 1926 года доклад архитектора И. В. Жолтовского.

С. 175. ...*Мне привезли из Парижа «La langage et la vie».* — Название книги — «Язык и жизнь».

С. 175. ...*Я запрашивала Vallу насчет орфографии его фамилии.* — Далее Соловьева приводит отрывок из письма Балли от 25 ноября 1926 года.

С. 175. ...Тезисы к докладу: «О взаимоотношении экспрессии разговорно-прагматического и литературно-художественного языка» (ГАХН, 1926 г.). — Доклад прочитан А. К. Соловьевой 7 декабря 1926 года. См.: РГАЛИ. 941-14-27. Л. 13–16.

С. 176. ...Язык, как «языковая система» (*langue*) должен быть отличаем от индивидуального говорения (*parole*). — Такой перевод терминов устно закрепился в тот момент в сообществе Соловьевой, Шпета, и других философов, лингвистов и филологов благодаря неопубликованному переводу «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, выполненному А. И. Роммом. В архиве Балли сохранилась часть этого перевода: «Де Соссюр различает, — пишет Ромм, — *la langue, le langage, la parole*. Термины эти я всюду последовательно передаю словами: язык, речь, говорение. Значение терминов станет понятно в дальнейшем. Термины де Соссюра являются во французском языке почти синонимами и значение, которое он придает им, более или менее условно. Так же условна и терминология моего перевода». De Alexandre Romm à Ch. Bally. 12. 12. 1922 // Bibliothèque publique à Genève (BPU). Salle de manuscrits. Ms. fr. 5004. f. 35.

С. 176. ...Но понятие стабилизированной языковой системы (ее «статический» (стабилизированный) характер наличен для непосредственного языкового сознания) — абстрактно в своем бытии (этого не отрицает даже Bally). — Балли пишет: «Заметки Ф. де Соссюра, благоговейно собранные его учениками, были опубликованы под названием “Cours de linguistique générale”. Эта публикация излечит нас от многих методологических ошибок и научит не смешивать историю и исследование системы языка, ибо такие системы полностью строятся на одновременном, синхронном противопоставлении знаков, которые, в каждый определенный момент, обретают свой смысл и получают свои значения только на основе этого противопоставления, а не из каких-либо иных источников. Для того чтобы такое идеально задуманное исследование принесло плоды, наверное, следовало бы, чтобы его проводил лингвист, привычный к любым сложностям <...> он, однако, не должен уметь читать и писать на языке, изучением которого займется, он не должен иметь ни малейшего представления о прошлом этого языка, он должен полностью игнорировать связь языка с культурой и обществом, в котором этот язык функционирует, таким образом, чтобы все внимание исследователя было сосредоточено на взаимодействии языковых символов. <...> Но где, когда и как может быть опробовано это исследование в чистом

виде?». *Балли Ш.* Язык и жизнь. Перев. с франц. И. И. Чельшевой, Е. В. Вельмезовой. М., 2003. С. 38–39.

С. 177. ...*Есть журнал «Мысль и слово».* — Соловьева имеет в виду ежегодник «Мысль и Слово», издаваемый под редакцией Г. Г. Шпета. См. прим. к с. 148.

С. 177. ...*Есть книга Потевни «Мысль и язык».* — Имеется в виду книга: *Потевня А. А.* Мысль и язык. Харьков, 1862.

С. 177. ...*Когда я читала книжку Р. И. Шор «Язык и общество».* — Соловьева ссылается на книгу: *Шор Р. О.* Язык и общество. М., 1926.

С. 177. ...*Даже понятие «внутренней формы» и то берется Р. И. Шор в узко лингвистическом смысле «etimon».* — Соловьева имеет в виду следующее рассуждение Шор: «...“образы” <...> указывают все на одно и то же значение слова, подобно тому, как на одно и то же значение указывают не менее многообразные звуковые комплексы. Поэтому-то подобные “созначения” принято называть в лингвистике “внутренними формами” слова, подобно тому, как звуковые комплексы обычно называют его “внешними формами”». *Шор Р. О.* Язык и общество. М., 1926. С. 93.

С. 177. ...*Влияние Марти.* — *Марти* Антон (1847–1914) — немецко-швейцарский философ, представитель философии языка, на формирование его философских взглядов большое влияние оказали идеи Ф. Brentano. Основные труды: «О происхождении языка» («Über der Ursprung der Sprache», 1875), «Исследования в области всеобщей грамматики и философии языка» («Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie», 1908) и другие. Говоря о влиянии учения Марти на концепцию Р. О. Шор, Соловьева опирается на шпетовскую интерпретацию понятия «внутренняя форма» у Марти. Шпет пишет: «Марти противопоставляет внешнюю форму языка внутренней форме по источнику их познания: внешнюю форму составляют те особенности средств выражения, которые могут быть восприняты внешне или чувственно; напротив, внутреннюю форму составляют их особенности, которые переживаются внутренне». См.: *Шнем Г. Г.* Язык и смысл // *Шнем Г. Г.* Мысль и слово. Избранные труды. М., 2005. С. 637.

С. 177. ...«*Einleitung in die Kawisprache*» есть, <...> в одно грандиозное целое. — Имеется в виду главная работа В. фон Гумбольдта,

написанная в 1830–1835 годах, «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» («Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts») — вступительная часть к оставшемуся незаконченным трехтомному труду «О языке Кави на острове Ява» (Über die Kawi-Sprache auf der Insel Jawa), посмертно опубликованному в 1836–1859 (рус. пер. 1859). В этой работе, в частности, вводится понятие внутренней формы языка.

С. 178. ...Во II-ом томе «*Traité de stylistique française*». — См.: Балли Ш. Французская стилистика (*Traité de stylistique française*, 1909, 1951) / Пер. с франц. К. А. Долинина [1961]. М., 2001.

С. 178. ...Все эти романы с языковой стороны богаты, прежде всего, тем, что Bally называет «*effets par évocation*». — Имеется в виду термин Балли «*effet par évocation d'un milieu*» (франц.) — социальная окраска. См.: Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л., 1978. Гл. II. § 23.

С. 179. ...Формальная (Петербургская) школа литературоведов и лингвистов поставила в лице В. В. Виноградова проблему взаимоотношения художественного (письменного) языка и устной, разговорной речи. — Виноградов Виктор Владимирович (1894–1969) — русский литературовед и лингвист-русист, академик АН СССР (1946), доктор филологических наук. Окончил Петроградский Историко-филологический «Зубовский» институт (1917). Получил известность благодаря литературоведческим публикациям (о стиле писателей-классиков и современников: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, А. А. Ахматовой и др.; выступал также с чисто историко-литературными работами, публикациями неизданных произведений и т. п.). Свой метод определял как историко-литературный (с обязательным исследованием широкого исторического контекста изучаемого «шедевра», в том числе «малых имен», «низовой литературы»), однако считал необходимым особое исследование языка и стиля писателя.

С. 179. ...Когда В. В. Виноградов исследует стиль Гоголя путем изучения пародий на его стиль. — См.: Виноградов В. В. Сюжет и композиция в повести Гоголя «Нос» // Начала. Пг., 1921. № 1.

С. 180. ...Но, если тот архитектор, который читал у нас доклад в комиссии по философии искусства, улавливал в формах гре-

ческого искусства (архитектуры) принципы античного мышления. — Соловьева имеет в виду доклад И. В. Жолтовского «Опыт исследования античного мышления в архитектуре», прочитанный в комиссии по изучению современных проблем философии искусства философского отделения 14 декабря 1926 года. См.: РГАЛИ. 941-14-25. Л. 7–7 об. — **Жолтовский** Иван Владиславович (1867–1959) — архитектор, теоретик искусства, один из основателей РАХН (ГАХН), впоследствии член-корреспондент этой академии.

С. 181. ...«*Figures de pensée et figures de langage*». — Вероятно, Соловьева имеет в виду работу: *Bally Ch. Figures de pensée et formes linguistiques // Germanisch-romanische Monatsschrift. Heidelberg, 1914. № 6.*

С. 181. ...«*La pensée et la langue*». — *Bally Ch. La pensée et la langue // Bulletin de Société Linguistique de Paris. 1922. № 23.*

С. 182. ...*Можно согласиться с Н. Н. Волковым в его стремлении найти рациональное ядро метафоры.* — Соловьева имеет в виду доклад Н. Н. Волкова «Что такое метафора», прочитанный на заседании комиссии по изучению проблемы художественной формы философского отделения 5 мая 1925 года. См.: Летопись работ ГАХН. 1921–1925. С. 152. РГАЛИ. 941-14-15. Л. 61–62 об. Работа была опубликована: *Волков Н. Н. Что такое метафора // Художественная форма. М., 1927.*

С. 182–183. ...*Darstellend, как выразился бы Walzel.* — *Darstellend (нем.)* — изобразительный; *Darstellung* — изображение; *darstellen* — изображать. Семантика этого ряда шире, чем в соответствующем русском слове. В русском языке «изображение», «изображать» относится, как правило, к области художественного творчества, эстетики и поэтики; по-немецки же *Darstellung* — это скорее «изложение», причем не только в искусстве, но также в науке и в повседневной практике; *darstellen* значит «дать (передать) представление (о чем-то)», «изложить» какой-то предмет (событие, историю, концепцию и т. п.). *Darstellung* — это, с одной стороны, указание на предметную суть дела, которую надо передать или изложить, с другой стороны, — на практическую задачу и способ решения задачи. В том и в другом отношении индивидуальность, или субъективность изображающего/излагающего, конечно, предполагается и учитывается, но не имеет и не может иметь решающего значения, хотя момент истолкования (интерпретации), конечно, присущ любому «изображе-

нию». — *Вальцель* (Walzel) Оскар (1864–1944) — немецкий филолог, литературовед. Профессор университетов Берна, Дрездена и Бонна. Осуществлял культурно-исторический подход к исследованию литературоведческих понятий (*Gehalt und Gestalt im Kunstwerk des Dichters. Handbuch der Literaturwissenschaft*. 1923). Основные труды: «Die deutsche Romantik» (1908); «Die deutsche Dichtung seit Goethes Tod» (1913); «Das Wortkunstwerk» (1926); «Die deutsche Dichtung von Gottsched bis zur Gegenwart» (2 Bd. 1927–1930). В русском переводе: «Проблема формы в поэзии» (Пб., 1923); «Импрессионизм и экспрессионизм в современной Германии» (Пб., 1922). В данном случае Соловьева имеет в виду метод Вальцеля — формальный. «Что такое содержимое? — задает вопрос Вальцель. — Что такое облик? Содержимое — это область мысли, это — пользуясь обычной терминологией — все то из сферы познания, воли и чувствований, что заключается в художественном произведении. Эта же сфера образует предмет науки. Задача и сущность науки — претворить эти мысли в слова-понятия. Искусство идет дальше, чем наука, так как содержанию оно дает облик, превращает его в нечто, воздействующее как на наши внешние, так и на внутренние чувства. В полной и неограниченной мере происходит это в изобразительных искусствах и в музыке. Слово есть средство чисто логического, т. е. научного выражения. Поэзия, как словесное искусство, должна пользоваться словом, т. е. средством, которое всегда остается в известной мере родственным выражению в понятиях. Лишь поскольку слова воздействуют на нас чувственно, поэзия является искусством. Художественный облик поэтического произведения создается из слухового воздействия слов и затем из всех чувственных представлений, вызываемых словом. Сюда, между прочим, относится образное, наглядное. <...> Подлинное произведение искусства выражает содержимое во всей его глубине лишь посредством облика». *Вальцель О.* Сущность поэтического произведения // Проблемы литературной формы. Пер. под ред. В. Жирмунского. Л., 1928.

С. 183. ...*Разумеется, для писателя-романиста особенно охотно прибегающего к передаче разговоров всегда является опасность натурализма, это отметил еще Константин Леонтьев в статье о стиле Толстого.* — Леонтьев пишет: «Рассказ от автора нынче вообще короче, а все место занято разговорами. <...> Это называется “действие” или “живость изображения”».

Нужно, например, сказать, что раздумье героини было прервано тем, что ее позвали к чаю. Прежний, давний автор, даже и к реализму расположенный, предпочел бы сообщить нам об этом, положим, так:

“Но ее глубокое раздумье длилось недолго. Ее позвали пить чай, и она пошла, печально и со страхом помышляя о том, какое тяжелое объяснение ей предстоит с отцом!”

А нынче:

“Это ужасно! Это ужасно! Как мне быть? повторяла она, *качая головой и глядя на свои чистые и розовые ногти*”. (Это непременно тоже нужно почему-то.)

“Барышня, пожалуйста кушать чай, — *басисто* проговорил вошедший слуга”.

И хорошо если еще только так — *басисто!* А то бывает и подробнее. Например: “Дверь отворилась *со скрипом*. *Мухи, которые расположились* было на ней отдохнуть, слетели целым роем. *Подавшись только одним боком вперед и просунувшись* немного в полуотворенную дверь, Архип выставил свое ухмыляющееся лицо”... (а может быть даже и “рябую рожу”) и т. д. <...> Можно допустить эту манеру только как исключение, а не ставить ее в пример, как высший образец или как неизбежную форму. <...> *В самой жизни*, в жизни вещественной, положим, происходит действительно так. Войдут, скажут и т. д. Даже, пожалуй, и *мухи слетят с двери* и от сиденья их останутся пятна. Но так ли оно, все это, запечатлевается *в жизни духа нашего?* В памяти нашей даже и от вчерашнего дня остаются только *некоторые* образы, *некоторые* слова и звуки, *некоторые* наши и чужие движения и речи. Они — эти образы, краски, звуки, движения и слова — *разбросаны* там и сям на одном общем фоне грусти или радости, страдания или счастья. <...> Никто не помнит с точностью даже и вчерашнего разговора в его всецелости и развитии. Помнится только *общий дух и некоторые отдельные* мысли и слова. Поэтому я нахожу, что старинная манера повествования (побольше от автора и в общих чертах, и поменьше в виде разговоров и описания всех движений действующих лиц) *реальнее* в хорошем значении этого слова, т. е. правдивее и естественнее по основным законам нашего духа». *Леонтьев К. Н.* О романах гр. Л. Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние (критический этюд). М., 1911. С. 116–118.

С. 183. ...*Поэтому В. Виноградов и говорит о формах «сказа» применительно к Гоголю.* — Виноградов пишет: «Как жанры письменной речи в ее разнообразных социально-практических функциях черпают обновление в соприкосновении с формами устной монологической, разно-диалектического речи, так и специфические художественно-письменные формы притока новых стилистических построений, новой фразеологии ждут от “сказа”. Любопытен в этом отношении путь Гоголя, который, постепенно освобождаясь от захолустной обстановки и масок рассказчиков с ярлыками

Рудого Панька, начал создавать сложные комбинации письменных, сказовых, ораторских форм монолога с диалогом (“Шинель”, “Мертвые души”). Здесь автор как бы постепенно поднимал сказовые приемы Рудого Панька на уровень норм литературно-художественной прозы, своеобразно их деформируя и сочетая с другими стилистическими элементами». См.: *Виноградов В. В.* Проблема сказа в стилистике // *Поэтика*. Сб. I. Л., 1926. С. 39.

С. 183. ...*А. Белый символизирует и стилизует самую экспрессию.* — Данное рассуждение Соловьевой базируется, по-видимому, на шпетовском различении экспрессии «естественного порядка» и экспрессии «как знака естественного порядка». В пользу этого предположения говорит и заметка об экспрессии из семейного архива Шпета. Привожу ее впервые и полностью: «Пока *экспрессия* остается только экспрессией и воспринимается прагматически, она остается “естественным” выражением чувств и настроений и эстетических требований мы к ней, как правило, не предъявляем. Лишь когда мы начинаем усматривать в ней некоторую “условность”, “стилизацию” (отрешающий момент), мы начинаем смотреть на нее и эстетически. Здесь в этой условности есть уже момент *знака* — знака некоторого *естественного* порядка экспрессии. Экспрессия, как продукт художественного творчества, целиком переходит в сферу *знака* и эстетическое значение ее становится понятным. — Отсюда — приложимость *внутренней формы* к экспрессии!: в музыке — отношении гармонии к напеву, на сцене — отношение условного жеста к “настоящему”, в поэзии — отношение к *χοινή*, и т. д. — В целом — здесь проблема характерности и стиля!». *Κοινός* (*др.-греч.*) — в данном контексте употреблен в значении: одинаково равный для всех, нейтральный; беспристрастный; общеизвестный, общеупотребительный. См. также: *Шпет Г. Г.* Эстетические фрагменты // *Шпет Г. Г.* Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007. С. 284–285. Об отношении Шпета к литературным экспериментам А. Белого см.: *Там же*. С. 194–195.

С. 184. ...*Лингвистика направляется на изучение языка, как системы, стилистика есть лингвистическая дисциплина, поскольку она изучает «systeme expressif».* — «Система средств выражения» (*франц.*). Имеется в виду определение «стилистики», данное Балли в работе «*Traité de stylistique française*» (1909. V. I. P. 142).

С. 184. ...*Эстетичность беру, согласно, «Эстетическим фрагментам», как особое сознание, а не как онтическую форму.* — Шпет пишет: «Эстетика в собственном смысле есть учение об эстетич-

ческом сознании, коррелятивное онтологическому учению об эстетическом предмете (прекрасном, возвышенном, трагическом и прочем), полностью погружающемся в предмет художественного творчества и фантазии («фиктивный» предмет) вообще. Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Цит. изд. С. 234.

С. 184. ...В III-ем выпуске «Эстетических фрагментов» указывается на наличие в художественном произведении таких форм, которые <...> (составляют экспрессию личности). — Шпет пишет: «Объективная структура слова, как атмосферою земля, окутывается субъективно-персональным, биографическим, авторским дыханием. Это членение словесной структуры находится в исключительном положении, и, строго говоря, оно должно быть вынесено в особый отдел научного ведения. При обсуждении вопросов поэтики ему так же не должно быть места, как и при решении вопросов логики». Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Цит. изд. С. 280–281.

С. 184. ...Об этих формах говорится и в книге Винокура «Биография и культура». — Винокур пишет: «...история личности постигается нами в формах развития, когда мы изучаем ее с точки зрения исторической эволюции и преемственности, и в формах поведения, или деятельности, когда мы рассматриваем личность в разрезе статическом, как уже готовое и развившееся. Непременным условием изучения личности в этих формах является рассмотрение этих последних в рамках широкого культурно-исторического контекста. Этим “плоскостным” формам исторической личности могут быть противопоставлены формы “структурные”, при анализе которых биограф от внешне воспринимаемых чувственных данных переходит к уразумению смысла и значения, за внешними признаками стоящих. С этой точки зрения в биографии должны различаться формы внешние и внутренние». Винокур Г. О. Биография и культура // Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997. С. 11–12. И далее: «...предмет нашего изучения, для того, чтобы овладеть им в его конкретной полноте, должен пониматься нами структурно. Мы должны как бы рассечь его вдоль всей его глубины, чтобы увидеть, как внешнее переходит там во внутреннее и через какие сочленения форм совершается этот переход от наблюдаемого к уразумеваемому, от явления к его содержанию <здесь Винокур ссылается на “Описательную психологию” Дильтея и на “Эстетические фрагменты” Шпета>. Остается, следовательно, взглянуть и на историю личной жизни как на особую структуру и произвести расчленение в той системе форм, которая конституирует ее как исторический предмет sui generis». Там же. С. 32.

С. 184. ...*Kundgebende*. — (нем.) обнаруживающая, выявляющая. В русском переводе «Логических исследований» Гуссерля данный термин переводится как «извещающий». См.: Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. (1). Перев. с нем. В. И. Молчанова. М., 2001. С. 44.

С. 184. ...*Kundgabe*. — (нем.) изъявление (в лингвистической традиции переводится как экспрессия, выражение чувств). В русском переводе «Логических исследований» Гуссерля данный термин переводится как «извещение». См. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. (1). Перев. с нем. В. И. Молчанова. М., 2001. С. 44. Примечателен также перевод, предложенный Н. Н. Волковым. В процесс обсуждения реферата о книге К. О. Эрдмана «Значение слова» (*Erdmann K. O. Die Bedeutung des Wortes. Aufsätze aus dem Grenzgebiet der Sprachpsychologie und Logik. Leipzig, 1922*), прочитанного Р. И. Шор на заседании комиссии по изучению проблемы художественной формы при философском отделении РАХН 28 октября 1924 года Горнунг заметил, что «лучше пользоваться схемой Марти, различающего два ряда значений и утверждавшего, что слово является не только выражением (Ausdruck) известного логического значения (Bedeutung), но и обнаружением (Kundgabe) тех quasi-значений, которые являются некоторыми «обертонами» к логическому значению». См.: РГАЛИ. 941-14-15.

С. 184. ...*Но эти формы не составляли предмет рассмотрения настоящего доклада, они все же были затронуты в докладе «Экспрессия и Kundgabe»*. — Из Бюллетеня ГАХН № 6-7 1927. Отчеты за сентябрь декабрь 1926. «Доклад А. К. Соловьевой (28/X) на тему “Экспрессия и Kundgabe” ставил проблему внешних экспрессивных форм. Докладчица, отождествляя Kundgabe и экспрессию, признавала за ними следующие характерные признаки: а) симпатическое понимание, б) тождество внутреннего и внешнего, в) социальное значение. Прения приняли характер живого обмена мнений по затронутым вопросам, где участники вводили свои деления и определения выставленных докладчицей, но в литературе мало разработанных понятий».

С. 184. ...<конец января 1927 года>. — Датировка установлена по письмам Балли Соловьевой.

С. 184. ...*В ответ на присылку Вашей книги Vally написал мне следующее*. — Письма Балли, о которых сообщает Соловьева Шпету, к сожалению, не сохранились ни в архиве Балли, ни в архиве Соловьевой. — Соловьева имеет в виду книгу: Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. М., 1927.

С. 185. ...*В следующем письме к Vally я обращаю особое внимание на те различия разных значений «коллектива» и «духа», которые являются моим самым любимым местом во всей книге.* — Соловьева имеет в виду книгу «Введение в этническую психологию» (М., 1927). Пересказ этой книги, сделанный А. Соловьевой на французском языке и перевод писем Соловьевой см.: *Щедрина Т. Г.* Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М., 2008. С. 310–325.

Шпет Г. — Соловьевой А.

Письмо хранится в ОР РГБ 709-3-10. Впервые приведено в книге: *Щедрина Т. Г.* «Я пишу как эхо другого...» Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. М., 2004. С. 218–219. Публикуется впервые.

Шапошников Б. — Шпету Г.

Открытка хранится в ОР РГБ 718-25-57. Публикуется впервые.

Шапошников Борис Валентинович (1890–1956) — художник, искусствовед и историк; ученик Шпета. Ученый секретарь секции изобразительных искусств и философского отделения, член редакционной комиссии по составлению словаря художественной терминологии. Член Президиума ГАХН, ученый секретарь редакционно-издательской части Академии.

С. 186. ...*Шлю привет из Милана.* — 21 апреля 1927 года Шапошников находился в Милане на III международной выставке декоративных искусств. См. прим. к с. 157.

Шмит Ф. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-24-42. Публикуются впервые. Архивисты не установили личность Директора ГИИ.

Шмит (настоящая фамилия Шмидт) Федор Иванович (1877–1937¹) — искусствовед; ректор Археологического института в Киеве (1922–1925); директор Государственного института истории

---

¹ Новая дата смерти Ф. Шмита (5 ноября 1937 года) была установлена киевским искусствоведом В. А. Афанасьевым. Ранее считалось, что Шмит умер 10 ноября 1941 года в лагере «от старческой дряхлости» (по официальному свидетельству, полученному родными 13 сентября 1956 года).

искусств (ГИИИ) в Ленинграде (1925–1930), зав.отделом средне-вековых культур Государственной академии истории материальной культуры (1930–1932). «26 ноября 1933 года он был арестован. Его обвинили в преступной связи с немцами. Ф. Шмиту предстояло 145 дней одиночного тюремного заключения. 24 марта 1934 года Ф. Шмит был приговорен судебной тройной коллегии ОПТУ по статье 58-10-11 к 5 годам заключения в исправительно-трудовом лагере с заменой на ссылку на тот же срок в Акмолинск, куда он уехал 7 мая. По новому решению суда 5 ноября 1937 года Ф. Шмит был расстрелян. В этом же году по такому же обвинению был расстрелян и сын Ф. И. Шмита — Валерий Федорович, служивший летчиком в Мурманске»¹.

С. 187. ...*А. А. Кроленко в беседе с Вами.* — **Кроленко** Александр Александрович (1889–1970) — издатель, книговед. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1912). В 1920–1921 заведовал библиотечным сектором политотдела Петроградского военного округа, затем издательством «Academia» (до 1929).

С. 187. ...*Свою брошюру «Предмет и границы социологического искусствоведения».* — **Шмит Ф. И.** Предмет и границы социологического искусствоведения. Л., 1927; 2-е изд. 1928.

Шпет Г. — Бонч-Бруевичу В.

Письмо хранится в ОР РГБ 369-368-9. Публикуются впервые.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) — доктор исторических наук, советский государственный и партийный деятель. Родился в семье землемера. Учился в Межевом институте в Москве, окончил Курское землемерное училище. С 1892 года — участник марксистских кружков. Эмигрировав в 1896, учился в Цюрихском университете. Участвовал в революционных событиях 1905–1907 гг. в Петербурге, работал в газетах «Новая жизнь», «Волна», «Вперед» и «Эхо», журнале «Наша мысль». Организатор ряда большевистских книгоиздательств, в том числе «Вперед» (1906), которое было одним из конспиративных партийных центров. В 1910–1911 — член редакции газеты «Звезда», с 1912 — газеты «Правда». Во время Октябрьской революции комendant района Смольный — Таврический дворец, член Комите-

¹ Сыченкова Л. А. Федор Иванович Шмит: Жизнь и судьба научного наследия. Цит. по электронной версии: <csocman.hse.ru>data/522/984...04sYx5eENKOWA.pdf>.

та революционной обороны Петрограда, председатель Комитета по борьбе с саботажем и контрреволюцией. Будучи управделами СНК РСФСР (1917–20), активно участвовал в организации центрального аппарата социалистического государства. В то же время не прекращал научную и журналистскую деятельность. Автор сочинений по истории русского сектанства, революционного движения в России, этнографии и литературе. С 1933 года — директор Государственного литературного музея.

С. 188. ...8 ноября 1932. — К письму приложен конверт: Москва, ул. Герцена, Большой Кисловский пер., д. 5, кв. 2. Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу. Г. Шпет, Москва, Брюсовский, 17, кв. 16. Штемпель 9 ноября 1932 года.

С. 188. ...*Авинова продала письма Фета.* — Имеется в виду *Авинова* Мария Юрьевна (урожд. Новосильцева, 1882–1975). Княжна. Проживала в Москве. Замужем за юристом Николаем Николаевичем Авиновым (1881–1937; был репрессирован по делу антисоветского «Национального центра» (Петроградское отделение), арестовывался; расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой). После революции сотрудничала с народным комиссаром В. Д. Бонч-Бруевичем¹. Позднее была репрессирована. После освобождения незадолго до начала Великой Отечественной войны вернулась в Центральную Россию (в Москве ей жить было запрещено). Проживала в деревне Зубцово Московской области. Во время войны оказалась на оккупированной немцами территории, потом ей удалось перебраться в оккупированную немцами Францию, где скрывалась у друзей — русских эмигрантов первой волны. После освобождения Франции союзниками эмигрировала в США, где жила в дальнейшем с родственниками мужа. Активно участвовала в жизни русской общины в США. Занималась церковной благотворительностью. Издавала литературно-художественный альманах «У Золотых ворот». Скончалась в 1975 году в США. Похоронена в Нью-Йорке.

Шпет Г. — Кондратьеву А.

Письма хранятся в РГАЛИ 2232-1-105. Публикуются впервые.

Кондратьев Аким Игнатьевич (1885–1953) — литературовед, критик и драматург. В 1921 — 1929 гг. — ученый секретарь Государственной академии художественных наук

¹ Сохранилась их переписка. См. Фонд 369 (В. Д. Бонч-Бруевич) в ОР РГБ.

С. 188. ...Поэтому не посещаю заседаний и задерживаю организацию *Философского отделения*. — Письмо посвящено тематической структуре философского отделения ГАХН. Оно написано накануне его первого организационного заседания, которое состоялось 20 февраля 1922 года.

С. 189. ...В счет гонорара за статью «Проблематика современной эстетики» от редакции журнала «Искусство». — Статья была опубликована под заглавием «Проблемы современной эстетики» (Искусство. 1923. № 1. С. 43–78).

С. 190. ...Прошу Вас принять от В. М. Лобанова все счета. — **Лобанов** Виктор Михайлович (1885–1970) — искусствовед. Муж Надежды Гиляровской. Для углубления образования в области искусств в 1911–1913 годах Лобанов побывал в Германии, Франции и Англии. В доме Гиляровского он видел весь цвет московской интеллигенции, читал книги, слушал воспоминания об А. П. Чехове. Учился всему на ходу — Гиляровский брал его с собой в редакции московских газет, типографии, на вернисажи в Москве и Петербурге, знакомил с художниками. В первые годы после революции при поддержке Гиляровского организовал издательство «Берендеи», выпускавшее альбомы автолитографий. Один год, 1918–1919, руководил художественным отделом журнала «Вестник жизни», где публиковал свои статьи на актуальные темы того времени: «Лига Наций», «Общегородская конференция пролетарских культурно-просветительных организаций», «Обзор журналов по пролетарской культуре» и др. С 1919 работал в библиографическом отделе Госиздата. Работу в Государственном Историческом музее начал в 1921 с должности помощника ученого секретаря, перейдя с 1925 в старшие помощники хранителя и, наконец, став научным сотрудником в 1929. Был членом Общества изучения русской усадьбы и Русского общества друзей книги. Его первая собственная книга «Революция 1905 года в русской живописи» вышла в 1922. Часто писал статьи в периодической печати о художниках, выставках, статьи к каталогам художественных выставок; написал более десятка книг о русских художниках. В издательстве ГАХН вышла его книга о художнике Абраме Ефимовиче Архипове (1862–1930): *Лобанов Виктор*. Творческий путь А. Е. Архипова. М., Государственная Академия Художественных Наук, тип. кооп.-пром. товарищества «Рабочий коммунар», 150 экз., 1 р., 1927.

Шпет Г. — Перцову П.

Открытка хранится в РГАЛИ 1796-1-219. Публикуется впервые.

Перцов Петр Петрович (1868—1947) — поэт, прозаик, публицист, издатель, искусствовед, литературный критик и мемуарист. Один из инициаторов символистского движения в русской литературе. Близкий друг Д. Мережковского и В. Розанова, В. Брюсова, Ф. Сологуба и Вяч. Иванова.

С. 190. ...8 октября 1926 года. — Почтовая открытка по Москве. Штемпель 9.10.1926, Москва. Москва; 4. Земляной Вал, Тетеренский пер. 9, кв. 11.

С. 190. ...*Письма Брюсова и Ваши, действительно, включены в план издания ГАХН на этот год.* — См.: Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову. 1894—1896 гг. К истории раннего символизма (ГАХН. Тексты и материалы. Вып. 3). М., 1927.

Раздел IV. МХАТ

Бернштейн С. — Шпету Г.

Письмо и приложенные к нему материалы хранятся в семейном архиве Е. В. Пастернак. Публикуются впервые.

Бернштейн Сергей Игнатьевич (1892—1970) — лингвист. В 1916 году окончил историко-филологический факультет Петроградского университета. Работал в Петроградском университете, в Институте живого слова и Институте истории искусств (1920—1930), в котором организовал в 1923 году кабинет по изучению художественной речи. В связи с реорганизацией ГАХН он переехал в 1931 году в Москву и в 1931—1935 работал в радиокомитете, занимаясь языком радио. После 1935 профессор кафедры русского языка в вузах Москвы. С начала 1950-х годов — старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР. Автор работ по фонологии и фонетике, русской орфоэпии, синтаксису, по вопросам поэтики и звучащей художественной речи.

С. 193. ...*Если прилагаемые записки и смета потребуют каких-либо пояснений.* — К письму С. Бернштейна приложены два документа: «Проблематика исследовательской работы в области

художественной речи (Проект для Академии МХАТ)» и «План Оборудования кабинета изучения художественной речи (Для Академии МХАТ)», написанные рукой Бернштейна. См. наст. изд. Раздел VI. С. 368–379.

Гуревич Л., Шпет Г., Шпет Н.

Письмо Л. Гуревич к Г. Шпету от 11 марта 1927 года хранится в РГАЛИ 131-2-81. Черновик карандашом и машинопись с личной подписью. Публикуется впервые.

Письма Л. Гуревич к Г. Шпету от 13 октября 1931 года, 30 октября 1931 года, 5 февраля 1932 года, 22 июля 1933 года хранятся в семейном архиве Е. В. Пастернак. Публикуются впервые.

Письма Г. Шпета к Л. Гуревич от 7 и 18 сентября 1935 года хранятся в РГАЛИ 131-2-295. Впервые опубликованы в кн.: Шпет в Сибири: ссылка и гибель. Томск, 1995. С. 55 — 58, 62. Письма публикуются, сверенными заново по рукописным оригиналам, хранящимся в РГАЛИ.

Письмо Н. Шпет к Л. Гуревич от 24 января 1936 года хранится в РГАЛИ 131-2-296. Публикуется впервые.

Гуревич Любовь Яковлевна (1866–1940) — писательница, литературный и театральный критик, переводчик. Дочь Якова Григорьевича Гуревича, директора основанного им в Петербурге частного учебного заведения «Гимназия и реальное училище Гуревича». Окончила гимназию княгини А. Л. Оболенской (1884) и историко-филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов (1888). Дебютировала в печати в 1887 году. В том же году познакомилась с Н. М. Минским, Д. С. Мережковским, А. Вольнским. В 1891 году приобрела журнал «Северный вестник». Привлекла к участию в журнале Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, М. Горького, В. В. Стасова, Д. С. Мережковского, Н. М. Минского, З. Гиппиус, позднее — Ф. Сологуба, К. Д. Бальмонта. Журнал был закрыт в 1898 году. После 1917 года сотрудничала в театральных учреждениях Петрограда, затем Москвы, куда переехала в 1920 году. Долги, оставшиеся после закрытия журнала «Северный вестник», вынудили заниматься переводами. Среди них: «Дневник» М. Башкирцевой, «Стихотворения в прозе» Бодлера, произведения Мопассана, А. Франса, Стендаля, Шницлера и др., предисловия к русским изданиям Ампа, Мак Орлана, Юнга и др. Печаталась в «Жизни» (статьи, рассказы), «Русской мысли» (с 1913 года заведующая литературным отделом), «Мире Божьем», «Освобождении», «Нашей жизни», «Слове», «Речи» (в 1911–1916

постоянный рецензент спектаклей и заведующая театральным отделом; псевдонимы Эльгур, Эль-Гур), «Русских ведомостях», «Русской молве». В 1920-е годы — член театральной секции ГАХН. Дружила с К. С. Станиславским, о котором написала книгу «К. С. Станиславский» (1929).

С. 193. ...11 марта 1927 года. — Приложен конверт с машинописной надписью: Густаву Густавовичу Шпету от Л. Гуревич.

С. 193. ...К величайшему моему сожалению я принуждена отказаться от взятой мною на себя работы по библиографическому указателю, довольно значительная часть которой мною уже сделана. — В № 8–9 «Бюллетеня ГАХН» сообщалось: «Во втором полугодии 1926/27 академического года Театральная секция продолжала выполнение своего производственного плана, предусматривавшего собирание и разработку материалов по «Ревизору» Гоголя и по подготовке материалов для Словаря театральных терминов. Выяснив в предшествующем семестре основное содержание понятий: «Актер», «Драма», «Театр», в отчетном семестре секция проработала индекс словаря, достигший 1560 слов, и установила список словарных статей в количестве 403, а также проработала основной план данных статей и произвела разверстку статей по авторам. Словарная работа потребовала также и образования специальной комиссии, которая бы занялась выработкой библиографии по театральным наукам как на русском, так и иностранных языках. Руководительство всеми библиографическими работами взяла на себя Л. Я. Гуревич, сумевшая организовать, для выполнения соответственного списка, группу из молодых научно-подготовленных работников». Бюллетень ГАХН. 1927–1928. № 8–9. С. 49.

С. 193. ...Решительный протест против издания под маркой Академии <...> как книжка Клейнера. — Имеется в виду брошюра: Клейнер И. М. Театр Мольера. (10 пл.). ГАХН, 1927. Издания с маркой Академии. Клейнер Исидор Михайлович (1893–1971) — Аспирант ГАХН по театральной секции 1 приема, литературовед и театровед, драматург. Доктор филологических наук (1944). В 1922 году окончил юридический факультет Харьковского университета, в 1928 — аспирантуру по театру в Государственной академии художественных наук в Москве.

С. 193. ...И сборник, посвященный Кузнецову. — Имеется в виду брошюра: Степан Кузнецов. Сборник статей. (2,5 пл.) ГАХН. 1927.

С. 194. ...*То же самое и отнюдь не в меньшей степени относится, конечно, и к словарю театральных терминов.* — В первом номере журнала «Искусство» в план деятельности театральной секции входила: «Театральная энциклопедия в форме словаря, со статьями по всем отраслям театрального искусства, объемом приблизительно в 15 печатных листов». См.: Искусство. № 1. М., 1923. С. 427.

С. 194. ...*Между тем, как я знаю от И. А. Новикова.* — **Новиков** Иван Алексеевич (1877–1959) — драматург, действительный член ГАХН, заведующий комиссией по изучению автора Театральной секции. Член комиссии по приему аспирантов (1926).

С. 194. ...*На вчерашнем заседании Пленума Театральной секции (где я не могла быть по болезни) председателем ее В. А. Филипповым было передано обращение к ней требование Ученого Совета.* — **Филиппов** Владимир Александрович (1889–1965) — театровед и критик, педагог, профессор. Действительный член РАХН (ГАХН) с 1923 года, председатель ее театральной секции. Член Ученого Совета и Президиума ГАХН, председатель Месткома.

С. 194. ...*Ибо в организационную комиссию по работе над словарем, имеющим теоретический характер, не включен кроме секретаря ее П. М. Якобсона.* — **Якобсон** Павел Максимович (1902–1979) — психолог, специалист в области психологии чувств и эмоций, психологии художественного творчества. С. 1926 года научный сотрудник ГАХН.

С. 194. ...*Дорогой Густав Густавович, <...> я не тревожила Вас этот месяц, потому что в этом не было срочной необходимости.* — Гуревич имеет в виду, что Шпет согласился быть одним из редакторов книги Станиславского «Работа актера над собой». Станиславский очень просил Л. Я. Гуревич взяться за редактирование этой книги, так как она уже имела опыт работы с его рукописями (она редактировала его книгу «Моя жизнь в искусстве»). Однако она ему ответила, что необходимо «обратиться к специалисту». «Совершенно согласен с Вами и в том, что необходим специалист. Курьез в том, что я пишу о самом трудном психологическом моменте — о творчестве духа, а сам ровным счетом не прочел и двух книг по психологии. Это меня смешит и удивляет в одно и то же время. Я полный невежда, и потому Ваша помощь и помощь специалиста мне необходима» (Письмо Станиславского к Гуревич 9 апреля 1931 года¹).

¹ Все письма Станиславского цитируются по электронной версии: <http://az.lib.ru/s/stanislawskij_k_s/text_0070.shtml>.

С. 195. ...*К сожалению, сам К. С. и переписывающая его рукопись Рипсимэ Карповна тормозят меня: во второй части книги, меньшей, многое еще у них.* — **Станиславский** Константин Сергеевич (настоящая фамилия — Алексеев; 1863—1938) — актер, режиссер, педагог, теоретик театра, народный артист СССР (1936). — **Таманцева** Рипсимэ Карповна (1889—1958) — с 1919 года заведовала репертуарной конторой МХАТ; с 1924 — секретарь дирекции театра и личный секретарь К. С. Станиславского; с 1940 года была помощником режиссера в МХАТ.

С. 195. ...*Один же кусочек, а именно дополнение к главе «Темпоритм», остался у Вас: я отдала Вам его при нашем последнем свидании.* — Забегая вперед, замечу, что и в 1934 году глава «Темпоритм» находилась в работе.

С. 195. ...*Вместе с кратким изложением «системы» К. С. для Большой Британской энциклопедии.* — Имеется в виду статья, написанная Станиславским для Британской энциклопедии и опубликованная впервые в переводе на английский язык в двадцать втором томе нового издания энциклопедии (1929—1932) на стр. 35—38, в разделе «Театр», среди других статей. Из переписки Станиславского с обществом «Британская энциклопедия» выясняется, что художественная редакция энциклопедии в письме от 25 октября 1927 года обратилась к Станиславскому как к «признанному авторитету» с просьбой написать краткую статью об искусстве актера, на что Станиславский ответил согласием. Судя по дальнейшей переписке, статья «Искусство актера и режиссера» была окончена им в апреле 1928 года. В архиве Станиславского хранится машинописная копия статьи (№ 1151).

С. 196. ...*Главы, написанные им за этот сезон, представляют из себя нечто такое, что спасти книгу без Вашей помощи я уже не имею ни малейшей надежды.* — Станиславский пишет Гуревич: «Не сердитесь на меня и простите бездарного литератора, который взялся не за свое дело и провалился. Я понимаю Вас. Вы находитесь в положении режиссера, который должен создать роль Гамлета с начинающим любителем. Вас смущают мои отметки и неудачные варианты. Но ведь я их делаю не для Вас, а для самого себя, только на своем собственном экземпляре. Не обращайтесь на них никакого внимания и запретите показывать Вам мои тетрадки. У меня — мания писания, я одержимый; я болен своей книгой. Мучительно не уметь выразить, что так ясно и тонко внутренне чувствуешь. Я — как беременная женщина, которая не может разродиться. В поисках словесной формы я мечусь и бросаюсь во все стороны. И пусть! А Вы пишите,

не обращая на меня никакого внимания. Когда кончите всю работу, тогда просмотрите мое маранье, быть может, что-нибудь пригодится. Мне же нужны мои пометки, они говорят что-то уму и сердцу, напоминают о том, что мне не хочется забыть и что я, быть может, когда-нибудь смогу выразить». Письмо Станиславского К. С. к Гуревич Л. Я. От 5 июля 1932 года. — Через полтора года Станиславский пишет Таманцевой: «Она <Гуревич> смотрит на меня как на литератора. А я и не думаю им быть. Я несчастный мученик, который много знает и чувствует себя обязанным передать другим то, что мне случайно удалось узнать. Никому в будущем не посчастливится, как мне, прожить такую жизнь, и никто не узнает того, что я узнал только случайно. Я должен написать то, что не могу, не умею написать. А надо. Вот я и прошу помочь. Не для себя, для будущего театра. Хотят подписываться за меня — пусть подписываются. Мне не важна слава. Мне важны секреты, которые никто не согласится поведать. Знаменитые актеры обыкновенно хранят их для себя. Вот почему наше искусство толчется на месте. Я хочу отдать все. Но надо мне помочь. Представьте себе, что вам во что бы то ни стало надо съесть кусок мяса с целый дом. Разве можно это сделать по заранее намеченному плану, если у вас, тем более, желудок так же слаб и не приспособлен для такой работы, как мои собственные голова и мозги. Я отгрызу кусочек. Надо мне его переварить, пройдет время — еще отгрызу. И вот в течение тридцати лет я все грызу и грызу, и только после того, как напишу что-то, переварю, обдумаю, перепишу, забуду, перечту, — начинаю понимать, как надо писать. Мараю все и начинаю сызнова. Только теперь я пришел к тому, что могу читать и узнавать в написанном то, что хотел выразить. Это ужасная работа. Она мне не по мозгам, не по моим знаниям и теперь уже начинает становится не по силам. Чувствую иногда, что голова перестает работать, так трудно разбираться без привычки в огромном материале. Я, конечно, сделал плохо, но то, что я делаю, — важно, и надо мне помочь, потому что работа, которую я проделываю, — сизифова. Не знаю, для чего я это пишу. Едва ли можно говорить об этом с Любовью Яковлевной. Я на все согласен. Пусть делает книгу, как хочет, а потом увидим. Может быть, так? Но это будет не двойная, а тройная работа, тем более теперь, когда я почти у цели. Я привезу с собой главу о речи и главу темпо-ритм (в которой соединены и темпо-ритм действия и речи). Я совсем не держусь Сахновского, на нем настоял Шпет». Письмо Станиславского К. С. Таманцевой Р. К. от 18 января 1934 года.

С. 196. ...Ввиду этого я и просила как самого К. С., так и Рипсимэ Карповну выяснить вопрос о Вашем участии в работе как можно

скорее и деловитее. — Станиславский пишет: «Я уже просил поговорить об этом деле Подгорного со Шпетом. Он, кажется, говорил, но результата я не знаю. Сегодня Подгорный вернется из Ленинграда, и я спрошу его». Письмо Станиславского К. С. к Гуревич Л. Я. от 9 апреля 1931 года.

С. 197. *...Я боюсь недоразумения — боюсь, что Вы и В. Г.* — Имеется в виду **Сахновский** Василий Григорьевич (1886–1945) — режиссер, народный артист РСФСР. В МХАТ с 1926 года; с 1932 года — заместитель директора по художественной части; с 1937 — заведующий художественной частью МХАТ.

С. 197. *...Я с радостью и со всей доступной мне внутренней активностью буду участвовать в Ваших совещаниях с В. Г. С.* — Станиславский пишет Таманцевой: «Вот очень важное дело: Шпет, Гуревич и Сахновский хотели создать компанию для просмотра и прочтения моей книги. Напомните им об этом, и хорошо бы (постарайтесь), если б они теперь же принялись за работу по тем экземплярам, которые удалось сверить с моим подлинником, до моего отъезда». Письмо Станиславского К. С. Таманцевой Р. К. от 7 октября 1933 года.

С. 198. *...Повторяю только, с просьбой довести это до сведения К. С., что гонорара не приму.* — Станиславский, однако, настаивал на жаловании для Л. Я. Гуревич. — Он пишет Таманцевой: «Сговоритесь с Любовью Яковлевной о жалованье. Бесплатно эту работу нельзя делать. Лучше всего, если б она взяла целиком — за все, сдельно. Впрочем, если хочет, я согласен и помесечно». Письмо Станиславского К. С. Таманцевой Р. К. от 18 января 1934 года.

С. 198. *...Очень тронута была Вашей подписью на Байроне.* — Речь идет о книге Байрона «Мистерии», которая вышла в издательстве «Academia» (М.; Л., 1933) в переводе и с примечаниями Г. Г. Шпета.

С. 198. *...7 сентября 1935 года.* — Приложен конверт без почтовых штемпелей с надписью: Любви Яковлевне Гуревич.

С. 200. *...Вам попала моя статья о Сознании и его собственнике.* — См. прим. к с. 36.

С. 200. *...Если у Вас найдется досуг и охота, просмотрите мою статью Скептик и его душа, там есть некоторые, ценные для меня*

и сейчас, детали. — Шпет имеет в виду свою статью «Скептик и его душа». См.: *Шпет Г. Г.* Скептик и его душа. Этюд по философской интерпретации // Мысль и Слово. М., 1918–1921. Вып. II. С. 108–168. — В письме к Н. И. Игнатовой от 30 сентября 1935 года от напомним: «Кстати, если Любовь Яковлевна не читала Душу скептика, дайте ей, пожалуйста, — теперь бы сказал больше и лучше, но, кажется, это — то самое, о чем не стоит вообще говорить?» См.: Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 385.

С. 200. ...*Мне хотелось бы, чтобы Вы прочли мою статью о Герцене, — теперь бы я начал с того, чем кончалась тогда моя речь — с последней ее фразы!* — Шпет писал: «За конечным решением своей проблемы Герцен обратился к жизни, и он отвечает на свой философский вопрос не только философски, но и всей жизнью своею. Здесь во всяком случае кончается мировоззрение, кончается дух и идея, потому что начинается осуществление идеи, воплощение духа, начинается будни, частности, повседневность, заботы и тревоги, радости и огорчения, ошибки и успехи, удачи и провалы, — начинаются «душевные драмы», начинается *биография...*» *Шпет Г. Г.* Философское мировоззрение Герцена. Пг., 1921. С. 53.

С. 200. ...*Там попалась мне (и я перечел) книга Потоцкого о современной (после 63-го года) польской литературе.* — Имеется в виду книга: *Potocki A.* Polska literatura współczesna, 1860–1910. V. 1–2. Warszawa, 1911–1912. — Об этой книге Шпет напомним Л. Я. Гуревич через Н. И. Игнатову. В июне 1936 года она жила в Томске, чтобы поддержать Г. Г. Шпета. В письме к Л. Я. Гуревич от 10–11 июня 1936 года Игнатова пишет: «Г. Г. хочет написать Вам, но я боюсь, что он так все и будет хотеть, а напишет нескоро. Потому передаю пока от него вот что: он очень огорчен, конечно, тем, что Вы не пишете своих мемуаров, говорит, что ждал он от них для себя очень многого. Ежели Вы все-таки не оставили мысли о них, то настойчиво советует взять у него в Брюсовском книгу Потоцкого о польской литературе (он Вам уже писал он ней) — тот томик, где 80–90-е гг. 19 века. Он думает, что она Вам будет небесполезна». Письмо Н. И. Игнатовой к Л. Я. Гуревич от 10–11 июня 1936 года // РГАЛИ 131-2-201.

С. 201. ...*От Вашей Истории театрального быта жду много развлечения и поучения.* — Книга, о которой пишет Шпет, выйдет, к сожалению, уже после его смерти: *Гуревич Л. Я.* История русского театрального быта. Т. I. М.; Л.: Искусство, 1939.

С. 201. ...*Прошу передать мой сердечный привет Вашей прекрасной дочери.* — *Гуревич Елена Николаевна* — дочь Л. Я. Гуревич, педагог.

С. 201. ...*18 сентября 1935 года.* — Приложен конверт. Штемпель: 29 сентября 1936. Заказное. Москва, ул. Кропоткина, Мансуровский пер. д. 10, кв. 5. Любви Яковлевне Гуревич

С. 202. ...*Передайте, пожалуйста, привет Н. П. Федоровой и извинения.* — *Федорова Н. П.* — неустановленное лицо.

С. 202. ...*Густав писал, что в последней посылке Наталии Ильиничны были подарочки и от Вас.* — Письмо Шпета, о котором упоминает Н. К. Шпет, к сожалению, не сохранилось.

Москвин И. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-6. Публикуется впервые.

Приложен конверт: Густаву Густавовичу Шпету от Москвина.

Москвин Иван Михайлович (1874–1946) — актер, народный артист СССР (1936). В 1898 стал актером Московского Художественного театра (с 1943 — директор). Комедийно-сатирическая стихия в творчестве Москвина особенно проявилась в советское время. Он создал образы Хлынова и Прибытковца («Горячее сердце» и «Последняя жертва» Островского), Червакова («Унтиловск» Леонова), Ноздрева («Мертвые души» Гоголя), Загорецкого («Горе от ума» Грибоедова). Выступал и как режиссер. Снимался в кино. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва. Государственные премии СССР (1943, 1946). Награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Москвин и Шпет были соседями. Они жили в одном доме в Брюсовском переулке. И публикуемое письмо носит характер выяснения «соседских» отношений. Однако, для того, чтобы понять, какие на самом деле были отношения между Шпетом и Москвиным, обратимся к воспоминаниям дочери Шпета Марины Густавовны Шторх: «Довольно часто к нам (наша жилплощадь позволяла устраивать такие званые вечера) приходили гости — Качалов, Москвин, Сахновский (режиссер из Художественного театра), Анна Ильинична Толстая (внучка Л. Н. Толстого, впоследствии жена философа — П. Попова из ГАХН), супруги Шапошниковы из ГАХН, Гельцер, Щусев, Борис Борисович Красин (композитор, брат большевика Красина) и др. Всех конечно трудно припомнить, ведь мы тогда были маленькими детьми. Но так как эта комната была смежная с нами, с нашей детской комнатой, то, как правило,

дверь (она была двустворчатая) старались приоткрыть, мы дети тут же засыпали, но обе бабушки приходили и сидели возле этой щели и наслаждались, потому что такое там было веселье — хорошее загородное, остроумное, с танцами, с разговорами, с шутками».

С. 202. ...*На последнем собрании нашего кооператива.* — Марина Густавовна вспоминает: «Когда правительством было объявлено о возможности строительства кооперативных домов, то в один из первых же вечеров после этого постановления (1925–1926) Шпет и его друзья (среди них были и В. Качалов и И. Москвин и Б. Красин, А. Щусев, А. Толстая, Б. Шапошников, В. Сахновский, Е. Гельцер) решили построить кооперативный дом. Архитектурный проект этого дома принадлежал А. В. Щусеву. Москвин и Гельцер бросились на колени перед ним и сказали: “строй дом!”. Так было создано кооперативное товарищество «ДИСК», что означало: «Деятели искусства». И так как строил Щусев, то дали несколько мест на выбор. Выбрали Брюсовский переулок, потому, что это было в пяти минутах ходьбы до театра, а большинство было из Художественного театра. Даже в те годы, Москвин, который был очень верующий, настоял, чтобы был молебен и настоящая закладка камня. Все это было проделано. И началось строительство. Когда мы переехали на новую квартиру в Брюсовский переулок — это было величайшее событие!»

Когда Шпет находился в ссылке, его соседи по дому написали следующее ходатайство в отделение милиции Краснопресненского района¹:

Обращаемся с просьбой разрешить Н. К. Шпет и ее детям проживать в Москве и выдать им паспорта. Мы не можем остаться равнодушными к тому, что в случае выселения Н. К. Шпет из Москвы пострадают трое ее детей, нарушится их учебная жизнь и они будут предоставлены самим себе. Кроме того мы знаем Н. К. Шпет как активного общественного работника, в течение восьми лет ведущего большую работу в нашем жилищном кооперативе, членом которого она является с 1928 года.

Брюсовский переулок, д. 17.

27 октября 1935 года.

Подписи:

Народный артист Республики
Народная артистка Республики
Академик архитектуры
Народный артист Республики
Народный артист Республики

Василий Качалов
Екатерина Гельцер
А. Щусев
И. Москвин
Л. Леонидов

¹ Привожу документ по оригиналу, хранящемуся в семейном архиве Шпета.

Платон И. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-19. Публикуется впервые.

Платон Иван Степанович (1870–1935) — режиссер и драматург. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1933). В 1892 окончил драматические курсы Московского театрального училища и был зачислен в труппу Малого театра как актер и помощник режиссера. С 1895 работал в режиссерском управлении Малого театра. В 1923–1930 — управляющий постановочной частью этого театра. Среди спектаклей, поставленных Платоном в Малом театре: «Цезарь и Клеопатра» Шоу (1909), «Безумный день, или Женитьба Фигаро», «Мария Стюарт» (оба в 1910); «Стакан воды» Скриба, «Самоуправцы» Писемского (оба в 1915), «Старик» Горького (1919), «Холопы» Гнедича (1921), «Оливер Кромвель» Луначарского (1921), «Бедность не порок» (1924, совм. с Л. М. Прозоровским), «Иван Козырь и Татьяна Русских» Смолина (1925, совм. с Прозоровским), «Не было ни гроша, да вдруг алтын» Островского (1931).

С. 203. ...*От Лансере получил Эскизы. Удивительные.* — В 1924 году в Москве, в Малом театре по эскизам Евгения Лансере, прочно осевшего в Тифлисе, была осуществлена постановка трагедии В. Шекспира «Юлий Цезарь». — *Лансере* Евгений Евгеньевич (1875–1946) — художник. Сын известного скульптора Е. А. Лансере, брат художницы З. Е. Серебряковой, племянник основателя и идеолога объединения «Мир Искусства» А. Н. Бенуа.

Станиславский К. и Шпет Г.

Письма Станиславского (Правительству и Шпету) и черновой автограф письма Шпета Станиславскому хранятся в семейном архиве Е. В. Пастернак.

Письма Станиславского Шпету и Шпета Станиславскому публикуются впервые.

Письмо Станиславского Правительству впервые опубликовано в Собрании сочинений Станиславского: Из подготовительных материалов для обращения в Правительство // *Станиславский К. С.* Собрание сочинений. В 8 т. Т. 6: Статьи. Речи. Отклики. Заметки. Воспоминания (1917–1938). Сост., ред. и коммент. Н. Н. Чушкина и Г. В. Кристи. М., 1959. Публикуется вторично, сверенное с рукописным оригиналом, написанным Г. Г. Шпетом. Используются комментарии Н. Н. Чушкина и Г. В. Кристи.

Станиславский — Правительству

В комментарии к опубликованной версии сообщается: «В архиве Станиславского в Музее МХАТ помимо чернового подготовительного рукописного материала (№ 1599/1) хранятся четыре машинописных варианта обращения к правительству, написанные, по-видимому, во второй половине 1931 года». — При сверке текста, написанного Шпетом, с опубликованной в Собрании сочинений Станиславского наиболее развернутой и подробной редакцией этого документа (№ 1599/2) стало ясно, что текст практически совпадает (за исключением разбивки по абзацам). Вероятно, Станиславский и Шпет вместе работали над этим документом, как и над многими другими (См. письма Гуревич Шпету).

С. 204. ...*Июль—август 1931 года.* — В письме Станиславский говорит, что умер Лужский (2 июля 1931 года), а в конце письма предлагает удлинить каникулярный перерыв до 29 августа. Следовательно, письмо можно датировать после 2 июля и до 29 августа 1931 года.

С. 204. ...*Тяжелая болезнь и длительное пребывание за границей оторвали меня от привычной для меня ежедневной работы в Театре.* — После юбилейных торжеств, посвященных 30-летию МХАТ, Станиславский тяжело заболел и вынужден был по состоянию здоровья на два года отстраниться от непосредственного участия в работе театра. По настоянию врачей он в 1929—1930 годах проходил курс лечения в Баденвейлере и Ницце.

С. 206. ...*«Старики» «воспитаны» по Системе, — они вместе со мною создавали ее: они — ее воплощение, она — только отвлеченность от них.* — В предисловии к книге «Работа актера над собой» Станиславский говорит о той выдающейся роли, которую сыграли в его артистической жизни «товарищи по МХТ, во главе с Вл. Ив. Немировичем-Данченко», в общей работе научившие его «очень многому и чрезвычайно важному. Я всегда, и особенно теперь, при выпуске этой книги, — пишет Станиславский, — думал и думаю о них с сердечной признательностью» (Собр. соч. Т. 2. С. 7).

С. 207. ...*Художественный Театр <...> пробовал прикрыть свои серьезные задачи бесцветным словом «общедоступный».* — В первый период своего существования (до 19 февраля 1901 года) Московский Художественный театр именовался «Художественно-общедоступным театром».

С. 208. ...*Будучи за границей я не переставал работать над книгой, в которой должна быть изложена Система.* — Первоначальный вариант книги «Работа актера над собой» был завершен Станиславским в период его болезни в 1929–1930 годах.

С. 209. ...*Однако неопубликованная еще Система уже толкуется кривь и вкось, она — предмет дискуссий (переходящих иногда в то, что напоминает травлю), со стороны критиков.* — В театральной печати в конце 20-х — начале 30-х гг. появлялись резкие нападки на «систему» Станиславского, нередко извращавшие ее сущность. Так, в передовой статье журнала «Рабочий и театр» (1930. № 43. С. 1) утверждалось, что «творческая система МХАТа... должна быть разоблачена и взорвана РАППом как система глубоко упадочная, в самой основе своей враждебная принципам строящегося пролетарского социалистического театра». В докладе П. И. Новицкого «Система и творческий метод МХАТа», прочитанном 17 февраля 1930 года в Комакадемии и вызвавшем дискуссию о творческом пути Художественного театра, говорилось, что «театр переживаний, внутренней душевной правды, общечеловечности и сверхсознания, каким является МХТ, не может быть политическим и революционным театром... Психологическая природа МХТ не способна организовать своим творческим методом политическое сознание и политическое действие масс, а скорее дезорганизует их» («Советский театр». 1930. № 3–4. С. 27).

С. 209. ...*Путем доведения количества спектаклей до рекордной цифры 730.* — В сезоне 1929/30 г. МХАТ показал 795 спектаклей, в сезоне 1930/31 г. — 751 спектакль. В сезоне 1931/32 г. МХАТ дал 681 спектакль.

С. 209. ...*И неужели можно быть уверенным, что поездка этого лета в Ленинград.* — Имеются в виду летние гастроли МХАТ в Тбилиси, Баку и Харькове 1930 года и гастроли в Ленинграде летом 1931 года.

С. 210. ...*Когда этим спектаклям приходится переезжать из района в район, из города в город.* — Станиславский считал, что представление о том или ином театре неразрывно связано с тем зданием, где происходят спектакли.

С. 211. ...*Художественно-политический Совет Художественного Театра <...> идет навстречу критиканствующей печати.* — В состав художественно-политических советов, существовавших в те годы

при театрах, входили представители различных общественных, литературных организаций, а также представители фабрик и заводов. Деятельность советов не всегда приводила к ожидаемым результатам. Так, например, наиболее активными членами Художественно-политического совета МХАТ оказались лица, малокомпетентные в области театрального искусства, недооценивавшие роли Художественного театра в культурной жизни страны, отрицавшие его творческий метод и своеобразие путей развития. Под прямым влиянием Совета театр допустил ряд ошибок в выборе репертуара.

Шпет — Станиславскому

С. 213. ...<весна 1932>. — Датировка чернового автографа установлена по письму К. Станиславского от 30 апреля 1932 года.

С. 213. ...Но когда к обещанному сроку я представил заведующему художественной частью (Б<огданови>чу), подтекстованный клавиш (первый акт), я все же ждал какого-либо отзыва с его стороны. — Речь идет о переводе либретто оперы Верди «Риголетто». — **Богданович** Александр Владимирович (1874–1950) — артист оперы (лирический тенор), концертный певец, вокальный педагог и музыкально-общественный деятель. Принимал активное участие в организации Оперной студии Большого театра, был членом первого правления студии, помощником Станиславского по вокально-музыкальной и художественной части (до 1934 года) заведующим студией во время двухгодичных гастролей МХАТ по Западной Европе и Америке.

С. 213. ...Однако прошло три-четыре недели, и я из третьих рук узнаю, что над выполнением той же работы, которую я к тому времени приготовил, заключен договор с Аренским. — **Аренский** Павел Антонович (1887–1941) — литератор, востоковед, журналист; сын композитора А. С. Аренского. С 1923–1924 участник анархистического «Ордена Света». В 1920-х годах сотрудничая с московскими театрами как постановщик и преподаватель, участвовал в постановке пьес анархистического содержания в театре 2-й МХАТ. В 1930-е годы работал постановщиком и преподавателем Оперного театра им. К. С. Станиславского и в Группкоме издательства «Молодая Гвардия». Член Союза писателей СССР. Арестован 5 мая 1937, доставлен на следствие в Москву. Обвинялся в участии в подпольных анархических организациях. Постановлением Особого совещания НКВД от 9 июля 1937 приговорен к 5 годам

лагерей. Умер в Севвостлаге (Магадан). — Аренский переводил для Оперного театра им. К. С. Станиславского тексты опер «Кармен», «Дон Пасквале» и «Риголетто». «Сейчас сижу над исправлениями текста “Риголетто”, — писал В. С. Алексеев Станиславскому, — и у меня предстоят сражения с Аренским, который, как оказалось, несведущ в переводах музыкальных произведений. Когда читаешь его текст без музыки, то все прекрасно, а при пении получается сплошное недоразумение. У него есть смелость в выражениях, которая мне нравится, иногда выражается очень образно. Пусть это будет так, но форма стихотворная и порядок рифмования должны соответствовать итальянской форме и рифме. Ведь Верди писал и создавал музыкальную форму в соответствии с литературной формой» (Музей МХАТ, архив КС) Цит. по электронной версии: <http://az.lib.ru/s/stanislaws kij_k_s/text_0070.shtml>.

Станиславский — Шпету

С. 214. *...Дело касается, конечно, Риголетто.* — Примечательны строки из письма К. С. Станиславского брату В. С. Алексееву 3 апреля 1934 года: «Вот пять лет, с момента написания в 29-м году мизансцены, я не могу сдвинуть “Риголетто” <...> Кто мешал, кто тормозил? Богданович? “Премьеры”? До сих пор разобраться в этом вопросе не могу. И сейчас не понимаю, кто мешал постановке. Напротив, опера такова, что ее можно ставить при всякой другой. Удобная опера по составу: два-три хора, которые можно сделать потом, когда солисты будут готовы. Маленькие партии легко подготовить вразбивку, и почти весь 2-й, 3-й и 4-й акты можно репетировать начисто с пятью человеками. Часто говорят мне: почему ты не прикажешь? Прикажи — и все будет сделано. Я приказывал “Риголетто” — пять лет, и никто меня не слушался, а говорили: “хорошо-с”, “слушаюсь”. <...> Сочувствую тебе. Трудно тебе будет с Аренским. Перевод-то не очень важный, а сам Аренский переводит много и пока не получил еще ни гроша авторских. Можно ли обвинять его, что он артачится при переделках. А переделать надо, потому что текст в опере — великая вещь. Про сквозное действие и сверхзадачу Риголетто пока не могу сказать». Цит. по электронной версии: <http://az.lib.ru/s/stanislaws kij_k_s/text_0070.shtml>.

Шпет Г. — Книппер-Чеховой О.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-11. Авторство установлено Т. Г. Щедриной по содержанию письма Шпета. Публикуется впервые.

Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868–1959) — актриса. Народная артистка СССР (1937). Лауреат Сталинской премии (1943). Жена А. П. Чехова. Друг Г. Шпета.

С. 216. ...8 марта 1935 года. — До ареста Шпета оставалась неделя...

С. 216. ...Я читал Вашу с Антоном Павловичем книгу. — Имеется в виду: Переписка А. П. Чехова с О. Л. Книппер. Том первый (16 июня 1899 г. — 15 сентября 1901 г.). М., Мир, 1934. Второй том вышел уже после ареста Шпета: Переписка А. П. Чехова с О. Л. Книппер. Том второй (26 октября 1901 г. — 10 октября 1902 г.). М., Гослитиздат, 1936.

Раздел V. Издательский круг

Виноградов Н. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-24-31. Публикуются впервые.

Виноградов Н. Д. См. прим. к с. 72.

С. 219. ...26 марта 1907 года. — Открытка из Москвы в Киев. Штамп «Критическое обозрение, Москва, Большая Никитская, д. 20, кв. 13. Киевский адрес: Владимирская ул. 71, кв. 3.

С. 219. ...Очень благодарен Вам за Вашу книжку. — Имеется в виду: Проблема причинности у Юма и Канта. Ответил ли Кант на сомнения Юма? Киев, 1907.

С. 219. ...8 апреля 1907 года. — Открытка из Москвы в Киев. Штамп «Критическое обозрение, Москва, Большая Никитская, д. 20, кв. 13. Киевский адрес: Владимирская ул. 71, кв. 3.

С. 219. ...Или, быть может, Вы найдете возможным написать о сборнике статей Бердяева. — Имеется в виду сборник статей: Бердяев Н. А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900-1906 г.). СПб., 1907.

С. 220. ...16 апреля 1907 года. — Открытка из Москвы в Киев. Штамп «Критическое обозрение, Москва, Большая Никитская, д. 20, кв. 13. Киевский адрес: Владимирская ул. 71, кв. 3

С. 220. ...*Не знаете ли, где теперь находится Георгий Иванович?* — Имеется в виду **Челпанов** Г. И. См. прим. к с. 17.

С. 220. ...*На этом собрании редактор естественно-научного отдела пожелал познакомиться с содержанием Вашей рецензии.* — Имеется в виду книга: **Полян Фр.** Воля. Пер. с франц. М. И. Васильевой. Спб. 1907. Ц. 1 руб.

С. 221. ...*Ваша рецензия может попасть в третий номер, который выйдет в сентябре.* — Рецензия на Поляна вышла. См.: Критическое обозрение. Вып. III. М., 1907. С. 23–25.

С. 221. ...*Ваша первая рецензия будет помещена во второй книжке без всяких изменений.* — См.: **Кант.** Критика чистого разума. Пер. с нем. Н. Лосского. Спб. 1907. Стр. VIII+464. Ц. 2 руб. // Критическое обозрение. Вып. II. М., 1907. С. 39–41.

«Вопросы философии и психологии» (редакция журнала) — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-24-33. Публикуются впервые.

Корелина Надежда Петровна (1854 — после 1940) — журналистка. Слушала лекции на Педагогических курсах, на математическом отделении высших женских Лубянских курсов и на Курсах профессора В. И. Герье. В 1880 году вышла замуж за профессора М. С. Корелина. С 1895 года состоит постоянной сотрудницей журнала «Русская Мысль»; сотрудничала также в газете «Курьер» и др. Состоит секретарем редакции журнала «Вопросы Философии и психологии» и преподавательницей в частной гимназии С. А. Арсеньевой.

С. 221. ...*25 октября 1903 года.* — Приложен конверт: Москва 1903 г. Киев, Костельный пер.

С. 221. ...*Написать для журнала рецензию о вышедшей II-м изданием книги проф. Г. Челпанова «Мозг и Душа».* — См.: Шпет Г. Г. Проф. Г. Челпанов. Мозг и душа. 2-е издание редакции журнала «Мир Божий». Спб. 1903 г. XI+366. Ц. 1 р. 50 к. // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. V (70). С. 877–882.

С. 222. ...*Может быть, Вы передадите Вашу статью о профессоре Юркевиче.* — См.: Шпет Г. Г. Философское наследство

П. Д. Юркевича (к сорокалетию со дня его смерти) // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 125 (V). С. 653–727.

«Гермес» (редакция журнала) — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-35. Публикуется впервые.

Машинопись с подписями. На обороте отдельные заметки Шпета к теме «роман».

Кенигсберг (урожд. Волькенау) Нина Владимировна (1901 — ?) — писательница, поэтесса, член редколлегии машинописного журнала «Гермес»; жена М. М. Кенигсберга. Окончила в 1922 году факультет общественных наук в Московском государственном университете. В 1924 — участвовала в альманахе поэзии и критики «Мнемозина». Работала переводчиком-секретарем в Американской секции помощи студенчеству, с 1928 — переводчик в Профинтерне, с 1934 — переводчик-референт в журнале «За рубежом» в Москве. 20 февраля 1935 — арестована как «участник контрреволюционной группы». 27 мая 1935 — приговорена к трем годам ссылки. 27 мая приговор был изменен: зачтено предварительное заключение, освобождена под поручительство В. А. Милицына. На следствии свидетелями были приведены ее слова: «Кругом голод, на рудниках по существу каторжный труд, крестьянство вымирает, бежит из колхозов толпами за кусок хлеба на завод»; «Весь советский строй — это царство разнузданного хамства, притесняющего интеллигенцию, носителей культуры»; «Вся окружающая действительность похожа на сумасшедший дом»; «Культура в загоне, кругом — мракобесие, подхалимство». ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1316. С. 123; Ф. 10035. Оп. 1. Д. 41805. Цит. по электронной версии: <<http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Vo.html>>.

Бор. Горнунг, М. Кенигсберг, А. Буслаев — См.: прим. к письмам Горнунга Б. — Шпету.

Л. Горнунг — См. прим. к письмам Л. Горнунга.

С. 222. ...*Позволяем себе напомнить Вам, что Вам представлялось возможным написать нечто о «Молчи, скрывайся и таи».* — Речь идет об «Эстетических фрагментах» Г. Г. Шпета, где была приведена эти строки из «SILENTIUM» Тютчева. См.: *Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры.* М., 2007. С. 235–236. — Статья на эту тему, к сожалению, не появилась в Гермесе.

Долгов Ал. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-46. Публикуется впервые.

Долгов Александр Николаевич (1884–1938) — профессор, доктор технических наук, помощник главного инженера Главгидроэнергостроя Наркомата тяжелой промышленности СССР. Арестован 4 февраля 1938. Подписан к репрессии по первой категории (расстрел). Приговорен ВКВС СССР 28 августа 1938 по обвинению в участии в контр-революционной террористической организации. Расстрелян и похоронен на «Коммунарке» (Московская область) 28 августа 1938. Реабилитирован 9 апреля 1957 года.

С. 223. ...*Немецкий перевод «Диалогов о двух системах мира» Галилея.* — Шпет переводил этот текст Галилея для Государственного Техничко-теоретического издательства. См. прим. к с. 228.

Койген Д. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-24-66. Публикуются впервые.

Койген Давид Маркович (1877¹–1933) — социолог, историк философии. Учился в Германии. В 1901 году получил звание доктора философии в Берне. В 1901 году вышла на немецком языке его «Философия и социальная философия младогегелианцев», представляющая интерес ввиду оригинальной характеристики эпохи 40-х гг. в Германии; основные идеи этой книги развиваются Койгеном в «Die Kulturanschauung des Socialismus» (Berlin, 1903). Вопросам современной культуры и философии Койген посвятил ряд работ в «Archiv für systematische Philosophie», «Archiv für Socialwissenschaft» и др. В 1910 году вышла его система философии культуры: «Ideen zur Philosophie der Kultur. Der Kulturakt». В 1914 году приехал в Россию. В марте 1915 года выступил с докладом «Государство и религия» на заседании Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества (РГАЛИ 2176-1-35). В 1917 году в Петербурге — редактор «Вестника культуры и политики». С 1921 года — профессор кафедры философии и социологии Киевского института народного образования. В середине 1920-х годов вернулся в Германию, редактировал философский журнал «Этос». В последние годы жизни занимался проблемами иудаизма и культуры. Основные труды: Мироззрение социализма. СПб., 1906; Социальная философия с точки зрения платоно-кантовского идеализма (Вопросы философии и психо-

---

¹ По другим источникам — год рождения Койгена 1879.

логии. 1904. Кн. 71); О стиле в политике (Северные Записки. 1913. № 2); Трагедия германизма (Северные Записки. 1914. № 10–11); Европейская проблема: Культурно-философский этюд (Северные Записки. 1915. № 11–12).

С. 223. ...*Тема Ваша: «Социал-демократия и гуманизм» очень подходит.* — Имеется в виду незаконченный и неопубликованный текст Шпета «Социализм и гуманизм». См.: Конспект доклада Г. Г. Шпета «Социализм и гуманизм» // *Щедрина Т. Г.* Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М., 2008. С. 236–254.

С. 223. ...*Благодарю за приглашение участвовать в редактируемом Вами ежегоднике.* — Имеется в виду ежегодник «Мысль и Слово». См. прим. к с. 148.

С. 223. ...*Я бы мог Вам дать статью «Основы и построения культуры».* — К сожалению, статьи Койгена в архиве Шпета не найдены.

С. 224. ...*Многоуважаемый Август Августович.* — Обращение Койгена к Шпету как к Августу Августовичу остается неясным.

Лурье Л. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-83. Публикуется впервые.

Лурье Лев Аркадьевич — редактор и издатель Товарищества «Мир».

С. 225. ...*За доставленные Вами для «Педагогической Энциклопедии» статьи.* — Статьи хранятся в ОР РГБ 718-5-14. Педагогическая Энциклопедия так и не вышла в свет.

Немецкое издательство — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-10. Публикуется впервые. Машинопись.

Присяниченко В. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-25-21. Публикуется впервые.

Присяниченко В. А. — киевский издатель (в том числе и философской литературы)

С. 226. ...21 ноября 1901 года. — Открытка от 21 ноября 1901. Киев, Густаву Густавовичу Шпетт. Костельный пер. № 6. <рукой Шпета дописано>: «Жизнь и Искусство».

С. 226. ...Но нам необходимо иметь и самую книжонку г. Антонова. — Рецензию Шпета на книгу Антонова см. Раздел VI. С. 299.

С. 226. ...15 ноября 1914 года. — Приложен именной конверт: «Русская книжная торговля» В. А. Просяниченко. Фирма существует с 1894 г. Киев, Фундуклеевская улица, дом Фундуклеевской женской гимназии. В г. Москву, Его Высокоблагородию Густаву Густавовичу Шпет. Б. Царицынская, д. 7. Штемпель: 19.11.1914.

Синебрюхов С. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-25-33. Публикуются впервые.

Письма написаны на бланках: Московское отделение Кооперативного издательского товарищества «Колос». Ул. Герцена, д. 22 (Б. Никитская)

Синебрюхов Степан Ильич (1886 — после 1940) — издатель. Учился в Московском коммерческом институте. С. 1910 по 1914 — в «Книгоиздательстве Сытина». В 1920—1921 годах — в Российской книжной палате. С 1922 по 1925 — сотрудник издательства «Колос»¹. Работал помощником зав. отделом комплектования (1926—1927), консультантом в Институте Маркса и Энгельса. С 1934 года — старший научный сотрудник, а затем заведующий Рукописным отделом Государственного Литературного музея².

С. 227. ...Приехал Р. В. Иванов-Разумник. Он надеется увидеть Вас завтра. — **Иванов-Разумник** (Иванов Разумник Васильевич, 1878—1946) — философ, литературовед. Автор книги «О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов» (СПб., 1908). Впоследствии политические разногласия привели к охлаждению отношений между Шестовым и Ивановым-Разумником.

С. 227. ...Я же прошу Вас, имея в виду его приезд сюда, поспешить с корректурой. — Имеется в виду книга Г. Шпета «Эстетические фрагменты» (Пг., 1922—1923).

¹ Однако это издательство не фигурирует в его Автобиографии, поскольку руководитель издательства «Колос» Ф. И. Витязев-Седенко был расстрелян. См. прим. к с. 66. Синебрюхов — один из немногих уцелевших.

² Автобиография напечатана Синебрюховым 25 июня 1938 и утверждена 26 апреля 1939 года. См.: РГАЛИ, фонд ГЛМ. 612-1-234. Л. 75.

Технико-Теоретическое издательство — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-25-47. Публикуются впервые.

Выгодский Марк Яковлевич (1898–1965) — главный редактор ГТТИ; математик, доктор физико-математических наук (1938), профессор МГУ имени М. В. Ломоносова (1931–1948) и Тульского государственного педагогического университета. Переводчик сочинений Кеплера, Монжа, Эйлера.

Аршон Соломон Ефимович (1892 — ?) — научный сотрудник Математического института, главный редактор технико-теоретической литературы при Академии наук СССР. Биография С. Е. Аршона осталась неизвестной, несмотря на ту весьма важную роль, которую он играл в советском научном сообществе в 30-е гг. Был арестован в 1938 году и погиб в заключении.

ОНТИ НКТП — Государственное объединенное научно-техническое издательство Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР. До 1934 года существовало множество отраслевых издательств — медицинское (Медгиз), химическое (Химиздат) и др., в их числе и издательство технико-теоретической литературы (ГТТИ или Гостехиздат). Затем большинство этих издательств было включено в состав Объединения научно-технических издательств НКТП (ОНТИ НКТП), которое в том же 1934 году превратилось в Объединенное научно-техническое издательство (с той же аббревиатурой — ОНТИ)

С. 228. ...*Юрчасть ГТТИ препровождая проект договора с Вами на издание трудов Галилея.* — В фонде Шпета (ОР РГБ) сохранился перевод труда Галилея «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки».

С. 229. ...*29 мая 1934 года.* — К письму приложено ответное письмо Г. Г. Шпета (автограф и машинопись), а также — конверт организации: Государственное Технико-Теоретическое Издательство. Куда: Здесь. Брюсовский пер. д. 17, кв. 16. Кому: Шпету Г. Г. Штемпель: 1 июня 1934 года. Москва, Мясницкая, 20. Адрес для телеграмм: Москва-Гостехтеориздат.

«Труд С. Скирмунта» (книжный магазин) — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-63. Публикуется впервые.

Скирмунт Сергей Аполлонович (1862–1932) — общественный деятель, отставной офицер неожиданно получив большое наследство, приобрел в Москве книжный магазин «Труд», суще-

ствовавший с 1897 года. В условиях революционного подъема и при содействии видных социал-демократов: И. И. Скворцова-Степанова, В. М. Фриче и других, фирма «Труд» превратилась в крупное издательство марксистской, демократической, познавательной литературы. В декабре 1905 года С. А. Скирмунт финансировал издание легальной газеты Московского комитета РСДРП «Борьба». За помещенный там призыв к вооруженному восстанию газета была закрыта, С. А. Скирмунт угодил в крепость, а его фирма «Труд» прекратила существование в 1907 г.

Шпет Г. — Мстиславскому С.

Письма хранятся в РГАЛИ 306-8-469. Публикуются впервые.

Мстиславский (Масловский) Сергей Дмитриевич (1876–1943) — писатель, драматург, издатель. В 1921 году вернулся в Москву, где занимался преимущественно литературной и профсоюзной работой. Занимал пост начальника Отдела печати Центрального бюро информации и связи Наркомпути. Летом 1921 года возглавлял библиотеку Социальной академии общественных наук. В 1921–1926 годах — редактор неперIODических изданий Красного Интернационала профсоюзов. В 1921 году — редактор одного из первых частных журналов «Экран», частного издательства «Денница», пытался также организовать журнал «Основы». С сентября 1921 года — товарищ председателя Московского отделения Вольфилы. После высылки в 1922 году Н. А. Бердяева в Берлин — ее фактический руководитель. В 1925–1930 (1931?) годах — помощник главного редактора и заведующий контрольной редакцией издательства «Большая советская энциклопедия». С 1929 года — член Всероссийского союза советских писателей, работал на выборных должностях, участвовал в работе национальных комиссий при Союзе писателей. Сотрудничал в ряде периодических изданий, в том числе в журналах «Вестник труда», «Октябрь». С 1931 года — редактор издательства «Федерация». Переехав в Москву, читал лекции о рабочем движении в Центральной профшколе, Педагогическом институте им. Литкенса, преподавал в Высшем художественном институте им. В. Брюсова и на Высших государственных литературных курсах.

С. 231. ...31 октября 1921 года. — Записка красным карандашом.

С. 231. ...16 ноября 1922 года. — Записка фиолетовым карандашом.

С. 232. 19 декабря 1922 года письмо простым карандашом. На обороте: Сергею Дмитриевичу Мстиславскому (от Г. Г. Шпета).

С. 232. ...*Ал. Авак. просил зйти за остальными в субботу.* — Ал. Ав. — неустановленное лицо.

Шпет Г. — редакции «Литературной газеты»

Письмо вместе с вырезкой из «Литературной газеты» от 19 января 1930 года хранится в ОР РГБ 718-24-3. Публикуется впервые.

С. 232. ...*В Вашу статью, в № 3 «Литературной газеты», при характеристике моей философской позиции, вкралось досадное недоразумение.* — См. наст. изд. Раздел VI. С. 321–331.

«Мысль и Слово» и «Психологическое обозрение»¹

Алексеев С. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-16. Публикуется впервые.

На конверте рукой Шпета: С. А. Алексеев. Получено 17 марта 1918 года.

Аскольдов (псевдоним; настоящая фамилия Алексеев) Сергей Алексеевич (1871–1945) — философ, сын философа А. А. Козлова. Один из авторов «Проблем идеализма» (1902). С 1908 года — член Петербургского религиозно-философского общества. В 1918 — 1920 жил в Казани. В 1921 году основал тайное религиозное и философское общество, известное как общество С. А. Аскольдова. В 1926 году оно было переименовано в «Братство св. Серафима Саровского». Основные труды: «Основная проблема теории познания и онтологии» (СПб., 1900); «Философия и жизнь» (Проблемы идеализма. М., 1902); «Христианство и политика» (Киев, 1906); «Идея справедливости в христианстве» (Философский сборник Льву Михайловичу Лопатину. М., 1912); «Сознание как целое. Психологическое понятие личности» (М., 1918) и др.

С. 234. ...*Что касается философской монографии.* — Шпет задумывал серию философских монографий. См. *Шпет Г. Г.* План «Биографической библиотеки философов» // Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи. Под ред. Т. Д. Марцинковской. М., 2000. С. 86–90.

¹ См. также: Гершензон М. — Шпету Г.; Лапшин И. — Шпету Г.; Лосский Н. — Шпету Г. (Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005.)

С. 234. ...*О Фехнере* <...> уже отправлена в редколлегию *Вопросов*. — См.: *Аскольдов С. А.* *Философия и религия Фехнера // Вопросы философии и психологии.* 1918. Январь — апрель. Кн. 141—142 (I—II). С. 130—180.

С. 234. ...*Монография Лассвица в серии Фроммана превосходна.* — Имеется в виду книга: *Lasswitz K. Gustav Theodor Fechner.* 2., verm. Aufl. Stuttgart 1902. (Frommans Klassiker der Philosophie. 1.)

Кравков С. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-70. Публикуется впервые.

На обороте рукой Шпета карандашом заметки об авторах «Психологического обозрения»:

1. Кравков — Ответ Бехтереву. — Какой отдел?, Помещать ли? (2 статьи и заметка)¹
2. Бережков? (84 <все>)²
3. Экземплярский³?

Кравков Сергей Васильевич (1893—1951) — психолог, психофизиолог и специалист в области физиологической оптики. В 1916 году С. В. Кравков закончил с золотой медалью историко-филологический факультет Московского университета по специальности «экспериментальная психология». 1916—1919 годах — оставлен в институте для подготовки к профессорскому званию по специальности «экспериментальная психология». С 1919 по 1926 год — ассистент Психологического института. В 1935 году С. В. Кравкову была присуждена ученая степень доктора биологических наук (по специальности «психофизиологии зрения») без защиты диссертации, по значимости и совокупности опубликованных работ. До конца жизни С. В. Кравков работал в Институте психологии.

С. 235. ...*Критической заметки об объективном методе по статьям Turró.* — *Кравков С. В.* *Методы психологии // Психологическое обозрение.* 1918. Вып. 1. Т. 3—4. С. 558—564.

¹ Речь идет о публикации текста Кравкова в «Психологическом обозрении». См.: *Кравков С. В.* Рефлекс цели, И. П. Павлов (Вестник Европы. 1916 г. апр.). Рефлекс, как творческий акт, С. И. Метальников (Известия Академии наук. 1915 г. № 15.) // *Психологическое обозрение.* М., 1917. Т. I, 1. С. 153—161.

² См.: *Бережков Ф. Ф.* <рец.> Новые идеи в философии. Сб. 4; Селиханович, Очерк общей педагогики; Баррет, Загадочные явления человеческой психики // *Психологическое обозрение.* М., 1917. Т. I, 1. С. 148—152; 190—192; 204—205.

³ См.: *Экземплярский В. М.* Павлова М. А. Практическое руководство к изучению личности ребенка. *Психологическое обозрение.* М., 1917. Т. I, 1. С. 181—184.

Крогиус А. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-24-72. Публикуются впервые.

Крогиус Август Адольфович (1871–1933) — психолог, доктор медицины, профессор, основоположник российской тифлопсихологии. Окончил Петербургское Военно-инженерное училище. В 1898 году закончил медицинский факультет Юрьевского (ныне Тартуского) университета. С 1902 году занимался преподавательской деятельностью, читая лекции по психологии, психофизиологии и философии в Петербургском университете и на курсах воспитательниц и руководительниц физического образования, созданных и руководимых П. Ф. Лесгафтом. Выступал по проблемам изучения и обучения слепых на отечественных и зарубежных съездах. В 1905 году выступал на пятом Международном психологическом конгрессе в Риме и на международных конгрессах в Инсбруке и Геттингене. В 1909 году Крогиус защитил в Совете Военно-медицинской академии диссертацию на соискание степени доктора медицины по теме «Из душевного мира слепых». После революции 1917 года вел преподавательскую деятельность в Петрограде и Саратове¹. В 1918 году Крогиус избран профессором психологии Петроградского университета, в 1919–1930 годах преподавал философию в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского, заведовал кафедрой психологии Саратовского педагогического института. С 1930 года работал на дефектологическом факультете Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Умер в Ленинграде 1 июля 1933 года.

С. 235. ...22 апреля 1916 года. — Дата установлена по штемпелю на конверте и содержанию письма.

С. 235. ...Только сегодня <...> принялся за чтение Вашего интересного труда. — Имеется в виду «История как проблема логики» (Ч. И. М., 1916).

С. 236. ...За Вашу статью большое спасибо, прочитал ее с большим удовольствием (1916). — Имеется в виду «Сознание и его собственник» (М., 1916).

---

¹ От всей души благодарю С. И. Мозжилина и И. Е. Гарбера за помощь в поисках родственников А. Крогиуса, а также внука А. Крогиуса — Николая Владимировича, за предоставление сведений о существовании книг Шпета с дарственными надписями его деду А. А. Крогиусу.

С. 236. ...Прежде всего за предоставление случая познакомиться с Вашей сотрудницей — Ленорой Густавовной. Имеется в виду дочь Шпета — Ленора Густавовна.

С. 236—237. ...Очень Вам благодарен также и за присылку книги. <...> Она многих может заставить призадуматься и понять значение «бессмертного солнца ума». — Имеется в виду «Очерк развития русской философии. Часть I. М., 1922. С. 38.

Лундберг Е. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-24-81. Публикуются впервые.

Лундберг Е. Г. См. прим. к с. 26.

С. 237. ...Среди пассажиров, приехавших в 5 ч. 40 мин. вечера Вашей семьи не оказалось. — Когда началась Первая мировая война, семья Шпета (его мать и первая жена — М. А. Крестовская с детьми Норой и Маргаритой) находилась в Германии. Эдмунд Гуссерль и его жена Мальвина помогли им вернуться в Россию. См. об этом: Вопросы философии. № 3. 2013.

С. 237. ...Весьма польщен Вашим поручением и в меру сил выполняю его. — Лундберг в это время писал статью о «Смысле творчества» Н. А. Бердяева для ежегодника «Мысль и Слово».

С. 237. ...Очень рад за Вас, что Вы осуществили хоть часть желаний Ваших — ежегодник вдруг станет двух- или ежемесячником. — Речь идет о ежегоднике «Мысль и Слово» (под. ред. Г. Г. Шпета).

С. 238. ...Будьте добры, напишите, благополучны ли Шестовы. — Баранова-Шестова пишет: «Приход к власти большевиков в Москве 2 (15) ноября, после 5 дней боев, Шестовы пережили, находясь в городе. Там же, в Москве, прожили они трудную зиму 1917/1918 годов. Шестов рассказывает об этом в письмах родным: <...> “Московскую стрельбу пережили и все остались целыми. Даже и обыска у нас не было. С едой и топливом тоже у нас благополучно. Квартирка у нас микроскопическая — так что дров уходит мало. А припасами нас снабжают — по почте и оказией — сестры и братья, так что пока мы не чувствуем большого недостатка. И затем, овощей в Москве сколько угодно. Да и мяса, особенно телятины, баран., свин., пока достаточно, и рыба есть. Недоста-

ток в крупе, муке, масле. Но говорю — до сих пор наши выручали — присылали». (Фане, 1(14).12.1917)». *Баранова-Шестова Н. Л.* Жизнь Льва Шестова. В 2 т. Т. 1. Paris, 1983. С. 156—157.

С. 238. ...*Срочно о Булгакове я охотно напишу, укажите лишь размер и срок.* — Статья Лундберга о Булгакове так и не была написана.

С. 238. ...*Очень рад, что сборник, наконец, выйдет. Воображаю, как Вы сократили мою статью.* — См.: Лундберг Е. Г. Творчество как спасение (По поводу книги Н. А. Бердяева, Смысл творчества) // Мысль и Слово. Вып. 1. М., 1917. С. 277—296.

С. 239. ...*Редакция газеты «Знамя Труда» поручила мне просить Вас о сотрудничестве.* — Ежедневная политическая и литературная газета, центральный орган партии левых эсеров. Выходила с 23 августа (5 сентября) 1917 года в Петрограде, с 15 марта 1918 — в Москве. Редакторы — И. Р. Иванов-Разумник, Б. Д. Камков, М. А. Спиридонова и др. «Знамя труда» критиковала буржуазное Временное правительство и руководство правых эсеров, одобряла декреты Великой Октябрьской социалистической революции, но осуждала идею установления диктатуры пролетариата в России. С весны 1918 года газета выступала против партии большевиков и В. И. Ленина, против подписания Брестского мира. Закрыта в июле 1918 после левоэсеровского мятежа.

С. 239. ...*Желательно о Бергсоне, только что избранном в бессмертные.* — В январе 1918 года Бергсон был принят в члены Французской Академии.

С. 239. ...*Затем прежде к Вам обращение — о согласии участия в <...> журнале «Наш путь».* — «Наш путь». Литературно-политический журнал революционного социализма; издание ЦК партии левых социалистов-революционеров (эсеров). Выходил в апреле-мае 1918 г. в Москве под редакцией литературного критика Р. И. Иванова-Разумника, С. Д. Мстиславского и Б. Д. Камкова. В редактировании журнала участвовал критик Иванов-Разумник — идеолог литературного течения «скифов» («скифы» понимали социальную революцию как шаг к подлинной «скифской» революции, «революции духа», к «новому вознесению духа»). Именно Иванов-Разумник и привлек в литературный отдел «Знамени труда» сочувствующих «скифству» литераторов. Издание журнала прекращено после левоэсеровского мятежа.

С. 240. ...*Дела Льва Исааковича очень плохи.* — Как пишет Н. Л. Баранова-Шестова: «Шестов с болью переживал трагические события, происходившие в России. В октябре он начал вести дневник, который он назвал “Дневник мыслей”. В первых двух записях он говорит: Трудно? Конечно, трудно. Всего не запишешь! Есть такое, что не хочет идти из души. Заставить себя? Посмотрим... Никогда так упорно, напряженно и непрерывно не работала мысль, как в эти ужасные, кровавые дни. И никогда — так бесплодно. Отчего? Так надо? Так быть должно! (Киев, 4(17).10.1919.)». *Баранова-Шестова Н. Л. Жизнь Льва Шестова.* В 2 т. Т. 1. Paris, 1983. С. 168–169.

С. 240. ...*Если Сахаров устроил моего Вельфлина.* — В 1913 году Лундберг перевел знаменитую книгу Вельфлина «Ренессанс и барокко». Возможно, Сахаров собирался переиздать ее.

С. 240. ...*Пусть Коншина перешлет заказанную ей биографию по Киевскому адресу.* — **Коншина** Елизавета Николаевна (1882–1973) — литератор, сотрудница отдела рукописей Российской Государственной библиотеки; ученица и друг Г. Г. Шпета.

Миртов Д. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-25-4. Публикуются впервые.

Миртов Дмитрий Павлович (1867–1941) — русский богослов, философ, сотрудник Публичной библиотеки (1919–1929). В 1887 году окончил Рязанскую духовную семинарию и в том же году поступил в Петербургскую духовную академию. Будучи студентом, серьезно занялся исследованием в области истории философии. На IV курсе представил работу «Климент Александрийский как моралист», впоследствии выросшую в магистерскую диссертацию. По окончании Духовной академии с 1891 года со степенью кандидата богословия преподавал в духовных учебных заведениях. С 1891 по 1894 год был преподавателем философии, логики, психологии и педагогики в Волынской духовной семинарии. С декабря 1894 года начал преподавать в Петербургской духовной академии. В 1909 году в Совете Академии защитил магистерскую диссертацию «Нравственное учение Климента Александрийского», а в сентябре 1914 года за сочинение «Учение Лотца о духе человеческом и духе абсолютном» ему была присвоена степень доктора богословия без защиты. Эта работа была удостоена также Макарьевской премии. В Академии был последовательно преподавателем, доцентом, экстраординар-

ным и ординарным профессором. В августе 1919 года избран преподавателем кафедры философии ФОН Петроградского университета, с октября того же года утвержден в должности профессора философского отделения и работал здесь до сентября 1921 года. В 1921–1922 годах преподавал в Педагогической академии. Основные труды: «Заслуги профессора Василия Николаевича Карпова для русской философской мысли» (Памяти русского философа Василия Николаевича Карпова, профессора Санкт-Петербургской Духовной академии, по случаю столетия со дня рождения. СПб., 1898); «Нравственный идеал по представлению Климента Александрийского» (СПб., 1900); «Лекции по истории древней философии» (СПб., 1904); «Нравственная автономия по Канту и Ницше» (СПб., 1905); «Учение Лотца о духе человеческом и духе абсолютном. (Из истории борьбы с материализмом и опытом примирения веры и знания в философии XIX века)» (СПб., 1914) и др.

С. 241. ...26 апреля (13 апреля) 1918 года. — К письму приложен конверт со штемпелями Петроград 26 апреля 1918. Москва 29 апреля 1918. Заказное, Москва. Профессору Густаву Густавовичу Шпету. Долгоруковская ул., д. 17.

С. 241. ...Предложение Ваше написать статью о философских взглядах профессора М. И. Каринского я, конечно, охотно принял бы. — Статья была написана: См. Миртов Д. П. М. И. Каринский и его философские воззрения // Мысль и слово. Философский ежегодник. Под ред. Г. Г. Шпета. Вып. II, 1. М., 1918–1921. С. 3–75.

С. 242. ...Что касается Лотце, <...> представить очерк нравственно философии этого мыслителя. — Статья была написана и послана Шпету (см. письмо Миртова от 23 (9 мая) 1919 года), но не была опубликована. Рукопись, к сожалению, пока не найдена.

С. 242. ...С М. К. Вольфсоном отправляю Вам фотографический портрет М. И. Каринского. — **Вольфсон** М. К. См. прим. к с. 28. — Фотография, о которой идет речь в письме Миртова, сохранилась в семейном архиве Шпета и опубликована в издании: Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века): М. И. Каринский, В. Н. Ивановский, Н. А. Васильев / Под ред. В. А. Бажанова. М., 2012.

С. 242. ...26 августа (8 сентября) 1918 года. — К письму приложен конверт. Штемпели: Петроград 9 сентября 1918, Москва 11

сентября 1918. Москва. Профессору Густаву Густавовичу Шпету. Долгоруковская ул., д. 17.

С. 242. ...*В презентованной мне прекрасной книге Вашей.* — Имеется в виду «История как проблема логики» (Часть I. М., 1916).

С. 243. ...*<1918>*. — К письму нет определенного конверта. Сохранилось два конверта: 1) со штемпелями: Петроград 19 октября 1918, Москва 20 октября 1918. 2) без штемпелей, но с датой, написанной Г. Г. Шпетом карандашом: 23.10. 1918. Возможно, один из них от письма *<1918 года>*.

С. 243—244. ...*«В перечне статей М. И. Каринского (выше стр. 14—15) пропущена, по недосмотру, его речь <...>Так я проектирую примечание.* — Речь идет о внесении примечания в статью Миртова «М. И. Каринский и его философские воззрения». Примечание внесено в текст. См. указ. изд. С. 75.

С. 244. ...*Если примечание пойдет в типографию <...> чтобы не обременять Вас.* — Далее лист оторван. — Вероятно, Миртов далее переписал примечание, которое Шпет оторвал и отправил в типографию.

С. 244. ...*18 апреля (1 мая) 1919 года.* — К письму приложен конверт. Штемпели: Петроград 2 мая 1919, Москва 4 мая 1919.

С. 244. ...*Разумеется, я ничего не имею против напечатания моей статьи о Лотце в «Приложениях» к «Научным известиям».* — Статья Миртова не была опубликована в указанном журнале.

С. 245. ...*11 августа 1919 года.* — К письму приложен конверт. Штемпели: Петроград 11 августа 1919, Москва 13 августа 1919.

С. 245. ...*1 сентября 1919 года.* — К письму приложен конверт. Штемпели: Петроград 2 сентября 1919, Москва 2 сентября 1919.

С. 246. ...*12 сентября 1919 года.* — К письму приложен конверт. Штемпели: Петроград 12.09.1919, Москва 13.09.1919

С. 246. ...*Присланные Вами деньги все сполна получил чрез Л. С. Берга.* — **Берг** Лев Семенович (1876—1950) — физико-географ и биолог, академик АН СССР (1946). В 1898 окончил Московский университет. В 1904—1913 — зоолог Зоологического музея АН в

Петербурге. В 1914–1918 — профессор ихтиологии Московского сельскохозяйственного института. С 1916 — профессор кафедры физической географии Петроградского университета. Берг — один из организаторов (1918) Географического института, преобразованного в 1925 в географический факультет Ленинградского университета, где Берг до конца жизни заведовал кафедрой физической географии. В 1922 Берг выступил с теорией номогенеза, согласно которой эволюция организмов осуществляется на основе внутренних закономерностей. Предпосылками номогенеза служили идея об изначально присущей живым существам целесообразности реакций на внешние воздействия, а также представление о предварении филогенетических признаков в онтогенезе. См.: *Берг Л.С.* Номогенез или эволюция на основе закономерностей. Пг., 1922.

Попов П. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-27-25. Публикуется впервые.

Попов Павел Сергеевич (1892–1964) — литературовед и историк философии; заведующий кафедрой логики философского факультета МГУ. Муж внучки Льва Толстого Анны Ильиничны (1888–1954). Сын крупного текстильного фабриканта. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1915). Преподавал в Нижегородском университете, работал в Государственной Академии Художественных Наук (1923–1930), Институте русской литературы (Пушкинском доме) (1931–1932), Московском институте международных отношений. В 1943 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук, после чего до конца жизни преподавал на философском факультете МГУ.

С. 246. ...*Посылаю Вам обе рукописи.* — См.: *Попов П. С.* Материалы к биографии Вл. Соловьева: 1) Письма В. Соловьева к Преображенскому; 2) О рукописи Вл. Соловьева перевода «Прологомен» Канта // Мысль и Слово. Философский ежегодник. Т. II, 1. М., 1918–1921.

Рубинштейн М. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-26. Впервые опубликовано в кн.: Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / Под ред. Т. Д. Марцинковской. М., 2000. С. 24–25. Публикуется по архивному оригиналу.

Рубинштейн Моисей Матвеевич (1878–1953) — философ, психолог, педагог. Окончил в 1905 философское отделение Фрейбургского университета. После сдачи магистерского экзамена при Московском университете в 1912 г. работал там же приват-доцентом, а с 1918 — профессором. Читал лекции по философии и психологии в Университете Шаняевского (с 1908) и на Высших женских курсах (1909). Организатор и первый ректор Восточно-Сибирского университета в Иркутске (1918–1920). В 1943–1951 — профессор кафедры психологии в МГПИ им. В.И. Ленина. Автор трудов по философии, истории педагогики, педагогике и психологии. Редактор серии книг «Великие педагоги». Основной задачей школы считал «воспитание творца культуры».

С. 249. ...*Более подробное изложение Лотце не пойдет к моей книге.* — Имеется в виду книга о смысле жизни, в которой есть глава «Проблема смысла жизни в философии спиритуализма (Лотце, Лопатин)». См.: *Рубинштейн М. М.* О смысле жизни. В 2 ч. Ч. 1. Л., 1927. См. также: *Рубинштейн М. М.* О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу. Т. 1. Под ред. Н. С. Плотникова, К. В. Фараджева. М., 2008.

С. 249. ...*Только что был у меня один деятель <...> беседу о возможных лекциях в мае.* — Вероятно, речь идет о поездке в Иркутск, куда он отправился летом 1918. См.: *Фараджев К. В.* Философия и жизнь Моисея Рубинштейна // *Рубинштейн М. М.* О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу. Т. 1. М., 2008. С. 11.

С. 249. ...*Первоначальный мой план отложить педагогические статьи.* — Вероятно, Рубинштейн, как и Шпет, участвовал в издании «Педагогической энциклопедии». См.: прим к с. 225.

Самсонов Н. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-25-30. Публикуются впервые.

Самсонов Николай Васильевич — русский философ, переводчик. Доцент кафедры философии Московского университета¹. В 1913 году Самсонов стажировался в Мюнхене под руководством О. Кюльпе. Преподавал на Московских Высших Женских Кур-

¹ По воспоминаниям А. Ф. Лосева Самсонов читал курс «Истории эстетических учений» и вел семинарий по Платону. См. *Тахо-Годи А. А.* Лосев. М., 2007.

сах В. И. Герье (МВЖК) и в Московской консерватории. В 1910-е годы Н. В. Самсонов перевел с греческого все 54 трактата Платона и написал к ним комментарии, однако эти переводы не были опубликованы, он также перевел: Р. Авенариуса «Человеческое понятие о мире» (М., 1909. Инскрипт: *Густаву Густавовичу Шпету на добрую память от переводчика*); А. Дирофа «Психология в общедоступном изложении» (М., 1911); В. Вундта «Проблемы психологии народов» (М., 1912); Р. Гамана «Эстетика» (М., 1913); Э. Меймана «Экономия и техника памяти» (М., 1913). Под его редакцией был осуществлен перевод¹ книги С. Рейнака «Аполлон: Всеобщая история пластических искусств» (М., 1913). Основные труды: «История эстетических учений. Лекции, читанные на Высших женских курсах в 1912/13 учеб. году», «История эстетических учений. Лекции, читанные на Высших женских курсах в 1914/15 учеб. году», «Психология воли» (М., 1922); <Обзор> «Психологическое обозрение». Журнал, издаваемый под редакцией Г. Челпанова и Г. Шпета. М., 1917. Четыре выпуска (Научные известия. Сб. 2. Философия. Литература. Искусства. М., 1922. С. 135–140); некролог на Д. В. Викторова (Научные известия. Сб. 2. Философия. Литература. Искусства. М., 1922. С. 308–309); Психология воли. М., 1922.

С. 250. ...*Я все-таки измудрился написать все три рецензии (Нечаев, Фихте, Челпановский сборник).* — См. рецензии на книги и журналы: 1) Фихте И. Г. Избранные сочинения. Т. I. Пер. под ред. Е. Н. Трубецкого (Мысль и Слово. Под ред. Г. Шпета. Вып. I. М., 1917. С. 389–394); 2) Нечаев П. Теизм как проблема разума (Там же. С. 405–413); 3) Г. И. Челпанову. Статьи по философии (Там же. С. 421–428).

С. 250. ...*Когда нужно представить рецензию о логике Гегеля?* — Речь идет о рецензии на перевод Н. Г. Дебольского, вышедший в 1916 году в Петрограде, в изд. М. М. Стасюлевича.

С. 250. ...*Как обстоит дело с Лотце?* — См.: Самсонов Н. В. Психологические воззрения Рудольфа Германа Лотце: (К столетию со дня рождения) // Психологическое обозрение. 1918. Т. 1. № 3–4. С. 469–490.

С. 250. ...*И. Г. с меня спрашивает.* — Имеется в виду жена философа Инна Григорьевна **Самсонова**. См. прим. к письмам Самсоновой Шпету.

¹ Книгу эту перевела жена Самсонова — Инна Григорьевна (урожд. Воронина), художница.

С. 250. ...*Будет произведена «редукция», как выражается Грушка.* — **Грушка** Аполлон Аполлонович (1869–1929) — филолог-классик, специалист в области исторической грамматики латинского языка, римской поэзии. Декан историко-филологического факультета Московского университета (1911–1918).

С. 251. ...*Относительно Гладиа произошло какое-то недоразумение.* — На следующей странице идет обсуждение рецензии Самсонова на книгу Нечаева П. «Теизм как проблема разума» (Там же. С. 405–413). Фактически обсуждается следующий пассаж Самсонова: «Теизм, таким образом, как рационально построенная система религиозно-философского мирозерцания, возможен только на почве христианского Откровения, данного в Библии <...>. Но каким образом христианское откровение может содержаться в немногих дошедших до нас остатках некогда богатой еврейской литературы? Если даже оставить в стороне филологию, которой здесь часто принадлежит решающее слово, и взять аргументацию автора по существу, остается все-таки много места для недоумений». Указ. соч. С. 412.

С. 251. ...*В Москве по этой части лучший знаток — историк Никольский.* — **Никольский** Михаил Васильевич (1848–1917) — библиист, востоковед, гебраист, родоначальник русской ассириологии.

С. 251. ...*Ср., что пишет об орфиках Лосев на стр. 54 Челпановского сборника: из первобытной мглы появилось мировое яйцо.* — Лосев пишет: «По учению орфиков, из первобытной тьмы появилось мировое яйцо, которое расколовшись, породило Эроса-Протогона, имевшего голову быка и сияющие крылья, носящегося по эфиру и двуполого. Из него произошли все люди, и он стал источником света». *Лосев А. Ф.* Эрос у Платона // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве, 1891–1916. Статьи по философии и психологии. М., 1916. С. 54.

С. 252. ...*Было и духовное, однако, лицо <...> Новицкий, История философии.* — Имеется в виду издание: *Новицкий О. М.* Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. Ч. 1–4. Киев, 1861.

С. 252. ...*Определял по Малаперу.* — **Малапер** (Malapert) Шарль (1581–1630) — бельгийский священник-иезуит, писатель и астроном XVII века. В своей работе «Элементы характера и законы их сочетания» он намечает 6 видов характера: апатичные, аффективные, умственные, активные, умеренные и волевые.

С. 252. ...*Евгения Ивановича по волевой сфере отнес к аморфным.* — Имеется в виду **Боричевский** Е. И. См. прим. к с. 110.

С. 253. ...*Промах <Трубецкого> в переводе Фихте, само собою разумеется, впиши, а если хочешь, то и несколько. Чего жалеть?! —* Вероятно, Шпет «вписал» в рецензию Самсонова следующие строки: «Thathandlung передается через дело-действие, причем в примечании на стр. 67 говорится, что Фихте умышленно составил такой неологизм. Но слово это было еще в ходу во времена Фихте. Об этом писал Г. Шпет в статье: “Сознание и его собственник”». См.: *Самсонов Н. В.* <рец.> *Фихте И. Г.* Избранные сочинения. Т. I. Пер. под ред. Е. Н. Трубецкого // Мысль и Слово. Под ред. Г. Шпета. Вып. I. М., 1917. С. 393

С. 253. ...*Там какой-то С. Ананьин по-марбургски Софиста Платона разбирает.* — **Ананьин** Степан Андреевич (1875–1942) — психолог, педагог, философ, профессор Киевского университета (с 1912). Имеется в виду его перевод: *Платон.* Софист // Пер. с греч. яз., историко-литературное введение, замечания к диалогу С. А. Ананьина. Киев, 1907. (Имеется отд. отт.)

С. 253. ...*Твой וְשִׁשָּׁנִי Н. Самсонов (Это я под влиянием Элогима, сидящего на яйцах, так подписываюсь).* — Ивритскими буквами написано «Н. Самсонов». В ивритском написании слова С. А. М. С. О. Н. О. В. Между С. и Н. пропущена буква О. Предпоследняя буква О и последняя буква В написаны в соответствии с идишистской орфографией.

Серебrenиков В. — Шпету Г.

Письмо от 12/25 мая 1918 года хранится в ОР РГБ 718-25-32; Письмо от 31 марта (13 апреля) 1918 года хранится в семейном архиве. Публикуются впервые.

Серебrenиков Виталий Степанович (1862–1942) — русский психолог, философ, историк философии. Окончил Петербургскую духовную академию (1886). Среди его учителей был М.И. Каринский. С 1887 года — доцент кафедры психологии. В 1892 году защитил магистерскую диссертацию «Учение Локка о прирожденных началах знания и деятельности». В 1892–1893 годах стажировался в Германии, занимался экспериментальной психологией у профессора Вундта в Лейпциге и профессора Мюллера в Гёттингене и знакомился с институтами экспериментальной психологии в Берлине, Бонне, Гейдельберге и Париже. С 1896 года — профессор

Петербургской духовной академии. В 1909 году защитил диссертацию о философии Лейбница. Основные труды: «Психофизические исследования и их значение для психологии» (Христианские чтения. 1895. Ч. I); «В. Н. Карпов как психолог» (Христианские чтения. 1898. Ч. I), «Декарт и его философия» (Христианские чтения. 1896. Ч. I); «Учение Лейбница о бессознательной душевной жизни» (Вестник психологии. 1904. № 2); «Учение Лейбница о свободе воли» (Журнал Министерства народного просвещения. 1906) и др.

С. 253. ...*Монографию о Локке, согласно намеченному Вами общему плану, напишу с удовольствием.* — О Плате философских монографий см. прим. к с. 234.

С. 253. ...*31 марта (13 апреля) 1918 года.* — К письму приложен конверт: Штемпель: 15 апреля 1918 года, Петроград, 16 апреля 1918 года, Москва. Профессору Густаву Густавовичу Шпету. Долгоруковская, 17.

С. 253. ...*К великому моему сожалению, приготовить к указанному Вами сроку статью о М. И. Каринском не могу.* — Шпет обратился к Серебренникову, потому что тот был учеником М. И. Каринского. — **Каринский** Михаил Иванович (1840–1917) — русский философ. Окончил Московскую духовную академию (1862), затем преподавал философию в Вифанской и Московской духовных семинариях. Был профессором философии в Санкт-Петербургской духовной академии (1869–1894), а в последние годы — на Высших женских курсах. Каринский внес заметный и оригинальный вклад в гносеологию, логику и историю философии. Труды в области логики и гносеологии: «Критический обзор последнего периода германской философии» (СПб., 1873); «Бесконечное Анаксимандра» (СПб., 1890), «Классификация выводов» (СПб., 1880) и др.

С. 253. ...*Рекомендую Вам обратиться к преемнику М. И. Каринского по кафедре, моему сослуживцу, профессору Дмитрию Павловичу Миртову.* — См. письма Миртова Д. Шпету Г. Наст. изд. С. 241–245.

Сотонин К. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-25-45. Публикуются впервые.

Сотонин Константин Иванович (1893–1944) философ, специалист по научной организации труда; психолог. Родился в Казани.

После революции 1917 года работал в Казанском университете. В 1920-е годы доцент Восточного педагогического института (Казань), сотрудник психотехнической лаборатории Казанского института научной организации труда. В 1929 году репрессирован и осужден на три года. После выхода на свободу смог устроиться на работу только в деревне недалеко от Казани по специальности химика. Он уже ничего не писал. Выступал по проблемам истории философии и по вопросам, касавшимся сущности и назначения философии.

С. 254. ...*Федор Федорович Бережков пишет мне.* — *Бережков Ф. Ф.* См. прим. к письмам Бережкова Ф. — Шпету Г.

«Хрестоматия по Истории психологии»

Шпет Г. — Маковельскому А.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-4. Публикуется впервые.

Маковельский Александр Осипович (1884 — 1969) — философ, член-корреспондент АН СССР (1946). Окончил Казанский университет (1907). С 1912 доцент, с 1918 профессор Казанского университета, в 1920—1960 — профессор университета и других учебных заведений в Баку. В 1945—1950 директор института философии и права АН Азербайджанской ССР. Основные труды по истории античной философии, а также по истории философии народов Ближнего Востока, диалектическому материализму, логике и психологии. В переводе Маковельского и с его комментариями изданы многочисленные труды древнегреческих философов.

На обороте черновые записи понятий (форма, вид, знание, энергия, душа, понятие) в греческом написании, которые Шпет собирался унифицировать в «Хрестоматии по Истории психологии»

С. 256. ...*По поручению книгоиздательства Лемана и Сахарова я составляю Хрестоматию по Истории психологии.* — См.: Шпет Г. Г. Подготовительные материалы к Хрестоматии по Истории психологии // Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 82—85.

Маковельский А. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-2. Публикуется впервые.

С. 257. ...*Пользуюсь случаем поблагодарить Вас за присылку мне Вашей диссертации.* — Имеется в виду «История как проблема логики» Шпета (М., 1916).

Рачинский И. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-24. Публикуется впервые.

Рачинский Иван Иванович (1861 — ок. 1921) — композитор, музыкальный критик, поэт, переводчик

С. 257. ...*14 февраля 1917 года.* — К письму приложен конверт: Заказное, Его Высочайшему Густаву Ивановичу Шпет. Москва, Большая Царицынская, 7. От Ивана Рачинского. 10-я Рождественская, д. 4, кв. 17.

С. 257. ...В ответ на Ваше письмо <...> из моего перевода поэмы Лукреция. — Имеется в виду издание: *Тит Лукреций Кар. О природе вещей.* Пер. с лат. размером подлинника и с предисл. Ив. Рачинский. М.: М. и С. Сабашниковы, 1913.

Книгоиздательство М. и С. Сабашниковых — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-62. Публикуется впервые.

Савин А. — Шпету Г.

Письмо-открытка хранится в ОР РГБ 718-25-28. Публикуется впервые.

Открытка. Густаву Густавовичу Шпету. Большая Царицынская, 7. Здесь.

С. 258. ...*Чтобы указанные Вами части моего перевода <...> хрестоматии.* — **Савин** Александр Николаевич (1873–1923) — русский историк, переводчик. Ученик П. Г. Виноградова. По окончании в 1895 году Московского университета преподавал в Москве на Высших женских курсах, затем в университете (с 1903 приват-доцент, с 1908 профессор). После Октябрьской революции 1917 работал также в Институте красной профессуры, участвовал в деятельности института истории РАНИОН (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук).

«Academia»

«Academia» (издательство) — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-24-56 (кроме указанных отдельно). Публикуются впервые.

Каменев Лев Борисович (настоящая фамилия Розенфельд, 1883—1936) — советский партийный и государственный деятель, большевик, революционер. В декабре 1933 года Каменев назначен директором научного издательства «Academia». В декабре 1934 — арестован вторично. В 1936 осужден по делу «Троцкистско-зиновьевского центра» и расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1988 году.

Тихонов (Серебров) Александр Николаевич (1880—1956) — писатель, друг Горького. Принимал активное участие во многих его редакционно-издательских начинаниях: 1-й и 2-й сборники пролетарских писателей, журнал «Летопись», издательство «Парус», газета «Новая жизнь». После Октябрьских событий: журнал «Русский современник», издательства: «Всемирная литература», «Круг», «Федерация», «Academia», «История фабрик и заводов», серии книг «Жизнь замечательных людей», «Исторические романы» и др.

Антокольская Надежда Григорьевна (1900—1985), секретарь издательства «Academia», сестра поэта П. Г. Антокольского.

Эльсберг Яков Ефимович (*Шапириштейн*; псевдонимы *Шапириштейн-Лерс Я. Е., Лерс Я., Эльсберг Ж.*) (1901—1976) — литературовед и критик, директор издательства «Academia» после Каменева. Существуют резко негативные оценки деятельности Я. Е. Эльсберга. Считается, что он является автором множества доносов на своих коллег.

Ческис Любовь Абрамовна (ок. 1896—1956), секретарь издательства «Academia».

Горбов Дмитрий Александрович (1894—1967) — писатель, литературный критик, редактор, переводчик польской, сербской литературы, сотрудник издательства «Academia». Автор книг и статей о М. Горьком, Л. Леонове, Ю. Олеше, А. Фадееве, С. Есенине, писателях-эмигрантах.

С. 258. ...*Прошло более 2-х месяцев с момента получения Вами гранок (1–116) Байрон «Мистерия».* — Шпет перевел «Мистерии» Байрона (М.; Л.: Academia, 1933).

С. 258. ...*Редакционный отдел обращается к Вам за советом по поводу организации издания «Поэмы Ван ден Вонделя».* — **Ван Ден Вондел** Йост (1587—1679) — крупнейший поэт и драматург, наибо-

лее яркий представитель классицизма в нидерландской литературе XVII века.

С. 258. ...*К нам обратился Н. С. Берендгоф.* — **Берендгоф** Николай Сергеевич (1900–1990) — поэт.

С. 259. ...*15 января 1933 года.* — Письмо хранится в ОР РГБ 718-21-8. Вместе с Отзывом Шпета на перевод отрывка из поэмы Мальчевского «Мария», сделанный Зунделовичем. См. Раздел VI. С. 338–342.

С. 259. ...*А. Н. Тихонов просит Вас дать отзыв о прилагаемом переводе Зунделовича (отрывке) поэмы Мальчевского «Мария».* — **Зунделович** Яков Осипович (1893–1965) — литературовед. В 1925–1929 учился в аспирантуре ГАХН. С 1929 преподавал в ГИКе, был там заведующим кабинетом режиссуры. В 1933–1935 читал также лекции в МИФЛИ. В ноябре 1937 арестован, осуждён по статье 58-10 на 10 лет. В 1943 выпущен по болезни. Смог устроиться в Ивановский педагогический институт, откуда принужден был уйти в 1947 с началом антисемитской кампании. Переехал в Самарканд, где стал преподавателем Узбекского государственного университета.

С. 259. ...*Совещание по вопросу об издании полного собрания сочинений Шекспира.* — Все материалы по участию Шпета в качестве одного из главных редакторов издания Шекспира см. в 10 томе Собрания сочинений Шпета «Густав Шпет и Шекспировский круг» (М.; СПб., 2013)

С. 260. ...*Посылаю Вам перевод «Марии» Мальчевского полностью представленный переводчиком.* — Имеется в виду перевод Зунделовича.

С. 260. ...*Александр Николаевич просит Вас кратко подтвердить свое первоначальное мнение.* — Имеется в виду А. Н. Тихонов.

С. 260. ...*Прошу Вас вернуть Теккеря, как гранки I тома, <...> а также комментарий к «Пиквику».* — Речь идет о «Ярмарке Тшеславия» Теккеря и «Записках Пиквикского клуба» Диккенса, которые Шпет переводил и редактировал в то время.

С. 260. ...*В ответ на Ваше заявление о предоставлении отсрочки сдачи рукописи Стерна.* — Имеется в виду роман английского писателя **Стерна** (Sterne) Лоренса (1713–1768) «Тристрам Шенди».

С. 261. ...*Во-первых, посылаю Вам копию дополнительного соглашения на «Часы мастера Хэмфри».* — Имеется в виду повесть Ч. Диккенса (1841).

С. 261. ...*В-третьих, Лурье просил Вам передать новую редакцию своего образца перевода, выполненную им с учетом Ваших указаний.* — Не удалось установить о каком Лурье и каком переводе идет речь.

С. 261. ...*Посылаю Вам также кн. VI и VII «Пана Тадеуша».* — Речь идет о поэме А. Мицкевича в переводе С. Городецкого. См. Отзвв Шпета на перевод. Раздел VI. С. 342–355.

С. 261. ...*Посылаю Вам присланные А. А. Смирновым переводы Шекспира «Отелло» в переводе Радловой и «Макбет» в переводе С. Соловьева и М. Коваленской.* — **Смирнов** Александр Александрович (1883–1962) — литературовед-медиевист, исследователь, редактор и переводчик средневековой французской и вообще западноевропейской культуры. Важнейший аспект его научной деятельности составляли исследования западноевропейской ренессансной культуры и прежде всего творчества Вильяма Шекспира («Творчество Шекспира», 1934). Под его редакцией вышло в свет полное собрание сочинений В. Шекспира (2 издания: 1936–1941 и 1957–1960). Шпет вместе со Смирновым редактировал первое издание полного собрания сочинений В. Шекспира, но после ареста и ссылки его имя в издании было вычеркнуто и надолго забыто. В архиве Шпета сохранилось около 60 писем Смирнова о научных проблемах перевода и о трудностях повседневной работы редакторов и переводчиков над Шекспиром. — **Радлова** Анна Дмитриевна (1891–1949) — поэтесса, переводчица Шекспира. — **Соловьев** Сергей Михайлович (1885–1942), поэт, прозаик, религиозный публицист, переводчик, литературный критик. Перевел «Макбета», которого затем Шпет отредактировал (перевод в настоящее время готовится к публикации). — **Коваленская** Мария Викторовна (в замуж. Бренева; 1882–1940-е) — переводчица. — См. о переводах Шекспира: *Шедрина Т. Г.* Четыре письма Л. Б. Каменеву, или Роль Густава Шпета в переводах Шекспира... // НЛЮ. 2008. № 92. <<http://magazines.russ.ru/nlo/2008/92/sh9.html>>.

С. 261. ...*Александр Александрович писал нам, что ему не удалось до сих пор выяснить переводила ли Ахматова «Макбета».* — Речь идет о **Смирнове** А. А., который писал в письмах Шпету о том, что Ахматова отказалась переводить Шекспира.

С. 261. ...*Посылаю Вам также на отзыв пробу перевода Вышнянского «Свадьбы» тов. Яроцкой, которую рекомендовал нам Малецкий и Домский в качестве переводчицы.* — Перевод Яроцкой, а также отзыв Шпета на ее перевод хранятся в РГАЛИ 629-1-527. — **Малецкий** Александр Маврикиевич (1879–1937) — член социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). С 1906 года член РСДРП. С 1919 года — секретарь редакции журнала «Коммунистический Интернационал», консультант Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина, редактор издательства «Academia» 18 сентября 1937 года арестован и расстрелян. — **Домский** — неустановленное лицо. Вероятно, консультант или редактор издательства.

С. 261. ...*А. Н. Тихонов просит Вас дать нам скорее отзыв о переводе «Пана Тадеуша» Мицкевича — Городецкого.* — См. Раздел VI. С. 342–355

С. 262. ...*9 апреля 1933 года.* — Карандашом, рукой Шпета написано: Зв. 5-50-09, 5-19-37. Нина Васильевна Семеновская. <нрзб.> 1) Правление, 2) Тихонов. Домский? Телешов Дм. Н.

С. 262. ...*В них имеются вопросы <...> Дьяконову.* — **Дьяконов** М. А. См. прим к письму Дьяконова в издательство «Academia»

С. 263. ...*Посылаю также предложенный т. Самоненко перевод «Марии».* — См.: **Самоненко** Федор Михайлович (1883–1938) — редактор-издатель литературно-художественного сборника «Чтец-декламатор» (выходил в Киеве в 1900-е годы). Переводчик Гомера на украинский язык. Репрессирован.

С. 263. ...*Посылаю Вам <...>, 2) Письмо Радлова, 3) Кусок перевода Протасьева «Тит Андроник».* — **Радлов** Сергей Эрнестович (1892–1958) — режиссер, постановщик Шекспировского Отелло и Короля Лира (1934). — **Протасьев** Сергей Николаевич — переводчик Шекспира.

С. 263. ...*Предисловие Г. Г. Александрова будет готово очень скоро.* — **Александров Г. Г.** — автор предисловия и комментариев к «Фритьоф-саге». Более точных данных найти не удалось.

С. 264. ...*23 августа 1933 года.* — На бланке издательства «Academia», машинопись. Листок сильно изрисован. В середине рукой Шпета помечено: Стерн, Шекспир, Пиквик, Галилей.

С. 264. ...Мы Вам послали перевод «Фритъоф саги» Айхенвальда и Смирницкого. — Айхенвальд Б. Ю. См. прим. к письму Айхенвальда Б. Шпету Г. — Смирницкий Александр Иванович (1903–1954) — языковед. Профессор МГУ (с 1938). Труды в области германистики (английский и скандинавский языки), сравнительно-исторического и общего языкознания (язык и речь, природа единиц языка, теория слова и др.), а также в области фразеологии, морфологии, словообразования и др. Переводчик «Фритъоф-саги».

С. 264. ...14 сентября 1933 года. — На бланке издательства «Academia», машинопись. К письму приложен конверт: Штемпели: 15 сентября 1933 года; 16 сентября 1933 года. Здесь. Брюсовский пер., д. 17, кв. 16. Густаву Густавовичу Шпету. Изд-во «Academia», Москва 28, Б. Вузовский пр. № 1.

С. 264. ...В. Ф. Асмус сообщил нам, что мог бы написать для тома статей о Шекспире статью. — Асмус Валентин Фердинандович (1894–1975) — философ, специалист в области истории философии, логики, эстетики, теории культуры. Во второй половине 20-х годов был одним из организаторов научно-исследовательской работы в Институте философии Коммунистической академии; в подготавливавшейся в те годы «Философской энциклопедии» был одним из руководителей отдела «Современная философия». В 30-х годах опубликовал ряд литературоведческих работ, посвященных Гёте, Толстому, Лермонтову. С 1939 — профессор кафедры философии МГУ. — Шпет имеет в виду издание: Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. VIII. Пер. А. М. Водена. Под ред. и с предисл. Ф. А. Горохова. М.: Соцэкгиз, 1935.

С. 265. ...22 октября 1933 года. — На бланке издательства «Academia». Письмо хранится отдельно от других писем, в ОР РГБ 718-21-5. Публикуется впервые.

С. 265. ...Просим Вас возможно срочно дать заключение о качестве прилагаемых переводов из Гейне, принадлежащих тов. Ефременкову. — Ефременков А. — переводчик Гейне. Более точных сведений найти не удалось. Отзыв Шпета на перевод см.: наст изд. Раздел VI. С. 405–406.

С. 265. ...27 октября 1933 года. — Хранится в ОР РГБ 718-21-36. Публикуется впервые. Приложены Переводы стихотворений Дж. Китса, сделанные Лейтиным.

С. 265. ...*Китс* — 3 стих. перев. *Лейтина*. — **Лейтин** Борис Натанович (1893–1972) — переводчик, поэт. Член СП СССР (1961). Окончил юридический факультет Московского университета (1918). Участник Гражданской войны. Опубликовал сборник стихов «Выдуманная любовь» (1919). Переводил произведения Дж. Байрона, П. Б. Шелли, В. Шекспира, Г. Гёйне, И. В. Гёте, а также поэтов народов СССР.

С. 266. ...*Посылаю Вам для отзыва перевод «Проклятия» Вышнянского*. — См.: *Вышнянский Ст.* Проклятие. Перевод И. А. Новикова и С. А. Полякова // ОР РГБ 718-26-9.

С. 266. ...*19 января 1934 года (I)*. — Хранится отдельно ОР РГБ 718-21-36. Публикуется впервые. Вместе с переводами Китса, сделанными Лейтиным. План издания сочинений Китса см.: Раздел VI. С. 409–412.

С. 267. ...*4 февраля 1934 года*. — Записка хранится отдельно от других писем. ОР РГБ 718-21-15. К протоколу от 16 января 1934 года (См. Раздел VI. С. 412–419) приложена повестка на имя Шпета, машинопись.

С. 267. ...*4 февраля с. г. в 8 часов вечера на квартире у И. Т. Смилги*. — *Смилга* И. Т. См. прим. к с. 76.

С. 267. ...*Секретарь Словаря В. Нилендер*. — **Нилендер** Владимир Оттонович (1883–1965) — переводчик, литературовед, поэт, организатор библиотечного и музейного дела.

С. 267. ...*12 июня 1934 года*. — *Шпет Г.* — в издательство «*Academia*». Черновой набросок письма хранится в семейном архиве. Публикуется впервые.

С. 267. ...*Если издательство решило продолжать издание Фильдинга*. — **Филдинг** Генри (1707–1754) — английский писатель и драматург XVIII века.

С. 268. ...*Поэтому и теперь я всемерно поддерживаю предложение А. Франковского перевести Письма к Элизе*. — **Франковский** А. А. — См. прим. к письму Франковского в «*Academia*»

С. 268. ...*27 июня 1934 года*. — Записка с печатью с адресом и телефонами издательства. Машинопись. Ответ на письмо Шпета от 12 июня 1934 года.

С. 268. ...8 августа 1934 года. — Письмо хранится отдельно от других писем, в ОР РГБ 718-21-9. Публикуется впервые. Письмо напечатано на машинке на бланке издательства Academia Редакционный сектор. Приложен Отзыв Шпета на перевод Городецкого (См. раздел VI. С. 342–355).

С. 269. ...19 декабря <1934>. — Машинопись. Датировка — по тексту: <Вермель Ф.> Обзор переводов лирики и поэм Мицкевича на русский язык. См. Раздел VI. С. 445–453.

С. 269. ...*Мне кажется, что если исходить из отзыва Ф. Вермеля.* — **Вермель** Филипп Матвеевич родился (1898–1938) — переводчик. Его переводы сонетов Мицкевича являются одними из лучших. Полностью переводы Ф. Вермеля из Мицкевича, в том числе неоконченный перевод «Пана Тадеуша», увидели свет в книге «Стихи и переводы Филиппа Вермеля», выпущенной в 2000 году в Москве издательством «Возвращение» тиражом в 500 экземпляров. До 1937 года Филипп Вермель работал в англо-американском секторе ТАСС. 5 марта 1938 года был арестован. Расстрелян 28 мая 1938 года. Место захоронения — Бутово. Большое собрание стихотворений Вермеля хранится в РГАЛИ 1346-4-83.

С. 269. ...*Кржижановским, Самоненко, и возможными новыми кандидатурами.* — Кржижановский С. Д. См. прим. к с. 142. — Самоненко Ф. М. См. прим. к с. 263.

С. 270. ...«Четыре Георга», «Снобы», «Юмористы». *Примечания:* к «Юмористам», «Четырем Георгам». — Произведения У. Теккерея

Авилов Б. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-12. Публикуется впервые.

На конверте: Здесь. Густаву Густавовичу Шпету. Тверская, Брюсовский пер., 17, кв. 16.

Возможно, имеется в виду: **Авилов** Борис Васильевич (1874–1938) — социал-демократ, журналист. До 1917 года большевик, в 1905 году был одним из руководителей вооруженного восстания в Харькове. В 1917 году — сотрудничал в газете «Новая жизнь». С 1918 — отошел от политической деятельности. Расстрелян 20 июля 1938 года. Красноярск.

С. 270. ...*Не откажите сообщить издательству отзыв о моем переводе.* — См. Отзыв Шпета. Раздел VI. С. 419–430. См. также примечания к этому отзыву.

Айхенвальд Б. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-13. Публикуется впервые.

Айхенвальд Борис Юльевич (1902–1938) — литературовед. Сын Ю. И. Айхенвальда. Окончил философское отделение историко-филологического факультета Московского университета (1922). В 1922–1923 — научный сотрудник Института научной философии. В январе 1926 в Литературной секции ГАХН прочитал доклад «Своеволие у Достоевского», после которого в марте стал внештатным научным сотрудником философского отделения ГАХН. В Комиссии по составлению Словаря эстетической терминологии Айхенвальд занимался понятиями «Искусство», «Искусство и природа», «Нормативизм». В Отделении Общего искусствоведения работал над изучением эстетических воззрений Н. В. Гоголя, выступал с докладами «Строение словесного образа», «Пути кинематографа» и др. Подготовил диссертацию «О лирике Пушкина». Вместе с А. И. Смирницким перевел на русский язык сочинение шведского поэта И. Тегнера (1935). В апреле 1937 арестован (при аресте среди др. бумаг изъята работа А. «Философия предательства»), осужден на 5 лет лишения свободы. Умер в лагере на Дальнем Востоке.

Бирукова Е. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-25. Публикуется впервые.

Приложен конверт с домашним адресом Шпета. Брюсовский переулок, д. 17, кв. 16.

Бирукова Евгения Николаевна (1899–1986) — переводчица Шекспира. В 1926 году закончила МГУ. С 1942 года член Союза писателей СССР. Во время Великой Отечественной войны была арестована и осуждена на пять лет лагерей за высказывания об угнетении церкви в стране. Отбывала срок в городе Ишимбае (Башкортостан).

Богословская М. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-27. Публикуется впервые.

Приложен конверт: Кокчетав, ул. Дзержинская, 2. М.П. Богословская. Москва 28. Большой Вузовский, 1. Издательство Академия. Густаву Густавовичу Шпету.

Богословская Мария Павловна (1902–1974) — переводчица, жена поэта С. П. Боброва (1889 — 1971)

...Ухаживать за Сергеем Павловичем. — Имеется в виду С. П. Бобров.

ГИХЛ — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-24-40. Публикуются впервые.

С. 272. ...*Прошу Вас взять на себя редактуру «Август» Кнута Гамсуна. Полякова не удалось разыскать.* — См. Раздел VI. Отзыв Шпета на роман К. Гамсуна «Август». См. Наст. изд. С. 335 — 336.

С. 272. ...*Редакция классиков ГИХЛ'а направляет Вам копию договора на «Анну Каренину».* — Перед арестом Шпет закончил редакцию романа «Анна Каренина», переведенную на английский язык. Tolstoy L. Anna Karenina. Ed. by V.G. Guernev and G. Spett, with an introd. by A. Lunacharsky and wood-engravings by N. Piskariov. Vol. 1—2. Moscow, 1933. Ни одного экземпляра Шпет не получил. См.: Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 379.

С. 274. ...§ 2. О рукописи Диккенса «Холодный дом». — «Холодный дом» — роман Ч. Диккенса, переведенный М.И. Клягиной-Кондратьевой и отредактированный Г. Г. Шпетом в 1935 году для ГИХЛа.

Дьяконов М. — в издательство Academia

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-47. Публикуется впервые.

Дьяконов Михаил Алексеевич (1885—1938) — писатель и переводчик. Среди художественной литературы, переведенной Дьяконовым, — романы «Ярмарка тщеславия» У. Теккерея, «Жан-Кристоф» Р. Роллана (два тома), «Кристин, дочь Лавранса» Сигрид Унсет, «Джимми Хиггинс» Э. Синклера и др. Арестован 31 марта 1938 года. Расстрелян 22 октября 1938 года. Место захоронения — г. Ленинград. Реабилитирован 20 апреля 1956 году.

Ивашева В. — Каменеву Л.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-55. Публикуется впервые.

Ивашева Валентина Васильевна (1908 — 1991) — литературовед и критик. Окончила ЛГУ; профессор МГУ, соредактор русского издания полного собрания сочинений Чарльза Диккенса (1957—1963), автор книг «Творчество Диккенса», «Современная английская литература» и др. «Что сохраняет время» и др.

С. 279. ...*Могла бы дать для предполагающейся у Вас Энциклопедии Диккенса.* — Проект Диккенсовской Энциклопедии см. Раздел VI. С. 355—360.

Ланн Е., Кривцова А., Шпет Г.

Ланн Евгений Львович (Лозман) (1896–1958) — переводчик; автор переводов сочинений Ч. Диккенса, Д.-О. Стюарта, Р. Эндомы и др. Был знаком со Шпетом по совместной работе над переводом «Посмертных записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса. — **Кривцова** А. В. — переводчица Диккенса, жена Е. Ланна.

Шпет Г. — Ланну Е.

Черновой вариант хранится в архиве Е. В. Пастернак. Публикуется впервые.

Ланн Е., Кривцова А. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-24-78. Публикуются впервые.

Открытка от 8 августа 1932 года хранится в семейном архиве. Публикуется впервые.

С. 286. ...*Наш акцент на одной стороне стиля — на экспрессии.* — О разных способах перевода, а также о результатах совместного перевода Кривцовой, Ланна и Шпета см.: Стенограмма собрания переводчиков Бюро переводной литературы при оргкомитете I съезда советских писателей. Наст. изд. Раздел VI. С. 430–444. См. также анализ этой стенограммы: *Щедрин Т. Г.* Перевод как культурно-историческая проблема // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 25–35.

С. 288. ...*Очень бы хотелось получить от Вас информацию о maestro Милашевском и вообще обо всем.* — **Милашевский** Владимир Алексеевич (1893–1976) — русский художник-график, акварелист, живописец. Милашевский много работал как книжный график: с его иллюстрациями вышли «Посмертные записки Пиквикского клуба» Диккенса. Милашевский — автор мемуаров «Моя работа в издательстве “Academia”».

Ланн Е., Кривцова А. — в ГИХЛ

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-78. Публикуется впервые.

Дата установлена по контексту писем Ланна и Кривцовой Шпету.

Соглашение Е. Л. Ланна с Г. Г. Шпетом о консультации при работе над переводом романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба».

Соглашение хранится в РГАЛИ 2210-1-326 (Ланн Е.Л., Кривцова А.В.). Публикуется впервые.

Ланн Е., Кривцова А., Шпет Г. — Каменеву Л.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-79. Публикуется впервые.

Поляков С. — Шпету Г.

Письма хранятся в ОР РГБ 718-25-20. Приложены сонеты Мицкевича в переводе С.А. Полякова. См. наст. изд. Раздел VI. С. 379–405. Публикуются впервые.

Поляков Сергей Александрович (1874–1943) — меценат, основатель издательства «Скорпион», переводчик. Сын купца 3-й гильдии Александра Яковлевича Полякова и Анны Ивановны Поляковой. Сергей Поляков закончил 6-ю московскую гимназию с золотой медалью и поступил на физико-математический факультет Московского университета. Во время учебы слушал отдельные лекции на историко-филологическом факультете, посещал курсы по литературе, изучал иностранные языки. Окончив университет в 1898 году, посвятил себя литературе. Он был математиком по образованию, энциклопедистом по знаниям, владел 15 языками — в том числе норвежским, турецким, персидским, арабским и древнееврейским. В 1899 году С. А. Поляков основал издательство «Скорпион». С. А. Поляков открыл Кнута Гамсуна, о котором мало знали даже на родине: он перевел его романы «Пан» и «Виктория», пьесу «Драма жизни». В 1919–1922 годах Поляков работал главным редактором ИЗО НКП (Народный комиссариат просвещения РСФСР); был членом коллегии ЛИТО НКП; заведующим финансовым отделом Академии Художественных наук, работал в Московском союзе писателей в должности казначея; 1 декабря 1929 года на заседании Президиума Государственной Академии Художественных Наук С. А. Полякова исключили из состава Академии, как находящегося в ссылке по статье Уголовного кодекса, разрешающей жить на расстоянии не менее 105 километров от Москвы. В декабре 1941 года Полякову, к тому времени — персональному пенсионеру, было разрешено проживать в Казани у родственников.

С. 290. ...11 августа 1933 года. — К письму приложен конверт: Штемпели 12 августа 1933 Ленинград 13 августа 1933 Москва. Заказное Москва, Брюсовский пер., д. 17, кв. 16. Густаву Густавовичу Шпету. Отпр. В.О., 7-ая линия, д. 2, кв. 19^а, С. Полякову.

С. 290. ...Недели две тому назад я отправил в Москву с А. С. Стрелковым. — **Стрелков А. С.** — неустановленное лицо.

С. 290. ...23 сентября 1933 года. — К письму приложен конверт: Штемпели: 27 сентября 1933, Ленинград; 28 сентября 1933 Москва. Заказное, Москва, Брюсовский пер., д. 17, кв. 16. Густаву Густавовичу Шпету. Отпр. В.О., 7-ая линия, д. 2, кв. 19а, С. Полякову.

Соцэкгиз — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-24-41. Впервые опубликовано в статье: Густав Шпет и «Феноменология духа» Гегеля (экзистенциальная история перевода, рассказанная Мариной Густавовной Шторх. Публ. Т. Г. Щедриной // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения. Отв. ред.-сост. Н. В. Мотрошилова. М., 2010. С. 598–605. Публикуется по рукописному оригиналу.

Приложен конверт. Штемпели: 28 июля 1937 года; 29 июля 1937 года Москва. Москва, Брюсовский пер. 17, кв. 16. Т. Шпет Г. Г.

Также приложено письмо Сергею Шпету:

Конверт: Фирменный Соцэкгиза. Штемпель 8 июня 1958 года. Москва, Брюсовский пер. 17, кв. 16. Т. Шпет С. Г. Москва В-71, Ленинский проспект 15, СОЦЭКГИЗ.

Уважаемый С. Г. Шпет!

Посылаем Вам договор на издание Вашей книги «Феноменология духа».

Секретарь редакции

Прудилова

Сочнев Н. — Каменеву Л.

Письмо публикуется по рукописи, хранящейся в ОР РГБ 718-21-10. Автограф чернилами.

Сочнев Николай. — К сожалению, до сих пор не удалось обнаружить биографические данные жизни и деятельности Николая Сочнева.

Франковский А. — в «Academia»

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-52. Публикуется впервые.

Франковский Адриан Антонович (1881–1941) — переводчик, редактор, член правления изд-ва «Academia». В 1911 году окончил

историко-филологический факультет Петербургского университета. Преподавал в средних учебных заведениях и в Учительском институте Ленинграда, преобразованном в 1918 году во 2-й Педагогический институт. Переводил Дж. Свифта, Г. Филдинга, Л. Стерна, Д. Дефо, Д. Дидро, Р. Роллана, Андре Жида, М. Пруста. Наиболее известен как переводчик произведений Марселя Пруста. В конце 20-х годов вышла первая часть эпопеи «В поисках утраченного времени» в переводе Франковского. Полностью эпопея была издана уже в 30-е годы в издании «Академия», при участии Франковского, как переводчика и редактора. Обладал огромной эрудицией и знаниями в области культуры стран, переводимых им авторов. Перевел книги Л. Стерна «Тристрам Шенди» и «Сентиментальное путешествие».

С. 295. ...*Пометки Шпета карандашом: To Sir W -; To the Earl of Shelburne; Sir G. Macartney.* — См.: Письмо Шпета Г. в издательство «Academia» от 12 июня 1934 года (Наст. изд. С. 267–268).

Шпет Г. — Эльсбергу Я.

РГАЛИ фонд Жданова Н. М. 201-1-33

Машинопись без подписи. На обороте печать: ГЛМ 11047/124
Жданов Николай Митрофанович (1878–1934) — писатель, переводчик. Редактор «Писем Чарльза Диккенса».

Наверху надпись неизвестной рукой: К д. Н. М. Жданова.

Эльсберг Я. Е. См. прим. к письмам издательства «Academia».

С. 295. ...*Образцы перевода писем Диккенса, представленные Н. Ждановым, несравненно точнее и корректнее перевода Авилова.* — **Авилов.** См. прим. к письму Авилова Шпету. Отзыв Шпета на перевод Авилова и редактирование Жданова см.: Раздел VI. С. 420–430.

С. 296. ...*Примеров не привожу — они отмечены в самом переводе.* — Перевод Авилова сохранился в двух экземплярах (один с правкой, другой — без правки) в РГАЛИ, фонд «Academia» 629-1-808 (с правкой Жданова и Шпета) и 629-1-809 (без правки). Правка Шпета обнаружена Т. Г. Щедриной.

Эттингер П. — Шпету Г.

Письмо хранится в ОР РГБ 718-25-65. Публикуется впервые.

Эттингер Павел (Пинхас) Давыдович (1866–1948) — историк искусства, художественный критик. С 1918 года сотрудник отдела

музеев и охраны памятников старины и искусства Наркомпроса. Выступал как эксперт, член комиссий и комитетов, устроитель выставок, постоянный консультант музейных экспозиций. С 1924 научный сотрудник ГАХН. Изучал состояние современного западного искусства, творчество русских художников, живущих за рубежом. Публиковал свои работы в журналах «Среди коллекционеров», «Печать и революция», «Искусство», «Творчество», «Книжные новости», «Архитектура СССР» (1920–1940). Активно участвовал в работе «Общества друзей книги» как член секции изучения книжных знаков. Собрал свыше 11 тыс. работ русских и советских мастеров.

Раздел VI

Шпет Г. Г. Рецензия на книгу: С. С. Антонов. «Сны». Киев, 1900. 91 стр. Ц. 1 руб. Опубликовано в: Киевская газета. № 55. 1901.

Публикуется по печатной версии, сверенной с рукописью, хранящейся в ОР РГБ. См. Письмо В. Просяниченко. наст. изд. С. 26.

Шпет Г. Г. <Заметки о Проекте Устава Факультета общественных Наук>

Рукопись хранится в семейном архиве Е. В. Пастернак. Отдельные отрывки публиковались в статье: *Щедрина Т. Г.* Место социально-гуманитарных наук в основании современного образования (историко-философские заметки) // Труды научного семинара «Философия образование общество» / Под. ред. В. А. Лекторского. М., 2007. С. 48. Полностью публикуется впервые.

Факультет общественных наук (ФОН) МГУ действовал с 1919 по 1925 годы взамен упраздненных юридического и историко-филологического факультетов. Наркомпрос РСФСР 23 декабря 1918 принял постановление об упразднении юридических факультетов университетов, а 3 марта 1919 года — об организации в университетах факультетов общественных наук взамен юридических. Постановлением от 12 мая 1919 ФОН был создан в МГУ. Первоначально в него входили три отделения: экономическое, политико-юридическое и историческое. В марте 1921 года к ним добавились литературно-художественное и этнолого-лингвистическое отделения. Факультет находился в непосредственном подчинении Главпрофобра. Декан ФОН и его помощник назначались этим органом. Постановлением СНК РСФСР от 17 мая 1925 года преобразован в два факультета, советского права и этнологический.

С. 301. ...<14–16 июня 1919 года 1919 года>. — Датировка и смысл заметок установлен благодаря письму М. Покровского Г. Шпету. См. наст изд. С. 118–119.

Ивановский В. Н. Доклад действительного члена Института научной философии при Факультете общественных наук Московского университета. Доклад хранится в ОР РГБ 718-24-53; частично опубликован Т. Г. Щедриной в кн.: *Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века)*: М. И. Каринский, В. Н. Ивановский, Н. А. Васильев / Под ред.: В. А. Бажанова. М., 2012. Публикуется полностью впервые по рукописному оригиналу.

Горнунг Л. Стихотворения

Хранятся в семейном архиве. Публикуется несколько избранных стихотворений, так как предполагается публикация поэтического сборника.

Горнунг Б. Стихотворение

Хранится в семейном архиве. Публикуется одно стихотворение, так как предполагается публикация поэтического сборника.

Протокол № 1 заседания Художественного совета МХАТ с обсуждением пьесы Леонова Л. М. Унтиловск. 1928 год

Протокол хранится в РГАЛИ 1926-1-15. Публикуется впервые. Машинопись 8 л.

По поводу одного примечания

Вырезка из «Литературной газеты» от 19 января 1930 года хранится вместе с письмом Г. Шпета С. Канатчикову в ОР РГБ 718-24-3. Письмо И. Беспалова и Ответ С. Канатчикова воспроизводятся по первой публикации с сохранением оформления сносок.

Беспалов Иван Михайлович (1900–1937) — литературный деятель. Аспирант РАНИОН (1925–1928), ученик В. Ф. Переверзева. Зам. ответственного редактора журнала «Печать и революция» (1929–1931), редактор журнала «Красная новь» (1930). В 1929–1930 — активный участник Литфронта и переверзевской школы. После их разгрома вынужден был раскаяться. С 1934 г. — главный редактор Гослитиздата. 26 июля 1937 года арестован, обвинен в шпионаже и участии в антисоветской троцкистской правой организации. 26 ноября приговорен и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

Канатчиков Семен Иванович (1879–1940) — литературный деятель. В 1925 году возглавлял Государственный институт журнали-

стики (ГИЖ). С 1928 на литературной работе: редактор журналов «Красная Новь», «Пролетарская революция», главный редактор «Литературной газеты» (1929–1930, был ее первым редактором), главный редактор ГИХЛ. С апреля 1938 года входил в список лиц, работы которых подлежали безусловному изъятию из библиотек. В 1940 г. был репрессирован и расстрелян.

Протокол № Редсовета Издательства «Academia» хранится в ОР РГБ 718-21-15: Протоколы 1931—1934 гг. — с пометами Шпета, карандашом.

Машинопись. Черновые пометки Шпета не внесены, трудны для расшифровки, Видимо они вносились по ходу заседания или после него.

Шпет Г. Г. Отзыв на роман К. Гамсуна «Август»

Хранится в ОР РГБ 718-21-4. Публикуется впервые.

С. 336. ...«...*Но в одном отношении он был <...> бабки и уехал без единого эре. Собственности у него не было*». — Шпет приводит странную цитату, но в середине рукопись обрывается. Привожу восстановленную цитату: «Дело в том, — снова вступил Йоаким, решив, вероятно, выразаться более изысканным образом, — что Августа не так уж и просто было понять. Он был выразителем духа времени, а стало быть, ощущал под ногами твердую почву, он был миссионером. Он был олицетворенным духом беспокойства и в то же время рабочей лошастью. Он мог внезапно забросить одно дело и тут же приняться за другое, на свой лад он был очень деятельным, а главное, не знал себе подобных ни в безответственности, ни в доверчивости. Зимой, во время болезни, он лежал и жалел, что в свое время не выучился плясать на канате. Впрочем, он и это умел, разве что плясал на голове и не знал в этом удержу. Ездра правильно сказал, что он брался за множество дел и от множества отрекался без всякого сожаления. Он делал все весело и с душой, он был затейник и враль, в нем смешались и приметы нашего времени, и механизация, и американизация, в нем соединились добрые и злые начала, словом — все. Но в одном он был просто человеком по имени Август: он был добросердечен и бескорыстен, он раздавал все, вплоть до последней рубашки, а теперь вот уехал, не взяв с собой ни единого эре. Он никогда ничем не владел».

Шпет Г. Г. Отрывок отзыва на перевод пьесы Ст. Выспанского «Свадьба», сделанный К. Эрбергом.

Хранится в ОР РГБ 718-21-2. Публикуется впервые. Чистовой вариант отзыва хранится в РГАЛИ: 629-1-28.

Эрберг К. См. прим. к 142.

Шпет Г. Г. Отзыв на перевод отрывка из поэмы Мальчевского «Мария», сделанный Зунделовичем.

Хранится в ОР РГБ 718-21-8. Публикуется впервые.

Примечательно, что издательство обратилось за вторым отзывом к Б. Пшибышевскому, который написал следующее: «Перевод следует признать в высшей степени неудовлетворительным, несмотря на единичные удачные места. В целом перевод ни в какой степени не отражает звучности польского языка Мальчевского, искажает его образы, рифмы сплошь да рядом по школьному неуклюжи. Необходима самая подробная, построчная редакция для того, чтобы хотя бы в некоторой степени добиться достойного этой замечательной романтической поэмы перевода. Необходимо бы дать ее для перевода хорошему поэту. Я читал ряд мест польским товарищам, вызвав этим их смех или возмущение». Цит. по: РГАЛИ 629-1-114а Л. 7.

Зунделович Я. О. См. прим. к с. 259.

Шпет Г. Г. Отзыв на перевод «Пана Тадеуша» А. Мицкевича, сделанный С. Городецким (Кн. II–VII)

Хранится в ОР РГБ 718-21-9. Публикуется впервые по машинописному оригиналу. Приложен черновой рукописный вариант отзыва, страницы 1–24 которого совпадают с машинописным. На последних страницах 25–32 рукописного варианта Шпет приводит постранично рифмы из перевода Городецкого.

Городецкий С. См. прим. к с. 342.

С. 342. ...*Общее впечатление от перевода в целом — вялость и монотонность стиха, чаще прерываемого небрежным синтаксисом, неудачной расстановкой слов и прозаизирующими пиррихиями. — Пиррихий (греч. Πυρρίχη) — двусложная стихотворная стопа из двух безударных слогов, например, третья стопа в следующей ямбической строчке: когда| не в шу|тку за|немог (Пушкин).*

С. 342. ...*Неудача такого опытного поэта, как С. М. Городецкий. — Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) — русский поэт, переводчик. Один из организаторов «Цеха поэтов». В сборнике «Ярь» (1907) выражены темы и образы русского фольклора. В 1930-е годы — переводчик, автор оперных либретто.*

С. 343. ...*Речь идет о стиле всей поэмы, — а стиль ее, писал В. Гостомский в своей книге о Пана Тадеуше, «как платье, превосходно облегающее тело и оттеняющее его естественные формы». — Гостомский пишет: «Styl Pana Tadeusza jest jak szata, przystosowana*

doskonale do ciała i uwydatniająca naturalne jego kształty». *Gostomsky W.* Arcydzieło poezji polskiej A. Mickiewicza “Pan Tadeusz”: studium krytyczne. Warszawa, 1898. S. 333.

Шпет Г. Г. Собрание сочинений Ч. Диккенса (проект)

Хранится в ОР РГБ 718-17-4. Публикуется впервые по машинописному оригиналу.

Шпет Г. Г. Диккенсовская энциклопедия (проект)

Хранится в ОР РГБ 718-17-4. Публикуется впервые по машинописному оригиналу с внесением шпетовских исправлений в машинопись.

Шпет Г. Г. Отзыв на перевод стихотворения Дж. Китса «Осень», сделанный Н. Вольпин.

Хранится в ОР РГБ 718-21-6. Публикуется впервые.

Вольпин Надежда Давыдовна (1900–1998) — переводчица, поэтесса. Близкая подруга поэта С. А. Есенина (1895–1925), мать его сына, математика, правозащитника А. С. Есенина-Вольпина (р. 1924). В юности примыкала к имажинистам. Переводила произведения Г. Филдинга, Ф. Купера, Дж. Голсуорси, А. Конан Дойла, В. Скотта, Э. По, И. В. Гёте, Г. Уэллса, Б. Брехта, М. Рида, Ч. Диккенса и др.

Шпет Г. Г. Отзыв на перевод поэмы «Мария» А. Мальчевского, сделанный Ф. Самоненко.

Хранится в ОР РГБ 718-21-7. Публикуется впервые. Приложены отрывки из поэмы в переводе Ф. Самоненко. Машинопись.

Самоненко Ф. М. См. прим. к с. 263.

Отзыв на перевод «Пана Тадеуша» А. Мицкевича, сделанный Н. Сочневым

Хранится в ОР РГБ 718-21-10. Публикуется впервые.

Сочнев Н. См. прим. к письму Сочнева Каменеву.

Бернштейн С. И. Проблематика исследовательской работы в области художественной речи (Проект для Академии МХАТ)

Проект хранится в семейном архиве Е. В. Пастернак. Публикуется впервые.

Бернштейн С. И. План Оборудования кабинета изучения художественной речи (Для Академии МХАТ)

План хранится в семейном архиве Е. В. Пастернак. Публикуется впервые.

Сонеты Мицкевича в переводе С. А. Полякова

Сонеты хранятся в ОР РГБ 718-25-20. Публикуются впервые.

Поляков С. А. См. прим. к Письмам С. Полякова Г. Шпету.

Шпет Г. Г. Отзыв на переводы стихотворений Г. Гейне, сделанные Ефременковым

Отзыв хранится в ОР РГБ 718-21-5

Приложено письмо из Издательства «Academia», 1933 октябрь, 22.

Ефременков — Неустановленное лицо.

Китс Дж. Стихотворения, в переводе Б. Лейтина

Стихотворения хранятся в ОР РГБ 718-21-36. Публикуется впервые.

Лейтин Б. См. прим. к с. 265.

Новомирский Д. План издания сочинений Джона Китса на русском языке

План хранится в ОР РГБ 718-21-36. Публикуется впервые.

Протокол Редсовета издательства «Academia» № 1. По Мифологическому Словарию

Протокол хранится в ОР РГБ 718-21-15: Протоколы заседаний Редакционного Совета издательства «Academia» 1931–1934 гг.

С. 412. — *16 января 1934 года.* — Мифологический словарь был включен в план издания Academia на 1937 год. — См. ОР РГБ 718-21-16. Л. 41. — *Прим. Т. III.* — К протоколу от 16 января 1934 года приложена повестка (4 февраля 1934 года) на имя Шпета, машинопись.

Шпет Г. Г. Отзыв о переводе «Писем Ч. Диккенса», сделанный Авиловым.

Хранится в ОР РГБ 718-17-3. Публикуется впервые по машинописному варианту, проверенному Шпетом с редакторскими пометками Жданова и Шпета.

Авилов Б. В. — См. прим. к письму Авилова Б. Шпету Г.

Жданов Н. М. — См. письмо Шпета Эльсбергу

С. 420. ...*Дополнением к сказанному могут служить отметки.* — См. прим. к с. 296.

С. 420. ...*Список ляпсусов.* — Список ляпсусов сверен с переводом Авилова и редакторскими замечаниями Жданова, хранящимися в РГАЛИ 629-1-808. Дополнения к ляпсусам после сверки отмечены в таблице следующим образом: дополнения к Жданову и Авилову даны в квадратных скобках в своих колонках, а редакторские находки Шпета — в квадратных скобках и буквой (ш).

Стенограмма собрания переводчиков Бюро переводной литературы при оргкомитете I съезда советских писателей

Хранится в РГАЛИ 2854-1-110 (Кашкин Иван Александрович). Публикуется впервые. Пропуски в тексте оставлены стенографистками для вписывания английских выражений.

<Вермель Ф.> Обзор переводов лирики и поэм Мицкевича на русский язык.

Хранится в ОР РГБ 718-27-6

Автор установлен Т. Г. Щедриной по письму издательства «Academia» от 19 декабря 1934 года и по дате, которая стоит на Отзыве о лирике Мицкевича: 15 декабря 1934 года.

Вермель Филипп Матвеевич. См. прим. к с. 269.

Край машинописи, где стояла подпись автора — аккуратно оторван.

Написано на обороте последней страницы сонетов красным карандашом рукой Шпета «Сонеты Мицкевича в перев. С. А. Полякова».

Зачеркнуто простым карандашом: 5-21-46 Малецкий? — См. прим. к с. 261.

С Вермелем готовились заключать договор. Привожу письмо Малецкого в издательство Academia. РГАЛИ 629-1-124а. Л. 19.

19 октября 1934 года

Тов. Эльсбергу
В Издательство Academia

Предлагаю заключить договор с тов. Вермелем о переводе тома избранных произведений Мицкевича, намеченных в плане на 1936 год.

Тов. Вермель дал издательству в свое время перевод главы Пана Тадеуша и я считаю его вполне квалифицированным переводчиком. Если нельзя сейчас заключить договор, тогда надо дать тов. Вермелю заказ, чтобы он мог немедленно взяться за работу.

С приветом,

А. Малецкий

Перевод иноязычных выражений

- С. 37. ...à quand (*франц.*) — когда.
С. 37. ...gründlichkeit (*нем.*) — основательность, тщательность.
С. 37. ...tant bien que mal (*франц.*) — плохо ли, хорошо ли; так или иначе.
С. 37. ...Но χαλελά τά καλά, и мне это, видимо, не удалось (*греч.*) — «Прекрасное дело трудно». Греческая пословица¹.
С. 37. ...ossa arida (*лат.*) — сухой костяк, сухие кости².
С. 37. ...élan vital (*франц.*) — жизненный порыв, термин философии А. Бергсона
С. 37. ...tout court (*франц.*) — просто, коротко.
С. 40. ...Preussische Staatsbibliothek (*нем.*) — Прусская государственная библиотека.
С. 44. ...молодая Германия внутренне свободна, aber sehr leidenschaftlich (*нем.*) — но очень страстна.
С. 44. ...где pointe висит в воздухе и не согласована ни с чем (*франц.*) — острие, верхушка. — В данном контексте: отточенность.
С. 44. ...Чехия ist ein Kapitel für sich (*нем.*) — Чехия есть столица сама по себе.
С. 59. ...Le vin est tiré faut le boire (*франц.*) — назвался груздем, полезай в кузов.
С. 72. ...auditorium maximum (*лат.*) — большая аудитория.

---

¹ См.: Платон. Кратил // Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. I. М., 1994. С. 613. и прим. 3, с. 836.

² См.: Иезекииль 37: 1-12 и далее: «1. Была на мне рука Господа, и Господь вывел меня духом и поставил меня среди поля, и оно было полно костей, 2. и обвел меня кругом около них, и вот весьма много их на поверхности поля, и вот они весьма сухи. 3. И сказал мне: сын человеческий! оживут ли кости си? Я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это. 4. И сказал мне: изреки пророчество на кости сии и скажи им: “кости сухие! слушайте слово Господне!” 5. Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и оживете. 6. И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожею, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что Я Господь. 7. Я изрек пророчество, как повелено было мне; и когда я пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею. 8. И видел я: и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них. 9. Тогда сказал Он мне: изреки пророчество духу, изреки пророчество, сын человеческий, и скажи духу: так говорит Господь Бог: от четырех ветров: приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут. 10. И я изрек пророчество, как Он повелел мне, и вошел в них дух, и они ожили, и стали на ноги свои — весьма, весьма великое полчище. 11. И сказал Он мне: сын человеческий! кости сии — весь дом Израилев. Вот, они говорят: “иссохли кости наши, и погибла надежда наша, мы оторваны от корня”. 12. Посему изреки пророчество и скажи им: так говорит Господь Бог: вот, Я открою гробы ваши и введу вас, народ Мой, из гробов ваших и введу вас в землю Израилеву».

- C. 81. ...E troppo caro signore (*итал.*) – это слишком дорого, Синьор.
- C. 86. ...Oui, livre (*франц.*) – Да, книга.
- C. 86. ... Tutti, tutti sono diventari propriamente pazzi! (*итал.*) – Все, все стало действительно сумасшедшим!
- C. 88. ...Le même (*франц.*) – тот же.
- C. 88. ...als kleine Gegengabe (*нем.*) – как небольшой подарок в обмен.
- C. 93. ...Sui generis (*лат.*) – своего рода, своеобразный.
- C. 167. ...tumulte général (*франц.*) – общий шум.
- C. 167. ...implicite (*лат.*) – неявно, подразумеваемо.
- C. 168. ...Vorlesungen über Aesthetik (*нем.*) – Лекции по эстетике.
- C. 175. ...«Quant à mon nom, orthographié Bally il se prononce bien avec l mouillé (ou plutôt avec jot). Il s'agit d'une ancienne notation dudit l mouillé, par l sans i cette orthographe se trouve encore dans quelques noms propres; ainsi une localité voisine de Lausanne se nomme Cully (prononcez Сууи)». – Можно указать, что “ville” и “fille” пишутся одинаково, а произносятся по-разному, вероятно и для объяснения этого случая играет роль “ancien orthographe”. «Что касается моего имени, которое пишется Bally, оно произносится с мягким l (или скорее с йотом). Это старое написание упомянутого мягкого l (l без i), оно встречается еще в некоторых собственных именах; так местечко рядом с Лозанной называется Cully (произносится Кюйи)». Можно указать, что “город” и “девочка” пишутся одинаково, а произносятся по-разному, вероятно и для объяснения этого случая играет роль «старая орфография» («старое правописание») – (*франц.*).
- C. 176. ...promiscue (*лат.*) – смешанно, без разбору.
- C. 179. ...par excellence (*франц.*) – по преимуществу.
- C. 180. ...couleur locale (*франц.*) – местный колорит.
- C. 181. ...faits de langue (*франц.*) – факты языка.
- C. 182. ...faits de parole (*франц.*) – факты речи.
- C. 182. ...cas intermediaeres (*франц.*) – «пограничные случаи».
- C. 184. ...Votre envoi vient de me parvenir, recevez en mes meilleurs remerciements. Dès que mon temps le permettra je commencerai le livre de M. Spett; les éclaircissements que vous me faites espérer me seront naturellement d'un grand secours. Il sera recommandé aux étudiants et je tâcherai de le faire acheter par la Bibliothèque Universitaire.
- P. S. Mes remerciements et mes meilleurs salutations à M. Spett s v p» и в другом месте написал следующее: «Mes meilleurs remerciements pour votre lettre, reçue hier; elle contient des éclaircissements, qui me faciliteront beaucoup l'intelligence du livre de M. Spett. Le ne manquerai pas de le faire connaître autour de moi comme je l'ai fait pour l'ouvrage de Mlle Schor» (*франц.*) – Я получил Вашу посылку, и очень Вам благодарен. Как только время мне позволит, я примусь за книгу г-на Шпета; обещанные Вами разъяснения мне, конечно, очень помогут. Я буду рекомендовать книгу студентам и попытаюсь договориться с университетской библиотекой о ее покупке.
- P. S. Пожалуйста, передайте г-ну Шпету мой сердечный привет и благодарность». И в другом месте следующее: «Спасибо Вам большое за Ваше письмо, которое я получил вчера; Ваши разъяснения мне очень помогут в понимании книги г-на Шпета. Я обязательно буду рекомендовать коллегам и студентам, как ранее – работу г-жи Шор». – (*франц.*).
- C. 472. ...Sub specie aeternitatis (*лат.*) – с точки зрения вечности.
- C. 531. ...nomina sunt amica – veritas magis (*лат.*) – Имена (мне) милы, но истина дороже (перефразировано выражение «Платон мне друг, но...»)

Указатель имен¹

А

Абрикосов А. И. 534,
Августин Блаженный 25, 467
Авенариус Р. 163, 323-325, 327, 330,
514, 524, 581, 630,
Авилов Б. В. 270, 295, 296, 419, 420,
642, 648, 655
Авинова М. Ю. (урожд. Новосильце-
ва) 188, 595
Автономова Н. С. 11
Агапов Б. 470,
Айхенвальд Б. Ю. 264, 270, 271, 640,
643,
Айхенвальд Ю. И. 17, 18, 121, 455,
457, 559,
Акиба бен Йосеф 158, 577,
Аксельрод Л. И. 96, 537, 553
Аксенов И. А. 267, 470
Александров Г. Г. 209, 263, 264, 639
Александров П. В. 14
Алексеев В. С. 611
Алексеев (Аскольдов) С. А. 131, 234,
235, 529, 620, 621
Алексеев С. В. 543
Алексеева М. С. 543
Альмквист К. Ю. Л. 334
Анаксагор 25, 251
Ананьин С. А. 253, 632
Андерсен Г.Х. 333
Андреев А. А. 317
Андреев Л. Н. 509, 617,
Анисимов А. И. 117, 556
Анохин 231,
Ансельм Кентерберийский 235
Антокольская Н. Г. 259-266, 268, 331,
636
Антокольский П. Г. 636
Антонов С. С. 226, 299, 300, 617, 649
Апухтин А. Н. 153, 575
Арабажин К. И. 523
Аренский А. С. 610
Аренский П. А. 213, 610, 611
Аристотель 248, 308, 310, 506
Аррениус С. А. 49, 492
Архипов А. Е. 596
Аршон С. Е. 12, 229, 618

Асеев Н. 543

Асмус В. Ф. 264, 267, 508, 640
Аттербом П. Д. А. 333
Афанасьев В. А. 593
Ахманов А. С. 167, 582
Ахматова А. А. 150, 261, 468, 586, 638
Ахов В. Н. 105, 545

Б

Багрицкий Э. Г. 470
Бажанов В. А. 548, 553, 626, 650
Байрон Дж. Г. 198, 258, 341, 410, 412,
603, 636, 641
Балли Ш. 162, 163, 165, 167, 175, 176,
178, 180-182, 184, 185, 579-581, 583-
587, 592, 593
Бальмонт К. Д. 598
Баранова-Шестова Н. Л. 491, 540, 623,
624, 625
Барков А. С. 96, 538
Барт П. 542
Барятинский В. В. 522, 523
Бахтияров К. 108
Бачинский А. И. 521
Башкирцева М. К. 598
Бебутов В. М. 97, 538
Белинский В. Г. 156, 455, 576
Бело Ж. 305
Белобородов А. Г. 519
Белый (Бугаев Б. Н.) А. 18-21, 178,
181, 183, 457-461, 534, 590
Бельман К. М. 333
Беляев М. 332
Бёме Я. 20, 458
Бендина В. Д. 209
Бенедиктов В. Г. 445, 451-453
Бенуа А. Н. 478, 607
Берберова Н. Н. 490
Берг Л. С. 246, 627, 628,
Берг Н. В. 445, 447, 448, 451, 453
Бергман А. 334
Бергсон А. 37-39, 68, 131, 239, 481,
483, 507, 624
Бердяев А. С. 21, 22, 462-464
Бердяев Н. А. 18, 23, 69, 85, 219, 220,
237, 238, 458, 462, 463, 479, 494, 508,

---

¹ Составитель Т. Г. Щедрина

- 534, 555, 612, 619, 623, 624
Бердяев С. А. 21, 23, 462-464
Бердяева Е. Г. (урожд. Гродзкая) 22-24, 462, 463, 464
Бережков Ф. Ф. 106, 107, 254, 256, 546, 547, 621, 634
Берендгоф Н. С. 259, 637,
Беркли Дж. 109, 256, 464, 465
Берман Л. В. 42, 43, 488
Берман Я. А. 110, 550, 551
Бернер (псевд. Николаев Н.) Н. Ф. 151, 153, 574
Бернс Р. 265
Бернштейн А. Н. 553
Бернштейн С. И. 193, 368, 374, 376, 597, 598, 654
Беспалов И. М. 321-325, 327, 328, 650
Бехтерев В. М. 621
Билимович А. Д. 69, 508
Бирукова Е. Н. 271, 643
Бласко Ибаньес В. 38, 481, 482
Блауберг И. И. 507
Блок А. А. 178
Блонский П. П. 24, 25, 70, 95, 250, 464-467, 510
Бобров С. П. 643
Богданов А. А. 324, 581
Богданов Т. Ф. 51, 493
Богданович А. В. 213, 610, 611
Богословская М. П. 271, 272, 643
Бодлер Ш. 598
Бодун де Куртенэ И. А. 41, 152, 486, 487
Божидар (Гордеев) Б. П. 543
Бозанкет Б. 84, 526, 528
Бокшанская О. С. 316
Бонч-Бруевич В. Д. 188, 594, 595
Боричевский Е. И. 67, 110, 252, 506, 551, 632
Боровой А. А. 76, 519, 520, 521
Борткевич В. И. 97, 539
Браунинг Дж. М. 463
Брентано Ф. 502, 585
Брехт Б. 653
Бруншвик Л. 305
Брэдли Ф. 528
Брюсов В. Я. 105, 190, 546, 597, 619
Бугаева К. Н. 459, 460
Буланова М. Б. 548
Булгаков С. Н. 18, 85, 97, 238, 239, 458, 539, 624
Бунин И. А. 445, 448-450, 453
Буслаев А. А. 151, 152, 222, 575, 614
Бухарин Н. И. 259
Быков А. В. 139, 141, 142, 147, 563-566, 569, 570
Бьернсон Б. 334
Бэн А. 111, 552
Бюхнер Г. 221
- В**
Вазари Дж. 460
Вальцель О. 588
Ван Гог В. 460
Васильев Н. А. 109, 548, 549, 553, 626, 650
Васильев П. Н. 460
Васильева М. И. 613
Васильева Н. А. 522
Вахтангов Е. Б. 564
Введенский А. И. 472, 542
Введенский И. И. 433-435, 437-441, 444
Ведринская М. 523
Везирова Л. А. 504
Вележева А. С. 127
Велизарий М. И. 523
Вельмезова Е. В. 580, 585
Вёльфлин Г. 240, 625
Веневитинов Д. В. 538
Венецианов А. Г. 460
Верди Дж. 610, 611
Вермель Ф. М. 269, 445, 642, 655, 656
Верховский Ю. Н. 571
Веселова О. А. 14
Вигеланд Г. 161
Викторов Д. В. 72-74, 513, 514, 516, 630
Виндельбанд В. 82, 322, 464, 471, 524, 526, 527
Виноградов А. К. 331, 450
Виноградов В. В. 154, 179, 183, 575, 586, 589, 590
Виноградов Н. Д. 72, 95, 114, 129, 219-221, 512, 513, 537, 549, 555, 558, 612
Виноградов П. Г. 635
Винокур Г. О. (Г. И.) 41, 150, 184, 487, 488, 572, 573, 591
Виньи А. де 124, 560
Виппер Р. Ю. 73, 480, 514
Витязев-Седенко Ф. И. 65, 66, 478, 503, 504, 617
Воен А. М. 640
Волков Н. Н. 151, 182, 574, 587, 592
Волынская-Смельская Е. 560, 561
Волынский А. Л. 598
Вольпин Н. Д. 360, 653
Вольский (Соколов А. В.) Ст. 261

- Вольтман Л. 512
 Вольф М. О. 92
 Вольф Т. 526
 Вольф Х. 34, 35, 473
 Вольфсон А. К. 474
 Вольфсон М. К. 28, 242, 474, 626
 Вондель ван ден Й. 259, 334, 636
 Воробьева М. З. 571
 Воронский А. К. 19, 316, 317, 319, 460
 Вундт В. 82, 307, 511, 526, 527, 542, 630, 632
 Выгодский М. Я. 229, 618
 Высянский Ст. 261, 266, 337, 641, 651
 Вышеславцев Б. П. 582
 Вышинский А. Я. 569
- Г
- Габрилович Е. И. 470
 Гаврюшин Н. К. 499, 500, 530
 Гадзяцкий С. С. 150, 573
 Гайдарова Г. 123, 124, 560
 Галаган П. 462
 Галан Ш. Ф. 463
 Галензовский Г. 533
 Галилей Г. 12, 223, 228-230, 615, 618, 639
 Галин А. И. 316, 318
 Гальтон Ф. 511
 Гаман Дж. Г. 485
 Гаман Р. 630
 Гамильтон У. 310
 Гамсун К. 51, 272, 334-336, 462, 492, 493, 644, 646, 651
 Ганецкий Я. С. 316, 319, 320
 Гарбер И. Е. 622
 Гарвей Н. И. 273, 274-276
 Гаспаров М. Л. 11
 Гауптман Г. И. Р. 82, 526
 Гегель Г. В. Ф. 60, 87, 165-174, 250, 252, 292, 308, 309, 322, 323, 499, 506, 515, 538, 582, 583, 630, 640, 647
 Геерманс (Гейерманс) Г. 335
 Гей Дж. 360
 Гейберг И. Л. 333
 Гейерстам Г. 334
 Гейне Г. 265, 405, 640, 641, 654
 Гейнце М. Г. 102
 Геккель Э. 219, 220, 325
 Гельцер Е. В. 605, 606
 Гербарт И. Г. 307
 Гербель Н. В. 450, 453
 Герц Г. 333
 Герцен А. И. 64, 112, 200, 502, 604, 622
 Гершензон М. О. 18, 63, 458, 502, 620
- Герье В. И. 613, 630
 Гёте 640, 641, 653
 Гиляров А. Н. 69, 508
 Гиляровская Н. В. 596
 Гиляровский В. А. 596
 Гиндин С. И. 580
 Гиппиус З. 509, 598
 Гладков Ф. В. 563
 Гливенко В. И. 151, 152, 574
 Гливенко И. И. 574
 Гнедич Н. И. 607
 Го Э. 522
 Гоббс Т. 253
 Гоголь Н. В. 30, 178, 179, 183, 539, 579, 586, 589, 599, 605, 643
 Годжсон Г. 84, 528
 Голицын С. Г. 453
 Голсуорси Дж. 653
 Гольберг Л. 332
 Гольдер Ф. 32-34, 478
 Гольдони К. 565
 Гольдшмит М. А. 333
 Гомер 180, 251, 639
 Гончаров В. 512
 Гончаров И. А. 58, 500
 Горбов Д. А. 262, 265, 279, 412, 414, 636
 Горбунов А. Д. 445, 451
 Горбунов Н. П. 316-318
 Горин-Горяинов Б. А. 523
 Горнунг Б. В. 147, 151-153, 222, 315, 467, 484, 571-575, 592, 614, 650
 Горнунг Л. В. 25, 26, 222, 312, 467, 468, 571, 614, 650
 Городецкий С. М. 261, 268, 292, 294, 342, 343, 347, 350, 354, 367, 638, 639, 642, 652
 Горохов Ф. А. 640
 Горький М. 207, 215, 216, 325, 328, 470, 509, 598, 607, 636
 Гостомский В. 343, 652
 Гоши К. 564
 Грелинг Р. 529
 Грибова (Грибов) О. В. 54, 55, 494
 Грибунин В. Ф. 209
 Григоров Б. П. 18, 457, 459
 Григорова (урожд. Бурьшникова) Н. А. 18, 457
 Григорьев М. С. 107, 108, 547
 Гримм Э. 510
 Грис И. Д. 27, 469
 Грифцов Б. В. 152, 575
 Гроссман Л. П. 147, 152-154, 156, 572, 575
 Гроссман С. Г. 156, 576

- Грот Н. Я. 513, 514
 Грушка А. А. 250, 631
 Губер А. А. 96, 538
 Гувер Г. 478
 Гудзий Н. К. 155, 576
 Гумбольдт В. фон 177, 485, 531, 585
 Гумилев Н. С. 467
 Гуревич Е. Н. 605
 Гуревич Л. Я. 13, 193-196, 198, 201, 202, 598, 599, 600-605, 608,
 Гуревич Я. Г. 598
 Гуссерль М. 623
 Гуссерль Э. 73-75, 82, 83, 169, 174, 472, 483, 489, 495, 514, 515, 517, 521, 524, 526, 529, 582, 592, 623
 Гучкова В. И. 525
 Гюзелев И. Н. 45, 490
- Д**
 д'Аннунцио Г. 158, 578
 Давыдов В. Н. 522
 Давыдова О. 529
 Давыдова Э. С. 474
 Даниельсон Е. 479
 Дарский М. 523
 Дахнович А.С. 26, 27, 468, 469
 Дебольский Н. Г. 630
 Декарт Р. 309, 633
 Деккер Э. Д. 335
 Демель Р. 82, 527
 Дефо Д. 648
 Дешан Л.-М. 474
 Джемс В. (Джеймс У.) 32-34, 38, 479, 513
 Дживелегов А. К. 267
 Джойс Дж. 272, 286
 Дидро Д. 648
 Диккенс Ч. 260, 261, 263, 265, 270, 274, 276, 279-283, 285, 287-289, 295, 355, 357-359, 419-421, 423, 430, 432-435, 439-444, 637, 638, 644, 645, 648, 653, 655
 Дильтей В. 488, 591
 Динамов С. С. 267
 Диروف А. 630
 Дмитриева Н. А. 525, 551
 Добролюбов Н. А. 112
 Добронравов Б. Г. 209
 Довнар-Запольский М. В. 113, 121, 509, 554
 Долгов А. Н. 223, 615
 Долинин К. А. 586
 Достоевский Ф. М. 90, 107, 176, 178, 183, 546, 586, 643
- Дуров С. Ф. 450, 453
 Дьяконов М. А. 262, 263, 266, 277, 279, 639, 644
 Дюма А. 522
 Дюркгейм Э. 58
- Е**
 Евдокимов Л. В. 532
 Евклид 143,
 Евреинов Н. Н. 142, 566
 Егоров Н. В. 316, 317
 Ежов И. С. 331, 332
 Ермолова М. Н. 564
 Ершов В. Л. 209, 317
 Есенин С. 470, 636, 653
 Есенин-Вольпин А. С. 653
 Ефременков А. 265, 405, 640, 654
- Ж**
 Ждан А. Н. 553, 555
 Жданов Н. М. 295, 296, 420, 648, 655
 Жебелёв С. А. 119, 558
 Жекулина А. В. 121
 Желудков М. 231
 Жид А. 648
 Жинкин Н. И. 162-164, 166, 167, 174, 558, 580
 Жирмунский В. М. 88, 154, 530, 531, 532, 575, 588
 Жолтовский И. В. 583, 587
- З**
 Заболотный В. С. 89, 90, 532, 533
 Завадский Ю. А. 317
 Завалин Б. В. 247
 Загорский М. Б. 142, 563, 566, 569, 570
 Зайцев Б. К. 490
 Зайцев П. Н. 21, 461
 Зайцева Е. Д. 28, 98, 473, 474, 540
 Зайцева Н. Ф. 55
 Замойский П. И. 430, 431, 438
 Замотин И. И. 155, 576
 Заславский Д. И. 90, 533
 Зелинский К. Л. 27, 28, 469, 470
 Зелинский С. С. 455
 Зенкевич М. А. 267
 Зеньковский В. В. 74, 88, 98, 508, 517, 530, 540
 Зиммель Г. 471, 489, 552
 Зудерман Г. 82, 526, 527
 Зунделович Я. О. 259, 338, 637, 652
 Зюдекум А. 82, 527

И

Ибервег (Юбервег) Фр. 102
 Ибсен Г. 161, 334, 462
 Иванов А. И. 412-414
 Иванов Вс. 470
 Иванов Вяч. 92, 534, 552, 580, 597
 Иванов Р. 73, 516
 Иванов-Разумник Р. В. 227, 617, 624
 Ивановская-Фортулатова Е. А. 552
 Ивановский Вл. Н. 109-111, 304, 307, 480, 548, 549, 551-553, 626, 650
 Иванцов Н. А. 131
 Ивашева В. В. 279, 280, 644
 Игнатова Н. И. 202, 604
 Ильин И. А. 73, 472, 514, 515, 582
 Инбер В. М. 470
 Иоффе А. Ф. 66, 505
 Иоффе В. А. 505
 Истомина А. И. 154, 575

К

Кабанов А. С. 477
 Каландаришвили Г. М. 100, 542
 Кальдерон де ла Барка П. 27, 469
 Каменев Л. Б. 264, 268-270, 272, 279, 289, 290, 292, 409, 636, 638, 644, 646, 647, 653
 Камков Б. Д. 624
 Канатчиков С. И. 232, 322, 650
 Кант И. 45, 58, 70, 80, 85, 87, 156, 170, 174, 248, 307, 308, 310, 311, 456, 472, 490, 500, 509, 510, 514, 542, 612, 613, 626, 628
 Каптерев П. Н. 67, 114, 506, 555
 Карамзин Н. М. 578
 Карбасников Н. П. 92, 252,
 Каринский В. М. 74, 516
 Каринский Д. Д. 121, 128, 559
 Каринский М. И. 121, 241-243, 246, 248, 253, 548, 553, 626, 627, 632, 633, 650
 Карпинский А. П. 506
 Карпов В. Н. 248, 626, 633
 Карсавин Л. П. 94
 Каутский К. 82
 Качалов В. И. 209, 317, 605, 606
 Кашкин И. А. 432, 440-444, 655
 Квятковский А. 470
 Кедров М. Н. 317
 Кезельман Е. Н. (урожд. Алексеева) 459
 Келанд А. Л. 334
 Кенигсберг М. М. 147, 148, 149, 150, 151, 222, 572, 573, 574, 614

Кенигсберг Н. В. (урожд. Волькенау) 222, 614
 Кеплер И. 618
 Керенский А. Ф. 478
 Киплинг Р. 270
 Киркегор С. 333
 Киров С. М. 519
 Кирхнер Ф. 306
 Кистяковская (урожд. Бернштам; псевд. Верен М. В.) М. В. 475
 Кистяковский Б. А. 28, 29, 471, 543, 548
 Китс Дж. 265, 266, 360, 361, 406-410, 412, 640, 641, 653, 654
 Клейнер И. М. 193, 599
 Клягина-Кондратьева М. И. 644
 Кнапп Г. 471
 Книппер-Чехова О. Л. 9, 10, 209, 216, 503, 611, 612
 Коваленская М. В. 261, 638
 Коган А. П. 98, 540
 Коган Л. А. 501, 549, 550, 551
 Коган Н. А. (Ноле-Коган) 98, 99, 540
 Коган П. С. 98, 156-159, 161, 540, 576, 577, 578
 Коген Г. 79, 82, 83, 472, 512, 525, 528, 551
 Козлов А. А. 620
 Козлов И. И. 445-447
 Койген Д. М. 223-225, 615, 616
 Колосова Е. И. 154, 575
 Комаров В. Л. 500
 Кон И. 83, 528
 Конан Дойл А. 653
 Конгрив У. 423
 Кондратьев А. И. 64, 188, 190, 503, 595
 Коневской И. И. 509
 Коновалов Д. Г. 114, 554, 555
 Коновалов Д. Р. 316, 317
 Коншина Е. Н. 240, 625
 Конышева-Татаричева Н. 130, 562
 Коонен А. Г. 29, 475, 476
 Копейкина Л. П. 158, 578
 Корелин М. С. 613
 Корелина Н. П. 221, 222, 613
 Коровицкий Г. И. 491
 Корш Ф. А. 144, 522, 566
 Костромина В. С. 17, 456
 Котляр Г. А. 455
 Котляревский С. А. 92, 534
 Кофман Е. А. 98, 540
 Кохановский Я. 350
 Кравков С. В. 235, 621

- Кравченко А. М. 14
 Красин Б. Б. 605, 606
 Краснов-Левитин А. Э. 563
 Крестовская М.А. (Крестовоздвиженская) 71, 73, 457, 474, 511, 512, 623
 Кржижановский С. Д. 269, 566, 567, 642
 Кривцова А. В. 280, 286-290, 433, 434, 645, 646
 Криличевская (урожд. Лорие) А. Ф. 99, 540, 541
 Кристи Г. В. 607
 Крогиус А. А. 235-237, 622
 Крогиус Н. В. 622
 Кроленко А. А. 187, 594
 Кронер Р. 528
 Кропоткин П. А. 520
 Кросс В. Л. 268
 Кроче Б. 485, 524
 Крыленко И. В. 569, 570
 Крылов С. 317
 Кубицкий А. В. 111, 114, 552, 555
 Кузмин Е. М. 240
 Кузмин М. А. 267, 571
 Кузнецов С. Л. 193, 599
 Кулаковский Ю. А. 70, 510
 Кулжинский Я. С. 91, 92, 533
 Кулидж А.К. 31-34, 477, 478
 Купер Ф. 653
 Куприн А. И. 509
 Курилович Е. 487
 Курочкин В. С. 560
 Курошева А. 267
 Кутюра Л. 305
 Кэттелл Дж. М. 71, 511
 Кюльпе О. 74, 507, 516, 629
- Л
 Лаас Э. 70, 510, 552
 Лабрюйер Ж. де 102
 Лавров П. Л. 58, 112, 124, 503, 560
 Лазарев А. М. 34-39, 479-481
 Лазарева Б. А. 481
 Лаланд А. 305
 Ланге Ф.А. 464
 Ланн Е. Л. 260, 267, 280, 285-290, 430, 431, 433, 434, 439, 441, 443, 645, 646
 Лансере Е. А. 607
 Лансере Е. Е. 203, 607
 Ланц Г. Э. 78, 79, 495, 524, 525
 Лаппо-Данилевский А. С. 57, 58, 500
 Лапшин И. И. 542, 620
 Лассвиц К. 234, 621
 Левинтон Г. А. 571
- Левисон А. 526
 Левит С. Я. 14
 Левшина А. А. 142, 563, 564, 565, 566, 570
 Лейбниц Г. В. 58, 87, 131, 307, 455, 514, 516, 633
 Лейтин Б. Н. 265, 406, 408, 409, 640, 641, 654
 Лекторский В. А. 489, 649
 Леман-Абрикосов Г. А. 92, 256, 257, 534, 634
 Лемберг Ф. О. 98, 540
 Лемонь К. 142, 566, 567
 Лендор У. 358
 Ленин В. И. 324-326, 330, 459, 519, 542, 605, 624, 629, 639
 Лентулов А. В. 573
 Леонардо да Винчи 460
 Леонидов Л. М. 209, 316, 317, 606
 Леонов Л. М. 316, 319-321, 470, 605, 636, 650
 Леонтьев К. Н. 183, 588, 589
 Лермонтов М. Ю. 53, 445, 448, 640
 Лесгафт П. Ф. 195, 622
 Лесков Н. С. 586, 598
 Ли И. 334
 Лившиц Б. К. 151, 571, 574
 Лидин (Гомберг) В. Г. 20, 102, 460, 545
 Липпс Г. Ф. 455
 Лист Ф. фон 82, 527
 Лист Ференц фон 527
 Литаврина М. Г. 523
 Литвинов М. М. 316, 317
 Лобанов В. М. 190, 596
 Лобачевский Н. И. 143
 Лозинский М. Л. 267
 Локк Дж. 253, 258, 309, 455, 632, 633
 Локс К. Г. 150, 152, 573
 Лопатин Л. М. 45, 72, 73, 236, 490, 513, 515, 620, 629
 Лопухина-Демидова О.В. 462
 Лопухов Б. Р. 540
 Лорие И. Ф. 541
 Лосев А. Ф. 114-115, 174, 251, 555, 583, 629, 631
 Лосский Н. О. 86, 95, 131, 534, 542, 613, 620
 Лотце Г. 58, 234, 242, 244, 248-250, 252, 466, 542, 562, 625-627, 629, 630
 Луговский А. Н. 445, 446
 Луговской В. А. 470
 Лужский В. В. 209, 316, 317, 608
 Лузин Н. Н. 92, 93, 535
 Лукреций Тит Кар 257, 271, 635

- Луначарский А.В. 146, 159-161 450, 478, 564, 568, 569, 607
 Лундберг Е. Г. 26, 28, 237-240, 469, 474, 623-625
 Лурье Л. А. 225, 616,
 Лурье С. В. 39, 40, 481, 483
 Лучицкий И. В. 491
 Любич-Романович В. Р. 445
- М**
 Мазе А. Я. 484
 Мазе С. Я. 40, 42, 44, 484, 486
 Мазе Я. И. 484
 Мазур С. Ю. 572
 Майков А. Н. 445, 448, 449, 453
 Маймон С. 87
 Маковельский А. О. 109, 256, 257, 549, 634
 Маколей Т. Б. 270
 Максаков В. А. 478
 Максвелл Дж. Кл. 492
 Малапер Ш. 252, 631
 Малецкий А. М. 261, 269, 639, 655, 656
 Малмстад Дж. 459
 Мальмгрен Ф. 568
 Мальчевский А. 259, 260, 263, 294, 296, 338-342, 361, 362, 365, 637, 652, 653
 Мамонтов М. А. 525, 526
 Мандельштам О. 533
 Марбе К. 507
 Мариенгоф А. Б. 153
 Маринетти Ф. Т. 158, 578
 Маркичев В. И. 144, 568
 Марков И. 547
 Марков Н. Я. 316
 Марков П. А. 106, 316, 317
 Маркс К. 308, 473, 538, 617
 Марр Н. Я. 119, 558
 Марти А. 177, 502, 503, 585, 592
 Марцинковская Т. Д. 464, 620, 628
 Мах Э. 323-325, 327, 330, 514
 Маяковский В. В. 292, 470
 Мей Л. А. 453
 Мейе А. 40, 486
 Мейман Э. 66, 630
 Мелис Г. 528
 Мендельсон М. 40
 Мендельсон Н. М. 100, 542
 Мерещковский Д. С. 26, 469, 491, 597, 598
 Метальников С. И. 621
 Метнер (урожд. Братенши) Е. М. 70, 73, 507, 511, 516
 Метнер К. К. 511
 Метнер Н. К. 511
 Метнер Э. К. 511
 Микеланджело Буонаротти 161
 Микешина Л. А. 489
 Миклашевский К. М. 564
 Милашевский В. А. 288, 645
 Милицын В. А. 614
 Миллер Ф. Б. 451
 Милль Дж. Ст. 109, 310, 549
 Милуков П. Н. 474, 478
 Минаев Д. Д. 453
 Минский Н. М. 598
 Минц В. М. 140
 Мирзаянидзе Е. 131, 132, 562
 Мирский Д. П. 267
 Миртов Д. П. 58, 241-248, 253, 625, 626, 627, 633,
 Миртова Е. Г. 245
 Михайловский А. В. 545
 Михайловский Н. К. 112
 Михалчев Д. 44-46, 489
 Михаэлис К. 306
 Мицкевич А. 261, 268, 269, 290-293, 296, 342-344, 347-351, 353, 354, 367, 379, 445-448, 450-453, 638, 639, 642, 646, 652-656
 Мозалевский В. И. 150, 573
 Мозжилин С. И. 622
 Молчанов В. И. 592
 Монж Г. 618
 Мопассан Г. де 598
 Мориц В. Э. 156, 157, 577
 Мориц З. (урожд. Якунчикова) 577
 Морозова М. К. 545
 Москвин И. М. 202, 203, 209, 316, 317, 320, 605, 606
 Мотрошилова Н. В. 582, 647
 Моцарт А. 443
 Мстиславский С. Д. (Масловский) 150, 231, 232, 573, 619, 624
 Муратов П. П. 46, 47, 490, 491
 Мурильо Б. Э. 171, 582
 Мюллер Г. Э. 632
- Н**
 Надеждин Н. И. 538
 Наторп П. 512, 551
 Науменко В. П. 491
 Неволин Б. 523
 Невский В.И. (Кривобоков Ф. И.) 19, 459
 Нейштадт В. И. 150, 152, 573
 Немирович-Данченко В. И. 316, 317, 608

- Нехотин В. 512
 Нечаев А. П. 72, 514, 630
 Нечаев П. 250, 630, 631
 Нечипорович Н. 12, 48, 55, 491, 494
 Никольский В. А. 159, 251, 577, 578
 Никольский М. В. 631
 Нилендер В. О. 267, 412-414, 641
 Новалис 100, 543
 Новиков И. А. 194, 600, 641
 Новицкий О. М. 252, 475, 631,
 Новицкий П. И. 160, 161, 186, 609
 Новомирский Д. 266, 409, 412, 654
 Норденшельд Н. А. Э. 53, 493
 Носов А. А. 545
 Нутриевский А. Ф. 203
 Нуцубидзе Ш. А. 100, 541, 542
 Ньютон И. 12
- О**
 Оболенская А. Л. 598
 Овсяннико-Куликовский Д. Н. 57-59,
 500
 Огарев Н. П. 453
 Огнев А. И. 107, 547
 Одоевский В. Ф. 502
 Озе Я. Ф. 24, 465
 Олеша Ю. 636
 Ольденбург С. Ф. 94, 536
 Оммулевский И. В. 446
 Орлов В. А. 209
 Осипов Б. 479
 Оствальд В. Ф. 82, 527
 Островский А. Н. 320, 439, 605, 607
- П**
 Павлов И. П. 621
 Павлова М. А. 621
 Панебратцев Ю. М. 55-56, 494, 495
 Панкончелли-Кальция Дж. Э. 40, 486
 Панов (Туманный Д.) Н. 470
 Папини Дж. 158, 578
 Парменид 25, 106, 254, 255
 Парнок С. Я. 571
 Пастернак Б. Л. 150, 468, 470, 533,
 573
 Пастернак Е. Б. 484
 Пастернак Е. В. 14, 474, 484, 521, 597,
 598, 607, 645, 649, 654
 Пастернак Л. О. 484
 Перельмутер В. Г. 567
 Переверзев В. Ф. 323, 327-331
 Перцов П. П. 190, 597
 Пети С. Г. 491
 Петников Г. Н. 100, 101, 543
- Петражицкий Л. И. 472
 Петрарка Ф. 395, 396
 Петров В. А. 445
 Петров И. 489
 Петров Ф. Н. 155, 160, 161, 576
 Петровский А. С. 19, 20, 458, 459,
 Петровский М. А. 107, 150, 547, 573
 Петровский П. Н. 453
 Петровский Ф. А. 412, 413
 Петроний 439
 Пильняк Б. А. 438
 Пиранделло Л. 158, 578
 Писемский А. Ф. 607
 Пичета В. И. 107, 547
 Плавильщикова П. А. 260
 Платон 38, 115, 254, 322, 323, 482, 555,
 629, 631, 632
 Платон И. С. 203, 607
 Плеханов Г. В. 324, 325
 Плотин 24, 25, 67, 87, 95, 465-467, 506,
 525, 583, 630
 Плотников Н. С. 629
 Плятт Р. Я. 547
 По Э. А. 271, 653
 Подгорный Н. А. 209, 316, 317, 603
 Познанский Ю. И. 450, 453
 Покровский Г. Ф. 548
 Покровский М. Н. 119, 160, 478, 558,
 650
 Полан Фр. 613
 Поливанов К. М. 468
 Поливанова (урожд. Шпет) М. Г. 475,
 623
 Половцева В. Н. 131
 Полонский В. П. 316, 317, 319, 468
 Полонский Г. Я. 224
 Полторацкий В. А. 513
 Поляков А. 69, 508
 Поляков А. Я. 646
 Поляков С. А. 290, 292, 379, 641, 644,
 646, 647, 654
 Полякова А. И. 646
 Полянский Н. Н. 116, 117, 556, 557
 Понтоппидан 333
 Попов А. Д. 267
 Попов И. В. 25, 467
 Попов Н. А. 523
 Попов П. С. 248, 249, 605, 628
 Поржезинский В. К. 301
 Потенция А. А. 59, 177, 500, 585
 Потоцкий А. 200, 604
 Преображенский Е. А. 519
 Преображенский П. А. 628
 Преображенский П. Ф. 413

Прозоровский Л. М. 607
Просьяниченко В. А. 226, 227, 616, 617, 649
Протасьев С. Н. 263, 639
Прудкин М. Н. 317
Пружинин Б. И. 14, 489
Пруст М. 648
Пушкин А. С. 178, 292, 349, 445, 452, 455, 460, 531, 538, 566, 586, 643, 652
Пшибышевский Б. С. 20, 461, 527, 652

Р

Радек К. Б. 478, 519
Радлов С. Э. 263, 639
Радлов Э. Л. 67, 85, 505, 506, 528, 529, 534
Радлова А. Д. 261, 267, 638
Радциг С. И. 117, 558
Раевская Е. М. 209
Райнов Т. И. 44, 57-59, 61, 489, 499, 500, 501, 530
Раковский Х. 470
Расел Дж. 358
Ратов С. 523
Рачинская (урожд. Мамонтова) П. А. 525
Рачинский Г. А. 19, 460
Рачинский И. И. 257, 635
Рейнак С. 630
Ремке Й. 73, 489, 515
Рибо Т. 252
Рид М. 653
Риккерт Г. 35, 82, 83, 480, 512
Риль А. 82, 527
Рильке 152,
Риман Г. Ф. Б. 143
Роджерс А. 455
Рождественский А. А. 120, 559
Розанов В. В. 597
Розанов М. Н. 267, 407
Роллан Р. 644, 648
Ромм А. И. 150-152, 573, 574, 584
Ромм М. И. 151, 573
Ростан Э. 522, 523
Ротштейн Ф. У. 267
Рубенс П. П. 460
Рубинштейн М. М. 249, 628, 629
Румер О. 267, 479
Рунеберг Й. Л. 334
Рыбников Н. А. 553
Рындзюн В. И. 472, 473
Рябов П. В. 520
Рябушинский П. П. 203, 494
Рязанов Д. Б. 316, 317

С

Сабанеев Л. П. 129
Сабанчеев Р. Ю. 14
Сабашников М. В. 66, 67, 257, 505, 635
Сабашников С. В. 257, 635, 505
Савин А. Н. 258, 635
Савич О. Г. 484
Сакулин П. Н. 63-65, 155, 501, 502, 503, 576
Самарин Ю. Ф. 243
Самойкина А. А. 495
Самоненко Ф. М. 263, 269, 361, 362, 365, 639, 642, 653
Самсонов Н. В. 74, 92, 249, 250, 253, 503, 504, 505, 506, 516, 552, 629, 630, 631, 632
Самсонова (урожд. Воронина) И. Г. 66-68, 250, 503, 504, 506, 630
Самсонова Н. Н. 68, 506
Сартон Дж. 499
Сахаров С. И. 240, 256, 534, 625, 654
Сахновский В. Г. 215, 267, 316, 317, 602, 603, 605, 606
Сбоева С. Г. 475, 476, 477
Свифт Дж. 648
Селиханович А. Б. 621
Сельвинский И. Л. 470
Семашко Н. А. 316
Семенов В. 127
Семенов Н. П. 445, 447, 451, 452
Семёнова Н. С. 154, 575
Семеновская Н. В. 639
Серебренников В. С. 253, 254, 632, 633
Серебрякова З. Е. 607
Сидонский Ф. Ф. 63, 502
Сидоров А. П. 129
Симов В. А. 317
Синебрюхов С. И. 227, 617
Синклер Э. 644
Скворцов-Степанов И. И. 619
Скирмунт С. А. 231, 618, 619
Скотт В. 653
Скриб Э. 607
Славинский М. А. 491
Смилга И. Т. 76, 267, 412, 414, 518, 519, 641
Смирницкий А. И. 264, 271, 640, 643
Смирнов А. А. 261, 267, 638
Смит Дж. М. 68, 69, 507
Смолин Д. П. 607
Соколов Б. М. 155, 576
Соколов И. И. 99, 541
Соколов Н. М. 70, 509, 510

- Соколов П. П. 95, 117, 536, 557, 558
 Сократ 111, 234, 254, 308, 499
 Соловьев В. С. 248, 467, 506, 545, 628
 Соловьев С. М. 261, 267, 445, 448, 450, 451-453, 458, 543, 544, 638
 Соловьева А. К. 162, 167, 168, 175, 185, 579-585, 587, 588, 590, 592, 593
 Соловьева Н. С. 101, 543
 Соловьева Т. А. 458
 Сологуб Ф. К. 597, 598, 617
 Соминский М. С. 505
 Соссюр Ф. де 41, 165-167, 176, 177, 487, 579, 584
 Сотонин К. И. 254-256, 633
 Сочнев Н. 292, 294, 367, 647, 653
 Спивак М.Л. 459
 Спиноза Б. 131, 514, 515
 Спиридонова М. А. 624
 Средний-Камашев И. Н. 538
 Станиславский (Алексеев) К. С. 101, 204, 205, 208, 213-216, 316-318, 321, 543, 599, 600, 601, 602, 603, 607, 608, 609, 610, 611
 Стасов В. В. 598
 Стасюлевич М. М. 630
 Стендаль Ф. 598
 Степанова-Ловейко 132-134, 562
 Степун Ф. А. 528
 Стерн Л. 260, 263, 268, 269, 295, 443, 502, 637, 639, 648
 Столыпин П. А. 554
 Стрелков А. С. 290, 647
 Стринберг А. 334, 527
 Струве П. Б. 24, 101, 471, 478, 544
 Стюарт Д.-О. 645
 Суворин А. С. 92, 522, 523
 Судаков И. Я. 317
 Сыгченкова Л. А. 594
- Т**
 Таиров А. Я. 29-31, 267, 475-477
 Таманцева Р. К. 195, 196, 601, 602, 603
 Тареев М. М. 116, 556
 Тарковский А. А. 468
 Тарханов М. М. 316, 317, 566
 Тахо-Годи А. А. 555, 629
 Твен М. 270
 Тегнер И. 263, 264, 333, 643
 Теккерей У. 260-264, 277, 278, 433, 434, 637, 642, 644
 Телешов Д. Н. 639
 Тённис Ф. 305
 Терихов С. П. 215
 Терновец Б. Н. 577
- Титченер Э. Б. 71, 511
 Тихонов А. Н. 259-261, 269, 270, 331, 334, 335, 636, 637, 639
 Толстая А. И. 605, 606, 628
 Толстой А. Н. 565, 568
 Толстой Л. Н. 178, 183, 272, 455, 523, 500, 588, 589, 598, 605, 628, 640
 Толферд Т. 419
 Топелиус С. 334
 Торесен М. 334
 Тростянский М. И. 69, 508
 Троцкий Л. Д. 519
 Трубецкой Е. Н. 69, 92, 102, 253, 508, 526, 544, 545, 548, 630, 632
 Трубецкой Н. С. 41, 487, 488, 632
 Трубецкой С. Н. 534, 467
 Тургенев И. С. 183
 Тынянов Ю. Н. 41, 488
 Тютчев Ф. И. 222, 614
- У**
 Уайльд О. 158
 Узенер Г. 303
 Ульянов И. Н. 514
 Ульянов Н. П. 490
 Умов Н. А. 541
 Унгер Р. 40, 485
 Унсет С. 644
 Усов Д. С. 150, 573
 Уссит К. 135, 562
 Устинов А. М. 112, 554
 Уэбб К. Ч. Дж. 305
 Уэллс Г. 653
- Ф**
 Фадеев А. А. 636
 Фальк Р. 573
 Фараджев К. В. 629
 Фатов Н. Н. 107, 547
 Федорова Л. В. 576,
 Фёдорова Н. П. 202, 605
 Фейербах Л. 233, 323
 Фет А. А. 188, 445, 449, 452, 453, 595
 Фехнер Г. Т. 234, 621
 Филдинг Г. 267, 641, 648, 653
 Филиппов В. А. 194, 600
 Философов Г. 48, 491
 Фихте И. Г. 80, 85, 87, 111, 224, 250, 253, 309, 342, 524, 526, 528, 529, 630, 632
 Флоренский П. А. 84-86, 88, 506, 528, 529, 555
 Фолькельт Й. 252, 542
 Форлендер К. 512,

- Фосслер К. 485, 487
 Фохт Б. А. 110, 525, 551
 Франк С. Л. 77, 92, 131, 464, 472, 522, 534
 Франклин Б. 270
 Франковский А. А. 67, 268, 269, 295, 505, 506, 641, 647, 648
 Франс А. 598
 Фридлянд Ц. 267
 Фриче В. М. 521, 619
 Фролова Т. В. 135, 136, 563
- Х**
 Халатов А. Б. 317
 Хаскелл Н. 33
 Хвостов М. М. 92
 Хладениус И. М. 473
 Хмелев Н. П. 209
 Ходасевич В. Ф. 490
 Холодный Н. Г. 509
- Ц**
 Цебриков В. М. 53, 493
 Цизарц Г. 40, 486
 Цявловский М. А. 19, 460
- Ч**
 Чаадаев П. Я. 76, 518, 519
 Челпанов Г. И. 17, 24, 35, 38, 69-73, 75, 106, 121, 220, 221, 227, 236, 455, 456, 464, 465, 479, 480, 500, 501, 504, 507-510, 512, 516, 520, 546, 547, 613, 630, 631
 Чельшева И. И. 585
 Чемберлен Х. С. 26, 469
 Чернышевский Н. Г. 112, 622
 Черняев Н. И. 95, 96, 537
 Ческис Л. А. 258, 263, 265, 266, 269, 270, 636
 Четвериков И. П. 24, 465, 466
 Чехов А. П. 9, 10, 48, 55, 207, 216, 279, 492, 523, 579, 596, 612
 Чижевский Д. И. 489
 Чубаров И. М. 495, 507, 524, 574, 575, 580
 Чуковский К. И. 433, 435, 470
 Чулицкий Н. Н. 128
 Чухновский Б. Г. 145, 568
 Чушкин Н. Н. 607
- Ш**
 Шабельская Е. А. 522
 Шанявский А. Л. 118, 513, 558, 629
 Шапир М. И. 572
 Шапиро Ф. М. 484
 Шапошников Б. В. 161, 186, 577, 593, 605, 606
 Шапошникова Н. К. 605
 Шатенштейн-Вейцман С. 75, 517
 Шаховской Ф. П. 518
 Шаховской Д. И. 76, 518, 519
 Шевырев С. П. 450
 Шейман Т. 478
 Шекспир В. 179, 259, 261, 264, 265, 267, 270, 544, 607, 637, 638, 639, 640, 641, 643
 Шелапутин П. Г. 456, 513
 Шелли П. Б. 410, 412, 641
 Шеллинг Ф. В. Й. 20, 174, 309, 473
 Шервинский С. В. 468
 Шершеневич В. Г. 451
 Шестов Л. И. 18, 35, 37-39, 48, 52, 98, 238-240, 458, 469, 479, 481, 484, 491, 540, 617, 623, 624, 625
 Шилкарский В. С. 24, 465, 466
 Шиманский А. К. 69, 70, 114, 508, 509, 510, 554
 Ширяев В. Н. 108, 548
 Шкловский В. Б. 488
 Шмидт В. В. 316
 Шмидт В. Ф. 594
 Шмит (Шмидт) Ф. И. 154, 186-188, 575, 593, 594
 Шнишлер А. 598
 Шопенгауэр А. 455, 509
 Шор Е. Д. 42, 488, 489
 Шор (псевд. Дешарт) О. А. 162, 580
 Шор Р. И. (Р. О.) 150, 162, 167, 177, 178, 181, 267, 412-414, 439, 442-444, 573, 580, 585, 592
 Шостакович Д. Д. 533
 Шоу Б. 607
 Шпет (урожд. Гучкова) Н. К. 29, 30, 66, 68, 161, 186, 202, 290, 292, 461, 462, 483, 511, 512, 540, 541, 598, 605, 606
 Шпет Л. Г. 475, 623
 Шпет С. Г. 647
 Шпигоцкий А. 445, 451
 Шпильман Н. Д. 98, 540
 Шпитцер Л. 41, 487
 Штадлер А. 24, 464, 465
 Штейнер Р. 86
 Шторх (урожд. Шпет) М. Г. 14, 457, 462, 481, 533, 535, 546, 555, 575, 605, 647,
 Штумпф К. 507
 Шульгин В. В. 508

Шуппе В. 85, 524, 529
Шушкина А. Г. 14

Щ

Щеглов В. Г. 117, 557
Щедрина И. О. 14
Щедрина Т. Г. 7, 455, 457, 458, 489,
498, 501, 502, 504, 507, 531, 535, 539,
544, 558, 565, 575, 576, 579, 580, 582,
593, 611, 616, 638, 645, 647, 648, 649,
655

Щепкина-Куперник Т. Л. 522, 523

Шербаков И. Д. 316-318

Шукин С. И. 70, 73, 511, 514

Щусев А. В. 605, 606

Э

Эверлинг С. Н. 552

Эйлер Л. 618

Эйнштейн А. 465, 526

Эйслер Р. 512

Эйхенбаум Б. М. 150, 488

Экземплярский Вл. М. 66, 67, 504,
505, 621

Еленшлегер А. Г. 333

Эльсберг Я. Е. 260, 264, 265, 268, 269,
295, 636, 648, 655, 656

Эльстер К. М. 334

Эмпедокл 25, 467

Энгельс Ф. 308, 317, 323, 473, 544, 617

Эндом Р. 645

Эрберг (Сюннерберг) К. А. 142, 337,
566, 567, 651

Эрдман К. О. 592

Эригена 235

Эрн В. Ф. 85, 480

Эттингер П. Д. 296, 648

Эфрос А. М. 19, 20, 267, 331-333, 413,
460

Ю

Юм Д. 45, 309, 456, 490, 510, 513, 612

Юркевич П. Д. 26, 222, 469, 613, 614

Я

Яворская Л. Б. 77, 78, 522, 523

Якобсен Е. П. 333

Якобсон П. М. 194, 600

Якобсон Р. О. 41, 486, 487

Яковенко Б. В. 78, 79, 80, 82, 84, 86,
88, 515, 523, 524, 525, 526, 527, 528,
529

Яковлев А. И. 73, 514

Яковлева В. Я. 160, 161

Яновицкая Я. Ю. 29, 475

Янцен В. В. 489, 559

Яроцкая Б. В. 261, 639

Ярхо Б. И. 107, 331, 412-414, 547

Содержание

Татьяна Щедрина. Эпистолярное наследие Густава Шпета как «архив эпохи»	7
---	---

Раздел I. Друзья и коллеги

Айхенвальд Ю. — Шпету Г.	17
Белый А. и Шпет Г.	18
Белый — Шпету	18
Белый — Шпету	19
Белый — Шпету	19
Шпет — Белому.....	20
Белый — Шпету	21
Бердяев С. — Шпету Г.	21
Бердяева Е. — Шпету Г.	23
Блонский П. — Шпету Г.	24
Горнунг Л. — Шпету Г.	25
Дахнович А. — Шпету Г.	26
Зелинский К. — Шпету Г.	27
Кистяковский Б. — Шпету Г.	28
Коонен А., Таиров А. — Шпету Г.	29
Coolidge A. C. — Шпету Г.	31
Кулидж А. — Шпету Г.	33
Лазарев А. — Шпету Г.	34
Лурье С. — Шпету Г.	39
Мазе С. — Шпету Г.	40
Михалчев Д. — Шпету Г.	44
Муратов П. — Шпету Г.	46
Нечипорович Н. — Шпету Г.	48
Панебратцев Ю. — Шпету Г.	55
Райнов Т. и Шпет Г.	57
Райнов — Шпету.....	57
Райнов — Шпету.....	58
Райнов — Шпету.....	59
Шпет — Райнову.....	61
Сакулин П. и Шпет Г.	63
Шпет — Сакулину.....	63
Сакулин — Шпету.....	64
Шпет — Сакулину.....	64
Самсонова И. — Шпету Г.	66

Смит Дж. М. — Шпету Г.	68
Челпанов Г. — Шпету Г.	69
Шатенштейн-Вейцман С. — Шпету Г.	75
Шаховской Д. — Шпету Г.	76
Шпет Г. — Боровому А.	76
Яворская Л. — Шпету Г.	77
Яковенко Б. — Шпету Г.	78

Отзывы о книгах

Жирмунский В. — Шпету Г.	88
Заболотный В. — Шпету Г.	89
Заславский Д. — Шпету Г.	90
Кулжинский Я. — Шпету Г.	91
Леман-Абрикосов Г. — Шпету Г.	92
Лужин Н. — Шпету Г.	92
Ольденбург С. — Шпету Г.	94
Соколов П. — Шпету Г.	95
Черняев Н. — Шпету Г.	95

Отдельные записки

Аксельрод Л. — Шпету Г.	96
Барков А. — Шпету Г.	96
Бебутов В. — Шпету Г.	97
Борткевич В. — Шпету Г.	97
Булгаков С. — Шпету Г.	97
Зайцева Е. — Шпету Г.	98
Зеньковский В. — Шпету Г.	98
Коган Н. — Шпету Г.	98
Криличевская А. — Шпету Г.	99
Московское общество изучения и распространения физических наук — Шпету Г.	99
Нуцубидзе Ш. — Шпету Г.	100
Общество любителей российской словесности — Шпету Г.	100
Петников Г. — Шпету Г.	100
Соловьева Н. — Шпету Г.	101
Струве П. — Шпету Г.	101
Трубецкой Е. — Шпету Г.	102
Шпет Г. — Лидину В.	102

Раздел II. Преподавательский круг

Ахов В. — Шпету Г.	105
Бережков Ф. — Шпету Г.	106
Григорьев М. — Шпету Г.	107
Демидовский Юридический лицей — Шпету Г.	108
Ивановский В. — Шпету Г.	109

Инструкторские курсы партии революционного коммунизма — Шпету Г.	111
Киевские Женские курсы — Шпету Г.	113
Коновалов Д. — Шпету Г.	114
Лосев А. — Шпету Г.	114
Полянский Н. — Шпету Г.	116
Правление Московского Городского Народного Университета им. А. Л. Шаняевского — Шпету Г.	118
Председатель ГУСа — Шпету Г.	118
Ректор Гельсингфорсского университета — Шпету Г.	119
Рождественский А. — Шпету Г.	120
Шпет Г. — Инспектору Елизаветинского института	121
Шпет Г. — Руководству Московских Высших женских курсов	121

Письма учеников

Гайдарова Г. — Шпету Г.	123
Гимназистки и слушательницы — Шпету Г.	124
Гимназистки Киево-Подольской гимназии — Шпету	125
Гимназистки Алферовской гимназии — Шпету	126
Слушательница <МВЖК> — Шпету	126
Воспитанницы Елизаветинского педагогического института — Шпету	126
Коньшева-Татаричева Н. — Шпету Г.	130
Мирзаянидзе Е. — Шпету Г.	131
Степанова-Ловейко — Шпету Г.	132
Уссит К. — Шпету Г.	135
Фролова Т. — Шпету Г.	135

Раздел III. ГАХН

Быков А. — Шпету Г.	139
Быков А. — Загорскому М.	142
Горнунг Б. — Шпету Г.	147
Гроссман Л. — Шпету Г.	153
Коган П. — Шпету Г.	156
Соловьева А. и Шпет Г.	162
Соловьева — Шпету	162
Заметки к возможному различению проблем эстетики и философии искусства в построениях Гегеля.....	168
Тезисы к докладу: «О взаимоотношении экспрессии разговорно-прагматического и литературно-художественного языка.....	175
Шпет — Соловьевой	185
Шапошников Б. — Шпету Г.	186
Шмит Ф. — Шпету Г.	186
Шпет Г. — Бонч-Бруевичу В.	188
Шпет Г. — Кондратьеву А.	188

Шпет Г. — Перцову П.	190
---------------------------	-----

Раздел IV. МХАТ

Бернштейн С. — Шпету Г.	193
Гуревич Л., Шпет Г., Шпет Н.	193
Гуревич Л. — Шпету Г.	193
Шпет Г. — Гуревич Л.	198
Шпет Н. — Гуревич Л.	202
Москвин И. — Шпету Г.	202
Платон И. — Шпету Г.	203
Станиславский К. и Шпет Г.	204
Станиславский К. — Правительству (составлено Шпетом Г.)	204
Шпет — Станиславскому	213
Станиславский — Шпету	214
Шпет Г. — Книппер-Чеховой О.	216

Раздел V. Издательский круг

Виноградов Н. — Шпету Г.	219
«Вопросы философии и психологии» (редакция журнала) — Шпету Г.	221
«Гермес» (редакция журнала) — Шпету Г.	222
Долгов А. — Шпету Г.	223
Койген Д. — Шпету Г.	223
Лурье Л. — Шпету Г.	225
Немецкое издательство — Шпету Г.	225
Просяниченко В. — Шпету Г.	226
Синебрюхов С. — Шпету Г.	227
Технико-Теоретическое издательство (ГТТИ) и Шпет Г.	228
ГТТИ — Шпету Г.	228
Шпет Г. — ГТТИ	230
«Труд С. Скимунта» (книжный магазин) — Шпету Г.	231
Шпет Г. — Мстиславскому С.	231
Шпет Г. — Редактору «Литературной газеты» Канатчикову С.	232

«Мысль и Слово» и «Психологическое обозрение»

Алексеев С. — Шпету Г.	234
Кравков С. — Шпету Г.	235
Крогиус А. — Шпету Г.	235
Лундберг Е. — Шпету Г.	237
Миртов Д. — Шпету Г.	241
Попов П. — Шпету Г.	248
Рубинштейн М. — Шпету Г.	249
Самсонов Н. — Шпету Г.	249
Серебренников В. — Шпету Г.	253
Сотонин К. — Шпету Г.	254

«Хрестоматия по Истории психологии»

Шпет Г. — Маковельскому А.	256
Маковельский А. — Шпету Г.	256
Рачинский И. — Шпету Г.	257
Книгоиздательство М. и С. Сабашниковых — Шпету Г.	257
Савин А. — Шпету Г.	258

«Academia»

«Academia» (издательство) — Шпету Г.	258
Шпет Г. — в издательство «Academia»	267
Авилов Б. — Шпету Г.	270
Айхенвальд Б. — Шпету Г.	270
Бирукова Е. — Шпету Г.	271
Богословская М. — Шпету Г.	271
ГИХЛ — Шпету Г.	272
Дьяконов М. — в издательство Academia	277
Ивашева В. — Каменеву Л.	279
Ланн Е., Кривцова А., Шпет Г.	280
Шпет Г. — Ланну Е.	280
Ланн Е., Кривцова А. — Шпету Г.	286
Ланн Е., Кривцова А. — в ГИХЛ.	288
Ланн Е., Кривцова А., Шпет Г. — Каменеву Л.	289
Поляков С. — Шпету Г.	290
Соцэргиз — Шпету Г.	292
Сочнев Н. — Каменеву Л.	292
Франковский А. — в «Academia»	295
Шпет Г. — Эльсбергу Я.	295
Эттингер П. — Шпету Г.	296

Раздел VI. Документы к письмам: доклады, стихи, протоколы, отзывы

<i>Шпет Г. Г.</i> Рецензия на книгу: С. С. Антонов. «Сны». Киев, 1900.	299
<i>Шпет Г. Г.</i> <Заметки о Проекте Устава Факультета Общественных Наук>	301
<i>Ивановский В. Н.</i> Доклад действительного члена Института научной философии при Факультете Общественных Наук Московского Университета	304
<i>Горнунг Л. В.</i> Стихи	312
<i>Горнунг Б. В.</i> Густаву Шпету	315
Протокол № 1 заседания Художественного совета МХАТ с обсуждением пьесы Леонова Л. М. Унтиловск	316
По поводу одного примечания	321
<i>Беспалов И.</i> Письмо в редакцию «Литературной газеты»	321
<i>Канатчиков С.</i> Ответ т. Беспалову	322
Протокол № Редсовета Издательства «Academia»	331
<i>Шпет Г. Г.</i> Отзыв на роман К. Гамсуна «Август»	335

<i>Шнем Г. Г.</i> Отрывок отзыва на перевод пьесы Ст. Выспянского «Свадьба», сделанный К. Эрбергом	337
<i>Шнем Г. Г.</i> Отзыв на перевод отрывка из поэмы «Мария» Мальчевского, сделанный Я. О. Зунделовичем	338
<i>Шнем Г. Г.</i> Отзыв на перевод «Пана Тадеуша» А. Мицкевича, сделанный С. Городецким (Кн. II–VII)	342
<i>Шнем Г. Г.</i> Собрание сочинений Ч. Диккенса (проект)	355
<i>Шнем Г. Г.</i> Диккенсовская энциклопедия (проект)	357
<i>Шнем Г. Г.</i> Отзыв на перевод стихотворения Дж. Китса «Осень», сделанный Н. Вольпин	360
<i>Шнем Г. Г.</i> Отзыв на перевод поэмы «Мария» А. Мальчевского, сделанный Ф. Самоненко	361
<i>Мильчевский А.</i> Мария. Пер. Ф. Самоненко	362
<i>Шнем Г. Г.</i> Отзыв на перевод «Пана Тадеуша» А. Мицкевича, сделанный Н. Сочневым	367
<i>Бернштейн С. И.</i> Проблематика исследовательской работы в области художественной речи (Проект для Академии МХАТ)	368
<i>Бернштейн С. И.</i> План Оборудования кабинета изучения художественной речи (Для Академии МХАТ)	374
Сонеты А. Мицкевича (в переводе С. А. Полякова)	379
<i>Шнем Г. Г.</i> Отзыв на переводы стихотворений Г. Гейне, сделанные Ефременковым	405
<i>Китс Дж.</i> Стихотворения, в переводе Б. Лейтина	406
Китс (1795–1821)	407
План издания сочинений Джона Китса на русском языке	409
Протокол Редсовета издательства «Academia» № 1 По Мифологическому Словарю	412
<i>Шнем Г. Г.</i> Отзыв на перевод «Писем Ч. Диккенса», сделанный Б. В. Авиловым	419
Стенограмма собрания переводчиков Бюро переводной литературы при оргкомитете I съезда советских писателей	430
< <i>Вермель Ф. М.</i> > Обзор переводов лирики и поэм Мицкевича на русский язык	445
Комментарии. <i>Т. Г. Щедрина</i>	454
Перевод иноязычных выражений	657
Указатель имен. <i>Составитель Т. Г. Щедрина</i>	659

Научное издание
Российские Пропилеи

**Густав Шпет: Философ в культуре
Документы и письма**

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Корректор *И. Н. Голубева*
Компьютерная верстка *Ю. В. Балабанов*

Лицензия ЛР № 066009 от 22.07.98. Подписано в печать 06.12.2012
Гарнитура Newton. Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 42,25.
Тираж 1500 экз. Заказ

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Роши, д. 40, стр. 1
Тел./Факс 8(499) 685-15-75 (доб. 116 — отдел реализации)